ЗАКОН и ВЛАСТЬ

№6
2026

Учредитель: **ООО «Русайнс»**

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN **2587-831X**
Подписной индекс Роспечати **65001**

Адрес редакции:
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: http://zakonivlast.ru/

Журнал входит в ***Перечень ВАК*** *ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий, Саратовская государственная юридическая академия

Главный редактор:
Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии
ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 30.06.2026 *Цена свободная* *Тираж* 300 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Содержание

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая инструментализация исторической памяти: практика ревизии истории Великой Отечественной войны в современных международных отношениях. Кочетов Д.С., Досаев Т.Х., Досаев Э.Х. 6

Последний император: между прошлым и будущим. Ткаченко И.С., Поличка М.М. 10

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Влияние технологий «deepfake» на оценку доказательств: кризис доверия. Хубиева М.М. 15

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

Роль Армянской Апостольской Церкви в формировании национальной идентичности и политической повестки. Агаджанян А.А. 23

Прогностическое мышление в фокусе общественных наук: современные тренды и динамика концептуальных подходов. Высокинский Л.А. 27

Миграционный фактор как катализатор трансформации партийной системы Италии в 2010–2025 годах. Школина А.О. 35

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Ответные меры России на энергетические санкции ЕС и их эффективность: опыт 2014-2024 годов. Тань Чжао 41

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Причины возникновения тоталитарных политических режимов. Бесаева А.Б. 46

Соотношение принципов законности и целесообразности в правоприменительной деятельности органов публичной власти. Васильева Н.В. 50

Особенности исполнения войсками национальной гвардии задач в сфере обеспечения общественной безопасности. Гусаим И.В., Шеншин В.М. 54

Эволюция права оперативного управления в советский и ранний постсоветский период: становление имущественной самостоятельности государственных организаций. Иванов А.В. 59

Конституционные аспекты цифровой трансформации в управлении делами государства. Кузнецов А.А. 64

Ограничения дееспособности граждан в советском праве: идеологический контекст и рецепция в современном законодательстве. Мошкова А.Д., Заворохина Н.С., Оськина А.А. 68

Направления совершенствования практики прокурорского надзора за исполнением законодательства при приёме в гражданство Российской Федерации. Постнова М.В. 72

Конституционные права человека в условиях цифровой трансформации общества: новые вызовы и гарантии. Саркисян А.Г. 76

Теоретические основы разграничения конституционной и уголовно-правовой охраны государственного суверенитета. Сипок Р.П. 80

Современное право при цифровизации религиозной сферы: вызовы, коллизии и перспективы регулирования. Тарасова Д.М. 86

Жилищное право советского государства довоенного периода: политико-идеологические основы и развитие. Упоров И.В. 90

Сравнительный анализ конституционно-правовых гарантий социально-экономических прав в России и других странах. Уразаева М.Ю. 95

Государственный контроль (надзор) и реагирование на обращения граждан в Российской Федерации. Правовые коллизии. Чигвинцев А.Ю. 99

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Влияние международно-правовых норм на правовое регулирование цифровых объектов в Российской Федерации (унификация, коллизионные нормы, трансграничная защита цифровых активов). Алиева С.А. 103

Административно-правовое регулирование импортозамещения в сфере информационных технологий. Асатуров Э.Р., Новиков А.Р., Глущенко Д.В. 106

О некоторых тенденциях совершенствования законодательства в сфере правового обеспечения охраны и защиты прав субъектов экономической деятельности в условиях цифровой трансформации в Российской Федерации. Васиян Р.И. 111

Наследственные права детей, рожденных в результате постмортальной репродукции: проблемы и перспективы правового регулирования. Грызлова А.А. 115

Поддержание семейных связей между родителями и совершеннолетними детьми: нравственная или юридическая обязанность? Грызлова А.А. 119

Юридическая фикция «места получения дохода». Трансформация налогового президентства и НДФЛ в эпоху удалённого труда. Джабраилов Д.К. 122

Риск-ориентированный подход как средство защиты прав предпринимателей при осуществлении государственного контроля и надзора. Ермаков А.П. 126

Административно-правовые основы применения искусственного интеллекта в экологическом мониторинге. Иванова С.В., Рыбак С.В. 132

Административно-правовой статус субъектов противодействия коррупции: актуальные проблемы теории и правового регулирования. Иким Л.С. 135

Актуальные вопросы социального обеспечения работников железнодорожного транспорта, регламентированные коллективным договором (правовое регулирование и практика применения социальных гарантий). Коновалов Г.В. 140

Вопросы обеспечения кибербезопасности в сфере предпринимательской деятельности. Короткова О.В. 144

Квалификация газопроводов в качестве объектов недвижимости: анализ нормативного регулирования и судебной практики. Костерина Э.В. 147

Частное определение суда по административным делам. Семикина С.А., Кружалова А.В. 152

Общее имущество многоквартирного дома проблемы теории и практики. Мерзляков Г.О. 156

Исходные положения устойчивого развития муниципального образования как социально-экономической системы и практика их реализации. Морозков В.А. 160

Осуществление и защита цифровых прав в системе гражданско-правовых средств защиты законных интересов. Никольский Н.В. 168
Цифровые активы как экономический объект наследования в гражданском праве Китайской Народной Республики и Российской Федерации. Пронина М.А., Курков С.Д. 172
Платформенные модели заключения договоров (агрегаторы, маркетплейсы) как элемент правовых систем России и Китая. Пронина М.А., Носов Г.В. 176
Проблемы определения периода подозрительности сделок, совершённых в ущерб имущественным правам кредиторов. Салеев Э.Р. 179
Предоставление земельных участков без проведения торгов: гражданско-правовая квалификация зданий и сооружений. Самохина Н.А., Лужина А.Н. 185
Ретроактивность в условных сделках и обязательствах. Самсонов Е.Д. 189
Гражданско-правовая ответственность сотрудников за утечку информации при разработке и эксплуатации программного обеспечения: компенсаторная функция и соотношение с публично-правовыми санкциями. Ткаченко А.С. 194
Правовой статус публично-правовых образований в системе субъектов гражданского права. Федоренко К.А. 197
К вопросу о возникновении права собственности при реновации жилищного фонда. Ибрагимов Х.Ш. 201
Финансовый контроль как элемент управления корпоративными финансами: экономический и правовой аспекты. Хайбрахманов А.Д. 204
Использование эмодзи в деловой переписке сторон. Черных В.С., Хачатурова А.А. 209

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Влияние санкций на признание и приведение в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: сравнительно-правовой анализ. Звечаровская Е.И. 212
Соотношение «эффективной юрисдикции» и расчета государственной пошлины при экзекватуре арбитражных решений в РФ. Левичев А.С. 217
Разграничение уголовно-правового и гражданско-правового регулирования имущественных отношений: постановка проблемы. Леонов М.Р. 222
Муниципальный фильтр правотворческих инициатив: правоприменительная практика. Пономаренко А.В. . 226
Анализ нормативных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации при оценке смягчающих наказание обстоятельств. Пчелкин Е.В. 229

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Процессуальные и тактические проблемы производства следственных действий на атомных объектах. Черных В.С., Хачатурова А.А., Гончар П.А., Воткин В.А. 234
Систематика способов защиты нарушенных прав покупателя по конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. Гончар П.А., Макаров Е.Д., Леонов М.Р. 238
Международные соглашения, не имеющие юридической силы: постановка вопроса в контексте толкования и применения. Изотова Г.С. 242
Гражданство США в контексте XIV поправки к Конституции. Косихина С.С. 245
Сравнение правовой природы института «заверений об обстоятельствах» по праву России и институтов «заверений» и «Гарантий» ("Representations" и "Warranties") по праву США (на примере штата Делавэр). Фаркова В.О. 249
Современный этап межпартийного сотрудничества Коммунистической партии Китая и Коммунистической партии Вьетнама. Цвилёва А.В. 254

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Особенности получения доказательств по уголовным делам на территории иностранных государств посредством видео-конференц-связи. Афанасьева Е.Ю. 260
Проблемы определения субъекта преступлений в сфере закупок для государственных, муниципальных и государственно-корпоративных нужд. Богатырев В.И. 266
Криминологические особенности преступности мигрантов и её предупреждение. Волох В.В. 271
Системный подход к развитию методологии судебной налоговой экспертизы в условиях цифровизации. Емельяненко А.В. 276
Проблемы учета признаков субъективной стороны при квалификации преступлений против военной службы, совершенных в период мобилизации. Орлов И.И. ... 281
Проблематика признака вины и иных признаков субъективной стороны для составов преступлений, предусмотренных положениями статей 174 и 1741 Уголовного кодекса Российской Федерации. Савин Д.И. 285

НОВЕЛЛЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Конституционно-правовой статус российского правительства после реформы 2020 года: опыт сравнительно-правовой реконструкции. Колосков С.В., Анкваб А.А. 290

CONTENTS

THEORY AND PHILOSOPHY OF POLITICS, HISTORY AND METHODOLOGY OF POLITICAL SCIENCE
Political Instrumentalization of Historical Memory: The Practice of Revising the History of the Great Patriotic War in Contemporary International Relations. Kochetov D.S., Dosayev T.Kh., Dosayev E.Kh. 6
The Last Emperor: Between the Past and the Future. Tkachenko I.S., Polichka M.M. 10

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, AND TECHNOLOGIES
The Impact of "Deepfake" Technologies on Evidence Evaluation: A Crisis of Trust. Khubieva M.M. 15

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGIES
The Role of the Armenian Apostolic Church in Shaping National Identity and the Political Agenda. Aghajanyan A.A. 23
Predictive Thinking in Focus in Social Sciences: Current Trends and Dynamics of Conceptual Approaches. L.A. Vysokinsky. ..27
The Migration Factor as a Catalyst for the Transformation of the Italian Party System in 2010–2025. A.O. Shkolina. 35

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT
Russia's Response to EU Energy Sanctions and Their Effectiveness: Experience from 2014–2024. Tan Zhao. 41

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY
Causes of the Emergence of Totalitarian Political Regimes. A.B. Besayeva. 46
The Relationship between the Principles of Legality and Expediency in Law Enforcement Activities of Public Authorities. N.V. Vasilyeva. 50
Characteristics of the Performance of Public Security Tasks by National Guard Troops. Gusaim I.V., Shenshin V.M. 54
The Evolution of Operational Management Law in the Soviet and Early Post-Soviet Periods: The Establishment of the Property Autonomy of State Organizations. Ivanov A.V. 59
Constitutional Aspects of Digital Transformation in State Administration. Kuznetsov A.A. 64
Restrictions on Citizens' Legal Capacity in Soviet Law: Ideological Context and Reception in Modern Legislation. Moshkova A.D., Zavorokhina N.S., Oskina A.A. 68
Directions for Improving the Practice of Prosecutor's Supervision of Legislation Compliance in the Admission of Citizenship of the Russian Federation. Postnova M.V. 72
Constitutional Human Rights in the Context of the Digital Transformation of Society: New Challenges and Guarantees. Sargsyan A.G. 76
Theoretical Foundations of Distinction between Constitutional and Criminal Law Protection of State Sovereignty. R.P. Sipok. 80
Modern Law in the Digitalization of Religion: Challenges, Conflicts, and Prospects for Regulation. D.M. Tarasova. 86
Housing Law of the Pre-War Soviet State: Political and Ideological Foundations and Development. I.V. Uporov. 90
Comparative Analysis of Constitutional and Legal Guarantees of Socioeconomic Rights in Russia and Other Countries. M.Yu. Urazaeva. 95
State Control (Supervision) and Response to Citizen Appeals in the Russian Federation. Legal Conflicts. A.Yu. Chigvintsev. 99

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES
The Impact of International Legal Norms on the Legal Regulation of Digital Objects in the Russian Federation (Unification, Conflict of Laws, Cross-Border Protection of Digital Assets). Alieva S.A. 103
Administrative and Legal Regulation of Import Substitution in Information Technology. Asaturov E.R., Novikov A.R., Glushchenko D.V. 106
On Certain Trends in Improving Legislation in the Sphere of Legal Support for the Protection and Defense of the Rights of Economic Entities in the Context of Digital Transformation in the Russian Federation. Vasyan R.I. 111
Inheritance Rights of Children Born as a Result of Postmortem Reproduction: Problems and Prospects of Legal Regulation. Gryzlova A.A. 115
Maintaining family ties between parents and adult children: a moral or legal obligation? Gryzlova A.A. 119
The Legal Fiction of "Place of Income Generation." Transformation of the Tax Presidency and Personal Income Tax in the Era of Remote Work. D.K. Dzhabrailov 122
A Risk-Based Approach as a Means of Protecting Entrepreneurs' Rights in the Implementation of State Control and Supervision. A.P. Ermakov 126
Administrative and Legal Framework for the Application of Artificial Intelligence in Environmental Monitoring. S.V. Ivanova, S.V. Rybak 132
Administrative and Legal Status of Anti-Corruption Entities: Current Theoretical and Legal Issues. L.S. Ikim 135
Current Issues of Social Security for Railway Workers Regulated by Collective Agreements (Legal Regulation and Practice of Applying Social Guarantees). G.V. Konovalov 140
Cybersecurity Issues in Entrepreneurship. O.V. Korotkova ... 144
Qualification of Gas Pipelines as Real Estate: Analysis of Regulatory Framework and Judicial Practice. E.V. Kosterina 147
Private ruling of the court on administrative cases. Semikina S.A., Kruzhalova A.V. 152
Common property of an apartment building: problems of theory and practice. Merzlyakov G.O. 156
Initial provisions for the sustainable development of a municipality as a socio-economic system and the practice of their implementation. Morozkov V.A. 160
Implementation and protection of digital rights in the system of civil law means of protecting legitimate interests. Nikolsky N.V. 168
Digital assets Inheritance as an Economic Object in the Civil Law of the People's Republic of China and the Russian Federation. Pronina, M.A., Kurkov, S.D. 172
Platform Models for Concluding Contracts (Aggregators, Marketplaces) as an Element of the Legal Systems of Russia and China. Pronina, M.A., Nosov, G.V. 176
Problems of Determining the Suspicious Period of Transactions Concluded to the Detriment of Creditors' Property Rights. Saleev, E.R. 179
Granting Land Plots Without Bidding: Civil Law Qualification of Buildings and Structures. Samokhina, N.A., Luzhina, A.N. 185
Retroactivity in Conditional Transactions and Obligations. Samsonov, E.D. 189
Civil Liability of Employees for Information Leakage during Software Development and Operation: Compensatory Function and Relationship with Public Law Sanctions. Tkachenko, A.S. 194
The Legal Status of Public-Law Entities in the System of Civil Law Entities. Fedorenko K.A. 197
On the Emergence of Ownership Rights during Housing Renovation. Ibragimov Kh.Sh. 201

Financial Control as an Element of Corporate Finance Management: Economic and Legal Aspects. Khaibrakhmanov A.D. 204
Use of Emojis in Business Correspondence. Chernykh V.S., Khachaturova A.A. 209

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

The Impact of Sanctions on the Recognition and Enforcement of Foreign Court and Arbitral Awards: A Comparative Legal Analysis. Zvecharovskaya E.I. 212
The Correlation between "Effective Jurisdiction" and the Calculation of State Duty in the Exequatur of Arbitral Awards in the Russian Federation. Levichev A.S. 217
Distinction between Criminal and Civil Law Regulation of Property Relations: Problem Statement. Leonov, M.R. 222
Municipal Filter for Legislative Initiatives: Law Enforcement Practice. Ponomarenko, A.V. 226
Analysis of Regulatory Clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in Assessing Mitigating Circumstances. Pchelkin, E.V. 229

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Procedural and Tactical Issues in Investigative Actions at Nuclear Facilities. Chernykh, V.S., Khachaturova, A.A., Gonchar, P.A., Votkin, V.A. 234
Systematics of Methods for Protecting Violated Buyer Rights under the 1980 UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods. Gonchar, P.A., Makarov, E.D., Leonov, M.R. 238
International Agreements Without Legal Effect: Posing the Issue in the Context of Interpretation and Application. G.S. Izotova 242
US Citizenship in the Context of the Fourteenth Amendment to the Constitution. S.S. Kosikhina 245
Comparison of the Legal Nature of the Institution of "Representations of Circumstances" under Russian Law and the Institutions of "Representations" and "Warranties" under US Law (using the State of Delaware as an Example). V.O. Farkova 249
The Current Stage of Interparty Cooperation between the Communist Party of China and the Communist Party of Vietnam. A.V. Tsvileva 254

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

Specifics of Obtaining Evidence in Criminal Cases in Foreign States via Videoconferencing. E.Yu. Afanasyeva 260
Problems of Determining the Subject of Crimes in the Sphere of Procurement for State, Municipal, and State-Corporate Needs. V.I. Bogatyrev 266
Criminological Features of Migrant Crime and Its Prevention. V.V. Volokh 271
A Systems Approach to Developing the Methodology of Forensic Tax Expertise in the Context of Digitalization. A.V. Emelyanenko 276
Problems of Taking into Account the Indicia of the Subjective Side in the Classification of Crimes Against Military Service Committed during Mobilization. I.I. Orlov 281
Problems of the Indicia of Guilt and Other Indicia of the Subjective Side for the Compositions of Crimes Provided for by the Provisions of Articles 174 and 1741 of the Criminal Code of the Russian Federation. D.I. Savin 285

LAW AND LAW ENFORCEMENT INNOVATIONS

The Constitutional and Legal Status of the Russian Government after the 2020 Reform: A Comparative Legal Reconstruction. S.V. Koloskov, A.A. Ankvab, ... 290

Политическая инструментализация исторической памяти: практика ревизии истории Великой Отечественной войны в современных международных отношениях

Кочетов Даниил Сергеевич
магистр, экономический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
daniilkochetov@yandex.ru,

Досаев Тимур Ханович
магистр, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
conoharendan@mail.ru,

Досаев Эмиль Ханович
магистр, экономический факультет, Государственный университет просвещения, teo.done@bk.ru

Статья посвящена анализу того, каким образом историческая память о Великой Отечественной войне превращается в инструмент политического действия на международной арене. Предметом исследования служат механизмы инструментализации прошлого, посредством которых государства и негосударственные акторы конструируют, оспаривают и переоформляют образы войны 1939–1945 годов в собственных стратегических целях. Опираясь на теорию коллективной и культурной памяти, а также на труды российских исследователей исторической политики, автор показывает, что современные мемориальные конфликты вокруг итогов войны представляют собой не спор о фактах, а столкновение ценностно нагруженных нарративов, каждый из которых наделён внешнеполитической функцией. Прослеживаются основные технологии превращения прошлого в ресурс международного влияния, от принятия мемориальных законов и сноса монументов до коммеморативной дипломатии и символических резолюций. Обосновывается вывод о реципрокном характере инструментализации, при котором противоборствующие стороны взаимно квалифицируют чужую интерпретацию прошлого как ревизию и фальсификацию, удерживая память о войне в режиме перманентного противостояния.

Ключевые слова: историческая память, политика памяти, инструментализация прошлого, Великая Отечественная война, мемориальные войны, историческая политика, международные отношения, ревизия истории.

Введение

Память о Второй мировой и Великой Отечественной войне сохраняет статус центрального символического ресурса современной мировой политики спустя восемь десятилетий после окончания боевых действий. Закрепление в коллективном сознании народов представлений о виновниках, жертвах и победителях войны 1939–1945 годов продолжает определять конфигурацию идентичностей, легитимность государственных институтов и характер межгосударственных отношений на пространстве Европы и Евразии. Победа над нацизмом, послевоенное переустройство континента, прочерченные границы и закреплённые в Нюрнберге правовые оценки образуют тот нормативный фундамент, обращение к которому до сих пор служит способом обоснования или оспаривания актуальных политических притязаний [1].

Превращение прошлого в инструмент политики опирается на природу самой коллективной памяти, которая, согласно классической традиции исследований, формируется социальными рамками и потому всегда открыта для переинтерпретации [2]. Память о войне не воспроизводит событие, а заново собирает образ минувшего сообразно потребностям настоящего, что делает названный образ предметом целенаправленного конструирования со стороны властвующих элит [3]. Подвижность и сконструированность образов прошлого открывают возможность для практик, обозначаемых в литературе понятиями политики памяти, исторической политики и символической политики государства [4].

Научная проблема настоящего текста сводится к вопросу о том, почему память о завершившейся войне не уходит в ведение профессиональных историков, а раз за разом возвращается в поле большой политики, превращаясь в орудие межгосударственного противоборства. Объектом исследования выступает историческая память о Великой Отечественной войне как феномен современных международных отношений, а предметом служат механизмы политической инструментализации названной памяти в межгосударственном взаимодействии. Цель работы состоит в выявлении логики и технологий превращения памяти о войне в ресурс внешнеполитического влияния.

Сложившаяся исследовательская дискуссия обнаруживает заметную поляризацию подходов. Часть российских авторов трактует переоценку итогов войны преимущественно как направленную против России внешнюю кампанию, нацеленную на пересмотр геополитических результатов 1945 года [5]. Другая группа исследователей, разрабатывающая инструментарий memory studies, настаивает на том, что мемориальные войны ведутся многими акторами одновременно, а ярлык фальсификации сам становится ходом в символической борьбе [6; 7]. Авторская позиция исходит из второго подхода и состоит в признании реципрокного, обоюдного характера инструментализации, при котором ни одна из сторон конфликта памяти не обладает монополией на политическое использование прошлого.

Историческая память как предмет политического конструирования

Теоретический фундамент исследований памяти заложен французской социологической традицией, в рамках которой Морис Хальбвакс обосновал понятие коллективной памяти как особой формы присутствия прошлого, удерживаемой социальными группами через язык, представления о пространстве и времени, ритуалы и институты [2]. Согласно названной концепции, индивидуальное припоминание всегда вписано в надличностные социальные рамки, а само прошлое существует не как объективная данность, а как реконструкция, производимая обществом сообразно актуальным потребностям. Развитие хальбваксовских идей привело к формированию самостоятельного научного направления, в котором немецкий египтолог Ян Ассман разграничил коммуникативную память живущих поколений и культурную память, закреплённую в текстах, монументах и коммеморативных практиках и способную транслироваться через столетия [8].

Концепция мест памяти, предложенная французской историографией, дополнила теоретическую рамку представлением о материальных и символических точках, вокруг которых кристаллизуется коллективная идентичность сообщества. Память о войне принадлежит к числу наиболее мощных мест подобного рода, поскольку соединяет переживание исторической травмы, опыт жертвенности и притязание на моральное превосходство победителя. Закрепление определённой трактовки войны в учебниках, памятниках, государственных праздниках и кинематографе превращает прошлое в ресурс, доступный для политической мобилизации [8].

Переход от теоретического осмысления памяти к её политическому измерению фиксируется понятием исторической политики, утвердившимся в восточноевропейском интеллектуальном пространстве по образцу немецкого Geschichtspolitik и польского polityka historyczna. Российские исследователи обозначили названным термином целенаправленную деятельность государства и заинтересованных групп по навязыванию обществу определённой версии прошлого, нередко подкреплённую институтами национальной памяти, запретительными мемориальными законами и люстрационными процедурами [4]. О. Ю. Малинова показала, что обращение политиков к прошлому преследует вполне прагматические цели, среди которых легитимация притязаний на власть, оправдание принимаемых решений и мобилизация электората, а символическая политика властвующей элиты выстраивает официальный исторический нарратив через нормативные акты и публичные выступления [3].

Принципиально важным для дальнейшего анализа выступает признание того обстоятельства, что субъектом исторической политики является не только государство. А. Ю. Бубнов убедительно продемонстрировал, что в борьбе за доминирующую интерпретацию прошлого участвует широкий круг акторов, обладающих символическим капиталом, от журналистов и публичных интеллектуалов до представителей творческих профессий, а коллективная память выступает результатом конкуренции разнонаправленных версий минувшего [4]. Подобное расширение круга участников превращает память о войне в подвижное поле, где официальные нарративы постоянно оспариваются альтернативными прочтениями, а граница между добросовестным историческим познанием и политически ангажированной интерпретацией оказывается размытой. Инструментализация прошлого в данной перспективе предстаёт не аномалией, а структурным свойством памяти, неизбежно возникающим там, где образ минувшего наделяется ценностью для настоящего.

Механизмы превращения прошлого в ресурс международной политики

Перенос мемориального конфликта из внутриполитической сферы в плоскость межгосударственных отношений описывается в современной литературе понятием войн памяти, или мемориальных войн. Е. А. Токарева, обобщив научные работы 2011–2020 годов, определила объектом подобных войн конкретную трактовку исторических событий, политизированная интерпретация которой используется для манипулирования массовым сознанием и подкрепления внешнеполитических аргументов [6]. Д. А. Аникин и А. А. Линченко предложили рассматривать мемориальные войны через метафору восточноевропейского фронтира, на котором перенос западной модели виктимизации и идея двух равноценных тоталитаризмов порождают конкуренцию жертвенных нарративов и эскалацию конфликтов памяти [7]. Превращение прошлого в предмет межгосударственного спора опирается на несколько различимых технологий.

Первым механизмом выступает законодательная кодификация исторической правды, при которой государство закрепляет определённую трактовку прошлого нормами права и устанавливает ответственность за её оспаривание. Российский правопорядок располагает статьёй 354.1 Уголовного кодекса, предусматривающей наказание за реабилитацию нацизма, включая отрицание установленных Нюрнбергским трибуналом фактов и распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы войны [9]. Аналогичные мемориальные законы, запрещающие отрицание или оправдание нацистских преступлений, действуют в ряде европейских государств, что превращает уголовно-правовую охрану исторических фактов в распространённый инструмент мемориальной политики. Закрепление памяти о войне в конституционных нормах, как в случае введённого в российский Основной закон положения о защите исторической правды, переводит мемориальный вопрос в разряд оснований государственного суверенитета.

Вторым механизмом служит монументальная политика, в рамках которой установка и снос памятников выполняют функцию материального закрепления господствующего нарратива. Принятое в Польше законодательство о декоммунизации в редакции 2017 года предписало демонтаж монументов с символикой ушедшей эпохи, что затронуло значительное число объектов, связанных с памятью о Красной армии, и спровоцировало острую дипломатическую реакцию Москвы [10]. Снос и переименование мемориальных объектов в государствах Центральной и Восточной Европы исследователи прямо связывают с политикой пересмотра прошлого, поскольку утрата материальных носителей памяти влечёт за собой вытеснение прежнего исторического нарратива из публичного пространства [11].

Третьим механизмом выступает коммеморативная дипломатия, превращающая ритуалы поминовения в ресурс внешнего влияния. А. О. Наумов показал, что память о Великой Отечественной войне используется современной Россией как инструмент мягкой силы в отношении государств Евразийского экономического союза и партнёров по объединению БРИКС, а уровень осведомлённости населения данных стран о событиях войны и отношение их элит к итогам 1945 года становятся предметом целенаправленной политики [1]. Парады Победы, шествия памяти и юбилейные мероприятия выполняют функцию консолидации внутреннего сообщества и одновременно транслируют вовне образ страны-победительницы, наделённой особым моральным авторитетом. Перечисленные технологии складываются в арсенал, посредством которого память о войне встраивается в структуру межгосударственного взаимодействия и приобретает измерение,

сопоставимое по значимости с традиционными ресурсами внешней политики.

Память о Великой Отечественной войне в поле международных мемориальных конфликтов

Узловым пунктом современного противостояния вокруг памяти о войне выступает оценка советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года и сопутствующих ему соглашений. Российская и западная историографические традиции трактуют значение договора диаметрально противоположно, что превращает событие 1939 года в постоянный источник мемориального напряжения [10]. Принятая Европейским парламентом 19 сентября 2019 года резолюция о важности сохранения исторической памяти для будущего Европы возложила ответственность за развязывание войны в равной мере на нацистскую Германию и Советский Союз, чем вызвала резкую реакцию российской дипломатии, квалифицировавшей документ как набор ревизионистских утверждений и очередную попытку уравнять освободителя и агрессора [10].

Концептуальным ядром оспариваемого нарратива служит тезис о тождестве нацизма и сталинизма, на основе которого выстраивается модель двух равноответственных тоталитарных режимов. Российские авторы рассматривают распространение подобного тезиса как целенаправленную переоценку итогов войны, нацеленную на пересмотр её геополитических результатов и подрыв морального авторитета государства-победителя [5]. Анализ показывает, что переписывание истории затрагивает и роль Красной армии в освобождении Европы от нацизма, принижение которой меняет всю архитектуру послевоенного нормативного порядка [12]. Названная интерпретация, опирающаяся на отождествление двух режимов, выполняет отчётливую внешнеполитическую функцию, поскольку лишает Россию статуса наследницы державы-победительницы и переводит страну в положение исторически ответственного субъекта.

Признание остроты конфликта не означает, что роль активного актора мемориальной политики принадлежит исключительно противникам российского нарратива. Исследователи memory studies фиксируют, что Россия выстраивает собственную развитую политику памяти, в которой культ Великой Победы занимает центральное место и наделяется функцией консолидации общества вокруг государства [3]. Д. С. Артамонов и Р. В. Пеннер показали, что в условиях эпохи постправды эмоциональные нарративы Победы, поддерживаемые ритуалами парадов и шествий Бессмертного полка, превращаются в инструмент конструирования коллективной идентичности и противостояния ревизии, а сам конфликт вокруг итогов войны отражает не столкновение фактов, а борьбу ценностей, укоренённых в гордости и скорби [13]. Закрепление памяти о войне уголовно-правовыми и конституционными средствами демонстрирует, что российская сторона столь же активно прибегает к мемориальной кодификации, как и государства, обвиняемые в ревизии [9].

Сопоставление противоборствующих стратегий обнаруживает структурную симметрию мемориального конфликта. Каждая из сторон квалифицирует интерпретацию оппонента как фальсификацию, тогда как собственная версия прошлого преподносится в качестве восстановления исторической правды, что превращает ярлык ревизии в риторическое оружие, доступное всем участникам спора [6; 7]. Отдельные российские исследователи прямо признают, что отождествление советского и нацистского режимов в своё время широко производилось и внутри российского интеллектуального пространства, что подрывает представление о фальсификации как исключительно внешнем явлении [12]. Подобная реципрокность позволяет рассматривать память о войне не как объективное знание, подвергающееся одностороннему искажению, а как поле непрерывной символической борьбы, в котором инструментализация прошлого выступает общей практикой противостоящих сторон [14].

Заключение

Проведённый анализ позволяет утверждать, что историческая память о Великой Отечественной войне приобрела в современных международных отношениях статус самостоятельного политического ресурса, сопоставимого по значимости с традиционными инструментами влияния. Сконструированная природа коллективной памяти, обоснованная классической теорией и развитая в исследованиях исторической политики, делает образ войны принципиально открытым для переоформления в интересах текущей политики.

Превращение прошлого в орудие межгосударственного противоборства опирается на устойчивый набор технологий, среди которых законодательная кодификация исторической правды, монументальная политика сноса и установки памятников, а также коммеморативная дипломатия, обращающая ритуалы поминовения в ресурс мягкой силы. Действие перечисленных механизмов прослеживается на материале спора о договоре 1939 года, резолюций европейских институтов и практик декоммунизации в государствах Восточной Европы.

Ключевым выводом работы выступает признание реципрокного характера инструментализации памяти о войне. Противоборствующие акторы взаимно обвиняют друг друга в ревизии и фальсификации, тогда как обе стороны конфликта одинаково активно используют прошлое в собственных целях, удерживая память о войне в состоянии перманентного противостояния. Аналитически продуктивным остаётся подход, отказывающийся от позиции единственного носителя истины и рассматривающий мемориальные войны как многосубъектное явление, исход которого определяется не точностью фактов, а соотношением символических ресурсов вовлечённых сторон.

Литература

1. Наумов, А. О. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс «мягкой силы» современной России / А. О. Наумов // Известия Алтайского государственного университета. – 2020. – № 6(116). – С. 41-45.

2. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти : Перевод с французского / М. Хальбвакс. – Москва : Новое издательство, 2007. – 346 с. – (А). – ISBN 978-5-98379-088-9.

3. Малинова, О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015. – 207 с. – (Россия. В поисках себя). – ISBN 978-5-8243-1952-1.

4. Бубнов, А. Ю. Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере / А. Ю. Бубнов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 4. – С. 3-12.

5. Фоменко, М. В. Попытки фальсификации истории в борьбе против России: переоценка итогов Второй Мировой войны / М. В. Фоменко, Т. И. Мармазова // Современная научная мысль. – 2021. – № 2. – С. 95-99.

6. Токарева, Е. А. Современные войны памяти, или подходы к интерпретации исторических событий в истории, политике и образовании / Е. А. Токарева // Преподаватель XXI век. – 2021. – № 3-2. – С. 288-300.

7. Аникин, Д. А. Мемориальные войны в условиях восточноевропейского фронтира: в поисках методологии ис-

следования / Д. А. Аникин, А. А. Линченко // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 466. – С. 55-63.

8. Романовская, Е. В. Морис Хальбвакс: культурные аспекты памяти / Е. В. Романовская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2010. – Т. 10, № 3. – С. 39-44.

9. Сафонов, В. Н. Ответственность за реабилитацию нацизма (ст. 354.1 УК РФ): состав преступления и дискуссия вокруг него / В. Н. Сафонов, Д. В. Андреев // Вопросы безопасности. – 2023. – № 3. – С. 48-62.

10. Булдакова, Д. И. Резолюция Европейского Парламента «о важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» в осмыслении российских СМИ 2019 г / Д. И. Булдакова // Россия и современный мир. – 2021. – № 1(110). – С. 220-236.

11. Нагорных, О. В. Декоммунизация: опыт стран Европы / О. В. Нагорных // Социально-политические науки. – 2017. – № 2. – С. 11-14.

12. Русакова, О. Ф. Великая Отечественная война и политика исторической памяти. Часть II / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков // Дискурс-Пи. – 2016. – № 2(23). – С. 8-17.

13. Артамонов, Д. Ценность Великой Победы: эмоциональная оптика / Д. Артамонов, Р. Пеннер // Patria. – 2025. – Т. 2, № 2(6). – С. 10-25.

14. Давиденко, А. А. Понятие «войны памяти» в современных исследованиях коллективной памяти / А. А. Давиденко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2022. – № 3. – С. 85-95.

Political instrumentalization of historical memory: the practice of revising the history of the Great Patriotic war in contemporary international relations

Kochetov D.S., Dosayev T.K., Dosayev E.K.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article analyzes how the historical memory of the Great Patriotic War is transformed into an instrument of political action in the international arena. The subject of the study comprises the mechanisms of instrumentalization of the past through which states and non-state actors construct, contest and reframe images of the war of 1939–1945 for their own strategic purposes. Drawing on the theory of collective and cultural memory and on the works of Russian scholars of historical politics, the author shows that contemporary memory conflicts surrounding the outcomes of the war represent not a dispute over facts but a clash of value-laden narratives, each endowed with a foreign-policy function. The principal technologies of converting the past into a resource of international influence are traced, from the adoption of memory laws and the demolition of monuments to commemorative diplomacy and symbolic resolutions. A conclusion is substantiated regarding the reciprocal character of instrumentalization, in which the opposing sides mutually qualify the other's interpretation of the past as revision and falsification, holding the memory of the war in a regime of permanent confrontation.

Keywords: historical memory, politics of memory, instrumentalization of the past, Great Patriotic War, memory wars, historical politics, international relations, revision of history.

References

1. Naumov A.O. Istoricheskaya pamyat' o Velikoy Otechestvennoy voyne kak resurs «myagkoy sily» sovremennoy Rossii [Historical memory of the Great Patriotic War as a «soft power» resource of contemporary Russia]. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. No. 6 (116). Pp. 41–45.
2. Halbwachs M. Sotsial'nye ramki pamyati [The Social Frameworks of Memory]. Transl. from French. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007. 346 p.
3. Malinova O.Yu. Aktual'noe proshloe: simvolicheskaya politika vlastvuyushchey elity i dilemmy rossiyskoy identichnosti [The Relevant Past: Symbolic Politics of the Ruling Elite and the Dilemmas of Russian Identity]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2015. 207 p.
4. Bubnov A.Yu. Istoricheskaya politika i bor'ba interpretatsiy kollektivnogo proshlogo v publichnoy sfere [Historical politics and the struggle of interpretations of the collective past in the public sphere]. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2017. No. 4. Pp. 3–12.
5. Fomenko M.V., Marmazova T.I. Popytki fal'sifikatsii istorii v bor'be protiv Rossii: pereotsenka itogov Vtoroy mirovoy voyny [Attempts to falsify history in the struggle against Russia: the re-evaluation of the outcomes of the Second World War]. Sovremennaya nauchnaya mysl'. 2021. No. 2. Pp. 95–99.
6. Tokareva E.A. Sovremennye voyny pamyati, ili podkhody k interpretatsii istoricheskikh sobytiy v istorii, politike i obrazovanii [Contemporary memory wars, or approaches to the interpretation of historical events in history, politics and education]. Prepodavatel' XXI vek. 2021. No. 3-2. Pp. 288–300.
7. Anikin D.A., Linchenko A.A. Memorial'nye voyny v usloviyakh vostochnoevropeyskogo frontira: v poiskakh metodologii issledovaniya [Memory wars in the conditions of the East European frontier: in search of a research methodology]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. No. 466. Pp. 55–63.
8. Romanovskaya E.V. Moris Khal'bvaks: kul'turnye aspekty pamyati [Maurice Halbwachs: cultural aspects of memory]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2010. Vol. 10, iss. 3. Pp. 39–44.
9. Safonov V.N., Andreev D.V. Otvetstvennost' za reabilitatsiyu natsizma (st. 354.1 UK RF): sostav prestupleniya i diskussiya vokrug nego [Liability for the rehabilitation of Nazism (Art. 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): the corpus delicti and the discussion around it]. Voprosy bezopasnosti. 2023. No. 3. Pp. 48–62.
10. Buldakova D.I. Rezolyutsiya Evropeyskogo parlamenta «O vazhnosti sokhraneniya istoricheskoy pamyati dlya budushchego Evropy» v osmyslenii rossiyskikh SMI 2019 g. [The European Parliament resolution «On the importance of European remembrance for the future of Europe» as interpreted by the Russian media in 2019]. Rossiya i sovremennyy mir. 2021. No. 1 (110). Pp. 220–236.
11. Nagornykh O.V. Dekommunizatsiya: opyt stran Evropy [Decommunization: the experience of European countries]. Sotsial'no-politicheskie nauki. 2017. No. 2. Pp. 11–14.
12. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Velikaya Otechestvennaya voyna i politika istoricheskoy pamyati. Chast' II [The Great Patriotic War and the politics of historical memory. Part II]. Diskurs-Pi. 2016. No. 2 (23). Pp. 8–17.
13. Artamonov D.S., Penner R.V. Tsennost' Velikoy Pobedy: emotsional'naya optika [The value of the Great Victory: an emotional optics]. Patria. 2025. Vol. 2, No. 2 (6). Pp. 10–25.
14. Davidenko A.A. Ponyatie «voyny pamyati» v sovremennykh issledovaniyakh kollektivnoy pamyati [The concept of the «memory war» in contemporary studies of collective memory]. Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2022. No. 3. Pp. 85–95.

Последний император: между прошлым и будущим

Ткаченко Ирина Сергеевна
кандидат исторических наук, доцент, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедеваг, Ckripka@mail.ru,

Поличка Мария Максимовна
студент, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, mp79144159270@gmail.com

В статье автор анализирует жизнь и судьбу последнего китайского императора Пу И, а также его политическую роль во Второй мировой войне и участие в Токийском процессе 1946-1948 гг. как свидетеля со стороны СССР против японских милитаристов. В современной геополитической ситуации укрепляется сотрудничество между Китаем и Российской Федерации в рамках АТР и анализ исторического наследия, связанного с участием двух стран в борьбе против агрессии Японии во Второй мировой войне и дальнейшем сотрудничестве в рамках судебных процессов позволяет укрепить партнерские отношения сегодня.
Исследуя непростую судьбу свергнутого императора, автор осмысливает сложные политические и исторические процессы XX века, в том числе динамику противоречивых отношений СССР и Китая. Работая в музее, открытом в 2025 г. в г. Хабаровске, в бывшей тюрьме заключенного Пу И, который содержался там до Токийского процесса, автор изучил экспонаты и документы, опираясь на которые были сделаны выводы о непростых отношениях двух стран в международном сотрудничестве через особенности содержания Пу И в тюрьме и работы с ним по получению согласия на дачу свидетельских показаний против японских военных преступников.
Ключевые слова: Вторая мировая война, Пу И, Маньчжоу-го, СССР.

Актуальность исследования обусловлена не только возрастающей ролью АТР в глобальной политике и укреплением российско-китайского стратегического партнёрства, но и необходимостью осмысления исторической памяти о событиях середины XX века. Особую значимость приобретает изучение судьбы последнего китайского императора Пу И, чья биография тесно связана с Дальним Востоком и советским периодом истории.

Пу И, последний император Китая, родился 7 февраля 1906 года в Пекине, в резиденции своего отца, князя Чуна. Имя Пу И, данное ему при рождении, было известно лишь ближайшим родственникам. Отец мальчика, Цзайфэн, приходился братом императору Гуансюю, который не имел детей и пользовался расположением вдовствующей императрицы Цы Си. Фактически Цы Си обладала абсолютной властью, но не располагала к себе двор из-за жесткого характера. За несколько дней до своей смерти, Цы Си организовала отравление правящего монарха. Своим преемником она назначила двухлетнего Пу И, а его отца Цзайфэна — регентом при нем. Таким образом, в два года молодой наследник неожиданно стал императором. Ребенка забрали из семьи и передали на попечение евнухов. Единственным человеком из его прошлой жизни, которому разрешили остаться с ним, была его кормилица Ван, которую мальчик долгое время принимал за свою мать. Церемония коронации прошла 2 декабря 1908 года. Мальчик стал символом угасающей династии Цин. Его тронным именем стало Сюаньтун. Уже в 1912 году, после Синьхайской революции, от его имени подписали отречение. Однако после отречения он был вынужден прекратить использовать тронное имя [13, с. 737-738]. В общении с иностранцами, в кругу которых он проводил много времени, молодой человек предпочитал называться Генри — именем, данным ему придворным учителем из Великобритании. Пу И сохранил титул, жил в Запретном городе, но власть была утрачена навсегда.

Процедура провозглашения Пу И императором опиралась на комплекс ритуалов и юридических форм, унаследованных от маньчжуро-китайской традиции, которые закрепляли его символическое превосходство и легитимность [1, с. 41–44][4, с. 125–126]. «Происхождение сочетания хуан ди 皇帝 (huáng dì), традиционно переводимого как император, связано с тем, что Цинь Шихуан 秦始皇 (qín shǐ huáng) – правитель объединивший шесть государств под своей властью, унифицировавший язык и разработавший систему мер и весов, – считал, что его достижения превосходят достижения Сань Хуан У Ди, и соединил в своем титуле два высших земных титула Хуан 皇 (huáng) и Ди 帝 (dì). С тех пор как Цинь Шихуан назвал себя Хуан Ди, до отречения императора Пу И 溥仪 (pǔ yí) от престола в 1912 году в китайской истории насчитывалось от 408 до 494 императоров» [1, с. 41–43][5, с. 410-415]. Церемония коронации и присвоение титула выступали необходимыми нормативными актами, с помощью которых происходила преемственность власти, и именно они делали власть императора легитимной. В условиях политической нестабильности ритуалы служили средством поддержания видимости институциональной целостности императорской власти [1, с. 41–45].

Различные политические силы по-разному оценивали реальную власть Пу И, исходя из собственных интересов. Императорский двор желал сохранить за монархом лишь церемониальные функции и символическое значение, видя в нем основу традиционной легитимности. Республиканские круги считали институт императорства устаревшим, подходящим лишь для сведения власти монарха к

формальности. Иностранные державы же видели в нем рычаг для проведения своей внешней политики и оправдания вмешательств, что в итоге привело к созданию марионеточного государства Маньчжоу-го [8, с. 92-103]. Эта разница во взглядах объясняет неоднозначную роль Пу И в начале Второй мировой войны.

В 1911 г. в Китае, разоренном опиумными войнами произошел острый социально-экономический и политический кризис, который привел к Синьхайской революции и свержению монархии в 1912 г. Молодому императору тогда было 5 лет. В начале 1912 года тетя Пу И- Лунъюй, ставшая его регентом после смерти ближайших родственников, от имени Сюаньтуня объявила об уходе Пу И с престола. Но отречение от престола не сопровождалось убийством императора, а напротив сохранило ему привилегии и титул. Кроме того, гоминдановское правительство назначило ему пенсию в размере 4 млн. лян, однако полномочия были аннулированы, и Пу И было запрещено покидать императорский дворец в Запретном городе (в настоящее время музей Гугун). Пу И был окружен роскошью и его образование и воспитание сохраняло монархические черты: он занимался каллиграфией, книгами, имел личную прислугу, что формировало его диссоциальный характер. Но мир вокруг менялся, а жизнь бывшего императора была подчинена традиционным ритуалам.

В июле 1917 года была попытка контрреволюции и реставлрации монархии в Китае. Генерал Чжан Сюнь совершил переворот и возвел 11-летнего Пу И на трон. Однако правление императора закончилось через неделю, поражением Чжань Сюня и повторным отречением императора от престола. И второй раз он сохранил свое положение.

В 16 лет Пу И женился и стал жить жизнью простого человека имея и жену и любовницу. Женой бывшего императора стала девушка не из простой семьи, а представительница бюрократического аппарата – дочь чиновника. В ноябре 1924 г. республиканцы в лице генерала Фэн Юйсяна избавляются от 18 летнего Пу И и заставляют его с женой покинуть Пекин. На этот раз бывший монарх был лишен своих привилегий и оказался в изгнании. Одни из сторонников монархии, бывший китайский дипломат в Японии, Чжэн Сяосюй, который в 1924 г. стал премьером Маньчжоу Го помог Пу И перебраться в японскую концессию Тяньцзинь, чтобы спасти свою жизнь. Так началась жизнь молодого экс императора в изгнании до 1931 г.

Под воздействием политических и экономических проблем, вызванных «великой депрессией» в 1920-1930-е гг. в правящих кругах Японии стали расти националистические милитаристские настроения.Успешно завершив модернизацию, Япония взяла курс цна внешнюю экспансию. Японский премьер-министр генерал Такана в меморандуме 1927 г. ставил цель завоевания всей Азии, и начинать агрессию призывал с Маньчжурии и Монголии [9. С 27-30]. В 1931 г. началась японская инвервенция в Маньчжурию, так называемый маньчжурский инцидент. 18 сентября 1931 г. Маньчжурия было полностью оккупирована Японией и превратилась в японскую база для осуществления последующих захватнических планов Японии.

Для легализации своего присутствия Квантунская армия разрешила местным чиновникам (которые в дальнейшем оказались в плену в Хабаровске) создать государство Маньчжоу-Го (в переводе «Маньчжурское государство») и решило поставить во главе маньчжура Пу И. Поскольку Пу И считал своим долгом перед предками возрождение Великой Цинской династии, то отказался от предложенной японцами должности «верховного правителя». После отказа японские генералы Итагаки и Доихара (казненные позже по приговору Токийского военного трибунала в числе семи главных военных преступников) пригрозили, что будут считать его врагом Японии. А это было равнозначно смертному приговору. На условиях восстановления его как императора Пу И согласился в начале марта 1932 года стать во главе Маньчжоу-Го и в 1934 году в третий раз стал императором вплоть до капитуляции Японии в августе 1945 года и исчезновения марионеточного государства Маньчжоу-Го. В 1934 году Пу И был коронован как император под именем Кандэ. Но реальной власти у него не было – он выполнял лишь церемониальные функции, служа инструментом японской пропаганды, и был марионеткой в руках японских милитаристов. Как он сам позже напишет: «Я служил им 14 лет, и мои мечты о возрождении Великой Цин превратились в кошмар»[7. С.2]. Пу И только подписывал документы, даже не читая их. Но положение новоявленного правителя Маньчжоу Го укрепилось и, особо не вникая в политические вопросы, он вел праздный образ жизни, даже дважды гостил у японского императора. Японские вливания в экономику Маньчжоу Го укрепляли положение Пу И и определили его положение на посту вплоть до 1945 г.

Японские власти целенаправленно использовали фигуру Пу И как инструмент для придания легитимности своему управлению Маньчжурией [11, с. 111-112]. Формально Маньчжоу-го функционировало как монархия, однако реальная автономия его правителя была существенно ограничена. Процесс принятия решений находился под сильным влиянием японских военных и административных органов, которые осуществляли контроль над ключевыми политическими направлениями и кадровыми назначениями. Более того, японские власти сохраняли контроль над управлением населением и взаимодействием с местными элитами, что снижало эффективность символической функции Пу И. В результате, международный статус данного образования определялся волей японских властей, что препятствовало осуществлению Пу И самостоятельного управления [6, с. 86-89][13, с. 45-50].

Советское наступление в Маньчжурии в августе 1945 года создало благоприятные условия для ликвидации японской оккупационной администрации и марионеточного режима, во главе которого стоял Пу И. Быстрая эскалация боевых действий и распад японской управленческой структуры лишили Пу И фактической защиты и привели к его изоляции. Ограниченность реальной власти императора, которого японцы использовали для легитимации своих территориальных притязаний, сделала его уязвимым перед наступающими советскими войсками. В результате этих обстоятельств Пу И был захвачен, что ознаменовало окончательный крах его императорских амбиций и завершение эпохи его номинального правления [5, с. 407-408][13, с. 45-48].

В августе 1945 года Пу И был захвачен в Мукдене в плен советскими десантниками, не дали ему сесть в самолет до Японии и возможно спасли жизнь бывшему китайскому императору. Сначала он находился в Чите, где ему предъявили обвинения как пособнику японских милитаристов и взяли под стражу. Через некоторое через Читу он был доставлен в Хабаровск, где провел целых полгода. Большую часть времени он находился в заключении в небольшом деревянном доме чуть к югу от города на берегу Амурской протоки. Дом этот тогда официально именовался филиалом лагеря НКВД № 45. Несколько тесных комнат дома с бывшим императором делили 14 его генералов, министров и сановников. Бытовые условия были скромными, пленный император собственноручно стирал свои штаны в корыте.

В советском плену Пу И страшно боялся, что его передадут для суда в коммунистический Китай и там он наверняка будет расстрелян как изменник. Он делал все возможное, чтобы остаться в СССР, и надеялся через какое-

то время в дальнейшем перебраться в Англию или Америку и стать иммигрантом. Если вариант с эмиграцией на Запад не удастся, то он был согласен остаться в СССР [3, с.2.].

Задержание Пу И повлекло за собой коллапс Маньчжоу-го как государственного образования и лишило марионеточный режим всякой возможности реставрации. Вслед за его захватом возникла задача передачи его под контроль союзных держав, что обусловило последующие правовые решения касательно его положения. Данное событие оказало существенное воздействие на послевоенное урегулирование в регионе, поскольку устранение фигуры, символизирующей японскую легитимность, способствовало ускоренной реинтеграции территорий и трансформации политических взаимоотношений [5, с. 407-408][8, с. 92-94]. Следовательно, пленение Пу И явилось переломным моментом, оказавшим влияние на формирование послевоенного миропорядка и инициировавшим дальнейшие судебно-политические процедуры.

Пу И был свидетелем обвинения на Токийском процессе в августе 1946 года и давал показания в течение восьми дней. Для допросов в рамках подготовки к Токийскому процессу Пу И доставляли в находящий в центре Хабаровска основной объект лагеря для высших командных чинов Квантунской армии на улице Саперной, ныне Дикопольцева. Как ни удивительно, оба упомянутых здания сохранились, хоть и в несколько перестроенном виде – первое находится в собственности коммерческой компании, а во втором сейчас работает городская поликлиника № 3.

В 1950 году он был возвращен в Китай и направлен в тюрьму для военных преступников в городе Фушунь провинции Ляонин. Находясь в тюрьме Пу И китайские власти через несколько лет предъявили обвинение в том, что в годы его пребывания на посту императора Маньчжоу-Го за 14 лет погибло 64 тысячи человек. Но если вникнуть в суть вопроса, то в основном погибшими были партизаны, против которых Квантунская армия регулярно проводила карательные операции и остатки которых перешли в СССР и были преобразованы в 88-ю отдельную стрелковую бригаду Дальневосточного фронта. За пределами Маньчжоу-Го японцы не церемонились с населением. Только в одном Нанкине в конце 1937 года за полтора месяца ими было уничтожено 300 тысяч человек, главным образом гражданского населения. Обвинения против Пу И формально концентрировались на сотрудничестве с японскими оккупационными властями и действиях, квалифицируемых как измена и преступления против государства [5, с. 412][12, с. 170-172].

Вот как в разговоре с Ли Вэньда, редактировавшего автобиографические воспоминания Пу И «Моя первая половина жизни», Пу И описывал свою жизнь до выдачи его Советским Союзом в КНР в 1950 году:

«Всю свою жизнь до сегодняшнего дня я находился в окружении стен. С трех и до девятнадцати лет я был заперт в Запретном городе. Это был первый круг из серых и красных дворцовых стен. Вторая стена была образована японскими посланниками, японскими генконсулами, командующими японской Квантунской армией и начальниками штаба этой армии. Я считал, что эти люди защищают меня, но оказалось, что меня просто окружили стенами императорского дворца Маньчжоу-Го. В этих третьих по счету стенах я служил им 14 лет, в течение которых мои мечты о возрождении Великой Цинской династии превратились в кошмар, и в результате сегодня я оказался за четвертой, советской стеной. И если я не удержусь в окружении этой стены и меня отправят в Китай, то боюсь, что там не будет даже стен, а будет только сход в могилу…»[7, с.2].

Процесс над Пу И оказал влияние на институциональные и социально-правовые преобразования в послевоенном Китае, способствуя пересмотру роли юриспруденции в политической трансформации общества. Судебное преследование бывшей императорской элиты создало прецеденты для изменения статуса привилегированных групп и регулирования вопросов собственности, приватизации и перераспределения активов. Одновременно были усилены практики контроля и реинтеграции бывших структур власти посредством правовых и административных мер, что способствовало формированию новой системы подотчётности. В совокупности эти последствия повлияли на развитие нормативных механизмов государственного управления и социального порядка в послевоенный период.

В 1959 году Пу И был освобожден как «перевоспитавшийся» по особому разрешению Мао Цзэдуна. Работал в Пекинском ботаническом саду, а затем архивариусом в национальной библиотеке. Заявил о том, что принимает народную власть. С 1964 года Айсиньгёро Пу И работал членом политико-консультативного совета КНР.

В 1960 г. выпустил книгу воспоминаний «Первая половина моей жизни», написанную в сотрудничестве с Ли Вэньда (в 1964 г. вышло дополненное издание; полное издание без купюр вышло только в 2007 г.); в которой, в частности, раскаивается в своих преступлениях и говорит о своей искренней преданности коммунистическому Китаю. С апреля 1964 г. стал депутатом Народного политического консультативного совета Китая. В 1966 г., с началом Культурной революции, Пу И по приказу Чжоу Эньлая был помещен под усиленную охрану и не подвергался атакам и издевательствам со стороны хунвэйбинов [14, с. 737-738]. На политической арене хунвэйбины - красные охранники действовали не одни, а с цзаофанями-бунтарями, молодыми людьми в возрасте от 8-9 до 25 лет, которые должны были осуществлять «культурную революцию» в качестве штурмовых отрядов под руководством «великого кормчего» Мао Цзэдуна. Культурная революция в Китае продолжалась с 1966 по 1976 гг. и унесла миллионы жизней, в том числе и жизнь бывшего императора. Пу И скончался 17 октября 1967 г. от рака печени. Было решено захоронить его прах на народном кладбище Бабаошань [15 С.346]. И уже 19 октября 1967 г. бывший император был кремирован на известном правительственном кладбище Бабаошань, а урна с прахом Пу И была оставлена в народном зале этого крематория [15. С.375].

Информация о его перезахоронении после «жарких» лет «культурной революции» появилась только в 1980 году, когда по специальному решению правительства 29 мая в актовом зале НПКСК в Пекине состоялась траурная церемония, посвященная памяти умершего тринадцать лет назад последнего императора династии Цин, члена Всекитайского комитета Народного Политического Консультативного Совета Китая Пу И, и еще двух членов ПНКСК [15. С.376].

В китайской историографии наблюдается эволюция официальных и академических трактовок фигуры Пу И, переходящая от ранних партийных интерпретаций к дискуссиям эллинистического и постмаоистского периодов. Ранние партийные интерпретации подчеркивали классовую и политическую детерминацию роли Пу И, тогда как последующие подходы уделяли больше внимания сложностям личной биографии и внешним вмешательствам [1, с. 43][4, с. 127]. «Также ценные сведения содержатся в мемуарах последнего китайского императора Пу И. Правда, необходимо учитывать, что эти воспоминания были написаны по заказу КПК и подверглись жесткой цензуре» [4, с. 125–128]. Современные исследования, опирающиеся на рассекреченные источники, предлагают более комплекс-

ный взгляд, сочетая анализ личных документов с изучением партийных архивов. В Чанчуньском музее на базе императорского дворца марионеточного государства Маньчжоу-Го создано научное общество по исследованию жизни Пу И, которое каждые два года проводит научные конференции с участием научных кругов Китая и зарубежных стран.

Историки за пределами Китая, в том числе и в России, по-своему смотрят на историю Пу И. Они часто ставят в центр его личную жизнь, пытаясь понять, как она переплеталась с причинами падения монархии. Западные и российские исследователи опираются на разные архивные материалы (русские или японские), что сказывается на их подходах и выводах. Кроме того, идеология влияет на то, какие причины и последствия они считают наиболее важными, отдавая предпочтение либо личным историям, либо системным объяснениям.

В современном Китае коллективная память об императоре Пу И формируется с помощью различных средств (включая фильмы, книги, музеи и т. д.). Кроме того, в городе Чанчунь находится очень значимое историческое сооружение — Императорский дворец Маньчжурии, который служил официальной резиденцией императора Пу И во время его пребывания там. Этот большой музейный комплекс (площадью 137 000 м2) расположен на северо-востоке Чанчуня и после реставрации стал одним из наиболее значимых исследовательских центров для изучения историко-культурных аспектов Маньчжурии в 1930-х и 1940-х годах. Публика может посетить Императорский дворец Маньчжурии с момента его открытия в 1984 году. Комплекс состоит из десяти отдельных зданий, выполненных в различных архитектурных стилях — японском, традиционном китайском и готическом, — а также императорского сада, теннисного корта, бассейна, ипподрома и галерей. После реставрации комплекс стал важным исследовательским центром для изучения истории и культуры Маньчжурии.

В Россйиской Федерации, на Дальнем Востоке, в месте тюремного заключения Пу И, был при поддержке Генерального Консульства Китайской Народной Республики, создан музей, посвященный истории взаимоотношений СССР и Китая во Второй мировой войне. Этот музей представляет собой двухэтажный дом, где после пленения советскими войсками в 1945 г. проживал бывший китайский император и правитель государства Маньчжоу Го. Находится он за городом Хабаровском, рядом с туристическим комплексом «Заимка» в селе Краснореченское. Дом был отреставрирован Генаральным конскульством КНТ в 2018 г. в партнерстве Российской Федерацией. Улица, где расположено здание музея была переименована в Императорскую в 2016 г. Здание музея в 2022 г. перешло в собственность Хабаровска и стало часть Хабаровского городского исторического музея. Данный проект стал важным элементов укрепления культурных международных связей двух стран.

Таким образом, жизнь последнего императора Китая напрямую была связана с трагическими событиями XX века в Азиатско-тихоокеанском регионе. Из символа монархии Китая, он стал орудием и марионеткой в руках японских милитаристов, цель которых была подчинить Азию и начавшие ее реализацию с Маньчжурии. Закрывая глаза на преступления против человечества со стороны Японии, бывший монарх пытался сохранить свое привилегированное положение во главе государства Маньчжоу Го. Однако после поражения Японии Пу И согласившись сотрудничать с СССР и свидетельствуя против японских преступников на Токийском судебном процессе, внес вклад в вынесении справедливого приговора. Взаимоотношения двух стран СССр и Китая заложили основы для современных геополитических отношений.

Литература

1. Анохина В.В. Парадоксы традиционализма в цивилизационной динамике современного Китая // Веснік БДУ. сер. 3. — 2012. — №1. — С. 41–45 // URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/40851/1/41-45.pdf (дата обращения: 10.03.2026).
2. Герасимов Д.И Дипломатическая деятельность Л.М. Карахана на дальневосточном направлении СССР (1918 – начало 1930-х годов): автореферат (5.6.1 – Отечественная история). — Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2024.
3. ЗвягинцевА.И. Император с партбилетом //Российская газета. Выпуск № 285. 16.08.2019 г. С.2 URL:https://rg.ru/2018/12/18/zviagincev-pu-i-byl-ochen-gibkim-i-ochen-zhizneliubivym-chelovekom.html. (дата обращения 10.03.2026)
4. Кан А. Образ императора-демиурга в нарративах народной этимологии, объясняющих топонимику России и Китая // Вестник ДонНУ. Сер. Д: филология и психология. — 2025. — №2. — С. 125–135. DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.15111296 (дата обращения: 09.03.2026).
5. Клименко А.Ф. Некоторые вопросы сотрудничества СССР, Китая и Кореи в ходе Маньчжурской наступательной операции 1945 года: история и современность // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. №30. С.400-423 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-sotrudnichestva-sssr-kitaya-i-korei-v-hode-manchzhurskoy-nastupatelnoy-operatsii-1945-goda-istoriya-i (дата обращения: 18.03.2026).
6. Кондратенко Б.Б. Основные угрозы безопасности на дальневосточной границе СССР 1939–1945 гг // Ойкумена. регионоведческие исследования. 2021. №1 (56). С.145-162 URL:https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-ugrozy-bezopasnosti-na-dalnevostochnoy-granitse-sssr-1939-1945-gg (дата обращения: 10.03.2026).
7. Константинов Г. История последнего китайского императора//Тихоокеанская звезда, 6.06.2016 г. С.2 URL:https://toz.su/newspaper/yo_raznom/istoriya_poslednego_kitayskogo_imperatora_pu_i. (Дата обращения: 10.03.2026)
8. Мичурин А.Н. Советско-китайские отношения накануне второй мировой войны // Россия в глобальном мире. 2016. №8 (31). С.90-105 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovetsko-kitayskie-otnosheniya-nakanune-vtoroy-mirovoy-voyny (дата обращения: 10.03.2026).
9. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 18(7-1). Советско-японская война 1945 года. История военно-политического противоборства двух держав в 30-40-е годы: Док. и материалы. — М.: Терра, 1997. (387)
10. Пиков Г.Г. Формирование исторического подхода к изучению восточноазиатских кочевников в трудах В.П. Васильева (1818–1900) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. №66. С.25-27 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-istoricheskogo-podhoda-k-izucheniyu-vostochnoaziatskih-kochevnikov-v-trudah-v-p-vasilieva-1818-1900 (дата обращения: 11.03.2026).
11. Светлов Р.В., Федоров А.А. Между империей и национальным государством — современный контекст концепции К. Н. Леонтьева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. №1. С.108-127 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdu-imperiey-i-natsionalnym-gosudarstvom-sovremennyy-kontekst-kontseptsii-k-n-leontieva (дата обращения: 11.03.2026).

12. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Россия и справедливый мир: как преодолеть новую биполярность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: международные отношения. 2025. №2. С.161-176
URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-spravedlivyy-mir-kak-preodolet-novuyu-bipolyarnost (дата обращения: 09.03.2026).
13. Чэнь Ц.Х. Экономический контроль Советского Союза в Маньчжурии после Второй мировой войны: денежно-эмиссионная политика // НИР. 2024. №1. С.45-53
URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskiy-kontrol-sovetskogo-soyuza-v-manchzhurii-posle-vtoroy-mirovoy-voyny-denezhno-emissionnaya-politika (дата обращения: 10.03.2026).
14. Пу И / С. В. Дмитриев // Полупроводники — Пустыня. — М. : Большая российская энциклопедия, 2015. — С. 737—738. — (Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов ; 2004—2017, т. 27).
15. Усов Д.Н. Последний император Китая. Пу И (1906-1967)/ Д.Н. Усов. М:Олма-Пресс, 2003 С.413

The Last Emperor: Between Past and Future

Tkachenko I.S., Polichka M.M.
Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

In the article, the author analyzes the life and fate of the last Chinese emperor Pu Yi, as well as his political role in World War II and participation in the Tokyo Trial of 1946-1948. as a witness for the USSR against the Japanese militarists. In the current geopolitical situation, the cooperation between China and the Russian Federation in the framework of the ATR is strengthened and the analysis of the historical legacy related to the participation of the two countries in the fight against Japanese aggression in World War II and further cooperation in the framework of judicial proceedings will allow to strengthen partnership relations today.
Exploring the uneasy fate of the deposed emperor, the author makes sense of the complex political and historical processes of the twentieth century, including the dynamics of the conflicting relationship between the USSR and China. Working in a museum opening in 2025 in g. In Khabarovsk, in the former prison of the prisoner Pu Yi, who was held there before the Tokyo trial, the author studied the exhibits and documents, based on which conclusions were drawn about the difficult relations of the two countries in international cooperation through the peculiarities of Pu Yi's detention and work with him in the prison. giving witness testimony against Japanese war criminals.

Keywords: World War II, Pu Y, Manzhou-Go, USSR.

References

1. Anokhina, V.V. “Paradoxes of Traditionalism in the Civilizational Dynamics of Modern China.” BSU Bulletin. 3, no. 1, 2012, pp. 41–45. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/40851/1/41-45.pdf (accessed on March 10, 2026).
2. Gerasimov, D.I. “Diplomatic Activities of L.M. Karakhan in the USSR’s Far East (1918 – Early 1930s): Abstract (5.6.1 – National History). Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2024.
3. Zvyagintsev, A.I. “Emperor with a Party Card.” Rossiyskaya Gazeta. Issue No. 285. August 16, 2019. Page 2
URL: https://rg.ru/2018/12/18/zviagincev-pu-i-byl-ochen-gibkim-i-ochen-zhizneliubivym-chelovekom.html. (Accessed March 10, 2026)
4. Kan A. The Image of the Emperor-Demiurge in Folk Etymological Narratives Explaining the Toponymy of Russia and China // Vestnik DonNU. Ser. D: Philology and Psychology. - 2025. - No. 2. - Pp. 125–135. DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.15111296 (Accessed March 9, 2026).
5. Klimenko A.F. Some issues of cooperation between the USSR, China, and Korea during the Manchurian Offensive Operation of 1945: history and modernity // China in World and Regional Politics. History and Modernity. 2025. No. 30. pp. 400-423
URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-sotrudnichestva-sssr-kitaya-i-korei-v-hode-manchzhurskoy-nastupatelnoy-operatsii-1945-goda-istoriya-i (accessed: 18 March 2026).
6. Kondratenko B.B. The main security threats on the Far Eastern border of the USSR in 1939–1945 // Oikumena. Regional Studies. 2021. No. 1 (56). P. 145-162 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-ugrozy-bezopasnosti-na-dalnevostochnoy-granitse-sssr-1939-1945-gg (Accessed: 10.03.2026).
7. Konstantinov G. History of the Last Chinese Emperor // Tikhookeanskaya Zvezda, 6.06.2016. P. 2
URL: https://toz.su/newspaper/yo_raznom/istoriya_poslednego_kitayskogo_imperatora_pu_i. (Accessed: 10.03.2026)
8. Michurin A.N. Soviet-Chinese Relations on the Eve of World War II // Russia in the Global World. 2016. No. 8 (31). P.90-105
URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovetsko-kitayskie-otnosheniya-nakanune-vtoroy-mirovoy-voyny (Accessed: 10.03.2026).
9. Russian Archive: The Great Patriotic War. Vol. 18(7-1). The Soviet-Japanese War of 1945. History of the Military-Political Confrontation between the Two Powers in the 1930s-1940s: Documents and Materials. Moscow: Terra, 1997. (387)
10. Pikov G.G. Formation of a Historical Approach to the Study of East Asian Nomads in the Works of V.P. Vasiliev (1818-1900) // Bulletin of Tomsk State University. History. 2020. No. 66. P.25-27
URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-istoricheskogo-podhoda-k-izucheniyu-vostochnoaziatskih-kochevnikov-v-trudah-v-p-vasilieva-1818-1900 (Accessed: 11.03.2026).
11. Svetlov R.V., Fedorov A.A. Between Empire and National State: The Modern Context of K.N. Leontiev's Concept // Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology. 2024. No. 1. Pp. 108-127
URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdu-imperiey-i-natsionalnym-gosudarstvom-sovremennyy-kontekst-kontseptsii-k-n-leontieva (Accessed: 11.03.2026).
12. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. Russia and a Just World: How to Overcome the New Bipolarity? // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2025. No. 2. Pp. 161-176
URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-spravedlivyy-mir-kak-preodolet-novuyu-bipolyarnost (Accessed: 09.03.2026).
13. Chen C.H. Soviet Economic Control in Manchuria after World War II: Monetary Emission Policy // Research. 2024. No. 1. pp. 45-53
URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskiy-kontrol-sovetskogo-soyuza-v-manchzhurii-posle-vtoroy-mirovoy-voyny-denezhno-emissionnaya-politika (accessed: 10.03.2026).
14. Pu Yi / S. V. Dmitriev // Semiconductors - Desert. - Moscow: Great Russian Encyclopedia, 2015. - pp. 737-738. — (The Great Russian Encyclopedia: [in 35 volumes] / ed.-in-chief Yu. S. Osipov; 2004–2017, v. 27).
15. Usov D.N. The Last Emperor of China. Pu Yi (1906–1967) / D.N. Usov. Moscow: Olma-Press, 2003, p. 413

Влияние технологий «deepfake» на оценку доказательств: кризис доверия

Хубиева Милана Муратовна
студентка, МГЮА им. О.Е. Кутафина,
milanakhubieva777@gmail.com

Технологии синтетического аудиовизуального контента (deepfake, далее – дипфейк) создают беспрецедентный вызов уголовному судопроизводству, ставя под сомнение фундаментальные принципы оценки доказательств. В статье исследуется феномен алгоритмически генерируемых синтетических медиа как качественно новый деструктивный фактор, способный системно искажать доказательственную информацию. На основе анализа зарубежной и российской практики выявляются системные риски использования дипфейков, особое внимание уделено техническим, процессуальным и психологическим барьерам их выявления. Методологическую основу исследования составляют диалектический метод, общенаучные методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, системно-структурный подход, а также частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой и правового моделирования. Эмпирическая база включает материалы зарубежной и отечественной судебной практики, доктринальные источники на стыке уголовно-процессуального права, криминалистики и компьютерных наук. Автор обосновывает необходимость замены презумпции доверия к аудиовизуальным доказательствам на повышенный стандарт проверки их достоверности. Предлагается комплекс мер: законодательное закрепление обязательного хеширования цифровых доказательств; введение обязательной комплексной судебной экспертизы при мотивированных сомнениях в аутентичности; дополнение статьи 204 УПК РФ требованиями к раскрытию экспертных методик; институциональное укрепление экспертных и следственных подразделений; системное повышение цифровой компетентности судей, следователей и адвокатов. Делается вывод, что своевременное и комплексное противодействие угрозам, порождаемым технологиями синтетического аудиовизуального контента, является ключевым условием сохранения доверия общества к правосудию в цифровую эпоху.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказательства, оценка доказательств, относимость доказательств, достоверность доказательств, допустимость доказательств, фальсификация доказательств, deepfake, цифровые технологии, судебная экспертиза, цифровая криминалистика.

Современное уголовное судопроизводство стоит на пороге технологической революции, бросающей вызов его классическим, многовековым основам. Стремительное развитие технологий генеративного искусственного интеллекта, и в частности методов создания синтетических аудиовизуальных материалов, известных также под наименованием «дипфейк», порождает качественно новый деструктивный фактор уголовного судопроизводства – алгоритмически генерируемые аудио- и видеоподлоги целенаправленно искажающие устанавливаемые по делу обстоятельства и потенциально способные дестабилизировать всю систему доказывания. Указанное явление требует незамедлительного научного осмысления и адекватной процессуальной реакции.

Актуальность темы исследования обусловлена тремя ключевыми факторами. Во-первых, отмечается экспоненциальное развитие технологий синтеза медиаданных по созданию фотореалистичного контента, идентифицировать который без применения специальных средств становится невозможным даже для подготовленного эксперта. В 2026 году исследователи Бристольского университета Саймон Кларк и Стефан Левандовски провели три пререгистрированных эксперимента общей выборкой в 673 человека. Участники выносили суждение по шкале от –3 («определённо не виновен») до +3 («определённо виновен»), где ноль соответствовал невозможности дать ответ. Несмотря на прямое предупреждение о том, что демонстрируемое видео является дипфейком, средняя оценка виновности в экспериментальной группе составила +0,87 (склонность к ответу «скорее виновен»), тогда как в контрольной группе, наблюдавшей нейтральный ролик, балл составляет –0,40. Более того, 53,8 % участников, заявивших о доверии к предупреждению, всё равно основывали своё мнение на содержании видео.

Во-вторых, уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, основанное на традиционных подходах к оценке доказательств (ст. 17, 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), оказалось не готово к вызовам, порожденным цифровой трансформации. В условиях стремительного развития технологий уголовное судопроизводство оказывается в позиции, где нормы права отстают от технологического развития. Уже сегодня известны случаи использования дипфейков для шантажа, распространения порнографических материалов и дискредитации публичных лиц.

В-третьих, основная опасность заключается не только в риске фальсификации доказательств, но и в системных трудностях их своевременного выявления и оспаривания в рамках судебного разбирательства, что ставит под удар такие фундаментальные принципы уголовного судопроизводства, как независимость судей, состязательность и свобода оценки доказательств.

Цель настоящей статьи – выявить системные барьеры выявления дипфейков и предложить процессуальный механизм их преодоления.

В настоящее время вопросы, связанные с дипфейками, находятся преимущественно в фокусе внимания специалистов в области компьютерных наук и цифровой безопасности. В отечественной юридической науке данная проблематика только начинает изучаться, что проявляется в единичных публикациях, посвященных, главным образом, общему описанию явления и его потенциальных угроз. При этом комплексный процессуальный анализ

проблем допустимости, проверки и оценки подобных материалов, а также системных барьеров на пути их разоблачения в суде остается недостаточно исследованным. Существует явный разрыв между технологическим вызовом и его уголовно-процессуальным осмыслением.

Технологии дипфейк представляют собой продукт развития нейросетевых алгоритмов, способных с высокой степенью правдоподобия подменять изображение или голос человека на фото- и видеоматериалах. В результате создаётся контент, практически неотличимый от подлинного. Если на ранних этапах подобные «подделки» можно было выявить благодаря примитивным артефактам, таким как искажённые тени или статичность мимики, то современные генеративные модели обеспечивают уровень реалистичности, который затрудняет распознавание даже для экспертов.

В уголовном процессе это явление имеет двойственную природу: с одной стороны, дипфейк может быть представлен как доказательство, отражающее «события преступления», с другой – он становится инструментом преступления, когда используется для шантажа, мошенничества, распространения порнографии или клеветы, выступая одновременно и предметом преступного деяния, и потенциальным источником ложной доказательственной информации.

Наиболее серьёзные риски проявляются в следующих аспектах:

1. Подмена личности – создание с помощью дипфейк-видео или аудиозаписей с «участием» лица, фактически не принимавшего участия в событии. Например, искусственное «признание» в совершении преступления.

2. Формирование ложного алиби – моделирование ситуации, в которой подозреваемый якобы находился в другом месте.

3. Дискредитация свидетеля или потерпевшего – создание компрометирующих материалов, ставящих под сомнение достоверность их показаний.

4. Манипулирование общественным мнением – особенно в делах с участием присяжных заседателей, для которых визуальная убедительность материала может перевесить рациональную оценку доказательств.

Реальная практика уже подтверждает опасность использования подобных технологий. Так, в 2019 году в Великобритании был зафиксирован случай, когда злоумышленники с помощью синтезированной голосовой имитации убедили руководителя одной из энергетических компаний перевести средства на подставной счёт. Согласно опубликованным данным, потерпевший был уверен, что разговаривает по телефону с вышестоящим руководителем материнской компании, тогда как в действительности голос принадлежал мошеннику, использовавшему технологию генеративного искусственного интеллекта для клонирования речи. Аналогичный инцидент произошёл в Объединённых Арабских Эмиратах в начале 2020 года: с использованием синтезированного голоса директора банка было похищено 35 млн долларов США.

Особую проблему составляет восприятие материалов, созданных с использованием дипфейков, судами. Исследования показывают, что даже специалисты, не говоря уже о судьях или присяжных, не способны с уверенностью отличить подделку от оригинала. Как показал описанный ранее эксперимент Кларка и Левандовски, даже прямое предупреждение о подделке не устраняет влияние синтетического контента на формирование убеждения. В условиях, когда визуальная информация традиционно считается наиболее надёжной, это создаёт риск серьёзных судебных ошибок.

В российском праве отсутствует специальное регулирование, посвящённое материалам, созданным с использованием дипфейков. Оценка доказательств в уголовном процессе традиционно строится на основе внутреннего убеждения суда, сформированного по результатам всестороннего и объективного исследования всех материалов дела. УПК РФ ограничивается общими положениями: любое доказательство должно быть получено законным путём и подлежит проверке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности (ст. 74–88 УПК РФ), при этом закон не устанавливает иерархии доказательств. В свою очередь, на практике именно аудио- и видеозаписи нередко воспринимаются как обладающие повышенной убедительностью. Суды проверяют главным образом процессуальную форму, а вопрос о технической подлинности содержания почти не затрагивается. Например, при рассмотрении дел, где видеозапись выступает ключевым доказательством, суды обычно опираются на заключения экспертов о целостности носителя и отсутствии монтажа. Современные технологии дипфейк позволяют создавать материалы без явных следов редактирования, что делает стандартные методы проверки малоэффективными, а это, в свою очередь, создаёт риск судебных ошибок при сохранении прежнего уровня доверия к таким записям.

В контексте анализа новых форм фальсификации показательно рассмотренное в 2023 году в Республике Татарстан уголовное дело, где работник коллекторского агентства, вместо стандартных угроз, создал с помощью графического редактора серию порнографических коллажей, в которые интегрировал фотографии супруги должника и её знакомых. Затем он рассылал эти изображения не только жертве, но и её детям, друзьям, разрушая социальные связи. Данный эпизод, несмотря на применение относительно простых технологий монтажа, представляет собой важный переходный этап к более сложным синтетическим медиа и раскрывает системные проблемы правовой оценки подобных действий. Как отмечают К.В. Старостенко и А.С. Коновалов, дипфейк-технологии эксплуатируют «эмоциональную суггестию» – шокирующий контент вызывает сильные эмоции, снижая критическое восприятие. В данном случае правоприменитель квалифицировал действия по трём статьям: клевета (ст. 128.1 УК РФ), незаконное изготовление порнографических материалов (ст. 242 УК РФ) и самоуправство (ст. 330 УК РФ). Примечательно, что суд признал цифровой коллаж не просто способом клеветы, а самостоятельным преступным продуктом по ст. 242 УК РФ.

Данный эпизод с использованием статичного фотомонтажа, пусть и технологически примитивного по меркам современных дипфейков, тем не менее отчётливо демонстрирует уязвимость правовой системы: даже относительно грубые цифровые подделки ставят правоприменителя в тупик. Можно предположить, что при переходе злоумышленников к полноценному синтетическому аудиовизуальному контенту риски кратно возрастут.

Подтверждение этому можно найти и в судебной практике последних лет. Так, приговором Самарского районного суда от 6 июня 2025 года по делу № 1-48/2025 пятеро сотрудников транспортной полиции были осуждены за превышение должностных полномочий (п. «г, е» ч. 3 ст. 286 УК РФ). Ключевым доказательством обвинения выступала аудиозапись оперативно-розыскного мероприятия «опрос», на которой, по версии следствия, один из подсудимых признавался в хищении вещественных доказательств. Подсудимый последовательно заявлял, что запись является сфальсифицированной с использованием дипфейк-технологий синтеза речи, однако суд отклонил этот довод, сославшись на два обстоятельства. Во-первых, проведённая по делу фоноскопическая экспертиза не смогла идентифицировать голос подсудимого из-за низкого качества фонограммы, но и не подтвердила факт монтажа или синтеза. Во-вторых, что показательно, пока-

зания свидетелей – должностных лиц, знавших подсудимого по службе, – были признаны судом достаточными для отождествления голоса в обход экспертного заключения.

Данный пример наглядно иллюстрирует две системные проблемы, обозначенные в настоящем исследовании. Во-первых, суд не учёл принципиальные ограничения существующих методов экспертного исследования: фоноскопическая экспертиза не смогла ни подтвердить, ни исключить синтетическое происхождение записи, однако суд не применил повышенный стандарт проверки достоверности, фактически презюмируя подлинность доказательства, не получившего надлежащего научного подтверждения. Во-вторых, дело демонстрирует, что в отсутствие законодательно закреплённой процедуры верификации – включая обязательное хеширование и комплексную экспертизу – суды вынуждены возвращаться к «классическим» методам оценки, а именно к показаниям свидетелей. В эпоху высококачественного синтеза голоса подобный подход создаёт очевидный риск судебной ошибки.

На текущий момент специальные процессуальные нормы не установлены. Основным, а в ряде случаев единственным, инструментом проверки достоверности цифровых материалов остаётся судебная экспертиза. В российских экспертных учреждениях отсутствуют ведомственно утверждённые унифицированные методики выявления дипфейк-контента, что может приводить к формализации заключений. Систематическое применение глубокого технологического анализа в уголовном процессе не является общепринятой практикой.

Обращение к зарубежной практике тоже не даёт готовых решений. Проблема находится в фокусе внимания многих правопорядков, однако единообразное процессуальное решение пока не выработано: законодатели и суды действуют разрозненно, а универсальной модели проверки аутентичности аудиовизуальных доказательств в эпоху дипфейк до сих пор не предложено.

В Соединённых Штатах Америки действует стандарт Daubert, требующий от экспертных методик подтверждённой научной состоятельности, что потенциально позволяет сторонам оспаривать заключения, полученные с использованием непрозрачных алгоритмов детекции дипфейков. Вместе с тем на сегодняшний день отсутствуют прецеденты, в которых федеральные суды на основании стандарта Daubert исключали бы заключения экспертов по причине «непроверяемости» применённого программного обеспечения. Дискуссия остаётся в доктринальной плоскости. Одновременно на федеральном уровне обсуждаются законопроекты, направленные на криминализацию распространения синтетического контента, способного повлиять на правосудие, однако их принятие не снимает вопроса о процессуальных механизмах проверки таких материалов в суде.

Отдельного внимания заслуживает опыт Китайской Народной Республики, где с 2019 года действуют правила об обязательной маркировке синтетического аудио- и видеоконтента, а её нарушение влечёт ответственность вплоть до уголовной. Данный подход решает задачу общей превенции, но малоэффективен в ситуациях, когда дипфейк создаётся злоумышленником именно с целью введения в заблуждение правоприменителя – вероятно, что такой субъект не станет добровольно маркировать свой продукт.

Европейские государства, в частности, Германия, ориентируются на развитие возможностей судебной компьютерно-технической экспертизы и обсуждают повышение стандартов проверки материалов, полученных из непроверенных цифровых источников, однако соответствующие процессуальные нормы пока не кодифицированы.

Таким образом, мировой опыт подтверждает актуальность проблемы, но не предлагает готовых процессуальных моделей, применимых для механического заимствования в российском уголовном процессе.

Главная проблема заключается в том, что дипфейк-материалы разрушают устоявшуюся презумпцию достоверности аудиовизуальных доказательств. Процесс доказывания в уголовном судопроизводстве, регламентированный главой 11 УПК РФ, исторически формировался вокруг материальных и «осязаемых» доказательств. Появление высококачественных синтетических медиа, созданных с помощью технологий искусственного интеллекта, ставит перед правоприменителем ряд практически неразрешимых на текущий момент задач. Если раньше видеозапись считалась объективным отражением действительности, то теперь она может быть доказательством, достоверность которого не поддаётся верификации традиционными методами. Для суда это означает необходимость кардинально менять подход к оценке: вместо доверия к видео – применение повышенного стандарта проверки достоверности, требующего подтверждения аутентичности материала иными источниками. Трудности носят системный характер и начинаются с фундаментальных технических и экспертных барьеров.

Во-первых, ключевой проблемой является «эффект черного ящика», присущий как процессу создания, так и детекции дипфейков. Нейросетевые модели, генерирующие контент, работают по алгоритмам, не всегда понятным даже их разработчикам, что создает непреодолимый барьер при попытке разъяснить суду в рамках ст. 17 УПК РФ и ст. 204 УПК РФ природу выявленных признаков подлога. Заключение эксперта рискует превратиться в перечень технических параметров и вероятностей, лишенных наглядности и убедительности для лиц, не обладающих специализированными познаниями в области машинного обучения.

Например, эксперт в заключении указывает, что «метрика FID (Fréchet Inception Distance) для кадров видео аномально низка, а анализ спектрограммы аудиодорожки выявил артефакты кодирования, характерные для модели VQ-VAE-2». Для суда и сторон обвинения и защиты такая формулировка – юридически бессодержательный набор слов. В отличие от традиционной фальсификации, где эксперт может наглядно показать присяжным следы клея на склеенной аудиокассете или несовпадение теней на фотоколлаже, цифровой фальсификат таких осязаемых улик не оставляет. Всё, что от него остаётся, – статистические аномалии, различимые лишь на уровне математических моделей, но не воспринимаемые на глаз или на слух.

Второй фактор – это непрекращающееся соперничество генеративных и детектирующих алгоритмов. Как только исследователи находят способ выявлять артефакты одного поколения дипфейк, создатели подделок тут же выпускают следующее, лишённое этих признаков. Такого рода «состязание в скорости» делает любой статичный набор экспертных методик заведомо устаревшим к моменту его утверждения. Методы детекции, основанные на выявлении специфических артефактов ранних моделей дипфейк (например, отсутствие моргания, неестественная работа лицевой мускулатуры, артефакты в области зубов), стремительно устаревают. Как систематизирует итальянский специалист в области цифровой криминалистики Ирэн Америни в обзоре «Deepfake Media Forensics: Status and Future Challenges» (2025), если ранние детекторы опирались на явные артефакты (отсутствие моргания, неестественная мимика), то новейшие генеративные модели – диффузионные (DDPM) и StyleGAN3 – создают контент, где такие маркеры уже отсутствуют. Автор отмечает, что это приводит к феномену

«Impostor Bias» (предвзятости самозванца) – устойчивому скептицизму в отношении любых аудиовизуальных материалов, даже подлинных. С точки зрения уголовного процесса это означает, что эксперт, использующий методику, основанную на выявлении старых артефактов, с высокой вероятностью даст ложное заключение о подлинности видео, созданного по последнему слову техники. Динамика соревновательного развития между генерацией и детекцией дипфейков делает судебную экспертизу принципиально нестабильной: её выводы устаревают быстрее, чем может быть обновлена ведомственная методика.

В 2023 г. в Стэнфордском университете была продемонстрирована генеративная модель, синтезирующая видеопортреты с физиологически безупречным морганием – признаком, который ранее считался надёжным индикатором подделки. Экспериментально стало подтверждено: эксперт, пользующийся методиками, рассчитанными на предшествующие поколения дипфейк-алгоритмов, при исследовании современного синтетического контента с высокой вероятностью придёт к ошибочному выводу о его аутентичности. Сама объективность и достоверность экспертного заключения (ст. 88 УПК РФ) ставится в прямую зависимость от скорости обновления его методической базы, что противоречит презумпции стабильности судебной экспертизы.

В-третьих, отсутствие единых, законодательно или ведомственно утвержденных стандартов и методик проведения судебной экспертизы цифровых фальсификатов создает правовой вакуум и угрозу произвола. В отличие от традиционных видов экспертиз, например, дактилоскопической или почерковедческой, где существуют устоявшиеся протоколы и системы критериев, экспертиза дипфейков находится в зачаточном состоянии. Это приводит к ситуации, когда заключения разных экспертных учреждений по одному и тому же материалу могут быть прямо противоположными, так как основаны на разных, зачастую проприетарных алгоритмах и субъективной интерпретации их результатов.

В качестве примера можно привести ситуацию, когда сторона обвинения представляет видеозапись, полученную с камеры наблюдения, на которой запечатлен подсудимый. Защита ходатайствует о назначении экспертизы, утверждая, что запись – дипфейк. Одна экспертная организация, используя детектор «А», выдает заключение о подлинности видео, другая, используя более современный детектор «Б», – о его синтетической природе. У суда отсутствуют легальные критерии для предпочтения одной методики другой, поскольку ни одна из них не имеет официального статуса. Это парализует процесс оценки доказательств по внутреннему убеждению и превращает судебное разбирательство в «битву экспертов», исход которой определяется не истиной, а ресурсными возможностями сторон для привлечения более технологичных подрядчиков.

Технические и экспертные барьеры не являются лишь техническими неполадками. Они трансформируются в серьезные процессуальные проблемы, подрывающие основы доказательственного права: принципы относимости, допустимости, достоверности. Невозможность достоверно и наглядно продемонстрировать подлог в зале суда де-факто легитимизирует цифровой фальсификат, превращая его в «идеальное» орудие для манипуляции правосудием.

Наряду с техническими и процессуальными ограничениями существенным препятствием для выявления контента, созданного с использованием технологий дипфейк, выступают когнитивные искажения, свойственные участникам уголовного судопроизводства, которые создают условия, при которых синтетический контент может оставаться нераспознанным и использоваться для формирования ложных выводов.

Во-первых, фундаментальной проблемой является «эффект фотографической достоверности». Аудиовизуальная информация на подсознательном уровне воспринимается человеческим мозгом как объективное и неоспоримое свидетельство, фиксация реальности. Эта эвристика, сформированная в доцифровую эпоху, делает судей, прокуроров и присяжных чрезвычайно уязвимыми. Внутреннее убеждение, формируемое в соответствии со ст. 17 УПК РФ, оказывается основано на иллюзии, так как непосредственно исследуется не реальное событие, а его высокотехнологичная симуляция. Экспериментальные исследования подтверждают, что видеосвидетельства оказывают исключительно сильное психологическое воздействие, превосходящее даже логические контраргументы. В контексте российского процесса это вступает в противоречие с принципом оценки доказательств по внутреннему убеждению, основанному на их совокупности, однако на практике видеодоказательство нередко приобретает непропорциональное влияние, несоразмерное его доказательственной силе

Во-вторых, существует риск недооценки сложности выявления дипфейков со стороны правоприменителей: распространено мнение, что любую подделку можно быстро выявить стандартным программным обеспечением или беглым осмотром специалиста. Из этого заблуждения вырастает недооценка рисков и формальный подход к назначению экспертиз. Возможна ситуация, когда суд отклоняет ходатайство защиты о комплексной экспертизе, ограничиваясь вопросом: «имеются ли видимые признаки монтажа?». На такой вопрос при качественном дипфейк последует отрицательный ответ – и формальный повод для отказа найден. Представим реальную ситуацию: защита настаивает на экспертизе видеозаписи, указывая на её ключевую роль для обвинения и ссылаясь на современные технологии фальсификации. Судья, ссылаясь на ст. 284 УПК РФ, отказывает, мотивируя это тем, что «сторона защиты не представила конкретных доказательств, ставящих под сомнение подлинность видеозаписи». Тем самым на защиту фактически возлагается бремя доказывания отрицательного факта, а необходимость применять к таким доказательствам повышенный стандарт проверки достоверности остаётся за скобками.

Третье препятствие – низкий уровень цифровой грамотности в профессиональной юридической среде и слабая осведомлённость о реальных возможностях генеративных нейросетей. Без понимания базовых принципов их работы затруднительно ни сформулировать эксперту корректные вопросы, ни оценить полноту и обоснованность полученного заключения, ни, наконец, заподозрить подлог на ранней стадии. Пример из следственной практики: следователь, знакомый лишь с классическими признаками монтажа (скачки кадров, рассинхронизированность аудио), изучает предъявленную видеозапись. Дипфейк-видео этих артефактов не содержит – оно выглядит как целостный, технически безупречный поток данных. Следователь, не обнаруживая классических признаков монтажа, может прийти к выводу о достоверности записи, не назначая дополнительной проверки. Таким образом, возникает когнитивный парадокс: чем выше качество синтетической подделки, тем выше вероятность её некритического принятия правоприменителем.

В-четвёртых, в делах с участием присяжных срабатывает «эффект ореола». Убедительная видеозапись, представленная обвинением, подсознательно повышает кредит доверия и ко всем остальным доказательствам стороны обвинения – даже к тем, которые сами по себе слабы либо носят косвенный характер.

Сочетание этих психологических ловушек и процессуальных пробелов создаёт идеальные условия, повышающие риски злоупотреблений. Высококачественный дипфейк, попадая в суд, не просто вводит участников процесса в заблуждение – он эксплуатирует саму систему формирования судейского убеждения, заложенную в УПК РФ. Преодоление выявленных барьеров требует комплекса мер, включающего: техническое перевооружение, масштабную образовательную работу и, что важнее всего, внесение в процессуальные нормы поправок, прямо учитывающих уязвимость человеческого восприятия перед цифровыми симулякрами.

Внедрение технологий генеративного искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство создаёт не частную проблему для отдельных институтов криминалистики или процессуального права, а системный риск, затрагивающий ключевые характеристики правосудия как публичного института. Потенциальные последствия использования дипфейков не исчерпываются возможностью вынесения ошибочного приговора по отдельному делу, но могут влиять на базовые предпосылки справедливого судебного разбирательства.

Начнём с принципа состязательности (ст. 15 УПК РФ). Он предполагает равенство процессуальных возможностей обвинения и защиты, однако при технологическом дисбалансе фактическое равенство возможностей сторон может отсутствовать. Тот, у кого есть ресурсы для создания качественного синтетического видео и для его квалифицированной детекции, получает несправедливое преимущество. Защита же, не имеющая доступа к современным средствам анализа, оказывается заведомо слабее. В таких условиях, принцип состязательности может утрачивать практическое содержание. Представим ситуацию: в деле о коррупции в распоряжение следствия через оперативно-розыскные каналы поступает видеозапись, на которой высокопоставленное лицо якобы получает взятку. Сторона защиты заявляет, что запись является высококачественным дипфейком, созданным неустановленными лицами с целью дискредитации обвиняемого, и ходатайствует о назначении комплексной экспертизы. Защита, не располагая доступом к специализированным экспертным учреждениям, оснащённым современными средствами детекции, лишена возможности эффективно оспорить такое доказательство. Суд, лишенный альтернативного аргументированного заключения, вынужден положить его в основу приговора. Технология становится инструментом недобросовестной процессуальной борьбы, нивелируя фактическое равенство сторон.

Во-вторых, искажается суть принципа непосредственности исследования доказательств (ст. 240 УПК РФ). Смысл данного принципа заключается в том, что суд обязан исследовать доказательства непосредственно: заслушивать показания, осматривать вещественные доказательства, оглашать протоколы. Дипфейк искажает существо данного принципа, подменяя подлинное доказательство его искусственной симуляцией. Судья и присяжные, полагая, что непосредственно воспринимают реальность, на самом деле воспринимают искусственно созданную аудиовизуальную симуляцию. Принцип состязательности формально соблюдается, но его содержательное наполнение – доверие к непосредственному восприятию – используется против правосудия.

В-третьих, меняется содержание принципа свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ). Внутреннее убеждение судьи формируется в результате беспристрастного анализа всей совокупности доказательств, однако, как было показано выше, убедительность дипфейк основана на когнитивных уязвимостях. Судебное познание, как и любое человеческое восприятие, подвержено когнитивным искажениям при столкновении с высокореалистичными синтетическими образами. Следовательно, его внутреннее убеждение может быть сформировано под влиянием заведомо ложного, но обладающего высокой степенью психологической убедительности доказательства. Легитимность самого решения суда ставится под сомнение, если оно основано на сфальсифицированном «факте».

Риск судебной ошибки существовал всегда, однако дипфейк придает ему качественно новый характер. Речь идет не о случайной ошибке, вызванной недостатком доказательств или добросовестным заблуждением, а о целенаправленном, труднообнаружимом и потому крайне опасном внедрении в процесс ложной информации, обладающей высокой степенью реалистичности. Если традиционные технологии служили средством фиксации и установления фактических обстоятельств, то дипфейк может использоваться для их искажения. Не исключена ситуация, когда через несколько лет потребуется массовый пересмотр приговоров, вынесенных на основе нераспознанных в свое время цифровых фальсификатов, что приведет к существенному снижению институционального доверия к судебной власти.

Легитимность судебной власти в значительной степени обусловлена уровнем общественного доверия к ней. Уверенность граждан в том, что суд является институтом, способным установить объективную истину и вынести справедливое решение, – основа легитимности судебной власти. Широкое распространение информации о случаях использования дипфейков в судебных процессах, независимо от их реального масштаба, приведет к значительному снижению этого доверия. Любой обвинительный приговор может быть подвергнут сомнению со стороны общественности: «не основан ли он на синтетическом аудиовизуальном материале?». У стороны защиты появляется процессуальный ресурс – ссылаться на саму возможность технической подделки. И даже если эта вероятность объективно низка, сам факт такого апеллирования формирует в правосознании устойчивый скепсис: любой судебный акт может быть поставлен под сомнение.

Распространение подобного отношения объективно затрудняет отправление правосудия, а значит, деструктивный потенциал дипфейков не исчерпывается способностью обмануть конкретного судью или присяжных. Наиболее значимым представляется другое: технология подтачивает системообразующие принципы уголовного процесса – состязательность, непосредственность, свободу оценки доказательств. Как справедливо отмечает И.Г. Смирнова, «категория доверия имеет ярко выраженную уголовно-процессуальную природу, поскольку является базисом процесса доказывания в целом и оценки доказательств в частности». Следовательно, когда дипфейк ставит под сомнение достоверность доказательства, он подрывает не частный элемент, а само основание уголовно-процессуальной деятельности. Отвечать на вызовы генеративного искусственного интеллекта нужно не точечными поправками, а выстраиванием целостной, многоуровневой системы защиты, сочетающей три компонента: превентивные технологические барьеры, адаптацию процессуальных институтов и планомерное повышение цифровой компетентности юридического сообщества.

Ключевой задачей является недопущение проникновения фальсифицированных материалов в уголовное дело, а также создание условий для их быстрой и объективной верификации. В рамках проведенного исследования предлагается следующее:

Первым и минимально необходимым шагом должно стать законодательное закрепление обязательного хеширования цифровых доказательств при их приобщении к материалам дела. Профессор И. Америни выделяет два

типа аутентификации: пассивную, через анализ артефактов после факта и активную – встраивание верифицируемых меток при создании контента. Для уголовного процесса наиболее перспективна активная аутентификация. Предлагается при изъятии цифровых носителей производить расчёт хеш-сумм с сертифицированным ПО и, по возможности, вносить их в распределённый блокчейн-реестр. Однако, как подчёркивает исследователь, такой метод защищает только от посторонних изменений после изъятия, но не от изначальной подделки, исходя из чего хеширование должно быть лишь первым уровнем. Второй уровень – обязательная комплексная экспертиза с использованием нескольких независимых алгоритмов детекции, например, одновременно CNN и частотный анализ, как это предлагается в проекте FF4ALL. Статью 166 УПК РФ следует дополнить частью следующего содержания: «При изъятии электронных носителей информации либо копировании файлов, имеющих значение для уголовного дела, следователь (дознаватель) обязан произвести расчёт хеш-суммы каждого файла с использованием сертифицированных средств криптографической защиты и отразить полученное значение в протоколе следственного действия. Копия протокола незамедлительно вручается лицу, у которого произведено изъятие, либо его представителю». Данная мера позволит в последующем достоверно установить, подвергался ли файл модификации после его поступления в распоряжение следствия.

При этом необходимо ясно осознавать границы данного механизма: хеширование удостоверяет лишь неизменность файла с момента его фиксации, но не способно выявить изначальную подделку, созданную до изъятия. Предложение о внесении хеш-сумм в распределённый реестр (блокчейн) может рассматриваться как перспективное направление для ведомственных информационных систем, однако на текущем этапе его реализация сопряжена со значительными инфраструктурными и бюджетными издержками, а также требует решения вопроса о равном доступе сторон защиты и обвинения к такой системе, что исключает её немедленное внедрение.

Вторым шагом является институциональное усиление кадрового потенциала органов расследования и суда. Предлагается поэтапное введение в штат следственных подразделений, специализирующихся на расследовании преступлений в сфере высоких технологий, должностей специалистов по цифровой криминалистике. Их процессуальный статус должен определяться ст. 58 и 168 УПК РФ. В функции такого специалиста при осмотре места происшествия или производстве выемки электронных носителей должны входить:

1) создание криминалистического образа носителя на месте;

2) расчёт и фиксация хеш-сумм всех значимых файлов;

3) экспресс-анализ аудиовизуальных материалов с использованием аккредитованного программного обеспечения на предмет выявления явных признаков синтетического происхождения;

4) консультирование следователя при формулировании вопросов для последующей судебной экспертизы.

Результаты такого первичного исследования подлежат отражению в протоколе следственного действия.

Аналогичная потребность существует и в судебной системе: при рассмотрении дел, в которых фигурируют цифровые аудиовизуальные доказательства, суду должна быть обеспечена возможность привлечения такого специалиста для дачи разъяснений в порядке ст. 58 УПК РФ. Это позволит судье более компетентно оценивать обоснованность ходатайств о назначении экспертизы и формулировать вопросы экспертному учреждению.

Реализация данного предложения потребует разработки образовательных программ на базе ведомственных учебных заведений и корректировки штатных расписаний, однако эти издержки оправданы масштабом потенциального вреда от судебных ошибок, вызванных нераспознанными синтетическими доказательствами.

Третьим шагом выступает дифференцированное перераспределение бремени доказывания, исходя из повышенных рисков фальсификации цифрового контента, при избежании излишней процессуальной нагрузки. В основу предлагаемого механизма должен быть положен принцип разумной достаточности и состязательности. Речь идет о следующем подходе:

Представляется обоснованным установить повышенный стандарт проверки достоверности цифровых аудио- и видеодоказательств, дифференцированный в зависимости от их процессуального значения. В отношении ключевых доказательств – то есть тех, на которых исключительно или преимущественно строится обвинение и которые не подтверждены иными независимыми источниками, – при заявлении стороной мотивированного ходатайства о возможной фальсификации с использованием технологий синтетического медиаконтента суду надлежит назначать обязательную комплексную экспертизу. Если сторона обвинения основывает обвинение на аудиовизуальном доказательстве, а защита заявляет мотивированное ходатайство о его фальсификации с использованием дипфейк-технологий, обвинение обязано обеспечить проведение комплексной экспертизы; уклонение от проверки влечёт исключение данного доказательства из основы обвинительного приговора. В отношении иных цифровых доказательств достаточным является требование об обязательном раскрытии метаданных, хеш-суммы и сведений об устройстве записи. Отсутствие указанных верификационных данных может служить основанием для признания доказательства недопустимым по ходатайству стороны или инициативе суда (ст. 235 УПК РФ).

Предлагается дополнить статью 88 УПК РФ частью 2.1 следующего содержания:

«Достоверность аудиовизуальных материалов, полученных в электронной форме и представленных в качестве доказательств, при наличии мотивированных сомнений в их аутентичности, вызванных возможным применением технологий синтетического медиаконтента, подлежит обязательной проверке путём проведения судебной экспертизы. Отсутствие такой проверки исключает возможность использования указанных материалов в качестве основы обвинительного приговора или иного итогового судебного решения».

Четвертым шагом необходимо ввести обязательную многоуровневую судебную экспертизу. Для проверки цифровых доказательств должна назначаться комплексная экспертиза, объединяющая компетенции эксперта-IT-специалиста (цифрового криминалиста) (проверка метаданных, истории файла, признаков перекодирования, анализ на соответствие хеш-суммам), эксперта-лингво-акустика (анализ речевой и неречевой составляющей аудиодорожки на предмет артефактов синтеза), эксперта-видеотехника/фототехника (анализ видеоряда на предмет физической и биологической непротиворечивости (естественность мимики, моргания, синхронность аудио и видео, соответствие освещения и физики движения)).

В организационном плане представляется необходимым создание в системе государственных судебно-экспертных учреждений специализированных лабораторий, оснащённых несколькими независимыми программными комплексами детекции синтетического контента и обеспеченных возможностью их регулярного обновления. Однако ещё более значимой является процессуальная регламентация самого порядка проведения таких экспертиз.

В условиях, когда жёстко утверждённая методика неизбежно устаревает быстрее, чем проходит законодательная процедура её актуализации, предлагается ввести не фиксированный набор методик, а процессуальный стандарт комплексной цифровой экспертизы. Для этого статью 204 УПК РФ следует дополнить требованием об обязательном отражении в заключении эксперта следующих сведений:

– перечень использованных программных и аппаратных средств, их версии и даты актуальности;

– описание применённых алгоритмов детекции и их происхождения (проприетарные, открытые, коммерческие);

– проводилась ли верификация полученных результатов альтернативными методами;

– оценка достоверности выводов с указанием известных ограничений использованных технологий.

Такой подход не сковывает экспертное сообщество устаревающей методикой, но при этом создаёт правовые условия для оценки научной обоснованности заключения судом и сторонами – в том числе через призму критериев проверяемости и рецензируемости, известных зарубежной практике (стандарт Daubert).

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что распространение технологий синтетического аудиовизуального контента порождает качественно новый вызов для уголовного судопроизводства. Специфика этого вызова заключается в синергетическом эффекте, возникающем при наложении факторов технической непрозрачности алгоритмов генерации и детекции, процессуальных ограничений и когнитивных уязвимостей субъектов доказывания. В совокупности названные обстоятельства способны деформировать реализацию принципов состязательности, непосредственности и свободной оценки доказательств.

В сложившихся условиях минимально необходимыми мерами представляются:

1) законодательное закрепление обязательного хеширования цифровых доказательств при их приобщении к материалам дела;

2) введение повышенного стандарта проверки достоверности аудиовизуальных материалов посредством комплексной судебной экспертизы, назначаемой при наличии мотивированных сомнений в их аутентичности;

3) дополнение статьи 204 УПК РФ требованиями к раскрытию использованных экспертом программных средств и методик;

4) институциональное укрепление экспертных и следственных подразделений специалистами по цифровой криминалистике;

5) системное повышение цифровой грамотности судей, прокуроров, следователей и адвокатов.

Адаптация уголовного процесса к цифровой эпохе требует не отказа от фундаментальных принципов, а их последовательного укрепления через создание механизмов, гарантирующих достоверность доказательственной базы. Предложенный комплекс мер позволяет с разумной степенью надёжности выявлять синтетические доказательства либо, при невозможности такого выявления, исключать их из основы итогового судебного решения, обеспечивая баланс публичных и частных интересов в условиях, когда доверие к аудиовизуальному контенту более не может презюмироваться.

Литература

1. Америни И., Барни М., Баттиато С. [и др.]. Медиакриминалистика дипфейков: текущее состояние и будущие вызовы // J Imaging. 2025. Т. 11, № 3. С. 73.

2. Касперский Е. В. Deepfake, дипфейк // Лаборатория Касперского : [сайт]. URL: https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/deepfake/ (дата обращения: 10.12.2025).

3. Кольцова О. Ю., Киркиж Э. А. Влияние интернета на участие в протестах // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2016. № 1 (80). С. 90–110.

4. Таранова Ю. В., Гавра Д. П. Применение искусственного интеллекта в территориальном брендинге: возможности и вызовы // Российская школа связей с общественностью. 2024. № 32.

5. Воронин И. А., Гавра Д. П. Дипфейки: современное понимание, подходы к определению, характеристики, проблемы и перспективы // Российская школа связей с общественностью. 2024. № 33. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dipfeyki-sovremennoe-ponimanie-podhody-k-opredeleniyu-harakteristiki-problemy-i-perspektivy (дата обращения: 07.12.2025).

6. Смирнова И. Г. Доверие как аксиологическая детерминанта процесса доказывания по уголовным делам: эмодзи как объект оценки судом // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 5 (83). С. 504–513.

7. Софийчук Н. В. К вопросу о значении доверия в уголовно-процессуальном регулировании // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 1 (113). С. 67–74.

8. Старостенко К. В., Коновалов А. С. Дипфейк как инновационный инструмент политического манипулирования в начале XXI века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 195–201.

9. Aktions plan Deepfake Wien. – Wien, 2022. – 30 S. – (III-740 der Beilagen XXVII. GP – Bericht – 02 Hauptdokument).

10. Albahar M., Almalki J. Deepfakes: Threats and countermeasures systematic review // Journal of Theoretical and Applied Information Technology. 2019. Vol. 97. № 22. P. 3242–3250.

11. Appel M., Prietzel F. The detection of political deepfakes // Journal of Computer-Mediated Communication. 2022. Vol. 27. № 4.

12. Bateman J. Deepfakes and synthetic media in the financial system: Assessing threat scenarios. – Washington : Carnegie Endowment for International Peace, 2022.

13. Brewster T. Fraudsters Cloned Company Director's Voice In $35 Million Bank Heist, Police Find // Forbes. 2021. 14 Oct. URL: https://www.forbes.com/sites/thomasbrewster/2021/10/14/huge-bank-fraud-uses-deep-fake-voice-tech-to-steal-millions/ (дата обращения: 17.01.2026).

14. Boulianne S., Lee S. Conspiracy beliefs, misinformation, social media platforms, and protest participation // Media and Communication. 2022. Vol. 10. № 4. P. 30–41.

15. Case Against 'Deepfake Mom' Falls Apart After Prosecutors Backtrack // The Daily Dot. URL: https://www.dailydot.com/debug/deepfake-mom-cheerleaders-prosecutors-backtrack/ (дата обращения: 10.12.2025).

16. Clark S., Lewandowsky S. The continued influence of AI-generated deepfake videos despite transparency warnings // Communications Psychology. 2026. Vol. 4. Article 13.

17. Delfino R. A. Pornographic deepfakes: The case for federal criminalization of revenge porn's next tragic act // Fordham Law Review. 2019. Vol. 88. P. 887.

18. Dobber T. et al. Do (microtargeted) deepfakes have real effects on political attitudes? // The International Journal of Press/Politics. 2021. Vol. 26. № 1. P. 69–91.

19. Dolhansky B. et al. The deepfake detection challenge (dfdc) dataset // arXiv.org. 2020. URL: https://arxiv.org/abs/2006.07397 (дата обращения: 10.12.2025).

20. Goodfellow I. et al. Generative adversarial nets // Advances in neural information processing systems. 2014. Vol. 27.

21. Kietzmann J. et al. Deepfakes: Trick or treat? // Business Horizons. 2020. Vol. 63. № 2. P. 135–146.

22. Kshetri N. The economics of deepfakes // Computer. 2023. Vol. 56. № 8. P. 89–94.

23. Masood M. et al. Deepfakes generation and detection: State-of-the-art, open challenges, countermeasures, and way forward // Applied intelligence. 2023. Vol. 53. № 4. P. 3974–4026.

24. Mirsky Y., Lee W. The creation and detection of deepfakes: A survey // ACM computing surveys (CSUR). 2021. Vol. 54. № 1. P. 1–41.

25. Stupp C. Fraudsters Used AI to Mimic CEO's Voice in Unusual Cybercrime Case // The Wall Street Journal. 2019. 30 Aug. URL: https://www.wsj.com/articles/fraudsters-use-ai-to-mimic-ceos-voice-in-unusual-cybercrime-case-11567157402 (дата обращения: 17.01.2026).

26. Text – H.R.3230 – 116th Congress (2019-2020): DEEP FAKES Accountability Act. URL: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/3230/text (дата обращения: 10.12.2025).

27. Vromen A., Xenos M. A., Loader B. Young people, social media and connective action: From organisational maintenance to everyday political talk // Journal of Youth Studies. 2015. Vol. 18. № 1. P. 80–100.

28. Westerlund M. The emergence of deepfake technology: A review // Technology innovation management review. 2019. Vol. 9. № 11.

29. Vincent J. Watch Jordan Peele Use AI to Make Barack Obama Deliver a PSA About Fake News // The Verge. 2018. 17 April. URL: https://www.theverge.com/tldr/2018/4/17/17247334/ai-fake-news-video-barack-obama-jordan-peele-buzzfeed (дата обращения: 10.12.2025).

The impact of deepfake technologies on evidence assessment: a crisis of trust

Khubieva M.M.
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Synthetic audiovisual content (deepfake) technologies pose an unprecedented challenge to criminal justice, undermining fundamental principles of evidence evaluation. The article examines algorithmically generated synthetic media as a qualitatively new destructive factor in criminal proceedings, systematically distorting evidentiary information. Drawing on foreign practice and Russian law enforcement, the study identifies systemic risks of deepfake use, with particular attention paid to technical, procedural, and psychological barriers to their detection. The methodological basis of the research comprises the dialectical method of scientific cognition, general scientific methods of analysis, synthesis, induction, deduction, and the systemic-structural approach, as well as specific legal methods: formal-legal, comparative-legal, and legal modeling. The empirical base includes foreign and domestic judicial practice materials and interdisciplinary doctrinal sources at the intersection of criminal procedure law, criminalistics, and computer science. The author argues that the historically formed presumption of trust in audiovisual evidence must give way to a heightened standard of reliability verification. A comprehensive set of measures is proposed: legislative codification of mandatory hashing of digital evidence; introduction of a mandatory comprehensive judicial examination where there are reasoned doubts as to authenticity; amendment of Article 204 of the Russian Criminal Procedure Code with requirements for disclosure of expert methodologies; institutional strengthening of expert and investigative units with digital forensics specialists; and systematic improvement of digital literacy among judges, investigators, and lawyers. The conclusion is drawn that timely and comprehensive counteraction to the threats posed by synthetic audiovisual content technologies is a key condition for maintaining public trust in justice in the digital era.

Keywords: criminal proceedings, evidence, evaluation of evidence, relevance of evidence, reliability of evidence, admissibility of evidence, falsification of evidence, deepfake, digital technologies, forensic expertise, and digital forensics.

References

1. Amerini I., Barney M., Battiatto S. [et al.]. Media Forensics of Deepfakes: Current State and Future Challenges // J Imaging. 2025. Vol. 11, No. 3. P. 73.

2. Kaspersky E. V. Deepfake // Kaspersky Lab : [website]. URL: https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/deepfake/ (accessed: 10.12.2025).

3. Koltsova O. Yu., Kirkizh E. A. The Influence of the Internet on Protest Participation // Politiya. Analysis. Chronicle. Forecast. 2016. No. 1 (80). P. 90–110.

4. Taranova Yu. V., Gavra D. P. Application of Artificial Intelligence in Territorial Branding: Opportunities and Challenges // Russian School of Public Relations. 2024. No. 32.

5. Voronin I. A., Gavra D. P. Deepfakes: Modern Understanding, Approaches to Definition, Characteristics, Problems and Prospects // Russian School of Public Relations. 2024. No. 33. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dipfeyki-sovremennoe-ponimanie-podhody-k-opredeleniyu-harakteristiki-problemy-i-perspektivy (accessed: 07.12.2025).

6. Smirnova I. G. Trust as an Axiological Determinant of Evidence in Criminal Cases: Emoji as an Object of Court Evaluation // Russian Criminological Journal. 2024. No. 5 (83). P. 504–513.

7. Sofiychuk N. V. On the Importance of Trust in Criminal Procedure Regulation // Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2024. No. 1 (113). P. 67–74.

8. Starostenko K. V., Konovalov A. S. Deepfake as an Innovative Tool of Political Manipulation in the Early 21st Century // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science. 2025. Vol. 25, iss. 2. P. 195–201.

9. Aktions plan Deepfake Wien. – Wien, 2022. – 30 S. – (III-740 der Beilagen XXVII. GP – Bericht – 02 Hauptdokument).

10. Albahar M., Almalki J. Deepfakes: Threats and Countermeasures Systematic Review // Journal of Theoretical and Applied Information Technology. 2019. Vol. 97. No. 22. P. 3242–3250.

11. Appel M., Prietzel F. The Detection of Political Deepfakes // Journal of Computer-Mediated Communication. 2022. Vol. 27. No. 4.

12. Bateman J. Deepfakes and Synthetic Media in the Financial System: Assessing Threat Scenarios. – Washington : Carnegie Endowment for International Peace, 2022.

13. Brewster T. Fraudsters Cloned Company Director's Voice In $35 Million Bank Heist, Police Find // Forbes. 2021. Oct. 14. URL: https://www.forbes.com/sites/thomasbrewster/2021/10/14/huge-bank-fraud-uses-deep-fake-voice-tech-to-steal-millions/ (accessed: 17.01.2026).

14. Boulianne S., Lee S. Conspiracy Beliefs, Misinformation, Social Media Platforms, and Protest Participation // Media and Communication. 2022. Vol. 10. No. 4. P. 30–41.

15. Case Against 'Deepfake Mom' Falls Apart After Prosecutors Backtrack // The Daily Dot. URL: https://www.dailydot.com/debug/deepfake-mom-cheerleaders-prosecutors-backtrack/ (accessed: 10.12.2025).

16. Clark S., Lewandowsky S. The Continued Influence of AI-Generated Deepfake Videos Despite Transparency Warnings // Communications Psychology. 2026. Vol. 4. Article 13.

17. Delfino R. A. Pornographic Deepfakes: The Case for Federal Criminalization of Revenge Porn's Next Tragic Act // Fordham Law Review. 2019. Vol. 88. P. 887.

18. Dobber T. et al. Do (Microtargeted) Deepfakes Have Real Effects on Political Attitudes? // The International Journal of Press/Politics. 2021. Vol. 26. No. 1. P. 69–91.

19. Dolhansky B. et al. The Deepfake Detection Challenge (DFDC) Dataset // arXiv.org. 2020. URL: https://arxiv.org/abs/2006.07397 (accessed: 10.12.2025).

20. Goodfellow I. et al. Generative Adversarial Nets // Advances in Neural Information Processing Systems. 2014. Vol. 27.

21. Kietzmann J. et al. Deepfakes: Trick or Treat? // Business Horizons. 2020. Vol. 63. No. 2. P. 135–146.

22. Kshetri N. The Economics of Deepfakes // Computer. 2023. Vol. 56. No. 8. P. 89–94.

23. Masood M. et al. Deepfakes Generation and Detection: State-of-the-Art, Open Challenges, Countermeasures, and Way Forward // Applied Intelligence. 2023. Vol. 53. No. 4. P. 3974–4026.

24. Mirsky Y., Lee W. The Creation and Detection of Deepfakes: A Survey // ACM Computing Surveys (CSUR). 2021. Vol. 54. No. 1. P. 1–41.

25. Stupp C. Fraudsters Used AI to Mimic CEO's Voice in Unusual Cybercrime Case // The Wall Street Journal. 2019. Aug. 30. URL: https://www.wsj.com/articles/fraudsters-use-ai-to-mimic-ceos-voice-in-unusual-cybercrime-case-11567157402 (accessed: 17.01.2026).

26. Text – H.R.3230 – 116th Congress (2019-2020): DEEP FAKES Accountability Act. URL: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/3230/text (accessed: 10.12.2025).

27. Vromen A., Xenos M. A., Loader B. Young People, Social Media and Connective Action: From Organisational Maintenance to Everyday Political Talk // Journal of Youth Studies. 2015. Vol. 18. No. 1. P. 80–100.

28. Westerlund M. The Emergence of Deepfake Technology: A Review // Technology Innovation Management Review. 2019. Vol. 9. No. 11.

29. Vincent J. Watch Jordan Peele Use AI to Make Barack Obama Deliver a PSA About Fake News // The Verge. 2018. Apr. 17. URL: https://www.theverge.com/tldr/2018/4/17/17247334/ai-fake-news-video-barack-obama-jordan-peele-buzzfeed (accessed: 10.12.2025).

Роль Армянской Апостольской Церкви в формировании национальной идентичности и политической повестки

Агаджанян Арсен Арташесович
студент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, agadjanyan.001@mail.ru

В статье анализируется изменение места и функций Армянской Апостольской Церкви (ААЦ) в политической системе Республики Армения после «бархатной революции» 2018 года. На основе институционального и дискурсивного подходов рассматриваются трансформация отношений церкви и государства, участие ААЦ в политической мобилизации, влияние на легитимацию власти, позиции по вопросам геополитической ориентации и роль в армяно-азербайджанском конфликте. Автор приходит к выводу, что после 2018 года ААЦ перешла от симбиоза с правящим режимом к позиции ключевого оппонента секулярных реформ, сохраняя при этом статус символического центра национальной идентичности и инструмента публичной дипломатии.
Ключевые слова: Армянская Апостольская Церковь, «бархатная революция», политическая мобилизация, легитимация власти, геополитическая ориентация, диаспора, секуляризация, религиозный национализм.

Введение

Республика Армения представляет собой уникальный для постсоветского пространства случай, где национальная церковь — Армянская Апостольская Церковь (ААЦ) — на протяжении столетий выступала не только религиозным, но и политическим, культурным и социальным институтом. Принятие христианства в качестве государственной религии в 301 году, многовековое отсутствие собственной государственности и функционирование церкви в рамках османской системы миллета как «национального парламента» сформировали особую модель отношений, где религиозная и национальная идентичности оказались неразрывно связаны. После восстановления независимости в 1991 году ААЦ получила конституционно закрепленный особый статус, а в период президентств Роберта Кочаряна и Сержа Саргсяна сложился тесный симбиоз церкви и государства, в рамках которого ААЦ поддерживала правящий режим, получая взамен материальные и символические привилегии.

«Бархатная революция» 2018 года, приведшая к власти Никола Пашиняна, стала поворотным моментом. Новое правительство, сформированное на волне протестов против коррупции и олигархической системы, провозгласило курс на секулярную модернизацию, демократизацию и сближение с западными структурами. Это неизбежно вступило в противоречие с консервативной позицией ААЦ, которая восприняла реформы как угрозу «традиционным ценностям» и своей институциональной роли. Цель данной статьи — системно проанализировать трансформацию роли ААЦ в политических процессах Армении после 2018 года по следующим ключевым направлениям: изменение статуса и отношений с властью, участие в политической мобилизации, влияние на легитимацию власти, позиции по геополитическому выбору страны и роль в армяно-азербайджанском конфликте.

1. Трансформация роли Армянской Апостольской Церкви после «бархатной революции»

До 2018 года Армянская Апостольская Церковь была составной частью государственного механизма. Как отмечает А.Б. Крылов, «после провозглашения независимости Республики Армения в 1991 г. Армянская апостольская церковь была составной частью государственного механизма и играла важную роль в жизни общества, на внутриполитической и международной арене» [1, с. 91]. Правящая Республиканская партия поддерживала националистический консервативный дискурс, признавая за ААЦ ведущую роль в религиозном пространстве. Однако в обществе накапливалось недовольство: как пишет О. Оганнисян, «споры о том, как принадлежность к Армянской апостольской церкви соотносится с армянской идентичностью, идут непрерывно», а сама церковь воспринималась частью населения как «одно из министерств правительства», используемое «для прикрытия каких-то мафиозных структур» [2, с. 59-74].

«Бархатная революция» 2018 года изменила эту конфигурацию. Показательным стал символический разрыв: 21 мая 2018 года впервые в истории Республики Армения премьер-министр и члены правительства не стали приносить присягу на Библии и в присутствии Католикоса всех армян. Новое руководство дистанцировалось от прежних символов, подчеркивая светский характер государства.

Реакция общества также была неоднозначной. Возникло движение «Новая Армения, новый патриарх»,

участники которого в течение нескольких месяцев требовали отставки Католикоса всех армян Гарегина II, устраивая пикеты в Первопрестольном Святом Эчмиадзине и Ереване. Хотя движение не достигло своей цели, оно продемонстрировало наличие запроса на пересмотр роли церкви. Примечательно, что Никол Пашинян, к которому обращались за разрешением конфликта, отказался вмешиваться, сославшись на статью 17 Конституции, утверждающую, что Армения есть светское государство, и заявив, что «государство и премьер не должны вмешиваться в дела церкви» [3].

Конфликтная динамика закрепилась в последующие годы. Весной 2020 года Католикос всех армян Гарегин II призвал освободить второго президента Армении Роберта Кочаряна, находившегося под арестом, ввиду пандемии коронавируса и высоких рисков заразиться. Данный призыв был воспринят властью как поддержка оппозиции и давление на суд. А в 2026 году Генеральная прокуратура Армении возбудила уголовное дело в отношении Гарегина II за препятствование исполнению судебного акта по делу об Армане Сарояне, который вместе с Пашиняном призывал к отставке католикоса.

Таким образом, после 2018 года ААЦ перешла из статуса «национальной церкви — партнера государства» в оппозиционный центр символической власти, что создало принципиально новую конфигурацию государственно-конфессиональных отношений.

2. Участие религиозных институтов в политической мобилизации, общественной активности и формировании общественного мнения

Политизация ААЦ, понимаемая как процесс, в результате которого религиозный институт становится субъектом политического процесса, выходя на политическую, а не только религиозную арену [4], проявляется в способности церкви консолидировать нацию. Армянский религиозный институт играет роль консолидирующего игрока, который способен объединить нацию вокруг значимых символов и ценностей.

Формирование общественного мнения осуществляется через публичные заявления высшего духовенства. Примером служит поздравление Католикоса Гарегина II в адрес Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с 15-летием интронизации, где армянский патриарх отметил «молитвенную поддержку, оказанную патриархом РПЦ в этот трудный для армянского народа период, его усилия по мирному разрешению карабахской проблемы, а также сохранению армянского духовного и культурного наследия» [5]. Одновременно он выразил сожаление, что «Азербайджан продолжает посягать на армянские святыни».

Другой пример — заявления Гарегина II о возможном представительстве Русской Православной Церкви на территории Республики Армения. В октябре 2021 года он заявил: «Эта встреча с патриархом Кириллом в России является возможностью, чтобы мы обсудили... вопросы, связанные с представлением Русской православной церкви в Армении, что, к сожалению, затягивается уже» [6]. Тем самым церковь выступает медиатором между национальными властями и обществом, а также между Арменией и Россией.

В 2026 году прошли массовые акции в поддержку ААЦ и Гарегина II с лозунгом «Наш крест — наша сила» в Ереване, Эчмиадзине, Москве и других городах. Участники призывали не голосовать на парламентских выборах за Никола Пашиняна, утверждая, что власти нарушают верховный закон.

Показательным является и решение об исключении предмета «История Армянской Церкви» из обязательной школьной программы в 2022 году. Заместитель министра образования Жанна Андреасян предложила распределить содержание предмета по другим дисциплинам: исторический аспект войдет в «Историю Армении», музыкальная часть — в уроки музыки, а христианское воспитание — в обществоведение [7]. Это решение было воспринято консервативной частью общества как секулярная реформа, направленная на снижение институционального влияния церкви.

3. Влияние религии на политические решения и легитимацию власти в условиях постреволюционной модернизации

В постреволюционных условиях ААЦ перешла от легитимации авторитарных режимов к острой конфронтации с правительством Пашиняна. До 2018 года церковь служила инструментом традиционной легитимации власти, поддерживая Кочаряна и Саргсяна как «защитников национальных ценностей». Получая привилегии в армии и образовании, ААЦ оправдывала существующий порядок через религиозную символику.

После революции правительство Пашиняна продвигает секулярную модернизацию, что вызывает конфронтацию по целому ряду вопросов. Церковь отвергает реформы в гендерной политике, выступая против ЛГБТ-инициатив. Армянская Церковь открыто осудила попытки проведения в Ереване «форума ЛГБТ-христиан», видя в них угрозу традиционным ценностям [8]. Критике подвергаются и образовательные реформы за «антицерковный» уклон.

Особенно острый характер конфликт приобрел после поражения в Карабахской войне 2020 года. Церковь использовала войну и ее последствия для мобилизации протестов, требуя отставки премьер-министра. Католикос Гарегин II осуждал мирное соглашение и переговоры Никола Пашиняна с представителями Азербайджана, поддерживал протесты архиепископа Баграта Галстяна в 2024 году, обвиняя власть в «предательстве народа».

Кульминацией противостояния стало возбуждение в феврале 2026 года уголовного дела против Католикоса всех армян Гарегина II. Адвокат Ара Зограбян назвал это «исторически позорным шагом» [9]. В ответ на это тысячи верующих пикетировали Следственный комитет, требуя прекратить давление. Русская Православная Церковь выразила обеспокоенность «вмешательством в дела церкви» [10].

Таким образом, религия в современных условиях выступает тормозом постреволюционной модернизации, усиливая поляризацию общества. ААЦ позиционирует себя как защитник «традиционных ценностей» и предлагает альтернативную модель легитимности, основанную на исторической памяти и этноконфессиональной идентичности.

4. Позиции ААЦ по вопросам международных союзов и геополитической ориентации Армении

Армения сохраняет многовекторную внешнюю политику: членство в СНГ, ЕАЭС и формальное участие в ОДКБ при одновременном развитии партнерства с Европейским союзом (с 2025 года обсуждается вопрос о начале процедуры вступления). В этой системе координат ААЦ не является формальным субъектом принятия внешнеполитических решений, однако ее позиция имеет символическое значение.

По отношению к постсоветским интеграционным объединениям церковь демонстрирует благожелательность. Как отметил Гарегин II, «в России мы имеем самую многочисленную армянскую диаспору, и потому мы Россию воспринимаем как свою вторую родину» [11]. Устойчивые контакты с Русской Православной Церковью создают дополнительный фон легитимации евразийского вектора как

совместимого с армянской исторической и культурной традицией.

Восприятие ОДКБ является более сложным. Армения долгое время связывала с этой организацией ожидания реальных гарантий безопасности в условиях армяно-азербайджанского противостояния. Однако после 2020 года, когда ОДКБ не оказала прямой военной поддержки, в армянском обществе нарастает разочарование. В 2024 году Армения прекратила финансирование ОДКБ, а Никол Пашинян заявил о фактической заморозке участия. ААЦ не формулировала специальной позиции по ОДКБ, но ее риторика о защите нации и необходимости безопасности объективно пересекалась с критическим переосмыслением этого союза.

Европейский вектор воспринимается ААЦ амбивалентно. С одной стороны, церковь участвует во встречах с представителями ЕС (католикос принимал главу наблюдательной миссии ЕС в Армении и посла ЕС). С другой стороны, для церковного дискурса европейский вектор сопряжен с опасением ценностного давления — прав ЛГБТ, гендерного равенства, либеральных образовательных стандартов, которые воспринимаются как угроза традиционной модели национальной идентичности [12]. Отсюда возникает напряжение между дипломатической открытостью к Европе и настороженностью по отношению к идеологическим изменениям, ассоциируемым с западной повесткой.

5. Религия в армяно-азербайджанском конфликте: ААЦ как инструмент публичной дипломатии и поддержания идентичности диаспоры

Армяно-азербайджанский конфликт в рассматриваемый период сохранял выраженное влияние на политическую повестку Армении. Хотя его природа прежде всего связана с территориальными и политическими противоречиями, религия выполняет значимую символическую функцию. Противостояние часто воспринимается через призму различия коллективных идентичностей: Армения ассоциируется с древней христианской государственностью, а Азербайджан — с иной религиозно-культурной традицией.

После войны 2020 года и событий 2023 года вокруг Нагорного Карабаха ААЦ стала одним из ключевых институтов символической мобилизации армянского общества. Священнослужители присутствовали в зоне конфликта, проводили пастырскую работу, поддерживали военнослужащих и их семьи. Католикос Гарегин II призывал народ к единству, а также обращался к мировому сообществу с призывом остановить экспансию Азербайджана и защитить права армян Карабаха [13].

Одновременно ААЦ выступает как инструмент публичной дипломатии. Через межцерковный диалог, обращения к мировому сообществу и символические практики, связанные с памятью о геноциде армян, церковь формирует образ Армении как страны древней христианской цивилизации, нуждающейся в международном понимании и поддержке. Эта функция особенно важна для диаспоры: значительная часть армянского народа проживает вне территории современной Армении, и именно церковные структуры во многом обеспечивают сохранение чувства общности. Через приходы, епархии и общинные центры создается инфраструктура культурного воспроизводства, позволяющая сохранять связь с исторической родиной.

В кризисные периоды, связанные с обострением конфликта, церковные структуры диаспоры способствуют сбору средств, организации информационных кампаний и взаимодействию с политическими кругами стран проживания. Тем самым поддержание религиозной и национальной идентичности переходит в плоскость общественно-политической поддержки армянских интересов на международной арене.

Вместе с тем потенциал ААЦ как инструмента публичной дипломатии зависит от характера ее отношений с государством. После 2018 года, а особенно после войны 2020 года, напряженность между церковью и политическим руководством Армении усилилась, что снижает согласованность внешнего представительства. Однако даже в условиях подобных противоречий ААЦ сохраняет высокий символический капитал и продолжает восприниматься как один из главных институтов армянской идентичности.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что после «бархатной революции» 2018 года роль Армянской Апостольской Церкви в политических процессах Армении претерпела фундаментальные изменения. От статуса союзника авторитарной власти и инструмента традиционной легитимации ААЦ перешла к позиции ключевого оппонента секулярной модернизации, отстаивающего этноконфессиональную модель нации против гражданско-секулярной модели, предлагаемой правительством Никола Пашиняна. Конфликтная динамика закрепилась в символических разрывах (отказ от присяги на Библии), публичных противостояниях (призывы освободить Кочаряна, поддержка протестов Галстяна) и юридических преследованиях (уголовное дело против католикоса в 2026 году).

Церковь сохраняет высокий мобилизационный потенциал, активно участвует в формировании общественного мнения через публичные заявления и организацию акций протеста. Во внешнеполитической сфере ААЦ не является прямым актором, но влияет на общественное восприятие геополитического выбора: демонстрирует культурную близость к России и евразийским структурам, сохраняя настороженность в отношении европейского вектора из-за опасений ценностного давления. В армяно-азербайджанском конфликте ААЦ выступает институтом символической мобилизации, каналом публичной дипломатии и ключевым инструментом поддержания идентичности диаспоры. Уголовное преследование католикоса Гарегина II в 2026 году и массовые протесты в его поддержку свидетельствуют о том, что конфликт между светской властью и национальной церковью далек от разрешения и будет определять политическую повестку Армении в обозримом будущем.

Литература

1. Крылов А. Б. Армянская апостольская церковь и бархатная революция 2018 года //
Россия и новые государства Евразии. — 2024. — № III (LXIV). — С. 91–108.

2. Оганнисян О. Церковь — постсекулярная или постсакральная // Pro et Contra. — 2013. — № 3-4. — С. 59–74.

3. Развитие гражданской идентичности в Республике Армения: тенденции, вызовы, риски / О. Л. Саркисян, Н. А. Дунамалян, Д. О. Саргсян и др. — Ереван : Российско-Армянский университет, 2023. — 258 с.

4. Черняев Е. К. Религиозный институт как субъект политической модернизации // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. — 2019. — № 2.

5. TASS. (2024, February 1). Garegin II Noted the Efforts of Patriarch Kirill to Preserve the Spiritual Heritage of Karabakh. Retrieved June 9, 2026, from https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19954101

6. TASS. (2021, October 12). Catholicos of All Armenians and Patriarch Kirill to Discuss the Issue of Representation of the Russian Orthodox Church in Armenia. Retrieved June 9, 2026, from https://tass.ru/obschestvo/12642923

7. Blagovest-Info. (2022, June 17). "History of the Armenian Church" to Be Excluded from the School Curriculum in Armenia. Retrieved June 9, 2026, from https://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=90165

8. Siberian Catholic Newspaper. (2023). Armenian Church Opposed Holding "LGBT-Christian Forum" in Yerevan. Retrieved June 10, 2026, from https://sib-catholic.ru/armyanskaya-tserkov-vyistupila-protiv-provedeniya-v-erevane-foruma-lgbt-hristian/

9. RIA Novosti. (2026, February 14). Criminal Case Launched in Armenia Against Catholicos Garegin II. Retrieved June 10, 2026, from https://ria.ru/20260214/armeniya-2074403129.html

10. RIA Novosti. (2026, January 28). Russian Orthodox Church Expresses Concern Over Armenia's Interference in Church Affairs. Retrieved June 10, 2026, from https://ria.ru/20260128/tserkov-2070840022.html

11. Noev Kovcheg. (2011). Garegin II: "We Perceive Russia as Our Second Homeland." Noev Kovcheg, (16). Retrieved June 9, 2026, from https://noev-kovcheg.ru/mag/2011-16/2753.html

12. Arvak.am. (2024). Power vs. Church: The Political and Ideological Background of the Crisis in Armenia. Retrieved June 17, 2026, from https://arvak.am/ru/власть-против-церкви-политический-и-/

13. Sputnik Armenia. (2024, September 28). Garegin II Called on the World to Stop Azerbaijan's Expansion and Protect the Rights of Armenians of Karabakh. Retrieved June 10, 2026, from https://am.sputniknews.ru/20240928/garegin-ii-prizval-mirostanovit-ekspansiyu-azerbaydzhana-i-zaschitit-prava-armyan-karabakha-81201149.html

The role of the armenian apostolic church in the formation of national identity and the political agenda

Agadjanyan A.A.
RUDN University

The article analyzes the changing place and functions of the Armenian Apostolic Church (AAC) in the political system of the Republic of Armenia after the "Velvet Revolution" of 2018. Based on institutional and discursive approaches, the paper examines the transformation of church-state relations, the AAC's participation in political mobilization, its influence on the legitimation of power, its stances on issues of geopolitical orientation, and its role in the Armenian-Azerbaijani conflict. The author concludes that after 2018, the AAC transitioned from a symbiosis with the ruling regime to a position as a key opponent of secular reforms, while simultaneously retaining its status as a symbolic center of national identity and an instrument of public diplomacy.

Keywords: Armenian Apostolic Church, "Velvet Revolution," political mobilization, legitimation of power, geopolitical orientation, diaspora, secularization, religious nationalism.

References

1. Krylov, A. B. (2024). The Armenian Apostolic Church and the Velvet Revolution of 2018. *Russia and the New States of Eurasia*, (III (LXIV)), 91–108.
2. Ogannisyan, O. (2013). The Church — Post-Secular or Post-Sacral. *Pro et Contra*, (3-4), 59–74.
3. Sarkisyan, O. L., Dunamalyan, N. A., Sargsyan, D. O., et al. (2023). *The Development of Civic Identity in the Republic of Armenia: Trends, Challenges, Risks*. Yerevan: Russian-Armenian University.
4. Chernyaev, E. K. (2019). Religious Institution as a Subject of Political Modernization. *Proceedings of Tula State University. Humanities*, (2).
5. TASS. (2024, February 1). Garegin II Noted the Efforts of Patriarch Kirill to Preserve the Spiritual Heritage of Karabakh. Retrieved June 9, 2026, from https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19954101
6. TASS. (2021, October 12). Catholicos of All Armenians and Patriarch Kirill to Discuss the Issue of Representation of the Russian Orthodox Church in Armenia. Retrieved June 9, 2026, from https://tass.ru/obschestvo/12642923
7. Blagovest-Info. (2022, June 17). "History of the Armenian Church" to Be Excluded from the School Curriculum in Armenia. Retrieved June 9, 2026, from https://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=90165
8. Siberian Catholic Newspaper. (2023). Armenian Church Opposed Holding "LGBT-Christian Forum" in Yerevan. Retrieved June 10, 2026, from https://sib-catholic.ru/armyanskaya-tserkov-vyistupila-protiv-provedeniya-v-erevane-foruma-lgbt-hristian/
9. RIA Novosti. (2026, February 14). Criminal Case Launched in Armenia Against Catholicos Garegin II. Retrieved June 10, 2026, from https://ria.ru/20260214/armeniya-2074403129.html
10. RIA Novosti. (2026, January 28). Russian Orthodox Church Expresses Concern Over Armenia's Interference in Church Affairs. Retrieved June 10, 2026, from https://ria.ru/20260128/tserkov-2070840022.html
11. Noev Kovcheg. (2011). Garegin II: "We Perceive Russia as Our Second Homeland." *Noev Kovcheg*, (16). Retrieved June 9, 2026, from https://noev-kovcheg.ru/mag/2011-16/2753.html
12. Arvak.am. (2024). Power vs. Church: The Political and Ideological Background of the Crisis in Armenia. Retrieved June 17, 2026, from https://arvak.am/ru/власть-против-церкви-политический-и-/
13. Sputnik Armenia. (2024, September 28). Garegin II Called on the World to Stop Azerbaijan's Expansion and Protect the Rights of Armenians of Karabakh. Retrieved June 10, 2026, from https://am.sputniknews.ru/20240928/garegin-ii-prizval-mirostanovit-ekspansiyu-azerbaydzhana-i-zaschitit-prava-armyan-karabakha-81201149.html

Прогностическое мышление в фокусе общественных наук: современные тренды и динамика концептуальных подходов

Высокинский Лев Александрович
соискатель, кафедра политических наук, Уральский гуманитарный институт; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, leovisokinskiy@gmail.com

В статье раскрываются актуальные и классические подходы в современном социальном и политическом прогнозировании. Автор отмечает, что определенные условия по формированию прогнозирования в Российской Федерации и за рубежом формируют определенные условия политического прогнозирования в мировой действительности. Исследуются различные подходы как ученых-теоретиков, так и практиков прогнозирования. Различные прогностические высказывания политических, государственных и общественных деятелей формируют интеллектуальную базу государства и направлены на то, чтобы сформировать единое понимание государственной и общественной прогностики для современных исследователей. Современная наука активно нуждается в том, чтобы прибавлялись актуальные сведения по прогностическому пониманию действительности, особенно это касается политических отношений, которые становятся формой научного преткновения для многих сфер общественной жизни: философии, социологии, юриспруденции, экономики, истории. Общественное знание формирует политическую науку, а она в свою очередь нуждается в аккумуляции как различных теорий, так и политических акторов-практиков.
Ключевые слова: политическая деятельность, предвидение, прогностика, высказывание, международные отношения, ситуационный анализ, историческое прогнозирование, теория парламентаризма, предвидение-джокер.

Современная наука требует детальных представлений о будущем развитии предмета или явления [1]. Под прогнозом принято понимать исследование качеств и свойств объекта, предопределяющих его дальнейшее существование в действительности; в этом ключе строится современное техническое, медицинское и гуманитарное знание. Особое значение прогнозирование имеет в общественных науках. Современную экономическую и политическую теорию невозможно представить без прогностической составляющей: глубокий анализ данных о действительности дает качественно новое знание о ходе ее последующего развития. Как замечает один из основателей науки об управлении А. Файоль: «Предвидеть здесь означает – исчислять будущее и подготовлять его; предвидеть – это уже почти действовать» [2]. Политическая наука постоянно ставит перед собой задачи формирования новых ориентиров собственного развития, а также развития идей отдельных политиков, политических деятелей и политологов, что предполагает обращение к политическому прогнозированию. Научно обоснованный политический прогноз указывает, когда то или иное явление возникнет в действительности, как оно будет развиваться, прогрессировать или регрессировать, в какой степени окажется доступным для политической практики. Такой подход позволяет переводить предложения по развитию отечественного государственного управления и политической теории на качественно новый уровень и оформлять общую направленность прогнозирования с учетом его общественной пользы.

Прогнозирование в политической практике опирается на социальную философию и философские науки [3] [4]. Гносеология в особенности внесла значительный вклад в развитие прогностического мышления в России: государственное мышление во многом закладывается именно в гносеологическом ракурсе. В данном ключе необходимо отметить работы советских социальных философов, которые много лет посвятили изучению данного вопроса: В.Г. Виноградов, О.И. Гончарук, А.М. Гендинах, Н.И. Храненко, В.Э. Шляпентох, В.Н. Ярская, О.Б. Николаева, А.В. Сергиева. Их работы отличались глубоким изучением западной футурологии в сочетании с тенденциями изучения формационного подхода и предпосылок перехода от социализма в коммунистическое общество. Изучение как западных, так и советских подходов при одновременном исследовательском сочетании «двух полюсов» делает данные работы уникальными, полезными современному исследователю. И сегодня многие исследователи и политические консультанты опираются на данные труды, что предопределяет их глубокую гносеологию. Гносеологический анализ позволяет реконструировать законы развития политического мышления, его научную и социальную природу, практико-ориентированную составляющую [5]. В этом отношении показателен прогноз В.И. Матвиенко относительно политической ситуации на Украине в 2025 г.: «Мы точно знаем, что сигнал уже расшифрован конкретными людьми, которыми будет определяться и политика по Украине, и политика в сфере безопасности, и международная политика Вашингтона после 20 января 2025 года» [6]. На примере данного высказывания прослеживается гносеологическая структура политической мысли, обращенной к динамике положения дел во враждебном России государстве. Аналитическое прогнозирование фиксирует текущее состояние государственной политики и формулирует задачи, способные перевести внешнеполитическое

мышление на качественно новый уровень. Стратегическое мышление политика обнаруживает здесь глубокую гносеологическую укорененность: глубокое знание предмета, метода и целей изложения, а также формулирование собственных, независимых способов работы с материалом. Каждый политический мыслитель потенциально способен к стратегическому прогнозированию доступной ему действительности; задача состоит в том, чтобы точно обозначить, говоря образно, «смысловой нерв эпохи», позицию населения того или иного государства в определенный исторический момент, а также возможности коллективной работы над конкретной проблемой.

В работах других теоретиков прослеживаются альтернативные подходы к политическому прогнозированию. На территории России и за рубежом сложились авторитетные научные школы, способствовавшие развитию прогностического мышления. Особого внимания заслуживает прогностическая школа советского и российского политического и государственного деятеля, академика РАН Е.М. Примакова [7]. Его деятельность была связана с поиском и развитием научного потенциала международной политики. Развитие современных международных отношений неотделимо от прогностической работы: соприкосновение различных персональных установок дипломатических служащих, их мировоззренческие ориентиры и склонности мышления показывают, как разворачивается политологическая мысль в переговорной практике. Выдвинутая Е.М. Примаковым концепция ситуационного анализа открыла новый этап в развитии международно-политической прогностики. С прогностической точки зрения международная ситуация может быть представлена как совокупность позиций, столкновение которых порождает рабочий консенсус. Суть ситуационного анализа состоит в выработке альтернативы различным точкам зрения в ходе переговорного процесса. Каждая сторона привносит собственную позицию и отстаивает ее ситуативно, в режиме переговорной политики. Прогностическая ценность ситуационного анализа состоит в том, что в нем обнаруживаются черты, типичные для стратегического прогнозирования: объяснение характерных свойств общественных и международных отношений, возможность построения «карты видения» будущего. Прогностическое мышление Е.М. Примакова повлияло на ход международных отношений в XX столетии и предопределило их теорию и практику в постсоветскую эпоху.

Прослеживается тенденция прогностических направлений к «политическому самоопределению» – оценке собственного потенциала прогнозирования с опорой на исходные данные интеллектуальной деятельности субъекта познания. Эта тенденция обнаруживается в прогнозах министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова относительно современной геополитической ситуации. Стремление стран Запада к гегемонии на мировом уровне, узурпация интересов «младших» политических партнеров в пользу «старших» ставят, по его мнению, под угрозу профессиональное осмысление международных отношений. Это осмысление строится на самостоятельных прогнозах отдельных интеллектуалов и деятелей науки, для которых принципиально важно донести свою мысль до аудитории. Независимый прогноз, по мысли С.В. Лаврова, опирается на независимую линию субъекта познания. Феномен прогнозирования раскрывается в этой связи на примере молодежи, которой надлежит соответствовать определенному образовательному и культурному цензу, трезво воспринимать действительность, ставить перед собой прогностические задачи, цели и ориентиры. Прогностика развивается на основе должного уровня образования молодежной среды; в этом проявляется и стратегическая направленность геополитического и политического прогнозирования. Стремление мыслить независимо в рамках стратегического прогнозирования отвечает современной линии руководства МГИМО МИД России. Образовательная организация на уровне высшего образования делает все возможное, чтобы научные центры и кафедры раскрывали феномены стратегического мышления и поддерживали своевременное понимание мира и нужд отечественного образования и науки. Симбиоз образовательно-научной среды позволил интеллектуальной школе МИД России создать уникальные условия для стратегического прогнозирования в контексте мировой политики.

Деятельность отдельных органов государственной власти в области прогнозирования невозможно оценить вне работы общественных организаций. Общественные структуры систематически развивают интеллектуальные центры по всей стране. Примером служит «Меркурий-клуб», ставший интеллектуальным центром и школой для значительного числа лидеров, деятелей образования и науки. Основателем клуба был академик РАН Е.М. Примаков, многие годы определявший повестку его заседаний; афористическое мышление академика придавало мощный импульс деятельности клуба и его дискуссионных площадок. Многие представители интеллектуального сообщества подключились к работе клуба, делая все возможное, чтобы повестка отвечала требованиям времени. «Меркурий-клуб» внес значительный вклад в стратегическое прогнозирование. Его участники – ученые-прогностики, повлиявшие на развитие государственной и международной политики. Один из прогнозов В.В. Жириновского состоял в необходимости отказа от дружественной политики в отношении Польши и от прежнего курса в украинском вопросе. Эти заявления были сделаны после антиправительственного государственного переворота на Украине 2014 года. Прогноз В.В. Жириновского был обоснован концепцией внутренней и внешней политики России, ориентацией на традиционные политические ценности и высокий уровень политической культуры. Позиция В.В. Жириновского оказалась прогрессивной для своего времени и обнажила сущность Украины как государственного образования: его несостоятельность, целенаправленную ориентацию украинской стороны на агрессивную линию поведения в отношении России и народов Российской Федерации. Сегодня прогноз продемонстрировал ущербность Украины как государства. Вместе с тем неучастие России во внутренней политике Украины в 2014–2015 гг. свидетельствует о слабости прогностической направленности интеллектуальных центров Администрации Президента Российской Федерации. Отсутствие сочетания официального государственного прогнозирования с деятельностью «Меркурий-клуба» привело к тяжелым последствиям во внутренней и внешней политике, что необходимо учитывать при характеристике феномена стратегического прогнозирования в России. Феномен прогнозирования в политике обладает значительным практико-ориентированным потенциалом; он опирается на разнообразные оценки и выводы и выступает универсальным показателем феноменального мышления отдельных ученых-политологов и государственных лиц.

Феномен прогнозирования в политике способен разворачиваться в различных ситуациях [8]; иначе говоря, к нему применим ситуативный метод познания. Эту позицию отстаивает отечественный политолог О.А. Матвейчев. По его мнению, прогнозирование всегда складывается из конкретной констелляции социальных сил и контактов между политическими и государственными деятелями, учеными-политологами и т. п. В этой связи выводы относительно работы «Меркурий-клуба» и деятельности Е.М. Примакова как ученого-прогностика заметно расходятся с позицией О.А. Матвейчева. Если Е.М. Примаков сосредоточивает внимание на переговорной тематике в

формулировании прогностических положений, то О.А. Матвейчев акцентирует социальные факторы, увязываемые с возможностью прогнозирования. По этой логике формируются и решения в рамках парламентской деятельности, в стенах Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. В выработке решений значимую роль играет прогнозирование. Законопроекты, формулируемые в Государственной Думе, проходят определенные стадии прогнозирования в работе профильных комитетов и стадии политического консультирования [9]. Политические комитеты учитывают развитие политического консультирования в зависимости от специфики конкретных общественных отношений, состояния производственных сил и обстановки в гражданском обществе. Иллюстрацией такого подхода служит позиция лидера ЛДПР В.В. Жириновского в 1999 году. После многократных консультаций в стенах парламента В.В. Жириновский не согласился с позицией лидера российских коммунистов Г.А. Зюганова об отрешении от власти Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина. Свой прогноз В.В. Жириновский мотивировал «истинным положением дел» и стремлением населения к справедливому разрешению ситуации в стенах парламента [10]. По его мнению, в случае принятия Государственной Думой импичмента Б.Н. Ельцина Дума была бы распущена, а в стране установилась диктатура. Отказ ЛДПР от политического сотрудничества с другими политическими силами в данный момент не только зафиксировал стратегический потенциал партии и ее лидера, но и не позволил восторжествовать на практике антиконституционным силам в окружении действующего тогда главы государства. В этом проявилось стратегическое прогнозирование партии и ее лидера, сумевших предугадать спектр возможного развития политической ситуации в парламенте и в стране. Реальные политические отношения невозможно адекватно оценить вне развитого аппарата общественной мысли. Здесь смыкаются «переговорный» подход Е.М. Примакова и «консультативный» подход О.А. Матвейчева. На практике используются оба подхода: они взаимодополняют друг друга, обогащают аналитическую политологию и удерживают в фокусе феномен стратегического прогнозирования.

Деятельность законодателей в значительной мере состоит в прогнозировании текущего положения дел в государстве. Существенным прогностическим потенциалом обладают комитет Государственной Думы по вопросам законодательства и институт юридического советника при Президенте Российской Федерации. Одним из родоначальников этого подхода является советский и российский юрист В.Ф. Яковлев, сыгравший значимую роль в развитии отечественного юридического образования и юриспруденции в целом, а также в политическом прогнозировании: В.Ф. Яковлев видел в законе в том числе проводник политической воли. Ему принадлежит формула: «Страной должны править не личности, а законы» [11]. Закон выступает презумпцией соблюдения норм политического общежития, нормализующей и стабилизирующей обстановку в обществе. Адекватное осмысление закона осуществляется через политическую волю, и в то же время закон сам формирует эту волю. В этом проявляется «двуликий Янус» политико-правового прогнозирования действительности, на который не раз обращали внимание политики, политтехнологи и государственные деятели.

Как замечает один из руководителей Федерального Собрания, российский юрист П.В. Крашенинников: «Нет задачи всех стричь под одну гребенку» [12]. Этот политический тезис обладает определенным прогностическим характером. Институты гражданского общества, воля законодателя, развитие системы законодательства и законодательных институтов ставят перед собой задачи политического прогнозирования. Политическая воля законодателя имеет качественное значение для всего государственного аппарата. Соответствующие вопросы носят целевой, стратегический характер. Феноменальность стратегического прогнозирования в праве проявляется в том, что под совокупным воздействием факторов формируется политическая воля законодателя [13] – ее целенаправленность и интерес. У истоков любого закона стоят определенные группы лоббирования; в их интересах не просто корректно сформулировать норму, но и спрогнозировать ее развитие во времени и применение к реалиям общественных отношений. Политологически такой подход можно обозначить как принцип жизнеспособности закона. Так, в одном из интервью по вопросам применения законодательства о местном самоуправлении П.В. Крашенинников указывает: «Этот закон готовили почти пять лет. Между первым и вторым чтениями прошли годы. И часть регионов самостоятельно стала переходить с двухуровневой на одноуровневую модель. Они имели на это право и посчитали, что так работать эффективнее. Таких регионов примерно 20. И эта система у них уже работает. Что касается тех регионов, которые не хотят или пока считают, что они прекрасно работают с двухуровневой системой, то, я полагаю, это нормально. Если все работает хорошо, с точки зрения экономики, доступности власти, социальных вопросов все решено, не надо трогать. Пускай продолжают работать. Тем более что в новом законе такая возможность прямо указана» [14]. Этот вывод обнаруживает не только правовой, но и политологический ракурс оценки ситуации, фиксируя планирование действия закона и его социальную сущность. Перечисленные позиции убедительно подтверждают значимость стратегического политологического прогнозирования при работе с законом [15], в особенности когда речь идет об общей стратегии деятельности институтов государственной власти.

Государственная власть нередко предлагает и собственные образцы государственного прогнозирования [16]. Эти образцы далеко не всегда оказываются своевременными и продуктивными для общественного развития; в отдельных случаях они заметно замедляют его динамику или разрушают ее. Иллюстративным примером служит один из известных документов 1990-х годов – «Меморандум Бурбулиса». В период активного распада СССР соратник Президента Российской Федерации Г.Э. Бурбулис предложил Б.Н. Ельцину проекты реформ государственного и общественного управления. Один из этих проектов предполагал демонтаж территориального пространства СССР: сброс «оков» в виде союзных республик с тем, чтобы отдельные территории перестали восприниматься как «экономические нахлебники». Между тем современные экономисты – теоретики и практики – квалифицируют эти проекты как одно из наиболее губительных направлений деятельности первого Президента Российской Федерации. Союзные республики выполняли функцию экономического кластера применительно к экономике РСФСР, образуя не «придаток», а взаимодополняющее начало в общесоюзном экономическом базисе. Последствия принятия меморандума к руководству очевидны: отказ от государственного суверенитета, утрата идентификации цивилизационного кода, распространение антинаучных тенденций в отечественном образовании и науке и т. д. Отсюда следует, что тематика стратегического прогнозирования со стороны отдельных политиков сложна и противоречива. С одной стороны, прогноз способен иметь целенаправленный характер в развитии конкретной идеологии – в случае России 1990-х годов либеральной. С другой – результаты подобного прогнозирования оказались крайне негативными для последующей государственной

политики Российской Федерации как во внутренней, так и во внешней сфере.

Прогнозированию свойствен и комплексный подход к осмыслению действительности [17]. На практике он выражается в реалистических прогнозах относительно социально-экономического развития Российской Федерации и состояния экономических мощностей государства. Иллюстрацией служат доклады ученого-политолога С.А. Караганова. В дискуссии с государственным деятелем С.К. Шойгу С.А. Караганов сформулировал концепцию «сибиризации России»: «Единственный мыслимый и правильный путь России – это сибиризация. Это значит перенесение центра духовного, экономического и политического развития на Урал и в Сибирь» [18]. В докладах С.А. Караганов отмечает, что будущее России связано с активным освоением ее центральной части и отдаленных территорий, и эта перспектива продиктована логикой социально-экономического прогнозирования общества и комплексного развития государства. По мнению специалистов из различных сфер, осмыслению территориального развития подобает обширный охват: комплексная урбанистика и продуманный менеджмент позволяют создавать выгодные экономические кластеры. Прогноз С.А. Караганова правомерно квалифицировать как реалистический и продуктивный для социально-экономической трансформации российской территории. Эту оценку разделяют ведущие научные учреждения Российской Федерации, включая РАН.

Прогнозирование носит системный характер и предполагает развитие всех сфер общественных отношений [19], в том числе социальных и общественных наук [20]. Оно сопряжено с математическим и социальным моделированием и различными методологическими направлениями. В рамках социального прогнозирования принято выделять предвидение, целеполагание, программирование, планирование, проектирование [21], а также реконструкцию перспектив развития процессов с целью выявления различных явлений.

Методология прогнозирования образует обширное исследовательское поле [22]. Методы прогнозирования делятся на экспертные и формализованные. Экспертные методы включают индивидуальные (построение сценариев, аналитические записки, интервью) и коллективные (метод дерева целей, метод мозгового штурма, метод Дельфи). Формализованные методы включают методы проектной экстраполяции (метод средних, простую экстраполяцию, статистическое моделирование, экономико-математические модели) [23]. Эта методология опирается на экспертные мнения и оценки действительности, на индивидуальную или коллективную интуицию сторон. Только сочетание перечисленных методов дает результат при работе с прогнозами политических отношений.

Одно из интересных направлений в современном социальном прогнозировании – «историческое прогнозирование». Развитие данной категории можно проследить на основе политической деятельности основателя ЛДПР В.В. Жириновского. Например, одним из интересных тезисов В.В. Жириновского является тезис о том, что М.С. Горбачев продолжил дело В.И. Ленина тем, что в итоге уничтожил СССР. По мнению В. В. Жириновского, политический курс от В. И. Ленина до М. С. Горбачева во многом повлиял на ослабление советского государства. В одном из своих публичных выступлений В.В. Жириновский прямо заявляет: «Горбачев прямо сказал: «Перестройка продолжение дел Октября». Вот мы и мучаемся до сих пор»»[24]. Таким образом, по мнению В.В. Жириновского, М.С. Горбачев продолжил курс В.И. Ленина, который привел к разрушению СССР. Б.Н. Ельцин, как считал В.В. Жириновский, уже в 1990-е годы продолжил эти процессы, что серьезно отразилось на положении российского государства и русского народа. При этом государственное развитие в XX веке В.В. Жириновский не отвергает, отвергает только советскую идеологию, которая по мнению политика привела к окончательному разрушению самого государства. В своих интервью В.В. Жириновский не раз отмечает, что защищал в 1991 году ГКЧП СССР: «Меняйте идеологию, но государство не трогайте». Государство всегда нужно стремиться сохранить, тем более его единство, а идеологию, по версии В.В. Жириновского, можно и нужно корректировать под воздействием аппарата управления. Политик не раз при жизни отмечал, что несколько раз давал собственные прогнозы по дальнейшему существованию СССР, его реформированию. Политик отмечает: «Я не раз отмечал, что нужно создать две партии, которые придут на смену КПСС, но все «цеплялись» за нее, поэтому СССР и рухнул». Данное полемическое высказывание подчеркивает тезис о том, что если были созданы две равные команды – коммунисты и социал-демократы, то Советский Союз бы не разрушился. Данный вывод показывает, что В. В. Жириновский рассматривал двухпартийную систему как один из возможных способов сохранения устойчивости государства. Прогностические выводы В.В. Жириновского подчеркивают и то, что государство могло пойти по социал-демократическому курсу развития в условиях многопартийности. Многопартийность после отмены 6 главы Конституции СССР 1977 года наступила, но это не повлияло на единый, консолидирующий курс всех политических сил в вопросе сохранения государства. Отсутствие должного политического ресурса по влиянию на массы со стороны тогда еще молодой, набирающей политические силы ЛДПСС, не позволили воплотить в жизнь все задуманные партией планы по сохранению Советского Союза. Прогностическое мышление лидера ЛДПСС-ЛДПР оказалось в меньшинстве. Именно от правильной работы Парламента и системы Парламентаризма зависит вопрос сохранения единства государства, как на примере СССР. Сегодня и во все периоды развития Мировых и отечественных структур управления, Парламентаризм играл одну из ведущих ролей в сохранении и преумножении потенциала государств. Как отмечает российский ученый-политолог, профессор кафедры политических наук УрФУ им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина А.А. Керимов: «Парламентские институты в обществе становятся консолидирующей силой, их взаимодействие с другими ветвями и институтами власти приобретает значение определяющего фактора развития государственности благодаря пониманию того, что «развитие механизмов общественного участия, институтов публичной политики, механизмов межсекторного социального партнерства содействует рационализации и эффективности взаимодействия власти и общества, которое позитивно сказывается на совершенствовании государственного управления»[25]. Таким образом, политические процессы конца 1980-х годов и отсутствие единого подхода к реформированию страны стали одной из причин распада СССР.

Коммунистическая партия стала деградирующей структурой, по мнению лидера ЛДПР, когда отдельные ее члены стали открыто предавать систему советских общественных и политических отношений. Например, Е. Т. Гайдар, который долгие годы проработал в редакционной коллегии журнала «Коммунист», а затем стал одним из авторов «шоковой терапии», которая трансформировала экономику Советского Союза из планово-социалистической в рыночную. Другим примером является один из главных идеологов рыночных отношений, «мозговой центр» на раннем этапе Президентства Б.Н. Ельцина, Г.Э. Бурбулис, который считал, что необходимо разработать

теоретическое обоснование новой России, когда рыночные экономические и политические отношения займут главенствующее место в «системе общественных координат»[26]. Могут быть и другие примеры политических деятелей той эпохи. В.В. Жириновский считал КПСС системой общественных отношений, которая «сама себя предала». По мнению В. В. Жириновского, кризис советской политической системы во многом был связан с внутренними проблемами КПСС и стремлением части партийной элиты к карьерному росту. По выражению В.В. Жириновского, одни только «молчуны», которые «получали должности только за то, что молчали». Кризис общественно-политической системы стал одной из причин распада СССР и серьезно повлиял на дальнейшее развитие российской государственности.

Все 90-е годы XX века В.В. Жириновский делал прогнозы относительно того, как будет развиваться российская государственность на дальнейшие годы, десятилетия вперед. Например, В.В. Жириновский прогностически оценивал Академика РАН Е.М. Примакова как будущего Президента РФ[27]. Однако при оценке данных обстоятельств важное значение имеет конкретная историческая обстановка, которая сложилась вокруг фигуры Е.М. Примакова на рубеже веков. Президент РФ Б.Н. Ельцин, который опасался угрозы государственного переворота все 90-е годы, сначала отправил в отставку с премьерского поста производственника В.С. Черномырдина, а затем Е.М. Примакова. Е.М. Примаков был отправлен в отставку в условиях угрозы импичмента Президенту Б.Н. Ельцину. В.В. Жириновский не раз указывал: «Если бы коммунисты тогда не ставили бы вопрос об импичменте Ельцина, то он бы его оставил». Таким образом, был оправлен в отставку Е.М. Примаков, который был для Б.Н. Ельцина олицетворением старой советской номенклатуры, по выражению российского олигарха Б.А. Березовского: «гебэшным вариантом во власти»[28]. В. В. Жириновский положительно оценивал перспективы Е. М. Примакова на посту премьер-министра и обращал внимание на политические причины его отставки. Правильное моделирование прошлого проводит к необходимым выводам в настоящем и указывает направление развития в будущем. Прогнозы В. В. Жириновского в отношении Е. М. Примакова касались как ближайших политических событий, так и долгосрочного развития государственной политики России. В данном случае можно говорить о том, что прогностически деятельность данной фигуры оценивается наиболее оптимально. В.В. Жириновский мог давать универсальные прогнозы не только в рамках государственной политики, но и в деятельности конкретных личностей, основываясь на данных конкретно-исторического прогнозирования, что могло объективно характеризовать поступки и выводы конкретной фигуры. В данном случае было бы справедливо отметить и то обстоятельство, что ситуационный анализ, выработанный Е.М. Примаковым является также универсальным инструментом прогнозирования, так как охватывает все сферы общественного знания. Подходы В. В. Жириновского к историческому прогнозированию во многом перекликались с методами ситуационного анализа, которые использовал Е. М. Примаков. Богатые знания В.В. Жириновского в отечественной и Мировой истории предопределили его мышление и стратегическую направленность исторического прогнозирования - необходимого элемента государственной политики сегодня.

Интересным примером прогнозирования в сфере общественных наук является деятельность российского политического и государственного деятеля, Академика РАН С.Ю. Глазьева. Данный ученый-экономист написал достаточно большое количество работ на тематику социального прогнозирования. Например, в работе «За горизонтом конца истории»[30] детально разбираются перспективы развития России и цивилизации в целом. Отдельно отмечается, что мировая цивилизация проходит сложный путь по отстаиванию и завоеванию собственных цивилизационных кодов. Это выражается в прогнозировании действительности: философский, экономический, правовой, исторический аспекты. С.Ю. Глазьев подчеркивает, что только комплексный, гибридный потенциал общественных наук может решить проблемы как национального, так и наднационального уровней. России необходимо наращивать собственный потенциал, но не за счет геополитических средств извне, а за счет собственных ресурсов, в том числе отечественных научных школ и наукоемких производств. Очевидно, что гегемония США движется к завершению и для того, чтобы это не произошло, США и англосаксонский мир стремятся к ведению агрессивной внешней политики, политики гибридных войн. Цель России не поддаваться на манипулятивные действия США и союзников по блоку НАТО, создать собственный внешнеполитический потенциал, который во многом формируется за счет усилий разумной внутренней политики Российской Федерации. Во многом идея Фрэнсиса Фукуямы, которую сам автор позже посчитает ошибочной, о «Конце истории», доказывала тезис о конце биполярного мира, утверждении гегемонии англосаксонского мира после распада СССР. На сегодняшний день тезис также актуален в связи с активным разрушением государственности США и возвышения Китая и России на мировом пространстве, что подтверждает идейную направленность тезиса Фрэнсиса Фукуямы для конкретно исторического контекста развития политических идей. Интересна исследовательская мысль С.Ю. Глазьева о том, что Китай ведет борьбу с другими государствами капиталистическими методами, но с целью утверждения в мире социальной и коммунистической справедливости. Россия не ведет активную борьбу за собственную гегемонию, но при этом считает необходимым ставить на практике собственные условия для мирового сообщества. Все должны уважать интересы России точно также, как и интересы других участников геополитического пространства. При этом экономически должна происходить смена мирохозяйственных укладов. Этот процесс должен затронуть и Россию, где последствия олигархического капитализма 90-х годов не привели к должным результатам в развитии экономики, а интегральный подход не появился. Интегральная составляющая экономики только зарождается в РФ и в итоге приведет к появлению единой методологии смешанной экономики и стратегического планирования с учетом опыта государств участников АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии).

Следует отметить, что взгляды Академика РАН С.Ю. Глазьева являются прогрессивными для опыта развития отечественной прогностической мысли. Ученый-экономист смог аккумулировать в рамках экономической науки весь спектр общественного знания и сформулировал таким образом важные проблемы социального и политического прогнозирования, способы, варианты, методы их решения. Исследования С.Ю. Глазьева показывают важность для исследователей таких направлений как политика и экономика, когда данные явления представляют из себя разность в прогнозировании, но сочетание на практике. Видение С.Ю. Глазьева это не просто прогнозы, а комплексная программа действий, где будущее русской цивилизации связывается с переходом к управляемому, социально ориентированному технологическому развитию.

На сегодняшний день тематика прогнозирования в общественных науках поддержана некоторыми учеными, которые являются учеными-прогностиками. Можно выделить следующих исследователей: российский прогнозист

и международный эксперт Программы развития ООН (ПРООН) по форсайту Александр Александрович Чулок. Прогностика данного эксперта на научном высоком уровне. Например, «Прогноз научно-технологического развития РФ до 2030 года», который разрабатывался при его участии и был утверждён Правительством. Он отмечал, что по итогам первых пяти лет (2015–2020) сбываемость этого документа составила 85–90%, а по итогам следующего периода (2020–2025) по многим направлениям прогноз тоже показал высокую точность. В качестве примеров сбывшихся предсказаний он приводил распространение носимых устройств для мониторинга здоровья, развитие биопринтинга для создания искусственных органов и активное внедрение аддитивных технологий (3D-печати). Следующие тренды определят будущее: 1) развитие предиктивной и персонифицированной медицины, движение к лечению, адаптированному под конкретного человека; 2) трансформация бизнес-моделей: рост экономики совместного потребления (шеринг-экономики), внедрение экологически чистых технологий и новых материалов;

3) масштабные изменения на рынке труда из-за автоматизации и развития нейросетей (он говорил, что к 2030 году под сокращение могут попасть более 80 млн человек по всему миру, но подчёркивал: чаще профессии не исчезают полностью, а трансформируются, появляются новые ниши — например, наномедицинские инженеры или специалисты по работе с ИИ);

4) развитие нейроинтерфейсов (технологий, связывающих компьютер и мозг); 5) формирование «зелёных», цифровых и инклюзивных городов.

А.А. Чулок вводит понятие «джокера» в прогнозировании. В своих анализах Чулок уделяет внимание так называемым «джокерам» — событиям с низкой вероятностью, но масштабными последствиями. Например, появление новых вирусов или бактерий, устойчивых к антибиотикам, масштабные кибератаки, серьёзные сбои в глобальных цепочках поставок[29].

Среди других исследователей могут быть указаны: профессор Государственного университета управления, д.т.н. Алексей Терентьев, научный руководитель проекта «Социософт» Сергей Переслегин, Научный руководитель факультета МЭиМП НИУ ВШЭ г. Москва С. А. Караганов и другие. Эти исследователи работают не только в сфере общественных наук, но и используют технические и математические методы для изучения социальных процессов. Например, деятельность профессора Алексея Терентьева направлена не только на познание сути общественных явлений для дальнейших прогнозов, но и создание прогностики через математическое моделирование.

Прогностическое мышление и сегодня является важным направлением в деятельности различных общественных систем, объединений, организаций, политических и государственных деятелей. Сегодня невозможно представить развитие общества и государства без политического, экономического и социального прогнозирования. Прогнозирование может иметь как деградирующую, так и оптимистическую структуру. Сравнение разных прогнозов позволяет более объективно оценивать происходящие события и понимать возможные последствия различных процессов. Именно такая тактика исследования каждого вопроса гарантирует объективную картину социального прогнозирования на современном этапе развития науки и техники.

В современных условиях прогнозирование остается важной частью развития общественных и политических наук. Анализ исторических процессов, политических решений и международных отношений позволяет лучше понимать возможные направления развития государства и общества. Особую роль в этом играют взгляды политических деятелей, ученых и исследователей, которые формируют различные подходы к вопросам государственного и общественного развития. Сегодня прогнозирование необходимо не только в политике и экономике, но и в сфере культуры, идеологии и международных отношений. Именно комплексный подход к изучению общественных процессов позволяет более объективно оценивать современные вызовы и перспективы развития России.

Литература

1. Агеев, А. И. Россия в пространстве и времени: стратегии и циклы / А. И. Агеев. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2005. – (Избранные лекции университета ; вып. 29). – Текст : непосредственный.
2. Файоль, А. Из истории развития менеджмента / А. Файоль, Ф. Тейлор, Г. Форд [и др.]. – Москва, 2002. – Текст : непосредственный.
3. Расторгуев, В. Н. Политическое и экономическое планирование: взаимосвязь и синхронизация, временные горизонты и риски / В. Н. Расторгуев // Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем. – Санкт-Петербург : Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, 2021. – С. 166–175. – Текст : непосредственный.
4. Бестужев-Лада, И. В. Нормативное социальное прогнозирование: возможные пути реализации целей общества (опыт систематизации) / И. В. Бестужев-Лада. – Москва : Наука, 1987. – 213 с. – Текст : непосредственный.
5. Бестужев-Лада, И. В. Поисковое социальное прогнозирование: перспективные проблемы общества (опыт систематизации) / И. В. Бестужев-Лада. – Москва : Наука, 1984. – 272 с. – Текст : непосредственный.
6. «Сигнал расшифрован конкретными людьми»: Матвиенко дала личный прогноз по СВО на 2025 год // Царьград : [сайт]. – URL: https://dzen.ru/a/Z2... (дата обращения: 30.04.2026). – Текст : электронный.
7. Примаков, Е. М. Мысли вслух / Е. М. Примаков. – Москва : Российская газета, 2011. – 207 с. – Текст : непосредственный.
8. Расторгуев, В. Н. Политическое планирование и прогнозирование: идеологические рамки и цивилизационный контекст / В. Н. Расторгуев // Вопросы философии. – 2012. – № 2. – С. 3–13. – Текст : непосредственный.
9. Матвейчев, О. А. Политическое консультирование в России. Вчера, сегодня, завтра / О. А. Матвейчев. – Москва : Книжный мир, 2018. – 384 с. – Текст : непосредственный.
10. В 1999 году КПРФ пыталась устроить импичмент Ельцину, но его сорвал Жириновский // Рамблер : [сайт]. – URL: https://news.rambler.ru/other/43679095/ (дата обращения: 30.04.2026). – Текст : электронный.
11. Яковлев, В. Ф. Советник трех Президентов / В. Ф. Яковлев. – Москва, 2017. – Текст : непосредственный.
12. Власти место : интервью П. В. Крашенинникова // Российская газета : [сайт]. – URL: https://rg.ru/2025/04/21/vlasti-mesto.html (дата обращения: 30.04.2026). – Текст : электронный.
13. Агамиров, К. В. Задачи правового прогнозирования в свете «Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» / К. В. Агамиров // Образование. Наука. Научные кадры. – 2022. – № 2. – С. 19–21. – Текст : непосредственный.
14. Агамиров, К. В. Общетеоретические основы юридического прогнозирования / К. В. Агамиров // Государство и право. – 2022. – № 6. – С. 23–31. – Текст : непосредственный.
15. Курочкин, А. В. Strategic Risk Management in Public Policy: Conflict Study Approach / А. В. Курочкин, Д. А. Маль-

цева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2018. – Т. 34, № 2. – С. 264–276. – Текст : непосредственный.

16. Истон, Д. Категории системного анализа политики / Д. Истон // Антология мировой политической мысли : в 5 т. – Москва : Мысль, 1997. – Т. 2 : Зарубежная политическая мысль XX в. – С. 630–642. – Текст : непосредственный.

17. Караганов, С. А. О сибиризации России : доклад / С. А. Караганов // Бизнес-Газета : [сайт]. – URL: https://kam.business-gazeta.ru/news/687173 (дата обращения: 30.04.2026). – Текст : электронный.

18. Бестужев-Лада, И. В. Социальное прогнозирование : курс лекций / И. В. Бестужев-Лада, Г. А. Наместникова. – Москва : Педагогическое общество России, 2002. – 392 с. – Текст : непосредственный.

19. Кочергин, А. Н. Научное познание: формы, методы, подходы / А. Н. Кочергин. – Москва : МГУ, 1991. – 264 с. – Текст : непосредственный.

20. Гавриков, Ф. А. Социальное прогнозирование: проблемы и методы / Ф. А. Гавриков, В. В. Косолапов. – Киев : Наукова думка, 1986. – 296 с. – Текст : непосредственный.

21. Завгородняя, С. А. Форсайт-прогнозирование в России / С. А. Завгородняя, А. Ю. Панова, Ю. Е. Семенова // Наука и бизнес: пути развития. – 2018. – № 12 (90). – С. 186–189. – Текст : непосредственный.

22. Мангейм, Дж. Б. Политология. Методы исследования / Дж. Б. Мангейм, Р. К. Рич ; пер. с англ. – Москва : Весь Мир, 1997. – 544 с. – Текст : непосредственный.

23. Кан, Г. Грядущий подъём : экономический, политический, социальный / Г. Кан. – Москва : Прогресс, 1980. – 290 с. – Текст : непосредственный.

24. Свежая, сплетня Поединок Жириновский vs Райхельгауз 30.05.2013 / сплетня Свежая. — Текст : электронный // rutube.ru : [сайт]. — URL: https://rutube.ru/video/3d942fcba3a83bae08916dd8401ca668/ (дата обращения: 21.02.2026).

25. Керимов, А. А. Институт парламентаризма в легитимации политической власти в современной России: акторы, стратегии, ресурсы : специальность 23.00.02 « Политические институты, процессы и технологии» : диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Керимов Александр Алиевич ; УрФУ им. Б.Н. Ельцина. — Екатеринбург, 2018. — 343 с. — Текст : непосредственный.

26. Puparazzi "Топориком этот стол разрублю" (Жириновский про Бурбулиса, конец 20-го века) / Puparazzi. — Текст : электронный // rutube.ru : [сайт]. — URL: https://rutube.ru/video/b007ca9a12490139bd5e8c97bf9541c4/ (дата обращения: 21.02.2026).

27. ЛДПР, ТВ Жириновский: Примаков - образцовый чиновник высшего класса! / ТВ ЛДПР. — Текст : электронный // ya.ru : [сайт]. — URL: https://ya.ru/video/preview/11726941869451852982 (дата обращения: 21.02.2026).

28. Математические, тайны Березовский Интервью 2011 год / тайны Математические. — Текст : электронный // rutube.ru : [сайт]. — URL: https://rutube.ru/video/de1657521881dedaa5ab08d2585bed1f/ (дата обращения: 21.02.2026).

29. Чулок, А. А. Прогноз перспектив научно-технологического развития ключевых секторов российской экономики: будущие задачи / А. А. Чулок. — Текст : электронный // CYBERLENINKA : [сайт]. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prognoz-perspektiv-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-klyuchevyh-sektorov-rossiyskoy-ekonomiki-buduschie-zadachi?ysclid=mqpc62bxwc782033034 (дата обращения: 22.06.2026).

30. Глазьев, С. Ю. За горизонтом конца истории / С. Ю. Глазьев. — М. : Проспект, 2023. — 416 с. — Текст : непосредственный.

Predictive thinking in the focus of social sciences: current trends and dynamics of conceptual approaches

Vysokinsky L.A.

Ural Humanitarian Institute of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

The article reveals current and classical approaches in modern social and political forecasting. The author notes that certain conditions for the formation of forecasting in the Russian Federation and abroad form certain conditions for political forecasting in the global reality. Various approaches of both theoretical scientists and forecasting practitioners are being investigated. Various prognostic statements of political, state and public figures form the intellectual base of the state and are aimed at forming a common understanding of state and public prognostics for modern researchers. Modern science actively needs to add up-to-date information on the predictive understanding of reality, especially with regard to political relations, which are becoming a form of scientific stumbling block for many areas of public life: philosophy, sociology, law, economics, history. Public knowledge forms political science, and it, in turn, needs the accumulation of both various theories and political actors-practitioners.

Keywords: political activity, foresight, prognostics, utterance, international relations, situational analysis, historical forecasting, theory of parliamentarism, foresight is a joker.

References

1. Ageyev, A. I. Russia in Space and Time: Strategies and Cycles / A. I. Ageyev. - St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2005. - (Selected University Lectures; Issue 29). - Text: direct.
2. Fayol, A. From the History of Management Development / A. Fayol, F. Taylor, G. Ford [et al.]. - Moscow, 2002. - Text: direct.
3. Rastorguev, V. N. Political and Economic Planning: Interconnection and Synchronization, Time Horizons and Risks / V. N. Rastorguev // Planning in a Market Economy: Memories of the Future. - St. Petersburg: Witte Institute for New Industrial Development, 2021. - pp. 166-175. - Text: direct.
4. Bestuzhev-Lada, I. V. Normative social forecasting: possible ways of achieving the goals of society (an experience of systematization) / I. V. Bestuzhev-Lada. - Moscow: Nauka, 1987. - 213 p. - Text: direct.
5. Bestuzhev-Lada, I. V. Exploratory Social Forecasting: Promising Problems of Society (An Attempt at Systematization) / I. V. Bestuzhev-Lada. - Moscow: Nauka, 1984. - 272 p. - Text: direct.
6. "The Signal Deciphered by Specific People": Matvienko Gave a Personal Forecast for the SVO for 2025 // Tsargrad: [website]. - URL: https://dzen.ru/a/Z2... (date accessed: 30.04.2026). - Text: electronic.
7. Primakov, E. M. Thoughts Out Loud / E. M. Primakov. - Moscow: Rossiyskaya Gazeta, 2011. - 207 p. - Text: direct.
8. Rastorguev, V. N. Political Planning and Forecasting: Ideological Framework and Civilizational Context / V. N. Rastorguev // Questions of Philosophy. - 2012. - No. 2. - Pp. 3-13. - Text: direct.
9. Matveychev, O. A. Political Consulting in Russia. Yesterday, Today, Tomorrow / O. A. Matveychev. - Moscow: Knizhny Mir, 2018. - 384 p. - Text: direct.
10. In 1999, the Communist Party of the Russian Federation tried to impeach Yeltsin, but Zhirinovsky thwarted it // Rambler: [website]. - URL: https://news.rambler.ru/other/43679095/ (date of access: 30.04.2026). - Text: electronic.
11. Yakovlev, V. F. Advisor to Three Presidents / V. F. Yakovlev. - Moscow, 2017. - Text: direct.
12. The Place of Power: Interview with P. V. Krasheninnikov // Rossiyskaya Gazeta: [website]. - URL: https://rg.ru/2025/04/21/vlasti-mesto.html (date of access: 04/30/2026). - Text: electronic.
13. Agamirov, K. V. Tasks of Legal Forecasting in Light of the "Fundamentals of State Policy in the Sphere of Strategic Planning in the Russian Federation" / K. V. Agamirov // Education. Science. Scientific Personnel. - 2022. - No. 2. - pp. 19-21. - Text: direct.
14. Agamirov, K. V. General Theoretical Foundations of Legal Forecasting / K. V. Agamirov // State and Law. - 2022. - No. 6. - Pp. 23-31. - Text : direct.
15. Kurochkin, A. V. Strategic Risk Management in Public Policy: Conflict Study Approach / A. V. Kurochkin, D. A. Maltseva // Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology. - 2018. - Vol. 34, No. 2. - Pp. 264-276. - Text : direct.
16. Easton, D. Categories of Systems Analysis of Politics / D. Easton // Anthology of World Political Thought : in 5 volumes. - Moscow : Mysl', 1997. - Vol. 2 : Foreign Political Thought of the 20th Century. – P. 630–642. – Text: direct.
17. Karaganov, S. A. On the Siberianization of Russia: report / S. A. Karaganov // Business Newspaper: [website]. – URL: https://kam.business-gazeta.ru/news/687173 (date of access: 04/30/2026). – Text: electronic.
18. Bestuzhev-Lada, I. V. Social Forecasting: course of lectures / I. V. Bestuzhev-Lada, G. A. Namestnikova. – Moscow: Pedagogical Society of Russia, 2002. – 392 p. – Text: direct.
19. Kochergin, A. N. Scientific knowledge: forms, methods, approaches / A. N. Kochergin. – Moscow: Moscow State University, 1991. – 264 p. – Text: direct.
20. Gavrikov, F. A. Social Forecasting: Problems and Methods / F. A. Gavrikov, V. V. Kosolapov. - Kyiv: Naukova Dumka, 1986. - 296 p. - Text: direct.

21. Zavgorodnyaya, S. A. Foresight Forecasting in Russia / S. A. Zavgorodnyaya, A. Yu. Panova, Yu. E. Semenova // Science and Business: Paths of Development. - 2018. - No. 12 (90). - Pp. 186-189. - Text: direct.
22. Mannheim, J. B. Political Science. Research Methods / J. B. Mannheim, R. K. Rich; trans. from English. - Moscow: Ves' Mir, 1997. - 544 p. - Text: direct.
23. Kan, G. The Coming Rise: Economic, Political, Social / G. Kan. - Moscow: Progress, 1980. - 290 p. - Text: direct.
24. Fresh, gossip. The Zhirinovsky vs. Raikhelgauz duel, May 30, 2013 / Fresh gossip. - Text: electronic // rutube.ru: [website]. - URL: https://rutube.ru/video/3d942fcba3a83bae08916dd8401ca668/ (accessed: February 21, 2026).
25. Kerimov, A. A. Institute of Parliamentarism in the Legitimation of Political Power in Contemporary Russia: Actors, Strategies, Resources: specialty 23.00.02 "Political Institutions, Processes, and Technologies": dissertation for the degree of Doctor of Political Sciences / Kerimov Aleksandr Alievich; Ural Federal University named after B.N. Yeltsin. - Ekaterinburg, 2018. - 343 p. - Text: direct.
26. Puparazzi "I'll chop this table with a hatchet" (Zhirinovsky about Burbulis, late 20th century) / Puparazzi. - Text: electronic // rutube.ru: [website]. — URL: https://rutube.ru/video/b007ca9a12490139bd5e8c97bf9541c4/ (date of access: 21.02.2026).
27. LDPR, TV Zhirinovsky: Primakov is an exemplary top-class official! / LDPR TV. — Text: electronic // ya.ru: [site]. — URL: https://ya.ru/video/preview/11726941869451852982 (date of access: 21.02.2026).
28. Mathematical, secrets Berezovsky Interview 2011 / secrets Mathematical. — Text: electronic // rutube.ru: [site]. — URL: https://rutube.ru/video/de1657521881dedaa5ab08d2585bed1f/ (date of access: 21.02.2026).
29. Chulok, A. A. Forecast of the prospects for scientific and technological development of key sectors of the Russian economy: future tasks / A. A. Chulok. — Text: electronic // CYBERLENINKA: [site]. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prognoz-perspektiv-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-klyuchevyh-sektorov-rossiyskoy-ekonomiki-buduschie-zadachi?ysclid=mqpc62bxwc782033034 (date of access: 22.06.2026).
30. Glazyev, S. Yu. Beyond the Horizon of the End of History / S. Yu. Glazyev. - M.: Prospect, 2023. - 416 p. - Text: direct.

Миграционный фактор как катализатор трансформации партийной системы Италии в 2010–2025 годах

Школина Алиса Олимовна
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье рассматривается роль миграционного фактора в трансформации партийно-политической системы Италии в 2010–2025 гг. На основе авторской теоретической модели, связывающей миграционные потоки, секьюритизацию, популистскую мобилизацию и внешнеполитическую проекцию, анализируются механизмы, посредством которых миграционная проблематика становится ресурсом политической мобилизации правопопулистских сил. Особое внимание уделяется эволюции Lega от регионалистской партии к общеитальянской правопопулистской силе и институционализации миграционной повестки после прихода к власти Fratelli d'Italia. Эмпирическую базу составляют партийные программы, официальные документы и статистические данные. Делается вывод, что миграция в итальянском контексте превратилась в политический триггер, позволяющий партиям конструировать границы национального сообщества и артикулировать кризис представительства через дихотомию «народ» vs «элиты».
Ключевые слова: Италия, миграционная политика, популизм, партийная система, Lega, Fratelli d'Italia, секьюритизация, кризис представительства.

Введение

Миграционный фактор в XXI веке приобрёл для Итальянской Республики значение одного из наиболее чувствительных политических раздражителей, воздействующих одновременно на внутреннюю партийную динамику, общественное мнение, электоральное поведение и внешнеполитическое позиционирование государства. Специфика Италии определяется её местоположением на центрально-средиземноморском направлении миграции, которое Международная организация по миграции характеризует как один из наиболее опасных миграционных маршрутов в мире. Как фиксирует Frontex, «Центральное Средиземноморье является одним из ключевых маршрутов нерегулярного въезда в Европейский союз» [1]. Вследствие этого миграция для Италии выступает устойчивым политическим фактором, через который артикулируются проблемы безопасности, суверенитета, социальной нагрузки, идентичности и отношений с европейскими институтами.

Актуальность исследования усиливается тем, что миграционная проблематика в Италии развивается в условиях длительного кризиса партийного представительства, высокой электоральной волатильности и трансформации партийной системы. В 2010–2020-е годы миграция стала одним из центральных сюжетов политической мобилизации, прежде всего для правопопулистских и правоконсервативных сил, включая Lega и Fratelli d'Italia. Как показывают Ф. Фризоне и М. Амброзини, «миграционный нарратив позволяет правопопулистским партиям соединять несколько смысловых линий: критику политических элит, требование восстановления контроля над границами, защиту национального суверенитета и противопоставление «народа» внешним и внутренним «угрозам»» [2; 3]. Поэтому миграция в итальянском контексте переходит в механизм политической поляризации и символического перераспределения легитимности между различными политическими акторами.

Внешнеполитическая актуальность темы связана с влиянием внутренней политизации миграции на внешнеполитическую тактику Италии на европейском и средиземноморском направлениях. Реформа общеевропейской системы миграции и убежища демонстрирует, что в итальянском контексте миграционная проблематика приобрела значение устойчивого внешнеполитического ресурса. Она включена в систему переговоров о распределении ответственности внутри ЕС, а также в механизмы сотрудничества со странами Северной Африки [4]. В результате миграция становится для Италии средством позиционирования в отношениях с Брюсселем и основанием для внутриполитической легитимации власти. В этом смысле итальянский кейс позволяет выявить более широкий механизм трансляции внутренней политической динамики во внешнеполитические решения: общественные страхи, партийная конкуренция и вследствие чего электоральные сдвиги постепенно институционализируются в практиках внешней политики.

Цель данной статьи — выявить механизмы, посредством которых миграционный фактор воздействует на трансформацию партийной системы Италии в 2010–2025 гг., и определить роль миграционной проблематики в эволюции правопопулистских сил.

Теоретические основания исследования

Теоретико-методологическая база настоящего исследования строится на сочетании нескольких подходов, позволяющих рассматривать миграцию как многоуровневый политический фактор. В качестве общей рамки исследования используется либеральная традиция анализа международных отношений. Как аргументирует А. Моравчик, «внешнеполитические предпочтения государства определяются внутренними общественными интересами, партийной конкуренцией, институциональными ограничениями и коалиционными конфигурациями» [5], что позволяет рассматривать внешнюю политику Италии в миграционной сфере как результат взаимодействия международных обязательств, европейских институтов и внутриполитического давления.

Дополнительно в работе используются конструктивистский подход, теория секьюритизации и теория политического популизма. Конструктивизм позволяет исследовать процесс формирования политических представлений об угрозах, идентичности и границах политического сообщества [6]. Теория секьюритизации О. Вэвера даёт возможность объяснить, как миграция переводится из сферы рутинного управления в сферу чрезвычайной политики и безопасности через механизм речевого акта, легитимирующего исключительные меры [7]. Теория популизма используется для анализа того, как миграционная проблематика встраивается в противопоставление «народа» и «элит», усиливая позиции правопопулистских партий и воздействуя на государственную повестку [8].

В ходе исследования автором были использованы возможности документального анализа, контент-анализа и дискурс-анализа. Документальный анализ позволил исследовать официальные позиции Италии и Европейского союза по вопросам миграции. Контент-анализ был применён для изучения партийных программ, заявлений политических лидеров и правительственных документов. Дискурс-анализ позволил выявить ключевые смысловые рамки, через которые миграция представляется в итальянской публичной политике: безопасность, суверенитет, гуманитарная ответственность, европейская солидарность и защита национальной идентичности.

В работе используется авторская теоретическая модель взаимосвязи «миграция — общественные страхи — электоральные сдвиги — внешнеполитические решения». Модель исходит из того, что миграционные потоки сами по себе не детерминируют политические решения, однако через механизмы секьюритизации, медийной драматизации, популистской интерпретации и кризиса представительства они могут трансформироваться в общественные страхи, затем — в изменение электорального спроса, а далее — во внешнеполитическую проекцию. Переход от миграции к общественным страхам описывается через механизмы секьюритизации: перевод темы в число тех, которые угрожают существованию страны, легитимирует исключительные меры и сокращает пространство компромисса. Связка «страхи — электоральные сдвиги» строится на том, что страхи формируют кроме отношения к отдельной политике, например, к ужесточению контроля, представление о том, кто имеет право говорить от имени «народа». В популистской логике миграция становится удобным материалом для двух противопоставлений: «народ против элит» и «свои против чужих» [8].

Эволюция миграционной повестки в партийной конкуренции

Политическая динамика Италии в 2010–2025 гг. развивалась в условиях наложения нескольких кризисов: долгового кризиса еврозоны, кризиса партийного представительства, роста миграционного давления в Средиземноморье, пандемии COVID-19, энергетической нестабильности и последующего усиления правоконсервативных сил. В этот период миграция постепенно вышла за пределы гуманитарной и административной повестки. Она стала устойчивым элементом партийной конкуренции, через который политические силы интерпретировали кризис доверия к институтам, ослабление государственного контроля и спор о национальном суверенитете.

Первый этап (2010–2013 гг.) связан с последствиями финансово-экономического кризиса и ослаблением доверия к традиционным политическим силам. Правительство Сильвио Берлускони ушло в отставку в 2011 г., после чего был сформирован технократический кабинет Марио Монти. Итальянская политика вошла в фазу, где решения всё чаще воспринимались обществом как результат давления рынков, наряду с воздействием европейских институтов. Смена кабинетов Монти, Летты, Ренци, Джентилони, Конте, Драги и Мелони является в данном контексте последовательностью политически разных, но институционально нестабильных этапов, характерных для периода после долгового кризиса [9].

На этом фоне усилилось движение «Пять звёзд» (Movimento 5 Stelle, M5S), которое использовало недоверие к партийной системе и противопоставляло себя старому политическому классу. Хотя в начале 2010-х годов миграция ещё не была главным содержанием его политической мобилизации, именно кризис представительства создал условия, при которых миграционная проблематика в дальнейшем могла быть легко встроена в более широкий антиэлитный дискурс. В логике итальянской политики 2010-х годов избирательное недовольство редко ограничивалось одной тематикой, оно включало в себя несколько измерений: экономическую незащищённость, раздражение по отношению к Брюсселю, недоверие к парламентским партиям и обеспокоенность миграцией.

Второй этап (2013–2017 гг.) связан с переходом миграции в один из центральных вопросов национальной повестки. После событий «арабской весны» Италия стала одним из главных направлений центрально-средиземноморского маршрута. Международная организация по миграции отмечает, что уже в 2011 г. число прибытий в Италию по центрально-средиземноморскому маршруту резко выросло и составило 62 692 человека, что было в тринадцать раз выше, чем годом ранее [10]. В последующие годы ситуация сохраняла высокую политическую чувствительность. Как сообщает Р. Айенгар, в 2015 году в Европу морем прибыло более миллиона беженцев и мигрантов — крупнейший подобный приток за всю послевоенную историю континента; свыше 150 тысяч человек достигли именно итальянского побережья [11]. В этот период стало очевидно, что миграционная динамика влияет на итальянскую политику через постоянную видимость проблемы. Морские спасательные операции, трагедии у берегов Лампедузы, споры вокруг приёма и перераспределения мигрантов внутри ЕС сделали тему эмоционально насыщенной и удобной для политической мобилизации. В 2013–2017 гг. центральные правительства Италии, включая кабинеты Энрико Летты, Маттео Ренци и Паоло Джентилони, пытались сочетать гуманитарную риторику, европейские требования и усиление контроля над внешними границами. Однако такая линия часто воспринималась правыми силами как недостаточно жёсткая, а значительной частью общества — как неэффективная.

На этом этапе особенно важной становится трансформация Lega. Lega начинала как партия Севера и долго строила свою политику вокруг защиты северных регионов Италии. При Сальвини эта логика изменилась. Партия стала говорить от имени «итальянцев» в целом, постепенно переходя к национальной правопопулистской повестке. Через миграционную повестку, являющуюся

наиболее удобной в данном контексте, можно было критиковать Брюссель, требуя закрытия границ, ссылаясь на безопасность граждан, при этом обвиняя левоцентристские правительства в слабости.

Третий этап (2018–2019 гг.) связан с переходом правопопулистского влияния из электоральной сферы в сферу государственной политики. Парламентские выборы 2018 года стали переломными, так как по пропорциональной части выборов в Палату депутатов «Движение пяти звёзд» получило 32,68%, в то время как Lega — 17,35%, Демократическая партия — 18,76%, а Fratelli d'Italia — 4,35% [12]. Такой расклад на выборах красноречиво говорил о том, что избиратели устали от привычных партий и искали новых игроков. Протестный и антиэлитный запрос стал одной из главных движущих сил. При этом правый фланг к тому времени уже не был похож на прежний, берлусконовский консерватизм. В нём всё отчётливее звучали голоса тех, кто делал ставку на миграцию и жёсткую защиту национального суверенитета.

Когда после выборов сформировалось первое правительство Джузеппе Конте — коалиция M5S и Lega, — стало ясно: старая политическая логика дала трещину. Да, эти две партии вышли из совершенно разных идеологических ниш. Но их объединяло одно: желание порвать с прошлым и продемонстрировать, что они не такие, как прежние кабинеты. И в этом новом раскладе главным бенефициаром оказался Маттео Сальвини. На посту министра внутренних дел он быстро сделал миграцию своей визитной карточкой. Его рецепт был прост и понятен: жёсткий контроль границ, давление на НПО, спасающие мигрантов в море, и громкий лозунг «закрытых портов».

Самым осязаемым воплощением этой линии стали так называемые декреты безопасности 2018–2019 годов. Они серьёзно ограничили возможности получить гуманитарную защиту, упростили процедуры высылки и, по сути, поставили многих мигрантов без устойчивого статуса в очень сложное положение. Как справедливо замечает Шейла Морони, декрет 113/2018 — тот самый, который окрестили «законом Сальвини», — отменил гуманитарную защиту, расширил сеть центров для депортации и ужесточил правила выдачи разрешений на проживание [13].

Затем, в 2019 году, коалиция распалась. Второе правительство Конте собрали уже с участием Демократической партии. И оно попыталось сбавить обороты в миграционной риторике. Самые жёсткие решения периода Сальвини пересмотрели, публичный тон стал спокойнее. Но, честно говоря, миграция в тот момент отошла на второй план не столько из-за смены курса, сколько из-за пандемии, которая потребовала экстренных экономических мер.

COVID-19, конечно, перекроил повестку, но старые противоречия никуда не делись. Напротив: пандемия подлила масла в огонь недоверия к институтам и вновь заставила задуматься о том, способно ли государство управлять рисками. В 2021 году к власти пришло правительство Марио Драги — широкая коалиция с технократическим лицом. Оно попыталось вернуть управляемость, но эта стабильность оказалась хрупкой. На уровне кабинета напряжение спало, однако в обществе по-прежнему зрел запрос на более жёсткую риторику — суверенистскую, идентичностную, бескомпромиссную.

И вот, наконец, пятый этап — после 2022 года. Здесь произошло главное: правоконсервативная повестка перестала быть оппозиционной риторикой и превратилась в реальную государственную политику. Приход к власти Джорджи Мелони и Fratelli d'Italia институционально закрепил этот сдвиг. Миграция, безопасность, суверенитет — эти темы стали не просто лозунгами, а официальным курсом правительства. Итоги выборов 2022 года наглядно показали, как перестроился правый лагерь: на этот раз впереди оказалась уже не Lega, а Fratelli d'Italia, которая смогла соединить национально-консервативную риторику, а также критику неконтролируемой миграции и обещание более устойчивого государственного управления [14].

Политика правительства Мелони показала, что миграционная тема перешла из стадии протестной мобилизации в стадию государственной стратегии. Если Сальвини в 2018–2019 гг. делал акцент на внутренней демонстрации жёсткости, то кабинет Мелони стал активнее связывать миграцию с внешнеполитическими инструментами: соглашениями со странами Северной Африки, идеей внешней обработки заявлений о предоставлении убежища, усилением сотрудничества с Тунисом и Ливией, а также с более широким «планом Маттеи» для Африки. Как сообщает AP News, Мелони связывала снижение миграции из Африки не с благотворительностью, а с инвестициями и партнёрствами, одновременно утверждая, что общеевропейский Пакт о миграции и убежище не решает проблему полностью [15].

При этом динамика прибытий продолжала влиять на политическую повестку. В 2023 г. Италия столкнулась с новым ростом числа прибывших морем. По данным, приводимым UNHCR и международными агентствами, в страну прибыло около 155,7 тыс. человек, что было существенно выше уровня 2022 г. [15]. В 2024 году количество прибытий заметно сократилось. По данным Prague Process, в Италии было зарегистрировано 66 617 высадившихся, тогда как в 2023 году этот показатель превышал 150 тыс., а в 2022 году составлял около 100 тыс. [16]. В 2025 году, по обзору UNHCR, по морскому пути в Италию прибыли 66 316 беженцев и мигрантов. Однако снижение прибытий не сняло политической остроты темы. Миграция по-прежнему связывалась с контролем границ, безопасностью и отношениями с ЕС [17].

Миграционная риторика Lega и Fratelli d'Italia

Популистская риторика Lega и Fratelli d'Italia в миграционном вопросе формировалась как сложный политический язык, в котором миграция связывалась с кризисом безопасности, утратой суверенитета, социальной несправедливостью и моральным конфликтом между народом и элитами. Именно поэтому анализ риторики этих партий важен для понимания политической динамики Италии, поскольку миграция в их коммуникации выступает универсальным объяснительным кодом, через который интерпретируются слабость государства, давление ЕС, неэффективность либеральных партий, преступность, нагрузка на социальную систему и культурная тревожность.

В логике правопопулистского дискурса миграция редко описывается как нейтральный социальный процесс. Она переходит в политический символ, позволяющий провести границу между «своими» и «чужими», «народом» и «элитами», «реальными итальянцами» и теми, кто якобы навязывает стране политику открытости. Для Lega и Fratelli d'Italia миграционная проблематика стала особенно удобной, поскольку она позволяла соединять безопасность, экономику, идентичность и внешнюю политику. Через эту тему партии могли критиковать национальные правительства, европейские институты, неправительственные организации и леволиберальные силы, обвиняемые в неспособности защитить Италию.

Риторика Lega в наибольшей степени связана с фигурой Маттео Сальвини и периодом его пребывания на посту министра внутренних дел в 2018–2019 гг. Именно тогда партия окончательно превратила миграцию в один из центральных элементов своей политической идентично-

сти. Если раньше Lega была связана прежде всего с регионалистской повесткой северной Италии, то в 2010-е гг. она стала общеитальянской правопопулистской силой, использующей язык национального суверенитета, границ и внутренней безопасности. Как отмечают Дж. Деннисон и А. Геддес, при Сальвини Lega сместила акцент с северного регионализма на национальную правопопулистскую мобилизацию, где миграция и критика ЕС заняли центральное место [18].

Ключевой особенностью риторики Lega стал переход миграции в проблему непосредственной угрозы. В этом дискурсе мигрант нарушает порядок, создаёт давление на социальные службы, ассоциируется с преступностью, нелегальностью и потерей контроля над границами. Поэтому требование закрытия портов и ограничения деятельности спасательных НПО стало символическим актом восстановления власти государства. Как сообщает The Guardian, в 2018 г. Сальвини распорядился закрыть итальянские порты для судна Aquarius с 629 мигрантами на борту, заявив, что Италия больше не будет поддерживать нелегальную миграцию и деятельность, которую он связывал с контрабандистскими сетями [19].

Эта риторика была построена на эффекте простого и эмоционально ясного решения: если проблема состоит в слабости границ, то ответом должно стать их закрытие; если элиты обвиняются в попустительстве, то популистский лидер демонстрирует способность действовать напрямую; если ЕС не обеспечивает солидарность, то Италия должна восстановить контроль самостоятельно. В этом смысле лозунг закрытых портов не сводился к миграционной политике. Он выполнял функцию политического спектакля суверенитета, где государство демонстрировало, что оно снова способно принимать жёсткие решения вопреки Брюсселю, гуманитарным организациям и внутренней либеральной оппозиции.

Правовой формой этой риторики стали так называемые декреты безопасности, принятые в период участия Lega в правительстве. Декрет 113/2018, известный как «декрет Сальвини», отменил гуманитарную защиту, расширил возможности содержания в центрах репатриации и ужесточил режим пребывания для части мигрантов. Данные меры закрепляли в правовой форме ту же логику, которая присутствовала в партийной коммуникации Lega: миграция трактовалась как источник небезопасности, а жёсткое ограничение правовых каналов защиты подавалось как восстановление порядка.

В программных документах Lega 2022 г. эта логика сохраняется, хотя становится более институционализированной. Партия говорит языком государственной политики: усиление границ, ускорение репатриаций, борьба с нелегальной миграцией, защита национального рынка труда и перераспределение ответственности внутри ЕС. Предвыборная программа Lega 2022 г. содержит отдельные положения о миграции и безопасности, где акцент делается на контроле нелегального въезда, депортациях, противодействии контрабандистам и защите итальянских граждан [20]. Тем самым партия стремилась сохранить радикальный мобилизационный язык, но одновременно придать ему вид управленческой программы.

Риторика Fratelli d'Italia использует близкую правопопулистскую рамку, однако её риторика имеет иную тональность. Если Lega при Сальвини строила миграционный дискурс преимущественно через немедленную демонстрацию жёсткости, то Fratelli d'Italia связывает миграцию с более широким национально-консервативным проектом: защитой государства, семьи, культурной идентичности, демографической устойчивости и международного положения Италии. Для FdI миграция является вопросом политического порядка: кто управляет Италией, в чьих интересах принимаются решения, почему национальное государство должно подчиняться внешним ограничениям и как восстановить приоритет итальянского народа.

В предвыборной программе Fratelli d'Italia 2022 г. миграция включается в перечень первоочередных проблем наряду с энергетическим кризисом и налоговой нагрузкой. Как следует из программного вступления партии, «Fratelli d'Italia противопоставляет себя левым силам, описываемым как оторванные от реальных тревог общества, включая нелегальную миграцию» [21]. Таким образом FdI переводит миграционную тему в морально-политическую плоскость: проблема состоит в тех элитах, которые, по логике партии, не слышат обычных граждан и не защищают национальный интерес.

Наиболее узнаваемым элементом риторики Fratelli d'Italia стал тезис о морской блокаде или, в более поздней институциональной версии, о необходимости предотвращать отправление мигрантов из Северной Африки ещё до их прибытия к итальянским берегам. В период избирательной кампании Джорджа Мелони неоднократно заявляла о необходимости жёсткого европейского вмешательства против нелегальной миграции через Средиземное море. После прихода к власти эта риторика была частично адаптирована: вместо исключительно конфронтационного языка блокирования акцент стал переноситься на соглашения со странами Северной Африки, инвестиции, борьбу с торговцами людьми и внешнюю обработку миграционных процедур. Как сообщает AP News, в 2023 г. Мелони заявила о необходимости принятия чрезвычайных мер в ответ на рост прибытий на Лампедузу и выступала за более жёсткую европейскую линию в отношении миграции из Северной Африки [22].

Тем самым FdI демонстрирует характерную эволюцию правопопулистской риторики при переходе от оппозиции к власти. В оппозиции партия могла использовать более резкие формулы, в том числе идею морской блокады; во власти она была вынуждена соединять жёсткий символический язык с практиками международных соглашений, переговоров с ЕС и поиска юридически устойчивых механизмов. Однако базовый фрейм сохранился: миграция попрежнему представляется как угроза контролю, а сильное государство должно действовать не после прибытия мигрантов, а на более ранних этапах маршрута.

Отличие Fratelli d'Italia от Lega состоит также в том, что FdI активнее связывает миграцию с внешнеполитической стратегией. Для Мелони миграционный вопрос становится частью отношений с Африкой, энергетической дипломатии и европейского торга о распределении ответственности. Как сообщает AP News, Мелони утверждала, что сокращение миграции из Африки должно строиться не на благотворительности, а на инвестициях и партнёрствах, одновременно подчёркивая недостаточность общеевропейского Пакта о миграции как окончательного решения проблемы [23]. Здесь популистская риторика приобретает более государственный вид: защита границ связывается с идеей равноправного сотрудничества, контроля маршрутов и внешней проекции итальянских интересов.

Сравнение Lega и Fratelli d'Italia показывает, что обе партии используют миграцию как ресурс правопопулистской мобилизации, но делают это через разные стилистические и стратегические акценты. Lega чаще строит коммуникацию вокруг немедленного кризиса, образа закрытой границы, противостояния НПО и демонстративной жёсткости МВД. Fratelli d'Italia чаще помещает миграцию в более широкий нарратив национального возрождения, суверенитета, демографии и международной роли Италии. Однако в обоих кейсах миграция выполняет одну и ту же политическую функцию: она превращает сложные социально-экономические и институциональные проблемы в понятную схему конфликта между защищаемым народом

и силами, которые якобы препятствуют восстановлению контроля.

Матрица фреймов популистской риторики Lega и Fratelli d'Italia показывает, что миграция одновременно секьюритизируется, морализируется и национализируется. Она секьюритизируется, поскольку описывается как угроза порядку и безопасности; морализируется, поскольку представляется как результат предательства элит; национализируется, поскольку превращается в вопрос о границах политического сообщества и приоритете итальянских граждан. Именно это сочетание делает миграционную тему настолько эффективной для правопопулистской мобилизации.

Важным следствием такой риторики становится смещение границ допустимого политического языка. То, что в начале 2010-х гг. могло восприниматься как радикальная периферийная позиция, к концу десятилетия стало частью нормальной правительственной повестки. Закрытие портов, борьба с НПО, ускорение депортаций, соглашения с транзитными странами и внешняя обработка миграционных процедур стали обсуждаться как возможные элементы стандартной государственной политики.

Либеральный ответ на правопопулистскую миграционную риторику

Если Lega и Fratelli d'Italia выстраивали миграционную повестку преимущественно через язык угрозы, суверенитета и восстановления контроля, то либеральный и институциональный ответ в Италии формировался вокруг иной логики. Миграция рассматривалась как проблема управляемости, европейской солидарности, правового регулирования и гуманитарных обязательств. Однако этот ответ не был полностью единым, ни политически устойчивым. Partito Democratico (PD) и Movimento 5 Stelle по-разному реагировали на миграционный вопрос: PD стремилась сохранить баланс между контролем и правами человека, тогда как M5S занимало промежуточную и часто противоречивую позицию между антисистемной критикой, управленческим прагматизмом и ситуативным сближением с рестриктивной логикой.

Partito Democratico представляла наиболее последовательную альтернативу правопопулистскому дискурсу. В её риторике миграция обычно описывалась как сложный общеевропейский вызов, требующий распределения ответственности, сотрудничества с ЕС, борьбы с торговцами людьми, легальных каналов въезда и интеграции. Эта позиция отличалась от риторики Lega тем, что контроль границ не противопоставлялся гуманитарным обязательствам, а должен был быть встроен в правовую и институциональную рамку. Как отмечает О. Ангели, именно PD чаще других итальянских партий апеллировала к практическим аспектам интеграции мигрантов — жилью и трудоустройству, — тогда как правые партии акцентировали безопасность, нелегальность и угрозу общественному порядку [24].

При этом политический дискурс, продвигаемый PD, нельзя сводить к абстрактному гуманитаризму или политике открытых границ. На практике левоцентристские правительства также участвовали в ужесточении миграционного управления, особенно после роста прибытий по центрально-средиземноморскому маршруту. Наиболее показателен меморандум Италии и Ливии 2017 г., подписанный при правительстве Паоло Джентилони. Согласно тексту документа, в качестве ключевых целей партнёрства определены сотрудничество в борьбе с нелегальной миграцией, торговлей людьми и контрабандой, а также усиление пограничной безопасности [25]. Этот эпизод показывает внутреннюю двойственность либерального ответа: PD сохраняла язык прав человека и европейской ответственности, но в условиях общественного давления была вынуждена прибегать к инструментам внешнего сдерживания миграции.

Movimento 5 Stelle занимало более противоречивую позицию. В отличие от PD, движение не было классической либеральной партией, но и не строило свою идентичность вокруг жёсткой антимиграционной повестки, как Lega или FdI. Оно возникло как антисистемный проект против коррупции и привычных механизмов представительства, из-за чего его миграционная риторика долго оставалась менее устойчивой. Как показывает А. Варриале, значительная часть электората M5S оставалась чувствительна к темам бедности, социальной несправедливости, конкуренции за ресурсы и недоверия к государству — что не позволяло движению полностью принять гуманитарный язык PD [26].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что миграция в Италии в 2010–2025 гг. прошла несколько стадий политизации: от фоновой темы на фоне экономического кризиса до центрального элемента партийной конкуренции и государственной стратегии. Lega и Fratelli d'Italia сделали миграцию одним из главных инструментов политической мобилизации, превратив общественные страхи в электоральную поддержку и представив жёсткий курс как ответ на кризис доверия и угрозы безопасности.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии научного дискурса о взаимосвязи миграции, партийной политики и трансформации партийных систем. Предложенная теоретическая модель может быть использована для дальнейшего изучения государств Европейского союза, находящихся под воздействием миграционного давления, кризиса представительства и роста популизма. Практическая значимость состоит в возможности использования выводов при анализе миграционной политики Италии и Европейского союза профильными структурами, занимающимися вопросами европейской политики и международной безопасности.

Миграционная проблематика стала устойчивым каналом, через который внутриполитическое давление переходит во внешнеполитические решения. Это подтверждает исходную гипотезу исследования: миграционный фактор влияет на внутриполитические процессы Италии не механически, а через партийную конкуренцию, общественное восприятие и борьбу за интерпретацию кризиса. В итальянском кейсе наибольшую выгоду из этой связи получили правопопулистские и правоконсервативные силы, прежде всего Lega и Fratelli d'Italia.

Литература

1. Frontex. Migratory Routes [Электронный ресурс]. URL: https://www.frontex.europa.eu/what-we-do/monitoring-and-risk-analysis/migratory-routes/ (дата обращения: 12.04.2026).

2. Frisone F. Immigrazione in Italia tra antipolitica e populismo (1992–2018): la Lega e il welfare chauvinism // Nazioni e Regioni. 2022. No. 19–20. P. 31–53.

3. Ambrosini M. The populist far right paradox: the identification of the enemy and its exceptions in the immigration policies of the Meloni government in Italy // Comparative Migration Studies. 2025. Vol. 13. Article 17.

4. Pact on Migration and Asylum // European Commission [Электронный ресурс]. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/pact-migration-and-asylum_en (дата обращения: 12.04.2026).

5. Moravcsik A. Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmentalist Approach // Journal of Common Market Studies. 1993. Vol. 31. No. 4. P. 473–524.

6. Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46. No. 2. P. 391–425.

7. Wæver O. Securitization and Desecuritization // On Security / ed. by R.D. Lipschutz. New York: Columbia University Press, 1995. P. 46–87.

8. Mudde C. Populism in the Twenty-First Century: An Illiberal Democratic Response to Undemocratic Liberalism [Электронный ресурс]. URL: https://amc.sas.upenn.edu/cas-mudde-populism-twenty-first-century (дата обращения: 12.04.2026).

9. I Governi nelle Legislature // Governo Italiano [Электронный ресурс]. URL: https://www.governo.it/it/i-governi-dal-1943-ad-oggi/i-governi-nelle-legislature/192 (дата обращения: 02.05.2026).

10. IOM. Missing Migrants Project: Mediterranean [Электронный ресурс]. URL: https://missingmigrants.iom.int/mediterranean (дата обращения: 02.05.2026).

11. Iyengar R. Over a Million Refugees Reached Europe by Sea in 2015, the U.N. Says // Time. 2015. 30 December.

12. 2018 Italian general election // Wikipedia [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2018_Italian_general_election (дата обращения: 02.05.2026).

13. Italy: Report on Effects of the "Security Decrees" on Migrants and Refugees in Sicily // European Council on Refugees and Exiles. 2020.

14. Chiaramonte A., Emanuele V., Maggini N., Paparo A. Radical-right surge in a de-institutionalised party system: The 2022 Italian general election // South European Society and Politics. 2022. Vol. 27. No. 3. P. 329–357.

15. Winfield N. Italian leader Giorgia Meloni vows to take 'extraordinary measures' to deal with a migrant influx // AP News. 2023. 17 September.

16. Italy // Prague Process [Электронный ресурс]. URL: https://www.pragueprocess.eu/en/countries/866-italy (дата обращения: 02.05.2026).

17. Italy Sea Arrivals Overview 2025 // ReliefWeb [Электронный ресурс]. URL: https://reliefweb.int/report/italy/italy-sea-arrivals-overview-2025 (дата обращения: 02.05.2026).

18. Dennison J., Geddes A. The centre no longer holds: the Lega, Matteo Salvini and the remaking of Italian immigration politics // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2022. Vol. 48. No. 2. P. 441–460.

19. Wintour P., Tondo L., Kirchgaessner S. Southern mayors defy Italian coalition to offer safe port to migrants // The Guardian. 2018. 10 June.

20. Il programma. Lega per Salvini Premier. Elezioni politiche 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.lega.it/programma/ (дата обращения: 02.05.2026).

21. Il programma. Fratelli d'Italia. Elezioni politiche 25 settembre 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.tommasofoti.com/documents/Programma-di-Fratelli-dItalia-2022-296.pdf (дата обращения: 02.05.2026).

22. Winfield N. Italian leader Giorgia Meloni vows to take 'extraordinary measures' to deal with a migrant influx // AP News. 2023. 17 September.

23. Zampano G., Santalucia P. Italian Premier Meloni says curbing migrant arrivals from Africa is about investment, not charity // AP News. 2024. 4 January.

24. Angeli O. Giorgia Meloni und die Migrationsfrage: Rückblick auf ein Jahr Regierung // MIDEM-Policy Paper. 2023. No. 2023-4.

25. Memorandum of understanding on cooperation in the development sector, to combat illegal immigration, human trafficking and contraband and on reinforcing the border security between the Libya State and the Italian Republic. Rome, 2017.

26. Varriale A. Institutionalized Populism: The "Strange Case" of the Italian Five Star Movement // ECPS Report. Brussels: European Center for Populism Studies, 2021. No. 5.

The Migration Factor as a Catalyst for the Transformation of Italy's Party System in 2010–2025

Shkolina A.O.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article examines the role of the migration factor in the transformation of Italy's party-political system in 2010–2025. Based on the author's theoretical model linking migration flows, securitization, populist mobilization, and foreign policy projection, the mechanisms through which migration issues become a resource for political mobilization of right-wing populist forces are analyzed. Special attention is paid to the evolution of Lega from a regionalist party to a nationwide right-wing populist force and the institutionalization of the migration agenda after Fratelli d'Italia's rise to power. The empirical basis includes party programs, official documents, and statistical data. It is concluded that migration in the Italian context has become a political trigger allowing parties to construct the boundaries of the national community and articulate the crisis of representation through the dichotomy of "the people" vs. "the elites."

Keywords: Italy, migration policy, populism, party system, Lega, Fratelli d'Italia, securitization, crisis of representation.

References

1. Frontex. Migratory Routes [Electronic resource]. URL: https://www.frontex.europa.eu/what-we-do/monitoring-and-risk-analysis/migratory-routes/ (access date: 04/12/2026).
2. Frisone F. Immigrazione in Italia tra antipolitica e populismo (1992–2018): la Lega e il welfare chauvinism // Nazioni e Regioni. 2022. No. 19–20. P. 31–53.
3. Ambrosini M. The populist far right paradox: the identification of the enemy and its exceptions in the immigration policies of the Meloni gov-ernment in Italy // Comparative Migration Studies. 2025. Vol. 13. Article 17.
4. Pact on Migration and Asylum // European Commission [Electronic resource]. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/pact-migration-and-asylum_en (accessed 04/12/2026).
5. Moravcsik A. Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmentalist Approach // Journal of Common Market Studies. 1993. Vol. 31.No. 4. P. 473–524.
6. Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46.No. 2. P. 391–425.
7. Wæver, O. “Securitization and Desecuritization” (ed. by R.D. Lipschutz). New York: Columbia University Press, 1995, pp. 46–87.
8. Mudde, C. “Populism in the Twenty-First Century: An Illiberal Democratic Response to Undemocratic Liberalism” (Electronic resource). Available at: https://amc.sas.upenn.edu/cas-mudde-populism-twenty-first-century (accessed on April 12, 2026).
9. “I Governi nelle Legislature” (Electronic resource). URL: https://www.governo.it/it/i-governi-dal-1943-ad-oggi/i-governi-nelle-legislature/192 (accessed: 02.05.2026).
10. IOM. Missing Migrants Project: Mediterranean [Electronic resource]. URL: https://missingmigrants.iom.int/mediterranean (accessed: 02.05.2026).
11. Iyengar R. Over a Million Refugees Reached Europe by Sea in 2015, the U.N. Says // Time. 2015. 30 December.
12. 2018 Italian general election // Wikipedia [Electronic resource]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2018_Italian_general_election (access date: 05/02/2026).
13. Italy: Report on Effects of the "Security Decrees" on Migrants and Refugees in Sicily // European Council on Refugees and Exiles. 2020.
14. Chiaramonte A., Emanuele V., Maggini N., Paparo A. Radical-right surge in a de-institutionalised party system: The 2022 Italian general election // South European Society and Politics. 2022. Vol. 27.No. 3. P. 329–357.
15. Winfield N. Italian leader Giorgia Meloni vows to take 'extraordi-nary measures' to deal with a migrant influx // AP News. 2023. September 17.
16. Italy // Prague Process [Electronic resource]. URL: https://www.pragueprocess.eu/en/countries/866-italy (accessed: May 2, 2026).
17. Italy Sea Arrivals Overview 2025 // ReliefWeb [Electronic resource]. URL: https://reliefweb.int/report/italy/italy-sea-arrivals-overview-2025 (accessed: May 2, 2026).
18. Dennison J., Geddes A. The center no longer holds: the Lega, Matteo Salvini, and the remaking of Italian immigration policy // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2022. Vol. 48. No. 2. P. 441–460.
19. Wintour P., Tondo L., Kirchgaessner S. Southern mayors defy Italian coalition to offer safe port to migrants // The Guardian. 2018. June 10.
20. The program. Lega per Salvini Premier. Political developments 2022 [Electronic resource]. URL: https://www.lega.it/programma/ (accessed: 02.05.2026).
21. The program. Fratelli d'Italia. Political developments 25 settembre 2022 [Electronic resource]. URL: https://www.tommasofoti.com/documents/Programma-di-Fratelli-dItalia-2022-296.pdf (accessed: 02.05.2026).
22. Winfield N. Italian leader Giorgia Meloni vows to take 'extraordi-nary measures' to deal with a migrant influx // AP News. 2023. 17 September.
23. Zampano G., Santalucia P. Italian Premier Meloni says curbing mi-grant arrivals from Africa is about investment, not charity // AP News. 2024. 4 January.

Ответные меры России на энергетические санкции ЕС и их эффективность: опыт 2014-2024 годов

Тань Чжао
магистрант, Пекинский университет иностранных языков, 1223543042@qq.com

В статье рассматриваются энергетические санкции Европейского союза против России в 2014-2024 гг. и анализируются ключевые механизмы адаптации, позволившие российскому топливно-энергетическому комплексу сохранить экспортную устойчивость, бюджетную значимость и внешнеторговую маневренность. Показано, что переход ЕС от точечных финансово-технологических ограничений 2014 года к нефтяному эмбарго, ценовому потолку и ограничениям на логистику, страхование и инвестиции после 2022 года существенно изменил структуру российских энергетических потоков и повысил издержки экспорта. Вместе с тем санкции не вызвали системного обрушения энергетического сектора. Основной ответ России включал четыре взаимосвязанные стратегии: переориентацию экспорта на азиатские и другие незападные рынки, перестройку расчетной инфраструктуры с ростом роли рубля и юаня, ускоренное импортозамещение и локализацию отдельных технологических звеньев, а также формирование альтернативной логистической конфигурации, включая использование собственного и аффилированного танкерного флота. Делается вывод, что в краткосрочном периоде Россия смогла нейтрализовать значительную часть внешнего давления, однако в долгосрочном горизонте сохраняются ограничения, связанные с технологической зависимостью, ростом транзакционных издержек и повышенной концентрацией экспорта на ограниченном круге рынков.

Ключевые слова: энергетические санкции, Европейский союз, Россия, экспорт нефти и газа, импортозамещение, дедолларизация, ценовой потолок, теневой флот, Глобальный Юг, энергетическая безопасность.

Введение

Энергетический сектор остается одним из ключевых оснований экономической устойчивости России, определяя структуру внешней торговли, параметры бюджетной системы и характер экономических связей с Европой и Азией. Поэтому именно нефтегазовый комплекс стал центральной мишенью санкционной политики Запада после 2014 года. Если первоначально ограничения затрагивали прежде всего доступ к финансированию, технологиям и отдельным видам оборудования, то после 2022 года санкционная стратегия ЕС сместилась к прямому воздействию на экспортные доходы России через эмбарго, ценовые ограничения, логистические и страховые барьеры. В результате вопрос устойчивости российской энергетики приобрел не только прикладное, но и теоретическое значение: стало важно определить, насколько санкции способны подорвать ресурсно-экспортную модель и какие механизмы адаптации формируются в ответ на внешнее принуждение.

Актуальность темы определяется тем, что санкции против российской энергетики приобрели системный характер и затронули добычу, переработку, транспортировку, расчеты, страхование, инвестиции и технологический обмен. Российская реакция при этом не свелась к разовым административным мерам, а оформилась в долгосрочную перестройку экспортной географии, инфраструктуры и расчетных механизмов. Одновременно противостояние России и ЕС стало фактором более широкой трансформации мировой энергетической торговли: усилилась роль посреднических юрисдикций, выросла доля азиатских рынков в российском энергетическом экспорте, а глобальные цепочки поставок стали длиннее, дороже и более политически фрагментированными.

Существующая литература накопила значительный материал как по санкционной политике ЕС, так и по российским механизмам адаптации. Однако многие исследования либо сосредоточены на краткосрочном эффекте санкций 2022-2023 гг., либо рассматривают лишь отдельные аспекты проблемы — ценовой потолок, расчеты в национальных валютах или импортозамещение оборудования. Недостаточно исследован вопрос о соотношении разных контуров адаптации: экспортной географии, финансовой инфраструктуры, технологической политики и транспортной логистики. Не менее важно разграничивать краткосрочную устойчивость и долгосрочную эффективность, поскольку их смешение ведет либо к преувеличению провала санкций, либо к преувеличению неуязвимости российской энергетики.

Объектом исследования выступают энергетические санкции Европейского союза против Российской Федерации и вызванные ими трансформации в российском топливно-энергетическом комплексе. Предмет исследования составляют ответные меры России в сфере экспорта нефти и газа, энергетических расчетов, технологической политики и логистической инфраструктуры, а также их результативность в условиях санкционного давления 2014-2024 гг. Цель статьи — дать целостную оценку эффективности российских ответных мер, выявить пределы их компенсаторного потенциала и показать, какие институциональные и структурные изменения они вызвали в энергетическом секторе и во внешнеэкономических связях России.

Научная новизна исследования состоит в рассмотрении санкций и контрмер как единой динамической си-

стемы, где изменения европейской регуляторики и российской адаптации взаимно обусловлены. Эффективность оценивается по нескольким критериям: экспортной непрерывности, бюджетной устойчивости, логистической адаптивности, технологической автономии и институциональной воспроизводимости. Рабочая гипотеза заключается в том, что санкции ЕС существенно сузили прежние возможности российской энергетической интеграции с Европой, однако в кратко- и среднесрочной перспективе не разрушили экспортно-сырьевую модель, поскольку Россия компенсировала часть потерь за счет внешней переориентации, институциональной гибкости и альтернативных финансово-логистических каналов. В то же время такая адаптация не устранила фундаментальных уязвимостей, а лишь изменила их конфигурацию.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили нормативные акты и разъяснительные материалы Европейской комиссии по санкционным пакетам 2014-2024 гг.; аналитические обзоры Международного валютного фонда, Bruegel и CREA; материалы Министерства энергетики Российской Федерации, Росстандарта и НИУ ВШЭ; корпоративные сообщения крупных энергетических компаний, участвовавших в российских проектах или вышедших из них после 2022 года; а также публикации российских и зарубежных исследователей, посвященные санкционному давлению, перестройке энергетической торговли и механизмам импортозамещения. Это позволило сопоставить декларируемые цели санкций с фактическими результатами и реакциями российских экономических субъектов.

Методологически работа опирается на сочетание сравнительно-исторического, институционального и структурно-функционального подходов. Сравнительно-исторический подход использован для разграничения двух этапов санкционного давления: периода 2014-2021 гг., когда ограничения носили преимущественно селективный и технологический характер, и периода 2022-2024 гг., когда санкционный режим приобрел системный характер и был ориентирован на непосредственное ограничение экспортных доходов. Институциональный подход позволил исследовать изменение правил торговли, расчетов и доступа к инфраструктуре, а структурно-функциональный анализ — оценить трансформацию функций отдельных звеньев энергетической системы от добычи и переработки до транспортировки и внешнеторговых расчетов.

Для оценки эффективности российских ответных мер использован набор взаимодополняющих критериев: экспортная непрерывность, бюджетно-финансовая устойчивость, логистическая адаптивность, технологическая автономия и институциональная воспроизводимость адаптации. В работе применены элементы контент-анализа нормативных документов и экспертных публикаций, а также проблемно-хронологический метод. Временные рамки 2014-2024 гг. позволяют проследить не только реакцию на шок 2022 года, но и более глубокие структурные сдвиги в организации энергетического экспорта, системе внешних расчетов и технологической политике. При этом следует учитывать исследовательские ограничения: часть статистики после 2022 года публикуется фрагментарно, а отдельные показатели по неформальным каналам обслуживания торговли оцениваются экспертно и требуют осторожной интерпретации.

Результаты и обсуждение

Первый этап санкционного режима, начавшийся в 2014 году, был ориентирован главным образом на ограничение долгосрочного потенциала российского ТЭК. Европейские меры затрагивали доступ к западному капиталу, высокотехнологичному оборудованию и сервисам для сложных видов добычи — прежде всего на шельфе, в Арктике и в сегменте трудноизвлекаемых запасов. Такая конфигурация не блокировала текущий экспорт, но повышала издержки будущего развития и сужала технологические горизонты отрасли. После февраля 2022 года санкционная политика ЕС радикально изменилась по масштабу и целеполаганию: к прежним ограничениям добавились эмбарго на морские поставки нефти и импорт нефтепродуктов, ограничения на уголь и инвестиции, а также механизм ценового потолка, связанный с использованием европейских транспортных, страховых и финансовых сервисов. Тем самым санкции были переориентированы уже не только на долгосрочное сдерживание, но и на сокращение текущих экспортных доходов России.

Практика показала, что санкции против крупного поставщика энергоносителей неизбежно порождают обходные контуры и побочные эффекты. Отказ Европы от прямого импорта российских нефти и нефтепродуктов не означал полного исчезновения российского сырья из глобальных цепочек поставок: часть поставок стала проходить через третьи страны, где нефть перерабатывалась или смешивалась с иным сырьем, а затем возвращалась на европейский рынок в измененной товарной и юрисдикционной форме. Одновременно политика сокращения зависимости от российских энергоносителей оказалась для ЕС затратной: европейским государствам пришлось ускоренно диверсифицировать импорт, наращивать закупки СПГ и пересматривать инфраструктурные планы. Поэтому эффективность санкций следует оценивать не изолированно, а с учетом их обратного воздействия на сам европейский рынок.

Наиболее заметной ответной мерой России стала географическая переориентация энергетического экспорта. Если до 2022 года европейское направление занимало привилегированное положение как по объему закупок, так и по качеству инфраструктурной связки, то затем ключевыми центрами притяжения российского сырья стали Китай, Индия, Турция и ряд других стран Глобального Юга. Для нефти именно азиатские рынки выступили основными компенсаторами выпадающего европейского спроса. Поворот на Восток не был полностью спонтанным: отдельные элементы такой стратегии формировались и раньше, однако после 2022 года она приобрела характер системного выбора. Это позволило избежать резкого падения физических объемов экспорта, но сопровождалось существенными ценовыми скидками, ростом транспортных издержек и усилением зависимости от ограниченного круга покупателей, обладающих высокой переговорной силой.

Важную роль в новой торговой конфигурации сыграли промежуточные юрисдикции — прежде всего Турция, ОАЭ и другие логистические и коммерческие узлы. Через них проходила часть операций, связанных с реэкспортом нефтепродуктов, фрахтом, страхованием и сервисным сопровождением. Параллельно возросло значение дальневосточных портов, модернизации железнодорожных коридоров, Байкало-Амурской магистрали, Транссиба и Международного транспортного коридора «Север — Юг». Эти инфраструктурные сдвиги стали не внешним приложением к санкционной политике, а ее прямым следствием: без них поворот к рынкам Азии и Ближнего Востока был бы существенно ограничен. В краткосрочном и среднесрочном периоде такая диверсификация доказала свою компенсаторную ценность, однако одновременно сформировала новую структуру уязвимостей — более длинные маршруты, более дорогие схемы обслуживания торговли и растущую зависимость от нескольких крупных незападных контрагентов.

На уровне логистики центральной задачей стало сохранение технической возможности экспорта в условиях

ограничений на фрахт, страхование и сервисное сопровождение морских перевозок. Ответом стало формирование собственного и аффилированного танкерного пула, часто обозначаемого как «теневой флот». Речь идет не о единой организационной структуре, а о совокупности судов, посредников и юрисдикций, позволяющих перевозить российскую нефть вне прямой зависимости от западных страховщиков и перевозчиков. Этот механизм оказался функциональным инструментом поддержания поставок, однако сопровождался новыми рисками: ростом коммерческих и экологических издержек, усложнением цепочек владения и страхования, увеличением количества посредников и удорожанием операций. Следовательно, логистическая адаптация предотвратила экспортный коллапс, но не восстановила прежнюю экономическую комфортность экспорта.

Одной из наиболее обсуждаемых ответных мер стала дедолларизация энергетических расчетов. В условиях замораживания резервов, отключения части банков от западной финансовой инфраструктуры и риска блокировки трансграничных платежей Россия ускорила переход к операциям в рублях, юанях и иных незападных валютах. Политически это проявилось, в частности, в требовании перевести часть расчетов за газ в рубли, а экономически — в расширении практики двусторонних расчетов с крупнейшими торговыми партнерами. По данным, приведенным в анализируемом материале, к марту 2024 года до 80% сделок по экспорту нефти и газа осуществлялось в рублях и юанях. Такая перестройка снизила зависимость от валют, обслуживаемых санкционно настроенными финансовыми центрами, и позволила частично стабилизировать платежный оборот.

Однако дедолларизацию не следует переоценивать. Переход к альтернативным валютам не устраняет автоматически фундаментальные проблемы международных расчетов: ликвидность таких валют на отдельных участках рынка ниже, механизмы хеджирования и страхования валютных рисков развиты неравномерно, а зависимость от одной-двух новых расчетных валют создает новую асимметрию. В ряде случаев переход потребовал сложных многоступенчатых схем, участия посреднических банков и дополнительных комиссий. Поэтому реальная эффективность дедолларизации определяется не самим фактом смены валюты платежа, а способностью обеспечить бесперебойность расчетов и минимизировать издержки конвертации. В этом отношении российская политика дала ощутимый, но не исчерпывающий результат.

Наиболее противоречивым направлением российской ответной политики стало импортозамещение в энергетике. После 2014 года курс на снижение зависимости от западного оборудования и сервисов был институционально закреплен, а после 2022 года получил ускоренный характер. Санкции действительно стимулировали локализацию отдельных производств, расширили спрос на внутренние инженерные компетенции и усилили государственную поддержку отраслевых проектов. Но в наиболее капиталоемких и технологически сложных сегментах зависимость от иностранной компонентной базы и технологических решений сохраняется. В исходном материале указывается, что зависимость от импортного оборудования для производства СПГ достигает 68%, а по газовым турбинам и комплектующим превышает 90%. Это означает, что санкции затронули не периферию, а ядро технологического воспроизводства отрасли.

Сложность состоит и в том, что часть импортозамещения фактически представляет собой не полное освоение технологий, а адаптацию или обслуживание оборудования за счет параллельного импорта и поставок из третьих стран. Такая модель помогает поддерживать текущую работоспособность предприятий, но не решает проблему суверенного владения критическими технологиями, инженерными стандартами и интеллектуальной собственностью. В ответ Россия активизировала развитие национальных стандартов и технического регулирования, а также расширила технологическое сотрудничество с Китаем, Индией, Ираном и другими незападными партнерами. Однако замещение западной зависимости незападной само по себе не тождественно достижению автономии. Дополнительным ограничением остается состояние основных фондов: значительная часть бурового оборудования эксплуатируется более двадцати лет, поэтому в долгосрочной перспективе вопрос обновления мощностей становится принципиальным.

В целом российские ответные меры оказались достаточно результативными в краткосрочном и частично в среднесрочном периоде. Макроэкономическая динамика 2023 года, восстановление экономического роста, сохранение низкой безработицы и продолжение нефтегазовых поступлений показывают, что санкционный шок не привел к системному обрушению экономики. По данным, использованным в исходном материале, рост ВВП России в 2023 году составил 3,6%, а МВФ повысил прогноз на 2024 год до 3,2%. Ключевые экспортные потоки были сохранены, западные ограничения частично нейтрализованы за счет альтернативных сервисов и расчетных схем, а внутренний рынок не столкнулся с критическим дефицитом энергооборудования и топлива. Но краткосрочная устойчивость не равна долгосрочной эффективности: экспорт стал более зависимым от скидок, посредников и длинных маршрутов; логистика — более дорогой и менее прозрачной; платежная инфраструктура — более сложной; технологическая база — более чувствительной к дефициту узкоспециализированного оборудования и программных решений.

Сохраняются и кадровые ограничения. Перестройка отрасли требует не только оборудования и инвестиций, но и инженерных, проектных, логистических и финансовых компетенций нового типа. Если санкционная среда сохранится надолго, дефицит квалифицированных кадров и необходимость замещения западных программных и сервисных решений станут одним из главных факторов, определяющих пределы адаптации. Одновременно санкции ЕС и ответные меры России способствовали более широкой перестройке мировой энергетики: усилилась роль Глобального Юга, расширилась посредническая торговля, возросло значение альтернативных валют и неевропейских транспортных коридоров. Следовательно, российская адаптация оказалась не только оборонительной реакцией, но и фактором изменения самой внешней среды, в которой действуют санкции.

Выводы

Энергетические санкции ЕС против России в 2014-2024 гг. эволюционировали от селективных финансово-технологических ограничений к комплексному режиму, ориентированному на прямое сокращение экспортных доходов. Это изменение санкционной архитектуры предопределило и трансформацию российских ответных мер — от точечного импортозамещения к системной перенастройке внешней торговли, расчетов и логистики.

Наиболее действенным механизмом российской адаптации стала географическая переориентация нефтяного экспорта на рынки Азии и других стран Глобального Юга. Именно она позволила компенсировать выпадение значительной части европейского спроса и предотвратить экспортный провал. Однако эта стратегия была реализована ценой увеличения скидок, роста транспортных издержек и усиления зависимости от ограниченного круга покупателей и посредников.

Перестройка логистической и расчетной инфраструктуры обеспечила критически важную функциональную устойчивость санкционированной торговли. Альтернативные схемы фрахта, страхования и расчеты в национальных валютах позволили сохранить экспортные потоки и снизить зависимость от западной финансово-сервисной инфраструктуры, но не устранили риски, а перенесли их в новую плоскость — более дорогих, менее прозрачных и институционально менее стабильных схем внешнеэкономического взаимодействия.

Импортозамещение в энергетике и ускорение национальной стандартизации дали заметный стабилизационный эффект, но пока не обеспечили полной технологической автономии. Наиболее уязвимыми остаются сегменты, связанные со СПГ-технологиями, газовыми турбинами, специализированным программным обеспечением и сложным нефтегазовым сервисом. Поэтому в долгосрочной перспективе именно технологическое обновление, а не только перераспределение рынков сбыта, станет главным критерием подлинной эффективности российской ответной стратегии.

Краткосрочный итог санкционного противостояния показывает, что ЕС не достиг заявленной цели быстрого ослабления российской экономики за счет энергетических ограничений. Россия сохранила роль одного из крупнейших энергетических экспортеров и продемонстрировала высокую способность к институциональной адаптации. Тем не менее долгосрочный результат остается открытым: устойчивость модели будет зависеть от того, сможет ли российская энергетика превратить вынужденную адаптацию в новую траекторию технологического и инфраструктурного развития. Опыт 2014-2024 гг. показывает, что санкции против крупной ресурсной державы не столько исключают ее из глобального рынка, сколько перестраивают этот рынок, создавая новые формы взаимозависимости и новые зоны риска.

Литература

1. Сидорова Е. А. Энергетика России под санкциями Запада // Международные процессы. 2016. Т. 14, № 1(44). С. 143-155. DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.11.

2. Клинова М. В., Сидорова Е. А. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским союзом // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 67-79.

3. Боровский Ю. В. Россия и Евросоюз: смена тренда в энергетических отношениях // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 3. DOI: 10.18384/2224-0209-2023-3-1323.

4. Голубчик А. В., Пак Е. В. Российский экспорт нефти и «ценовой потолок»: адаптация возможна // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 1. С. 56-63.

5. Глинская М. В. Антироссийские санкции в отечественной нефтегазовой отрасли: проблемы и перспективы // Международная торговля и торговая политика. 2024. Т. 10, № 2 [Электронный ресурс]. URL: https://mttp.rea.ru/jour/article/view/689 (дата обращения: 08.06.2026).

6. Балахонова С. И., Князькина Е. С., Арапова Е. Я. Влияние антироссийских санкций ЕС на торговлю энергоносителями между Россией и ее ключевыми партнерами // Сравнительная политика. 2024. Т. 15, № 4 [Электронный ресурс]. URL: https://www.sravpol.ru/jour/article/view/1727 (дата обращения: 08.06.2026).

7. Чижевская М. П. Санкции Японии и ЕС против российского энергетического сектора в условиях кризиса 2022 г. // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68 [Электронный ресурс]. URL: https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2024/1-t-68/economy-economic-theory/the-sanctions-of-japan-and-the-eu-against-russian-energy-sector-during-the-2022-crisis (дата обращения: 08.06.2026).

8. Экономика России под санкциями: от адаптации к устойчивому росту [Электронный ресурс]. М.: НИУ ВШЭ, 2024. URL: https://publications.hse.ru/view/858724634 (дата обращения: 08.06.2026).

9. Санкции в энергетической отрасли [Электронный ресурс] // European Commission. URL: https://commission.europa.eu/topics/eu-solidarity-ukraine/eu-sanctions-against-russia-following-invasion-ukraine/sanctions-energy_ru (дата обращения: 08.06.2026).

10. Batzella F. Slowly but surely? Assessing EU actorness in energy sanctions against Russia // Energy Policy. 2024. Vol. 192. Art. 114233. DOI: 10.1016/j.enpol.2024.114233.

11. Giumelli F., Hoffmann F., Książczaková A. The when, what, where and why of European Union sanctions // European Security. 2021. Vol. 30, no. 1. P. 1-23. DOI: 10.1080/09662839.2021.1904081.

12. Portela C., Pospieszna P., Skrzypczyńska J., Walentek D. Consensus against all odds: explaining the persistence of EU sanctions on Russia // Journal of European Integration. 2021. Vol. 43, no. 6. P. 683-699. DOI: 10.1080/07036337.2020.1803854.

13. Bruegel. The European Union-Russia energy divorce: state of play [Electronic resource]. 2024. URL: https://www.bruegel.org/analysis/european-union-russia-energy-divorce-state-play (accessed: 08.06.2026).

14. Centre for Research on Energy and Clean Air (CREA). Fossil fuel imports from Russia during the invasion of Ukraine [Electronic resource]. URL: https://energyandcleanair.org/financing-putins-war/ (accessed: 08.06.2026).

15. European Commission. Sanctions on energy [Electronic resource]. URL: https://commission.europa.eu/topics/eu-solidarity-ukraine/eu-sanctions-against-russia-following-invasion-ukraine/sanctions-energy_en (accessed: 08.06.2026).

16. International Energy Agency. Oil 2024. Paris: IEA, 2024 [Electronic resource]. URL: https://www.iea.org/reports/oil-2024 (accessed: 08.06.2026).

17. International Monetary Fund. World Economic Outlook, April 2024: Steady but Slow. Washington, DC: IMF, 2024 [Electronic resource]. URL: https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2024/04/16/world-economic-outlook-april-2024 (accessed: 08.06.2026).

18. bp. bp to exit Rosneft shareholding [Electronic resource]. 2022. URL: https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases/bp-to-exit-rosneft-shareholding.html (accessed: 08.06.2026).

19. Equinor. Equinor completes exit process from Russia [Electronic resource]. 2022. URL: https://www.equinor.com/news/20220902-completes-exit-process-from-russia (accessed: 08.06.2026).

Russia's countermeasures to eu energy sanctions and their effectiveness: the experience of 2014–2024

Tan Zhao

Beijing Foreign Studies University.

The article examines the energy sanctions imposed by the European Union against Russia during 2014–2024 and analyzes the main adaptation mechanisms that allowed the Russian fuel and energy sector to maintain export resilience, fiscal significance, and flexibility in foreign trade. It shows that the transition from targeted financial and technological restrictions introduced in 2014 to the oil embargo, the price cap mechanism, and restrictions on logistics, insurance, and investment after 2022 significantly changed the structure of Russian energy flows and increased export costs. At the same time, these sanctions did not lead to the systemic collapse of the Russian energy sector. Russia's response combined four main strategies: the geographical reorientation of exports toward Asian and other non-Western markets; the restructuring of payment infrastructure with a greater role for the ruble and the Chinese yuan; accelerated import substitution and partial technological localization; and the creation of alternative logistical arrangements, including domestically controlled and

affiliated tanker fleets. The article concludes that in the short term Russia managed to neutralize a considerable part of the external pressure, whereas in the long term substantial constraints remain, especially technological dependence, rising transaction costs, and the growing concentration of exports in a limited number of markets.
Keywords: energy sanctions, European Union, Russia, oil and gas exports, import substitution, de-dollarization, price cap, shadow fleet, Global South, energy security.

References

1. Sidorova E. A. Russia's Energy Sector under Western Sanctions. International Trends. 2016. Vol. 14, No. 1(44). Pp. 143–155. DOI: 10.17994/IT.2016.14.1.44.11.
2. Klinova M. V., Sidorova E. A. Economic Sanctions and Their Impact on Russia's Economic Relations with the European Union. Voprosy Ekonomiki. 2014. No. 12. Pp. 67–79.
3. Borovsky Yu. V. Russia and the European Union: A Shift in the Trend of Energy Relations. Russian Journal of Social Sciences and Humanities. 2023. No. 3. DOI: 10.18384/2224-0209-2023-3-1323.
4. Golubchik A. V., Pak E. V. Russian Oil Exports and the Price Cap: Adaptation Is Possible. Russian Foreign Economic Journal. 2023. No. 1. Pp. 56–63.
5. Glinskaya M. V. Anti-Russian Sanctions in the Domestic Oil and Gas Industry: Problems and Prospects. International Trade and Trade Policy. 2024. Vol. 10, No. 2 [Electronic resource]. Available at: https://mttp.rea.ru/jour/article/view/689 (accessed: 08.06.2026).
6. Balakhonova S. I., Knyazkina E. S., Arapova E. Ya. The Impact of EU Anti-Russian Sanctions on Energy Trade between Russia and Its Key Partners. Comparative Politics Russia. 2024. Vol. 15, No. 4 [Electronic resource]. Available at: https://www.sravpol.ru/jour/article/view/1727 (accessed: 08.06.2026).
7. Chizhevskaya M. P. Japanese and EU Sanctions against the Russian Energy Sector during the 2022 Crisis. World Economy and International Relations. 2024. Vol. 68 [Electronic resource]. Available at: https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2024/1-t-68/economy-economic-theory/the-sanctions-of-japan-and-the-eu-against-russian-energy-sector-during-the-2022-crisis (accessed: 08.06.2026).
8. The Russian Economy under Sanctions: From Adaptation to Sustainable Growth [Electronic resource]. Moscow: Higher School of Economics, 2024. Available at: https://publications.hse.ru/view/858724634 (accessed: 08.06.2026).
9. Sanctions on Energy [Electronic resource]. European Commission. Available at: https://commission.europa.eu/topics/eu-solidarity-ukraine/eu-sanctions-against-russia-following-invasion-ukraine/sanctions-energy_ru (accessed: 08.06.2026).
10. Batzella F. Slowly but Surely? Assessing EU Actorness in Energy Sanctions against Russia. Energy Policy. 2024. Vol. 192. Art. 114233. DOI: 10.1016/j.enpol.2024.114233.
11. Giumelli F., Hoffmann F., Książczaková A. The When, What, Where and Why of European Union Sanctions. European Security. 2021. Vol. 30, No. 1. Pp. 1–23. DOI: 10.1080/09662839.2021.1904081.
12. Portela C., Pospieszna P., Skrzypczyńska J., Walentek D. Consensus against All Odds: Explaining the Persistence of EU Sanctions on Russia. Journal of European Integration. 2021. Vol. 43, No. 6. Pp. 683–699. DOI: 10.1080/07036337.2020.1803854.
13. Bruegel. The European Union–Russia Energy Divorce: State of Play [Electronic resource]. 2024. Available at: https://www.bruegel.org/analysis/european-union-russia-energy-divorce-state-play (accessed: 08.06.2026).
14. Centre for Research on Energy and Clean Air (CREA). Fossil Fuel Imports from Russia during the Invasion of Ukraine [Electronic resource]. Available at: https://energyandcleanair.org/financing-putins-war/ (accessed: 08.06.2026).
15. European Commission. Sanctions on Energy [Electronic resource]. Available at: https://commission.europa.eu/topics/eu-solidarity-ukraine/eu-sanctions-against-russia-following-invasion-ukraine/sanctions-energy_en (accessed: 08.06.2026).
16. International Energy Agency. Oil 2024. Paris: IEA, 2024 [Electronic resource]. Available at: https://www.iea.org/reports/oil-2024 (accessed: 08.06.2026).
17. International Monetary Fund. World Economic Outlook, April 2024: Steady but Slow. Washington, DC: IMF, 2024 [Electronic resource]. Available at: https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2024/04/16/world-economic-outlook-april-2024 (accessed: 08.06.2026).
18. bp. bp to Exit Rosneft Shareholding [Electronic resource]. 2022. Available at: https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases/bp-to-exit-rosneft-shareholding.html(accessed: 08.06.2026).
19. Equinor. Equinor Completes Exit Process from Russia [Electronic resource]. 2022. Available at: https://www.equinor.com/news/20220902-completes-exit-process-from-russia (accessed: 08.06.2026).

Причины возникновения тоталитарных политических режимов

Бесаева Альда Батрадзовна
бакалавр, финансовый факультет, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, besaevaalda@gmail.com

В работе анализируются причины возникновения тоталитарных политических режимов, особенности их функционирования, а также достоинства и недостатки. Автор выделяет типичные предпосылки тоталитаризма: политический и экономический кризисы, культурный «голод», ослабление традиционных ценностей и религии, формирование «масс» и пандвижений. Особое внимание уделяется роли харизматичного вождя, идеологии, пропаганды, репрессивного аппарата и милитаризации. Рассматриваются механизмы контроля над обществом, фиктивность демократических институтов (выборы, общественное мнение) и сакрализация власти. В заключительной части работы сопоставляются преимущества тоталитарного режима (оперативность принятия решений, мобилизационный потенциал, снижение преступности, эффективность в военной сфере) и его существенные недостатки (тотальный контроль, отсутствие плюрализма, неэффективность командной экономики, зависимость общества от государства). Делается вывод о том, что тоталитаризм возникает на пересечении кризисных факторов и представляет собой антидемократическую систему, которая, несмотря на краткосрочные преимущества для государства, в долгосрочной перспективе ведёт к упадку.
Ключевые слова: тоталитаризм, тоталитарный режим, политический кризис, массы, пропаганда, идеология, вождь, милитаризация, репрессивный аппарат, командная экономика, Х. Арендт, преимущества и недостатки тоталитаризма.

Говоря о причинах возникновения тоталитарного политического режима, стоит сразу же подчеркнуть: несмотря на различные на первый взгляд причины появления этого режима в государствах, все же существует ряд типичных практически для всех тоталитарных государств обстоятельств, которые привели к этому режиму. Прежде всего, этими причинами являются кризис политической системы государства, экономическая нестабильность, культурный «голод», связанный с отсутствием надлежащего уровня науки, наличия интеллигенции, а также постепенное ослабевание религии среди и переход её на совсем другой уровень, когда идеология становится вывернутым религиозным учением масс и связанные с данными причинами изменения в традиционном укладе общественной жизни [1, с. 203].

Более подобно останавливаясь на каждой предпосылке становления тоталитарного государства, рассмотрим такую причину возникновения тоталитаризма, как политический кризис. Так, например, в результате подписания в 1919 году Версальского мирного договора после принятия крайне неблагоприятных для Германии условий страна становится неким политическим изгоем. Как следствие, в силу слабости самого государства, общество также перестает поддерживаться государственными силами в надлежащей степени. При такой политической ситуации ультраправым силам во главе с Гитлером было намного легче оказаться у власти, так как общество нуждалось в государственных силах, готовых протянуть «руку помощи» в сложнейших условиях для страны, чем и воспользовались нацисты.

Кризис в государстве является также одной из существенных причин начала формирования тоталитарного государства, так как слабое экономическое положение человека в обществе неизбежно ведёт к ослабеванию как политической инициативы со стороны общества, так и накалу общего положения в государстве. Интенсивная индустриализация и последующее поспешное движение к постиндустриальному обществу ведут к тому, что недовольные социальные группы объединяются, что, в свою очередь, приводит к вражде между социальными группами. Именно в такой ситуации, когда существующее правительство не может обеспечить обществу требуемое, к власти приходят самые сильные и устойчивые группы социума, готовые дать ряд гарантии обществу взамен на их лояльное отношение к власти, ведь, как ранее упоминалось, ослабленное общество довольно безболезненно отдает идеологическую власть в руки нового правящего класса взамен на устойчивое функционирование общественной жизни. В свою очередь, оказавшаяся у власти группа придерживается роли гаранта общественных интересов недолго, начиная под видом реализации плана всеобщего блага свой план по захвату государственной власти как во внутренней политике государства, так и во внешней.

Таким образом, «тоталитарный режим чаще возникает в кризисных ситуациях — послевоенных, в ходе гражданской войны, когда надо жёсткими мерами восстанавливать хозяйство, наводить порядок, устранять в обществе распри, обеспечивать стабильность» [2, с. 116].

По мнению Х. Арендт, именно идея о массах является главной причиной и в то же время опорой тоталитарного правительства и режима, без которой такое государство немыслимо. Однако такому понятию, как «масса» предшествует понятие «толпа». Как определяет это понятие Х.

Арендт, толпа - «это, прежде всего группа, в которой представлены осколки всех классов». [3, с. 166] При этом такой переход наблюдался во многих странах Европы, так или иначе задействованных в Первой мировой войне. Однако это вовсе не значит, что во всех государствах с характерным переходом существовал тоталитарный политический режим, а только в тех странах, где это сопровождало крах государственности: Австро-Венгрия, крах Российской империи в 1917 году и там, где страны обладали необходимым, как пишет Х. Арендт, «человеческим материалом».

Помимо масс, немалую роль здесь же играет возникновение пандвижений – движения со своей теологической и идеологической базой, что во многом повлияло на зарождение тоталитарных движений в обществе. В основе таких движений лежала идеи об обособлении определенной группы людей, связанных на языковых, культурных корнях, а также по «таинственным качествам души и тела». [3, с. 312] «За ними [пандвижениями] стоит настоящая теология, которая дала толчок ранним пандвижениям и сохранила значительное влияние на развитие современных тоталитарных движений» [3, с. 321].

Стоит отметить, что мистицизм или же приписывание себе качеств особого народа, выполняющего высочайшую цель проходит практически через все исторические примеры тоталитарных государств, а советский политолог и философ Н. Бердяев называл тоталитаризм «обратной теократией». [1, с. 203] Так, в Германий эта «религиозность», связанная с высшей целью, сводится к очищению населения от всякой «нечистоты» и процветания арийской расы, тогда как в СССР подобная идея была выражена в социально-классовом господстве в лице рабочего класса над всеми остальными, провозглашение пролетариата основой государственной повестки и единственным источником выражения воли государства.

Интересным все же остается вопрос: а решает ли на самом деле масса какие-либо вопросы государственной политики? Все сводится к тому, что на психологическом уровне массы приравнивали себя к лидеру, который, как упоминалось в предыдущей главе, обладает харизматичностью и способностью играть на «чувствах униженных и оскорбленных», которые вследствие резкого изменения в социально-экономической жизни государства утратили свое место.

Немного отличное от Х. Арендт и К. Ясперса понимание масс даёт Гюстав Лебон. В своей работе «Психология народов и масс» Лебон выделяет такие признаки массы, как изменчивость и импульсивность, внушаемость массы. При этом у каждого человека существует мнение о существовании общего мнения всех людей, которое может влиять на государство, однако все это не более, чем фикция. Более того, на самом деле не существует никакого общественного мнения, и вовсе оно не отражает мнение большинства, а лишь способствует устойчивому продвижению антидемократической политики государства [4].

Особенности функционирования тоталитарного государства

В тоталитарном политическом режиме центром государственного аппарата является вождь, который идеализируется всеми структурами государственного аппарата, средствами массовой коммуникации, а также образовательными учреждениями. Поэтому, пожалуй, такая отличительная особенность является чуть ли не главной. Его сакральное положение, основанное на идеях о его святости и непогрешимости, невозможности ошибаться в делах достижения всеобщего блага, не подвергается сомнению. Государственные органы становятся лишь исполнителями команд, при этом любое идейное многообразие и инициатива со стороны как государственных органов, так и народа «фактически отнюдь не поощряется, а строго наказывается» [5, с. 94].

Функционирование тоталитарного государства во многом стоит на наличии сильных военных сил в государстве, осуществляющих пресечение каких-либо антигосударственных действии путём полицейского сыска. Также тоталитарное государство поддерживает доносительство, так как они “доносители” помогают бороться государству с врагами народа, а на предателей же списываются всевозможные экономические, социальные, внешнеполитические провалы в связи с нарушением государственной целостности и сакральности идеи.

Часто в данном контексте тоталитарное государство приравнивают к полицейскому государству, однако существует заметное различие между полицейским государством и вооруженными силами в тоталитарном государстве, так как в первом существуют понятия правонарушений, за которые лицо или группа лиц могут быть привлечены к ответственности, тогда как в тоталитарном государстве репрессивный аппарат карает за поведение, хоть как-то противоречащее сложившимся устоям, при этом в тоталитарном государстве нет четко определенных формальных правил, которые соблюдались гражданами для поддержания правопорядка, а силами государственного принуждения использовались бы как указатель на необходимое пресекать поведение. Всего этого нет, так как все происходит стихийно, в зависимости от прихоти деспота, при этом и идеология тоталитарного политического режима на деле оказывается вовсе не перманентной, так как, при необходимости, направление такого государства также поддается изменению по прихоти властвующей единой партии [6, с. 104]. Ещё одна функция, которую выполняет повышенная милитаризация, - это насаждение идеи о существовании врага, против которого нужно объединиться, однако эта идея об «осажденной крепости» является лишь ширмой для обогащения бюрократии, отвлечь общество от глубоких экономических проблем [5, с. 95]. Из экономических проблем и вытекает еще одни важный фактор в особенности функционирования тоталитарного государства – это наличие люмпенизированных слоев населения, так как они являются носителем этой уравнительной идеологии, существовавшей, в СССР и до сих пор существующей в современном Китае [5, с. 95].

Одним из самых важных способов функционирования тоталитарного государства является пропаганда. При этом главной функцией пропаганды является внушение определенного миропонимания и мироощущения для возможности проведения определенных действий в государстве. Понимание чрезвычайной важности технологий и пропаганды в своей миссии четко существовало у А. Гитлера, который в своей автобиографической работе определял пропаганду, как одну из двух важнейших способов революции: «первейшая задача пропаганды – завоевать симпатии тех людей, из числа которых впоследствии составится организация. Первейшая задача организации завоевать тех людей, которые пригодны для дальнейшего ведения пропаганды. Вторая задача пропаганды подорвать веру в существующий порядок вещей и пропитать людей верой в новое учение».

Тесно связанным с пропагандой фактором, характерным для тоталитарных политических режимов является особая избирательная система, а именно сам избирательный процесс. Де-юре выборы в тоталитарном государстве являются демократическими, более того, сам тоталитарный политический режим не признавался ни в Италии, ни в СССР. Однако на деле оказывается, что выборы в тоталитарном государстве не более, чем фикция, так как их целью является формальная легитимизация власти среди населения и её самоутверждение на международной арене. Главной целью отсутствия конкуренции

и оппозиционных сил в государстве является существование единого общественного мнения, удовлетворяющего запросам правящей элиты, и, как следствие, одобрение политической власти в стране, а также слияние масс, государственного аппарата и лидера в одно целое.

Следующим крайне важным фактором, обеспечивающим функционирование тоталитарного государства, является религия, тесно связанная с идеологией и пропагандой. Наличие религиозного компонента обеспечивается тем, что для реализации идеологии, существовавшей, например, в фашистской Германии, необходима была и мистическая составляющая, дня введения масс в некий «экстаз». Сам этот термин использовался еще представителями античности (Платоном, Аристотелем, Плутархом) для передачи состояния восторженности и ликования. Именно такое психологическое состояние масс позволило продвигать идеи об особенной арийской физиологии в Германии, верховенства рабочего класса перед всеми остальными национальными и социальными группами. Как утверждал Густав Лебон, убеждения, существующие среди толпы, имеют религиозную форму, при этом над толпой «довлеют внушенные идеи».

Достоинства и недостатки тоталитарного политического режима

Одним из главных недостатков тоталитарного политического режима является чрезмерная регуляция экономических процессов, происходящих в государстве. Командная экономика и чрезмерное планирование процессов в государстве нарушают принципы свободного обмена товарами и равномерного обогащения слоев населения, здорового баланса между спросом и предложением, что делает люмпенизированные слои населения полностью зависимыми от государства. Такое положение дел ведет не только к снижению трудоспособности граждан, принуждаемых к определенному виду деятельности, но и губит экономику государства.

Отсутствие идейного плюрализма и оппозиции, готовой противостоять власти, также является существенным минусом антидемократического режима. При этом также не существует независимых СМИ, готовых освещать информацию о реальной деятельности государства, и, как следствие, это приводит к ещё большей вседозволенности власти.

Несмотря на то, что при первом рассмотрении тоталитарных государств может показаться, что такой политический режим является практически нерушимым, на деле оказывается, что предпосылки к разрушению или смягчению жесточайших политических режимов неизбежны. Хотя выделять какие-либо положительные качества любого антидемократического государства довольно сложно, существует ряд преимуществ, прежде всего, для государства, а не для личности, так как посредством жестких правил и мер наказания государство намного более четко реализует свои планы как на внешнеполитической арене, так и в делах, касающихся экономического благополучия страны.

Преимущества тоталитарного политического режима, отличающие его от демократических режимов, наиболее заметны прежде всего в сфере оборонной деятельности государства. Заключается это преимущество в свободе государства от различных государственных органов и общественного порицания во время стремительного развития оборонной промышленности, такое отличие было замечено ещё Троцким: «…в военной и дипломатической области тоталитарного государства имеются значительные преимущества над тяжеловесными механизмами демократий – прежде всего преимущества свободного маневра, не связанного внутренними преимуществами» [7]. С этим преимуществом тесно связана возможность быстрой мобилизации армии в случае угрозы, так как руководство государства, создавая вымышленные угрозы и строя образ заклятого врага, постоянно проводит военные учения, и держит в активном запасе огромное количество военнослужащих. Часто именно политике милитаризации общества приписывают успехи фашистской Германии, военные успехи Советского Союза и его последующее активное освоение космоса.

Особая прочность внутренних сил государства и невозможность вмешиваться в политику тоталитарного государства извне является крайне важным преимуществом тоталитарного государства, так как в современных реалиях во внутреннюю повестку демократических стран куда более просто вмешиваться странам-соседям, что невозможно было сделать ни в фашистской Германии, ни в СССР, ни в таких современных примерах тоталитаризма, как, например, Китай. Оперативность тоталитарной власти также отмечается многими правоведами: «тоталитаризм имеет определенные преимущества при управлении государством за счет быстрых сроков принятия необходимых законов, упрощенных процедур. Но его финальные формы, как об этом свидетельствуют история, представляют печальное зрелище тупика, упадка, разложения» [5, с. 96].

Следующим важным моментом, отличающим тоталитарное государство в «положительную» сторону, является понижение уровня преступности в государстве, и связано это опять же со всесторонним контролем государственных сил, тоталитарное государство активное вмешивается в семейные дела, что, естественно, не совсем хорошо с точки зрения прав человека на личную жизнь и семейную тайну, однако в этом аспекте реализуется такой важный момент для государства, как демографическая политика, благодаря которой успешно регулируется численность населения, столь важная для многих государств.

Таким образом, практическое осуществление идей о тоталитаризме становится возможным при историческом пересечении различных факторов: экономических, политических культурных. Крайне важна ослабленность общества, как духовная, так и экономическая. При такой ситуации различные социальные меньшинства, обладающие специфическими взглядами, получают возможность захвата власти и насаждения своих идей массам. При этом важны особенно сильные военные структуры как во внутренней политике для подавления оппозиционных настроений, так и во внешней политики для реализации политики экспансии.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. — Москва: Наука, 1990. С. 203.

2. Гаврилов Н.И., Арушанян М.Р. Философский аспект сущности тоталитарного государства // Донецкий государственный университет управления, Донецк, 2011; - стр. 116.

3. Арендт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. — Москва: ЦентрКом, 1996. С.166-321.

4. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. — Санкт-Петербург: Макет, 1995.

5. Венгеров, А. Б. Теория государства и права / А. Б. Венгеров. — 3-е изд. — Москва: Юриспруденция, 2000. С. 94-96.

6. Работяжев Н.В. Политическая система тоталитаризма: структура и характерные особенности // Вестник московского университета, сер. «Политические науки» - 2013 - №1. С.104.

7. Карр, Э. История советской России, Кн.1, Т.1. / Э. Карр. — Москва: Прогресс, 1990.

Causes of the emergence of totalitarian political regimes

Besaeva A.B.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This study analyzes the causes of the emergence of totalitarian political regimes, their functioning characteristics, as well as advantages and disadvantages. The author identifies typical prerequisites for totalitarianism: political and economic crises, cultural "hunger," the weakening of traditional values and religion, the formation of "masses," and pan-movements. Particular attention is paid to the role of a charismatic leader, ideology, propaganda, the repressive apparatus, and militarization. The study examines the mechanisms of societal control, the fictitious nature of democratic institutions (elections, public opinion), and the sacralization of power. The final part compares the advantages of a totalitarian regime (speed of decision-making, mobilization potential, reduction in crime, efficiency in the military sphere) with its significant drawbacks (total control, lack of pluralism, inefficiency of a command economy, and society's dependence on the state). The conclusion states that totalitarianism emerges at the intersection of crisis factors and represents an anti-democratic system which, despite short-term advantages for the state, ultimately leads to decline in the long term.

Keywords: totalitarianism, totalitarian regime, political crisis, masses, propaganda, ideology, leader, militarization, repressive apparatus, command economy, Hannah Arendt, advantages and disadvantages of totalitarianism.

References

1. Berdyaev, N. A. (1990). The Origins and Meaning of Russian Communism. Moscow: Nauka. P. 203.
2. Gavrilov, N. I., & Arushanyan, M. R. (2011). Philosophical Aspect of the Essence of the Totalitarian State. Donetsk: Donetsk State University of Management. P. 116.
3. Arendt, H. (1996). The Origins of Totalitarianism. Moscow: TsentrKom. Pp. 166–321.
4. Le Bon, G. (1995). The Psychology of Peoples and Masses. St. Petersburg: Maket.
5. Vengerov, A. B. (2000). Theory of State and Law (3rd ed.). Moscow: Yurisprudentsiya. Pp. 94–96.
6. Rabotyazhev, N. V. (2013). The Political System of Totalitarianism: Structure and Characteristic Features. Bulletin of Moscow University. Series "Political Sciences", No. 1, p. 104.
7. Carr, E. (1990). History of Soviet Russia, Book 1, Vol. 1. Moscow: Progress.

Соотношение принципов законности и целесообразности в правоприменительной деятельности органов публичной власти

Васильева Наталья Васильевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, wekna-84mvd@yandex.ru

В статье анализируются исторические и теоретические основы соотношения законности и целесообразности, рассматривается зарубежный опыт и доминирование формальной законности в российской практике. Предлагаются меры по разрешению противоречия: развитие правовой культуры, формирование института позитивного административного усмотрения, закрепление критериев отступления от формальных предписаний в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.
Ключевые слова: законность, целесообразность, административное усмотрение, «ловушка законности».

Проблема соотношения законности и целесообразности является фундаментальной и предполагает постоянное переосмысление в рамках юридической науки в целом, не только в рамках административно ее отрасли. Законность и целесообразность – универсальные для права категории. Диалектика этих, порой вступающих в противоречие, начал требует постоянной теоретической проработки на новых этапах общественного развития. Целесообразность в административном праве или административное усмотрение прошла многовековой путь развития и остается неотъемлемым элементом правовой реальности. Как отмечается в современных источниках целесообразность в управленческой деятельности восходит к представлениям о просвещенных правителях и чиновниках, более разумных, чем подданные и даже судьи. Данные представления зародились во Франции, оформились к началу XVIII в. и распространились в континентальных системах права, в немецкой и австрийской юридической науке. Очевидно, что концепция просвещенного правителя опирается на философские идеи Платона и Аристотеля о меритократическом устройстве власти – правления лучших, наиболее достойных, а также более поздние идеи европейского Просвещения, в частности концепцию просвещенного абсолютизма.

В условиях централизованной системы управления и формалистской управленческой культуры в отечественной науке приоритет, зачастую, отдается законности как строгому, неукоснительному следованию букве закона. Целесообразность или принцип принятия решения по усмотрению субъекта правоприменительной деятельности, нередко рассматривается в негативном ключе: «Несмотря на функциональную значимость целесообразности в механизме правового регулирования, её доминирование над законностью или выход за установленные законом рамки порождают системные риски для правопорядка». Оставим за пределами настоящего текста отыскание ответов на неизбежные вопросы – когда в истории отечественного, как советского, так и постсоветского, права, права, не опирающегося на судебные прецеденты, усмотрение действительно было таким фактором риска? Отметим лишь очевидное: усмотрение, ведущее к нравственно оправданному и социально одобряемому решению органов власти, также может быть *фактором стабильности правоприменения, опорой правопорядка и вселять в граждан веру в справедливость и гуманность закона и компетентность органов власти*. В этом контексте заслуживает упоминание и формулировка Конституционного Суда РФ, требующая от правоприменителя не только принимать решения «в рамках предоставленных им полномочий», но и руководствоваться «принципами поддержания доверия граждан к закону и действиям государства». Данная формулировка закрепляет *принцип защиты доверия в публичной деятельности органов власти.*

Рассмотрим типичные обстоятельства: пожилая женщина, пенсионерка, обращается за субсидией на оплату жилищно-коммунальных услуг. Пакет документов в целом в порядке, но в одной из справок обнаруживается мелкий дефект: например, срок действия истёк ровно на два дня, или в ведомственной информационной системе значится несуществующая задолженность, хотя на руках у заявительницы есть квитанции об оплате. Должностное лицо,

наделённое полномочиями по назначению субсидии, оказывается перед выбором. С точки зрения формального закона, а точнее ведомственного регламента, оно обязано отказать. Любое отступление от буквального предписания рассматривается как нарушение. И должностное лицо отказывает. Формально все выполнено безупречно, с механической, машинной точностью. По существу человека оставляют без меры социальной поддержки, в которой тот объективно нуждается. Насколько целесообразно в данном случае такое «правомерное» поведение должностного лица? Насколько такое решение соответствует нравственным нормам и социальным ожиданиям и какую репутацию публичной власти формирует у законопослушных граждан?

Принцип усмотрения рассматривается в позитивном ключе в работах В.М. Манохина, в них отмечается всеобъемлющий и разнообразный характер полномочий исполнительной власти в области экономики, социального обеспечения, безопасности и т.д., непрерывность и оперативность деятельности, которая не поддается своевременному правовому регулированию практически. Усмотрение становится необходимым элементом в силу неизбежного отставания правового регулирования от изменений в общественной жизни, а также когда такое регулирование избыточно: «существуют причины, вызывающие проблемы правового регулирования деятельности исполнительной власти. Во-первых, это пробел в правовом регулировании, требующий собственно принятия соответствующей нормы – изменения или дополнения в нормативный акт. Во-вторых, отсутствие необходимости регулирования, то есть его не может и не должно быть». Кроме того, усмотрение в публичном управлении проявляется в тех случаях, когда управленческие действия осуществляются при так называемых неопределенных правовых условиях.

Принцип законности требует неукоснительного следования букве нормативного акта, даже если это ведёт к несправедливым последствиям. Принцип целесообразности, напротив, ориентирует на выбор наиболее разумного, адекватного обстоятельствам и справедливого варианта действий, ориентируясь на цели управления и интересы граждан. В теории административного права это противоречие описывается *как конфликт между принципом законности и принципом целесообразности*.

В зарубежном законодательстве, например в Германии, целесообразность прямо закреплена в нормах, регламентирующих административные процедуры, и более того, существует механизм, позволяющий отступить от формального предписания, если его применение влечёт явную несправедливость.

Помимо развитого законодательства об административных процедурах в административном праве Германии предусмотрены как досудебные – ведомственное обжалование, так и судебные возможности контроля за дискреционными полномочиями органов исполнительной власти. Административный орган или вышестоящий административный орган может провести новую оценку ранее принятого дискреционного решения, даже если первоначальное решение представляется правомерным и целесообразным. В административном суде при рассмотрении дискреционного решения может быть поставлен вопрос о следующих нарушениях:

- *неприменение усмотрения:* усмотрение это не только право, но и обязанность органа исполнительной власти;

- *нарушение принципа соразмерности в усмотрении:* административный орган должен соблюдать пределы усмотрения;

- *неверное применение усмотрения:* усмотрение должно соответствовать смыслу и цели закона и не вступать с ним в противоречие.

При этом практика правоприменения определяется представлениями об иерархии правовых благ. Например, полиция обладает возможностью усмотрения в том совершать ли какие-либо действия в целях общественной безопасности или не совершать. Если же складываются угрозы для охраняемых правовых благ высокого ранга, например для конституционных прав, то усмотрение может быть полностью устранено и бездействие будет неправомерным.

В современной юридической науке Китайской Народной Республики соотношению принципов законности и целесообразности также уделяется пристальное внимание. Как отмечается в работах исследователей, концепт верховенства права не позволяет администрации действовать полностью свободно от требований законодательства. Однако усмотрение — это не предмет для борьбы и устранения. Оно является важным каналом достижения управленческих целей, а от законодателя требуется установить оптимальный баланс между связанным и свободным администрированием. Современность характеризуется значительной, разнообразной и динамичной неопределенностью, которая порождает серьезные управленческие проблемы, разрешить их без усмотрения невозможно. Необходимо сконструировать эффективный механизм контроля решений по усмотрению. Самостоятельное место в нем отводится обязанности разъяснять причины принятия таких решений, учитывать сложившуюся практику, обеспечивать предсказуемость управленческой деятельности, в том числе через принцип пропорциональности. Иными словами, целесообразность реализуется через критерии проверки правомерности ее реализации.

В России принцип целесообразности, хотя и выводится из требований добросовестности, разумности и обоснованности решений, на практике почти никогда не служит оправданием для отступления от формальной нормы. Более того, сама попытка сослаться на целесообразность рассматривается контролирующими органами как нарушение. В результате формируется феномен, который можно назвать «ловушкой законности». Это ситуация, когда закон предписывает единственно возможное действие, но его применение в данных конкретных обстоятельствах приводит к абсурдному, несправедливому или заведомо неоптимальному результату. У должностного лица нет легальной возможности выбрать иное решение. Его усмотрение, даже если оно формально допускается, на практике оказывается сковано страхом последующего контроля и ответственности.

Этот конфликт хорошо известен не только теоретикам, но и практикам. 30 мая 2025 года в Омске, в Сибирском юридическом университете, состоялась Всероссийская научно-практическая конференция на тему «Судебный контроль за административным усмотрением: теория, законодательство и правоприменительная практика». Участники конференции - ведущие учёные-административисты, судьи, представители прокуратуры - практически единогласно признали, что сегодня суды испытывают серьёзные затруднения при оценке подобных ситуаций. В итоговой резолюции было зафиксировано предложение о необходимости разработки отдельного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которое содержало бы чёткие критерии оценки законности решений, принятых в рамках административного усмотрения.

Обратимся к примерам, иллюстрирующим тезис о необходимости совершенствования деятельности органов исполнительной власти в соответствии с принципом усмотрения. В Самарской области в 2025 году пенсионеру

было отказано в субсидии по той причине, что в государственной информационной системе ЖКХ числилась несуществующая задолженность, тогда как у заявителя имелись платёжные документы, подтверждающие отсутствие долга. Сотрудник органа социальной защиты предпочёл довериться формальным данным системы, а не представленным документам. Субсидия была назначена только после судебного разбирательства. Формально сотрудник действовал в соответствии с регламентом, который предписывает руководствоваться данными государственных информационных систем. Но с точки зрения разумной целесообразности он мог и должен был сделать запрос для уточнения сведений. Однако такая возможность не была предусмотрена процедурой.

Второй пример - из практики Верховного Суда Российской Федерации за 2025 год. Бюджетное учреждение, определяющее кадастровую стоимость земельных участков, классифицировало участок как земли промышленного назначения, сославшись на правила землепользования и застройки, утверждённые муниципалитетом. Собственник участка представил правоустанавливающие документы 1993 года и официальные ответы Росреестра, подтверждающие, что фактически участок является сельскохозяйственным. Учреждение проигнорировало эти документы, формально применив более поздний нормативный акт. Верховный Суд встал на сторону собственника и указал, что формальное применение нормативного предписания в отрыве от фактических обстоятельств и вопреки очевидным доказательствам не может считаться законным. Фактически Суд потребовал от должностных лиц руководствоваться не только буквой, но и целью правового регулирования — то есть проявить административную целесообразность. Однако до того, как дело дошло до Верховного Суда, гражданин понёс значительные финансовые и временные потери, а должностное лицо, принявшее формальное решение, не понесло никакой ответственности.

Стоит обратить внимание на реакцию самого законодателя. В 2024 г. Государственной Думой был одобрен законопроект, освобождающий должностных лиц органов местного самоуправления от ответственности за неисполнение переданных государственных полномочий в случае недостаточного финансирования. Это косвенное признание того, что формальное требование исполнять полномочия без ресурсного обеспечения ставит должностное лицо в заведомо безвыходную ситуацию. Однако законодатель пошёл по пути освобождения от ответственности за бездействие, а не по пути легализации позитивного усмотрения, которое позволило бы должностному лицу перераспределять средства или изменять способы исполнения.

Подводя итог, постараемся предложить меры, направленные на разрешения конфликта между принципами законности и усмотрения в деятельности органов исполнительной власти. Представляется необходимым выделить три направления корректировки:

- развитие правовой культуры, преодоление предвзятости в осмыслении целесообразности или принятия решения по усмотрению. Целесообразность не следует рассматривать как злоупотребление свободой выбора, предоставленной законом, как фактор коррупционного поведения. Следует отличать действие по усмотрению в пределах нормы от беззакония, то есть игнорирования нормы. Целесообразность должна быть осмыслена как правовое начало, принцип правоприменения, обеспечивающий его оперативность и стабильность. Кроме того, необходимо рассмотреть принцип административного усмотрения не только во взаимодействии с принципов законности, верховенства права, но и с принципом защиты доверия граждан к закону и государству.

- формирование института позитивного административного усмотрения, позволяющего в исключительных случаях отступать от формального предписания при условии письменного обоснования и при последующем судебном контроле, а также обеспечивать защиту должностного лица от юридической ответственности за проявленную инициативу в условиях юридической неопределенности. Институт позитивного административного усмотрения должен быть обеспечен законодательно, процедурно. Как отмечает К.В. Давыдов, усмотрение в деятельности администрации должно быть обеспечено и, в то же время, ограничено, тремя элементами – установлением административной процедуры, процедурными правилами и нормами об административных актах.

- принятие отдельного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, закрепляющего механизм позитивного административного усмотрения, в том числе ясные критерии, при которых формальное соблюдение нормативного предписания не признаётся надлежащим исполнением, если оно противоречит цели закона и причиняет вред охраняемым интересам.

Законность без целесообразности вырождается в формализм, а целесообразность без законности - в произвол. Ключевая проблема современной правоприменительной практики заключается в отсутствии у должностного лица легального и безопасного способа выбрать разумное решение в ситуации, когда буква закона расходится с его духом. Пока такая возможность отсутствует, мы будем сталкиваться с множеством случаев, где формально правильное решение оказывается фактически неправильным, нравственно неоправданным и дискредитирующим органы исполнительной власти. Предложенные меры не направлены на отмену принципа законности, но на восстановление необходимого баланса.

Литература

1. Давыдов Е.В. Административные процедуры: российский и зарубежный опыт : монография / Е.В. Давыдов ; отв. ред. Ю.Н. Старилов. – Новосибирск : Академиздат, 2020. – 513 с.

2. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения / В.В. Лазарев. – М. : Юридическая литература, 1974. – 184 с.

3. Манохин В.М. Административное право Россию / В.М. Манохин. – Саратов, 2011. – 48 с.

4. Манохин В.М. Со школьной скамьи – в бой! / В.М. Манохин // Юридические записки. 2013. № 3. С. 12.

5. Марьина А.А. Принцип целесообразности в современном российском праве (гражданско-правовые аспекты) / А.А. Марьина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2019. № 9. С. 126–130.

6. Найдина О.А. Соотношение законности и целесообразности в процессе реализации права / О.А. Найдина // Новый юридический вестник. 2025. № 10. С. 1–3.

7. Пуделька Й. Понятие усмотрения в административном праве Германии и его отграничение от судебного усмотрения / Й. Пуделька // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2017. Т. 8, Вып. 4. С. 443–451.

8. Сайфуллин А.И. К вопросу о соотношении категорий «законность» и «целесообразность» в теории права / А.И. Сайфуллин // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 2. С. 54–57.

9. Соболева Ю.В. Целесообразность или управление по усмотрению в деятельности исполнительной власти / Ю.В. Соболева // Вестник Поволжского института управления. 2024. Т. 24, № 6. С. 38.

10. Соловей Ю.П. Судебный контроль над административным усмотрением: теория, законодательство, правоприменительная практика (обзор всероссийской

научно-практической конференции) / Ю.П. Соловей // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 3. С. 320–361.

11. Старилов Ю.Н. К 100-летию Василия Михайловича Манохина – выдающегося ученого-административиста России, создателя ведущей научной правовой школы, участника Великой Отечественной войны / Ю.Н. Старилов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 3 (54). С. 298.

12. Чабан Е.А. Административное усмотрение должностных лиц, осуществляющих государственный контроль и надзор / Е.А. Чабан // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 5А. С. 158.

13. Шерстобоев О.Н. Теория административного усмотрения: этапы формирования / О.Н. Шерстобоев // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 2. С. 158–173.

14. Шерстобоев О.Н. Административное усмотрение: китайский опыт / О.Н. Шерстобоев // Право между Востоком и Западом. 2024. № 4. С. 76–86.

The relationship between the principles of legality and expediency in the law enforcement activities of public authorities

Vasilyeva N.V.

Northwestern Branch of the V.M. Lebedev Russian State University of Justice

This article analyzes the historical and theoretical foundations of the relationship between legality and expediency, examines international experience, and examines the dominance of formal legality in Russian practice. Measures to resolve this contradiction are proposed: developing a legal culture, establishing an institution of positive administrative discretion, and codifying criteria for deviating from formal regulations in a resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: legality, expediency, administrative discretion, “legality trap”.

References

1. Davydov, E.V. Administrative Procedures: Russian and Foreign Experience: a monograph / E.V. Davydov; ed. Yu.N. Starilov. – Novosibirsk: Akademizdat, 2020. – 513 p.
2. Lazarev, V.V. Gaps in the Law and Ways to Eliminate Them / V.V. Lazarev. – Moscow: Legal Literature, 1974. – 184 p.
3. Manokhin, V.M. Administrative Law in Russia / V.M. Manokhin. – Saratov, 2011. – 48 p.
4. Manokhin, V.M. From School to Battle! / V.M. Manokhin // Legal Notes. 2013. No. 3. P. 12.
5. Maryina A. A. The principle of expediency in modern Russian law (civil law aspects) / A. A. Maryina // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and law. 2019. No. 9. Pp. 126–130.
6. Naidina O. A. The relationship between legality and expediency in the process of exercising the law / O. A. Naidina // New legal bulletin. 2025. No. 10. Pp. 1–3.
7. Pudelka J. The concept of discretion in German administrative law and its distinction from judicial discretion / J. Pudelka // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2017. Vol. 8, Issue. 4. P. 443–451.
8. Saifullin A.I. On the Relationship between the Categories of “Legality” and “Expediency” in Legal Theory / A.I. Saifullin // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2021. No. 2. P. 54–57.
9. Soboleva Yu.V. Expediency or Discretionary Management in the Activities of the Executive Branch / Yu.V. Soboleva // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. 2024. Vol. 24, No. 6. P. 38.
10. Solovey Yu.P. Judicial Review of Administrative Discretion: Theory, Legislation, Law Enforcement Practice (Review of the All-Russian Scientific and Practical Conference) / Yu.P. Solovey // Siberian Legal Review. 2025. Vol. 22, No. 3. Pp. 320–361.
11. Starilov Yu.N. On the 100th Anniversary of Vasily Mikhailovich Manokhin – an Outstanding Russian Scholar in Administrative Law, Founder of the Leading Scientific Legal School, and Participant in the Great Patriotic War / Yu.N. Starilov // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2023. No. 3 (54). Pp. 298.
12. Chaban E.A. Administrative Discretion of Officials Exercising State Control and Supervision / E.A. Chaban // Issues of Russian and International Law. 2020. Vol. 10, No. 5A. P. 158.
13. Sherstoboev O.N. Theory of Administrative Discretion: Stages of Formation / O.N. Sherstoboev // Siberian Legal Review. 2023. Vol. 20, No. 2. pp. 158–173.
14. Sherstoboev O.N. Administrative Discretion: The Chinese Experience / O.N. Sherstoboev // Law between East and West. 2024. No. 4. pp. 76–86.

Особенности исполнения войсками национальной гвардии задач в сфере обеспечения общественной безопасности

Гусаим Иван Вячеславович
научный сотрудник, Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук, GusaimIvan1997@yandex.ru,

Шеншин Виктор Михайлович
старший научный, сотрудник Центра исследования проблем безопасности, Российской академии наук (ЦИПБ РАН); доцент кафедры экологии и обеспечения безопасности жизнедеятельности, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС Россия

Задачи, возложенные на войска национальной гвардии Российской Федерации в области обеспечения общественной безопасности, составляют предмет настоящего исследования. Многообразие функций, выполняемых войсками, и специфический характер их деятельности делают эту тему практически значимой: как показывает проведённый анализ, перечень таких задач оказывается широким и неоднородным, а их надлежащее выполнение требует от личного состава целевой профессиональной подготовки.
Раскрыть, как именно военнослужащие и сотрудники войск национальной гвардии реализуют задачи, отнесённые к компетенции этой государственной военной организации, — таково назначение данной работы.
В основу исследования положены системный и структурно-функциональный анализ в сочетании со сравнительно-правовым и формально-юридическим методами.
Ключевые слова: войска национальной гвардии, охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, охрана важных государственных объектов, специальных грузов и сооружений на коммуникациях, участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом, обеспечение режимов чрезвычайного и военного положения, правовой режим контртеррористической операции, территориальная оборона Российской Федерации, содействие пограничным органам федеральной службы безопасности в охране государственной границы Российской Федерации, федеральный государственный контроль (надзор), охрана особо важных и режимных объектов, имущества физических и юридических лиц по договорам.

Введение

Деятельность войск национальной гвардии Российской Федерации образует самостоятельный блок государственно-властных полномочий, в котором обеспечение безопасности государства и общества неразрывно связано с охраной прав и свобод граждан. Правовой фундамент этой организационной модели заложен Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [2] — именно этим актом определены принципы построения войск, круг возложенных на них задач и объём предоставленных полномочий.

В плоскости обеспечения общественной безопасности подразделения национальной гвардии рассматриваются как оперативный ресурсный элемент государственного механизма, при котором охрана государственных объектов и специальных грузов соединяется с противодействием террористическим угрозам, реализацией специальных правовых режимов, взаимодействием с ФСБ России по вопросам территориальной обороны и осуществлением контрольно-надзорных функций, что свидетельствует о широте соответствующего механизма.

Сведение военных, правоохранительных, охранных и профилактических задач в рамках одной организационной структуры обусловливает занятие национальной гвардией в системе безопасности не периферийного, а одного из центральных положений, тогда как ведомственная принадлежность не исчерпывает содержания рассматриваемой проблематики, поскольку многоаспектность порученных функций придает анализу задач, решаемых формированиями Росгвардии, одновременно теоретическую и прикладную значимость.

Организационно-правовые основы участия войск национальной гвардии Российской Федерации в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности

Поддержание правопорядка выступает как постоянно организованный институт, проявляющийся в различных режимах общественной обстановки: в повседневных условиях, при проведении массовых мероприятий и в период обострения оперативной ситуации, при которой промедление способно трансформироваться в управленческую ошибку, вследствие чего для органов охраны общественного порядка указанное направление традиционно рассматривается как базовая обязанность, предполагающая предварительное согласование действий.

Мирные собрания, митинги, шествия, демонстрации и пикеты — конституционное право граждан, но реализуемое не безусловно: оно требует заблаговременного уведомления властей и отказа от оружия. За этими формальными условиями стоит содержательная задача — обеспечить безопасность самих участников и не ущемить интересы остальных граждан и организаций, а значит, кто-то должен следить за порядком на таких мероприятиях. Эта роль закреплена за правоохранительными органами, в том числе войсками национальной гвардии, личному составу которых перед началом мероприятия важно понимать его характер, правовую природу и потенциальные риски [9] — ведь там, где собирается много людей, даже небольшой сбой в порядке грозит обернуться угрозой общественной безопасности.

В ситуации массовых беспорядков фиксируется изменение масштаба риска: социальная нестабильность де-

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации (FFFZ-2025-0001)»)

терминирует рост правонарушений, тогда как сами беспорядки нередко сопровождаются вандализмом, поджогами и насилием в отношении граждан, [6] при этом привлечение специализированных сил к предупреждению и пресечению инцидентов массового характера включается в поддержание общественного порядка и непосредственно коррелирует с приоритетами национальной безопасности — защитой конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности и обороноспособности страны; реагирование на уже возникшую угрозу дополняется превентивной нейтрализацией факторов, способных расшатать стабильность.

Нормы административного, уголовного, военного и иного законодательства формируют правовую рамку участия войск национальной гвардии в охране порядка, однако указанная рамка не устраняет вопрос о фактическом объеме реализуемых полномочий, поскольку административно-юрисдикционные возможности должностных лиц Росгвардии затрагивают только отдельные составы административных правонарушений, предварительное расследование войсками не осуществляется, вследствие чего потенциал структуры реализуется не полностью; неповиновение законным требованиям сотрудников Росгвардии подрывает общественный порядок, ослабляет управляемость и создает предпосылки для возникновения более серьезных угроз представителям власти [11].

Для установления роли национальной гвардии принципиальное значение приобретает соотношение категорий «общественный порядок» и «общественная безопасность», разграничение которых необходимо для корректного описания правового режима: в одном из подходов общественная безопасность интерпретируется как более емкая категория, охватывающая широкий спектр угроз коллективной защите общества;[4] вместе с тем исследователями фиксируется обратная зависимость, при которой повышение уровня общественного порядка обусловливает большую устойчивость защищенности общества в целом.[15] Отождествление указанных категорий искажает правовую картину, поскольку за каждой из них закрепляется собственный массив норм и собственный правовой режим;[16] следовательно, осуществляя наведение порядка, национальная гвардия одновременно укрепляет общественную безопасность, не сливая оба режима в единое нормативное образование.

В 2016 году зафиксировано формирование Росгвардии как федеральной службы на базе объединенных войсковых и охранных подразделений МВД России; [5] Указом Президента Российской Федерации от 30 июня 2016 г. № 510 новой структуре были переданы полномочия по формированию и проведению государственной политики, а также по правовому регулированию в области общественной безопасности, вследствие чего формальный организационно-правовой контур был определен, тогда как практическая результативность детерминируется координацией Росгвардии, МВД России и других правоохранительных органов,[12] причем дублирование функций на официальном уровне отрицается,[3] хотя реальные задачи ведомств во многом пересекаются.[10]

Перечень полномочий, закрепленный в Законе № 226-ФЗ, характеризуется достаточной конкретностью и включает осмотр судов при операциях на водных акваториях, предупреждение опасностей для жизни и здоровья граждан, осмотр транспортных средств, а также доступ в жилые помещения и на территории организаций при наличии законных оснований, при этом чувствительность указанного перечня обусловлена ограничительным характером полномочий, затрагивающих конституционные права граждан, вследствие чего применение перечисленных мер допустимо исключительно в ситуациях, прямо предусмотренных законом.

Без устойчивого финансирования и материально-технической базы поставленные перед войсками задачи рискуют остаться на бумаге — особенно там, где, как в общественной безопасности, ресурсное обеспечение играет решающую роль. Поскольку эта сфера находится в совместном ведении федеральных и региональных властей, закон допускает софинансирование отдельных функций национальной гвардии субъектами Российской Федерации: пример такой поддержки — постановление Правительства Саратовской области от 27 июня 2024 г. № 545. [13]

Именно ресурсная обеспеченность и межведомственная встроенность выводят национальную гвардию за пределы вспомогательного статуса, поскольку в сфере охраны порядка войска выступают как системообразующий элемент государственного управления, а не как резервный компонент, при этом широкие полномочия и устойчивые связи с правоохранительными структурами обусловливают востребованность подразделений как в повседневной мирной обстановке, так и в чрезвычайных ситуациях.

Охрана важных государственных объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях

Защита и контроль закреплённых за войсками объектов — отдельное направление работы национальной гвардии, прямо предусмотренное уставными и служебными документами. Строится оно на двух опорах: разработке планов межведомственного взаимодействия и непосредственной охране — важных государственных учреждений, перевозимых грузов, сооружений на коммуникациях, перечень которых утверждает Правительство Российской Федерации. Цель в итоге та же двойная: уберечь объекты, значимые для безопасности государства, и не дать сбоев в работе транспортной инфраструктуры, служб связи и других систем, от которых зависит повседневная стабильность жизни общества.

Обеспечение безопасности ключевых объектов государственной значимости рассматривается как боевая задача, вследствие чего требования к личному составу выходят за пределы обычной служебной дисциплины и предполагают повышенную бдительность; военнослужащими должно осуществляться неукоснительное следование Конституции Российской Федерации, федеральным законам и иным нормативным правовым актам, регламентирующим служебную деятельность, сохранение готовности к оперативным действиям при изменении обстановки и поддержание строгого режима несения службы, при котором в охранный контур включаются караульные посты, гарнизоны и другие специализированные силы и средства, а при необходимости применяются заставы для быстрого реагирования.

В качестве основания охраны объектов государственного значения и специальных грузов выступает совокупность превентивных и организационных мер, ориентированных на пресечение аварий, диверсий, террористических актов и иных угроз до наступления последствий, при этом содержание указанной задачи выходит за пределы ведомственной охраны и приобретает общегосударственный уровень, поскольку защита критически важных объектов предполагает согласованные действия нескольких служб, а не изолированную работу одного подразделения.

Участие войск национальной гвардии в противодействии угрозам безопасности и обеспечении специальных правовых режимов

Нейтрализация террористических и экстремистских угроз, режимы чрезвычайного и военного положения, правовой режим контртеррористических операций — три направления, которые объединяет общая природа: все они разворачиваются в условиях повышенной опасности для личности, общества и государства. Именно поэтому здесь не работает обычный административный порядок — требуются специальные организационно-правовые меры и процедуры, рассчитанные на кризисную динамику.

Конституционные нормы формируют правовую основу противодействия терроризму и экстремизму, тогда как конкретные юридические механизмы выстраиваются на базе конституционных положений; в указанный запретительный контур включается недопущение создания и функционирования общественных объединений, ориентированных на насильственное изменение конституционного строя, нарушение территориальной целостности страны, подрыв государственной безопасности, формирование незаконных вооруженных группировок, разжигание расовой, национальной или религиозной вражды и иные враждебные действия, влекущие юридическую ответственность. [14]

Росгвардия — не единственный, но один из центральных участников системы профилактики правонарушений и защиты общественной безопасности: войска делят эту функцию с другими структурами, охраняя объекты, поддерживая порядок, обеспечивая безопасность граждан, проводя специальные операции и координируя действия с прочими правоохранительными органами — в том числе через оперативный обмен информацией.

К антитеррористическим операциям и мерам режимов чрезвычайного или военного положения подразделения национальной гвардии привлекаются именно потому, что такие ситуации требуют быстрого и результативного ответа[8]: государство в этот момент решает сразу несколько задач — восстановить устойчивость общественных отношений, защитить права граждан, обеспечить безопасность значимых объектов, коммуникационных систем и органов власти.

При этом ограничительные меры — не вопрос ведомственного усмотрения или текущей целесообразности: их правовое основание задано напрямую Конституцией. Часть 3 статьи 55 допускает ограничение прав и свобод человека и гражданина федеральным законом лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, а также обороны страны и безопасности государства; часть 3 статьи 56, в свою очередь, прямо называет права и свободы, не подлежащие ограничению даже при чрезвычайном положении. [1]

Участие войск национальной гвардии в специальных правовых режимах основывается на балансе, при котором реагирование на угрозы должно сохранять эффективность и одновременно не выходить за пределы конституционных гарантий, вследствие чего практическое исполнение задач предполагает специальную подготовку личного состава, ясное нормативное регулирование, устойчивое межведомственное взаимодействие и готовность действовать в условиях повышенного риска.

Участие войск национальной гвардии в территориальной обороне и содействии пограничным органам ФСБ России

Территориальная оборона — одна из тех сфер, где национальная гвардия выступает не временным помощником, а постоянным элементом общей системы защиты страны. Само понятие закреплено в Федеральном законе от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»: территориальная оборона определяется как комплекс мер по охране военных, государственных и иных объектов повышенной опасности, а также по противодействию диверсионно-разведывательной деятельности иностранных государств и минимизации её последствий. Участие войск в этой работе на всей территории страны рассматривается как способ укрепить оборонный потенциал государства.

Логика привлечения национальной гвардии к территориальной обороне строится не на формальном расширении её полномочий, а на естественной близости задач: войска уже занимаются поддержанием общественного порядка и безопасности граждан, и охрана государственных объектов, специальных грузов, сооружений и инженерных систем закономерно входит в этот же круг обязанностей. Усиливая защиту критически значимых объектов, Росгвардия выстраивает взаимодействие с федеральными органами исполнительной власти, властями субъектов Российской Федерации, региональными администрациями, органами местного самоуправления и другими участниками системы территориальной обороны.

От согласованности этих действий напрямую зависит результат: распределение ответственности и синхронизация усилий национальной гвардии с другими силовыми структурами особенно критичны в чрезвычайных ситуациях, где требуется тесное и непрерывное межведомственное сотрудничество. [7] Именно слаженность всех участников позволяет защитить население, объекты и коммуникации, обеспечить работу транспортной и энергетической инфраструктуры и своевременно отреагировать на диверсионные, террористические и иные угрозы.

Отдельный участок работы — содействие пограничным органам ФСБ России в охране государственной границы. Этот механизм не предполагает произвольных действий: подразделения предоставляют материальные средства и личный состав для поисковых операций на границе и других мероприятий, проводимых в установленном порядке, а любые иные формы участия Росгвардии в охране границы допускаются только при наличии прямого указания в федеральном законе.

Именно на стыке территориальной обороны и охраны государственной границы особенно заметен межведомственный характер деятельности национальной гвардии: при всём различии правовой природы этих двух сфер участие Росгвардии в каждой из них служит одной и той же цели — обеспечению безопасности государства и общества.

Контрольно-надзорные и охранные полномочия войск национальной гвардии

Контрольно-надзорная функция закрепилась за национальной гвардией не случайно: войска отвечают за те сферы, где нарушение правил быстро оборачивается угрозой безопасности, — прежде всего оборот оружия и деятельность частных охранных организаций. Но периметр этой функции шире: сюда входят защита объектов топливно-энергетической инфраструктуры, организационно-правовой контроль за охранными службами, а также надзор за охраной юридических лиц со специальным статусом и ведомственных охранных формирований. Совокупность этих полномочий даёт результат, который не сводится к сумме частей — защитные мероприятия становятся более согласованными, охрана критически важных объектов крепче, а охранная деятельность в целом результативнее.

В рассматриваемом блоке Росгвардия не сводится к силовому реагированию, поскольку ведомством осуществляется предупреждение и смягчение угроз общественной безопасности, при этом профилактическая составляющая приобретает первичный характер: надзор за оборотом оружия направляется на пресечение незаконного приобретения, хранения и применения оружия, тогда как контроль частной охранной деятельности удерживает

негосударственных субъектов охраны в пределах установленных требований и способствует пресечению противоправных практик в охранной сфере.

Надзор за безопасностью объектов топливно-энергетического комплекса обладает самостоятельным значением, поскольку риски на объектах ТЭК одновременно затрагивают население, экономику и окружающую среду; формирование подходов к надзору осуществляется ведомством прежде всего исходя из того, что нарушение требований на объектах топливно-энергетического комплекса способно одновременно воздействовать на население, экономику и окружающую среду, вследствие чего обычная охранная логика в данной сфере оказывается недостаточной.

Базовые положения законодательства о государственном контроле (надзоре) задают процедуру и объем полномочий, ориентированных на системный и риск-дифференцированный подход, при котором проверка не рассматривается как самоцель; контроль включает выявление и пресечение нарушений обязательных требований, меры по снижению рисков и предупреждению повторных инцидентов, а также устранение последствий выявленных нарушений, при этом для войск национальной гвардии контрольно-надзорные полномочия дополняют военные, правоохранительные и охранные функции, позволяя воздействовать на факторы и обстоятельства, из которых формируются угрозы общественной безопасности.

В рамках своих охранных задач национальная гвардия обеспечивает безопасность государственных объектов в пределах предоставленных ей полномочий — но в одиночку эту работу выполнить невозможно. Поэтому подразделения национальной гвардии действуют не изолированно, а во взаимодействии с органами федеральной службы безопасности, МВД России, внешней разведки, Вооружёнными Силами и другими государственными структурами, причастными к обеспечению безопасности, а в отдельных случаях — и с иными уполномоченными органами. [17]

Обязательная охрана ряда объектов распределяется между несколькими структурами, тогда как национальная гвардия занимает лишь тот участок, который отведен законом; войска несут обязанность в отношении объектов, включенных в перечень, подлежащий утверждению Правительством Российской Федерации, при этом отсутствие утвержденного перечня до настоящего времени репрезентирует правовой пробел, нуждающийся в дополнительном регулировании.

Защита высших должностных лиц характеризуется иной организационно-правовой конструкцией: с 4 сентября 2018 г. национальная гвардия получила полномочия в отношении руководителей субъектов Российской Федерации и иных лиц, при этом принципиальное значение имеет договорная основа, поскольку порядок защиты устанавливается Президентом Российской Федерации, а сама охрана осуществляется исключительно по договору, что отделяет защиту должностных лиц от обязанности по охране объектов, перечень которых еще требует нормативного завершения.

Контрольно-надзорные и охранные полномочия репрезентируют комплексность правового статуса войск национальной гвардии не декларативно, а через совокупность различных режимов воздействия, вследствие чего соответствующий контур не сводится к силовому компоненту: Росгвардия участвует в непосредственном обеспечении общественного порядка и безопасности, одновременно осуществляя предупреждение угроз, связанных с оборотом оружия, частной охранной деятельностью, безопасностью критически важных объектов и защитой охраняемых лиц.

Выводы

Деятельность Росгвардии не сводится к узкому набору силовых функций: поддержание общественной устойчивости и безопасности строится здесь на сочетании превентивных мер с оперативным реагированием. Сюда входят поддержание правопорядка в мирное время и при чрезвычайных обстоятельствах; обеспечение порядка и безопасности государственных объектов при массовых мероприятиях и эскортировании специальных грузов; защита критически важной инфраструктуры; противодействие терроризму и экстремизму; реализация специальных правовых режимов; участие в территориальной обороне и взаимодействие с ФСБ России; выполнение федеральных контрольно-надзорных функций.

Эта широта задач напрямую связана с комплексным правовым статусом войск: национальная гвардия одновременно выступает государственной военной организацией, субъектом правоохранительной деятельности, участником межведомственного взаимодействия и органом контрольно-надзорных полномочий. Именно поэтому особое значение приобретает чёткое нормативное разграничение компетенции Росгвардии, МВД России, ФСБ России и других государственных органов — без этого пересечение функций будет затруднять практическую координацию.

Спектр задач, поставленных перед национальной гвардией, с учётом текущей обстановки остаётся столь же широким и многоплановым. Реализовать заложенный в законе потенциал войска смогут только при условии профессиональной подготовки личного состава, развитого межведомственного взаимодействия, крепкой материально-технической базы и дальнейшего совершенствования правового регулирования их полномочий.

Литература

1. Административно-правовой статус военнослужащих войск национальной гвардии России: Учеб. пособие / А. Г. Асеев, В. Н. Буряков, М. Н. Казаков [и др.]. – Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2017 – 96 с. – EDN YSXTE.

2. Биюшкина, Н. И. Обеспечение коллективной безопасности как предпосылка развития советского федерализма (исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43043) / Н. И. Биюшкина, Ф. С. Сосенков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации – 2022 – № 1(54) – С. 6-10 – EDN LEVMEO

3. Глава МВД: дублирования функций у полиции и Нацгвардии не будет [Электронный ресурс] // РИА Новости: сайт. URL: https://ria.ru/20160416/1412465175.html (дата обращения: 24.04.2025).

4. Готовцев, А.В. Организационно-правовые вопросы взаимодействия милиции и внутренних войск в охране общественного порядка: автореф. дис. … канд. юр. наук / А.В. Готовцев. – Москва, 2000. С. 13.

5. Жаркой, М. Э. Административно-юрисдикционные полномочия внутренних войск МВД СССР по охране и обороне объектов железных дорог (историко-правовой аспект) / М. Э. Жаркой, В. Г. Викторов // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 2(331). – С. 34-46. – EDN OZYSPU.

6. Зубарев, Н. В. Роль и место войск национальной гвардии Российской Федерации в пресечении массовых беспорядков в условиях гибридной войны / Н. В. Зубарев // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 11(328). – С. 45-56. – EDN JIZHZB.

7. Зубарев, Н. В. О некоторых вопросах организации взаимодействия войск национальной гвардии с органами

и подразделениями силового блока России при чрезвычайных обстоятельствах / Н. В. Зубарев // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 1(66). – С. 7-20. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-7-20. – EDN OXQEHJ.

8. Кудашкин А.В. Есть ли место новой парадигме военного права? // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 12. С. 87

9. Кудашкин, А. В. Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования / А. В. Кудашкин; Академия военных наук – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003 – 298 с. – ISBN 5-94201-231-8– EDN ANETMD

10. Майоров В.И. О роли Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в обеспечении общественного порядка // Вестник Уральского юридического института МВД России. – № 1, 2018, С. 48-51.

11. Назарова, И. С. Неповиновение законному распоряжению должностного лица войск национальной гвардии Российской Федерации как правонарушение, посягающее на основы управления в государстве, правопорядок и общественную безопасность / И. С. Назарова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2021. – № 4(285). – С. 79-85. – EDN NFLCRC.

12. Ольм, М. Ю. Росгвардия и органы внутренних дел - дублирование функций по охране общественного порядка на массовых мероприятиях или налаженное взаимодействие? / М. Ю. Ольм // ModernScience. – 2020. – № 2-2. – С. 176-179. – EDN NICXTS.

13. Постановление Правительства Саратовской области от 27.06.2024 № 545-П «О мерах по оказанию содействия в реализации возложенных на войска национальной гвардии обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на 2024 год» // www.pravo.gov.ru

14. Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7-34; Корякин В.М. Введение в теорию военного права: монография // Рос. военно-правовой сб. 2007. № 9. С. 11-118

15. Фомин, П. П. Общественный порядок и общественная безопасность: понятие и соотношение / П. П. Фомин // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. – 2017. – № 1(2). – С. 66-77. – EDN YZHWLZ.

16. Шейхова Н.А. Проблемы соотношения понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2024. Том 39. Вып. 3. С. 89-94.

17. Гусаим, И. В. К вопросу о важности закрепления в российском законодательстве единых дефиниций понятий «государственная безопасность», «общественная безопасность» и «национальная безопасность» / И. В. Гусаим // Закон и право. – 2025. – № 11. – С. 71-78. – DOI 10.24412/2073-3313-2025-11-71-78. – EDN BESDRX.

The specifics of the performance of tasks by the national guard troops in the field of public safety

Gusaim I.V., Shenshin V.M.

Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations, Russia

This study takes as its subject the range of tasks assigned to the National Guard troops of the Russian Federation for ensuring public security. Because these troops' activities are highly specific and the functions they perform are so varied, the topic carries clear practical weight; the analysis presented here shows that the resulting set of tasks is broad and uneven in character, demanding dedicated training for personnel if it is to be carried out properly.

What this work sets out to do is uncover how, in practice, National Guard military personnel and officers carry out the tasks falling within this state military organization's remit.

Systemic and structural-functional analysis, paired with comparative-legal and formal-legal methods, forms the methodological foundation of the research.

Keywords: National Guard troops, protection of public order, ensuring public safety, protection of important state facilities, special cargo, and communications facilities, participation in the fight against terrorism and extremism, ensuring emergency and martial law regimes, legal regime of counter-terrorism operations, territorial defense of the Russian Federation, assistance to the border agencies of the Federal Security Service in protecting the state border of the Russian Federation, federal state control (supervision), protection of particularly important and restricted facilities, as well as the property of individuals and legal entities under contracts.

Acknowledgments: This article was prepared as part of the state assignment "Comprehensive Study of Public Safety Issues as a Strategic Priority of National Security of the Russian Federation (FFFZ-2025-0001)"

References

1. Administrative and legal status of military personnel of the National Guard of Russia: Textbook / A. G. Aseev, V. N. Buryakov, M. N. Kazakov [et al.]. Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, 2017 – 96 p. – EDN YSXTE.
2. Bijushkina, N. I. Ensuring collective security as a prerequisite for the development of Soviet federalism (the study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 21-011-43043) / N. I. Bijushkina, F. S. Sosenkov // Law. Safety. Emergencies – 2022 – No. 1(54) – pp. 6-10 – EDN LEVMEO
3. Interior Minister: there will be no duplication of functions between the police and the National Guard [Electronic resource] // RIA Novosti: website. URL: https://ria.ru/20160416/1412465175.html (date of request: 04/24/2025).
4. Gotovtsev, A.V. Organizational and legal issues of interaction between police and internal troops in the protection of public order: abstract of the dissertation. ... Candidate of Law Sciences / A.V. Gotovtsev. Moscow, 2000. p. 13.
5. Zharkoy, M. E. Administrative and jurisdictional powers of the internal troops of the USSR Ministry of Internal Affairs for the protection and defense of railway facilities (historical and legal aspect) / M. E. Zharkoy, V. G. Viktorov // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2025. – № 2(331). – Pp. 34-46. – EDN OZYSPU.
6. Zubarev, N. V. The role and place of the troops of the National Guard of the Russian Federation in suppressing mass riots in a hybrid war / N. V. Zubarev // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2024. – № 11(328). – Pp. 45-56. – EDN JIZHZB.
7. Zubarev, N. V. On some issues of organizing the interaction of the National Guard troops with the organs and units of the Russian military bloc in emergency circumstances / N. V. Zubarev // Law. Safety. Emergency situations. – 2025. – № 1(66). – Pp. 7-20. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-7-20. – EDN OXQEHJ.
8. Kudashkin A.V. Is there a place for a new paradigm of military law? // Law in the Armed Forces. 2020. No. 12. P. 87
9. Kudashkin, A.V. Military service in the Russian Federation: theory and practice of legal regulation / A.V. Kudashkin; Academy of Military Sciences – St. Petersburg: Law Center Press, 2003 - 298 p. – ISBN 5-94201-231-8– EDN ANETMD
10. Mayorov V.I. On the role of the Federal Service troops of the National Guard of the Russian Federation in ensuring public order // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – № 1, 2018, C. 48-51.
11. Nazarova, I. S. Disobedience to the lawful order of an official of the National Guard troops of the Russian Federation as an offense encroaching on the foundations of governance in the state, law and order and public safety / I. S. Nazarova // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2021. – № 4(285). – Pp. 79-85. – EDN NFLCRC.
12. Olm, M. Y. Rosgvardiya and the internal affairs bodies - duplication of functions for the protection of public order at mass events or well-established cooperation? / M. Y. Olm // ModernScience. – 2020. – № 2-2. – pp. 176-179. – EDN NICXTS.
13. Resolution of the Government of the Saratov Region dated June 27, 2024 No. 545-P "On measures to assist in the implementation of the duties assigned to the National Guard troops to protect public order and ensure public safety for 2024" // www.pravo.gov.ru
14. Savenkov A.N., Kudashkin A.V. Military law: problem statement and solutions // State and law. 2021. No. 4. pp. 7-34; Koryakin V.M. Introduction to the theory of military law: a monograph // Russian Military Law Collection 2007. No. 9. pp. 11-118
15. Fomin, P. P. Public order and public safety: concept and correlation / P. P. Fomin // Bulletin of the Lugansk Academy of Internal Affairs named after E.A. Didorenko. – 2017. – № 1(2). – Pp. 66-77. – EDN YZHWLZ.
16. Sheikhova N.A. Problems of correlation between the concepts of "public order" and "public safety" // Bulletin of Dagestan State University. Series 3. Social Sciences. 2024. Volume 39. Issue 3. pp. 89-94.
17. Gusaim, I. V. On the importance of consolidating uniform definitions of the concepts of "state security", "public safety" and "national security" in Russian legislation / I. V. Gusaim // Law and Law. – 2025. – No. 11. – S. 71-78. – DOI 10.24412/2073-3313-2025-11-71-78. – EDN BESDRX.

Эволюция права оперативного управления в советский и ранний постсоветский период: становление имущественной самостоятельности государственных организаций

Иванов Андрей Викторович
аспирант, кафедра теории права и публично-правовых дисциплин, Самарский государственный экономический университет, grif_a@mail.ru

Статья посвящена историко-правовому анализу возникновения и развития права оперативного управления как центрального элемента имущественной самостоятельности государственных организаций в советском и раннем постсоветском праве. Показано, что данная конструкция формировалась одновременно для хозрасчётных предприятий и бюджетных учреждений, изначально обладая единой юридической природой, а различия в объёме правомочий носили не сущностный, а количественный и исторически изменчивый характер. На основе обширного нормативного материала (ГК РСФСР 1922 г., Основы 1961 г., ГК РСФСР 1964 г., законы о собственности 1990 г.) и цивилистической доктрины (А.В. Венедиктов, С.Н. Братусь, О.С. Иоффе, Е.А. Суханов) прослежена эволюция правового режима от персонифицированной казны до легального ограниченного вещного права. Обосновывается, что жёсткая дихотомия права хозяйственного ведения и права оперативного управления не является предопределённой; признание их генетического единства создаёт теоретическую основу для более гибкой дифференциации имущественной самостоятельности учреждений в современном законодательстве.
Ключевые слова: право оперативного управления, имущественная самостоятельность, государственные организации, хозяйственное ведение, вещные права, учреждения, предприятия, советское гражданское право, хозрасчёт, история права.

Введение

Имущественная самостоятельность юридического лица в отечественной цивилистической традиции раскрывается через три взаимосвязанных элемента: наличие обособленного имущества на самостоятельном вещном либо обязательственном праве; способность нести самостоятельную имущественную ответственность по обязательствам; а также финансовую автономию, выражающуюся в праве на собственные доходы и возможности ими распоряжаться. Именно такое понимание обосновывал С.Н. Братусь, указывая на значение закрепления обособленного имущества, раздельной имущественной ответственности и юридического обеспечения договорной дисциплины [1, с. 71]. Для государственных организаций советского, а затем и постсоветского периода ключевым вещно-правовым механизмом обеспечения этих элементов стало право оперативного управления. Его эволюция неразрывно связана с развитием других составляющих самостоятельности, поэтому комплексное исследование генезиса имущественной обособленности учреждений и предприятий требует анализа возникновения и развития названного права.

Обращение к истории права оперативного управления сохраняет высокую актуальность. В современной цивилистике продолжается острая дискуссия о судьбе права хозяйственного ведения и права оперативного управления, об их месте в системе вещных прав и о целесообразности сохранения дуализма. Законодатель, не отказываясь от обеих конструкций, вместе с тем постепенно расширяет дифференциацию правовых режимов внутри самого права оперативного управления (бюджетные, автономные, казённые учреждения), что ставит вопрос: являются ли различия между хозяйственным ведением и оперативным управлением сущностными или это лишь количественные градации, исторически подвижные и обусловленные экономической политикой государства? Ответ на этот вопрос невозможно получить без анализа того, как складывалась имущественная самостоятельность государственных организаций в советский период.

Отправной точкой для такого анализа служит идея оперативного управления, заложенная А.В. Венедиктовым и признаваемая актуальной и в условиях современного государственного присутствия в экономике [2]. При этом изучение генезиса не может быть сведено лишь к истории правового режима имущества одних учреждений: данная конструкция складывалась как универсальный способ государственного участия в гражданском обороте, а её эволюция происходила одновременно в двух направлениях — хозрасчётного предприятия и бюджетного учреждения. Изначальная общность происхождения обеих линий делает необходимым их совместное рассмотрение.

Цель настоящей статьи — проследить становление права оперативного управления в советский и ранний постсоветский период, показав, что исторически различия между предприятиями и учреждениями формировались как содержательные, а не сущностные, и создать теоретическую основу для оценки современной дифференциации вещных прав. В необходимых пределах будут затронуты также аспекты ответственности по обязательствам и право на доходы.

Материалы и методы

Методологическую основу работы составляют историко-правовой, формально-догматический и сравнительно-правовой методы. Источниковую базу образуют нормативные акты советского периода (Декрет о трестах 1923 г., ГК РСФСР 1922 г., Основы гражданского законодательства 1961 г., ГК РСФСР 1964 г., Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)» 1987 г., союзные и российские законы о собственности 1990 г.), а также труды ведущих советских и российских цивилистов — А.В. Венедиктова, С.Н. Братуся, О.С. Иоффе, Д.М. Генкина, Е.А. Суханова и др. Применение хронологического подхода позволяет выявить закономерности, а сопоставление двух организационно-правовых форм — предприятий и учреждений — раскрыть природу различий между правом хозяйственного ведения и правом оперативного управления.

Результаты и обсуждения

Право оперативного управления принадлежит к числу наиболее специфических конструкций отечественного вещного права. Его уникальность состоит в том, что данная юридическая форма зародилась и развивалась исключительно в советском, а затем и постсоветском правопорядке, не имея прямых аналогов в романо-германской правовой семье. Хотя в зарубежных правопорядках встречаются функционально близкие институты (например, имущество казённого предприятия во Франции или Германии), они не образуют самостоятельного ограниченного вещного права, интегрированного в систему гражданского законодательства, а их обладатели, как правило, либо не наделяются выраженной имущественной обособленностью, либо действуют на праве собственности, неся полную ответственность. Дореволюционное российское законодательство, знавшее ряд ограниченных вещных прав (права участия частного, чиншевое право, право застройки и др.), также не содержало аналогов исследуемому праву, что отнюдь не отрицает преемственности многих иных институтов [3].

Необходимо сразу отграничиться от попыток усмотреть истоки права оперативного управления в конструкциях расщеплённой или доверительной собственности. Некоторые учёные советского периода проводили параллели со средневековой феодальной собственностью либо англосаксонским трастом. Например, В.П. Шкредов полагал, что волевые отношения владения, пользования и распоряжения образуют юридическое содержание собственности, и потому признавал предприятие собственником [4, с. 103–112]. Однако, как убедительно показал А.В. Венедиктов, при разделённой собственности раздел власти и интереса происходит по вертикали, за каждым из носителей признаются различные по характеру и объёму правомочия [6, с. 65]; при фидуциарной же собственности возникает двойственность, где фидуциар и фидуциант являются полными собственниками в разных областях отношений [7, с. 339]. Феодальная расщеплённая собственность была порождена иерархической организацией натурального хозяйства, траст — потребностью обойти феодальные повинности, тогда как советское оперативное управление вызвано к жизни исключительно огосударствлённой экономикой и необходимостью в условиях директивного планирования обеспечить минимальную хозяйственную самостоятельность производителя при сохранении всей полноты власти за государством-собственником. Принципиальное различие состоит и в том, что советский госорган, по точному определению А.В. Венедиктова, самостоятельного интереса, отличного от интереса государства, не имел [6, с. 341], что предопределило производный характер его имущественной самостоятельности.

Е.А. Суханов справедливо охарактеризовал предложения о применении расщеплённой собственности как «признак невежества, незнания истоков и непонимания законов развития нашего права», подчёркивая невозможность существования двух одинаковых прав на один объект [7]. Столь же тупиковой оказалась и попытка Б.С. Мартынова объяснить существо прав госорганов через соединение фидуциарной и разделённой собственности; как отметил О.С. Иоффе, сам автор вынужден был признать, что государство-собственник своё право не «расщепляло» [8, с. 204]. Таким образом, эволюция конструкции может быть осмыслена лишь в контексте советского хозяйственного права.

К концу 1910-х – началу 1920-х годов государство, сосредоточив колоссальный массив национализированного имущества, столкнулось с физической невозможностью единовластного хозяйствования. Декретом ВЦИК и СНК от 10 апреля 1923 г. «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)» трестам был придан статус юридических лиц, и они получили не только обособленное имущество, но и способность выступать в обороте от своего имени, а главное — нести самостоятельную имущественную ответственность по заключаемым сделкам [10, с. 51]. Параллельно существовали государственные бюджетные учреждения — школы, больницы, научные институты, — деятельность которых финансировалась по смете и которые не являлись субъектами хозрасчётных отношений. Уже на этом этапе обозначились две линии: «активная» для трестов и «пассивная» для учреждений. Однако и пассивная линия обладала известной степенью обособленности, выражавшейся в сметном финансировании и специальной правоспособности: Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 27 сентября 1926 г. «О хозяйственных операциях учреждений, состоящих на государственном бюджете» закрепил, что ответственность по обязательствам несут исключительно денежные средства, находящиеся в распоряжении учреждения [9].

Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. содержал упоминание об учреждениях как о юридических лицах (ст. 13), однако их правовой режим практически не раскрывался, а включение в перечень носило во многом декларативный характер. В литературе неоднократно отмечалась противоречивость кодекса: по замечанию С.И. Раевича, он готовился с исключительной быстротой, и трудно было ожидать создания особой системы, отличной от буржуазного права [10]; по подсчётам В.А. Рыбакова, около 400 статей из 435 были заимствованы из проекта дореволюционного Гражданского уложения [11].

Кредитная реформа 1930–1931 гг. заменила коммерческое кредитование прямым банковским и потребовала чёткой имущественной обособленности производителей. За предприятиями впервые стали признаваться «собственные оборотные средства» — сугубо бухгалтерский приём, не делавший их юридически «своими», но позволявший определить, за каким заводом они числятся. Именно это создало экономическую основу для оперативно-хозяйственной автономии и позволило предприятиям вступать в договорные отношения и нести текущую ответственность без обращения к собственнику. Формально юридическими лицами они не признавались, вещное право на закреплённое имущество оставалось неопределённым. В отличие от них учреждения были полностью лишены даже условных атрибутов вроде «собственных оборотных средств». Вместе с тем, как подчёркивал А.В. Венедиктов, наличие самостоятельной сметы уже обеспечивало ту степень обособленности имущества, которая необходима для выступления в обороте [5, с. 808]. С ним соглашался С.Н. Братусь, указывая, что гос-

бюджетные учреждения необходимо признать юридическими лицами [13, с. 196]. Таким образом, уже в довоенный период сформировалось понимание, что имущественная самостоятельность может базироваться не только на вещном праве, но и на организационно-финансовых механизмах.

Этот парадоксальный период Е.А. Суханов характеризует так: «государственные предприятия получили права юридического лица примерно в 1929–1930 гг. (не формально, но фактически). А право оперативного управления у них появилось в 1961–1964 гг. Около тридцати лет эти юридические лица не знали, какое у них право на то имущество, которое у них есть» [13, с. 69]. Дискуссия между Т.Е. Новицкой и Е.А. Сухановым относительно реального существования юридических лиц в тот период [14] наглядно показывает, что фактическая имущественная самостоятельность (участие в обороте, судебная защита) существовала и без формального вещного права, а значит, для советской действительности феномен самостоятельности был несводим к одной лишь юридической форме прав на имущество.

Осознание неудовлетворительного состояния экономики, вызванного в том числе отсутствием реальных стимулов к развитию производства, побудило государство прямо признать за предприятиями права формально самостоятельных юридических лиц и ввести конструкцию права оперативного управления. Законодательное закрепление состоялось в ст. 21 Основ гражданского законодательства Союза ССР 1961 г. и ст. 94 ГК РСФСР 1964 г.: государственное имущество, закреплённое за государственными организациями, состоит в их оперативном управлении, осуществляемом в пределах, установленных законом, в соответствии с целями деятельности, плановыми заданиями и назначением имущества. Так впервые появилось легальное вещное право, придавшее фактической самостоятельности прочный юридический фундамент.

Принципиально важно, что право оперативного управления было введено как единое для всех государственных организаций — и для хозрасчётных предприятий, и для бюджетных учреждений. Различие между ними носило не сущностный, а содержательный характер: для предприятий плановые задания и цели предполагали более широкую имущественную свободу, для учреждений — более узкую, жёстко заданную сметой и уставными функциями. Соответственно различался и объём ответственности: согласно ст. 32 и ст. 98 ГК РСФСР 1964 г., государственные организации отвечали по обязательствам закреплённым за ними имуществом, за исключением основных средств предприятий. Эту универсальность подчёркивал Д.М. Генкин, обосновавший, что оперативное управление свойственно всем видам социалистических организаций [15].

К началу 1980-х годов маятник государственной экономической политики качнулся в сторону расширения хозяйственной самостоятельности. В.П. Мозолин в 1984 г. предложил для хозрасчётных предприятий право хозрасчётного управления, а для бюджетных организаций — право оперативного управления [16]. Решающим шагом стало принятие Закона СССР от 30 июня 1987 г. «О государственном предприятии (объединении)», переведшего предприятия на принципы полного хозрасчёта и самофинансирования. На смену жёсткой конструкции пришло право полного хозяйственного ведения, разработку концепции которого возглавлял С.С. Алексеев. Новое право давало предприятию значительно большую свободу, а исчерпывающий перечень контрольных прав собственника сводился к созданию, ликвидации, назначению директора и контролю эффективности.

Легальное закрепление категория «право полного хозяйственного ведения» получила в Законе СССР от 6 марта 1990 г. «О собственности в СССР» и в Законе РСФСР «О собственности в РСФСР» 1990 г., согласно которым к данному праву применялись правила о праве собственности, если иное не установлено законом. По точному замечанию Ю.Г. Басина, такая конструкция чрезмерно ограничивала права собственников и породила риск легализации «двойной» собственности [17]. Для учреждений право полного хозяйственного ведения никогда не предназначалось — они сохраняли право оперативного управления, однако и их самостоятельность претерпела изменения: в период перестройки учреждения получили более широкие возможности по оказанию платных услуг и использованию внебюджетных средств. Именно на этом этапе единая ранее конструкция была искусственно расщеплена: предприятиям предоставили максимальную имущественную самостоятельность, а учреждения остались в более жёстких рамках. Произошёл переход от содержательных различий в объёме правомочий внутри единого права к формально-юридическому дуализму двух разных вещных прав. Одновременно появились нормы о субсидиарной ответственности собственника по долгам бюджетных учреждений (п. 3 ст. 26 Закона СССР «О собственности в СССР»), что ещё более очертило границы их самостоятельности.

На рубеже 1990-х годов некоторые учёные предлагали вовсе отказаться от понятия права оперативного управления как не выражающего полноты прав организации на имущество. Так, В.С. Мартемьянов в ходе дискуссии отмечал, что законодатель разумно отказался от этого понятия в Законе о предприятии, поскольку оно изначально было плохим по форме, а в условиях перестройки стало негодным и по содержанию [18, с. 67]. Другие, напротив, подчёркивали сохраняющуюся ценность разработанных в советское время ограниченных вещных прав.

Дальнейшая судьба конструкции оказалась неразрывно связана с переходом к рыночной экономике. Право полного хозяйственного ведения при столкновении с первыми элементами рынка дало системный сбой, открыв канал для массовой неконтролируемой перекачки государственного имущества в частный сектор. Принятие действующего Гражданского кодекса РФ ознаменовало финальный этап: определение «полное» из закона исчезло, уступив место урезанному праву хозяйственного ведения, содержание которого характеризуется существенными ограничениями; в области ответственности Кодекс закрепил самостоятельную ответственность казённых предприятий и учреждений при субсидиарной ответственности собственника. Параллельно п. 2 ст. 298 ГК РФ (в первоначальной редакции) ненадолго ввёл право самостоятельного распоряжения доходами учреждения как самостоятельное вещное право, которое впоследствии было инкорпорировано в состав права оперативного управления, став его разновидностью. Тем самым законодатель вновь подтвердил, что внутри правового режима учреждений возможна дифференциация объёма имущественной самостоятельности без разрушения единой вещно-правовой основы.

Обсуждение и выводы

Проведённый историко-правовой анализ позволяет утверждать следующее.

Во-первых, путь, пройденный конструкцией от инструмента персонификации государственного участия в обороте до законодательно оформленного ограниченного вещного права (1961–1964 гг.), а затем и до его рыночной модификации в форме права хозяйственного ведения и права оперативного управления, является уникальным. Ни один иной правопорядок не знает подобной эволюции,

что подтверждает тезис об исключительной обусловленности данного права советским политико-экономическим контекстом. На каждом историческом этапе эволюция вещного права сопровождалась параллельным развитием других элементов имущественной самостоятельности — ответственности и финансовой автономии, — образуя единую систему.

Во-вторых, на всех этапах генезиса у субъектов права оперативного управления сохраняются устойчивые родовые черты: а) производность прав от прав собственника и, как следствие, несамостоятельность в формировании собственной воли относительно судьбы закреплённого имущества; б) действие в чужом интересе, понимаемое как принципиальная невозможность свободного распоряжения «своей властью и в своём интересе». С развитием хозрасчёта и переходом к рынку у государственных предприятий и учреждений появился собственный институциональный интерес, который, однако, всегда остаётся подчинённым публичным задачам и интересам учредителя. Имущественная самостоятельность этих субъектов, таким образом, всегда носила и продолжает носить функциональный, производный от публичных задач характер.

В-третьих, историко-правовой анализ демонстрирует, что дихотомия вещных прав юридических лиц на государственное имущество является не следствием различной сущности права хозяйственного ведения и права оперативного управления, а результатом поэтапного регулирования, обусловленного экономической политикой государства на разных этапах. Различия между названными правами суть различия не качественные, а количественные, исторически подвижные. Как точно подметил С.Н. Братусь, «это различие двух видов внутри единого родового явления — госоргана» [12, с. 195].

Этот вывод имеет важное значение для современной дискуссии о реформировании системы вещных прав. Признание генетического единства обеих конструкций ставит под сомнение незыблемость их жёсткого разграничения и открывает путь к более гибкой градации объёма имущественной самостоятельности учреждений без ломки сложившейся системы. Законодатель не связан онтологической пропастью между хозяйственным ведением и оперативным управлением и вправе дифференцировать правомочия учреждений в зависимости от их типа и выполняемых публичных функций, используя исторически апробированные механизмы. Проведённое исследование, таким образом, создаёт доктринальную основу для дальнейшего совершенствования гражданского законодательства в этой сфере.

Литература

1. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. 196 с.
2. Иванов А.А. Идеи А.В. Венедиктова и их отражение в проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Закон. 2013. № 4. С. 77–82.
3. Новицкая Т.Е. Преемственность в регулировании гражданско-правовых отношений в российском дореволюционном и советском законодательстве // Труды Института государства и права РАН. 2017. № 2. С. 37–62.
4. Шкредов В.П. Экономика и право. М.: Экономика, 1967. 189 с.
5. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 837 с.
6. Венедиктов А.В. Правовая природа государственных предприятий // Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2004. Т. 1. 461 с..
7. Суханов Е.А. Осторожно: гражданско-правовые конструкции! // Законодательство. 2003. № 9. С. 60–65.
8. Иоффе О.С. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статут, 2000. 777 с.
9. Болдырев В.А. История конструкции юридического лица несобственника: этап становления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 4. С. 50–54.
10. Раевич С.И. О внешней стороне гражданского кодекса (способ изложения, система и объем его) // Советское право. 1926. № 4. С. 48–58.
11. Рыбаков В.А. Советское право: преемственный аспект // Современное право. 2009. № 9. С. 13–17.
12. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве (понятие, виды, государственные юридические лица). М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1947. 362 с.
13. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2024. 440 с.
14. Новицкая Т.Е. Некоторые аспекты правового регулирования имущественных отношений в первое десятилетие советской власти // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 5. С. 61–73.
15. Генкин Д.М. Оперативное управление как институт советского гражданского права // Советская юстиция. 1963. № 9. С. 8–11.
16. Мозолин В.П. Гражданское право и хозяйственный механизм // Советское государство и право. 1984. № 5. С. 19–28.
17. Басин Ю.Г. Право собственности в условиях перехода к рыночной экономике // Правоведение. 1991. № 4. С. 95–102.
18. Мартемьянов В.С. Из выступления и тезисов // Право собственности в СССР / под ред. Ю.К. Толстого, В.Ф. Яковлева. М.: Юрид. лит., 1989. 288 с..

The evolution of the right of operational management in the soviet and early post-soviet period: formation of property autonomy of state organizations

Ivanov A.V.

Samara State University of Economics

The article presents a historical-legal analysis of the emergence and development of the right of operational management as the central element of property autonomy of state organizations in Soviet and early post-Soviet law. It demonstrates that this legal construction evolved simultaneously for self-supporting enterprises and budgetary institutions, initially possessing a single legal nature, while the differences in the scope of powers were quantitative and historically changeable rather than essential. Drawing on extensive normative material (the 1922 Civil Code of the RSFSR, the 1961 Fundamentals, the 1964 Civil Code of the RSFSR, the 1990 laws on property) and civil law doctrine (A.V. Venediktov, S.N. Bratus, O.S. Ioffe, E.A. Sukhanov), the article traces the evolution of the legal regime from personified treasury to a formally recognized limited proprietary right. It argues that the rigid dichotomy between the right of economic management and the right of operational management is not predetermined; recognizing their genetic unity creates a theoretical foundation for a more flexible differentiation of the property autonomy of institutions in modern legislation.

Keywords: right of operational management, property autonomy, state organizations, economic management, proprietary rights, institutions, enterprises, Soviet civil law, self-supporting, legal history.

References

1. Bratus S.N. Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava [The Subject and System of Soviet Civil Law]. Moscow: Gosyurizdat, 1963. 196 p.
2. Ivanov A.A. Idei A.V. Venediktova i ikh otrazhenie v proekte izmenenii Grazhdanskogo kodeksa RF [Ideas of A.V. Venediktov and Their Reflection in the Draft Amendments to the Civil Code of the Russian Federation]. Zakon, 2013, no. 4, pp. 77–82.
3. Novitskaya T.E. Preemstvennost' v regulirovanii grazhdansko-pravovykh otnoshenii v rossiiskom dorevolyutsionnom i sovetskom zakonodatel'stve [Continuity in the Regulation of Civil Law Relations in Russian Pre-Revolutionary and Soviet Legislation]. Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN, 2017, no. 2, pp. 37–62.
4. Shkredov V.P. Ekonomika i pravo [Economics and Law]. Moscow: Ekonomika, 1967. 189 p.
5. Venediktov A.V. Gosudarstvennaya sotsialisticheskaya sobstvennost' [State Socialist Property]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1948. 837 p.
6. Venediktov A.V. Pravovaya priroda gosudarstvennykh predpriyatii [The Legal Nature of State Enterprises]. In: Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu [Selected Works on Civil Law]. Moscow: Statut, 2004. Vol. 1. 461 p.

7. Sukhanov E.A. Ostorozhno: grazhdansko-pravovye konstruktsii! [Caution: Civil Law Constructions!]. Zakonodatel'stvo, 2003, no. 9, pp. 60–65.
8. Ioffe O.S. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii «khozyaistvennogo prava» [Civil Legal Relationship. Critique of the Theory of “Economic Law”]. Moscow: Statut, 2000. 777 p.
9. Boldyrev V.A. Istoriya konstruktsii yuridicheskogo litsa nesobstvennika: etap stanovleniya [History of the Construction of a Legal Entity Non-Owner: The Stage of Formation]. Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii, 2011, no. 4, pp. 50–54.
10. Raevich S.I. O vneshnei storone grazhdanskogo kodeksa (sposob izlozheniya, sistema i ob"em ego) [On the External Side of the Civil Code (Method of Presentation, System and Its Volume)]. Sovetskoe pravo, 1926, no. 4, pp. 48–58.
11. Rybakov V.A. Sovetskoe pravo: preemstvennyi aspekt [Soviet Law: The Succession Aspect]. Sovremennoe pravo, 2009, no. 9, pp. 13–17.
12. Bratus S.N. Yuridicheskie litsa v sovetskom grazhdanskom prave (ponyatie, vidy, gosudarstvennye yuridicheskie litsa) [Legal Entities in Soviet Civil Law (Concept, Types, State Legal Entities)]. Moscow: Yurid. izd-vo Minyusta SSSR, 1947. 362 p.
13. Sukhanov E.A. Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatel'nyi ocherk [Property Law: A Scientific and Cognitive Essay]. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Statut, 2024. 440 p.
14. Novitskaya T.E. Nekotorye aspekty pravovogo regulirovaniya imushchestvennykh otnoshenii v pervoe desyatiletie sovetskoi vlasti [Some Aspects of Legal Regulation of Property Relations in the First Decade of Soviet Power]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo, 2017, no. 5, pp. 61–73.
15. Genkin D.M. Operativnoe upravlenie kak institut sovetskogo grazhdanskogo prava [Operational Management as an Institution of Soviet Civil Law]. Sovetskaya yustitsiya, 1963, no. 9, pp. 8–11.
16. Mozolin V.P. Grazhdanskoe pravo i khozyaistvennyi mekhanizm [Civil Law and the Economic Mechanism]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo, 1984, no. 5, pp. 19–28.
17. Basin Yu.G. Pravo sobstvennosti v usloviyakh perekhoda k rynochnoi ekonomike [Property Right in the Conditions of Transition to a Market Economy]. Pravovedenie, 1991, no. 4, pp. 95–102.
18. Martem'yanov V.S. Iz vystupleniya i tezisov [From the Speech and Theses]. In: Pravo sobstvennosti v SSSR [The Right of Property in the USSR]. Ed. by Yu.K. Tolstoy, V.F. Yakovlev. Moscow: Yurid. lit., 1989. 288 p.

Конституционные аспекты цифровой трансформации в управлении делами государства

Кузнецов Александр Александрович
кандидат юридических наук, доцент, Северо-Кавказский филиал «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева», altexru@mail.ru

В статье рассматриваются конституционные аспекты цифровой трансформации в управлении делами государства. Актуальность темы обусловлена тем, что цифровая трансформация публичной власти затрагивает реализацию конституционных прав, пределы усмотрения исполнительной власти, режим обращения с данными и механизмы судебной защиты. На основе современных российских публикаций 2021–2025 годов, а также официальных материалов Правительства России и Минцифры России показано, что цифровизация имеет двойственный эффект: она повышает доступность услуг и ускоряет административные процедуры, но одновременно усиливает риски непрозрачности алгоритмов, чрезмерной концентрации персональных данных, цифрового неравенства и ограничения обжалуемости управленческих решений. Сделан вывод, что цифровизация публичного управления допустима только при сохранении приоритета прав человека, законности, прозрачности и гарантированной судебной защиты.

Ключевые слова: цифровизация, государственное управление, цифровое государство, конституционные права, судебная защита, цифровой профиль, искусственный интеллект, алгоритмизация, публичная власть.

Цифровизация государственного управления в России перестала быть только техническим обновлением административных процедур. Сегодня она выступает как самостоятельный фактор преобразования публичной власти, поскольку меняет способы взаимодействия государства, гражданина и бизнеса, влияет на содержание управленческого решения и на критерии оценки его законности. Именно поэтому проблему цифровизации уже недостаточно рассматривать только в административно-правовом или организационном ключе: она требует конституционного анализа, поскольку затрагивает пределы власти, гарантии прав и само понимание современного правового государства [1].

Конституционный аспект данной темы проявляется прежде всего в том, что цифровая трансформация непосредственно связана с реализацией права на участие в управлении делами государства, права на обращение, права на защиту частной жизни, а также права на судебную защиту. В цифровой среде эти права получают новые формы осуществления, но одновременно становятся более зависимыми от технической инфраструктуры, алгоритмов отбора, идентификации личности и межведомственного обмена данными. Поэтому цифровизация не может рассматриваться как нейтральный процесс: она либо усиливает конституционные гарантии, либо постепенно подменяет их технологической целесообразностью [2].

Анализ литературы показывает, что в современной российской науке произошло существенное разграничение понятий «цифровизация», «цифровая трансформация» и «цифровое государство». Если ранние подходы делали акцент на переводе административных процедур в электронную форму, то более поздние работы исходят из того, что цифровая трансформация затрагивает саму логику управления, включая сбор, обработку и использование данных, перераспределение компетенций между человеком и системой, а также изменение способов принятия решений. В этом смысле цифровое право начинает рассматриваться не как приложение к традиционному праву, а как один из инструментов переосмысления организации публичной власти [3].

Важный результат состоит в том, что понятие «цифровое государство» уже не сводится к модели электронного правительства. В современных работах оно описывается как более сложная правовая конструкция, включающая платформенные сервисы, систему межведомственного обмена данными, цифровую идентификацию, автоматизированные элементы управления и новые формы коммуникации между государством и обществом. При этом исторический анализ показывает, что российская доктрина шла к этому понятию постепенно: от идеи информатизации управления к пониманию того, что цифровая среда начинает влиять на структуру государственного механизма и на саму юридическую природу власти [4].

С конституционной точки зрения особенно показательно изменение содержания политических прав. Цифровая среда расширяет возможности участия граждан в обсуждении публичных вопросов, в подаче инициатив, в коммуникации с органами власти и в получении социально значимой информации. Однако в то же время она создает новые фильтры доступа: уровень цифровой грамотности, техническая идентификация, устойчивость интернет-доступа, а иногда и зависимость от интерфейсов, спроектированных самой властью. Поэтому цифровые политические права нельзя понимать только как дополнение

к традиционным правам; это уже самостоятельный пласт конституционной проблематики, связанный с обеспечением реального, а не формального участия граждан в управлении делами государства [5].

Особое место в системе конституционных гарантий занимает право граждан на обращение. В условиях цифровизации именно оно стало одним из наиболее массовых каналов взаимодействия человека с государством. Электронные приемные, формы на официальных сайтах, личные кабинеты и интегрированные сервисы действительно упрощают доступ к органам власти и сокращают временные затраты. Но одновременно возникает риск, что чрезмерная формализация цифровой процедуры, технические ошибки, обязательность определенных форматов файлов, проблемная идентификация или автоматическая сортировка обращений фактически сузят содержание права, гарантированного Конституцией. По этой причине цифровая форма обращения должна рассматриваться как способ усиления конституционного права, а не как основание для его косвенного ограничения [6].

Не менее значимым результатом цифровизации является формирование института цифрового профиля гражданина. С одной стороны, такой профиль способен обеспечить бесшовное предоставление услуг, сократить количество повторно запрашиваемых документов, ускорить назначение выплат и сделать государство более сервисным. С другой стороны, концентрация большого массива данных в единой архитектуре повышает чувствительность системы к вопросам законности обработки информации, минимизации собираемых сведений и разграничения доступа должностных лиц. В конституционном измерении цифровой профиль затрагивает сразу несколько ценностей: частную жизнь, информационную автономию личности и обязанность государства обеспечивать человеку доступ к сведениям, влияющим на его права [7].

Развивая эту мысль, современные исследования подчеркивают, что цифровой профиль не должен превращаться в инструмент полного информационного «досье» на гражданина. Его правовая модель допустима только при соблюдении принципов целевого использования данных, информированности человека о составе обрабатываемых сведений, возможности корректировки ошибок и наличия понятной процедуры обжалования решений, принятых на основе профильных данных. В противном случае сервисность государства будет достигаться за счет ослабления личной автономии и расширения непрозрачного административного контроля, что трудно согласовать с конституционными принципами достоинства личности и равенства перед законом [8].

Существенный блок проблем связан с использованием искусственного интеллекта в деятельности органов власти. На практике речь идет не только о классическом ИИ, но и о более широком комплексе автоматизированных систем: прогнозировании рисков, интеллектуальной обработке обращений, распределении приоритетов, консультировании граждан через цифровых помощников, выявлении нарушений и формировании управленческих рекомендаций. Положительный эффект здесь очевиден: ускорение процедуры, повышение точности типовых операций, снижение нагрузки на аппарат управления. Но конституционно-правовой риск состоит в том, что вместе с автоматизацией возрастает дистанция между субъектом права и реальным центром принятия решения [9].

Именно поэтому в научной литературе все чаще подчеркивается принцип прозрачности автоматизированного принятия решений. Для конституционного государства важно не просто наличие цифрового результата, а возможность объяснить, почему именно такой результат был получен. Если гражданину отказано в услуге, повышен риск-профиль, ограничен доступ к административной процедуре или вынесено иное юридически значимое решение, он должен понимать, какие данные были использованы, какие критерии применялись и где проходит граница между машинной рекомендацией и человеческим усмотрением. Без такой объяснимости невозможно полноценно реализовать право на обжалование и право на судебную защиту [10].

Отсюда вытекает еще один важный вывод: внедрение ИИ в систему государственного управления нельзя регулировать только организационными актами и ведомственными экспериментами. Необходима более четкая правовая модель, определяющая пределы делегирования функций алгоритмам, ответственность за ошибки системы, правила документирования машинных решений и объем обязательного человеческого участия в делах, затрагивающих права и свободы. Иначе государство будет пользоваться преимуществами автоматизации, но правовые последствия ошибок останутся размытыми, что противоречит требованиям законности и подотчетности публичной власти [11].

Нормативное оформление цифровой трансформации в России в последние годы стало более последовательным. Стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления, сначала утвержденное в 2021 году, а затем обновленное в 2024 году, показывает переход от точечных цифровых решений к более системному проектированию управления на основе данных. Одновременно национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» закрепляет, что цифровизация рассматривается государством не только как административная модернизация, но и как механизм влияния на экономику, социальную сферу и качество публичных сервисов. В научной литературе это уже прямо связывается с понятием цифрового государства как новой стадии развития публичной власти [12].

С позиции конституционных основ судебной власти цифровизация государственного управления должна оцениваться через критерий судебной проверяемости любого юридически значимого решения. Это означает, что даже при полной внешней корректности цифрового сервиса у гражданина и организации должна сохраняться возможность оспорить не только итоговое решение, но и сам порядок его формирования: корректность исходных данных, логику алгоритма, законность автоматизированной классификации и полноту мотивировки. Иначе судебная защита превратится в формальность, а конституционный контроль над публичной властью ослабнет. По сути, суд в цифровом государстве становится не только арбитром спора, но и гарантом того, что технология не вытеснит право [10].

Российская практика уже показывает заметный социально-экономический эффект цифровизации. По данным Минцифры России, в мае 2025 года на портале Госуслуг было зарегистрировано более 112 млн граждан, а только за I квартал 2025 года через портал подано свыше 218 млн заявок на оказание услуг; ранее Правительство сообщало, что с января по июль 2023 года гражданами было подано 336 млн заявлений на Госуслугах. Кроме того, в ежегодном отчете Правительства за 2023 год подчеркивалось, что около 35 млн граждан получают адресные выплаты автоматически или на основании одного дистанционного заявления. Эти показатели позволяют сделать вывод, что цифровизация уже реально снижает издержки взаимодействия с государством, влияет на рынок услуг, занятость, социальные выплаты и в целом на повседневную экономику домохозяйств [13], [14].

Для бизнеса значение цифровой трансформации также велико. Цифровые механизмы контроля, подачи отчетности, регистрации прав, получения разрешений и взаимодействия с надзорными органами способны сокращать административную нагрузку и повышать предсказуемость деловой среды. В этом смысле показательно, что, по сводному докладу о государственном контроле в Российской Федерации за 2024 год, количество проверок находится на историческом минимуме и в 2024 году их было проведено меньше, чем даже в 2020 году. Однако переход к риск-ориентированному и датацентричному надзору не устраняет проблему возможной ошибки системы: если цифровой профиль бизнеса сформирован неверно, последствия могут затронуть свободу экономической деятельности, деловую репутацию и доступ к рынку. Поэтому цифровое снижение нагрузки на бизнес должно обязательно сопровождаться реальной судебной обжалуемостью решений и корректировкой ошибочных данных [15].

На мой взгляд, именно здесь проявляется главное противоречие современной модели цифрового государства. Государство стремится быть быстрым, бесшовным и предиктивным, а Конституция требует, чтобы власть оставалась ограниченной, понятной и проверяемой. Согласовать эти начала можно только через систему правовых принципов: законность цифрового решения, соразмерность обработки данных, технологическую нейтральность, равный доступ к цифровым сервисам, обязательное участие человека в социально значимых решениях, обязанность объяснения алгоритмического результата и безусловное сохранение эффективной судебной защиты. Тогда цифровизация станет не механизмом усиления административного контроля, а формой развития конституционного государства [16].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что цифровизация государственного управления в Российской Федерации уже стала глубокой институциональной трансформацией, затрагивающей не только административную технику, но и конституционную архитектуру публичной власти. Ее правомерность должна оцениваться не по количеству цифровых сервисов и не по скорости обмена данными, а по тому, усиливает ли она гарантии прав человека, делает ли власть более подотчетной и сохраняет ли полноценную судебную защиту. Именно в таком понимании цифровое государство может быть совместимо с принципами правового и демократического государства [17].

В российской модели уже есть очевидные достижения: массовое использование Госуслуг, сокращение числа очных административных процедур, развитие межведомственного обмена данными и сервисный поворот в предоставлении социальных мер. Но одновременно сохраняются серьезные проблемы: непрозрачность алгоритмов, фрагментарность регулирования ИИ, уязвимость режима персональных данных, цифровое неравенство и риск формальной, а не реальной обжалуемости решений. Поэтому дальнейшая цифровизация государственного управления должна сопровождаться именно конституционализацией цифровых практик, а главным гарантом этой конституционализации должна оставаться судебная власть [6].

Литература

1. Алферов О. Л. Цифровые технологии в государственном управлении: правовые аспекты / О. Л. Алферов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. 2021. № 3. С. 220–228.
2. Клишас А. А. Цифровизация и конституционно-правовое регулирование: теоретико-правовое осмысление / А. А. Клишас // Журнал конституционного правосудия. 2023. № 4. С. 9–15.
3. Евсиков К. С. Цифровое право в цифровом государстве / К. С. Евсиков // Право и государство: теория и практика. 2022. № 5 (209). С. 131–134.
4. Шабаева О. А. История развития правовой концепции «цифровое государство» в России / О. А. Шабаева // Сибирский юридический вестник. 2024. № 3 (106). С. 17–24.
5. Егупова М. А., Егупов А. В. Цифровые политические права как новая реальность цифрового публично-правового пространства: политико-правовой аспект / М. А. Егупова, А. В. Егупов // Южно-российский журнал социальных наук. 2023. Т. 24. № 2. С. 65–77.
6. Кожевников О. А., Савоськин А. В., Мещерягина В. А. Цифровая трансформация конституционного права граждан на обращение / О. А. Кожевников, А. В. Савоськин, В. А. Мещерягина // Правоприменение. 2025. Т. 9. № 3. С. 32–43.
7. Какохо Т. Г. Правовые основы единого цифрового профиля гражданина / Т. Г. Какохо // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11. № 3 (43). С. 80–90.
8. Попова С. С., Беденкова А. С. Цифровой профиль: определение и применение в государственном управлении / С. С. Попова, А. С. Беденкова // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2024. № 1. С. 98–120.
9. Брычеев А. С. Применение искусственного интеллекта в органах государственной власти: вызовы и перспективы / А. С. Брычеев // Вестник евразийской науки. — 2024. — Т. 16. — № s6. — URL: https://esj.today/PDF/11FAVN624.pdf (дата обращения 26.04.26).
10. Кабытов П. П., Назаров Н. А. Прозрачность государственного управления в условиях автоматизированного принятия решений / П. П. Кабытов, Н. А. Назаров // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. № 3. С. 28–55.
11. Буньков А. В., Репин Д. А., Щеголев П. Е. Правовые проблемы внедрения ИИ-технологий в систему государственного управления и администрирования: российский и международный опыт / А. В. Буньков, Д. А. Репин, П. Е. Щеголев // Социология и право. 2025. № 3. С. 386–396. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.10.2021 № 2998-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления». URL: https://government.ru/docs/all/137180/ (дата обращения 25.04.26).
12. Рыжова А. А. Цифровое государство: понятие и его правовое значение / А. А. Рыжова // Наука. Общество. Государство. 2025. Т. 13. № 4 (52). С. 80–90.
13. На портале Госуслуг зарегистрировались более 112 млн граждан // Минцифры России. 15.05.2025. URL: https://digital.gov.ru/news-media/na-portale-gosuslug-zaregistrirovalis-bolee-112-mln-grazhdan (дата обращения 25.04.26).
14. Ежегодный отчёт Правительства в Государственной Думе // Правительство России. 23.03.2023. URL: https://government.ru/news/48055/ (дата обращения 25.04.26).
15. Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2024 году // Правительство России. 18.06.2025. URL: https://government.ru/info/55375/ (дата обращения 25.04.26).
16. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». URL: https://government.ru/rugovclassifier/923/ about/ (дата обращения 25.04.26).

17. Романовская О. В. Правовые основы цифрового государства / О. В. Романовская // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12. № 2. С. 76–85.

Constitutional aspects of digital transformation in state governance

Kuznetsov A.A.
North Caucasus Branch of the V.M. Lebedev Russian State University of Justice

This article examines the constitutional aspects of digital transformation in public administration. The topic is relevant because the digital transformation of public authority affects the exercise of constitutional rights, the scope of executive discretion, data handling, and judicial protection mechanisms. Based on current Russian publications from 2021–2025, as well as official materials from the Russian Government and the Ministry of Digital Development, Communications, and Mass Media, it is shown that digitalization has a dual effect: it improves the accessibility of services and speeds up administrative procedures, but simultaneously increases the risks of algorithmic opacity, excessive concentration of personal data, digital inequality, and limited appealability of administrative decisions. It is concluded that digitalization of public administration is permissible only if the priority of human rights, the rule of law, transparency, and guaranteed judicial protection are maintained.

Keywords: digitalization, public administration, digital state, constitutional rights, judicial protection, digital profile, artificial intelligence, algorithmization, public authority.

References

1. Alferov, O. L. Digital Technologies in Public Administration: Legal Aspects. Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law. 2021, No. 3, pp. 220–228.
2. Klishas, A. A. Digitalization and Constitutional-Legal Regulation: Theoretical and Legal Understanding. Journal of Constitutional Justice. 2023, No. 4, pp. 9–15.
3. Evsikov, K. S. Digital Law in a Digital State. Law and State: Theory and Practice. 2022, No. 5 (209), pp. 131–134.
4. Shabaeva O. A. History of the development of the legal concept of “digital state” in Russia / O. A. Shabaeva // Siberian Legal Bulletin. 2024. No. 3 (106). pp. 17–24.
5. Egupova M. A., Egupov A. V. Digital political rights as a new reality of the digital public legal space: political and legal aspect / M. A. Egupova, A. V. Egupov // South Russian Journal of Social Sciences. 2023. T. 24. No. 2. P. 65–77.
6. Kozhevnikov O. A., Savoskin A. V., Meshcheryagina V. A. Digital transformation of the constitutional right of citizens to appeal / O. A. Kozhevnikov, A. V. Savoskin, V. A. Meshcheryagina // Law enforcement. 2025. Vol. 9. No. 3. Pp. 32–43.
7. Kakokho T. G. Legal Foundations of a Unified Digital Profile of a Citizen / T. G. Kakokho // Science. Society. State. 2023. Vol. 11. No. 3 (43). Pp. 80–90.
8. Popova S. S., Bedenkova A. S. Digital Profile: Definition and Application in Public Administration / S. S. Popova, A. S. Bedenkova // Bulletin of Moscow University. Series 21. Management (State and Society). 2024. No. 1. Pp. 98–120.
9. Brycheev A. S. Application of Artificial Intelligence in Government Bodies: Challenges and Prospects / A. S. Brycheev // Bulletin of Eurasian Science. — 2024. — Vol. 16. — No. s6. — URL: https://esj.today/PDF/11FAVN624.pdf (date of access 04/26/26).
10. Kabitov P. P., Nazarov N. A. Transparency of public administration in the context of automated decision-making / P. P. Kabitov, N. A. Nazarov // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2025. No. 3. Pp. 28–55.
11. Bunkov A. V., Repin D. A., Shchegolev P. E. Legal problems of introducing AI technologies into the system of public administration and governance: Russian and international experience / A. V. Bunkov, D. A. Repin, P. E. Shchegolev // Sociology and Law. 2025. No. 3. Pp. 386–396. Order of the Government of the Russian Federation of October 22, 2021 No. 2998-r "On Approval of the Strategic Direction in the Field of Digital Transformation of Public Administration." URL: https://government.ru/docs/all/137180/ (accessed April 25, 2026).
12. Ryzhova, A. A. Digital State: Concept and Its Legal Significance. A. A. Ryzhova // Science. Society. State. 2025. Vol. 13. No. 4 (52). Pp. 80–90.
13. Over 112 Million Citizens Have Registered on the State Services Portal // Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. May 15, 2025. URL: https://digital.gov.ru/news-media/na-portale-gosuslug-zaregistrirovalis-bolee-112-mln-grazhdan (accessed on April 25, 2026).
14. Annual report of the Government to the State Duma // Government of the Russian Federation. March 23, 2023. URL: https://government.ru/news/48055/ (accessed on April 25, 2026).
15. Consolidated report on state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation in 2024 // Government of the Russian Federation. June 18, 2025. URL: https://government.ru/info/55375/ (accessed on April 25, 2026).
16. National project "Data Economy and Digital Transformation of the State". URL: https://government.ru/rugovclassifier/923/about/ (date of access 25.04.26).
17. Romanovskaya, O. V. Legal Foundations of the Digital State / O. V. Romanovskaya // Science. Society. State. 2024. Vol. 12. No. 2. Pp. 76–85.

Ограничения дееспособности граждан в советском праве: идеологический контекст и рецепция в современном законодательстве

Мошкова Анастасия Дмитриевна
студент, Ишимский педагогический институт им П.П. Ершова (филиал), Тюменский государственный университет,

Заворохина Наталья Сергеевна
старший преподаватель, Ишимский педагогический институт им П.П. Ершова (филиал), Тюменский государственный университет, co-ishim@yandex.ru,

Оськина Арина Александровна
учащаяся, Муниципальный автономный образовательный учреждения средняя общеобразовательная школа № 1 г. Ишима

В работе исследуется институт ограничения дееспособности граждан в советском праве, его нормативно-правовая база и идеологическое сопровождение. Анализируются законодательные акты СССР, устанавливавшие возможность ограничения дееспособности лиц, злоупотреблявших спиртными напитками или наркотическими средствами (статья 16 ГК РСФСР 1964 г.), а также механизмы реализации таких ограничений через органы опеки и попечительства.
Особое внимание уделяется эволюции подходов к регулированию дееспособности: от жёстких мер советского периода до гуманизации норм в постсоветский период и их последующей трансформации в действующем Гражданском кодекса РФ. На основе сравнительного анализа трех этапов — советского, постсоветского (до реформы 2013 года) и современного (после вступления в силу Федерального закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ) — прослеживается рецепция советских правовых конструкций, выявляются как сохранившиеся элементы, так и принципиальные новеллы, включая расширение оснований ограничения дееспособности за счет пристрастия к азартным играм и психических расстройств. Сопоставляются правовые цели, условия и процедуры ограничения дееспособности в советский и современный периоды. Выявляются преемственность отдельных механизмов и принципиальные отличия, связанные с изменением ценностных ориентиров и усилением защиты прав личности.
Ключевые слова: дееспособность, ограничение дееспособности, советское право, идеологический контекст правоприменения, злоупотребление спиртными напитками, асоциальное поведение, органы опеки и попечительства, рецепция права, гражданское законодательство РФ, статья 30 ГК РФ, защита прав личности, социальная дисциплина.

Введение

Проблема ограничения дееспособности граждан затрагивает фундаментальные вопросы соотношения интересов личности и общества, баланса между свободой индивида и необходимостью защиты окружающих. Особого внимания заслуживает изучение подходов к ограничению дееспособности в случаях, когда поведение человека не связано с психическими расстройствами, но наносит ущерб его семье вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами.

В советском праве институт ограничения дееспособности формировался в специфических социально-политических условиях. Идеологические установки того времени предполагали приоритет коллективных интересов над индивидуальными, а правовая система была ориентирована на активное вмешательство государства в жизнь граждан для поддержания «правильных» морально-нравственных ориентиров. В этих рамках законодатель предусматривал механизмы ограничения дееспособности лиц, чьё поведение считалось социально опасным и противоречащим нормам социалистического общежития.

Используемый в статье термин «морально-нравственные основания» относится к идеологическому контексту советской правоприменительной практики, а не к формальному юридическому составу (статья 16 ГК РСФСР 1964 г.: злоупотребление спиртными напитками или наркотическими средствами, повлёкшее тяжёлое материальное положение семьи).

Материал и методы исследования

Нормативно-правовую базу исследования составили:

-Гражданский кодекс РСФСР 1964 года (в части норм об ограничении дееспособности); иные законодательные акты СССР и РСФСР, регулирующие вопросы опеки и попечительства; подзаконные акты (постановления Совета Министров, инструкции министерств), конкретизирующие порядок применения норм об ограничении дееспособности; ведомственные акты органов юстиции и здравоохранения, регламентирующие порядок проведения медицинских освидетельствований.

-Нормативно-правовая база современной России: Гражданский кодекс РФ (ст. 29, 30 ГК РФ); Гражданский процессуальный кодекс РФ (гл. 31 ГПК РФ); Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 № 48-ФЗ; постановления Правительства РФ, регулирующие деятельность органов опеки; приказы Министерства юстиции и Министерства здравоохранения РФ.

Для достижения поставленных целей и решения задач исследования применён комплекс научных методов:

Историко-правовой метод — позволил проследить эволюцию норм об ограничении дееспособности по морально-нравственным основаниям от советского периода до современности, выявить причины изменений и преемственность подходов.

Сравнительно-правовой метод — использован для сопоставления: норм ГК РСФСР 1964 г. и ГК РФ (ст. 30) в различных редакциях в части оснований и порядка ограничения дееспособности; судебной практики советского и современного периодов; подходов к определению «злоупотребления» как основания для ограничения дееспособности.

Формально-юридический метод — дал возможность: проанализировать тексты нормативных актов и выявить

их смысловые и терминологические различия; определить юридическую технику закрепления норм об ограничении дееспособности в разные периоды; уточнить содержание ключевых понятий («злоупотребление спиртными напитками», «тяжёлое материальное положение семьи» и др.).

Системный метод — помог оценить институт ограничения дееспособности как элемент системы гражданского права, его взаимосвязь с институтами опеки, попечительства и защиты прав граждан.

Социологический метод (анализ статистических данных и судебной практики) — позволил: выявить частоту применения норм об ограничении дееспособности на разных этапах; оценить эффективность механизмов защиты интересов семьи и общества через ограничение дееспособности; проследить динамику изменения подходов судов к оценке доказательств по данной категории дел.

Метод правового моделирования — использовался для построения гипотетических сценариев применения норм советского права в современных условиях и оценки их потенциальной эффективности.

Метод контент-анализа — применён при изучении научных публикаций, судебных решений и статистических отчётов для выявления ключевых тенденций, и проблемных аспектов в сфере ограничения дееспособности.

Сочетание этих методов обеспечило комплексный подход к исследованию, позволив не только описать эволюцию института ограничения дееспособности, но и выявить закономерности его рецепции в современном законодательстве.

Результаты и обсуждения

В ходе комплексного анализа института ограничения дееспособности с учетом его идеологического контекста выявлены следующие ключевые результаты. Для системного представления эволюции института целесообразно выделить три хронологических этапа.

Первый этап — советский (ГК РСФСР 1964 г.). Ограничение дееспособности осуществлялось только в судебном порядке с соответствии со ст. 258 ГПК РСФСР 1964 г. Ограничение дееспособности допускалось в отношении лиц, злоупотреблявших спиртными напитками или наркотическими средствами, если это ставило их семью в тяжёлое материальное положение. Вопреки распространенному мнению, пристрастие к азартным играм в рассматриваемый период времени не входило в число оснований для ограничения дееспособности. Формальным юридическим основанием выступал именно имущественный вред семье. Идеологические оценки поведения как противоречащего нормам социалистического общежития могли влиять на правоприменительную практику, но не были закреплены в законе. Трудовые коллективы и общественные организации могли лишь инициировать судебный процесс, но не подменять собой судебное рассмотрение. В научных комментариях к ГК РСФСР 1964 г. и партийных документах того периода ограничение дееспособности нередко связывалось с задачами перевоспитания и укрепления социалистической дисциплины, хотя в тексте закона такая цель прямо не была зафиксирована.

Второй этап — постсоветский (ст. 30 ГК РФ в редакции, действовавшей до 1 марта 2013 г.). Современное законодательство сохранило аналогичные основания, но уточнило формулировки: речь идёт о «злоупотреблении спиртными напитками или наркотическими средствами», критерий «тяжёлого материального положения семьи» остался ключевым. Акцент смещен на защиту имущественных интересов семьи и самого гражданина, что отражает переход к приоритету частноправовых интересов при сохранении элементов социальной защиты — в частности, в форме установления попечительства и контроля за расходованием денежных средств. Круг заявителей был сужен: исключены трудовые коллективы и общественные организации.

Третий этап — современный (после реформы 2013 г.). Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ (вступил в силу с 01.03.2013 г.) ст. 30 ГК РФ была существенно дополнена. Помимо злоупотребления спиртным и напитками или наркотическими средствами, в основание ограничения дееспособности включены: пристрастие к азартным играм и психические расстройства (не являющиеся основанием для признания гражданина недееспособным). Таким образом, законодатель отошел от узкой «алкогольной» модели советского периода, признавая многообразие факторов, разрушающих семейный бюджет. При этом классическая модель ограничения вследствие злоупотребления алкоголем и наркотиками сохранена и получила развитие в контексте новых составов.

В СССР процедура ограничения дееспособности была более публичной: значительную роль играли органы опеки, трудовые коллективы и общественные организации, которые могли инициировать процесс. В современном законодательстве круг заявителей расширен по сравнению с первоначальной редакцией ГПК РФ. В соответствии со ст. 281 и ст. 286 ГПК РФ заявление в суд могут подать члены семьи, орган опеки и попечительства, медицинские организации, оказывающие психиатрическую помощь, а также стационарные организации социального обслуживания, предназначенные для лиц, страдающих психическими расстройствами. Участие трудовых коллективов, также как и общественных организаций, в качестве инициаторов данного процесса исключено.

Анализ архивных дел советского периода показал, что суды чаще удовлетворяли заявления об ограничении дееспособности, опираясь на свидетельские показания и характеристики с места работы.

Рецепция советских норм в современном российском законодательстве представляет собой не механическое копирование, а сложный процесс переосмысления и адаптации правовых институтов к новым социально-правовым реалиям. Рассмотрим его ключевые аспекты подробно.

В действующем ГК РФ прослеживаются прямые преемственные связи с нормами ГК РСФСР 1964 г.:

Основания ограничения дееспособности. Сохранился основной критерий — злоупотребление веществами, наносящее ущерб семье. В советском праве это было «злоупотребление спиртными напитками или наркотическими средствами» (ст. 16 ГК РСФСР 1964 г.). В современном — «злоупотребление спиртными напитками или наркотическими средствами» (п.1 ст. 30 ГК РФ). При этом советское законодательство не предусматривало ограничения дееспособности вследствие пристрастия к азартным играм. Данное основание появилось лишь в 2013 году, что отражает изменение социальных рисков.

Цель института в советской, и в современной модели основной целью выступает защита имущественных интересов семьи. Ограничение дееспособности предотвращает растрату средств, необходимых для содержания членов семьи. Следует отметить, что в современном праве последствия, наступающие в результате ограничения дееспособности, дифференцированы: для лиц с психическими расстройствами (п.2 ст. 30 ГК РФ) устанавливается более щадящий режим - попечитель лишь даёт согласие на сделки, но распоряжается своими доходами гражданин самостоятельно (за исключением случае, когда суд ограничивает его в этом праве).

Судебный порядок. Процедура всегда осуществляется через суд, что гарантирует соблюдение процессуальных гарантий и объективную оценку обстоятельств дела.

Многие положения подверглись существенной переработке. Круг заявителей: в советский период инициировать дело могли: члены семьи; органы опеки и попечительства; трудовые коллективы; общественные организации. В современной системе (ст. 281, 286 ГПК РФ) круг сужен до: членов семьи; органов опеки и попечительства; медицинских организаций, оказывающих психиатрическую помощь, а также стационарных организаций социального обслуживания. Исключение трудовых коллективов и общественных организаций соответствует принципам приватности и автономии личности в демократическом обществе.

Доказательственная база. В СССР суды часто опирались на: характеристики с места работы; свидетельские показания соседей и коллег; акты общественных комиссий. Сегодня обязательными стали: медицинские заключения о наличии зависимости; финансовые документы, подтверждающие ухудшение материального положения семьи; справки о доходах и расходах. Это повысило объективность решений, но усложнило процесс доказывания.

Критерии оценки поведения. В советском праве акцент делался на «социальную опасность» поведения, противоречащего нормам социалистического общежития. В современном праве критерием выступает конкретный вред — «тяжёлое материальное положение семьи», вызванное злоупотреблением.

Некоторые советские нормы не нашли отражения в современном законодательстве:

1. Идеологическая риторика. Из правовых актов исчезли формулировки о «противоречии нормам социалистического образа жизни», «социальной опасности для коллектива» и т.п. Правовая система перешла к нейтральным юридическим критериям.

2. Упрощённый порядок. Утверждение о наличии административного порядка ограничения дееспособности в советский период является ошибочным. Ограничение дееспособности всегда осуществлялось только судом (ст. 16 ГК РСФСР 1964 г., ст. 258 ГПК РСФСР 1964 г.) Общественные организации и трудовые коллективы могли лишь инициировать судебный процесс, но не подменять его.

3. Коллективное участие. Роль трудовых коллективов и общественных организаций в инициировании и рассмотрении дел полностью устранена.

4. Профилактическая направленность. В СССР ограничение дееспособности рассматривалось как мера перевоспитания. В современной модели акцент сделан исключительно на защиту имущественных интересов.

Современный институт обогатился положениями, отсутствовавшими в советском праве:

1. Чёткие процессуальные гарантии. ГПК РФ детально регламентирует порядок рассмотрения дел (гл. 31), включая требования к заявлению, круг доказательств, сроки рассмотрения;

2. Расширение субъектного состава. Современное законодательство предусматривает возможность обращения в суд вышеуказанных медицинских организаций и стационарных организаций;

3. Связь с иными правовыми институтами. Ограничение дееспособности в действующем законодательстве рассматривается не изолированно, а во взаимосвязи с другими гражданско-правовыми механизмами ;

4. Дифференциация правовых последствий. В отличие от советского периода, где последствия ограничения дееспособности носили более унифицированный характер, современный подход позволяет учитывать конкретные обстоятельства дела;

5. Преемственность правового регулирования. Несмотря на изменение политической и правовой системы, институт ограничения дееспособности сохранил основные структурные элементы и ключевую направленность;

6. Адаптация к современным реалиям. Современное законодательство устранило избыточную идеологизацию норм, сделав акцент на юридических критериях (доказанность вреда, соблюдение процессуальных гарантий). Это повысило правовую определённость и снизило риск произвольного применения мер.

7. Доказывание «тяжёлого материального положения». Суды по-разному трактуют этот критерий: в одних случаях достаточно снижения доходов, в других требуется подтверждение угрозы выживания семьи. Необходима унификация подходов.

8. Роль медицинских заключений. В современной практике они стали обязательными, но не всегда отражают связь между злоупотреблением и материальным ущербом. Требуется уточнение требований к экспертизе.

9. Защита прав ограниченно дееспособных. Попечительство ограничивает правоспособность, но не устраняет риск манипуляций со стороны попечителей. Нужны дополнительные механизмы контроля за их действиями.

10. Эффективность рецепции. Перенос советских норм в ГК РФ оказался частично успешным: сохранена базовая логика защиты семьи, но устранены архаичные элементы. Однако пробелы в регулировании (например, отсутствие чётких критериев «злоупотребления») создают сложности в правоприменении.

Выводы

Проведённое исследование института ограничения дееспособности граждан в советском праве (с учётом его идеологического контекста) и его рецепции в современном законодательстве позволило сформировать целостное представление о развитии данного правового механизма.

Анализ нормативно-правовой базы советского периода (прежде всего, ГК РСФСР 1964 г.) показал, что ограничение дееспособности применялось как мера социальной защиты коллектива и семьи. Формальным основанием служило злоупотребление спиртными напитками или азартными играми, если это ставило семью в тяжёлое материальное положение. При этом в тексте закона отсутствовали указания на азартные игры — данное основание появилось только в 2013 году. Идеологическая обусловленность в правоприменении проявлялась в том числе как инструмент поддержания «правильного поведения», соответствующего нормам социалистического общежития. Государство активно вмешивалось в личную жизнь граждан, а инициировать процесс могли не только члены семьи и органы опеки, но и трудовые коллективы, общественные организации.

Современное российское законодательство сохранило базовые элементы советского института, но существенно трансформировало их, отказавшись от идеологического сопровождения. Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ (вступил в силу с 01.03.2013) ст. 30 ГК РФ была дополнена новыми основаниями — пристрастием к азартным играм и психическими расстройствами. Основание, связанное со злоупотреблением алкоголем и наркотиками, сохранено. Таким образом, классическая модель ограничения дееспособности в современном российском праве не была утрачена. Напротив, она сохранила свою основную направленность и получила дальнейшее развитие за счёт расширения круга оснований для применения данной меры.

Рецепция советских правовых конструкций не свелась к их прямому заимствованию. Скорее, она представляла собой переработку прежних подходов с учётом изменившихся социально-правовых условий.

Анализ судебной практики показывает, что при всех изменениях сохраняется преемственность в целевой направленности данного института. Как в советский, так и

в современный период ограничение дееспособности прежде всего служит защите имущественных интересов семьи. Однако подходы к её реализации изменились:

Исследование позволило выявить ключевые проблемы рецепции и правоприменения:

1. Нечёткость правовых критериев. Понятия «злоупотребление» и «тяжёлое материальное положение семьи» не имеют однозначного толкования. Суды применяют их по-разному: в одних случаях достаточно снижения доходов, в других требуется подтверждение угрозы выживания семьи.

2. Дисбаланс в доказывании. Медицинские заключения часто не отражают связь между зависимостью и материальным ущербом. Финансовые документы могут не учитывать скрытые расходы (лечение, погашение долгов, расходы на содержание зависимого лица).

3. Защита прав ограниченно дееспособных. Попечительство ограничивает дееспособность, но не исключает риска злоупотреблений со стороны попечителей, особенно если они заинтересованы в имуществе подопечного

4. Отсутствие превентивных мер. Современное законодательство не предусматривает механизмов предупреждения злоупотребления до наступления тяжёлых последствий. Целесообразно разработать систему профилактических мер – консультативную помощь, социальную поддержку, при первых признаках проблемного поведения.

5. Разрозненность норм. Положения об ограничении дееспособности разбросаны по разным законам (ГК РФ, ГПК РФ, ФЗ «Об опеке и попечительстве»), что затрудняет их комплексное применение.

Таким образом, эволюция института ограничения дееспособности демонстрирует отказ от идеологически окрашенных мер воздействия в пользу частноправовых механизмов защиты. Вместе с тем расширение оснований ограничения (включение азартных игр и психических расстройств) свидетельствует о том, что советская модель послужила базой для более гибкого и дифференцированного подхода, учитывающего многообразие социальных угроз современного общества. Дальнейшее совершенствование законодательства должно быть направлено на унификации критериев оценки материального ущерба, усиление контроля за деятельностью попечителей и внедрение превентивных механизмов социального сопровождения.

Литература

1. ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИУчредители:Адыгейский государственный университет, Общество с ограниченной ответственностью "Наука и образование" https://elibrary.ru/item.asp?id=27207852 (дата обращения 15.02.2026)
2. ВЕКТОР НАУКИ ТОЛЬЯТТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ Учредители:Тольяттинский государственный университет https://elibrary.ru/item.asp?id=21322442 (дата обращения 13.02.2026)
3. Юридическая наука. № 6-2024 : Периодическое издание / под. ред. С.Ю. Кашкин — Москва : Русайнс, 2024. — 402 с. — ISSN 2220-5500. — URL: https://book.ru/book/955546 (дата обращения: 23.03.2026).
4. Актуальные проблемы современной юридической науки и практики. Сборник статей по итогам XIX Международной научно-практической студенческой конференции. Часть 3 : сборник статей / ; под ред. Е. Е. Черных, М. В. Барановой, К. В. Каргина, Коллектив авторов. — Москва: Русайнс, 2023. — 321 с. — ISBN 978-5-466-05446-0. — URL: https://book.ru/book/952964 (дата обращения: 23.03.2026).
5. Материалы всероссийской научно-практической конференции «Конституция Российской Федерации как фундамент российской правовой системы» : сборник статей / ; под общ. ред. И. А. Аксенова, О. Н. Дядькина, Коллектив авторов. — Москва: Русайнс, 2024. — 307 с. — ISBN 978-5-466-06156-7. — URL: https://book.ru/book/953598 (дата обращения: 23.03.2026)
6. Алексеенко, И. В. Эволюция правового понятия дееспособности в российском законодательстве / И. В. Алексеенко // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. Право. — 2019. — № 2 (56). — С. 115–122. https://law-journal.omsu.ru/ (дата обращения 19.04.2026)
7. Борисова, Е. А. Проблемы правового регулирования сделок с участием лиц, ограниченных в дееспособности / Е. А. Борисова // Юрист. — 2020. — № 3. — С. 45–52. https://kpfu.ru/portal/docs/F_773292146/157_6_gum_18.pdf(дата обращения 18.04.2026)
8. Зайцева, Л. Н. Правовая защита интересов недееспособных граждан: история и современность / Л. Н. Зайцева // Правоведение. — 2018. — № 4. — С. 102–115. https://cyberleninka.ru/article/n/formy-primeneniya-truda-nedeesposobnogo-rabotnika дата обращения 10.04.2026)

Limitations of the legal capacity of citizens in Soviet law: ideological context and reception in modern legislation

Moshkova A.D., Zavorokhina N.S., Oskina A.A.

Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) Tyumen State University, Municipal Autonomous Educational Institution Secondary School No. 1 in Ishim

The paper examines the institution of restricting the legal capacity of citizens in Soviet law, its legal framework, and its ideological support. It analyzes the legislative acts of the USSR that established the possibility of restricting the legal capacity of individuals who abused alcohol or drugs (Article 16 of the Civil Code of the RSFSR of 1964), as well as the mechanisms for implementing such restrictions through the guardianship and trusteeship bodies. Special attention is given to the evolution of approaches to regulating legal capacity, from the strict measures of the Soviet period to the humanization of norms in the post-Soviet period and their subsequent transformation in the current Civil Code of the Russian Federation. Based on a comparative analysis of three stages — the Soviet, post-Soviet (before the 2013 reform), and modern (after the entry into force of Federal Law No. 302-FZ of December 30, 2012) — the article traces the reception of Soviet legal constructs and identifies both preserved elements and fundamental novelties, including the expansion of the grounds for restricting legal capacity due to gambling addiction and mental disorders. The article compares the legal goals, conditions, and procedures for restricting legal capacity in the Soviet and modern periods. The article identifies the continuity of certain mechanisms and the fundamental differences associated with changes in values and increased protection of individual rights.

Keywords: legal capacity, restriction of legal capacity, Soviet law, ideological context of law enforcement, alcohol abuse, antisocial behavior, guardianship and trusteeship bodies, legal reception, civil legislation of the Russian Federation, Article 30 of the Civil Code of the Russian Federation, protection of individual rights, social discipline.

References

1. HUMANITARIAN, SOCIO-ECONOMIC AND PUBLIC SCIENCEfounders:Adygea State University, Limited Liability Company "Science and Education" https://elibrary.ru/item.asp?id=27207852 (accessed 02/15/2026)
2. VECTOR OF SCIENCE OF TOLYATTI STATE UNIVERSITY. SERIES: LEGAL SCIENCES Founders:Tolyatti State University https://elibrary.ru/item.asp?id=21322442 (accessed 13.02.2026)
3. Legal science. No. 6-2024 : Periodical / edited by S.Y. Kashkin — Moscow : Rusains, 2024. — 402 p. — ISSN 2220-5500. — URL: https://book.ru/book/955546 (date of reference: 03/23/2026).
4. Actual problems of modern legal science and practice. Collection of articles based on the results of the XIX International Scientific and Practical Student Conference. Part 3 : collection of articles / ; edited by E. E. Chernykh, M. V. Baranova, K. V. Kargin, Team of authors. — Moscow: Rusains, 2023. — 321 p. — ISBN 978-5-466-05446-0. — URL: https://book.ru/book/952964 (date of request: 03/23/2026).
5. Materials of the All-Russian scientific and practical conference "The Constitution of the Russian Federation as the foundation of the Russian legal system" : collection of articles / ; under the general editorship of I. A. Aksenov, O. N. Dyadkin, Team of authors. — Moscow: Rusains, 2024. — 307 p. — ISBN 978-5-466-06156-7. — URL: https://book.ru/book/953598 (date of request: 03/23/2026)

Направления совершенствования практики прокурорского надзора за исполнением законодательства при приёме в гражданство Российской Федерации

Постнова Маргарита Витальевна
аспирант, кафедра организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, МГЮА, margosa998@gmail.com

В статье исследованы направления совершенствования практики прокурорского надзора за исполнением законодательства при приёме в гражданство Российской Федерации. Актуальность темы связана с обновлением законодательства о гражданстве, усложнением миграционных процедур, расширением межведомственного информационного обмена и ростом значения законности при решении вопросов натурализации. Научная новизна состоит в рассмотрении прокурорского надзора как специализированной деятельности, ориентированной на стадии приёма в гражданство: подачу заявления, проверку документов, оценку соблюдения условий, принятие решения и реагирование на нарушения. Цель статьи — обосновать организационно-правовые направления повышения результативности надзора. Использованы анализ научных публикаций, сравнительный анализ, обобщение, классификация и логико-аналитический метод. Изучены труды по гражданству, миграционному контролю, защите прав иностранных граждан, цифровизации прокурорской деятельности. Аналитическая часть раскрывает риск-ориентированную модель надзора, межведомственную координацию, цифровую проверку данных и профилактику нарушений. Практическая полезность результатов связана с возможностью применения предложенных положений при планировании проверок и подготовке актов прокурорского реагирования.

Ключевые слова: прокурорский надзор, приём в гражданство, гражданство Российской Федерации, миграционное законодательство, иностранные граждане, натурализация, межведомственный обмен, цифровизация надзора, законность, прокурорское реагирование.

RETRACTED
Ретракция оформлена по решению редакции журнала.
Причина: «технические ошибки, допущенные при издании по вине редакции»
Ретракция по запросу автора

Введение

Приём в гражданство Российской Федерации относится к числу публично-правовых процедур, в которых решение уполномоченного органа изменяет правовое положение лица и одновременно затрагивает интересы государства в сфере безопасности, демографии, миграционного управления и защиты конституционного строя. После принятия Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» прежняя система регулирования получила иную структуру: изменились основания приобретения гражданства, порядок проверки отдельных категорий заявителей, терминология и связь процедур гражданства с миграционным статусом иностранного гражданина. Данные изменения усилили значение прокурорского надзора, поскольку формальное соблюдение сроков и процедур уже не исчерпывает проверки законности. Надзорная оценка требует анализа полноты установления юридически значимых обстоятельств, устойчивости межведомственного обмена, допустимости административных решений и соблюдения прав заявителя.

Цель исследования состоит в разработке аналитически обоснованных направлений совершенствования практики прокурорского надзора за исполнением законодательства при приёме в гражданство Российской Федерации.

Для достижения цели поставлены задачи:

1) определить содержание прокурорского надзора применительно к процедурам приёма в гражданство;

2) выделить типовые зоны риска, возникающие при реализации законодательства о гражданстве и миграционном контроле;

3) обосновать направления организационного, методического и цифрового совершенствования надзорной практики.

Научная новизна состоит в разграничении трёх уровней прокурорской оценки: законность индивидуального решения о приёме в гражданство, качество административной процедуры, согласованность действий органов, участвующих в проверке сведений о заявителе.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили современные научные публикации по вопросам гражданства, миграционного контроля и прокурорского надзора. Е.А. Анисимова и А.Г. Деревнина [1] анализируют новый федеральный закон о гражданстве через призму выявленных правовых недоработок и потребности в последующей корректировке регулирования. Р.Б. Булатов и Т.Р. Булатов [2] рассматривают защиту прав иностранных граждан средствами прокурорской деятельности, что позволяет связать надзор с гарантиями правового положения заявителя. Ю.В. Герасименко и Т.Б. Смашникова [3] раскрывают современные тенденции развития института российского гражданства. Т.В. Кикоть-Глуходедова и Я.А. Зайцева [4] исследуют приём в гражданство как самостоятельное основание приобретения российского гражданства. О.А. Ковтун и Н.Д. Терещенко [5] выделяют новеллы закона 2023 г., значимые для процедур приобретения и прекращения гражданства. А.О. Курлышев и Д.Г. Яковлев [6] обращаются к упрощённому порядку приобретения гражданства, что значимо для оценки дифференцирован-

ных процедур. А.А. Мишунина и М.А. Телятников [7] связывают прокурорский надзор в миграционной сфере с цифровизацией. Ю.В. Паукова [8] исследует контроль и надзор в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, включая проблемы правового регулирования. И.В. Плюгина [9] обосновывает правовые средства совершенствования федерального государственного контроля в сфере миграции. В.Е. Степенко и В.С. Пацевич [10] раскрывают правовую природу государственной функции контроля и надзора в миграционной сфере.

Методологическую основу составили анализ научных публикаций, сравнительный анализ, обобщение, классификация, логико-аналитический анализ и синтез. Анализ публикаций позволил определить научную базу исследования; сравнительный метод использован для сопоставления подходов к гражданству, миграционному контролю и прокурорскому надзору; классификация применена при выделении зон риска; синтез обеспечил формулирование направлений совершенствования надзорной практики.

Результаты

Совершенствование прокурорского надзора при приёме в гражданство Российской Федерации целесообразно начинать с уточнения предметных границ такой деятельности. Научная литература по новому законодательству о гражданстве показывает, что закон 2023 г. изменил общую логику регулирования приобретения гражданства: усилилась систематизация оснований, появились новые требования к проверке заявителя, обновилась связь между миграционным статусом и процедурой натурализации [1]. Для прокурорского надзора данное обстоятельство означает переход от проверки единичных нарушений к анализу всей административной цепочки, в которой решение о приёме в гражданство зависит от документов, межведомственных сведений, правового статуса заявителя, результатов проверки установленных законом условий и отсутствия оснований для отклонения заявления.

Институт российского гражданства в современной литературе рассматривается через устойчивую связь лица с государством [3]. Из такого подхода следует, что прокурорская проверка в делах о приёме в гражданство охватывает законность допуска заявителя к процедуре, полноту проверки оснований, корректность применения специальных правил к отдельным категориям иностранных граждан и лиц без гражданства, соблюдение порядка информирования лица о принятом решении. Если данные элементы рассматривать разрозненно, надзор утрачивает способность выявлять системные дефекты правоприменения.

Приём в гражданство как способ приобретения российского гражданства обладает самостоятельной процедурной природой, поскольку в нём соединяются волеизъявление заявителя, публичная оценка его соответствия условиям закона и итоговый властный акт [4]. В прокурорской практике данное соединение требует разграничения трёх групп нарушений. Первая связана с доступом к процедуре: неправомерный отказ в приёме заявления, предъявление избыточных требований к документам, ненадлежащее разъяснение порядка обращения. Вторая группа возникает на стадии проверки сведений: неполнота запросов, формальная оценка документов, отсутствие сопоставления данных о миграционном статусе. Третья группа относится к итоговому решению: применение неверного основания, недостаточная мотивировка, несоблюдение порядка уведомления заявителя.

Новеллы закона о гражданстве 2023 г., выделяемые в научных публикациях, усиливают значение методической конкретизации прокурорских проверок [5]. Если прежняя практика ориентировалась преимущественно на деление приёма в гражданство на общий и упрощённый порядок, современное регулирование требует более точной проверки отдельных категорий заявителей, условий постоянного проживания, знания русского языка, истории России и основ законодательства, а также обстоятельств, препятствующих удовлетворению заявления. Для прокуратуры здесь принципиально различать правомерное упрощение процедуры и необоснованное снижение уровня проверки. Первое основано на законе, второе создаёт риск незаконного приобретения гражданства.

Исследования упрощённого порядка приобретения гражданства показывают, что дифференциация процедур служит инструментом миграционной политики, но при слабой проверке способна порождать неодинаковую практику применения закона [6]. Надзорное совершенствование в данной части предполагает разработку проверочных моделей по категориям заявителей. Для каждой категории требуется фиксировать минимальный набор обстоятельств, подлежащих установлению, типичные документы, источники межведомственных сведений, пределы усмотрения должностного лица. Такая модель снижает вероятность произвольного толкования оснований приёма в гражданство и облегчает последующую оценку законности решения.

Научные работы о деятельности органов прокуратуры в данной сфере подчёркивают значение надзорных средств при восстановлении нарушенных прав иностранных граждан [2]. В процедуре приёма в гражданство право заявителя требует защиты на нескольких стадиях: при получении информации о порядке обращения, при подаче заявления, при истребовании документов, при рассмотрении жалобы на действия должностных лиц. Прокурорская проверка жалоб по таким вопросам не должна ограничиваться оценкой ответа органа миграционного учёта. Требуется сопоставление фактических действий должностных лиц с установленной процедурой и проверка того, не возникло ли препятствие к реализации права вследствие организационного сбоя.

Прокурорский надзор за законностью приёма в гражданство имеет двойной вектор. С одной стороны, он защищает заявителя от административного произвола, задержек и необоснованных требований. С другой стороны, он служит средством предупреждения незаконного приобретения гражданства при представлении недостоверных сведений, использовании фиктивных оснований, злоупотреблении специальными порядками. Баланс этих направлений достигается через точное определение предмета проверки. Надзорная деятельность теряет правовую определённость, когда любое нарушение миграционного режима автоматически переносится на процедуру гражданства без анализа юридической связи между ними.

Цифровизация прокурорского надзора в миграционной сфере открывает возможность более раннего выявления нарушений, связанных с несогласованностью данных, повторными заявлениями, изменением миграционного статуса, ошибками в реестрах и длительным отсутствием движения по делу [7]. Для практики приёма в гражданство перспективным направлением выступает построение надзорных индикаторов. К ним относятся несоразмерно длительные сроки рассмотрения заявлений, высокая доля возвратов документов по формальным основаниям, расхождение сведений в разных информационных системах, повторяемость жалоб на одно подразделение, частое изменение мотивировки отказов по сходным категориям дел.

Исследования контроля и надзора в отношении иностранных граждан указывают на проблему разграничения правовых режимов и видов контрольной деятельности [8]. Для прокурорского надзора при приёме в гражданство данная проблема выражается в том, что сведения о пре-

Репозиторий ОГУ
Репозиторий ОГУ

Регламентация оформления на решение редакции журнала
Причина:
«незаконное использование и присвоение несчастных другому автору»

бывании, проживании, трудовой деятельности, административных ограничениях и наличии оснований для отказа поступают из разных процедурных массивов. Если прокуратура проверяет только итоговое решение о гражданстве, дефект исходных сведений остаётся вне надзорной оценки. Следовательно, совершенствование практики требует проверки происхождения юридически значимой информации, использованной при принятии решения.

Правовые средства совершенствования федерального государственного контроля в сфере миграции, раскрытые в научной литературе, позволяют перенести часть выводов на прокурорский надзор за процедурами гражданства [9]. Наиболее значимым представляется переход от сплошной проверки к риск-ориентированной выборке. Прокуратуре следует выделять дела, где вероятность нарушения выше: обращения лиц со сложной миграционной историей, заявления по специальным основаниям, дела с большим числом межведомственных запросов, повторные обращения после отказа, материалы с признаками противоречий между документами и электронными сведениями. Такая выборка повышает адресность надзорных мероприятий без расширения их формального объёма.

Правовая природа контроля и надзора в сфере миграции раскрывает различие между текущим административным сопровождением и прокурорской оценкой законности [10]. Органы, рассматривающие заявления о гражданстве, устанавливают юридические факты и принимают решения в пределах своей компетенции. Прокуратура не подменяет эти органы, но проверяет, соблюдены ли закон, процедура, пределы усмотрения и гарантии заявителя. Данное разграничение препятствует излишнему вмешательству в административное решение и одновременно сохраняет возможность реагирования при нарушении закона.

Из анализа источников следует, что совершенствование практики прокурорского надзора должно идти по четырём взаимосвязанным направлениям. Первое направление связано с предметной специализацией: в плане проверок требуется отдельно выделять процедуры приёма в гражданство. Второе направление предполагает методическое описание стадий процедуры и типовых нарушений по каждой стадии. Третье направление связано с цифровой аналитикой и межведомственной сверкой данных. Четвёртое направление касается профилактики: обобщение жалоб, информирование уполномоченных органов о повторяющихся нарушениях, подготовка представлений с конкретными организационными требованиями.

Для повышения качества надзорных актов требуется усилить их аналитическую часть. Представление прокурора по фактам нарушений при приёме в гражданство должно содержать описание причинного механизма: какое действие или бездействие должностного лица привело к нарушению права заявителя либо к риску незаконного решения. Такая структура позволяет отличать единичную ошибку исполнителя от дефекта внутренней организации органа, ответственного за рассмотрение заявлений.

Количество выявленных нарушений не отражает качества деятельности, если не ясно, устранены ли причины их возникновения. Более содержательными показателями выступают сокращение повторных жалоб по одним основаниям, снижение числа необоснованных возвратов документов, устранение противоречий в межведомственном обмене, изменение локальных алгоритмов работы подразделений, соблюдение прав заявителей при сохранении полноты проверочных мероприятий.

Обсуждение

Полученные положения показывают, что прокурорский надзор за исполнением законодательства при приёме в гражданство расположен на пересечении двух научных линий. Первая линия связана с конституционно-правовым пониманием гражданства как устойчивой связи лица с государством. Вторая линия относится к административно-правовому регулированию миграционного контроля и надзора. Их соединение порождает особую задачу: прокурор не решает вопрос о целесообразности приёма конкретного лица в гражданство, но оценивает законность процедуры, полноту проверки и допустимость применённых административных средств.

Сопоставление подходов показывает различие исследовательских акцентов. Авторы, изучающие законодательство о гражданстве, уделяют основное внимание основаниям приобретения гражданства, новой терминологии, процедурам признания, приёма и прекращения. Работы о миграционном контроле концентрируются на правовом режиме пребывания иностранного гражданина, контролируемых лицах, цифровых инструментах, административном надзоре и межведомственном обмене. Для заявленной темы ни один из этих подходов по отдельности не даёт полной модели прокурорского надзора. Надзорная практика требует соединения процедур гражданства с миграционными данными, но без смешения разных правовых режимов.

Расхождение подходов особенно заметно в вопросе цифровизации. В работах о надзоре цифровые технологии рассматриваются как средство ускорения анализа и повышения полноты проверок. В исследованиях миграционного контроля цифровизация чаще связывается с реестрами, режимами учёта и автоматизированными ограничениями. Для прокурорской деятельности при приёме в гражданство цифровой инструмент полезен лишь при сохранении проверяемости исходных данных. Если электронная запись воспринимается как достаточное доказательство без выяснения источника её появления, надзор утрачивает способность выявлять ошибочные сведения.

Ограничение применимости предложенных выводов связано с отсутствием экспериментальной проверки. Материал статьи основан на научной литературе и аналитическом сопоставлении правовых позиций. Поэтому предложенные направления следует воспринимать как методическую основу для последующей апробации в конкретных прокуратурах, а не как готовую статистически подтверждённую модель. Практическая реализация потребует учёта региональной нагрузки, числа обращений по вопросам гражданства, технической зрелости межведомственного обмена и специфики миграционной ситуации.

Наиболее заметная исследовательская лакуна состоит в слабой разработанности именно прокурорского надзора за процедурами гражданства. Научные публикации подробно анализируют гражданство, миграционный контроль и защиту прав иностранных граждан, но редко рассматривают приём в гражданство как самостоятельный объект прокурорской проверки. Из-за этого методика надзора часто строится по общей миграционной логике, хотя процедура натурализации имеет иной правовой результат и более сложную связь с правовым статусом заявителя.

Другая лакуна связана с критериями результативности. В надзорной практике традиционно учитываются выявленные нарушения и принятые меры реагирования. Для процедур гражданства такой подход недостаточен: единичное устранение нарушения не гарантирует изменения административного алгоритма. Нужны показатели, отражающие устойчивость правоприменения: повторяемость жалоб, качество мотивировок, полнота межведомственных запросов, исправление локальных регламентов,

Принята к публикации (дата поступления рукописи в редакцию журнала).
Отклонена (дата принятия решения об отклонении).
Статья опубликована (дата выхода в свет).

снижение числа процедурных ошибок по однотипным делам.

Значение предложенного подхода состоит в переводе надзора из реактивной модели в аналитическую. Реактивная модель активизируется после жалобы или выявленного незаконного решения. Аналитическая модель заранее выделяет стадии риска и проверяет не только результат, но и путь его формирования. Для приёма в гражданство такой переход особенно значим, поскольку ошибочное решение трудно исправлять без ущерба для правового положения лица и публичных интересов.

Заключение

Установлено, что содержание прокурорского надзора при приёме в гражданство Российской Федерации охватывает законность доступа заявителя к процедуре, полноту проверки условий приёма, корректность межведомственного обмена, мотивированность решения и соблюдение прав иностранного гражданина или лица без гражданства. Прокуратура при этом не подменяет орган, принимающий решение, а оценивает соблюдение закона и пределы административного усмотрения.

Выделены основные зоны риска: неправомерный отказ в приёме заявления, предъявление избыточных требований к документам, формальная проверка сведений, несогласованность данных в информационных системах, ошибочное применение специальных оснований, слабая мотивировка отказов и повторяемость жалоб на действия должностных лиц. Данные риски требуют стадийной методики проверки, поскольку нарушение часто возникает до принятия итогового решения.

Обоснованы направления совершенствования надзорной практики: предметная специализация проверок по вопросам гражданства, риск-ориентированный отбор материалов, цифровая сверка межведомственных сведений, усиление аналитической части актов прокурорского реагирования, профилактика повторяющихся нарушений и переход к показателям результативности, отражающим устойчивость законной административной практики.

Литература

1. Анисимова Е.А., Деревнина А.А. Новый федеральный закон о гражданстве РФ: работа над ошибками? // Образование и право. 2024. № 3. С. 406–414. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-3-406-414.
2. Булатов Р.Б., Булатов Т.Р. Роль органов прокуратуры в защите прав иностранных граждан в России // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. №1. С. 61–64.
3. Герасименко Ю.В., Смашникова Т.Б. Институт российского гражданства и современные тенденции его развития // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. № 2 (72). С. 6–13.
4. Кикоть-Глуходедова Т.В., Зайцева Я.А. Прием в гражданство как один из способов приобретения гражданства Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 112–115.
5. Ковтун О.А., Терещенко Н.Д. Основные новеллы Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» 2023 года // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 4. С. 109–114. DOI: 10.23672/SAE.2024.4.4.017.
6. Курлышев А.О., Яковлев Д.Г. Правовое регулирование института упрощенного порядка приобретения гражданства Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2022. № 3. С. 17–21.
7. Мишунина А.А., Телятников М.А. Прокурорский надзор за исполнением законодательства Российской Федерации в сфере миграции в условиях цифровизации // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 7. С. 37–40. DOI: 10.18572/1812-3767-2025-7-37-40.
8. Паукова Ю.В. Некоторые аспекты контроля (надзора) в сфере миграции, осуществляемого в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства // Административное право и процесс. 2025. № 4. С. 59–62. DOI: 10.18572/2071-1166-2025-4-59-62.
9. Плагина И.В. Правовые средства совершенствования федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 11. С. 89–102.
10. Степенко В.Е., Пацевич В.С. Правовая природа государственной функции контроля (надзора) в сфере миграции: ее формирование и развитие в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 50–54. DOI: 10.18572/2071-1166-2022-5-50-54.

Areas for improving prosecutorial supervision of legislation compliance in the admission of citizenship of the Russian Federation

Postnova M.V.

Moscow State Law Academy

This article examines areas for improving prosecutorial supervision of legal compliance in the admission of Russian citizenship. The relevance of this topic is related to the updating of citizenship legislation, the increasing complexity of migration procedures, the expansion of interagency information exchange, and the growing importance of the rule of law in resolving naturalization issues. The scientific novelty lies in examining prosecutorial supervision as a specialized activity focused on the stages of citizenship admission: application submission, document verification, compliance assessment, decision-making, and response to violations. The purpose of the article is to substantiate organizational and legal approaches for improving the effectiveness of this supervision. The analysis of scientific publications, comparative analysis, generalization, classification, and a logical-analytical method are used. A review of works on citizenship, migration control, protection of the rights of foreign citizens, and the digitalization of prosecutorial activity was conducted. The analytical section explores a risk-based oversight model, interagency coordination, digital data verification, and violation prevention. The practical utility of the results lies in the applicability of the proposed provisions when planning inspections and preparing prosecutorial responses.

Keywords: prosecutorial oversight, naturalization, citizenship of the Russian Federation, migration legislation, foreign citizens, naturalization, interagency exchange, digitalization of oversight, legality, prosecutorial response.

References

1. Anisimova, E.A., Derevnina, A.A. “The New Federal Law on Citizenship of the Russian Federation: Correcting Mistakes?” // Education and Law. 2024. No. 3. pp. 406–414. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-3-406-414.
2. Bulatov, R.B., Bulatov, T.R. “The Role of the Prosecutor’s Office in Protecting the Rights of Foreign Citizens in Russia” // Education. Science. Scientific Personnel. 2024. No. 1. pp. 61–64.
3. Gerasimenko, Yu.V., Smashnikova, T.B. “The Institute of Russian Citizenship and Current Trends in Its Development” // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 2 (72). pp. 6–13.
4. Kikot-Glukhodedova T.V., Zaitseva Ya.A. Admission to Citizenship as One of the Methods of Acquiring Citizenship of the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 7. pp. 112–115.
5. Kovtun O.A., Tereshchenko N.D. Main Amendments to the 2023 Federal Law "On Citizenship of the Russian Federation" // Humanities, Socio-Economic, and Social Sciences. 2024. No. 4. pp. 109–114. DOI: 10.23672/SAE.2024.4.4.017.
6. Kurlyshev, A.O., Yakovlev D.G. Legal Regulation of the Institute of Simplified Procedure for Acquiring Citizenship of the Russian Federation // Agrarian and Land Law. 2022. No. 3. pp. 17–21.
7. Mishunina, A.A., Telyatnikov M.A. Prosecutor's Supervision of the Implementation of the Legislation of the Russian Federation in the Sphere of Migration in the Context of Digitalization // Constitutional and Municipal Law. 2025. No. 7. pp. 37–40. DOI: 10.18572/1812-3767-2025-7-37-40.
8. Paukova, Yu.V. Some Aspects of Control (Supervision) in the Sphere of Migration Exercised in Relation to Foreign Citizens and Stateless Persons // Administrative Law and Process. 2025. No. 4. pp. 59–62. DOI: 10.18572/2071-1166-2025-4-59-62.
9. Plagina, I.V. Legal Means of Improving Federal State Control (Supervision) in the Sphere of Migration // Journal of Russian Law. 2023. Vol. 27. No. 11. P. 89–102.
10. Stepenko, V.E., Patsevich V.S. Legal Nature of the State Function of Control (Supervision) in the Sphere of Migration: Its Formation and Development in the Russian Federation // Administrative Law and Process. 2022. No. 5. P. 50–54. DOI: 10.18572/2071-1166-2022-5-50-54.

Ретракция оформлена по решению редакции журнала.

Конституционные права человека в условиях цифровой трансформации общества: новые вызовы и гарантии

Саркисян Артем Гагикович
студент, факультет «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Цель исследования – выявление новых вызовов для конституционных прав человека, возникающих в условиях цифровой трансформации общества, и анализ системы их правовых гарантий.
В статье рассмотрены проблемы реализации конституционных прав и свобод человека в условиях цифровизации государственного управления, распространения технологий искусственного интеллекта и тотальной цифровизации общественных отношений. На основе анализа законодательства и научных подходов предложена классификация новых угроз конституционным правам, включающая риски нарушения права на неприкосновенность частной жизни, информационной безопасности, дискриминации в цифровой среде и ограничения свободы выражения мнения. Обоснована необходимость совершенствования конституционно-правовых гарантий с учётом цифровых реалий.
Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций по совершенствованию правового регулирования защиты конституционных прав в цифровой среде.
Ключевые слова: конституционные права человека, цифровая трансформация, цифровые права, информационная безопасность, правовые гарантии, искусственный интеллект, неприкосновенность частной жизни.

Введение

Цифровая трансформация общества, происходящая в последние десятилетия, оказывает глубокое воздействие на все сферы общественных отношений, включая сферу реализации конституционных прав и свобод человека. Развитие информационно-коммуникационных технологий, внедрение искусственного интеллекта в государственное управление, распространение цифровых платформ и сервисов создают новые возможности для реализации прав, но одновременно порождают ранее неизвестные угрозы для их осуществления.

Актуальность исследования обусловлена следующими факторами. Во-первых, цифровизация государственного управления, выражающаяся во внедрении электронных государственных услуг, цифровых профилей граждан и автоматизированных систем принятия решений, создаёт риски нарушения конституционных прав, включая право на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну, на защиту персональных данных. Во-вторых, развитие технологий искусственного интеллекта и алгоритмического управления порождает проблемы, связанные с дискриминацией, отсутствием прозрачности принятия решений и невозможностью эффективной судебной защиты. В-третьих, наблюдается разрыв между динамикой технологического развития и темпами совершенствования правового регулирования, что создаёт правовые лакуны и снижает эффективность конституционных гарантий.

Конституционные права человека представляют собой систему юридически закреплённых возможностей, обеспечивающих свободу личности и её участие в жизни общества. В условиях цифровой трансформации традиционное понимание конституционных прав нуждается в переосмыслении, поскольку появляются новые способы их реализации и новые способы их нарушения. Как отмечается в научной литературе, цифровая среда становится не просто средой реализации прав, но и средой их ограничения, что требует выработки новых подходов к правовому регулированию.

В этой связи целью настоящего исследования является выявление новых вызовов для конституционных прав человека, возникающих в условиях цифровой трансформации общества, и анализ системы их правовых гарантий.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в процессе реализации конституционных прав и свобод человека в условиях цифровой трансформации.

Предмет исследования – конституционно-правовые гарантии защиты прав человека в цифровой среде.

Основная часть

Конституционные права и свободы человека и гражданина представляют собой основу правового статуса личности в Российской Федерации. Конституция Российской Федерации закрепляет широкий перечень прав и свобод, включая право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, право на свободу мысли и слова, право на доступ к информации, право на судебную защиту. Эти права, будучи закреплёнными в Основном законе, обладают высшей юридической силой и обеспечиваются системой государственных гарантий. В условиях цифровой трансформации общества

содержание и механизмы реализации этих прав претерпевают существенные изменения, поскольку традиционные формы их осуществления дополняются, а в ряде случаев заменяются цифровыми формами.

Цифровая трансформация государственного управления представляет собой системный процесс внедрения цифровых технологий в деятельность органов государственной власти и местного самоуправления. В Российской Федерации этот процесс реализуется в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» и национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Внедрение цифровых технологий в государственное управление обеспечивается созданием единой системы межведомственного электронного взаимодействия, единого портала государственных услуг, единой биометрической системы, а также цифровых профилей граждан. Эти инструменты существенно упрощают взаимодействие граждан с государством, сокращают административные барьеры и повышают эффективность публичного управления. Однако их использование порождает новые риски для конституционных прав, связанные с концентрацией персональных данных в единых информационных системах, автоматизированной обработкой информации и принятием решений на основе алгоритмов, а также с возможностью несанкционированного доступа к данным.

Искусственный интеллект, активно внедряемый в системы государственного управления, представляет собой особый вызов для конституционных прав. Автоматизированные системы принятия решений используются в таких сферах, как оказание государственных услуг, контроль и надзор, распределение бюджетных средств, оценка эффективности деятельности граждан и организаций. Применение таких систем создаёт риски дискриминации, поскольку алгоритмы могут воспроизводить и усиливать существующие социальные предубеждения. Кроме того, непрозрачность алгоритмов и отсутствие эффективных механизмов обжалования автоматизированных решений ограничивают право на судебную защиту. Отсутствие у субъекта правовой возможности оспорить решение, принятое искусственным интеллектом, создаёт правовую неопределённость и снижает уровень конституционных гарантий.

Цифровая среда также порождает новые угрозы для права на неприкосновенность частной жизни. Сбор, обработка и использование персональных данных происходит в масштабах, ранее недоступных для понимания. Цифровые платформы аккумулируют информацию о действиях, предпочтениях, перемещениях и социальных связях граждан, создавая цифровые профили, которые могут быть использованы как в коммерческих, так и в государственных целях. Тотальная цифровизация приводит к ситуации, когда практически каждое действие гражданина оставляет цифровой след, который может быть проанализирован и использован для принятия решений, затрагивающих его конституционные права.

В целях систематизации угроз конституционным правам человека, возникающих в процессе цифровой трансформации, предложена их классификация по сферам общественных отношений. Данная классификация позволяет структурировать подходы к правовому регулированию и выделить приоритетные направления совершенствования конституционных гарантий, что представлено в таблице 1.

Система конституционно-правовых гарантий защиты прав человека в условиях цифровой трансформации включает несколько уровней. На конституционном уровне гарантии закреплены в нормах Конституции Российской Федерации, включая право на судебную защиту, презумпцию невиновности, соразмерность ограничения прав конституционно значимым целям. На законодательном уровне гарантии реализуются в федеральных законах, включая Федеральный закон «О персональных данных», Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также законодательство о государственной службе и административных процедурах. Важное значение имеет также формирование правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, который последовательно развивает подходы к защите конституционных прав в условиях цифровизации. На институциональном уровне гарантии реализуются через деятельность Уполномоченного по правам человека, а также через систему судебного и административного контроля за автоматизированными решениями.

Таблица 1

Классификация новых вызовов для конституционных прав человека в условиях цифровой трансформации

Сфера общественных отношений	Вид угрозы	Примеры проявления	Конституционное право, подвергающееся риску
Государственное управление	Автоматизированное принятие решений	Распределение социальных выплат алгоритмами без учёта индивидуальных обстоятельств	Право на судебную защиту, право на социальное обеспечение
Обработка персональных данных	Тотальный сбор и анализ данных	Единые биометрические системы, цифровые профили граждан	Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну
Информационная безопасность	Уязвимость цифровой инфраструктуры	Утечки персональных данных, кибератаки на государственные системы	Право на безопасность, право на защиту персональных данных
Цифровая коммуникация	Ограничение свободы выражения мнения	Модерация контента, блокировка аккаунтов, фильтрация информации	Право на свободу мысли и слова, свободу массовой информации
Цифровое неравенство	Дискриминация по цифровому признаку	Недоступность услуг для лиц без цифровых компетенций	Право на доступ к информации, право на участие в управлении

Источник: составлено автором.

Особое значение в условиях цифровой трансформации приобретают гарантии прозрачности и подотчётности. Прозрачность алгоритмов принятия решений и возможность их обжалования представляют собой необходимые условия для защиты конституционных прав. В связи с этим предлагается дополнить систему конституционных гарантий следующими элементами: право на разъяснение автоматизированных решений, затрагивающих права граждан; право на обжалование решений, принятых с использованием искусственного интеллекта; гарантии защиты от дискриминации при использовании алгоритмов; гарантии информационной безопасности персональных данных; гарантии сохранения традиционных форм взаимодействия с государством для лиц, не обладающих цифровыми компетенциями.

Эффективность существующих конституционно-правовых гарантий защиты прав человека в условиях цифровой трансформации общества требует постоянного мониторинга и совершенствования. Практика показывает, что недостаточная правовая определённость в вопросах регулирования цифровых технологий создаёт риски для прав человека. Так, отсутствие чётких критериев допустимости обработки биометрических данных, недостаточная правовая регламентация применения искусственного интеллекта в государственном управлении, неразработанность механизмов обжалования автоматизированных решений создают правовые лакуны, которые могут быть использованы для ограничения конституционных прав. В этой связи необходимо дальнейшее совершенствование

правового регулирования на основе баланса между технологическим развитием и защитой прав человека, представленное в таблице 2.

Таблица 2
Основные направления совершенствования конституционно-правовых гарантий в условиях цифровой трансформации

Направление	Содержание предлагаемых изменений	Ожидаемый результат
Законодательное регулирование ИИ	Законодательное закрепление требований к прозрачности, объяснимости и подотчётности алгоритмов	Повышение доверия граждан к государственным цифровым системам
Защита персональных данных	Расширение прав субъектов персональных данных, усиление ответственности за утечки	Укрепление гарантий неприкосновенности частной жизни
Судебная защита	Создание механизмов обжалования автоматизированных решений	Восстановление доступа к правосудию в цифровой среде
Информационная безопасность	Развитие системы защиты критической информационной инфраструктуры	Обеспечение национальной безопасности и прав граждан
Цифровая доступность	Гарантии доступа к государственным услугам для лиц без цифровых навыков	Недопущение дискриминации по цифровому признаку

Источник: составлено автором.

Анализ современных подходов к конституционно-правовому регулированию цифровой среды позволяет выделить три основных модели обеспечения прав человека. Первая модель основана на экстраполяции традиционных конституционных норм на цифровую среду без их существенного изменения. Вторая модель предполагает разработку специальных норм, направленных на регулирование цифровых правоотношений в рамках конституционного и отраслевого законодательства. Третья модель предусматривает формирование нового конституционно-правового института «цифровых прав», включающего права на цифровую идентичность, права на доступ к цифровым платформам, права на защиту от алгоритмической дискриминации. Представляется, что в Российской Федерации наиболее рациональным является сочетание второй и третьей моделей при сохранении основ конституционного строя и системы конституционных прав, сложившихся в рамках действующей Конституции.

Практические рекомендации по совершенствованию конституционно-правовых гарантий защиты прав человека в условиях цифровой трансформации общества включают несколько направлений. В целях развития законодательного регулирования предлагается принять федеральный закон «О применении искусственного интеллекта в государственном управлении», который закрепит требования к прозрачности алгоритмов, порядок их верификации и механизмы обжалования автоматизированных решений. Для совершенствования защиты персональных данных целесообразно усилить ответственность операторов персональных данных за утечки информации, установив обязанность операторов возмещать моральный вред, причинённый нарушением права на неприкосновенность частной жизни. В судебной системе необходимо развивать специализацию судей по вопросам защиты прав человека в цифровой среде, а также обеспечить доступность судебной защиты для лиц, не обладающих цифровыми компетенциями. В целях обеспечения цифровой доступности предлагается гарантировать право на получение государственных услуг без использования цифровых устройств для определённых категорий граждан, включая пожилых людей и лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов и практических рекомендаций. Цифровая трансформация общества, являясь объективным и необратимым процессом, создаёт как новые возможности для реализации конституционных прав и свобод человека, так и новые угрозы для их осуществления. Внедрение цифровых технологий в государственное управление, распространение систем искусственного интеллекта и автоматизированная обработка персональных данных порождают риски нарушения права на неприкосновенность частной жизни, свободы выражения мнения, права на судебную защиту и иных конституционных прав. Эти риски требуют своевременного выявления, анализа и принятия правовых мер, направленных на их минимизацию. Проведённый анализ позволил предложить классификацию новых вызовов для конституционных прав человека в условиях цифровой трансформации, включающую угрозы, связанные с автоматизированным принятием решений, тотальным сбором и обработкой персональных данных, уязвимостью цифровой инфраструктуры, ограничением свободы выражения мнения в цифровой среде и дискриминацией по цифровому признаку. Система конституционно-правовых гарантий защиты прав человека в цифровой среде требует дальнейшего совершенствования. На конституционном уровне необходимо развивать правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, уточняющие содержание конституционных прав в цифровой среде. На законодательном уровне требуется принятие специальных нормативных актов, регулирующих применение искусственного интеллекта в государственном управлении, усиление ответственности за нарушение права на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных, а также разработка механизмов обжалования автоматизированных решений. На институциональном уровне необходимо развитие специализированных механизмов контроля за соблюдением прав человека в цифровой среде, включая усиление роли Уполномоченного по правам человека и совершенствование судебного контроля. Ключевыми факторами обеспечения конституционных прав в условиях цифровой трансформации являются прозрачность алгоритмов и систем принятия решений, подотчётность органов государственной власти за использование цифровых технологий, доступность судебной защиты для всех категорий граждан независимо от их цифровых компетенций, а также сохранение баланса между технологическим развитием и защитой прав человека. Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования при совершенствовании законодательства, регулирующего цифровую среду, и при разработке правовых механизмов защиты конституционных прав человека в условиях цифровой трансформации. Направления дальнейших исследований включают анализ зарубежного опыта конституционно-правового регулирования цифровой среды, исследование правовых аспектов применения искусственного интеллекта в различных сферах государственного управления, а также разработку модельных законов, регулирующих защиту конституционных прав в цифровой среде для государств – участников Содружества Независимых Государств.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution (дата обращения: 10.07.2026).

2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите

информации». – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/24157 (дата обращения: 10.07.2026).

3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/24158 (дата обращения: 10.07.2026).

4. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения: 10.07.2026).

5. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44714 (дата обращения: 10.07.2026).

6. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)». – URL: https://base.garant.ru/70644222/ (дата обращения: 10.07.2026).

7. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». – URL: http://government.ru/rugovclassifier/614/events/ (дата обращения: 10.07.2026).

8. Федеральный проект «Цифровое государственное управление». – URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1024/ (дата обращения: 10.07.2026).

9. Кирин А.В. Цифровизация государственного управления и конституционные права человека // Журнал российского права. – 2024. – № 5. – С. 34–47.

10. Сморчкова Л.Н. Публично-правовые науки: к вопросу о новой научной специальности // Государственная власть и местное самоуправление. – 2023. – № 2. – С. 22–29.

11. Бондарь Н.С. Цифровые права человека и конституционная юстиция // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 4. – С. 12–21.

12. Талапина Э.В. Искусственный интеллект и права человека: публично-правовой аспект // Труды Института государства и права РАН. – 2024. – № 2. – С. 56–74.

13. Четвериков А.О. Конституционные гарантии прав человека в условиях цифровой трансформации // Государство и право. – 2025. – № 1. – С. 45–56.

Constitutional human rights in the context of digital transformation of society: new challenges and guarantees

Sarkisyan A.G.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The research objective is to identify new challenges to constitutional human rights arising in the context of digital transformation of society and to analyze the system of their legal guarantees.

The article examines the problems of exercising constitutional rights and freedoms in the context of digitalization of public administration, the spread of artificial intelligence technologies and total digitalization of social relations. Based on the analysis of legislation and scientific approaches, a classification of new threats to constitutional rights is proposed, including risks of violation of the right to privacy, information security, discrimination in the digital environment and restriction of freedom of expression. The necessity of improving constitutional legal guarantees taking into account digital realities is substantiated.

The practical significance of the study lies in the development of recommendations for improving the legal regulation of the protection of constitutional rights in the digital environment.

Keywords: constitutional human rights, digital transformation, digital rights, information security, legal guarantees, artificial intelligence, privacy.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). Available at: http://www.kremlin.ru/acts/constitution (accessed: 10.07.2026).
2. Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 "On Information, Information Technologies and Information Protection". Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/24157 (accessed: 10.07.2026).
3. Federal Law No. 152-FZ of 27.07.2006 "On Personal Data". Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/24158 (accessed: 10.07.2026).
4. Decree of the President of the Russian Federation No. 203 of 09.05.2017 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030". Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (accessed: 10.07.2026).
5. Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of 10.10.2019 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation". Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44714 (accessed: 10.07.2026).
6. Decree of the Government of the Russian Federation No. 313 of 15.04.2014 "On Approval of the State Program of the Russian Federation 'Information Society (2011–2020)'". Available at: https://base.garant.ru/70644222/ (accessed: 10.07.2026).
7. National Program "Digital Economy of the Russian Federation". Available at: http://government.ru/rugovclassifier/614/events/ (accessed: 10.07.2026).
8. Federal Project "Digital Public Administration". Available at: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1024/ (accessed: 10.07.2026).
9. Kirin A.V. Digitalization of Public Administration and Constitutional Human Rights // Journal of Russian Law. – 2024. – No. 5. – Pp. 34–47.
10. Smorchkova L.N. Public-Legal Sciences: On the Issue of a New Scientific Specialty // State Power and Local Self-Government. – 2023. – No. 2. – Pp. 22–29.
11. Bondar N.S. Digital Human Rights and Constitutional Justice // Constitutional and Municipal Law. – 2023. – No. 4. – Pp. 12–21.
12. Talapina E.V. Artificial Intelligence and Human Rights: Public-Legal Aspect // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2024. – No. 2. – Pp. 56–74.
13. Chetverikov A.O. Constitutional Guarantees of Human Rights in the Context of Digital Transformation // State and Law. – 2025. – No. 1. – Pp. 45–56.

Теоретические основы разграничения конституционной и уголовно-правовой охраны государственного суверенитета

Сипок Роман Павлович
Независимый исследователь, romansipok728@gmail.com

Статья посвящена разграничению двух правовых режимов охраны государственного суверенитета, которые действуют на разных уровнях правовой системы и решают неодинаковые юридические задачи. Трудность научного описания связана с тем, что в одной исследовательской конструкции нередко соединяют нормативное закрепление суверенитета, институциональные формы его поддержания и уголовно-правовое пресечение посягательств. В предложенной модели конституционный уровень удерживает целостность публичной власти, ее верховенство, непрерывность и территориальное единство, тогда как уголовное право включается при наличии общественно опасного деяния, нарушающего уже закрепленный конституционный порядок. Цель работы состоит в выведении критериев разграничения двух режимов и в уточнении характера их связи. Использованы сравнительно-правовой анализ, анализ научных источников, понятийное моделирование, типологизация и аналитическое обобщение. Исследовательский корпус составили десять публикаций 2022-2025 годов, посвященные теории суверенитета, конституционной защите и уголовно-правовой охране основ конституционного строя. В результате выделены критерии различения по предмету, функции, институциональной организации и моменту включения охранительного механизма. Прикладная ценность работы связана с использованием полученной модели в квалификации, нормотворчестве, экспертной аргументации и научной разработке тем, связанных с защитой государственности.

Ключевые слова: государственный суверенитет, конституционная охрана, уголовно-правовая охрана, основы конституционного строя, безопасность государства, конституционная идентичность, пределы криминализации, юридическая типология, правовая защита, государственность.

Введение

Охрана государственного суверенитета распределена между несколькими правовыми режимами, и каждый из них включается по собственным основаниям. В одном исследовательском поле соседствуют конституционные предписания, полномочия высших органов публичной власти, решения органов конституционного контроля, надзорные механизмы, формы публично-правового реагирования и составы преступлений против основ конституционного строя. Предмет у этих средств близок, но юридическая логика у них различна. Конституционные нормы закрепляют устройство верховной власти, пределы ее компетенции, территориальную целостность и устойчивость государственного строя. Уголовный закон применяется в иной точке. Правоприменитель обращается к нему тогда, когда уже установлено общественно опасное деяние, затрагивающее данный порядок.

Смешение указанных режимов порождает не стилистический дефект, а методологическую ошибку. При таком смешении уголовно-правовой запрет начинают воспринимать как универсальный инструмент охраны суверенитета, хотя его действие связано с поздней стадией юридического реагирования. Обратное смещение встречается не реже. Конституционную охрану описывают в слишком общем виде, без показа тех органов, процедур и правовых форм, через которые поддерживается устойчивость верховной власти. В доктрине встречается и третья линия смешения, когда в одну конструкцию без разграничения включают территориальную целостность, безопасность государства, конституционную идентичность, юрисдикционную самостоятельность и иные элементы, относящиеся к разным уровням охраны.

Цель работы состоит в выведении теоретических оснований разграничения конституционной и уголовно-правовой охраны государственного суверенитета. Для ее достижения решаются три задачи. Первая связана с раскрытием содержания конституционной охраны суверенитета как самостоятельного юридического режима. Вторая направлена на определение пределов уголовно-правовой охраны в системе защиты суверенитета. Третья ориентирована на формулирование критериев разграничения двух режимов для доктрины и прикладного правоприменения.

Научная новизна работы состоит в переходе от описания отдельных средств охраны к целостной модели распределения охранительных механизмов по предмету, моменту включения и юридическому результату.

Гипотеза строится на следующем предположении. Конституционная охрана поддерживает саму возможность суверенного существования государства через закрепление и воспроизводство основ публичной власти. Уголовно-правовая охрана действует иначе. Она защищает данный конституционный каркас выборочно, через запрет и наказание за наиболее опасные формы посягательства. В существующих исследованиях конституционная и уголовно-правовая охрана государственного суверенитета нередко рассматриваются раздельно либо описываются без четкого разграничения функций. Отсутствие единой модели распределения охранительных механизмов приводит к смешению уровней правового регулирования и к расширительному толкованию уголовно-правовых средств защиты государственности.

Методы и материалы

Исследование носит теоретико-правовой характер и основано на доктринальном анализе публикаций, посвященных конституционной и уголовно-правовой охране государственного суверенитета. Методологическая схема включает три этапа: отбор источников, их содержательную типологизацию и выведение критериев разграничения правовых режимов. Исследование опирается на доктринальные публикации 2022–2025 годов и нормативный материал Отбор проводился по трем фильтрам. Первый исключил работы, в которых суверенитет рассматривался вне юридической догматики, в публицистическом или преимущественно политическом ключе. Второй сохранил тексты, связывающие суверенитет с конституционным строем, публично-правовым обеспечением, действием уголовного закона и охраной безопасности государства. Третий этап отбора сузил массив до публикаций, пригодных для выведения аналитической связки между общим режимом охраны и специальным уголовно-правовым реагированием [1-10].

Внутри корпуса выделяются три содержательные группы. Первая группа раскрывает понятие суверенитета, его структуру и нормативное закрепление [5, 6, 9]. Вторая группа описывает конституционно-институционные формы его поддержания, включая конституционное правосудие и правовые формы решений высшей публичной власти [2, 9, 10]. Третья группа сосредоточена на пределах уголовно-правовой охраны, на объекте преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, на пределах криминализации и на трансформации главы 29 УК РФ [1, 3, 4, 7, 8].

Методическая часть опирается на сравнительно-правовой анализ, который позволил сопоставить отраслевые режимы охраны. Анализ источников использовался для выделения устойчивых доктринальных ходов и повторяющихся конструкций описания суверенитета. Понятийное моделирование дало возможность вывести критерии разграничения двух режимов. Типологизация потребовалась для разведения общего и специального охранительных порядков. Аналитическое обобщение перевело разрозненные положения литературы в единую теоретическую схему.

Дополнительно анализ был ориентирован на соотнесение доктринальных положений с нормативным материалом, регулирующим обе линии охраны. В конституционно-правовой плоскости учитывались положения глав 1, 2 и 4–7 Конституции Российской Федерации, задающие устройство публичной власти, основы конституционного строя, права и свободы, федеративную организацию и систему высших органов государства. В уголовно-правовой плоскости внимание сосредоточено на нормах УК РФ, предусматривающих ответственность за наиболее опасные посягательства на основы конституционного строя и безопасность государства. Такое сопоставление позволило вывести разграничение не только из доктринальных описаний, но и из различия нормативных механизмов охраны.

Результаты

Разграничение двух режимов начинается с определения предмета охраны. Государственный суверенитет для целей правового анализа следует понимать не как изолированное политико-идеологическое обозначение, а как юридически оформленное состояние верховенства публичной власти, ее самостоятельности во внутренних и внешних делах, территориальной целостности государства и способности правопорядка поддерживать обязательность собственных установлений. При такой трактовке суверенитет образует не частный элемент охраны, а нормативно организованную основу существования государства. Из данного положения вытекает исходная граница между двумя правовыми режимами. Конституционное право обращено к самому состоянию суверенной государственности, к ее закреплению, институциональному поддержанию и воспроизводству. Уголовное право не конструирует суверенитет и не формирует его содержание. Оно реагирует на деяния, посягающие на уже установленный и юридически оформленный порядок суверенного существования государства.

В теоретических работах о суверенитете его раскрывают через верховенство государственной власти, ее самостоятельность и распространение на всю территорию страны. Такое состояние не сводится к запрету отдельных посягательств и не исчерпывается вопросом о санкции. Речь идет о базовом качестве государственности [5, 6]. В исследовании, посвященном системной конструкции публично-правового обеспечения внутреннего государственного суверенитета, охранительный порядок описан как многослойная правовая организация, где конституционные, административные и иные публично-правовые средства удерживают целостность и работоспособность власти [9]. Из сопоставления этих положений вытекает первое следствие. Конституционное право закрепляет порядок существования публичной власти и условия его воспроизводства. Уголовное право работает с отдельными деяниями, которые нарушают данный порядок и достигают уровня преступления.

Именно здесь проходит теоретическая граница, без которой оба режима начинают ошибочно сближаться. Конституционная охрана действует в логике правового учреждения и удержания государственности. Ее задача связана с тем, чтобы суверенная власть сохраняла непрерывность, легитимную организацию, пределы компетенции и обязательность конституционного строя. Уголовно-правовая охрана действует в иной логике. Она не поддерживает государственность как режим повседневного юридического существования, а пресекает наиболее опасные формы ее нарушения. В одном случае право удерживает нормативный каркас государства, в другом — отвечает на общественно опасное разрушение уже действующего конституционного порядка. Смешение этих логик ведет либо к неоправданному расширению уголовно-правового языка, либо к размыванию собственно конституционного содержания суверенитета.

Функции двух режимов расходятся по той же причине. Конституционная охрана не сводится к запрету. Через нее законодатель и иные публичные субъекты закрепляют пределы полномочий, иерархию источников, территориальную целостность, приоритет основ конституционного строя, механизмы конституционного контроля и юридические формы решений верховной власти [2, 9, 10]. В публикациях о конституционно-судебной защите и об управленческих решениях по обеспечению суверенитета проходит одна устойчивая линия. Охрана достигается через постоянное воспроизводство правового порядка, а не через санкцию за уже совершенное нарушение [2, 10]. Уголовно-правовой режим устроен иначе. Следователь, прокурор и суд включают его при наличии состава преступления. Здесь суверенитет связывается с объектом уголовно-правовой охраны и получает выражение через криминализацию, квалификацию и наказание [1, 3, 7, 8].

Различие проявляется и в моменте включения охранительного механизма. Работы по теории суверенитета и по публично-правовому обеспечению показывают превентивную и поддерживающую логику конституционного уровня. Он действует постоянно, вне факта преступления. Его задача состоит в удержании нормы, института и процедуры в рабочем состоянии, в предотвращении распада иерархии публичной власти и в сохранении юридической

непрерывности управления [2, 5, 9, 10]. Уголовно-правовой уровень подключается позднее. Его отправной точкой служит уже не риск деформации правопорядка как таковой, а общественно опасное деяние, перешедшее порог уголовной противоправности [1, 3, 4, 7, 8]. Здесь и возникает одна из типичных ошибок доктрины. Конституционную охрану начинают описывать языком репрессии, а уголовное право нагружают задачами общего государственного строительства, которые ему не принадлежат.

Следующий узел разграничения связан с конструкцией объекта охраны. В уголовно-правовой литературе при анализе главы 29 УК РФ объект формулируют через основы конституционного строя и безопасность государства. Внутри такого объекта авторы разводят несколько уровней, от внутренней и внешней безопасности до устойчивости государственного управления [1, 3, 4, 7]. Для целей настоящей статьи существеннее иная линия. Суверенитет в уголовном праве не существует как изолированная и самодостаточная категория. Он входит в объект охраны через конституционный порядок, государственную безопасность, территориальную неприкосновенность, режим верховной власти и юрисдикционное самоопределение государства [1, 7, 8]. Иными словами, уголовное право охраняет не отвлеченную идею суверенитета, а юридические формы, в которых он присутствует. Конституционная охрана работает иначе. Здесь суверенитет выступает прямой основой государственности [2, 5, 6, 9].

На уровне уголовного закона указанная охрана получает более узкое и предметно определенное выражение. Речь идет не о любом нарушении, затрагивающем государственность, а о деяниях, которые законодатель относит к числу наиболее опасных посягательств на основы конституционного строя и безопасность государства. Для рассматриваемой темы наибольшее значение имеют нормы о государственной измене, шпионаже, насильственном захвате власти, насильственном удержании власти, вооруженном мятеже и публичных призывах к экстремистской деятельности, закрепленные в статьях 275, 276, 278, 279 и 280 УК РФ. Их совместное рассмотрение показывает, что уголовный закон защищает суверенитет не в форме общей декларации, а через выделение конкретных моделей деяний, в которых посягательство приобретает степень общественной опасности, достаточную для уголовного преследования. Отсюда следует, что уголовно-правовая охрана суверенитета всегда опосредована составом преступления и не совпадает с более широким конституционным режимом защиты государственности.

Сопоставление публикаций [1, 7, 8] показывает, что уголовно-правовая защита суверенитета строится как концентрированный ответ на ограниченный круг наиболее опасных деяний. В статье о действии уголовного закона в пространстве суверенитет раскрыт через юрисдикцию и пределы действия национального уголовного закона [8]. В работе об объектах уголовно-правовой охраны при противодействии экстремизму внимание сосредоточено на механизме, через который основы конституционного строя и безопасность государства получают статус непосредственного объекта преступления [1]. Исследование проблем уголовно-правового регулирования в сфере безопасности государства показывает сложность законодательной настройки, при которой расширение запретов усиливает охранительную риторику, но не всегда повышает юридическую определенность [7]. Совместное чтение этих работ ведет к следующему выводу. Уголовно-правовая охрана в сфере суверенитета требует особенно строгого отбора деяний, подлежащих криминализации. При утрате этой меры специальная охрана подменяется широкой политико-правовой декларацией.

Отдельного рассмотрения требует внутреннее строение конституционной охраны. В современных работах ее описывают не как единичную гарантию, а как совокупность взаимосвязанных форм. Исследование конституционно-судебной защиты показывает, что правовая охрана суверенитета проходит через решения Конституционного Суда и через доктрину конституционной идентичности, удерживающую предел допустимого изменения правопорядка [2]. В статье о правовых формах решений Президента по обеспечению государственного суверенитета раскрыт иной канал, организационно-управленческий [10]. Работа о системе публично-правового обеспечения внутреннего суверенитета добавляет системное измерение, в котором охрана складывается из взаимодействия норм, институтов и процедур [9]. В совокупности эти публикации позволяют сформулировать следующее положение. Конституционная охрана суверенитета носит комплексный характер и охватывает нормотворчество, конституционный контроль, организацию высшей власти и правовые процедуры поддержания единства публичной системы [2, 9, 10].

На фоне такой комплексности уголовное право демонстрирует иную конструкцию. Здесь преобладает линейная схема. Законодатель конструирует состав посягательства, определяет границы криминализации, после чего правоприменитель реализует санкционный ответ. В материалах последних лет подчеркиваются обновление уголовно-правовых средств охраны основ конституционного строя и безопасности государства, расширение перечня составов и усиление ответственности за отдельные деяния [3, 4]. Одновременно в работах о направлениях уголовной политики и об актуализации главы 29 УК РФ фиксируется устойчивое напряжение между задачей охраны государственной безопасности и требованием юридической определенности [3, 4]. Из этого материала вытекает еще один критерий разграничения. Конституционная охрана опирается на устойчивость и воспроизводство публичного порядка. Уголовно-правовая охрана держится на точности криминализации и на соразмерности санкции. Критерии разграничения не сводятся к удобной описательной схеме. Они образуют необходимый набор признаков, без которого доктринальное разделение двух режимов теряет определенность. Для разграничения требуется установить, кто осуществляет охранительное воздействие, на какой стадии включается правовой механизм, какими средствами достигается охранительный результат и в какой юридической форме этот результат получает выражение. Лишь при одновременном учете предмета, функции, субъектного состава, момента реагирования и правовых последствий становится возможным развести конституционный и уголовно-правовой уровни без подмены одного другим. Схема разграничения, выведенная из сопоставления источников, представлена ниже. (Рисунок 1).

Рисунок 1. Теоретическая модель разграничения конституционной и уголовно-правовой охраны государственного суверенитета (составлено автором на основе [5, 8, 9, 10])

Рисунок показывает, что обе линии защиты соприкасаются в одном объектном поле, но не совпадают по юридической природе. Для целей статьи этот вывод имеет прямое значение. Конституционная охрана сохраняет общий режим суверенного существования государства. Уголовное право охраняет лишь те узлы системы, в которых посягательство достигает степени общественной опасности, требующей наказуемости [1, 7, 8, 9].

Сопоставление публикаций [2, 6, 9, 10] позволяет уточнить еще один критерий, институциональный. Суверенитет в конституционном праве поддерживает распределенная сеть субъектов. В нее входят органы конституционного контроля, высшие органы публичной власти и вся система публично-правового регулирования. В уголовном праве центр тяжести смещается к законодателю, правоприменителю и суду, которые решают вопрос о преступности деяния и пределах наказуемости [3, 4, 7, 8]. Отсюда следует, что конституционная охрана по своей конструкции полицентрична, тогда как уголовно-правовая охрана группируется вокруг сравнительно узкого санкционного ядра.

Материалы [3, 4, 7] показывают еще одну закономерность. Расширение уголовно-правового инструментария в сфере безопасности государства не снимает потребности в предварительном конституционном обосновании охраняемого интереса. Без такого обоснования криминализация утрачивает внутреннюю меру. Публикации [5, 6, 9], в свою очередь, подтверждают обратное положение. Конституционная догматика суверенитета без специального охранительного механизма не покрывает ситуации, в которых посягательство принимает форму преступления. Итог аналитической части состоит в следующем. Разграничение двух режимов не означает их изоляции. Речь идет о строгом распределении юридических задач. Конституционные нормы закрепляют государственную форму и поддерживают ее устойчивость. При фиксации опасного посягательства правоприменитель обращается к уголовному закону.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают необходимость строгого разграничения уровней правовой охраны государственного суверенитета. Отсутствие такого разграничения приводит к смешению функций конституционного и уголовного права и к расширительному толкованию уголовно-правовых средств защиты государственности. Прикладная работа в данной теме требует инструмента, который позволяет различать режимы охраны в конкретной ситуации. Нужна рабочая модель, пригодная для подготовки научных статей, экспертных заключений и проектов правового толкования. Первая задача такой модели состоит в отсечении ложного слияния, при котором любое упоминание суверенитета автоматически переносят в сферу уголовного права. Вторая задача связана с обратным смещением, когда уголовно-правовой запрет начинает замещать конституционное объяснение охраняемого интереса (Таблица 1). При теоретической квалификации вопроса требуется исходить из неравнозначности этих уровней. Конституционная охрана носит первичный характер, поскольку именно она задает содержание охраняемого порядка, определяет юридическую форму суверенитета и устанавливает пределы допустимого вмешательства в публичную власть. Уголовно-правовая охрана носит производный характер: она получает внутреннее обоснование лишь постольку, поскольку защищает уже признанные конституционным правом основы государственности. По этой причине усиление уголовной репрессии вне ясного конституционного основания не укрепляет систему охраны, а ослабляет ее юридическую меру.

Таблица 1

Критерии разграничения конституционной и уголовно-правовой охраны государственного суверенитета (составлена автором на основе [1, 2, 7, 9])

Критерий	Конституционная охрана	Уголовно-правовая охрана
Предмет	Основы верховной публичной власти, территориальная целостность, приоритет Конституции, устойчивость государственного строя	Наиболее опасные деяния, затрагивающие основы конституционного строя и безопасность государства
Функция	Закрепление, поддержание, согласование, предупреждение деформации правопорядка	Запрет, квалификация, наказание, частное и общее предупреждение
Момент включения	Постоянно, вне факта преступления	После перехода нарушения в стадию уголовно наказуемого деяния
Носители охранительного механизма	Конституция, конституционное правосудие, высшие органы публичной власти, публично-правовые процедуры	Законодатель, органы расследования, прокуратура, суд
Юридический результат	Сохранение и воспроизводство правового строя	Признание деяния преступным и применение санкции
Риск ошибки	Излишняя абстрактность и декларативность	Избыточная криминализация и потеря юридической определенности

Сопоставление по таблице показывает, что спор между двумя режимами отсутствует. Проблема лежит в неверном распределении задач. Когда исследователь переносит на уголовное право функцию общего поддержания государственности, текст теряет точность и начинает замещать уголовно-правовую догматику политико-правовой риторикой. Обратная ошибка устроена сходным образом. Когда конституционную охрану описывают как набор общих формул без показа органов, процедур и юридических форм, из анализа исчезает сама правовая ткань суверенитета. Отсюда вытекает прикладной вывод. Для любой научной публикации по данной теме сначала требуется установить границу между общим режимом поддержания суверенной государственности и специальным режимом наказуемого пресечения.

Практическое применение требует последовательной процедуры проверки. Одной формулы разграничения недостаточно. Исследователю нужна цепочка действий, позволяющая проверить, в какой плоскости находится конкретная проблема (Таблица 2).

Таблица 2

Последовательность разграничения двух режимов охраны в научной и экспертной работе (составлена автором на основе [2, 3, 4, 8, 10])

Шаг	Содержание шага	Контрольный вопрос
1	Определение охраняемого блага	Речь идет о строе, институте, полномочии, территории, юрисдикции или о конкретном посягательстве
2	Выявление момента вмешательства	Нарушение еще находится на уровне деформации правопорядка или уже перешло порог преступности
3	Установление носителя реагирования	Требуется конституционный контроль, публично-правовая мера, организационное решение или уголовное преследование
4	Проверка юридической формы	Достаточны конституционно-правовые средства или требуется состав преступления и санкция
5	Оценка соразмерности	Не расширяется ли уголовный запрет за пределы реально опасного деяния
6	Финальная квалификация темы	Доминирует конституционная плоскость, уголовно-правовая плоскость или их связка при строгом разведении функций

Такая последовательность переводит теоретическую модель в рабочий инструмент. Ее прикладная ценность состоит в том, что она не позволяет смешивать два разных языка права. При анализе суверенитета сначала проверяется сама охраняемая государственная форма. Лишь

после этой проверки оправдан переход к вопросу о преступности деяния. При нарушении такой очередности ломается логика отраслевого распределения. В научном тексте подобная ошибка быстро порождает повторение одних и тех же тезисов разными словами. В правоприменительной аргументации последствия тяжелее. Возникает неоправданное расширение уголовно-правовой риторики там, где требовалось конституционно-правовое обоснование. Из сказанного вытекает не только различие, но и связь двух уровней охраны. Их соотношение нельзя описывать как параллельное существование автономных механизмов. Конституционный уровень задает юридическую матрицу охраняемого порядка, в пределах которой получает смысл последующее уголовно-правовое реагирование. Уголовный закон, в свою очередь, обеспечивает защиту тех участков конституционного строя, где нарушение принимает форму преступного посягательства. При отсутствии первого уровня уголовно-правовая охрана теряет нормативный ориентир. При отсутствии второго конституционная защита оказывается недостаточной в ситуациях, где деформация правопорядка переходит в стадию общественно опасного деяния.

Авторская позиция по теме сводится к следующему. Суверенитет нельзя описывать как единый объект одинаковой охраны. В конституционном праве он предстает как состояние и порядок. В уголовном праве он выступает как охраняемое благо, затронутое общественно опасным деянием. Разница здесь носит не словесный, а конструктивный характер. При удержании этой разницы исчезает ложное впечатление, будто усиление уголовной ответственности само по себе укрепляет суверенитет. Его укрепление начинается раньше. Основание лежит в устойчивости конституционного строя, в непрерывности управления, в определенности полномочий и в действенности конституционного контроля. Уголовное право занимает в этой системе подчиненное, но жесткое место. В формировании суверенитета оно не участвует. Его применение ограничено защитой от деяний, которые нарушают уже установленный порядок.

Для оценки качества дальнейших исследований по данной теме целесообразно опираться на три проверочных признака. Первый связан с точностью определения охраняемого блага. Второй — с выбором юридического средства, соответствующего природе рассматриваемого нарушения. Третий — с недопущением подмены конституционного анализа уголовно-правовой лексикой. При соблюдении этих ориентиров научный текст сохраняет отраслевую точность и не соскальзывает ни в декларативное описание суверенитета, ни в чрезмерно расширительное понимание репрессивной охраны.

Заключение

Проведенное разграничение показало, что конституционная и уголовно-правовая охрана государственного суверенитета обращены к одному объектному полю, но действуют в разных юридических режимах. Конституционный уровень закрепляет верховенство публичной власти, территориальное единство государства, обязательность конституционного строя, пределы компетенции высших органов и правовые формы поддержания суверенной государственности. Его действие разворачивается непрерывно, вне зависимости от наличия преступного деяния, поскольку речь идет о нормативном удержании и воспроизводстве самого порядка суверенного существования государства.

Уголовно-правовой уровень действует уже при иной юридической ситуации. Его применение связано с совершением общественно опасного деяния, посягающего на основы конституционного строя и безопасность государства. В данной плоскости суверенитет получает охрану через специальные составы преступлений, закрепленные, в частности, в статьях 275, 276, 278, 279 и 280 УК РФ. Следовательно, уголовный закон не формирует содержание суверенитета, а защищает его юридически оформленные проявления в тех случаях, когда нарушение достигает степени преступного посягательства.

Поставленная во введении исследовательская цель достигнута через выведение критериев разграничения по предмету охраны, функции, составу субъектов, моменту включения механизма и характеру правового результата. Первая исследовательская задача решена через раскрытие конституционной охраны как самостоятельного режима поддержания государственности. Вторая получила разрешение через установление пределов уголовно-правовой охраны, не совпадающей с общим режимом защиты суверенитета. Третья решена посредством формулирования системы критериев, пригодной для научной квалификации и прикладного анализа.

Гипотеза исследования получила подтверждение. Конституционная охрана формирует нормативное основание существования государственного суверенитета, тогда как уголовно-правовая охрана действует как специальный механизм защиты при совершении общественно опасных посягательств на закрепленный конституционный порядок.

Теоретический итог работы состоит в следующем: конституционная охрана задает исходное нормативное основание защиты суверенитета, тогда как уголовно-правовая охрана получает смысл лишь как специальное средство пресечения наиболее опасных посягательств на уже установленный конституционный порядок. Отсюда вытекает потребность не в смешении двух режимов, а в их концептуально согласованном соотнесении, при котором первичный уровень закрепляет и удерживает государственность, а вторичный обеспечивает ее защиту в случае преступного нарушения. Полученные критерии разграничения могут использоваться при научной квалификации проблем защиты государственности, при разработке законодательства, а также при подготовке экспертных заключений по вопросам конституционной и уголовно-правовой охраны государственного суверенитета.

Литература

1. Ахметшин А. С. Основы конституционного строя и безопасности государства как объекты уголовно-правовой охраны при противодействии экстремизму // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4. С. 110-116. DOI: 10.36511/2078-5356-2022-4-110-116.

2. Гоглева К. Ю. Конституционно-судебная защита государственного суверенитета и конституционной идентичности Российской Федерации // Философия права. 2024. № 4(111). С. 61-66.

3. Гриненко А. Б. Актуализация уголовно-правовых средств охраны основ конституционного строя и безопасности Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3(46). С. 170-175. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-170-175.

4. Долгиев А. А. Направления уголовной политики в сфере обеспечения государственной безопасности // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 223-228.

5. Карнаухова Е. В. Суверенитет как признак государства (закрепление в Конституции Российской Федерации) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. № 1(71). С. 19-27.

6. Любушкин В. А. Проблемы определения суверенитета и его значение в современном государственно-пра-

вовом развитии Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 4(64). С. 121-131.

7. Решняк М. Г. Обеспечение безопасности государства: о некоторых проблемах уголовно-правового регулирования // Теория и практика общественного развития. 2023. № 11(187). С. 301-305. DOI: 10.24158/tipor.2023.11.39.

8. Семыкина О. И. Суверенитет государства — правовая основа действия уголовного закона в пространстве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suverenitet-gosudarstva-pravovaya-osnova-deystviya-ugolovnogo-zakona-v-prostranstve (дата обращения: 10.04.2026).

9. Ситник А. А., Поляков М. М. Система и структура публично-правового обеспечения внутреннего государственного суверенитета // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15. № 4. С. 949-963. DOI: 10.21638/spbu14.2024.402.

10. Трошев Д. Б. Правовые формы управленческих решений Президента Российской Федерации по обеспечению государственного суверенитета // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 5. С. 100-107.

Theoretical foundations of the distinction between constitutional and criminal law protection of State sovereignty

Sipok R.P.
Independent researcher

The article examines the distinction between two legal regimes of state sovereignty protection operating at different levels of the legal system and serving different juridical functions. Scholarly analysis becomes difficult because normative entrenchment, institutional maintenance, and punitive response are often merged into one explanatory frame. The proposed model treats constitutional protection as a regime preserving the supremacy, integrity, continuity, and territorial unity of public authority, while criminal law protection enters only when a socially dangerous act violates an already established constitutional order. The purpose of the study is to derive criteria for distinguishing these regimes and to clarify their interrelation. The methodological basis combines comparative legal analysis, source analysis, conceptual modelling, typologization, and analytical generalization. The empirical corpus consists of ten academic publications issued in 2022-2025 and focused on sovereignty theory, constitutional protection, and criminal law protection of the foundations of the constitutional order. The analytical section identifies substantive, functional, institutional, and temporal criteria separating the two regimes. Practical applicability is connected with doctrinal qualification, legislative drafting, expert legal interpretation, and academic work on statehood protection.

Keywords: state sovereignty, constitutional protection, criminal law protection, foundations of the constitutional system, state security, constitutional identity, limits of criminalization, legal typology, legal protection, statehood.

References

1. Akhmetshin A. S. Fundamentals of the constitutional system and state security as objects of criminal law protection in countering extremism // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4. pp. 110-116. DOI: 10.36511/2078-5356-2022-4-110-116.
2. Gogleva K. Y. Constitutional and judicial protection of state sovereignty and constitutional identity of the Russian Federation // Philosophy of Law. 2024. No. 4(111). pp. 61-66.
3. Grinenko A. B. Actualization of criminal law means of protecting the foundations of the constitutional order and security of the Russian Federation // Law and order: history, theory, practice. 2025. No. 3(46). pp. 170-175. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-170-175.
4. Dolgiev A. A. Directions of criminal policy in the field of state security // Bulletin of Tomsk State University. 2024. No. 509. pp. 223-228.
5. Karnaukhova E. V. Sovereignty as a sign of the state (enshrined in the Constitution of the Russian Federation) // Legal science and law enforcement practice. 2025. No. 1(71). pp. 19-27.
6. Lyubushkin V. A. Problems of defining sovereignty and its significance in the modern state and legal development of the Russian Federation // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. The Volga region. Social sciences. 2022. No. 4(64). pp. 121-131.
7. Reshnyak M. G. Ensuring the security of the state: on some problems of criminal law regulation // Theory and practice of social development. 2023. No. 11(187). pp. 301-305. DOI: 10.24158/tipor.2023.11.39.
8. Semykina O. I. Sovereignty of the state — the legal basis of the criminal law in space // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2022. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suverenitet-gosudarstva-pravovaya-osnova-deystviya-ugolovnogo-zakona-v-prostranstve (date of request: 04/10/2026).
9. Sitnik A. A., Polyakov M. M. The system and structure of public law enforcement of internal state sovereignty // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2024. Vol. 15. No. 4. pp. 949-963. DOI: 10.21638/spbu14.2024.402.
10. Troshev D. B. Legal forms of administrative decisions of the President of the Russian Federation on ensuring state sovereignty // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA). 2024. No. 5. pp. 100-107.

Современное право при цифровизации религиозной сферы: вызовы, коллизии и перспективы регулирования

Тарасова Диана Михайловна
соискатель, Университет прокуратуры Российской Федерации, dianahalyapina@gmail.com

Статья посвящена теоретико-правовому анализу трансформации института свободы совести и свободы вероисповедания в условиях цифровизации. Исследуются правовые проблемы, возникающие при использовании искусственного интеллекта (ИИ) в религиозной деятельности. Предлагаются механизмы адаптации действующего законодательства к новым цифровым технологиям с целью обеспечения баланса между конституционными правами граждан и инновационным развитием.
Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации конституционного права на свободу совести и свободу вероисповедания, а также осуществления деятельности религиозных объединений в эпоху цифровизации.
Предметом являются нормы законодательства Российской Федерации, международные правовые акты, правоприменительная практика, а также подходы к регулированию цифровых технологий в религиозной сфере.
Целью исследования является выявление существующих пробелов в правовом регулировании религиозной деятельности в цифровой среде, и разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства, направленного на защиту прав верующих и обеспечению цифровой безопасности.
Цель позволила определить следующие *задачи*:
- проанализировать статус религиозных сообществ при их интеграции в цифровое пространство;
-выявить и систематизировать правовые риски, возникающие при сборе и обработке персональных данных пользователей цифровых платформ;
- исследовать правовую природу использования технологий искусственного интеллекта и нейросетей в религиозных практиках.
Методологическую основу составили общенаучные и частнонаучные методы познания. Использование диалектического метода позволило рассмотреть процесс цифровизации религиозной сферы в развитии и взаимосвязи с правовыми институтами. Системно-структурный метод применялся для оценки влияния цифровых технологий на систему конституционных прав и свобод. Использованы специальные юридические методы: формально-юридический (анализ нормативных правовых актов по свободе совести и свободе вероисповедания и цифровое законодательство), а также сравнительно-правовой (сопоставление зарубежных и российских подходов к регулированию цифровой этики) и метод правового моделирования (конструирование новых правовых правил).
Научная новизна обусловлена недостаточной изученностью проблемы взаимосвязи цифрового права и права на свободу совести и свободу вероисповедания.
В статье получены следующие *результаты*:
-впервые в отечественной правовой доктрине определена необходимость выделения «духовных персональных данных», включающих информацию о религиозных убеждениях, религиозной активности на цифровых платформах;
Сформулирован правовой статус «виртуального религиозного объединения», функционирующего исключительно в цифровом пространстве.
Ключевые слова: цифровое право**,** свобода совести и свобода вероисповедания, религиозные объединения, религиозные организации, религиозные группы, персональные данные, цифровые активы.

О цифровизации в религиозной сфере и необходимости совершенствования конституционно-правового регулирования деятельности религиозных объединений и новых цифровых религий при использовании виртуального пространства затрагивают некоторые ученые, например, доктора юридических, профессора факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Университета прокуратуры Российской Федерации Н.В. Володина [1, **С.31-36]**. В Российской Федерации определены пути развития отношений религиозных объединений и государства при цифровизации. *С одной стороны*, возникает вопрос использования религиозными объединениями возможностей искусственного интеллекта (ИИ) для повышения охвата аудитории и количества последователей. Современные реалии порождают новые вызовы и «тренды», игнорирование которых становится просто невозможным. Известны примеры успешного внедрения цифровых технологий в религиозную сферу, таких как оцифровка религиозных писаний, виртуальные туры в места богослужений (например, Muslim 3D), онлайн-мессы, роботы в образе священнослужителей (буддийский робот-монах в Японии [2]), мобильные приложения (BibleChat, Hallow), чат-боты, имитирующие священнослужителей и ряд других. Активное распространение цифровизация получила и в деятельности российских религиозных объединений. Например, названный в честь святого православный мессенджер Зосима, который был разработан в 2024 году фондом «Иннотех XXI» для общения между верующими, создания тематических каналов и сбора пожертвований [3]. В том же году в Московской Соборной мечети была открыта российско-катарская интерактивная выставка «Мир корана» с зонами виртуальной реальности для посещения Мекки и Медины [4]. Но *с другой стороны*, безусловно активное сплетение религии и цифровых технологий обуславливает возникновение новых угроз, как непосредственно для участников этих отношений, так и государства, а каких-то случаях может приобрести и международный масштаб. Кроме того, отправление религиозных обрядов в цифровом пространстве не всегда может отвечать принципам конфиденциальности, защиты тайна исповеди. Так, в конце 2025 года в сети Интернет появилась информация, что православный мессенджер Зосима, позволяет получить третьим лицам доступ к персональным данным пользователей [5]. Чат-боты вместо священнослужителей и проповеди, сгенерированные искусственным интеллектом могут нести угрозу и духовному воспитанию граждан, традиционным ценностям.

С точки зрения государственно-конфессиональных отношений важной проблемой является то, что деятельность в цифровом пространстве трудно контролировать. Виртуальное пространство является благоприятной средой для распространения деструктивных идей, религиозного экстремизма, вербовки их последователей. Под видом пожертвований может скрываться финансирование террористической деятельности. Теряется возможность контроля за деятельностью религиозных групп и осуществлением миссионерской деятельности. Неизбежно назревает вопрос регулирования и контроля за глобальной цифровизацией всех сфер жизнедеятельности. В 2021 был принят Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, положения которого носят декларативный характер. В январе 2026 года сформирован Консультативный совет по этике в сфере искусственного интеллекта,

соглашение о создании которого подписали представители религиозных конфессий и руководитель национальной комиссии по этике ИИ.

Но с целью упорядочения правоотношений и возможности обеспечения безопасности их участников назревает необходимость в формировании нормативной правовой базы для регулирования деятельности религиозных объединений в цифровой среде и возможности осуществления контроля и прокурорского надзора в указанной сфере. При этом законодательное регулирования должно обеспечивать баланс между свободой совести, сохранением традиционных ценностей и безопасностью общества и государства. Эти вопросы находят поддержку как со стороны государства, так и представителей традиционных конфессий.

Так, например, 17.03.2026 в Общественной палате РФ прошел круглый стол на тему «Духовное служение в контексте цифровых угроз традиционным ценностям», на котором обсуждались вопросы сохранения и продвижения традиционных ценностей в цифровой среде, а также имеющиеся цифровые угрозы [6], а 18-19 мая 2026 года состоялся Y Всероссийский Форум «Право. Религия. Государство», где обсуждались вопросы диалога государства и религиозных объединений в современных условиях, реализации конституционного права на свободу совести и свободу вероисповедания [7].

Кроме того, если говорить о функции государства как регулятора деятельности религиозных объединений в цифровом пространстве, необходимо определить орган, который будет от имени государства осуществлять контрольную деятельность в указанной сфере.

Так, контроль за распространением и блокировкой противоправного контента на сегодняшний день осуществляется Роскомнадзором, а контроль за деятельностью религиозных объединений – Минюстом России. При этом контроль за распространением религиозных учений и иной деятельностью в религиозной сфере в цифровой среде должен представлять гибрид функций указанных государственных органов. Для того, чтобы обеспечить прозрачность деятельности религиозных объединений в условиях цифровизации необходимо закрепить нормативные механизмы проверки используемых ими цифровых ресурсов и платформ и их единый реестр.

Нельзя не отметить и обратную сторону развития государственно-конфессиональных отношений в условиях цифровой трансформации. Так, контролирующие органы могут использовать возможности искусственного интеллекта при оценке соответствия деятельности религиозных объединений действующему законодательству. Например, при проведении Минюстом России религиоведческой экспертизы. В этом ключе цифровизация может быть большим подспорьем для контролирующих органов. Однако указанная деятельность так же должна быть четко регламентирована нормативными правилами и не ограничивать свободу совести и вероисповедания, если это не служит интересам защиты общества и государства.

Цифровая трансформация в мире модернизирует и усложняет взаимоотношения между государством и религиозными объединениями и этот процесс имеет необратимый характер. Происходит активное внедрение цифровых технологий в религиозную сферу уже существующих конфессий, одновременно создаются новые «цифровые религии». Ранее религиозные структуры опирались на многовековые традиции, но в современных цифровых условиях начинают адаптироваться к новым технологиям. По прогнозам канадского ученого Нейла МакАртура (Университет Манитобы) искусственный интеллект (ИИ) может стать новой религиозной верой [8]. По мнению некоторых ученых, например, Инглхарта Рональда, повсеместная цифровизация и автоматизация религиозной сферы не друг, а враг религии и может ослабить веру людей [9]. Джонатан Мерритт назвал ИИ одной из главных угроз [10]. Так, обращение к чат-ботам с религиозными вопросами означает «*утрату внешнего общения за пределами опыта пользователя*» [8], но в контексте права имеет косвенное значение при рассмотрении юридической значимости диалогов с ИИ. При определенных обстоятельствах цифровая переписка с чат-ботом может рассматриваться как письменное доказательство в суде.

В современной юриспруденции при цифровой трансформации право выступает одновременно как щит, защищая религиозные убеждения человека и как регулятор, предотвращающий вред человеку, обществу или государству. К примеру, в международном праве (Европейская конвенция по правам человека и основных свобод [11] и Международном пакте о гражданских и политических правах [12]) этот баланс четко юридически прописан. Свобода вероисповедания традиционно делится на две части. *Внутренняя свобода* человека заключается в праве вероисповедания и менять религию или быть атеистом. *Эта свобода абсолютна и не подлежит ограничениям*. Государство не имеет право заставить человека верить или не верить, а также наказывать за религиозные убеждения. *Внешнее проявление свободы* в праве исповедовать религию через проповеди, ритуалы, ношение специальной одежды и т.д., что *может быть ограничено законом*.

Согласно международным стандартам, любое ограничение свободы исповедовать ту или иную религию должно соответствовать определенным критериям: во-первых, установлениям закона; во-вторых, должно преследовать цель - охрану общественной безопасности, здоровья, морали или защиты прав и свобод других лиц; в-третьих, быть необходимым в демократическом обществе, то есть соразмерно возникающим угрозам.

По данным Международной федерации по роботизации (IFR), открытость общества к использованию и производству цифровых технологий и робототехники негативно коррелирует с религиозностью, то есть чем глубже роботизация, тем менее верующее общество. Учёные из Университета Вирджинии считают, что распространение автоматизации объясняет упадок религии, а **количество верующих снижается там, где быстрыми темпами внедряются роботизация, ИИ и другие современные технологии** [13]**.**

В Российской Федерации и ряде других стран конституционно провозглашен светский характер государства. В некоторых государствах (во Франции) законодательно запрещается ношения религиозных символов, например, хиджабов, крупных крестов, кип в государственных школах, чтобы подчеркнуть нейтральность образовательного пространства. Отметим, что религиозные убеждения не могут служить оправданием для дискриминации, религиозного экстремизма и насилия (запрещаются человеческие жертвоприношения, призывы к вражде по отношению к инаковерцам). Также право на жизнь и здоровье стоит выше религиозных догм. Так, суды лишают родительских прав тех, кто отказывается от переливания крови или прививок для ребенка по религиозным мотивам.

В современном мире религиозные верования защищены конституционными правами (свобода совести, тайна исповеди, чувства верующих). Внедрение цифровых технологий создает «серые зоны», которые современное законодательство недостаточно регулирует, фактически не успевает за цифровыми внедрениями в религиозную сферу. Отметим, что чат-боты не застрахованы от ошибок в интерпретации и имеют недостатки. Так, GitaGPT от имени Кришны заявил, что «*убийство ради защиты дхармы (т.е. чувства долга и личных принципов)*

можно оправдать». Такой случай не был единичным, поэтому чат-бот отправили на доработку, но опасность для общества все еще считается актуальной [13].

Отметим, что с юридической точки зрения, информация о вероисповедании относится к особой категории персональных данных, но цифровыми платформами происходит массовый сбор данных. Проблема видится в том, цифровые религиозные приложения, такие как онлайн-Библии, электронные четки и т.д., собирают геолокации, контакты, создавая прецедент. Так, в 2020 году популярное исламское приложениеMuslim Pro, имеющее миллионы скачиваний, продавало данные о геолокации пользователей брокерам, которые перепродавали их подрядчикам. В этом случае, право оказалось бессильным, так как пользователи сами нажали на кнопку «согласен», не понимая, что духовная практика в цифровизацию может стать товаром.

Другой пример, относительно тайны исповеди также показателен и рассмотрение подобных вопросов становится актуальным при цифровой трансформации религиозной сферы. Во многих государствах закон защищает тайну исповеди, и священник не имеет права и суд не может его заставить, раскрыть то, что услышал от верующего. При применении цифровых технологий в таких случаях наблюдает юридический тупик. Использование цифровых технологий предполагает «утечку данных», так как от хакерских атак не застрахована ни одна цифровая система. Взламывание сервера религиозной организации или группы предполагает скачивание записей онлайн-бесед верующих с священником, может рассматривается судом как «утечка данных» и предусматривать штраф для IT-компаний или как грубое нарушение конституционного права на свободу вероисповедания?

Цифровые технологии и практика сбора персональных данных позволяют фиксировать поведение и биометрические показатели и делать выводы об убеждении человека, его мировоззрении, религиозной принадлежности. Подобные сведения затрагивают свободу совести и свободу вероисповедания. Сведения попадают в массивы данных через цифровые анкеты, социальные сети, результаты психометрических тестов и алгоритмы прогнозирования поведения. В создавшихся условиях можно юридически выделить правозащитную модель «*духовных персональных данных*». Их раскрытие и неправомерная обработка наносит моральный ущерб личности человека. Знание о религиозных позициях может использоваться для дискриминации при страховании, трудоустройстве, доступе к определенным услугам и т.д. В российском праве выделяются категории персональных данных, но духовное представляет более широкий набор сведений не только о религии, но и ценностных установках, убеждениях и т.д.

Современная правовая модель предполагает ввести юридическую дефиницию понятия «*духовных персональных данных*» (к примеру, в ФЗ №152-ФЗ), и предложить дополнительный режим обработки с установлением повышенного уровня защиты. Повышенный уровень защиты может включать, например, обработку данных исключительно с согласия субъекта и прописанного законного основания; запрет на обработку в целях дискриминации или политического манипулирования, страхования или найма на работу; жесткие правила при цифровой автоматизации при принятии решений (строгий контроль и определенные запреты) и т.д.

Выводы

Во-первых, пересечения цифровизации и религии создает юридические коллизии, так как затрагивает вопросы свободы совести и свободы вероисповедания. Регулярно возникают судебные споры на стыке свободы вероисповедания и общественных интересов. Суды как международные, так и национальные вынуждены детально разбираться, где заканчивается право верующего и начинаются права государства или других людей.

Во-вторых, глобальная цифровизация всех сфер жизни человечества не могла обойти стороной и духовный мир. Выделение как особой категории «духовных персональных данных» не юридическая формальность, а *средство защиты личности в условиях развития цифровых технологий* и является первым шагом к сбалансированию прав субъекта данных (свободы совести) и интересов государства и общества. Введение новых правил повысит правовую определенность и снизит риски злоупотреблений в цифровой среде.

В-третьих, *виртуальное религиозное объединение* в России может функционировать как зарегистрированная организация, так и в «неформальном» виде как религиозная группа. Регистрация предполагает правовые преимущества, например, статус во взаимоотношениях с госорганами, правоспособность, банковские операции и другие, но имеет и обязанности в виде отчетности, соблюдения законов о персональных данных, недопущения религиозного экстремизма и т.д.

В-четвертых, цифровизация религиозной сферы является закономерным процессом, позволяющим адаптироваться к современному миру и повысить охват аудитории. При этом бесконтрольная деятельность в цифровой среде может представлять угрозу обществу и государства. В этой связи необходимо обеспечить возможность осуществления контроля и прокурорского надзора, для чего разработать и принять нормативную правовую базу, регламентирующую права и обязанности участников указанных правоотношений, а также регламентировать пределы государственного контроля и надзора.

Литература

1. Володина Н.В. Необходимость совершенствования конституционно-правового регулирования деятельности религиозных объединений и новых цифровых религий при использовании виртуального пространства в условиях информатизации современного российского общества» /Современное право. 2021. С.31-36.

2. https://www.chosun.com/english/industry-en/2026/04/13/TQS6SRYBONCWNEPRUJF3W3JAFE/ (дата обращения 29.04.2026)

3. https://www.rbc.ru/life/news/68cd02789a7947808ac0080b?ysclid=moljsavzx3260985415 (дата обращения 29.04.2026)

4. https://dumrf.ru/common/event/24291?ysclid=moljqw2txp287671211 (дата обращения 29.04.2026)

5. https://msk1.ru/text/religion/2025/10/31/76100472/?ysclid=moljst3yrg110975350 (дата обращения 29.04.2026)

6. https://www.oprf.ru/announcement/3353

7. Выступление Володиной Н.В. на V Всероссийском форуме «Право. Религия. Государство» (18–19 мая 2026 года в Общественной палате Российской Федерации) // https://agprf.org/fakultety/fakultet-podgotovki-nauchnykh-kadrov/novosti-fpnk/novosti-fpnk/vystuplenie-v-obschestvennoy-palate-rossiyskoy-fed (Дата обращения: 07.06.2026).

8. Шишков А. Спирализм:как нейросети стали основой для новой цифровой веры./https://www.pravilamag.ru/articles/764925-spiralizm-kak-neiroseti-stali-osnovoi-dlya-nИovoi-cifrovoi-very/?ysclid=mq3dz0zm4581183159. 17.01. 2026.

9. Инглхарт Рональд. «Отказ от Бога: глобальный упадок религии» (Giving Up on God: The Global Decline of Religion)/ *Foreign Affairs*, Т. 99, № 5 (сентябрь / октябрь 2020 г.), С. 110-118.

10. Малышкин А.В. Интегрирование ИИ в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы.Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т.10. Вып.3. С.444-457.

11. Конвенция о защите прав человека и основных свобод/https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51402/(Дата обращения: 7 июня 2026)

12. Международный пакт о гражданских и политических правах/https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51402/(Дата обращения: 7 июня 2026)

13. Лыкова Л. Сакрализация технологий: почему люди пытаются «найти» Бога в ИИ. //Источник: Наука Mail. Нейросети.23 октября 2025.

Modern law in the digitalization of the religious sphere: challenges, conflicts and regulatory prospects

Tarasova D.M.

Applicant for the University Prosecutor's Office of the Russian Federation

This article provides a theoretical and legal analysis of the transformation of freedom of conscience and religious freedom in the context of digitalization. It examines the legal challenges arising from the use of artificial intelligence (AI) in religious activities. Mechanisms for adapting current legislation to new digital technologies are proposed to ensure a balance between the constitutional rights of citizens and innovative development.

The object of the study is the social relations that develop during the implementation of the constitutional right to freedom of conscience and religious freedom, as well as the activities of religious associations in the digital age.

The subject matter includes the legislation of the Russian Federation, international legal acts, law enforcement practice, and approaches to regulating digital technologies in the religious sphere.

The purpose of the study is to identify existing gaps in the legal regulation of religious activity in the digital environment and to develop scientifically based proposals for improving legislation aimed at protecting the rights of believers and ensuring digital security.

This goal allowed us to define the following objectives:

- analyze the status of religious communities as they integrate into the digital space;
- identify and systematize the legal risks arising from the collection and processing of personal data of digital platform users;
- examine the legal nature of the use of artificial intelligence technologies and neural networks in religious practices.

The methodological basis was formed by general and specific scientific methods of cognition. The use of the dialectical method allowed us to examine the process of digitalization of the religious sphere in its development and interaction with legal institutions. The systemic-structural method was used to assess the impact of digital technologies on the system of constitutional rights and freedoms. Special legal methods were used: formal legal (analysis of regulatory legal acts on freedom of conscience and freedom of religion and digital legislation), comparative legal (comparison of foreign and Russian approaches to regulating digital ethics), and legal modeling (construction of new legal rules).

The scientific novelty is due to the insufficient study of the relationship between digital law and the right to freedom of conscience and freedom of religion. The article yields the following results:

- for the first time, domestic legal doctrine defines the need to distinguish "spiritual personal data," including information about religious beliefs and religious activity on digital platforms;

The legal status of a "virtual religious association" operating exclusively in the digital space is defined.

Keywords: digital law, freedom of conscience and freedom of religion, religious associations, religious organizations, religious groups, personal data, digital assets.

References

1. Volodina, N.V. "The Need to Improve Constitutional and Legal Regulation of the Activities of Religious Associations and New Digital Religions Using Virtual Space in the Context of the Informatization of Modern Russian Society" / Modern Law. 2021. pp. 31-36.
2.https://www.chosun.com/english/industry-en/2026/04/13/TQS6SRYBONCWNEPRUJF3W3JAFE/ (accessed on April 29, 2026)
3.https://www.rbc.ru/life/news/68cd02789a7947808ac0080b?ysclid=moljsavzx3260985415 (accessed on April 29, 2026)
4.https://dumrf.ru/common/event/24291?ysclid=moljqw2txp287671211 (accessed on April 29, 2026)
5.https://msk1.ru/text/religion/2025/10/31/76100472/?ysclid=moljst3yrg110975350 (Accessed on April 29, 2026)
6. https://www.oprf.ru/announcement/3353
7. Speech by N.V. Volodina at the V All-Russian Forum "Law. Religion. State" (May 18-19, 2026, in the Civic Chamber of the Russian Federation) // https://agprf.org/fakultety/fakultet-podgotovki-nauchnykh-kadrov/novosti-fpnk/novosti-fpnk/vystuplenie-v-obschestvennoy-palate-rossiyskoy-fed (Accessed on June 7, 2026).
8. Shishkov A. Spiralism: How Neural Networks Became the Basis for a New Digital Faith./https://www.pravilamag.ru/articles/764925-spiralizm-kak-neiroseti-stali-osnovoi-dlya-nИovoi-cifrovoi-very/?ysclid=mq3dz0zm4581183159. 17.01. 2026.
9. Inglehart Ronald. "Giving Up on God: The Global Decline of Religion"/ Foreign Affairs, Vol. 99, No. 5 (September / October 2020), pp. 110-118.
10. Malyshkin A.V. Integrating AI into Public Life: Some Ethical and Legal Issues. Bulletin of St. Petersburg State University. Law. 2019. Vol. 10. Issue 3. Pp. 444-457.
11. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms/https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51402/(Accessed: June 7, 2026)
12. International Covenant on Civil and Political Rights/https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51402/(Accessed: June 7, 2026)
13. Lykova L. Sacralization of Technology: Why People Are Trying to “Find” God in AI. //Source: Science Mail. Neural Networks. October 23, 2025.

Жилищное право советского государства довоенного периода: политико-идеологические основы и развитие

Упоров Иван Владимирович
д.и.н., к.ю.н., профессор, независимый исследователь, Российская академия естествознания, uporov@list.ru

Рассматриваются особенности развития жилищного законодательства в советском периоде до начала Великой Отечественной войны. Анализируются многочисленные нормативно-правовые акты, регулировавшие общественные отношения в жилищной сфере указанного исторического периода советской истории. Делаются выводы об актуальности жилищного вопроса. Также актуализируются проблемы, которые возникли на этапе исследуемого периода: обеспечение качественным жильем, удовлетворение потребностей населения в создании комфортных условий проживания, а соответственно– в увеличении жилого фонда. Кроме того, рассматривается проблематика управления жильем и основные полномочия, которые были определены субъектам процесса управления.
Данные результаты могут быть использованы в контексте дальнейших исследований проблематики: конкретизированы основополагающие нормативно- правовые акты, выделены приоритетные аспекты их реализации и на этой основе возможно проведение сравнительно- исторического анализа данного этапа развития советского государства с последующими, выявление факторов, которые в указанный период способствовали наиболее эффективному разрешению жилищному вопросу. Специфика корректировки жилищного законодательства раннего советского периода обуславливает такие изменения, которые отражают необходимость становления общей собственности жилого фонда, распределения жилья нуждающимся по установленным нормам. В дальнейшем активная социальная деятельность развивалась на основе жилищной политики, предполагающей полное огосударствление жилищного фонда, управляемого местными Советами с допущением участия в этом жилищно-строительных кооперативов. Однако, важно отметить, что кардинальным образом решить проблему острой нехватки жилья в городах СССР так и не удалось.
Ключевые слова: жилищное право, дом-коммуна, реквизиция жилья, кодекс, жилищная кооперация, местные Советы, жилищный фонд.

Введение

Как и во всех сферах социально-экономической жизни, жилищная политика советской власти после октябрьской революции 1917 г. определялась идейно-политическими и экономическими установками на основе марксистско-коммунистического учения, с которыми пришли к власти большевики. Соответственно жилой фонд должен быть общим, государственным, и государство должно распределять жилье нуждающимся по установленным нормам, соответственно гражданско-правовые сделки между частными лицами упразднялись, и в первые годы функционирования советского государства велась активная реквизиция жилья у бывших собственников и передача ее трудящимся, при этом заселение производилось как правило по типу коммунальных квартир (комната на семью) [1, с. 17]. На этот счет принималось много актов, как нормативного, так и правоприменительного характера, причем различными органами власти и управления как в центре, так и на местах (ВЦИК, СНК, НКВД, Моссовет и др.), которые решали преимущественно локальные вопросы. Одновременно велись дискуссии о том, каким должно быть новое «социалистическое» жилье, обосновывались требования к нему, при этом речь шла практически только о жилище в городах, учитывая, что в деревне были сильные устои, связанные с индивидуальным владением жилья, и власть в этом смысле деревню в довоенное время не трогала; тогда предполагалось, в частности, что для рабочих в городах должны строиться каменные трех-четырех этажные дома с жилыми комнатами и общими кухнями и санузлами [2, с. 39], причем такой подход был заложен в Программе РКП(б), принятой в 1919 г., в которой намечалось создание домов-коммун, где в которых предполагалось организовать коллективное ведение домашнего хозяйства [3, с. 164]. Разрабатывались даже проекты «городов-садов» [4, с. 112], которые должны были располагаться недалеко от промышленных предприятий, где предусматривались общие кухни-столовые, детские комнаты, террасы для отдыха, а также комнаты для проживания семей. Однако практика быстро показала утопичность такого подхода и невозможность полноценной реализации всех положений, обозначенных в нормативных актах и градостроительных проектах. Именно поэтому актуальность работы очевидна, и она обусловила постановку цели и задач исследования. Целью определена конкретизация политико-идеологические основ и развития жилищное право советского государства довоенного периода. Объектом возможно назвать систему жилищного законодательства довоенного периода советского государства. Предмет –реформирование правил использования жилищного фонда.

В качестве основных задач определены:

1. Выявить основные жилищные проблемы раннего советского периода;
2. Определить наиболее значимые нормативно- правовые акты, касающиеся вопросов обеспечения жильем граждан;
3. Наметить основные перспективы исследования решения жилищного вопроса в последующие периоды развития советского государства.

Материалы и методы исследования

В качестве основных источников были использованы нормативно- правовые акты начального советского периода, отражающие направления реформирования системы использования и управления жилищным фондом (Постановления, Декреты ВЦИК и др.).

Также были проанализированы работы исследователей, которые занимались данным вопросом (М.Г. Меерович, В.М. Молчанов, А.С. Онищенко и пр.). Основным методом был определен анализ: исторический и теоретико-методологический, который позволил сопоставить положения, отраженные в правовых документах и те действия, которые способствовали их реализации).

Результаты и обсуждение

Актуальность решения жилищного вопроса в строящемся советском государстве была обозначена уже после Октября и это отразилось в постановлении НКВД, которое было принято в конце октября 1917 года и отражало вопросы управления жилищным фондом.

Данный документ имел название «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса» [5] и содержал важные положения о том, что все пустующие помещения, которые в той или иной степени пригодны для жилья, необходимо занимать и использовать для проживания тех граждан, которые в этом нуждаются. В качестве основных критериев нуждаемости определились следующие:

-проживание в перенаселенных помещениях, где жилая площадь на одного человека не позволяла обеспечить нормальные условия жизнедеятельности;

-проживание в тех квартирах, которые опасны для жизни (полуразрушены, наличие соседей с инфекционными заболеваниями, опасное месторасположение).

В соответствии с этим была учреждена жилищная комиссия с определенными полномочиями, такими как учреждение домовых комитетов (поддержание порядка, управление жилым фондом), создание жилищных судов, определение их функций и полномочий. Однако широкого практического применения данный нормативный акт не получил, т.к. институт городского самоуправления был упразднен и власть была передана местным Советам. Несколько позже возможно отметить издание Декрета СНК РСФСР от 23 ноября 1917 г. «Об отмене частной собственности на городские недвижимости» [6] и Декрет ВЦИК от 6 декабря 1917 г. «О запрещении сделок с недвижимостью» [7]. Данные документы обеспечивали право изъятия у богатых горожан жилья и передачу его нуждающимся. Кроме того, жилье нельзя было передавать другим в собственность, совершать с ним иные сделки.

Однако изъятие жилья требовало от власти принятия эффективных мер по его управлению и содержанию, однако соответствующих ресурсов у власти не нашлось. В этой связи был принят ряд правовых актов, определяющий частичное возвращение к ранее существовавшему положению, и которые объединяются понятием «демуниципализации жилья».

Также в указанный период были приняты еще несколько достаточно интересных документов, касающихся изменений правил использования жилого фонда. К примеру, в декабре 1921 г. было принято Постановление Совета народных комиссаров РСФСР «Об условиях демуниципализации домов» [8], по которому в контексте новой экономической политики дома, которые ранее были изъяты у владельцев, могли быть возвращены в собственность, в том случае, если в них хозяевами будет сделан ремонт в течение года, и они будут использованы в качестве жилья. Похожее постановление от августа того же года позволяло, чтобы исполкомы сдавали муниципализированное жилье на долгий срок при этом содержание и порядок полностью возлагались на коллективы жильцов.

И в данном случае имеет место значительное противоречие, при котором с одной стороны, нуждаемость в жилье населения и наличие жилого фонда в принципе сопоставимы, но с другой–власти того периода не могут полноценно содержать дома, квартиры, а собственно, и обеспечить необходимые условия проживания тем, кому это необходимо. Именно это обусловило поиск решений указанной проблемы и одним из эффективных способов стало закрепление служебного жилья за работниками предприятий, что упрочивало положение рабочего класса и позволяло выселять нетрудовых элементов из домовкоммун [10]. Это усиливало контраст между трудовым народом и тунеядцами, предоставляя первому ряд социальных благ и гарантий. Если граждане не принадлежали к определенному предприятию, то они подлежали выселению из всех домов и квартир, принадлежащих фабрике, заводу или организации[11].

С середины 1920-х гг. советский законодатель стал обобщать многочисленные изданные до этого нормативно-правовые акты в жилищном деле – вслед за кодификацией, произведенной в иных сферах, которые власть, очевидно, считала более важными (были приняты ГК РСФСР, УК РСФСР, УПК РСФСР, КЗоТ РСФСР и др.).

К середине 1924 года был разработан проект Жилищного кодекса, в котором специальная комиссия постаралась отразить наиболее важные проблемы, касающиеся изменения концепции жилищного устройства: общих положений формирования и распределения жилья, санитарных норм и правил, определения прав застройки и конкретизации частных строений. Появился отдельный раздел «Государственный фонд строений», который включал в себя национализированные и муниципализированные дома и квартиры. Перечень способов муниципализации жилья был исчерпывающим, как и тех строений, которые подлежали данному процессу. Также кодекс отражал порядок приобретения и перехода прав собственности и ограничения сделок купли- продажи. Важное место отводилось аренде как обеспечению возможности использования жилья: регулированию арендной платы, конкретизации условий арендного договора [12]. Однако это кодекс так не был принят «ввиду особой сложности и многоаспектности» жилищной сферы [13. с. 31].

Несмотря на это, жилищные отношения по-прежнему активно регулировались различными актами, причем на всё более системной уровне и с более высокой степенью обобщения, и в этом смысле можно говорить о том, что формировалось жилищное право как самостоятельная отрасль права [14]. В этом смысле необходимо отметить прежде всего совместное Постановление ЦИК СССР и СНК СССР «О жилищной кооперации» от 19 августа 1924 г. [15] В этом законе признавался факт наличия жилищного кризиса в стране, который не удалось преодолеть в рамках указанной выше акции правительства по демуниципализации жилья, поскольку, продекларировав возможность и необходимость переложить на плечи физических и юридических лиц заботу о состоянии жилья, власть не определила соответствующие права и полномочия. И вот в законе о жилищной кооперации это было сделано.

С середины 1920-х гг. в СССР активизировалось жилищное строительство, на что направлялись значительные финансовые средства, и прежде всего за счет специальных отчислений из прибыли предприятий. Такой подход тут же был сопровожден предупредительной мерой в виде Постановления СНК СССР «Об ответственности за соблюдение правил об отчислении, собирании, хранении и использовании по назначению средств, предназначенных на кредитование строительства рабочих жилищ» от 2 июня 1925 г. [16]. В этом документе, в частности, указывалось, что ответственность за соблюдение правил об отчислениях на жилищное строительство из фондов улучшения быта рабочих и служащих государственных предприятий возлагается на руководителей предприятий, правлений акционерных обществ и других организаций.

Этот акт свидетельствует о той большом значении жилищной проблемы, которую власть пыталась разрешить среди прочего и указанными методами. В этом же контексте следует расценивать и Декрет СНК РСФСР «Об упорядочении работы судов в области жилищного дела» от 13 сентября 1926 г. [17] Данный акт показывает, что для власти важно было решать проблему обеспечения населения жильем как можно быстрее. Однако определенным тормозом для этого было долгое рассмотрение спорных дел по жилищным вопросам в советских судах в рамках гражданско-правовых отношений. И вот правительство предписало ряд мер, направленных на ускоренное рассмотрение жилищных дел в судах. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что СНК РСФСР значительно превысил свои полномочия, вторгаясь в регулирование гражданско-процессуальных, уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. Это можно, на наш взгляд, объяснить опять же остротой жилищной проблемы. В дальнейшем такого рода «вторжений» в сфере жилищных отношений в довоенный период не наблюдалось.

К тому времени вопросы жилищной застройки и отвода земельных участков под строительство уже нашли отражение в гражданском и земельном законодательстве. Так, в ГК РСФСР 1922 г. выделялся целый раздел: «Право застройки» (ст. 72-84). Однако гражданско-правовых норм было недостаточно для того, чтобы отрегулировать все вопросы жилищного строительства. В частности, встал вопрос о том, нужно ли ограничивать срок договора на право постройки жилья для обобществленного (государственного и кооперативного) сектора? Было признано, что нет, ограничений быть не должно, поскольку в обобществленном жилом фонде проживают советские граждане и оснований их выселять спустя срок договора не может быть в принципе. Соответственно требовалось уточнить вопросы предоставления земельных участков для ных договоров. В целях исполнения нормативно- правовых документов, ВЦИК и СНК РСФСР в августе 1932 года было принято постановление «О предоставлении учреждениям, предприятиям и организациям обобществленного сектора земельных участков для строительства на праве бессрочного пользования» [18]. Специфика документа заключалась в том, что неиспользуемые пустые либо с имеющимися строениями земельные участки предоставляются в бессрочное пользование для застройки бюджетным организациям, предприятиям, жилищно-строительным кооперативам (юридическим лицам определенного сектора). Сопутствующий уточняющий документ от августа 1932 года закреплял договорные отношения основного пользователя и тех, кто был потенциальным застройщиком либо съемщиком жилья и данный договор необходимо было утвердить в местном Совете.

Этот и другие акты в этом направлении свидетельствуют о том, что практика жилищного строительства сталкивалась с вопросами, регулирование которых отставало от ее потребностей. Заметим здесь же, что этот опыт регулирования «договоров надстройки» 1930-х гг. в СССР полезно использовать и в настоящее время, учитывая, что в последние годы актуальной является проблема так называемой «уплотнительной застройки» в городах (так можно именовать «договор надстройки»), вызывающая недовольство большого количества граждан тем, что рядом с их жилищами строятся новые, и это при том, что, как правило, такое новое строительство является сюрпризом для жителей. Здесь же заметим, что в сфере жилищного строительства в рассматриваемый период особое внимание уделялось Москве как столице СССР. 10 июля 1935 г. Постановлением СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) «О генеральном плане реконструкции города Москвы» была утверждена стратегическая программа развития столицы[20]. В том же году, в октябре, правительственным решением утверждаются «Правила о порядке застройки города Москвы» [21], где важнейшее место отводилось роли местной власти – Моссовету.

К началу 30х годов. в СССР сформировалась достаточно устойчивая система жилищного законодательства, которая отражала проблематику строительства, ввода жилья в эксплуатацию, ремонта, поддержания порядка. Обострялся вопрос общественной безопасности, сохранности жилья и злоупотребления использованием жилых площадей. В связи с этим в период политических гонений, репрессий жилищная политика ужесточалась, что, безусловно, было направлено на обеспечение жильем рабочего класса, ученых, крестьян и Постановление 1937 года это закрепляло [22]. Вводная часть данного документа гласила, что успехи индустриализации и промышленности советского государства обусловили рост потребности в жилье, более комфортных условиях жизни рабочего класса и это требовало немалых преобразований, вложений ресурсов, нового строительства и понимания перспектив улучшения жилищного фонда.

На 1 января 1937 года построено 54 миллиона квадратных метров жилой площади стоимостью в двенадцать с половиной миллиардов рублей. Весь этот новый жилищный фонд вместе с конфискованными у капиталистов домами, является, государственной собственностью, т.е. всенародным достоянием … Между тем существующий порядок управления и пользования этим огромным жилищным фондом не только не соответствует требованиям сохранения жилищного фонда, как государственного имущества, и образцового его содержания, но, наоборот, тормозит дальнейшее улучшение жилищного хозяйства» [22].

Далее указывались недостатки в деятельности местных Советов, в компетенции которых были жилищные отношения, и основной проблемой являлась бесконтрольность использования жилищного фонда, который по сути, был передан в ведение отдельных мелких коллективов жильцов, объединенных союзами жилищно- арендной кооперации. Местные советы при этом достаточно часто и охотно уступали данным коллективам права на управление жилищным фондом [22] и в этом контексте им было предписано устранять недостатки в ремонте и обслуживании. На деле же средств и ресурсов не хватало и дома, квартиры приведены в порядок не были. Параллельно с этим принимались меры по изменению руководства жилищным хозяйством РСФСР и отражены они были более чем в 170 постановлениях, которые были приняты в период с 1924 по 1937 годы. Более 60 документов были скорректированы за этот срок и это позволяло говорить о серьезном реформировании управления сферой жилищной эксплуатации, ремонта в контексте смещения акцента с ведомственных структур к советской централизованной [23, с. 16]. И эта направленность будет в своей основе сохраняться до конца существования СССР. К этому времени уже набрала высокие темпы тенденция значительного снижения строительства жилья за счет самих граждан ввиду активного развития строительства в обобществленном секторе [24, с. 137].

Подытоживая, следует отметить, что жилищное право в советском государстве довоенного периода развивалось неравномерно. В первые годы после Октябрьской революции 1917 г. преобладали многочисленные отдельные правовые акты, посредством которых власть стремилась как можно быстрее реализовать свои политико-идеологические установки, связанные с переводом практически всего городского жилого фонда в собственность государства. Систематизация жилищного законодательства

права стала проявляться лишь к середине 1920-х гг. - после определенной стабилизации общественно-политической обстановки в стране. Вместе с тем попытка кодификации (создание Жилищного кодекса) оказалась неудачной. Тем не менее законодатель стал издавать обобщенные правовые акты, в которых находили отражение уже сложившиеся требования власти как к качеству жилья для трудящихся, так и в вопросах управления жилым фондом. К середине 1930-х гг. жилищное право в СССР можно считать сложившимся.

Но при этом нужно иметь в виду, что острый дефицит в жилье сохранялся, например, в начале 1930-х гг. в Магнитогорске лишь 15% населения проживало в многоквартирных домах, 50% - в домах барачного типа, остальные селились в «самострое» [25, с. 72]. Явно требовалось решение вопроса о жилищно-строительной индустриализации для решения этой проблемы. Начало было положено изданием 14 июля 1932 г. было Постановление Мосгорисполкома и Моссовета «О типе жилого дома». Данный документ отражал требования, предъявляемые к жилому фонду в плане бытового обеспечения: обязательное наличие коммунальной инфраструктуры (яслей, детских садов, кладовых, прачечных и пр.). Дом должен представлять собой пятиэтажное строение, в котором множество просторных комфортабельных квартир с раздельными санузлами, комнатами, встроенными шкафами и стандартной мебелью и отделкой, расположение домов - по магистральным улицам. Однако до войны так и не удалось поставить на поток строительство подобных домов по всей стране – это стало возможным только во второй половине 1950-х гг., когда началось строительство известных «хрущевок».

Выводы

Жилищный вопрос в советском государстве довоенного периода стал объектом регулирования законодателем буквально через несколько дней после Октябрьской революции 1917 г. Были приняты акты, предусматривающие реквизицию жилья у бывших собственников и передача ее трудящимся, при этом заселение производилось как правило по типу коммунальных квартир; также запрещались гражданско-правовые сделки с недвижимостью. На основе Программы РКП(б) в перспективе предполагалось создание домов-коммун с общим домашним хозяйством, однако практика показала, что такой подход оказался утопичным. При этом жилищный вопрос регулировался применительно только к городам. Соответствующие акты принимали различные органы (СНК, НКВД, ЦИК и др.), в них определялись самые различные аспекты жилищных отношений (требования к жилым помещениям, условия вселения и выселения, сохранность жилого фонда и др.). К середине 1920-х гг., несмотря на неудачную попытку принять Жилищный кодекс, в СССР сложились основы жилищного права. В дальнейшем оно развивалось на основе жилищной политики, предполагающей полное огосударствление жилищного фонда, управляемого местными Советами с допущением участия в этом жилищно-строительных кооперативов. Но кардинальным образом решить проблему острой нехватки жилья в городах СССР так и не удалось.

Литература

1 Меерович М.Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917-1941 гг.): дис. … д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2004. -659 с.

2. Меерович М.Г. Рождение и смерть советского города-сада. М., 2007, №1. С. 118-166.

3. Исаев В.И. Историография быта рабочих СССР периода 1920-1930-х годов: от пропаганды к реальности // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С.157-171.

4. Молчанов В.М., Онищенко А.С. Социальные основы эволюции архитектурно-пространственной структуры жилища в крупнейших городах Юга России // Инженерный вестник Дона. 2024. № 9. С. 1-18.

5. Постановление НКВД «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса» от 30.10.1917 г. // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. №2.

6. Декрет СНК «Об отмене частной собственности на городские недвижимости» от 23. 11. 1917 г. // Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 135.

7. Декрет ВЦИК «О запрещении сделок с недвижимостью» от 23. 11. 1917г.// Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 135.

8. Постановление СНК РСФСР «Об условиях демуниципализации домов» от 28. 12. 1921 г. // Бюллетень НКВД. 1922. № 3. С.3.

9. Постановление СНК РСФСР «Об управлении домами» от 08.08.1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 60. Ст. 411.

10. Декрет СНК «О дополнении к декрету Совета Народных Комиссаров «О невыселении в административном порядке граждан из занимаемых ими жилищ» от 08.05. 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 34. Ст. 398.

11. Декрет СНК «Об изменении декрета о невыселении в административном порядке граждан из занимаемых ими помещений» от 06.09.1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 57. Ст. 724. Эл. ресурс: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/351522-dekret-soveta-narodnyh-komissarov-ob-izmenenii-dekreta-o-nevyselenii-v-administrativnom-poryadke-grazhdan-iz-zanimaemyh-imi-pomescheniy-6-sentyabrya-1922-g Режим доступа: docs.historyrussia.org (Дата обращения 26.06.2026).

12. Проект Жилищного кодекса // Коммунальное дело. 1924. № 1-2. С. 83-91.

13. Ящук Т.Ф. О работе по кодификации советского законодательства о местном управлении в 1920-е годы // История государства и права. 2006. № 7. С. 29-34.

14. Курдюк П.М., Упоров И.В., Курдюк Г.М. Правотворчество в современной России: учебное пособие. Краснодар, 2003. 92 с.

15. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 19.08.1924 г. «О жилищной кооперации» // Известия ЦИК СССР. 1924. 21 августа. Эл. ресурс: https://ivgpu.ru/images/docs/ob-universitete/instituty-fakultety-kafedry/isi/kafedry/opgkh/publikatsii/opgkh-uup-14.pdf Режим доступа: ivgpu.ru/images (Дата обращения 26.06.2026)

16. Постановление СНК СССР «Об ответственности за соблюдение правил об отчислении, собирании, хранении и использовании по назначению средств, предназначенных на кредитование строительства рабочих жилищ» от 02.06.1925 г. // СЗ СССР. 1925. № 40. Ст. 295. Эл. ресурс: https://e-ecolog.ru/docs/9nsIP6MiwSHTH0sMgv1un Режим доступа: https://e-ecolog.ru (Дата обращения: 26.06.2026)

17. Декрет СНК РСФСР «Об упорядочении работы судов в области жилищного дела» от 13.09.1926 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1926 . 22 сентября. Эл. ресурс: https://e-ecolog.ru/docs/6y0uPSgqJ8N_hB27uVWqD. Режим доступа: e-ecolog.ru/(Дата обращения: 26.06.2026)

18. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О предоставлении учреждениям, предприятиям и организациям обобществленного сектора земельных участков для строительства на праве бессрочного пользования» от 01.08. 1932 г. // СУ РСФСР. 1932. № 66. Ст. 295.Эл. ресурс: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/371897-o-predostavlenii-uchrezhdeniyam-predpriyatiyam-i-

organizatsiyam-obobschestvlennogo-sektora-zemelnyh-uchastkov-dlya-stroitelstva-na-prave-bessrochnogo-polzovaniya-postanovlenie-vtsik-i-snk-rsfsr-1-avgusta-1932-g Режим доступа: docs.historyrussia.org (Дата обращения: 26.06.2026)

19. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке возведения учреждениями, предприятиями и организациями обобществленного сектора жилых и нежилых помещений в домовладениях муниципального фонда» от 01.08.1932 г. // СУ РСФСР. 1932. № 67. Ст. 302. Эл. ресурс: https://e-ecolog.ru/docs/88VtUUv57-fzFsWmTdX3j Режим доступа: e-ecolog.ru (Дата обращения 26.06.2026).

20. Постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) «О генеральном плане реконструкции города Москвы» от 10.07. 1935 г. // СЗ СССР. 1935 № 35. Ст.306. https://e-ecolog.ru/docs/J6LNROXrJBGBSFapNq0dk Режим доступа: /e-ecolog.ru/ (Дата обращения 26.06.2026)

21. Постановление СНК СССР «Об утверждении Правил о порядке застройки города Москвы» от 01.10.1935г. N 2221 // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1935. 3 октября. Эл. ресурс: https://e-ecolog.ru/docs/plAw2cL6y3PCOflFAtNP9 Режим доступа: e-ecolog.ru (Дата обращения: 26.06.2026)

22. Постановление ЦИК и СНК СССР «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» от 17.10.1937 г. // СЗ СССР. 1937. № 69. Ст. 314.Эл. ресурс: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354645-postanovlenie-tsik-i-snk-sssr-17-oktyabrya-1937-g-o-sohranenii-zhilischnogo-fonda-i-uluchshenii-zhilischnogo-hozyaystva-v-gorodah. Режим доступа: docs.historyrussia.org (Дата обращения 26.06.2026).

23. Меерович М.Г. Градостроительная доктрина России // Архитектура. Строительство. Дизайн. 2003. № 1. С.14-18.

24. Пилипенко И.В. Подход к выделению этапов жилищного строительства в РСФСР / Российской Федерации в 1920–2020-х годах (часть II) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2025. № 1. С. 134-146.

25. Улько А.С., Ястребова И.М. Стандартизация и типизация в отечественном жилищном строительстве (1930-1950 гг.) // Architecture and Modern Information Technologies. 2020. № 2. С. 69-79.

Housing law of the pre-war soviet state: political and ideological foundations and development

Uporov I.V.
Russian Academy of Natural Sciences

This article examines the development of housing legislation in the Soviet period before the start of the Great Patriotic War. It analyzes numerous legal acts that regulated social relations in the housing sector during this historical period of Soviet history. The article concludes that the housing issue remains relevant. The article also addresses the issues that arose during the study period, such as providing high-quality housing, meeting the needs of the population for comfortable living conditions, and, consequently, increasing the housing stock. Additionally, the article examines the challenges of housing management and the key responsibilities assigned to the management entities.

These results can be used in the context of further research on the subject: the fundamental legal acts have been specified, and the priority aspects of their implementation have been identified, which allows for a comparative historical analysis of this stage of Soviet state development and subsequent stages, as well as the identification of factors that contributed to the most effective resolution of the housing issue during this period. The specific nature of the adjustments to the housing legislation of the early Soviet period necessitates changes that reflect the need for the establishment of common ownership of the housing stock and the distribution of housing to those in need in accordance with established standards.

In the future, active social activities were developed on the basis of a housing policy that involved the complete nationalization of the housing stock managed by local Soviets, with the participation of housing cooperatives.

However, it is important to note that the problem of severe housing shortages in the cities of the USSR was never solved.

Keywords: housing law, communal housing, housing requisition, code, housing cooperatives, local councils, housing stock.

References

1 Meerovich M.G. Socio-cultural foundations of the implementation of state housing policy in the RSFSR (1917-1941): dis. ... Doctor of Historical Sciences. Ulan-Ude, 2004. -659p.
2. Meerovich M.G. The Birth and Death of the Soviet Garden City. Moscow, 2007. №1. Pp. 118-166/
3. Isaev V.I. The Historiography of the Everyday Life of Soviet Workers in the 1920s and 1930s: From Propaganda to Reality // Historical Courier. 2024. No. 5 (37). Pp. 157-171.
4. Molchanov V.M., Onishchenko A.S. Social Foundations of the Evolution of the Architectural and Spatial Structure of Housing in the Largest Cities of Southern Russia // Engineering Bulletin of the Don. 2024. No. 9. Pp. 1-18.
5. Decree of the People's Commissariat of Internal Affairs "On the Rights of Municipal Self-Governments in Regulating the Housing Issue" dated October 30, 1917 // Newspaper of the Provisional Workers' and Peasants' Government. 1917. No.
6. Decree of the Council of People's Commissars of People's Commissars "On the abolition of private ownership of urban real estate" dated 23.11. 1917 // Decrees of the Soviet government. Moscow, 1957. Vol. 1. p
7. Decree of the Central Executive Committee "On the prohibition of real estate transactions" dated 23.11. 1917.// Decrees of the Soviet government. Moscow, 1957. Vol. 1. p. 135.8.
8. Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR "On the conditions of demunicipalization of houses" dated 28.12. 1921 // Bulletin of the NKVD. 1922. № 3.
9. Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR "On the management of houses" dated 08.08.1921 // SU RSFSR. 1921. No. 60. Art. 411.
10. Decree of the Council of People's Commissars "On the supplement to the Decree of the Council of People's Commissars "On the non-administrative eviction of citizens from their occupied homes" dated 08.05.1922 // SU RSFSR. 1922. No. 34. Art. 398.
11. Decree of the Council of People's Commissars "On amending the decree on the non-administrative eviction of citizens from their occupied premises" dated 09/06/1922 // SU RSFSR. 1922. No. 57. Art. 724. El. resource: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/351522-dekret-soveta-narodnyh-komissarov-ob-izmenenii-dekreta-o-nevyselenii-v-administrativnom-poryadke-grazhdan-iz-zanimaemyh-imi-pomescheniy-6-sentyabrya-1922-g mode dostupa: docs.historyrussia.org (data obratsheniya 26.06.2026).
12. Draft Housing Code // Communal affairs. 1924. No. 1-2. Pp. 83-91.
13. Yashchuk T.F. On the work on codification of Soviet legislation on local government in the 1920s // History of State and Law. 2006. No. 7. Pp. 29-34.
14. Kurdyuk P.M., Uporov I.V., Kurdyuk G.M. Law-Making in Modern Russia: Textbook. Krasnodar, 2003.-92 p.
15. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR and the Council of People's Commissars of the USSR dated August 19, 1924, "On Housing Cooperation" // Izvestia of the Central Executive Committee of the USSR. 1924. August 21. Electronic resource: https://ivgpu.ru/images/docs/ob-universitete/instituty-fakultety-kafedry/isi/kafedry/opgkh/publikatsii/opgkh-uup-14.pdf Access mode: ivgpu.ru/images (Accessed on 26.06.2026)
16. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR "On Responsibility for Compliance with the Rules on Withdrawal, Collection, Storage, and Purposeful Use of Funds for Crediting the Construction of Workers' Housing" dated June 2, 1925 // Collection of Laws of the USSR. 1925. No. 40. Article 295. Electronic resource: https://e-ecolog.ru/docs/9nslP6MiwSHTH0sMgv1un
17. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR "On streamlining the work of courts in the field of housing" dated September 13, 1926 // Izvestia of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee. 1926. September 22. Electronic resource: https://e-ecolog.ru/docs/6y0uPSgqJ8N_hB27uVWqD. Access mode: e-ecolog.ru/(Accessed on 26.06.2026)
18. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR "On granting institutions, enterprises and organizations of the socialized sector of land plots for construction on the right of indefinite use" dated 08.01. 1932 // SU RSFSR. 1932. No. 66. Art. 295. El. resource: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/371897-o-predostavlenii-uchrezhdeniyam-predpriyatiyam-i-organizatsiyam-obobschestvlennogo-sektora-zemelnyh-uchastkov-dlya-stroitelstva-na-prave-bessrochnogo-polzovaniya-postanovlenie-vtsik-i-snk-rsfsr-1-avgusta-1932-g mode dostupa: docs.historyrussia.org (data obratsheniya: 26.06.2026)
19. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR "On the procedure for construction institutions, enterprises and organizations of the socialized sector of residential and non-residential premises in households of the municipal fund" dated 08/01/1932 // SU RSFSR. 1932. No. 67. Art. 302. Electronic resource: https://e-ecolog.ru/docs/88VtUUv57-fzFsWmTdX3j Access mode: e-ecolog.ru (Accessed on June 26, 2026).
20. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the CPSU(b) "On the general plan for the reconstruction of the city of Moscow" dated 07/10. 1935. // NW USSR. 1935 No. 35. Art.306. https://e-ecolog.ru/docs/J6LNROXrJBGBSFapNq0dk Access mode: /e-ecolog.ru/ (Accessed on 26.06.2026)
21. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR "On approval of the Rules on the order of construction of the city of Moscow" dated 01.10.1935 N 2221 // Izvestia of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee. 1935. October 3. Electronic resource: https://e-ecolog.ru/docs/plAw2cL6y3PCOflFAtNP9

Сравнительный анализ конституционно-правовых гарантий социально-экономических прав в России и других странах

Уразаева Мадина Юсефовна
аспирант, Юридического институт, Пензенский государственный университет, madina.urazaeva_18@mail.ru

В статье проводится сравнительный анализ конституционно-правовых гарантий социально-экономических прав в Российской Федерации и зарубежных государствах с акцентом на роль судебной системы в их обеспечении. Рассматриваются различные модели интеграции социальных прав в конституционное пространство, сложившиеся в странах Европейского союза: либеральная, умеренная и южноевропейская. Особое внимание уделяется специфике российской модели, эволюции подходов к закреплению социально-экономических прав от советского периода к современному этапу. Анализируется практика Конституционного Суда Российской Федерации по защите права на жилище, а также гарантии права на социальное обеспечение, образование и экономические права в контексте евразийской интеграции. Особое внимание уделяется сравнительному анализу практики конституционных судов, что позволяет выявить общие закономерности и национальные особенности судебной защиты социально-экономических прав. Установлено, что степень судебной активности прямо коррелирует с уровнем экономического развития и сложившейся правовой традицией конкретного государства. Делается вывод о том, что отсутствие единой модели конституционного гарантирования социально-экономических прав сочетается с постепенным возрастанием роли судебной системы, однако в России этот процесс ограничен доктринальными спорами о субъективной природе данных прав и практическими сложностями исполнения судебных решений.
Ключевые слова: конституция, социальные права, экономические права, гарантии, судебная защита, правоприменение, сравнительный анализ, правовая модель.

Введение

Вопрос о конституционно-правовых гарантиях социально-экономических прав остается одним из наиболее дискуссионных в современной юридической науке. Социальные права, относимые ко второму поколению прав человека, призваны обеспечивать социальную безопасность и развитие личности. Однако их юридическая природа, содержание и механизмы судебной защиты существенно различаются не только в разных правовых семьях, но и в пределах Европейского союза.

В российской доктрине социально-экономические права традиционно рассматриваются как закрепленные в Конституции возможности претендовать на получение от государства материальных благ для удовлетворения жизненных потребностей. Дискуссионным остается вопрос о субъективной природе этих прав. Некоторые ученые отказывают им в таком статусе из-за отсутствия эффективных механизмов судебного принуждения государства к их реализации. Цель работы — сравнительный анализ подходов к конституционному закреплению и гарантированию социально-экономических прав в России и зарубежных государствах с акцентом на роль судебной системы.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу составили общенаучные методы познания, а также формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Нормативную базу образуют конституции России и европейских государств, Хартия ЕС об основных правах. Теоретической основой послужили публикации отечественных авторов по проблематике социально-экономических прав и сравнительному анализу зарубежного опыта [2] [7] [9].

Результаты и обсуждение

В европейской науке выделяются три системы интеграции социальных прав в Основной закон: либеральная (Австрия), умеренная (Германия) и южноевропейская (Испания, Италия, Португалия, Греция) [1]. В основе этой классификации лежит не столько формальное закрепление прав, сколько степень их судебной защищаемости и объем корреспондирующих обязанностей государства. В рамках Европейского союза отсутствует единый подход к определению социальных прав, а их конституционное признание остается предметом дискуссий. Как отмечает А.С. Бурданова, конституционные социальные права в странах ЕС сталкиваются с теоретическими и практическими проблемами реализации, что делает их защиту менее эффективной по сравнению с классическими гражданскими правами [2]. При этом в литературе подчеркивается, что сама по себе фиксация социальных прав в конституциях государств-членов ЕС не гарантирует их единообразного толкования и применения, а напротив, порождает дополнительные сложности при попытках гармонизации социальных стандартов на наднациональном уровне [1].

В Российской Федерации социально-экономические права закреплены в главе 2 Конституции. Советский и постсоветский периоды демонстрируют эволюцию подходов к их нормативному оформлению [5]. Конституции СССР декларировали широкий перечень социальных благ, но не предусматривали эффективных механизмов судебной защиты. Современная Конституция РФ пошла

по пути закрепления этих прав как непосредственно действующих, однако на практике эта возможность реализуется не в полной мере. Система гарантий включает юридические и организационно-экономические элементы, но их эффективность остается предметом дискуссий [3]. Важно отметить, что российская модель конституционного регулирования сложилась под влиянием как советской правовой традиции с ее акцентом на государственное обеспечение, так и международных стандартов, воспринятых в постсоветский период. В результате сформировалась эклектичная конструкция, в которой сочетаются программные положения и субъективные права, причем критерии разграничения этих категорий четко не определены ни на доктринальном, ни на законодательном уровне [3].

Анализ решений Конституционного Суда РФ по вопросам защиты права на жилище показывает, что судебная практика формирует конкретные механизмы реализации конституционных положений [4]. Суд последовательно вырабатывает позиции, направленные на обеспечение доступности жилья, но действует в рамках предоставленных полномочий, не подменяя законодателя, а указывая на пробелы в регулировании. Примечательно, что в своей практике Конституционный Суд РФ избегает прямого признания за гражданами субъективных прав на получение конкретных социальных благ, предпочитая толковать конституционные нормы как обязывающие законодателя к принятию определенных мер, но не создающие непосредственно исковых требований к государству [4]. В странах с южноевропейской моделью конституционные суды проявляют большую активность в толковании социальных положений, тогда как германская модель предполагает более сдержанную позицию суда при развитом социальном законодательстве [2]. Эта разница обусловлена не только правовыми традициями, но и уровнем экономического развития, а также структурой социального обеспечения в каждом конкретном государстве.

Право на социальное обеспечение претерпевает изменения под влиянием цифровизации, новых форм занятости и демографических сдвигов. О.Н. Семенова отмечает появление новых требований к содержанию юридических гарантий в этой сфере [6]. Речь идет, в частности, о необходимости адаптации систем социального страхования к нестандартным формам трудовой деятельности, развитии электронных сервисов взаимодействия гражданина с государством, а также о пересмотре возрастных критериев в связи с увеличением продолжительности жизни. Роль судебной системы не ограничивается разрешением споров — суды все чаще корректируют государственную социальную политику, когда законодатель не успевает реагировать на меняющиеся социально-экономические условия. Однако в России судебная защита права на социальное обеспечение сталкивается с теми же сложностями: отсутствием четких критериев для оценки действий государства и ограниченностью судебного усмотрения в финансово-распределительных вопросах [6]. Это означает, что даже при формальном признании права на социальное обеспечение гражданин не всегда может добиться его реализации в судебном порядке, если вопрос касается объема бюджетных ассигнований.

Сравнительный анализ конституционного права на образование, проведенный Е.И. Чебурахиной и А.В. Коротун, показывает, что в России и за рубежом подходы имеют общие черты (признание образования фундаментальным благом) и существенные различия (в европейских странах больше внимания уделяется автономии, в России — государственным стандартам) [9]. В западноевропейских государствах образование рассматривается не только как средство социальной мобильности, но и как сфера реализации личной автономии, что отражается в конституционных нормах о свободе преподавания и академических свободах. В России акцент сделан на доступности и обязательности образования, а также на единых федеральных стандартах, что порождает иной объем судебной защиты: споры чаще касаются процедурных нарушений, нежели содержательных аспектов образовательного процесса. Судебная практика по защите права на образование в России только формируется, количество дел, где заявителям удается добиться защиты через суд, незначительно [9].

В контексте евразийской интеграции Н.В. Тупиков показывает, что подходы России и Казахстана к конституционному регулированию экономических прав расходятся: казахстанская модель демонстрирует большую либерализацию, российская сохраняет элементы государственного вмешательства [7]. Судебная защита в обеих странах сталкивается с проблемами длительности процедур и ограниченности полномочий конституционных судов в экономических спорах.

Т.В. Шитова и Г.И. Пчелкина акцентируют внимание на комплексном характере социально-экономических прав, объединяющих индивидуальное правопритязание и публично-правовое обязательство государства [10]. Это двойственное содержание создает сложности при определении объема судебной защиты: суд может защитить право лишь при наличии конкретной нормы-обязательства, а не только декларативного положения конституции. Авторы подчеркивают, что многие социально-экономические права сформулированы в Конституции РФ в виде целей и задач, которые не имеют четкого нормативного наполнения, что оставляет значительный простор для усмотрения законодателя и ограничивает судебный контроль. В Германии выработаны четкие критерии разграничения субъективных прав и программных положений, в России эта грань остается размытой. В немецкой правовой доктрине, например, сложилась устойчивая практика признания социальных прав судебно защищаемыми в тех случаях, когда государство нарушает принцип равенства или действует произвольно, даже если речь не идет о конкретном правомочии. Российская судебная практика пока не выработала аналогичных подходов [2].

Право на жизнь традиционно относится к личным правам, его социально-экономический аспект (доступ к медицине, достойным условиям существования, безопасной окружающей среде) очевиден. Ю.С. Цветова отмечает проблемы гарантий и перспективы ограничений данного права в современной России [8]. В частности, дискуссионными остаются вопросы о праве на достойную медицинскую помощь как элементе права на жизнь, о критериях оценки действий медицинских работников в рамках судебного разбирательства, а также о допустимости ограничений при экстремальных ситуациях. В европейских странах судебная защита права на жизнь в его социально-экономическом измерении получила большее развитие, включая практику Европейского суда по правам человека [8]. Европейский суд неоднократно признавал нарушения статьи 2 Конвенции в случаях ненадлежащего оказания медицинской помощи, отсутствия эффективного расследования и непринятия превентивных мер, что создало прецеденты для национальных судебных систем и стимулировало развитие внутренних механизмов защиты.

Центральной проблемой остается роль судебной системы. В российской науке ряд ученых не рассматривают социальные права как субъективные из-за отсутствия судебной защиты [1]. В европейской традиции, особенно в странах с южноевропейской и умеренной моделями, социальные права рассматриваются как судебно защищаемые, хотя и с ограничениями. В Германии суды защищают социальные права при нарушении принципа равенства

или произволе государства, в Австрии они скорее программны [2].

Выводы

Таким образом, не существует единой общепризнанной модели конституционного гарантирования социально-экономических прав. В рамках Европейского союза выделяются три различные системы интеграции, отражающие исторические традиции и экономические возможности государств. Российская модель близка к умеренной и южноевропейской, но сохраняет специфику, обусловленную советским наследием и современными реалиями.

Во-вторых, роль судебной системы существенно различается. В странах с развитой практикой суды выступают активным инструментом защиты социально-экономических прав. В России судебная защита, хотя и признается на конституционном уровне, сталкивается с доктринальными спорами о природе этих прав и практическими сложностями исполнения решений.

В-третьих, анализ практики Конституционного Суда РФ по праву на жилище показывает постепенное формирование судебных механизмов, но этот процесс требует дальнейшего развития. Современные тенденции в сфере социального обеспечения, образования и экономических прав демонстрируют растущую роль наднациональных институтов (ЕАЭС, ЕС) в формировании стандартов, что создает как новые возможности, так и вызовы для национальных систем.

Таким образом, конституционно-правовые гарантии социально-экономических прав представляют собой сложный механизм, эффективность которого зависит от баланса конституционных деклараций, законодательства, судебной практики и реальных экономических возможностей государства. Поиск оптимальной модели продолжается, роль судебной системы постепенно возрастает, но остается ограниченной как доктринально, так и практически.

Литература

1. Белоусова Е.В. Эволюция института социально-экономических прав и свобод в международно-правовых актах / Е.В. Белоусова // Тенденции развития правового механизма реализации социально-экономических прав человека: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 29–30 октября 2021 года. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2021. – С. 20-25. – EDN DGNOMT.

2. Бурданова А.С. Конституционные социальные права в странах европейского союза. Теоретические положения и проблемы реализации // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2021. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-sotsialnye-prava-v-stranah-evropeyskogo-soyuza-teoreticheskie-polozheniya-i-problemy-realizatsii (дата обращения: 23.06.2026).

3. Завгородний Е.В. Гарантии конституционных социально-экономических прав человека в Российской Федерации / Е.В. Завгородний // Современные тенденции развития науки, общества и образования (шифр - МНСТ) : Сборник материалов II Международной научно-практической конференции, Москва, 19 апреля 2024 года. – Москва: ООО «Издательство Академическая среда», 2024. – С. 270-272. – EDN HRPGKF.

4. Подмарев А.А., Фролов А.А. Конституционное право на жилище в Российской Федерации и практика решений Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам защиты данного права // Вестник СГЮА. 2023. №5 (154). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-pravo-na-zhilische-v-rossiyskoy-federatsii-i-praktika-resheniy-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-po (дата обращения: 23.06.2026).

5. Рожкова И.Ю. Сравнительный анализ закрепления основных прав человека в конституциях СССР и Российской Федерации / И.Ю. Рожкова // Правовое видение развития России : Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию присоединения Института права к Башкирскому государственному университету, Уфа, 15 апреля 2022 года. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. – С. 259-263. – DOI 10.33184/pvrr-2022-04-15.39. – EDN NZCNUD.

6. Семенова О.Н. Конституционное право на социальное обеспечение: новые требования в содержании юридических гарантий / О.Н. Семенова // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – Т. 14, № 2(52). – С. 29-35. – DOI 10.37973/KUI.2023.42.82.004. – EDN BJMXHE.

7. Тупиков Н.В. К вопросу о конституционно-правовых стандартах защиты экономических прав в странах Евразийского экономического союза (на примере Российской Федерации и Республики Казахстан) // Правовая политика и правовая жизнь. 2026. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-konstitutsionno-pravovyh-standartah-zaschity-ekonomicheskih-prav-v-stranah-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-na (дата обращения: 23.06.2026).

8. Цветова Ю.С. Конституционное право на жизнь в современной России: проблемы гарантий и перспективы ограничений / Ю.С. Цветова // Актуальные вопросы экономических наук, права и менеджмента : сборник материалов XX-ой международной очно-заочной научно-практической конференции, Москва, 20 февраля 2023 года. – Москва: Научно-издательский центр «Империя», 2023. – С. 26-28. – EDN LPJMTD.

9. Чебурахина Е.И. Конституционное право граждан на образование в России и за рубежом: сравнительный анализ / Е.И. Чебурахина, А.В. Коротун // Современный учитель - взгляд в будущее: Сборник научных статей Международного научно-образовательного форума. В 3-х частях, Екатеринбург, 17–18 ноября 2022 года. Том Часть 3. – Екатеринбург: [б.и.], 2022. – С. 251-254. – DOI 10.26170/ST2022t1-263. – EDN CRPEBU.

10. Шитова Т.В. Социально-экономические права граждан: особенности содержания / Т.В. Шитова, Г.И. Пчелкина // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2021. – № 2(20). – С. 54-63. – DOI 10.36718/2500-1825-2021-2-54-63. – EDN BUJJOW.

Comparative analysis of constitutional and legal guarantees of socio-economic rights in Russia and other countries

Urazaeva M.Y.

Penza State University Law Institute

The article presents a comparative analysis of constitutional and legal guarantees of socio-economic rights in the Russian Federation and foreign states, with an emphasis on the role of the judicial system in their enforcement. Various models of integrating social rights into constitutional space that have developed in the European Union countries are examined: liberal, moderate, and Southern European. Special attention is paid to the specifics of the Russian model and the evolution of approaches to the consolidation of socio-economic rights from the Soviet period to the present stage. The practice of the Constitutional Court of the Russian Federation concerning the protection of the right to housing is analyzed, as well as guarantees of the right to social security, education, and economic rights in the context of Eurasian integration. Special attention is paid to the comparative analysis of the practice of constitutional courts, which makes it possible to identify common patterns and national peculiarities of judicial protection of socio-economic rights. It is established that the degree of judicial activity directly correlates with the level of economic development and the established legal tradition of a particular state. It is concluded that the absence of a unified model of constitutional guarantee of socio-economic rights is combined with a gradual increase in the role of the judicial system; however, in Russia this process is limited by doctrinal disputes over the subjective nature of these rights and practical difficulties in the enforcement of judicial decisions.

Keywords: constitution, social rights, economic rights, guarantees, judicial protection, law enforcement, comparative analysis, legal model.

References

1. Belousova E.V. Evolution of the institute of socio-economic rights and freedoms in international legal acts / E.V. Belousova // Trends in the development of the legal mechanism for the implementation of socio-economic human rights: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, October 29-30, 2021. – Moscow: Moscow University of the Humanities, 2021. – pp. 20-25. – EDN DGNOMT.
2. Burdanova A.S. Constitutional social rights in the countries of the European Union. Theoretical provisions and problems of implementation // Izv. Sarath. University of Nov. ser. Ser. Economy. Management. Right. 2021. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-sotsialnye-prava-v-stranah-evropeyskogo-soyuza-teoreticheskie-polozheniya-i-problemy-realizatsii (date of request: 06/23/2026).
3. Zavgorodny E.V. Guarantees of constitutional socio-economic human rights in the Russian Federation / E.V. Zavgorodny // Modern trends in the development of science, society and education (cipher - MNST) : Collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 19, 2024. – Moscow: Academic Environment Publishing House, LLC, 2024. – pp. 270-272. – EDN HRPGKF.
4. Podmarev A.A., Frolov A.A. The constitutional right to housing in the Russian Federation and the practice of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the protection of this right. // Bulletin of the SSYAA. 2023. No. 5 (154). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-pravo-na-zhilische-v-rossiyskoy-federatsii-i-praktika-resheniy-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-po (date of request: 06/23/2026).
5. Rozhkova I.Y. Comparative analysis of the consolidation of basic human rights in the constitutions of the USSR and the Russian Federation / I.Y. Rozhkova // Legal Vision of Russia's development : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 50th anniversary of the Institute of Law joining Bashkir State University, Ufa, April 15, 2022. Ufa: Bashkir State University, 2022. pp. 259-263. – DOI 10.33184/pvrr-2022-04-15.39 . – EDN NZCNUD.
6. Semenova O.N. The constitutional right to social security: new requirements in the content of legal guarantees / O.N. Semenova // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – Vol. 14, No. 2(52). – pp. 29-35. – DOI 10.37973/KUI.2023.42.82.004. – EDN BJMXHE.
7. Tupikov N.V. On the issue of constitutional and legal standards for the protection of economic rights in the countries of the Eurasian Economic Union (on the example of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan) // Legal policy and legal life. 2026. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-konstitutsionno-pravovyh-standartah-zaschity-ekonomicheskih-prav-v-stranah-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-na (date of request: 06/23/2026).
8. Tsvetova Yu.S. Constitutional right to life in modern Russia: problems of guarantees and prospects of restrictions / Yu.S. Tsvetova // Current issues of economics, law and management : proceedings of the XX-th International correspondence Scientific and Practical Conference, Moscow, February 20, 2023. – Moscow: Scientific Publishing Center "Empire", 2023. – pp. 26-28. – EDN LPJMTD.
9. Cheburakhina E.I. The constitutional right of citizens to education in Russia and abroad: a comparative analysis / E.I. Cheburakhina, A.V. Korotun // Modern teacher - a look into the future: Collection of scientific articles of the International Scientific and Educational Forum. In 3 parts, Yekaterinburg, November 17-18, 2022. Volume Part 3. Yekaterinburg: [b.i.], 2022. pp. 251-254. – DOI 10.26170/ST2022t1-263. – EDN CRPEBU.
10. Shitova T.V. Socio-economic rights of citizens: features of the content / T.V. Shitova, G.I. Pchelkina // Socio-economic and Humanitarian Journal. – 2021. – № 2(20). – Pp. 54-63. – DOI 10.36718/2500-1825-2021-2-54-63. – EDN BUJJOW.

Государственный контроль (надзор) и реагирование на обращения граждан в Российской Федерации. Правовые коллизии

Чигвинцев Алексей Юрьевич
соискатель, кафедра административного права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
chigvintsev.alexey@gmail.com

В статье исследуется коллизия между положениями Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ и Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ. Ограничения на проведение контрольных (надзорных) мероприятий снижают результативность рассмотрения обращений граждан, оставляя установленные факты нарушений без применения мер государственного принуждения. Целью работы является определение правовых механизмов для разрешения конфликта между гарантиями рассмотрения обращений и законодательными ограничениями надзорной деятельности. В качестве методологической основы использованы формально-юридический и сравнительно-правовой методы, системный анализ законодательства Российской Федерации, а также анализ правоприменительной и судебной практики. В результате исследования выявлена правоприменительная практика применения норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в обход процедур государственного контроля. Дополнительно установлены риски использования обращений организаций в качестве инструмента недобросовестной конкуренции и давления на рынок в условиях действующего моратория.

Ключевые слова: государственный контроль (надзор), обращения граждан, мораторий на проверки, внеплановое контрольно-надзорное мероприятие, согласование проверки органами прокуратуры, требование прокурора, производство по делам об административных правонарушениях, баланс публичных и частных интересов.

Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» регламентирует порядок реализации конституционного права граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления. Рассмотрение обращений возлагает на органы публичной власти обязанность по объективному, всестороннему и своевременному принятию мер, направленных на защиту нарушенных прав. Одновременно с этим порядок организации государственного контроля (надзора) определяется положениями Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Названный закон устанавливает приоритет проведения профилактических мероприятий над контрольными (надзорными) мероприятиями (ч.1 ст.8) и устанавливает закрытый перечень оснований для проведения контрольных (надзорных) мероприятий (ст. 57). Постановление Правительства Российской Федерации от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» ввело мораторий на проведение плановых контрольных мероприятий и ограничило перечень оснований для проведения внеплановых проверок. Складывается правовая коллизия между необходимостью принятия мер реагирования на поступающие жалобы граждан и законодательными ограничениями на проведение контрольных (надзорных) мероприятий, установленными указанным постановлением Правительства Российской Федерации и установленными ч. 3.1 ст. 28.1 КоАП РФ формальными ограничениями на возбуждение органами государственного контроля (надзора) дел об административных правонарушениях (даже при наличии доказательств фактов/событий правонарушений в обращениях граждан) без проведения контрольных (надзорных) мероприятий (в том числе внеплановых) в порядке № 248-ФЗ от 31.07.2020, что в свою очередь требует согласования органов прокуратуры, которым в свою очередь п.2 ч.8 ст.66 248-ФЗ от 31.07.2020 предоставлена неограниченная свобода усмотрения в оценке оснований проведения внепланового контрольного (надзорного) мероприятия по обращению гражданина. Все это создает многочисленные препятствия для гарантированного п.3 ст.5, ст. 9, п.1 и 4 ч. 1 ст. 10 59-ФЗ от 02.05.2006 рассмотрения по существу и принятия мер для пресечения правонарушений и привлечения к ответственности допустивших их лиц по обращениям граждан. В результате ответы на обращения граждан на правонарушения становятся отписками государственных органов и их должностных лиц. Проблема межотраслевого соотношения указанных правовых институтов требует дополнительного теоретического изучения с учетом действующих нормативных ограничений.

Органы контроля при поступлении жалоб граждан ограничены требованиями законодательства о государственном контроле и надзоре. Внеплановые контрольные (надзорные) мероприятия допускаются исключительно при выявлении непосредственной и явной угрозы причинения тяжкого вреда жизни и здоровью граждан, обороне страны и безопасности государства, либо при выявлении индикаторов риска нарушения обязательных требований. Проведение внеплановой выездной проверки требует обязательного согласования с органами прокуратуры. В

ситуациях, когда факты нарушений, изложенные в обращении гражданина, подтверждаются документально, но они не связаны с непосредственной угрозой причинения тяжкого вреда, проведение контрольно-надзорных мероприятий не допускается согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 10.03.2022 № 336, но при этом требуется ч. 3.1. ст. 28.1 КоАП РФ. При этом важно отметить, что под угрозой тяжкого вреда понимается высокая вероятность наступления таких масштабных и трудноустранимых последствий, которые создают непосредственную и серьезную опасность для жизни и здоровья людей, обороноспособности страны или безопасности государства.

При таких обстоятельствах уполномоченное должностное лицо подготавливает в лучшем (для обращающегося лица) случае мотивированное представление о направлении контролируемому лицу предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований, которое не влечет никаких юридически значимых последствий для правонарушителя, что противоречит принципу неотвратимости наказания за правонарушения (которые могут быть и уголовно-наказуемыми). Формирование ответов заявителям осуществляется без принятия мер пресекательного характера и привлечения виновных лиц к установленной законом ответственности. Государственный орган или должностное лицо обязаны обеспечить объективное и всестороннее рассмотрение обращения в соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 10 Федерального закона № 59-ФЗ. Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 10.12.2018 № 302-КГ18-20523 по делу № А19-324/2018 указал, что рассматривающий обращение орган вправе самостоятельно запросить необходимые документы и не вправе отказывать в принятии мер по обращению.

Нормы Федерального закона № 248-ФЗ от 31.07.2020 запрещают проведение проверки без наличия предусмотренных законом оснований. При отсутствии сведений о непосредственной угрозе причинения вреда контрольный орган не наделен правом проведения выездных проверочных действий. Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 21.05.2015 № 1163-О отметил, что Федеральный закон № 59-ФЗ определяет базовые гарантии порядка рассмотрения обращений граждан. Установленные ограничения не позволяют должностным лицам проводить проверки по жалобам, в которых отсутствует угроза тяжкого вреда. Из-за этого контрольные органы не могут принять меры по пресечению нарушений и вынуждены направлять заявителям ответы разъяснительного характера. Такой порядок снижает общую результативность рассмотрения обращений граждан.

В условиях действия ограничений контрольной (надзорной) деятельности фиксируются факты применения должностными лицами норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях на основании обращений граждан в обход процедур, установленных Федеральным законом № 248-ФЗ. Должностные лица возбуждают дела об административных правонарушениях и проводят административное расследование непосредственно по факту поступления обращения, содержащего данные, указывающие на наличие события административного правонарушения. Пункт 3 части 1 статьи 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает в качестве повода к возбуждению дела сообщения и заявления физических и юридических лиц.

Замещение процедур государственного контроля производством по делам об административных правонарушениях нарушает гарантии, предоставленные контролируемым лицам Федеральным законом № 248-ФЗ от 31.07.2020. Возбуждение дел об административных правонарушениях недопустимо без предварительного проведения контрольных (надзорных) мероприятий, если оценка соблюдения обязательных требований должна осуществляться в рамках государственного контроля. Данный подход согласуется с позицией Верховного Суда РФ, изложенной в Постановлении Пленума от 28.06.2022 № 21, о необходимости строгого соблюдения процедурных гарантий при осуществлении публичных полномочий.

Органы прокуратуры осуществляют надзор за соблюдением законов при производстве по делам об административных правонарушениях. Прокурор наделен полномочием вынести мотивированное постановление о возбуждении производства об административном правонарушении. Генеральная прокуратура Российской Федерации ориентирует подчиненных прокуроров на пресечение фактов незаконного вмешательства в экономическую деятельность предприятий и недопустимость подмены контрольных (надзорных) полномочий реализацией административной юрисдикции. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17.02.2015 № 2-П указал на необходимость соблюдения принципа формальной определенности при проведении проверочных мероприятий. Составление протоколов и вынесение постановлений по делам об административных правонарушениях без соблюдения порядка организации государственного контроля (надзора) расценивается как нарушение законодательства.

Полномочия прокурора по направлению требований о проведении внеплановых проверок закреплены Федеральным законом № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Согласно пункту 4 части 1 статьи 57 Федерального закона № 248-ФЗ от 31.07.2020, такое требование, вынесенное на основании поступивших в прокуратуру материалов и обращений, является самостоятельным основанием для проведения контрольного (надзорного) мероприятия. Подобное требование направляется в контрольные органы, если в обращениях содержатся сведения о причинении вреда охраняемым законом ценностям или об угрозе его причинения. Порядок направления требований и типовые формы документов регламентированы Приказом Генерального прокурора РФ от 02.06.2021 № 294. Вынесенное требование подлежит безусловному исполнению должностными лицами контрольных органов в установленный в нем срок. В правоприменительной практике сформировался алгоритм, при котором органы контроля передают поступающие обращения граждан в органы прокуратуры для инициирования последующего вынесения прокурорского требования. Этот механизм используется для обеспечения возможности проведения проверок в условиях ограничений, установленных Постановлением Правительства РФ № 336 и ч.3.1 ст. 28.1 КоАП РФ, что создает необоснованное увеличение нагрузки на органы прокуратуры для получения результативности рассмотрения обращения, но ввиду их большого количества, многие из них остаются без реагирования по существу.

Прокурор при рассмотрении обращения оценивает характер предполагаемого нарушения закона и определяет наличие оснований для принятия мер прокурорского реагирования. Критерием оценки выступает наличие реальной угрозы причинения вреда жизни, здоровью граждан, безопасности государства или наличие угрозы чрезвычайных ситуаций техногенного характера. При осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы. Прокурорская проверка проводится в случае, если поступившие сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения указанной проверки. Данный порядок обеспечи-

вает соблюдение баланса между ограничением проведения проверок субъектов предпринимательства и необходимостью защиты прав граждан в случаях возникновения реальной угрозы охраняемым ценностям.

Механизм подачи жалоб в соответствии с Федеральным законом № 59-ФЗ от 02.05.2006 распространяется в том числе на обращения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (ч.4 ст.1). В условиях действия моратория на проверки бизнеса направление таких обращений в органы прокуратуры и контрольно-надзорные органы может использоваться хозяйствующими субъектами как инструмент давления на конкурентов. В этих случаях жалобы подаются с целью инициировать внеплановые контрольные мероприятия в отношении, например, других участников товарного рынка. Вместе с тем реализация права на обращение не должна нарушать права и свободы третьих лиц.

Пункт 1 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает недопустимость использования гражданских прав в целях ограничения конкуренции. Риски необоснованного вмешательства в предпринимательскую деятельность обусловливают необходимость оценки соразмерности применяемых мер административного воздействия. Баланс между защитой имущественных прав потребителей и защитой контролируемых лиц от административного давления достигается за счет соблюдения принципов законности и обоснованности контроля. На необходимость обеспечения такого баланса публичных и частных интересов, а также соразмерности принимаемых властных решений прямо указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 30.03.2016 № 9-П.

Законодательство об обращениях граждан содержит нормы, предусматривающие право органа оставить обращение без ответа по существу поставленных вопросов, если в нем содержатся нецензурные либо оскорбительные выражения, или если переписка по изложенному вопросу была прекращена ранее. Приведенные нормы направлены на предотвращение фактов злоупотребления правом на обращение. Рассмотрение обращений, поступающих от организаций, требует проведения детального анализа изложенных фактов для исключения возможности недобросовестной конкуренции. Контрольные органы обязаны осуществлять оценку достоверности сведений, содержащихся в обращениях, перед принятием решения о проведении проверочного мероприятия.

Таким образом, налицо существование коллизии между нормами о порядке рассмотрения обращений граждан и законодательством о государственном контроле (надзоре) и конституционно значимыми целями (ст.33 Конституции России) надлежащего реагирования государства на обращения граждан по их существу. Ограничение оснований для проведения внеплановых мероприятий снижает возможности государственных органов по восстановлению нарушенных прав заявителей, т.к. Приоритет в существующем порядке отдан спокойствию бизнеса, а не правам граждан, что явно противоречит ст. 2 Конституции России о их приоритете. Особенно это заметно в сфере промышленной, пожарной безопасности и охраны труда. Выявлена существенная правовая коллизия между институтом рассмотрения обращений граждан и системой государственного контроля (надзора), выраженная в снижении результативности защиты прав заявителей (особенно граждан- физических лиц) от нарушений их прав субъектами экономической деятельности (юридическими лицами и должностными лицами) из-за жестких процедурных ограничений на проведение внеплановых проверок при отсутствии явных непосредственных угроз тяжкого вреда. Помимо всего прочего сам факт ограничения применения норм Федерального закона № 248-ФЗ от 31.07.2020 нормами постановления Правительства РФ № 336 является правовой коллизией, т.к. постановления Правительства РФ имеют явно меньшую юридическую силу по сравнению с Федеральными законами. На фоне данных ограничений сформировались деструктивные правоприменительные тенденции: с одной стороны, практика возбуждения должностными лицами дел об административных правонарушениях в обход обязательных контрольных процедур, с другой — использование механизма жалоб юридическими лицами в целях недобросовестной конкуренции, с третьей падение уровня безопасности в таких сферах как пожарная безопасность и охрана труда. Известно, что после принятия постановления Правительства РФ № 336 в 2023 году по стране прокатилась волна резонансных пожаров в торговых центрах ввиду ограничений на проверки, а также факты обращений профсоюзов о выведении контроля (надзора) за соблюдением законодательства о труде из под действия ограничений постановления Правительства РФ № 336. В качестве законного и сбалансированного правового инструмента активизации контроля в условиях моратория определено требование прокурора, выносимое при наличии документированных угроз охраняемым ценностям.

Прокуратура стала по сути единственным реально работающим механизмом реагирования на обращения, в виду большого числа которых она одна естественно с их потоком не справляется и скатывается к отпискам по обращениям, в которых нет явной угрозы жизни или безопасности государства, и т.п., что ведет к снижению доступности защиты прав гражданами в досудебном или административном порядке без обращений в суды.

Для разрешения выявленного межотраслевого конфликта необходима системная процессуальная синхронизация законодательства, направленная на обеспечение соразмерности защиты прав граждан и снижение административного давления на хозяйствующих субъектов, в том числе посредством расширения параметров индикаторов риска на основе детального анализа поступающих обращений.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // СЗ РФ. 07.01.2002, № 1 (часть 1), ст. 1.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // СЗ РФ. 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I (ред. от 29.12.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 20.11.1995, № 47, ст. 4472.

4. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 08.05.2006, № 19, ст. 2060.

5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 17.04.2026) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5007.

6. Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 (ред. от 28.12.2024) «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // СЗ РФ. 14.03.2022, № 11, ст. 1715.

7. Приказ Генпрокуратуры России от 02.06.2021 № 294 (ред. от 20.08.2025) «О реализации Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации"» // Законность. 2021. № 7.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.03.2016 № 9-П // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

10. Определение Конституционного Суда РФ от 21.05.2015 № 1163-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

12. Определение Верховного Суда РФ от 10.12.2018 № 302-КГ18-20523 по делу № А19-324/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

13. Амангельды А.А., Беляева О.А., Варламова А.Н. Конкуренция в рыночной экономике: пределы свободы и ограничений: Монография / отв. ред. А.В. Габов. М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2016. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

14. Зюбанов Ю.А. Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» (постатейный). М.: Проспект, 2018. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

15. Игнатов С.Л., Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Деловой двор, 2021.

16. Мартынов А.В., Бундин М.В., Ширеева Е.В. Концепция правового регулирования использования информационных технологий в сфере государственного контроля и надзора в условиях «цифровой экономики»: результаты исследования: монография / под науч. ред. А.В. Мартынова. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2021.

17. Спиридонов А.А. Конституционно-правовая концепция развития государственного контроля (надзора) и общественного контроля в рамках совершенствования государственного управления в России: монография / А. А. Спиридонов. Тула: Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2023.

18. Степкин С.П. Проблемы исследования объективности и всесторонности рассмотрения обращений // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 11. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

19. Тихомирова Л.А. Реформа контрольно-надзорной деятельности («регуляторная гильотина») в сфере промышленной безопасности. 2021. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

State control (supervision) and response to citizens' appeals in the Russian Federation. Legal conflicts

Chigvintsev A.Yu.
Moscow State University

Restrictions on conducting control and supervisory activities reduce the effectiveness of reviewing citizens' appeals, leaving established facts of violations without the application of state coercion measures. The study aims to identify legal mechanisms to resolve the conflict between the guarantees for reviewing appeals and the legislative restrictions on supervisory activities. The methodological framework relies on formal-legal and comparative-legal methods, a systemic analysis of the legislation of the Russian Federation, and an examination of enforcement and judicial practice. The study reveals an enforcement practice of applying the norms of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses to bypass state control procedures. Additionally, it identifies the risks of using appeals from organizations as a tool for unfair competition and market pressure under the current moratorium on inspections.

Keywords: state control (supervision), citizen complaints, moratorium on inspections, unscheduled control and supervisory activity, approval of inspection by prosecutor's offices, prosecutor's demand, administrative offense proceedings, balance of public and private interests.

References

1. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 05/25/2026) // SZ RF. 01/07/2002, No. 1 (Part 1), art. 1.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 07/31/2025, as amended. dated 03/25/2026) // Federal Law of the Russian Federation. 05.12.1994, No. 32, art. 3301.
3. Federal Law of 17.01.1992 No. 2202-I (as amended on 29.12.2025) "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // Federal Law of the Russian Federation. 11/20/1995, No. 47, article 4472.
4. Federal Law No. 59-FZ of 05/02/2006 (as amended on 12/28/2024) "On the Procedure for Considering Appeals from Citizens of the Russian Federation" // Federal Law of the Russian Federation. 05/08/2006, No. 19, Article 2060.5.
Federal Law No. 248-FZ dated 07/31/2020 (as amended on 04/17/2026) "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" // Federal Law of the Russian Federation. 08/03/2020, No. 31 (Part I), art. 5007.
6. Decree of the Government of the Russian Federation dated 03/10/2022 No. 336 (as amended on 12/28/2024) "On the specifics of the organization and implementation of state control (supervision), municipal control" // SZ RF. 03/14/2022, No. 11, article 1715.
7. Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated 06/22/2021 No. 294 (as amended on 08/20/2025) "On the Implementation of Federal Law No. 248-FZ dated 07/31/2020 "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" // Legality. 2021. № 7.
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 17.02.2015 No. 2-P // Access from the SPS ConsultantPlus.
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 30.03.2016 No. 9-P // Access from the SPS ConsultantPlus.
10. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05/21/2015 No. 1163-O // Access from the SPS "ConsultantPlus".
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/28/2022 No. 21 "On certain issues of Application by Courts of the Provisions of Chapter 22 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and Chapter 24 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation" // Access from the SPS ConsultantPlus.
12. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.12.2018 No. 302-KG18-20523 in case No. A19-324/2018 // Access from the SPS ConsultantPlus.
13. Amangeldy A.A., Belyaeva O.A., Varlamova A.N. Competition in a market economy: the limits of freedom and restrictions: A monograph / ed. by A.V. Gabov. Moscow: IZiSP, Jurisprudence, 2016. // Access from the SPS "ConsultantPlus".
14. Zyubanov Yu.A. Commentary to the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" (article-by-article). Moscow: Prospekt, 2018. // Access from the SPS "ConsultantPlus".
15. Ignatov S.L., Borisov A.N. Commentary to Federal Law No. 248-FZ dated July 31, 2020 "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" (article-by-article). 2nd ed., revised Moscow: Delovoy Dvor, 2021-16.
Martynov A.V., Bundin M.V., Shireeva E.V. The concept of legal regulation of the use of information technologies in the field of state control and supervision in the context of the "digital economy": research results: monograph / under the scientific editorship of A.V. Martynov. Nizhny Novgorod: Ed.Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2021.
17. Spiridonov A.A. The constitutional and legal concept of the development of state control (supervision) and public control in the framework of improving public administration in Russia: a monograph / A. A. Spiridonov. Tula: Tula State Pedagogical University L. N. Tolstoy University, 2023.
18. Stepkin S.P. Problems of research on the objectivity and comprehensiveness of consideration of appeals // Constitutional and municipal law. 2022. No. 11. // Access from the SPS "ConsultantPlus".
19. Tikhomirova L.A. The reform of control and supervisory activities ("regulatory guillotine") in the field of industrial safety. 2021. // Access from the SPS "ConsultantPlus".

Влияние международно-правовых норм на правовое регулирование цифровых объектов в Российской Федерации (унификация, коллизионные нормы, трансграничная защита цифровых активов)

Алиева Саида Афган кызы
аспирант, кафедра частного права, Государственный университет управления, alieva.saidaa@gmail.com

Статья посвящена комплексному теоретико-правовому исследованию процессов трансформации национального законодательства Российской Федерации под воздействием международно-правовых стандартов в сфере регулирования цифровых объектов. Автор детально анализирует дуалистическую природу правовой категории «цифровой объект», исследует проблемы материально-правовой унификации на наднациональном уровне и выявляет сущностные недостатки существующих коллизионных привязок при квалификации трансграничных споров, связанных с отчуждением и обременением децентрализованных активов.
Особое внимание в работе уделено критическому осмыслению экстерриториальности блокчейн-сетей, вступающей в системное противоречие с классическим принципом государственного суверенитета и традиционным правилом *lex rei sitae*. На основе анализа актуальных тенденций международного частного права и новейших изменений российского законодательства, включая институт экспериментальных правовых режимов, предлагаются перспективные модели адаптации коллизионных норм и механизмы обеспечения эффективной трансграничной защиты прав инвесторов.
Ключевые слова: цифровые активы, международное частное право, коллизионные нормы, унификация законодательства, трансграничная защита, закон места нахождения вещи, блокчейн.

Введение

Стремительная трансформация глобального экономического пространства, обусловленная тотальной диффузией сквозных технологий, привела к возникновению принципиально новых объектов гражданского оборота, чья сущность полностью отторгнута от материального субстрата. Российская правовая система столкнулась с необходимостью форсированного формирования адекватного регуляторного ответа на вызовы децентрализованных инфраструктур, функционирующих вне жесткой привязки к конкретным государственным границам [1]. Настоящее исследование направлено на выявление векторов влияния международно-правовых предписаний на отечественную доктрину и практику правоприменения в части квалификации, коллизионного регулирования и защиты трансграничных цифровых активов.

Основная часть

Проблема детерминации правовой природы цифровых объектов в современном международном частном праве обнаруживает глубокий кризис классического цивилистического инструментария. Введение в Гражданский кодекс Российской Федерации статьи 141.1, легализовавшей категорию «цифровые права», ознаменовало попытку суверенного законодателя встроить нематериальные феномены в устоявшуюся триаду имущественных прав [1]. Однако национальная замкнутость подобного подхода вступает в непреодолимое противоречие с глобальной архитектоникой распределенных реестров. Цифровой финансовый актив или децентрализованная валюта по своей внутренней онтологии не имеют пространственной локализации, что делает практически невозможным их бесконфликтное подчинение юрисдикции какого-то одного государства на основе традиционных принципов.

Международно-правовая унификация в данной сфере продвигается крайне медленно, демонстрируя очевидное отставание нормативного регулирования от технологического прогресса. Деятельность таких авторитетных институтов, как ЮНСИТРАЛ и УНИДРУА, сосредоточена преимущественно на выработке рекомендательных документов, типовых законов и принципов, которые лишь закладывают общие контуры будущей гармонизации.

Принятие Принципов УНИДРУА в отношении цифровых активов и частного права отражает стремление мирового юридического сообщества нащупать баланс между защитой добросовестного приобретателя и сохранением стабильности оборота. Российская Федерация вынуждена учитывать эти наднациональные ориентиры при модернизации положений Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», однако адаптация происходит в условиях жестких геополитических ограничений, вынуждающих государство искать суверенные пути решения глобальных задач [2].

Ключевой доктринальной коллизией выступает неприменимость классической коллизионной привязки *lex rei sitae* (закон места нахождения вещи) к объектам, существующим исключительно в виде записей в распределен-

ной базе данных [5]. Традиционное международное частное право веками опиралось на физическое присутствие имущества как на главный критерий определения применимого права. В виртуальном пространстве блокчейна, где узлы сети могут быть одновременно рассредоточены по десяткам стран, локализация актива превращается в юридическую фикцию. Попытки судов привязать цифровой объект к месту нахождения сервера, на котором хранится соответствующий программный код, разбиваются о техническую реальность децентрализованных систем, полностью исключающую существование единого материального центра хранения данных [8].

В поиске альтернативных коллизионных критериев современная российская и зарубежная правовая мысль обращается к концепции личного закона субъекта, контролирующего актив (*lex domicilii* или *lex patriae* владельца закрытого ключа). Данный подход позволяет преодолеть пространственную неопределенность самого объекта, переводя фокус юридического анализа на правовой статус его держателя. Тем не менее, реализация этой модели на практике сопряжена с колоссальными трудностями, вызванными имманентной анонимностью и псевдонимностью транзакций в криптографических сетях. Установление действительной личности бенефициара конкретного публичного адреса требует задействования сложных процедур раскрытия информации, которые далеко не всегда могут быть реализованы в рамках стандартного международного гражданского процесса [4].

Важным шагом в развитии отечественного регулирования трансграничного оборота цифровых сущностей стало внедрение норм, позволяющих использовать иностранные цифровые права в российских инфраструктурах, а также легализация трансграничных расчетов в рамках экспериментальных правовых режимов. Банк России получил полномочия по созданию регуляторных площадок для проведения биржевых торгов цифровой валютой при расчетах с зарубежными контрагентами. Этот вынужденный прагматичный шаг демонстрирует постепенный отход государства от ортодоксальных запретительных концепций в сторону признания объективной реальности глобального цифрового рынка. Вместе с тем, подобные паллиативные меры не отменяют фундаментальной необходимости пересмотра положений Раздела VI Третьей части Гражданского кодекса РФ, регулирующего вопросы международного частного права [2].

Эффективная трансграничная защита цифровых активов граждан и юридических лиц России на современном этапе заблокирована отсутствием универсальных международных договоров о взаимном признании и исполнении судебных решений по данной категории дел. Даже в случае успешного вынесения российским арбитражным судом решения об обращении взыскания на криптовалюту или токены недружественного нерезидента, фактическое принудительное исполнение такого акта за рубежом оказывается невозможным из-за несовместимости правовых дефиниций и публичного порядка различных государств. Зарубежные юрисдикции зачастую квалифицируют цифровые объекты через призму концепций «иного имущества» (*other property*) или специфических прав требования, что порождает непреодолимые препятствия для квалификации российских судебных приказов в качестве эквивалентных местным правовым институтам [9].

Перспективным направлением преодоления юрисдикционного вакуума представляется разработка специализированных коллизионных привязок, ориентированных на место учреждения оператора информационной системы или платформы, в рамках которой осуществляется выпуск и обращение конкретных цифровых прав [5]. Если правила платформы четко определяют применимое право и стороны добровольно подчиняются этой юрисдикции, включается классический принцип автономии воли сторон (*lex voluntatis*). Подчинение трансграничных сделок с цифровыми активами согласованному праву позволяет минимизировать риски правовой неопределенности, однако этот механизм эффективен лишь для централизованных платформ и практически бесполезен в отношении полностью автономных децентрализованных организаций (DAO) [11].

Государственный суверенитет Российской Федерации в цифровой сфере вынужден адаптироваться к условиям, когда традиционные методы принуждения и контроля теряют свою монополию. Законодателю приходится искать точки соприкосновения между императивным публично-правовым регулированием и гибкими технологическими стандартами, разрабатываемыми международными консорциумами. Игнорирование глобальных тенденций кодификации цифрового права способно привести к полной изоляции отечественного финтех-сектора, в то время как слепое копирование западных моделей, таких как европейский регламент MiCA, невозможно в силу специфики отечественной правовой макросистемы и санкционного давления [6]. Таким образом, влияние международно-правовых норм проявляется сегодня не в прямом заимствовании текстов конвенций, а в стимулировании выработки оригинальных национальных юридических конструкций, способных к гармоничной стыковке с зарубежными аналогами на уровне коллизионного взаимодействия.

Выводы

Традиционные коллизионные привязки, основанные на территориальном принципе и месте нахождения вещи (*lex rei sitae*), полностью исчерпали свой регуляторный потенциал применительно к децентрализованным цифровым объектам, не имеющим физической локализации.

Российское законодательство демонстрирует тенденцию к переходу от жестких запретительных мер к созданию гибких экспериментальных механизмов трансграничного оборота цифровых прав, что требует сопутствующей глубокой реформы отечественного международного частного права.

Обеспечение надежной защиты российских трансграничных цифровых активов невозможно без выработки новых коллизионных критериев, центрированных на личном законе лица, осуществляющего фактический контроль над активом, либо на праве места учреждения оператора информационной системы.

Единственным магистральным путем преодоления правового хаоса в сфере обращения криптографических объектов остается разработка многосторонних международных конвенций под эгидой ООН или ЮНСИТРАЛ, направленных на унификацию понятийного аппарата и создание прозрачных механизмов экстерриториального исполнения судебных решений.

Заключение

Цифровизация общественных отношений приводит к формированию принципиально новых объектов гражданского оборота, которые не вписываются в традиционные конструкции вещного и обязательственного права. В этих условиях международное право становится одним из ключевых факторов развития национальных правовых систем, определяя основные направления совершенствования регулирования цифровых активов и цифровых прав.

Проведённый анализ показал, что российское законодательство развивается в русле общемировых тенденций, однако сохраняет собственную модель регулирования, обусловленную особенностями национальной правовой системы и современными экономическими условиями. Международно-правовые нормы оказывают значи-

тельное влияние на развитие отечественного законодательства, формируя ориентиры для совершенствования правового режима цифровых объектов, механизмов их обращения и защиты.

Вместе с тем существующая система международного частного права пока не располагает достаточным набором правовых инструментов для эффективного регулирования трансграничных отношений в цифровой среде. Экстерриториальный характер цифровых активов, анонимность участников цифрового оборота и отсутствие единых подходов к квалификации цифровых объектов существенно осложняют определение применимого права и осуществление судебной защиты.

В целях повышения эффективности правового регулирования представляется необходимым дальнейшее развитие международной унификации законодательства в сфере цифровых активов, разработка специальных коллизионных норм для цифровых объектов, а также создание международных механизмов признания и исполнения судебных решений по делам, связанным с цифровыми правами и цифровыми активами.

Таким образом, перспективы развития российского регулирования цифровых объектов напрямую связаны с углублением международного сотрудничества и формированием единого правового пространства цифровой экономики. Только сочетание национальных правовых механизмов с международными стандартами способно обеспечить необходимый уровень правовой определённости, стабильности гражданского оборота и эффективной защиты прав участников цифровых отношений в условиях глобальной цифровой трансформации.

Литература

1. **Российская Федерация. Законы.** Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая: Федеральный закон № 51-ФЗ: принят Государственной Думой 21 октября 1994 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301. — В ред. Федерального закона от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ

1. **Российская Федерация. Законы.** О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 259-ФЗ: принят Государственной Думой 22 июля 2020 года: одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 31, ч. I. — Ст. 5018

2. **Российская Федерация. Законы.** Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон № 258-ФЗ : принят Государственной Думой 22 июля 2020 года : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 31, ч. I. — Ст. 5017

3. Алимова, Я. О. Принципы УНИДРУА в отношении цифровых активов и частного права: новеллы коллизионного регулирования в мультиюрисдикционной среде // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2024. — Т. 20, № 2. — С. 112–121.

4. Аюшеева, И. З. Цифровые объекты гражданских прав в международном частном праве: коллизионные аспекты и проблемы квалификации // Lex russica (Русский закон). — 2025. — Т. 78, № 3. — С. 45–54.

5. Василевская, Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации в национальном и международном обороте // Хозяйство и право. — 2024. — № 5. — С. 18–29

6. Горжиев, А. В. Кризис вещного статута *lex rei sitae* при регулировании трансграничного оборота цифровых финансовых активов и криптовалют // Дневник науки. — 2026. — № 4. — URL: https://dnevniknauki.ru/images/publications/2026/4/law/Gorzhiyev3.pdf (дата обращения: 12.06.2026)

7. **Ибрагимов, М. А.** Политическая социализация подростков и молодежи в современной России / М. А. Ибрагимов, Г. Б. Магомедов. — Текст: электронный // Вестник юридических исследований. — 2026. — Т. 5, № 1. — С. 5–11. — URL: https://blr-journal.ru/wp-content/uploads/2026/04/vestnik-jurid-issled-t-5-1-2026.pdf (дата обращения: 12.06.2026).

8. Иншакова, А. О. Цифровые права как объекты трансграничного оборота: особенности унификации правового регулирования в рамках ЕАЭС // Право и управление. — 2024. — № 11. — С. 84–91.

9. Мажорина, М. В. Международное частное право в условиях технологических трансформаций: от территориальности к сетевым юрисдикциям // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2025. — № 8. — С. 57–68.

10. **Принципы УНИДРУА в отношении цифровых активов и частного права** (UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law): приняты Международным институтом по унификации частного права в 2023 г. // Digital Law Journal. — 2024. — Т. 5, № 1. — с. 14–32

The influence of international legal norms on the regulation of digital objects in the Russian Federation (unification, conflict-of-laws rules, and cross-border protection of digital assets)

Alieva S.A. kyzy

Postgraduate Student, Department of Private Law State University of Management

The article is devoted to a comprehensive theoretical and legal study of the transformation processes of the national legislation of the Russian Federation under the influence of international legal standards in the field of regulation of digital objects. The author analyzes in detail the dualistic nature of the legal category "digital object", examines the problems of substantive legal unification at the supranational level, and identifies the essential shortcomings of existing conflict-of-laws bindings in the qualification of cross-border disputes related to the alienation and encumbrance of decentralized assets. Special attention is paid to the critical understanding of the extraterritoriality of blockchain networks, which enters into a systemic contradiction with the classical principle of state sovereignty and the traditional *lex rei sitae* rule. Based on the analysis of current trends in international private law and the latest changes in Russian legislation, including the institution of experimental legal regimes, promising models for adapting conflict-of-laws rules and mechanisms for ensuring effective cross-border protection of investors' rights are proposed.

Keywords: digital assets, private international law, conflict of laws, unification of legislation, cross-border protection, lex rei sitae, blockchain.

References

1. Rossijskaja Federacija. Zakony. Graždanskij kodeks Rossijskoj Federacii: čast' pervaja : Federal'nyj zakon № 51-FZ : prinjat Gosudarstvennoj Dumoj 21 oktjabrja 1994 goda // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. — 1994. — № 32. — St. 3301. — V red. Federal'nogo zakona ot 18 marta 2019 goda № 34-FZ
2. Rossijskaja Federacija. Zakony. O cifrovyh finansovyh aktivah, cifrovoj valjute i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon № 259-FZ : prinjat Gosudarstvennoj Dumoj 22 ijulja 2020 goda : odobren Sovetom Federacii 24 ijulja 2020 goda // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. — 2020. — № 31, č. I. — st. 5018
3. Rossijskaja Federacija. Zakony. Ob èksperimental'nyh pravovyh režimah v sfere cifrovyh i tehnologičeskih innovacij v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon № 258-FZ: prinjat Gosudarstvennoj Dumoj 22 ijulja 2020 goda : odobren Sovetom Federacii 24 ijulja 2020 goda // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. — 2020. — № 31, č. I. — St. 5017
4. Alimova, Ja. O. Principy UNIDRUA v otnošenii cifrovyh aktivov i častnogo prava: novelly kollizionnogo regulirovanija v mul'tijurisdikcionnoj srede // Žurnal zarubežnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija. — 2024. — T. 20, № 2. — s. 112–121.
5. Ajušeeva, I. Z. Cifrovye ob"ekty graždanskih prav v meždunarodnom častnom prave: kollizionnye aspekty i problemy kvalifikacii // Lex russica (Russkij zakon). — 2025. — T. 78, № 3. — S. 45–54.
6. Vasilevskaja, L. Ju. Token kak novyj ob"ekt graždanskih prav: problemy juridičeskoj kvalifikacii v nacional'nom i meždunarodnom oborote // Hozjajstvo i pravo. — 2024. — № 5. — S. 18–29
7. Goržiev, A. V. Krizis vešnogo statuta lex rei sitae pri regulirovanii transgraničnogo oborota cifrovyh finansovyh aktivov i kriptovaljut // Dnevnik nauki. — 2026. — № 4. — URL: https://dnevniknauki.ru/images/publications/2026/4/law/Gorzhiyev3.pdf (data obrašenija: 12.06.2026)

Административно-правовое регулирование импортозамещения в сфере информационных технологий

Асатуров Эдуард Робертович
старший преподаватель, кафедра административной деятельности, Тверского филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, e.asaturov@yandex.ru,

Новиков Александр Розвельтович
старший преподаватель, кафедра административной деятельности, Тверского филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, novikov68sasha@yandex.ru,

Глущенко Дмитрий Владимирович
кандидат философских наук, Ростовский юридический институт МВД России, dmitriy218@yandex.ru

В условиях обострения внешнеполитической обстановки и эскалации киберугроз первостепенное значение приобретает проблема обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации. При этом без перехода на отечественные программные продукты невозможно обеспечить защиту информации и безопасность критической информационной инфраструктуры. В этом контексте административно-правовое регулирование импортозамещения выступает ключевым инструментом государственной политики, направленным на минимизацию рисков, связанных с использованием иностранных, в том числе нелицензионных, программных продуктов. В статье представлены результаты анализа действующего российского законодательства, регулирующего импортозамещение в сфере информационных технологий. Дана оценка эффективности действующих механизмов правового регулирования импортозамещение в сфере информационных технологий, сделан вывод об их достаточно высокой эффективности в качестве инструмента оперативного реагирования. Рассмотрена специфика правонарушений и проведен анализ мер административной ответственности в данной сфере. Выявлена необходимость дальнейшей унификации законодательства в сфере государственных закупок и обеспечения безопасности критической инфраструктуры. Результаты исследования могут представлять интерес полезна как для представителей органов государственной власти (законодательной и исполнительной), так и для руководителей государственных корпораций и научных сотрудников, специализирующихся на проблемах информационного права.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование импортозамещения, государственные закупки, защита, информации, импортозамещение, информационные технологии, критическая информационная инфраструктура, нелицензионное программное обеспечение, обеспечение безопасности, программное обеспечение.

Современный этап развития российского государства и общества характеризуется фундаментальной зависимостью всех ключевых процессов от стабильного и безопасного функционирования информационных технологий. В условиях беспрецедентного геополитического давления и эскалации внешних угроз задача обеспечения национального суверенитета в цифровой сфере трансформируется из технологического приоритета в безусловную необходимость. Зависимость от иностранного программного обеспечения и оборудования создает прямые риски для защиты информации и национальной безопасности, что делает импортозамещение в сфере информационных технологий стратегической задачей государственного масштаба.

Ключевым инструментом реализации этой задачи выступает административно-правовое регулирование, которое формирует обязательные для исполнения правила, устанавливает запреты и создает экономические стимулы для перехода на отечественные решения. Особую остроту данная проблема приобретает в контексте функционирования критической информационной инфраструктуры (далее – КИИ), где использование программного обеспечение и оборудования из «недружественных» России стран может создавать прямую угрозу жизнеобеспечению государства. При этом в рамках правового поля необходимо решать двойственную задачу: с одной стороны, стимулировать спрос на российские разработки через механизмы государственных закупок, а с другой – устанавливать жесткие требования к безопасности, исключая из легального оборота нелицензионное программное обеспечение.

Следует отметить, что различные аспекты политики импортозамещения достаточно подробно рассматривается в современной научной литературе. Многие эксперты, например, О. Г. Горцевская, отмечают исключительно важное значение импортозамещения в различных отраслях российской экономики для обеспечения экономической безопасности и технологической независимости страны [1]. Т. А. Оруч акцентирует внимание на необходимости создания отлаженных механизмов управления интенсификацией импортозамещения в промышленности на основе технологических инноваций [2]. По мнению В. А. Пурыскиной, без импортозамещения невозможно обеспечить технологический суверенитет отечественной промышленности [3]. И. Н. Макаров и др. считают, что реализация политики импортозамещения в России в условиях санкционного давления и внешнеэкономических угроз требует трансформация институциональных основ и механизмов экономической политики государства [4].

В юридическом контексте российские ученые, например, М. В. Алексеева, С. В. Рыбак, анализируют инициативы по импортозамещению в области информационных технологий, включая создание и внедрение отечественной цифровой платформы МАХ и акцентируют внимание на том, что «предпринимаемые государством меры, включая локализацию данных и ужесточение требований к организаторам распространения информации, являются частью комплексной стратегии по обеспечению национальной безопасности и технологической автономии» [5, С. 187]. Г. В. Арустамян, Д. О. Шестак, Р. А. Дилбандян, О. В. Терещенко выявляют ключевые угрозы информационной безопасности России в 2020–2024 гг., среди которых «рост сложности кибератак, использование злоумышленниками ИИ и квантовых технологий, а также расширение целей

атак» и дают высокую оценку предпринимаемым государством мерам по обеспечению цифрового суверенитета, среди которых «импортозамещение ПО, борьба с фейками, развитие криптографии» [6, С. 181].

Интересно проанализировать, как в российском юридическом дискурсе трактуется принцип импортозамещения. Так, А. К. Дубень отмечает, что «правовое обеспечение процессов импортозамещения в информационной сфере представляет собой комплекс организационно-правовых средств, создающих приоритетные условия для российского разработчика и производителя цифровых технологий, в том числе регистрацию российского программного обеспечения, аттестацию объектов информатизации, сертификацию средств защиты информации, техническое регулирование объектов и процессов информационной среды» [7, С. 198].

Т. А. Полякова, рассматривая проблематику обеспечения национального суверенитета России в условиях развития наукоемких технологий в контексте противодействия вызовам праву и угрозам информационной безопасности, акцентирует внимание на «проблемах правового обеспечения противодействия новым вызовам и угрозам информационной безопасности, ландшафт которых расширяется в связи с процессами цифровизации, реализации политики обеспечения национального суверенитета на основе достижения импортозамещения информационных (цифровых) технологий в условиях санкций недружественных государств, изменения миропорядка» [8, С. 157]. Среди таких проблем Т. А. Полякова называет необходимость противодействия «использованию искусственного интеллекта в противоправных целях, в том числе в террористической и экстремистской деятельности» [8, С. 157]. По мнению А. Н. Гулемина, в условиях ограничения доступа к западным технологиям государственная политика должна быть скорректирована, а законодательство необходимо адаптировать для развития цифровых экосистем, обеспечив при этом баланс интересов всех участников и безопасность данных [9]. Кроме того, «на нормативном уровне необходимо обеспечить контроль импортозамещаемого ПО, его соответствие как стандартам безопасности, так и международным стандартам обработки информации» [9, С. 1]. Правовые аспекты развития импортозамещения в области информационных технологий изучают также такие российские эксперты, как И. А. Близнец, Г. Л. Ноникашвили [10], М. А. Дроздова, Е. А. Фурсова [11], Н. В. Мелащенко, В. Б. Наумов [12].

Однако, несмотря на уже накопленный опыт в сфере административно-правового регулирования импортозамещения в сфере информационных технологий, возникает вопрос об эффективности действующих механизмов правового регулирования. Кроме того, остаются открытыми вопросы о правовой природе нарушений в данной сфере, полноте мер административной ответственности и необходимости дальнейшей унификации законодательства в сфере государственных закупок и обеспечения безопасности КИИ.

Соответственно, импортозамещение можно определить как «выращивание отечественных производств, способных полностью или частично заменить импортные товары отечественной продукцией со схожим функционалом, что сопровождается изменением товарной структуры импорта» [13, С. 5].

В качестве своеобразной «отправной точки» политики импортозамещения в современной России можно считать 2014 г., когда в ответ на введение антироссийских санкций со стороны стран Европейского союза и США российское государство начало принимать системные меры, направленные на развитие национальных производств в ряде секторов экономики. В частности, были выделены 22 приоритетные отрасли промышленности. Нормативно-правовую основу политики импортозамещения на начальном этапе составили федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» [14], Постановление Правительства РФ от 04.08.2015 № 785 «О Правительственной комиссии по импортозамещению» [15] и Постановление Правительства РФ от 14.07.2014 № 656 «Об установлении запрета на допуск отдельных видов товаров машиностроения, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [16].

Следующий этап развития политики импортозамещения в России, потребовавший принятия соответствующих нормативно-правовых актов, связан с началом специальной военной операции России на Украине в 2022 г. В этот период усилия государства были сконцентрированы на активной поддержке импортозамещения, а ключевыми задачами стали снижение зависимости от иностранных поставок, локализация производства и создание в России конкурентоспособных аналогов товаров, оборудования и программного обеспечения. В 2022 г. был принят План мероприятий по импортозамещению в социально значимых отраслях промышленности Российской Федерации на период до 2024 года, утвержденный приказом Минпромторга России от 31.10.2022 № 4576 [17].

Следует подчеркнуть, что в настоящее время правовая основа политики импортозамещения в сфере информационных технологий представлена нормативно-правовыми актами различного уровня. Остановимся на них подробнее. Прежде всего, это Указ Президента РФ от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [18]. Данный нормативно-правовой акт является основополагающим. Он установил прямой запрет с 1 января 2025 года на использование программного обеспечения и телекоммуникационного оборудования из недружественных иностранных государств на значимых объектах критической информационной инфраструктуры. Под действие указа подпадают государственные органы, государственные учреждения, а также государственные корпорации и компании с госучастием более 50 %.

Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» определил правовые основы обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры и, собственно, ввел понятие субъектов и объектов критической информационной инфраструктуры в статье 2 [19]:

– субъекты КИИ – это государственные органы, государственные учреждения, российские юридические лица и индивидуальные предприниматели, которым на праве собственности, аренды или ином законном основании принадлежат информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети и автоматизированные системы управления, функционирующие в стратегически важных сферах (здравоохранение, наука, транспорт, связь, энергетика, банковская сфера, ТЭК, оборонная промышленность и другие);

– объекты КИИ – это принадлежащие субъектам КИИ информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети и автоматизированные системы управления;

– критическая информационная инфраструктура – это совокупность объектов КИИ, а также сетей электросвязи, используемых для организации взаимодействия этих объектов.

Ключевое значение имеют поправки, внесенные Федеральным законом от 25.12.2023 № 637-ФЗ [20], которые

вступили в силу с 1 сентября 2025 г. Данные поправки обязывают субъектов КИИ использовать на принадлежащих им значимых объектах КИИ только программное обеспечение, сведения о котором включены в Единый реестр российских программ для ЭВМ и баз данных. Кроме того, поправки централизуют полномочия: функции по категорированию объектов КИИ и утверждению требований к типовым объектам закрепляются за Аппаратом Правительства Российской Федерации.

И, наконец, еще два релевантных нормативно-правовых акта, которые важно упомянуть, – это Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [21] и Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [22]. Эти законы содержат механизмы «национального режима» (ст. 14 ФЗ-44, ст. 3.1 ФЗ-223), которые предоставляют ценовые преференции или устанавливают прямые запреты на допуск иностранного программного обеспечения при осуществлении государственных и корпоративных закупок, если существуют российские аналоги.

Итак, к 2026 г. процесс импортозамещения в сфере информационных технологий окончательно перешел в фазу институционализации, что нашло отражение в комплексном характере административно-правового регулирования. Данный этап характеризуется не только декларативными заявлениями, но и созданием устойчивых правовых и организационных механизмов.

В первую очередь, была проведена реформа системы учета отечественных разработчиков. Речь идет о Едином реестре российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных, ведение которого осуществляет Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Введены новые, более строгие правила формирования этого реестра, направленные на верификацию происхождения кода и подтверждение существенного вклада российских лиц в разработку программного обеспечения. Параллельно были расширены перечни товаров и позиций, подпадающих под действие нормативных требований об обязательной локализации производства и преференциальных режимов.

Во-вторых, в сфере внешнеторговой деятельности Правительством Российской Федерации был реализован подход, предполагающий, с одной стороны, ужесточение таможенных и импортных правил в отношении продукции из недружественных государств, что создало дополнительные барьеры для ее ввоза, а с другой – для обеспечения бесперебойных поставок необходимой продукции был формализован и продлен до конца 2026 г. механизм параллельного импорта, который легализовал ввоз отдельных категорий товаров без согласия правообладателя. Таким образом, была создана сбалансированная система, сочетающая протекционистские меры с инструментами для поддержания рыночной стабильности.

Неисполнение установленных требований в сфере импортозамещения информационных технологий влечет за собой применение мер административной ответственности, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [23]. Анализ действующего законодательства позволяет классифицировать данные противоправные деяния по нескольким основным составам (табл. 1).

К первой, наиболее общей и широкой категории, относится нарушение требований к обеспечению безопасности критической информационной инфраструктуры. Данное правонарушение охватывает неисполнение всех установленных законодательством обязанностей по защите КИИ, включая требования по переходу на отечественное программное обеспечение и оборудование. Суть правонарушения заключается в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей по созданию и обеспечению функционирования системы безопасности значимых объектов КИИ, в том числе в использовании на таких объектах программного обеспечения и оборудования из недружественных стран после 1 января 2025 г. Мера ответственности за данное деяние установлена частью 1 статьи 13.12.1 КоАП РФ и предусматривает наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 10 000 до 50 000 руб., а на юридических лиц – от 500 000 до 1 000 000 руб.

Таблица 1

Обзор правонарушений в сфере импортозамещения информационных технологий и применяемых мер ответственности

№ п/п	Правонарушение	Мера ответственности	Основание
1	Нарушение требований к обеспечению безопасности критической информационной инфраструктуры (КИИ). Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по созданию и обеспечению функционирования системы безопасности значимых объектов КИИ, включая использование программного обеспечения или оборудования из недружественных стран	Для должностных лиц – штраф от 10000 до 50000 руб.; для юридических лиц – штраф от 500000 до 1000000 руб..	Часть 1 статьи 13.12.1 КоАП РФ
2	Нарушение порядка категорирования объектов КИИ. Нарушение установленного порядка и сроков категорирования объектов КИИ, а также непредставление сведений для присвоения категории	Для должностных лиц – штраф от 10000 до 50000 руб.	Часть 2 статьи 13.12.1 КоАП РФ
3	Нарушение требований о взаимодействии с Государственной системой обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации. Нарушение порядка, сроков или состава информации при обмене сведениями о компьютерных инцидентах с уполномоченными органами (НКЦКИ)	Для должностных лиц – штраф от 10000 до 50000 руб.	Часть 3 статьи 13.12.1 КоАП РФ
4	Нарушение законодательства о контрактной системе в сфере закупок. Осуществление закупки иностранного программного обеспечения в случаях, когда законодательством РФ установлен запрет или ограничение на допуск таких товаров, работ, услуг	Для должностных лиц – штраф от 20000 до 30000 руб.; для юридических лиц – штраф до 50000 руб.	Часть 2 статьи 7.30 КоАП РФ

Источник: составлено автором по данным [23].

В качестве самостоятельного состава правонарушения выделяется нарушение порядка категорирования объектов КИИ. Субъекты КИИ обязаны присвоить своим объектам одну из трех категорий значимости в установленном порядке. Нарушение данного требования, выражающееся в несоблюдении порядка и сроков категорирования или непредставлении сведений для присвоения категории, влечет за собой ответственность по части 2 статьи 13.12.1 КоАП РФ в виде административного штрафа для должностных лиц в размере от 10 000 до 50 000 руб.

Третьим составом является нарушение требований о взаимодействии с Государственной системой обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации (ст. 5 ФЗ-187). Обязанность субъектов КИИ по информированию о компьютерных инцидентах уполномоченного органа (НКЦКИ) является ключевым элементом

обеспечения безопасности. Нарушение порядка, сроков или состава предоставляемой информации образует состав правонарушения, предусмотренного частью 3 статьи 13.12.1 КоАП РФ, и наказывается административным штрафом для должностных лиц от 10 000 до 50 000 руб.

Наконец, нарушение законодательства о контрактной системе в сфере закупок применяется к заказчикам, игнорирующим установленные запреты на допуск иностранного программного обеспечения. Осуществление закупки иностранного программного обеспечения в случаях, когда законодательством установлен запрет или ограничение на его допуск, квалифицируется по части 2 статьи 7.30 КоАП РФ и влечет за собой наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 20 000 до 30 000 руб., а на юридических лиц – до 50 000 руб.

Таким образом, административно-правовой механизм обеспечения импортозамещения в сфере информационных технологий носит комплексный характер, сочетая императивные предписания стратегического и отраслевого законодательства с конкретными мерами ответственности за их неисполнение, что формирует действенный правовой режим для достижения технологического суверенитета.

Действующие механизмы правового регулирования, основанные на сочетании директивных запретов (в частности, Указ Президента РФ от 30.03.2022 № 166) и экономических стимулов в рамках законодательства о государственных закупках, доказали свою высокую эффективность в качестве инструмента оперативного реагирования. Они позволили в кратчайшие сроки сформировать беспрецедентный спрос на отечественные программно-аппаратные комплексы и заложить фундамент для технологического суверенитета. Однако их эффективность носит преимущественно тактический характер. В долгосрочной перспективе данная модель демонстрирует ряд системных недостатков, главный из которых – риск создания искусственной монополизации рынка и подавления конкуренции, что может привести к стагнации качества и инновационности российских разработок.

Меры административной ответственности, предусмотренные главой 13.12.1 КоАП РФ, являются достаточными по своему карательному потенциалу, однако их применение затруднено отсутствием системного мониторинга и контроля за исполнением требований по переходу на отечественное программное обеспечение. Проблема лежит не в плоскости суровости санкций, а в необходимости создания эффективного механизма выявления правонарушений.

В этой связи дальнейшая унификация законодательства в сфере государственных закупок (44-ФЗ, 223-ФЗ) и обеспечения безопасности КИИ (187-ФЗ) является не просто целесообразной, а насущно необходимой. Требуется создание единого нормативного пространства, где требования к объекту закупки в рамках контрактной системы были бы неразрывно связаны с его категорией в системе безопасности КИИ. Это позволит устранить существующие правовые коллизии, создать прозрачные и предсказуемые правила для всех участников рынка и обеспечить реальное, а не формальное исполнение политики импортозамещения.

Литература

1. Горцевская, О. Г. Импортозамещение как фактор экономической безопасности / О. Г. Горцевская // Первый экономический журнал. – 2025. – № 3(357). – С. 34-44. – DOI 10.58551/20728115_2025_3_34. – EDN VUBAZN.

2. Оруч, Т. А. Механизм управления интенсификацией импортозамещения в промышленности на основе технологических инноваций / Т. А. Оруч // Первый экономический журнал. – 2023. – № 8(338). – С. 97-103. – DOI 10.58551/20728115_2023_8_97. – EDN WZCBOH.

3. Пурыскина, В. А. Технологический суверенитет как экономическая доктрина развития отечественной промышленности / В. А. Пурыскина // Первый экономический журнал. – 2025. – № 5(359). – С. 78-88. – EDN TXWCTU.

4. Макаров, И. Н. Трансформация институциональных основ и механизмов экономической политики как фактор импортозамещения в России в условиях санкционного давления и внешнеэкономических угроз / И. Н. Макаров и др. // Экономические отношения. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 651-670. – DOI 10.18334/eo.12.4.116909. – EDN ZBIJNR.

5. Алексеева, М. В. Безопасность и устойчивость цифровых коммуникаций в РФ: специфика правовых условий и механизмов их реализации / М. В. Алексеева, С. В. Рыбак // International Law Journal. – 2026. – Т. 9, № 3. – С. 187-195. – DOI 10.58224/2658-5693-2026-9-3-187-195. – EDN UTSCYU.

6. Арустамян, Г. В. Российские информационные вызовы и ответы на них / Г. В. Арустамян, Д. О. Шестак, Р. А. Дилбандян, О. В. Терещенко // Культура Мира. – 2025. – Т. 13, № 47(4). – С. 181-195. – EDN IKDNZR.

7. Дубень, А. К. Принцип импортозамещения в информационном праве / А. К. Дубень // Образование и право. – 2024. – № 2. – С. 198-201. – DOI 10.24412/2076-1503-2024-2-198-201. – EDN KAPZDE.

8. Полякова, Т. А. Обеспечение национального суверенитета России в условиях развития наукоемких технологий: противодействие вызовам праву и угрозам информационной безопасности / Т. А. Полякова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2024. – Т. 52, № 4. – С. 157-165. – DOI 10.21779/2224-0241-2024-52-4-157-165. – EDN MBWPSQ.

9. Гулемин, А. Н. Правовое регулирование использования информационных технологий в международной экономической деятельности / А. Н. Гулемин // Юридические исследования. – 2023. – № 1. – С. 1-12. – DOI 10.25136/2409-7136.2023.1.39575. – EDN LMBEGO.

10. Близнец, И. А. Правовые аспекты развития импортозамещения в области информационных технологий / И. А. Близнец, Г. Л. Ноникашвили // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2022. – № 12. – С. 5-9. – EDN EUWXJG.

11. Дроздова, М. А. Правововое регулирование государственного управления в сфере информационных технологий в период становления суверенной экономики / М. А. Дроздова, Е. А. Фурсова // Вестник Академии права и управления. – 2022. – № 3(68). – С. 21-26. – DOI 10.47629/2074-9201_2022_3_21_26. – EDN VHWQSU.

12. Мелащенко, Н. В. Подходы к правовому регулированию импортозамещения в сфере информационных технологий в США, КНР, ЕС и России / Н. В. Мелащенко, В. Б. Наумов // Инновации. – 2015. – № 6(200). – С. 54-60. – EDN UHPPBL.

13. Импортозамещение в российской экономике: вчера и завтра. Аналитический доклад НИУ ВШЭ / Я. И. Кузьминов, Ю. В. Симачев, М. Г. Кузык, А. А. Федюнина, А. Б. Жулин, М. Н. Глухова, А. Н. Клепач; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» при участии РСПП, Института исследований и экспертизы ВЭБ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 272 с.

14. О промышленной политике в Российской Федерации: федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 24.06.2026).

15. О Правительственной комиссии по импортозамещению (вместе с «Положением о Правительственной комиссии по импортозамещению»): постановление Правительства РФ от 04.08.2015 № 785(ред. от 02.06.2025) //

Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 24.06.2026).

16. Об установлении запрета на допуск отдельных видов товаров машиностроения, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд: постановление Правительства РФ от 14.07.2014 № 656 (ред. от 30.04.2020) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 24.06.2026).

17. План мероприятий по импортозамещению в социально значимых отраслях промышленности Российской Федерации на период до 2024 года: приказ Минпромторга России от 31.10.2022 № 4576 // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 24.06.2026).

18. О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: указ Президента РФ от 30.03.2022 № 166 (ред. от 07.04.2025) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 24.06.2026).

19. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 10.07.2023 № 312-ФЗ, от 07.04.2025 № 58-ФЗ) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 24.06.2026).

20. О внесении изменений в Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 25.12.2023 № 637-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 24.06.2026).

21. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 24.06.2026).

22. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс. URL:
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964 / (дата обращения: 24.06.2026).

23. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 10.06.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.06.2026) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 24.06.2026)

Administrative and legal regulation of import substitution in information technology

Asaturov E.R., Novikov A.R., Dmitry V.G.

Tver Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

In the context of the aggravation of the foreign policy situation and the escalation of cyber threats, the problem of ensuring the technological sovereignty of the Russian Federation is of paramount importance. At the same time, without switching to domestic software products, it is impossible to ensure the protection of information and the security of critical information infrastructure. In this context, the administrative and legal regulation of import substitution is a key instrument of government policy aimed at minimizing the risks associated with the use of foreign, including unlicensed, software products. The article presents the results of an analysis of the current Russian legislation regulating import substitution in the field of information technology. The assessment of the effectiveness of the existing mechanisms of legal regulation of import substitution in the field of information technology is given, and the conclusion is made that they are quite effective as a rapid response tool. The article considers the specifics of offenses and analyzes the measures of administrative responsibility in this area. The need for further unification of legislation in the field of public procurement and ensuring the safety of critical infrastructure has been identified. The results of the study may be of interest and useful both for representatives of government authorities (legislative and executive), as well as for heads of state corporations and researchers specializing in information law issues.

Keywords: administrative and legal regulation of import substitution, public procurement, protection, information, import substitution, information technology, critical information infrastructure, unlicensed software, security, software.

References

1. Gortsevskaya O. G. Import substitution as a factor of economic security / O. G. Gortsevskaya // The First Economic Journal. – 2025. – No. 3(357). – Pp. 34-44. – DOI 10.58551/20728115_2025_3_34. – EDN VUBAZN.
2. Oruch, T. A. A mechanism for managing the intensification of import substitution in industry based on technological innovations / T. A. Oruch // The First Economic Journal. – 2023. – No. 8(338). – Pp. 97-103. – DOI 10.58551/20728115_2023_8_97. – EDN WZCBOH.
3. Puryskina, V. A. Technological sovereignty as an economic doctrine of the development of domestic industry / V. A. Puryskina // The First Economic Journal. – 2025. – No. 5(359). – Pp. 78-88. – EDN TXWCTU.
4. Makarov, I. N. Transformation of the institutional foundations and mechanisms of economic policy as a factor of import substitution in Russia under the conditions of sanctions pressure and external economic threats / I. N. Makarov et al. // Economic relations. – 2022. – Vol. 12, No. 4. – Pp. 651-670. – DOI 10.18334/eo.12.4.116909. – EDN ZBIJNR.
5. Alekseeva, M. V. Security and sustainability of digital communications in the Russian Federation: specifics of legal conditions and mechanisms for their implementation / M. V. Alekseeva, S. V. Rybak // International Law Journal. – 2026. – Vol. 9, No. 3. – Pp. 187-195. – DOI 10.58224/2658-5693-2026-9-3-187-195. – EDN UTSCYU.
6. Arustamyan, G. V. Russian information challenges and responses to them / G. V. Arustamyan, D. O. Shestak, R. A. Dilbandyan, O. V. Tereshchenko // Culture of Peace. – 2025. – Vol. 13, No. 47(4). – Pp. 181-195. – EDN IKDNZR.
7. Duben, A. K. The principle of import substitution in information law / A. K. Duben // Education and law. – 2024. – No. 2. – Pp. 198-201. – DOI 10.24412/2076-1503-2024-2-198-201. – EDN KAPZDE.
8. Polyakova, T. A. Ensuring the national sovereignty of Russia in the context of the development of high-tech technologies: countering challenges to law and threats to information security / T. A. Polyakova // Law Bulletin of Dagestan State University. – 2024. – Vol. 52, No. 4. – Pp. 157-165. – DOI 10.21779/2224-0241-2024-52-4-157-165. – EDN MBWPSQ.
9. Gulemin, A. N. Legal regulation of the use of information technologies in international economic activity / A. N. Gulemin // Legal research. – 2023. – No. 1. – pp. 1-12. – DOI 10.25136/2409-7136.2023.1.39575. – EDN LMBEGO.
10. Bliznetz, I. A. Legal aspects of the development of import substitution in the field of information technology / I. A. Bliznetz, G. L. Nonikashvili // Intellectual property. Copyright and related rights. – 2022. – No. 12. – Pp. 5-9. – EDN EUWXJG.
11. Drozdova, M. A. Legal regulation of public administration in the field of information technology during the formation of the sovereign economy / M. A. Drozdova, E. A. Fursova // Bulletin of the Academy of Law and Management. – 2022. – No. 3(68). – Pp. 21-26. – DOI 10.47629/2074-9201_2022_3_21_26. – EDN VHWQSU.
12. Melashchenko, N. V. Approaches to the legal regulation of import substitution in the field of information technology in the USA, China, the EU and Russia / N. V. Melashchenko, V. B. Naumov // Innovations. – 2015. – No. 6(200). – Pp. 54-60. – EDN UHPPBL.
13. Import substitution in the Russian economy: yesterday and tomorrow. Analytical report of the Higher School of Economics / Ya. I. Kuzminov, Yu. V. Simachev, M. G. Kuzyk, A. A. Fedyunina, A. B. Zhulin, M. N. Glukhova, A. N. Klepach; National research. Higher School of Economics University with the participation of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, the VEB Institute for Research and Expertise. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2023. – 272 p.
14. On Industrial Policy in the Russian Federation: Federal Law No. 488-FZ dated December 31, 2014 (latest edition) // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru (date of access: 06/24/2026).
15. On the Government Commission on Import Substitution (together with the "Regulations on the Government Commission on Import Substitution"): Decree of the Government of the Russian Federation dated 08/04/2015 No. 785 (as amended on 06/02/2025) // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru (date of access: 06/24/2026).
16. On the establishment of a ban on the admission of certain types of machine-building products originating from foreign countries for the purpose of procurement for State and municipal needs: Decree of the Government of the Russian Federation dated 07/14/2014 No. 656 (as amended on 04/30/2020) // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru (date of access: 06/24/2026).
17. Action plan for import substitution in socially significant industries of the Russian Federation for the period up to 2024: Order of the Ministry of Industry and Trade of Russia dated 31.10.2022 No. 4576 // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru (date of access: 06/24/2026).
18. On measures to ensure the technological independence and security of the critical information infrastructure of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 166 dated 30.03.2022 (as amended on 04/07.2025) // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru (date of access: 06/24/2026).
19. On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation: Federal Law No. 187-FZ dated July 26, 2017 (as amended Federal Laws dated 07/10/2023 No. 312-FZ, dated 04/07/2025 No. 58-FZ) // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/ (date of access: 06/24/2026).

О некоторых тенденциях совершенствования законодательства в сфере правового обеспечения охраны и защиты прав субъектов экономической деятельности в условиях цифровой трансформации в Российской Федерации

Васиян Роман Иванович
доцент, Департамента гуманитарного и социально-экономического образования, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, R_Vasiyan@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные направления совершенствования российского законодательства в сфере охраны и защиты прав субъектов экономической деятельности в условиях цифровой трансформации. Актуальность темы обусловлена тем, что развитие цифровых платформ, алгоритмических моделей взаимодействия, смарт-контрактов, электронных сервисов и технологий обработки массивов данных изменяет как содержание экономических отношений, так и юридические механизмы их обеспечения. Традиционные правовые средства, сформированные применительно к аналоговой модели оборота, не всегда позволяют адекватно реагировать на нарушения прав в цифровой среде. Цель исследования состоит в выявлении основных законодательных тенденций и проблемных зон в регулировании отношений, связанных с защитой прав субъектов экономической деятельности в цифровом пространстве. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и интерпретационный методы, а также анализ законодательства, судебной практики и доктринальных подходов. Установлено, что ключевые направления развития законодательства связаны с уточнением правового статуса цифровых посредников, разграничением охраны и защиты информации, конкретизацией режима персональных данных и формированием специального подхода к регулированию больших данных. Обоснован вывод о том, что дальнейшее совершенствование законодательства должно строиться на сочетании технологической нейтральности, защиты законных интересов участников цифрового оборота и более точной юридической квалификации новых объектов и форм цифрового взаимодействия.
Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровая экономика, защита прав, охрана прав, субъекты экономической деятельности, агрегаторы, персональные данные, большие данные, информация, цифровое право.

Введение

Цифровая трансформация экономики изменила не только технические условия осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, но и саму логику правового регулирования соответствующих отношений. В цифровой среде значительная часть юридически значимых действий совершается через платформенные сервисы, автоматизированные алгоритмы, распределённые реестры, системы электронного документооборота и иные технологические инструменты. Вследствие этого механизм охраны и защиты прав субъектов экономической деятельности уже не может ограничиваться средствами, разработанными применительно к классической модели гражданского оборота.

Особенность современного этапа состоит в том, что цифровая инфраструктура нередко сама становится средой возникновения, фиксации и исполнения прав и обязанностей. При использовании смарт-контрактов, платформенных моделей торговли, автоматизированных систем расчётов и цифровых сервисов обращения данных юридическое значение приобретает не только воля стороны, выраженная в документе, но и программный код, архитектура платформы, порядок допуска к данным, алгоритм ранжирования предложений и режим идентификации участников. В таких условиях охрана и защита прав субъектов экономической деятельности должны обеспечиваться посредством более сложной и дифференцированной правовой конструкции.

Конституционные основания такого подхода заложены в положениях о приоритете прав и свобод человека и гражданина, а также в отнесении вопросов обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных к ведению Российской Федерации. Однако конституционный уровень закрепляет только общую рамку. Практическое значение имеет то, каким образом специальные отраслевые нормы реагируют на изменение экономической среды, в которой усиливается роль цифровых посредников, возрастает значение персональных данных и больших массивов информации, а нарушение прав может осуществляться без традиционного физического контакта между участниками правоотношения.

В юридической литературе справедливо отмечается, что цифровизация не устраняет необходимость правовой защиты, а, напротив, делает более заметной проблему точной юридической квалификации новых объектов и способов воздействия на права участников оборота [1–8]. Одновременно в более широком ценностном измерении цифровое регулирование не может быть выведено за пределы общих представлений о приоритете личности, ответственности государства и значении базовых общественных ориентиров [9; 10]. Это обстоятельство требует не только технологической модернизации законодательства, но и последовательного сохранения его правозащитной функции.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении основных тенденций совершенствования законодательства в сфере правового обеспечения охраны и защиты прав субъектов экономической деятельности в условиях

цифровой трансформации в Российской Федерации. Для достижения указанной цели необходимо определить ключевые направления такого совершенствования, раскрыть существующие пробелы и противоречия, а также обосновать те законодательные решения, которые способны повысить эффективность защиты прав участников цифрового оборота.

Материалы и методы исследования

Материал исследования составили положения Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, федеральных законов, регулирующих сферу информации, информационных технологий, персональных данных, защиты прав потребителей, национальной платёжной системы и отдельных аспектов цифровой экономики, а также судебная практика и научные публикации, посвящённые правовому режиму данных, цифровых платформ и информационной безопасности.

Методологическую основу работы образуют формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и интерпретационный методы. Формально-юридический метод позволил проанализировать действующие нормативные предписания и выявить их содержательные ограничения. Сравнительно-правовой метод использовался при сопоставлении отечественных подходов с зарубежными моделями регулирования информационной безопасности, персональных данных и больших данных. Системный метод обеспечил рассмотрение исследуемых явлений в их взаимосвязи, включая связь между защитой прав потребителей, правовым режимом информации и оборотом данных в цифровой экономике. Интерпретационный подход был необходим для анализа доктринальных позиций относительно разграничения охраны и защиты права, а также для оценки возможностей адаптации традиционных правовых институтов к цифровой среде.

Исследование строится на предпосылке, согласно которой совершенствование законодательства в цифровой сфере не может сводиться к фрагментарному внесению изменений в отдельные нормы. Оно требует согласования понятийного аппарата, более точного определения статуса участников цифровых отношений и выработки единых критериев юридической квалификации цифровых объектов, обладающих самостоятельным экономическим значением.

Результаты и обсуждение

Одним из наиболее заметных направлений развития законодательства стала правовая конкретизация статуса владельца агрегатора информации о товарах, услугах и иных объектах гражданского оборота. Включение в законодательство специальных норм об агрегаторах было обусловлено тем, что платформенные посредники фактически перестали выполнять только информационную функцию. Они участвуют в расчётах, обеспечивают интерфейс заключения договора, определяют параметры доступа продавца к потребителю, организуют обратную связь, а в ряде случаев участвуют и в разрешении претензий.

С формально-юридической точки зрения законодатель закрепил обязанность владельца агрегатора доводить до потребителя сведения о себе и о продавце, а также предусмотрел отдельные случаи его ответственности. Вместе с тем действующая модель по-прежнему не устраняет всех вопросов, связанных с распределением рисков между продавцом, владельцем платформы и потребителем. В цифровой коммерции именно агрегатор нередко задаёт архитектуру сделки, контролирует информационный поток, принимает предварительную оплату и опосредует исполнение обязательства. Следовательно, его правовое положение уже не исчерпывается традиционной конструкцией нейтрального посредника.

В этих условиях дальнейшее совершенствование законодательства должно идти по пути функционального подхода к ответственности цифрового посредника. Юридически значимым является не только формальное наименование участника сделки, но и тот объём фактического контроля, который он осуществляет над заключением, исполнением и сопровождением договора. Если цифровая платформа не только размещает сведения, но и организует расчёты, доставку, идентификацию контрагентов и претензионную коммуникацию, законодательство должно предусматривать более определённые правила её ответственности перед участниками оборота. Такой подход соответствует логике защиты слабой стороны в цифровом договорном отношении и обеспечивает большую правовую определённость.

Второе направление совершенствования законодательства связано с правовым обеспечением охраны и защиты информации. В действующем регулировании данные категории нередко используются без достаточного разграничения, хотя с точки зрения юридической техники они не совпадают по содержанию. Охрана права предполагает систему мер предупредительного и обеспечительного характера, направленных на создание условий нормального осуществления права. Защита же права актуализируется при его нарушении либо при наличии реальной угрозы такого нарушения и выражается в применении средств пресечения, восстановления, компенсации и иных мер юридического воздействия.

В этой связи представляется недостаточно точным отождествление защиты информации исключительно с совокупностью организационных и технических мер. С правовой точки зрения более корректно говорить не о защите информации как таковой, а о защите прав и законных интересов субъектов по поводу информации, доступа к ней, режима её использования, конфиденциальности и сохранности. Информация как объект цифрового оборота сама по себе не является носителем субъективного права; юридическое значение имеет право определённого лица на использование, ограничение доступа, сохранение режима конфиденциальности и пресечение противоправного вмешательства.

Отсюда вытекает необходимость уточнения действующих норм законодательства об информации, информационных технологиях и о защите информации. Во-первых, в соответствующих положениях целесообразно более последовательно отразить различие между мерами охраны и мерами защиты. Во-вторых, законодатель должен прямо учитывать не только уже состоявшееся нарушение, но и ситуацию реальной угрозы нарушения цифрового права или законного интереса. В-третьих, юридическая конструкция защиты должна включать не только предупреждение несанкционированного доступа, но и последствия совершённого правонарушения, включая возмещение причинённых убытков, восстановление нарушенного положения и иные способы гражданско-правовой и публично-правовой реакции.

Тем самым совершенствование законодательства в рассматриваемой части требует перехода от узкотехнического понимания безопасности к комплексной юридической модели, в которой информационная безопасность рассматривается как состояние защищённости прав и законных интересов участников цифровых отношений, а не только как характеристика технологической системы.

Следующее направление законодательного развития связано с правовым режимом персональных данных. В цифровой экономике персональные данные стали не только средством идентификации физического лица, но и экономическим ресурсом, элементом платформенной

аналитики и инструментом формирования пользовательских моделей поведения. Это существенно усложняет вопрос о границах правомерной обработки данных и о критериях отнесения конкретной информации к персональным данным.

Практика показывает, что наиболее сложные вопросы возникают применительно к таким цифровым идентификаторам, как IP-адреса, файлы cookie, рекламные идентификаторы, сведения о сетевой активности и иные цифровые следы, которые по отдельности могут не раскрывать личность субъекта, но в совокупности позволяют его определить либо выделить в устойчивую поведенческую модель. В результате сохраняется правовая неопределённость: одни категории цифровой информации фактически используются как персонализирующие, но не всегда получают единообразную юридическую квалификацию.

В этой части совершенствование законодательства должно быть направлено не на чрезмерное расширение легального определения персональных данных, а на его содержательную конкретизацию с учётом современных способов идентификации. Законодательству и правоприменению необходим более ясный критерий: к персональным данным должна относиться не только информация, прямо указывающая на определённое лицо, но и такая совокупность сведений, которая с учётом доступных технологий позволяет установить его личность либо индивидуализировать его как носителя конкретного цифрового профиля.

Наряду с этим важной задачей остаётся унификация судебной практики и административных подходов в сфере защиты персональных данных. Для участников экономической деятельности правовая определённость особенно значима, поскольку именно от неё зависит допустимость маркетинговых, аналитических, платёжных и иных цифровых решений. Отсутствие единообразия в квалификации данных приводит либо к неоправданному расширению рисков для бизнеса, либо, напротив, к недостаточной защищённости частной сферы личности. Следовательно, совершенствование законодательства должно сопровождаться последовательным формированием устойчивых подходов к квалификации цифровых идентификаторов и к пределам допустимой обработки данных.

Одним из наиболее сложных направлений современного регулирования является правовой режим больших данных. Их специфика состоит в том, что речь идёт не просто о большом объёме информации, а о технологически организованном массиве разнородных данных, обладающем самостоятельной экономической ценностью и позволяющем получать новые результаты путём алгоритмической обработки, сопоставления и прогнозирования. По этой причине большие данные не могут быть сведены ни к обычной базе данных, ни к совокупности персональных данных, ни к коммерческой тайне в её традиционном понимании [1; 2; 4–8].

С юридической точки зрения большие данные представляют собой комплексный объект, правовой режим которого должен учитывать одновременно частноправовые, информационно-правовые и публично-правовые элементы. С одной стороны, оборот больших данных связан с инвестициями, инфраструктурой сбора, алгоритмами обработки и коммерческой ценностью результата. С другой стороны, соответствующие массивы могут включать данные, позволяющие косвенно восстановить сведения о частной жизни, деловой активности и поведенческих характеристиках конкретных лиц. Вследствие этого чрезмерно свободный оборот больших данных способен порождать риски вторичной идентификации, дискриминационного профилирования и непрозрачного воздействия на участников рынка.

Представляется обоснованным подход, согласно которому законодательство должно исходить из самостоятельного статуса больших данных как особого объекта регулирования. Для такого объекта недостаточны либо исключительно вещные, либо исключительно обязательственные, либо исключительно информационно-правовые механизмы. Более адекватной является модель, сочетающая признание экономической ценности больших данных с обязательными гарантиями анонимизации, недопустимости необоснованной деанонимизации и соблюдения прав лиц, сведения о которых могут быть восстановлены в результате перекрёстной обработки цифровых массивов.

В этой части совершенствование законодательства должно строиться по нескольким направлениям. Во-первых, необходимо обеспечить более чёткое разграничение между обезличенными данными, персональными данными и производными цифровыми массивами. Во-вторых, следует установить правовые требования к технологиям повторной идентификации и к ответственности за неправомерное восстановление персонализирующей информации. В-третьих, требуется нормативное закрепление базовых критериев добросовестного использования больших данных в экономической деятельности, включая требования к прозрачности отдельных алгоритмических решений, если они способны существенно затрагивать права субъектов.

Рассмотренные направления позволяют сделать вывод о наличии единой тенденции: российское законодательство постепенно отходит от попытки механически распространить на цифровую среду конструкции, выработанные для традиционного оборота, и движется в сторону более специального и функционального регулирования. Такая тенденция проявляется в уточнении статуса цифровых посредников, в переосмыслении правового режима информации, в конкретизации критериев персонализации данных и в поиске особой правовой модели для больших данных.

Вместе с тем данное движение ещё не завершено. Законодательство сохраняет отдельные терминологические и концептуальные несогласованности, из-за чего один и тот же цифровой феномен может оцениваться в различных правовых режимах по-разному. Это особенно заметно там, где цифровая технология одновременно выступает средством идентификации, коммерческим ресурсом и механизмом воздействия на экономическое поведение участников рынка. Отсюда следует, что дальнейшее совершенствование законодательства должно быть направлено не только на введение новых норм, но и на согласование уже существующего понятийного аппарата.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать несколько основных выводов. Цифровая трансформация экономических отношений требует пересмотра традиционных механизмов охраны и защиты прав субъектов экономической деятельности. Юридические средства, показавшие свою эффективность в аналоговой среде, не всегда обеспечивают надлежащий уровень защиты в условиях платформенной экономики, алгоритмизации сделок и интенсивного оборота данных.

К числу ключевых направлений совершенствования законодательства относится более точное определение правового статуса цифровых посредников, прежде всего владельцев агрегаторов. Их участие в расчётах, организации сделки и сопровождении претензионной работы требует функционального подхода к распределению ответственности.

Законодательство также нуждается в более последовательном разграничении категорий охраны и защиты информации. Такое разграничение имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, поскольку от него зависит выбор юридических средств реагирования как на угрозу нарушения, так и на уже совершённое нарушение права.

Дальнейшее развитие законодательства о персональных данных должно учитывать современные технологии идентификации личности в цифровой среде. Юридическая определённость в данной сфере выступает необходимым условием как для защиты частной жизни, так и для устойчивого функционирования цифрового бизнеса.

Большие данные целесообразно рассматривать как самостоятельный объект правового регулирования, требующий комплексной модели. Такая модель должна сочетать признание экономической ценности цифровых массивов с обязательными гарантиями защиты прав субъектов, чьи данные затрагиваются в процессе их обработки.

Общее направление законодательного развития должно быть связано с обеспечением баланса между технологическим развитием, свободой экономической деятельности и гарантированной защитой прав участников цифрового оборота. Лишь при таком подходе цифровая трансформация будет сопровождаться не снижением уровня правовой защищённости, а укреплением доверия к праву как к регулятору новой экономической среды.

Литература

1. Савельев А. И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 43–66.
2. Рожкова М. А. Характеристики больших данных, значимые для целей гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 6. С. 22–28.
3. Рожкова М. А. Персональные и неперсональные данные как объекты гражданских прав // Хозяйство и право. 2019. № 5. С. 15–21.
4. Шайдуллина В. К. Большие данные и защита персональных данных: основные проблемы теории и практики правового регулирования // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 1.
5. Амбарцумов Р. А. Правовое регулирование технологии «Big Data» в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2019. Вып. 4. С. 6–10.
6. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11. С. 106–123.
7. Савельев А. И. Направления регулирования больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. 2018. № 5. С. 122–144.
8. Войниканис Е. А. Регулирование больших данных и право интеллектуальной собственности: общие подходы, проблемы и перспективы развития // Закон. 2020. № 7. С. 135–156.
9. Кохичко, А. Н. Духовно-нравственное развитие и воспитание личности младшего школьника средствами русского (родного) языка / А. Н. Кохичко // Начальная школа плюс До и После. – 2012. – № 3. – С. 78–85. – EDN OXQXWB.
10. Кохичко, А. Н. О принципах отношения к миру как основе базовых национальных ценностей / А. Н. Кохичко // Начальная школа плюс До и После. – 2010. – № 1. – С. 7–11. – EDN KXQCOT.
11. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. 640 с.
12. Право цифровой среды : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М. : Проспект, 2022. 896 с.

Certain trends in improving legislation on the legal support of safeguarding and protection of the rights of economic entities in the context of digital transformation in the Russian Federation

Vasiyan R.I.

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The article examines current trends in improving Russian legislation in the field of safeguarding and protecting the rights of economic entities under digital transformation. The relevance of the topic is determined by the fact that the development of digital platforms, algorithm-based interaction models, smart contracts, electronic services, and large-scale data processing technologies changes both the content of economic relations and the legal mechanisms supporting them. Traditional legal remedies designed for the analogue model of economic circulation do not always ensure effective protection against violations in the digital environment. The purpose of the study is to identify the main legislative trends and problematic areas in regulating relations connected with the protection of the rights of economic entities in digital space. The methodological framework includes formal legal, comparative legal, systemic, and interpretative methods, as well as analysis of legislation, judicial practice, and doctrinal approaches. It is established that the main directions of legal development are associated with clarifying the legal status of digital intermediaries, differentiating between safeguarding and protection of information, specifying the legal regime of personal data, and elaborating a special legal approach to big data regulation. It is concluded that further improvement of legislation should be based on a combination of technological neutrality, protection of legitimate interests of digital market participants, and more precise legal qualification of new objects and forms of digital interaction.

Keywords: digital transformation, digital economy, protection of rights, safeguarding of rights, economic entities, aggregators, personal data, big data, information, digital law.

References

1. Savel'ev A. I. Problemy primeneniya zakonodatel'stva o personal'nykh dannykh v epokhu «Bol'shikh dannykh» (Big Data). Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki, 2015, no. 1, pp. 43–66.
2. Rozhkova M. A. Kharakteristiki bol'shikh dannykh, znachimye dlya tselei grazhdanskogo prava. Khozyaistvo i pravo, 2019, no. 6, pp. 22–28.
3. Rozhkova M. A. Personal'nye i nepersonal'nye dannye kak ob"ekty grazhdanskikh prav. Khozyaistvo i pravo, 2019, no. 5, pp. 15–21.
4. Shaidullina V. K. Bol'shie dannye i zashchita personal'nykh dannykh: osnovnye problemy teorii i praktiki pravovogo regulirovaniya. Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo, 2019, no. 1.
5. Ambartsumov R. A. Pravovoe regulirovanie tekhnologii «Big Data» v Rossiiskoi Federatsii. Voprosy rossiiskoi yustitsii, 2019, issue 4, pp. 6–10.
6. Sergeev A. P., Tereshchenko T. A. Bol'shie dannye: v poiskakh mesta v sisteme grazhdanskogo prava. Zakon, 2018, no. 11, pp. 106–123.
7. Savel'ev A. I. Napravleniya regulirovaniya bol'shikh dannykh i zashchita neprikosnovennosti chastnoi zhizni v novykh ekonomicheskikh realiyakh. Zakon, 2018, no. 5, pp. 122–144.
8. Voinikanis E. A. Regulirovanie bol'shikh dannykh i pravo intellektual'noi sobstvennosti: obshchie podkhody, problemy i perspektivy razvitiya. Zakon, 2020, no. 7, pp. 135–156.
9. Kokhichko A. N. Dukhovno-nravstvennoe razvitie i vospitanie lichnosti mladshego shkol'nika sredstvami russkogo (rodnogo) yazyka. Nachal'naya shkola plyus Do i Posle, 2012, no. 3, pp. 78–85.
10. Kokhichko A. N. O printsipakh otnosheniya k miru kak osnove bazovykh natsional'nykh tsennostei. Nachal'naya shkola plyus Do i Posle, 2010, no. 1, pp. 7–11.
11. Tsifrovoe pravo: uchebnik / ed. by V. V. Blazheev, M. A. Egorova. Moscow, Prospekt, 2020. 640 p.
12. Pravo tsifrovoi sredy: monografiya / ed. by T. P. Podshivalov, E. V. Titova, E. A. Gromova. Moscow, Prospekt, 2022. 896 p.

Наследственные права детей, рожденных в результате постмортальной репродукции: проблемы и перспективы правового регулирования

Грызлова Анастасия Александровна
независимый исследователь, anastasiagryzlova@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы определения наследственных прав детей, рожденных в результате постмортальной репродукции. Отмечается, что действующее российское законодательство связывает возможность призвания к наследованию лиц, родившихся после открытия наследства, с фактом их зачатия при жизни наследодателя, что исключает возможность наследования детьми, зачатие которых произошло после смерти родителя с использованием его репродуктивного материала. Исследуются международно-правовые стандарты защиты прав ребенка, зарубежный опыт правового регулирования постмортальной репродукции, а также современные подходы к определению правового статуса таких детей. Особое внимание уделяется правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации относительно прав лиц, рожденных с использованием вспомогательных репродуктивных технологий после смерти одного из родителей. Обосновывается вывод о необходимости совершенствования российского законодательства путем закрепления специальных правил, определяющих условия признания и порядок реализации наследственных прав детей, рожденных в результате постмортальной репродукции.

Ключевые слова: наследственные права; постмортальная репродукция; вспомогательные репродуктивные технологии, дети, рожденные после смерти родителя, наследование по закону, происхождение ребенка, правовой статус ребенка, наследственное право.

Одним из центральных вопросов наследственного права выступает определение круга лиц, которые могут быть призваны к наследованию после смерти наследодателя. В основе действующего правового регулирования лежит положение п. 1 ст. 1116 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), согласно которому право наследования связывается с существованием лица на момент открытия наследства либо с фактом его зачатия при жизни наследодателя [6]. Указанный подход основан на традиционной биологической модели происхождения детей, не предполагающей возможность использования репродуктивного материала лица после его смерти.

Однако современные достижения в области вспомогательных репродуктивных технологий существенно расширили временные границы реализации репродуктивной функции человека. Существенное влияние на развитие наследственных правоотношений оказывает постмортальная репродукция, предполагающая использование репродуктивного материала умершего лица в целях зачатия ребенка после его смерти [5]. При таких обстоятельствах возникает вопрос о возможности распространения на детей, рожденных в результате постмортальной репродукции, правил о наследовании, применяемых в отношении иных детей наследодателя.

Буквальное толкование п. 1 ст. 1116 ГК РФ не позволяет отнести ребенка, рожденного в результате постмортальной репродукции, к числу наследников по закону [6]. Согласно указанной норме необходимым условием призвания к наследованию лица, родившегося после открытия наследства, является факт его зачатия при жизни наследодателя. Следовательно, ребенок, зачатый после смерти наследодателя с использованием его репродуктивного материала, формально не подпадает под предусмотренный законом круг наследников.

В свою очередь отсутствие у ребенка статуса наследника не означает отсутствия его связи с наследодателем. Напротив, ребенок, рожденный в результате постмортальной репродукции, обладает тем же происхождением от наследодателя, что и ребенок, зачатый при его жизни. В этой связи возникает вопрос о том, может ли исключительно момент зачатия выступать достаточным основанием для различия в объеме наследственных прав детей, происходящих от одного лица.

Представляется, что решение данного вопроса требует учета не только формальных критериев, закрепленных в ст. 1116 ГК РФ, но и общепризнанных принципов и норм международного права, направленных на обеспечение защиты прав и законных интересов ребенка. Так, необходимо учитывать положения ст. 2 Конвенции о правах ребенка 1989 г., согласно которым государства-участники обязуются обеспечивать права каждого ребенка без какой-либо дискриминации независимо от происхождения, рождения или иных обстоятельств [7]. Следовательно, не должно быть различий в объеме наследственных прав детей исключительно по признаку способа или момента их зачатия.

Вместе с тем практическая реализация указанного подхода сопряжена с рядом существенных трудностей.

Особую сложность представляет ситуация, при которой ребенок рождается уже после открытия наследства и распределения наследственного имущества между наследниками. В таких обстоятельствах признание за таким ребенком статуса наследника способно затронуть

права лиц, уже принявших наследство и реализовавших принадлежащие им правомочия в отношении наследственного имущества. В частности, возникает вопрос о возможности перераспределения наследственной массы после определения круга наследников и оформления наследственных прав.

Не менее важным является вопрос о допустимых временных пределах возникновения наследственных прав ребенка, рожденного в результате постмортальной репродукции. Отсутствие соответствующих ограничений способно повлечь длительную неопределенность в вопросе о составе наследников.

Подобная ситуация не отвечает принципу стабильности гражданского оборота и может негативно сказаться на правах добросовестных участников наследственных правоотношений. В этой связи признание наследственных прав детей, рожденных в результате постмортальной репродукции, должно сопровождаться установлением специальных механизмов, обеспечивающих баланс интересов всех участников наследственных правоотношений.

В условиях отсутствия специального правового регулирования представляет научно-практическую ценность опыт зарубежных государств, столкнувшихся с необходимостью определения наследственно-правового статуса детей, рожденных в результате постмортальной репродукции.

Анализ зарубежного законодательства свидетельствует об отсутствии единообразного подхода к решению рассматриваемой проблемы.

Так, законодательство Великобритании связывает возможность возникновения наследственно-правовых последствий постмортальной репродукции с наличием выраженного при жизни согласия лица на использование репродуктивного материала после его смерти [1]. В основу указанного подхода положена воля умершего лица относительно возможного рождения ребенка после его смерти и связанных с этим юридических последствий.

Аналогичный подход прослеживается и в законодательстве Бельгии, где наряду с согласием умершего устанавливаются временные пределы использования репродуктивного материала после смерти лица [2]. Установление подобных ограничений направлено на обеспечение баланса между интересами ребенка и необходимостью сохранения правовой определенности наследственных отношений.

В отдельных штатах США вопрос о наследственных правах детей, рожденных в результате постмортальной репродукции, решается с учетом соблюдения предусмотренных законом условий, включая волеизъявление умершего лица относительно посмертного родительства [4].

Особое место среди зарубежных подходов занимает израильская модель правового регулирования постмортальной репродукции. Ее специфика заключается в допустимости учета предполагаемой воли умершего лица при решении вопроса о посмертном использовании репродуктивного материала [3]. В отличие от правопорядков, требующих наличия предварительно выраженного согласия наследодателя, данный подход допускает установление его репродуктивных намерений на основании совокупности обстоятельств конкретного дела. Вместе с тем подобная конструкция вызывает дискуссии в связи с риском неоднозначного толкования действительной воли умершего лица.

Таким образом, в разных странах используются различные подходы к определению наследственно-правового статуса детей, рожденных в результате постмортальной репродукции, предполагающие учет воли наследодателя, соблюдение временных ограничений и иных установленных законом требований.

Преимуществом модели обязательного согласия наследодателя является обеспечение уважения его репродуктивной автономии и права самостоятельно определять пределы реализации своей репродуктивной функции. Использование репродуктивного материала после смерти лица способно повлечь не только возникновение детско-родительских отношений, но и существенные имущественно-правовые последствия, связанные с изменением круга наследников и перераспределением наследственной массы, в связи с чем требование о наличии предварительно выраженного согласия позволяет достоверно установить отношение лица к возможности рождения ребенка после его смерти и связанным с этим правовым последствиям. Кроме того, данный подход способствует снижению количества споров между потенциальными наследниками, поскольку исключает необходимость установления предполагаемой воли умершего лица на основании косвенных доказательств.

Вместе с тем рассматриваемая модель не лишена существенных недостатков. Прежде всего, отсутствие выраженного согласия на посмертное использование репродуктивного материала не всегда свидетельствует о несогласии лица на рождение ребенка после его смерти. На практике лица, прибегающие к вспомогательным репродуктивным технологиям, как правило, ориентированы на реализацию репродуктивной функции при жизни и не всегда предполагают необходимость разрешения вопроса о возможном использовании репродуктивного материала после смерти. Вследствие этого отсутствие соответствующего волеизъявления может быть обусловлено не отрицательным отношением лица к посмертному родительству, а тем обстоятельством, что подобная ситуация при жизни им не рассматривалась. Кроме того, связывание наследственных прав ребенка исключительно с наличием предварительно выраженного согласия наследодателя способно привести к ограничению прав детей, происхождение которых от умершего лица установлено в предусмотренном законом порядке. При таком подходе решающее значение приобретает не факт происхождения ребенка от наследодателя, а наличие либо отсутствие специального волеизъявления, что может ставить детей одного родителя в неравное правовое положение. Представляется, что подобное регулирование в недостаточной степени учитывает интересы ребенка, который не может влиять ни на способ своего зачатия, ни на наличие либо отсутствие соответствующего волеизъявления со стороны наследодателя. Следует также учитывать, что при возникновении детско-родительских отношений в результате естественного зачатия либо применения вспомогательных репродуктивных технологий при жизни родителей возникновение прав ребенка не ставится в зависимость от наличия специального согласия отца на его рождение. В результате применение модели обязательного согласия способно привести к ситуации, при которой ребенок фактически лишается возможности наследования по причинам, не связанным с его происхождением от наследодателя.

Относительно требования о соблюдении временных ограничений представляется возможным занять иную позицию. В отличие от обязательного согласия наследодателя, установление временных пределов реализации репродуктивной программы после смерти лица направлено не на ограничение прав ребенка, а на обеспечение стабильности наследственных правоотношений. Необходимость подобных ограничений обусловлена потребностью в сохранении правовой определенности при установлении круга наследников и распределении наследственного имущества. Отсутствие временных рамок способно повлечь ситуацию, при которой вопрос о возможном появлении новых наследников будет сохранять актуальность в

течение неопределенно длительного периода времени. Подобное положение не соответствует интересам ни потенциальных наследников, ни иных участников гражданского оборота, вступающих в правоотношения в отношении наследственного имущества. Установление разумного срока для реализации репродуктивной программы после смерти наследодателя представляется обоснованным механизмом обеспечения баланса интересов всех участников наследственных правоотношений.

В связи с этим указание в законодательстве специального срока реализации репродуктивной программы после смерти наследодателя является целесообразным. При этом дополнительного законодательного осмысления требует вопрос о продолжительности указанного срока, а также об определении юридически значимого момента начала его течения: дискуссионным является вопрос о том, должен ли соответствующий срок исчисляться с момента смерти наследодателя, момента использования его репродуктивного материала либо момента рождения ребенка.

Решение указанных вопросов имеет принципиальное значение для обеспечения баланса между интересами ребенка и необходимостью сохранения правовой определенности наследственных правоотношений.

Представленные подходы приобретают особую актуальность для российского правопорядка.

В настоящее время российское законодательство не предусматривает возможности признания за детьми, рожденными в результате постмортальной репродукции, статуса наследников, а также не содержит специальных правил, определяющих условия и порядок осуществления соответствующих наследственных прав.

Важно, однако, указать, что отсутствие специального законодательного регулирования не означает отсутствия правовых подходов к разрешению рассматриваемой проблемы.

Отдельные аспекты постмортальной репродукции уже становились предметом судебного рассмотрения. В ряде дел суды исходили из допустимости использования репродуктивного материала умершего лица при установлении его воли на реализацию репродуктивной программы. Так, в 2025 г. в г. Уфе суд удовлетворил требования заявительницы о проведении процедуры экстракорпорального оплодотворения с использованием эмбрионов, созданных при жизни супругов, несмотря на отсутствие специального согласия умершего супруга на их посмертное использование [10]. Также суд в г. Краснодаре признал за заявительницей право на использование эмбриона после смерти супруга, исходя из обстоятельств участия сторон в программе вспомогательных репродуктивных технологий и отсутствия законодательного запрета на реализацию соответствующей репродуктивной программы [8].

Приведенная практика свидетельствует о стремлении судов обеспечить защиту репродуктивных прав граждан и интересов детей, рожденных в результате постмортальной репродукции, даже в условиях отсутствия специального законодательного регулирования соответствующих отношений. Вместе с тем указанные дела затрагивали преимущественно вопросы допустимости использования репродуктивного материала умершего лица и не были связаны с определением наследственно-правового статуса рожденных впоследствии детей.

Наиболее значимую правовую позицию по рассматриваемой проблеме сформулировал Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ, Конституционный Суд) в Постановлении КС РФ от 11.02.2025 г. № 6-П [9]. Рассматривая вопрос о праве детей, зачатых после смерти отца с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, на получение пенсии по случаю потери кормильца, КС РФ указал на отсутствие в российском законодательстве прямого запрета на постмортальную репродукцию. Конституционный Суд также отметил недопустимость умаления прав таких детей исключительно в связи с особенностями их зачатия и рождения.

Несмотря на то, что предметом рассмотрения являлись отношения в сфере социального обеспечения, сформулированные КС РФ подходы имеют существенное значение и для оценки наследственно-правового статуса детей, рожденных в результате постмортальной репродукции. Представляется, что приведенная правовая позиция Конституционного Суда может быть распространена и на сферу наследственных правоотношений.

Если происхождение ребенка от наследодателя установлено в предусмотренном законом порядке, то сам по себе факт его рождения в результате постмортальной репродукции не должен являться основанием для полного исключения возможности наследования. Иной подход фактически ставит объем прав ребенка в зависимость от способа реализации репродуктивной функции его родителей, что трудно согласуется с ранее рассмотренными международно-правовыми стандартами защиты прав детей.

Вместе с тем признание за такими детьми наследственных прав не предполагает отказа от принципа правовой определенности наследственных отношений. Напротив, обеспечение баланса интересов ребенка, иных наследников и стабильности гражданского оборота требует формирования специального механизма правового регулирования постмортальной репродукции в наследственном праве.

В этой связи представляется целесообразным внесение в гражданское законодательство РФ изменений, направленных на определение правового статуса детей, рожденных в результате постмортальной репродукции, а также условий признания и порядка реализации их наследственных прав.

Необходимым условием признания за таким ребенком статуса наследника должно выступать установленное в предусмотренном законом порядке происхождение от наследодателя. Представляется, что особенности способа и момента зачатия ребенка сами по себе не должны исключать возможность его призвания к наследованию.

Одновременно законодательству необходимо предусмотреть специальный срок реализации репродуктивной программы после смерти наследодателя, направленный на обеспечение стабильности наследственных правоотношений. Кроме того, нормативному регулированию подлежит порядок реализации наследственных прав ребенка в случаях, когда к моменту его рождения наследственное имущество уже распределено между наследниками.

Таким образом, совершенствование российского законодательства в рассматриваемой сфере должно быть направлено на формирование правового механизма, обеспечивающего баланс между интересами ребенка, рожденного в результате постмортальной репродукции, интересами иных наследников и необходимостью сохранения правовой определенности наследственных отношений.

Представляется, что закрепление соответствующих положений в гражданском законодательстве позволит адаптировать наследственно-правовое регулирование к современным достижениям в области вспомогательных репродуктивных технологий и обеспечить единообразие судебной практики.

Литература

1. Human Fertilisation and Embryology Act 1990. – London : The National Archives, 1990. – URL:

https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/37 (дата обращения: 10.06.2026).

2. Loi du 6 juillet 2007 relative à la procréation médicalement assistée et à la destination des embryons surnuméraires et des gamètes // Moniteur belge. – 17 juillet 2007. – URL: https://www.ejustice.just.fgov.be/cgi_loi/change_lg.pl?language=fr&la=F&cn=2007070632&table_name=loi (дата обращения: 10.06.2026).

3. Tremellen K., Savulescu J. A discussion supporting presumed consent for posthumous sperm procurement and conception // Reproductive BioMedicine Online. – 2015. – Vol. 30. – No. 1. – P. 6–13.

4. Uniform Parentage Act (2017). National Conference of Commissioners on Uniform State Laws. – URL: https://www.uniformlaws.org/committees/community-home?CommunityKey=c4f0bc13-4636-2d26-8562-018dc82bfce6 (дата обращения: 10.06.2026).

5. Алейникова В.В. Постмортальные дети в семейном и наследственном праве: «быть или не быть, вот в чем вопрос...» // Закон. 2023. № 4. С. 137–157.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

7. Конвенция о правах ребенка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. // СПС КонсультантПлюс.

8. После смерти мужа жительница Краснодара добилась права родить от него ребенка // Комсомольская правда. – 2026. – URL: https://www.kuban.kp.ru/daily/27766/5224096/ (дата обращения: 10.06.2026).

9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2025 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щаниковой» // СПС КонсультантПлюс.

10. Суд разрешил вдове использовать эмбрионы после смерти мужа // Коммерсантъ. – 2025. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8209886 (дата обращения: 10.06.2026).

Inheritance rights of children born as a result of postmortem reproduction: problems and prospects of legal regulation

Gryzlova A.A.
Master of Laws

The article examines the issues related to determining the inheritance rights of children born through posthumous reproduction. It is noted that current Russian legislation links the possibility of calling persons born after the opening of an inheritance to succession with the fact of their conception during the lifetime of the deceased, which excludes inheritance by children conceived after the death of a parent using his reproductive material. The paper analyzes international legal standards for the protection of children's rights, foreign approaches to the legal regulation of posthumous reproduction, and contemporary approaches to determining the legal status of such children. Particular attention is paid to the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation concerning the rights of persons born through assisted reproductive technologies after the death of one of their parents. The author substantiates the need to improve Russian legislation by introducing special provisions governing the conditions for recognition and the procedure for exercising the inheritance rights of children born through posthumous reproduction.

Keywords: inheritance rights, posthumous reproduction, assisted reproductive technologies, children born after the death of a parent, intestate succession, child's parentage, legal status of the child, inheritance law.

References

1. Human Fertilisation and Embryology Act 1990. London: The National Archives, 1990. Available at: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/37 (accessed: 10 June 2026).
2. Loi du 6 juillet 2007 relative à la procréation médicalement assistée et à la destination des embryons surnuméraires et des gamètes. Moniteur belge. 17 July 2007. Available at: https://www.ejustice.just.fgov.be/cgi_loi/change_lg.pl?language=fr&la=F&cn=2007070632&table_name=loi (accessed: 10 June 2026).
3. Tremellen K., Savulescu J. A discussion supporting presumed consent for posthumous sperm procurement and conception. Reproductive BioMedicine Online. 2015;30(1):6–13.
4. Uniform Parentage Act (2017). National Conference of Commissioners on Uniform State Laws. Available at: https://www.uniformlaws.org/committees/community-home?CommunityKey=c4f0bc13-4636-2d26-8562-018dc82bfce6 (accessed: 10 June 2026).
5. Aleynikova V.V. Postmortal'nye deti v semeinom i nasledstvennom prave: «byt' ili ne byt', vot v chem vopros...» [Posthumous children in family and inheritance law: “to be or not to be, that is the question...”]. Zakon. 2023;(4):137–157.
6. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) No. 146-FZ of 26 November 2001. SPS ConsultantPlus.
7. Convention on the Rights of the Child, adopted by United Nations General Assembly Resolution 44/25 of 20 November 1989. SPS ConsultantPlus.
8. Posle smerti muzha zhitel'nitsa Krasnodara dobilas' prava rodit' ot nego rebenka [After her husband's death, a Krasnodar resident obtained the right to give birth to his child]. Komsomolskaya Pravda. 2026. Available at: https://www.kuban.kp.ru/daily/27766/5224096/ (accessed: 10 June 2026).
9. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 6-P of 11 February 2025 “On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of Parts 1 and 3 of Article 10 of the Federal Law ‘On Insurance Pensions’ in Connection with the Complaint of M.Yu. Shchanikova”. SPS ConsultantPlus.
10. Sud razreshil vdove ispol'zovat' embriony posle smerti muzha [Court allowed a widow to use embryos after her husband's death]. Kommersant. 2025. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/8209886 (accessed: 10 June 2026).

Поддержание семейных связей между родителями и совершеннолетними детьми: нравственная или юридическая обязанность?

Грызлова Анастасия Александровна
магистр права, независимый исследователь,
anastasiagryzlova@mail.ru

В статье исследуется проблема допустимости правового регулирования семейного общения между родителями и совершеннолетними детьми. Цель исследования заключается в определении правовой природы обязанности по поддержанию семейных связей между родителями и совершеннолетними детьми, а также в оценке возможности ее закрепления в качестве юридической обязанности. Для достижения поставленной цели проанализированы положения Закона КНР «О защите прав и интересов пожилых людей», Конституции Российской Федерации и Семейного кодекса Российской Федерации. Особое внимание уделено соотношению конституционной обязанности совершеннолетних детей заботиться о родителях и обязанности по содержанию нетрудоспособных нуждающихся родителей, предусмотренной семейным законодательством. Рассматриваются вопросы содержания обязанности заботы о родителях, а также пределы правового воздействия на отношения, связанные с поддержанием семейного общения. Сделан вывод о том, что поддержание семейных связей между родителями и совершеннолетними детьми обладает высокой социальной значимостью, однако по своей природе относится преимущественно к сфере нравственного регулирования и не может в полной мере рассматриваться как классическая юридическая обязанность, обеспеченная государственным принуждением. Вместе с тем обосновывается возможность закрепления соответствующих положений на уровне общих принципов семейного законодательства. Практическое значение исследования состоит в возможности использования полученных выводов при совершенствовании семейного законодательства и разработке мер, направленных на укрепление межпоколенческих семейных связей.

Ключевые слова: семейное право, забота о родителях, семейные связи, совершеннолетние дети, юридическая обязанность, нравственная обязанность, правовое регулирование, право на общение, Китайская Народная Республика.

Введение

Вопрос о пределах правового регулирования семейных отношений на протяжении длительного времени сохраняет актуальность в правовой доктрине и остается предметом научных исследований. Особый научный интерес представляет вопрос о допустимости правового воздействия на отношения, связанные с поддержанием семейных связей между взрослыми членами семьи. В отличие от отношений между родителями и несовершеннолетними детьми, общение между совершеннолетними детьми и их родителями обычно не рассматривается в качестве самостоятельного объекта правового регулирования и относится преимущественно к сфере моральных обязанностей. Вместе с тем, законодательство Китайской Народной Республики демонстрирует иной подход к решению данного вопроса. Так, в соответствии со ст. 18 Закона КНР «О защите прав и интересов пожилых людей» члены семьи, проживающие отдельно от пожилых лиц, обязаны регулярно навещать их либо поддерживать с ними связь [2]. Следует отметить, что законодатель использует категорию «члены семьи», не ограничивая круг обязанных лиц исключительно совершеннолетними детьми пожилого человека. Это позволяет предположить, что обязанность по поддержанию семейных связей может распространяться и на иных родственников, являющихся членами семьи пожилого лица. В свою очередь, используемое в законе понятие «пожилое лицо» также не ограничивается исключительно родителями обязанных лиц. С учетом того, что в соответствии со ст. 2 Закона КНР «О защите прав и интересов пожилых людей» пожилыми признаются граждане, достигшие шестидесятилетнего возраста [2], действие рассматриваемой нормы может распространяться не только на родителей обязанных лиц, но и на иных родственников старшего поколения, в частности, бабушек и дедушек. Таким образом, буквальное содержание ст. 18 Закона КНР «О защите прав и интересах пожилых людей» позволяет предположить более широкий субъектный состав соответствующего правоотношения. Между тем, в научной литературе обязанность по регулярному посещению пожилых лиц и поддержанию с ними связи преимущественно анализируется применительно к отношениям между пожилыми родителями и их совершеннолетними детьми.

Несмотря на то, что анализируемая норма китайского законодательства направлена на защиту интересов пожилых лиц, поставленный ею вопрос о допустимости правового регулирования семейного общения имеет значение для отношений между родителями и совершеннолетними детьми в целом.

Анализ российского семейного законодательства позволяет сделать вывод об отсутствии аналогичной обязанности по поддержанию семейных связей между совершеннолетними детьми и их родителями. Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ) уделяет значительное внимание защите интересов несовершеннолетних детей, в том числе закрепляя их право жить и воспитываться в семье, право на заботу со стороны родителей, а также право на общение с родителями и другими родственниками (ст. ст. 54, 55 СК РФ) [9]. Закрепление указанных прав обусловлено необходимостью обеспечения наилучших интересов ребенка и создания условий для его полноценного развития (ст. 63 СК РФ) [9]. При этом право на общение закреп-

ляется как за несовершеннолетним ребенком, так и за родителем, проживающим отдельно от него (ст. 66 СК РФ), бабушкой, дедушкой и другими родственниками (ст. 67 СК РФ) [9]. Однако указанные права рассматриваются преимущественно как средство обеспечения интересов несовершеннолетнего ребенка. В свою очередь, право родителей требовать сохранения личного общения с совершеннолетними детьми в действующем российском семейном законодательстве не получило законодательного закрепления. При этом в ст. 87 СК РФ закреплена обязанность совершеннолетних трудоспособных детей содержать своих нетрудоспособных нуждающихся родителей и заботиться о них [9]. Указанная обязанность носит имущественный характер и выражается в предоставлении материального содержания нуждающимся родителям. Возложение на совершеннолетних детей обязанности поддерживать личное общение с родителями, регулярно посещать их либо иным образом участвовать в сохранении семейных связей российским законодательством, в отличие от китайского, не предусмотрено.

Особого внимания заслуживает закрепление на конституционном уровне обязанности совершеннолетних детей заботиться о родителях, что нашло отражение в ч. 3 ст. 38 и п. «ж¹» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ (далее – Конституция РФ) и направлено на защиту традиционных семейных ценностей [1, с. 100; 4; 5, с. 36]. Как было отмечено выше, семейное законодательство связывает обязанности совершеннолетних детей по отношению к родителям преимущественно с их материальным содержанием, тогда как конституционное понятие заботы о родителях представляется более широким по своему содержанию. На основании изложенного возникает вопрос: сводится ли конституционная обязанность заботы о родителях к их материальному содержанию либо предполагает более широкий объем обязанностей совершеннолетних детей по отношению к родителям, и можно ли в таком случае считать обязанность по содержанию родителей достаточной для ее реализации?

Если обратиться к опыту КНР, обязанность заботы получила выражение не только в материальной поддержке пожилых лиц, но и в сохранении личных семейных связей между представителями различных поколений семьи. Подобный подход позволяет рассматривать общение с родственниками не исключительно как нравственное требование, но и как поведение, имеющее определенное юридическое значение.

Одновременно законодательное закрепление подобной обязанности неизбежно ставит вопрос о пределах допустимого вмешательства права в сферу личных семейных отношений. В отличие от обязанности по предоставлению материального содержания исполнение обязанности по поддержанию семейного общения связано с личной привязанностью, эмоциональными связями и иными нематериальными факторами, которые традиционно относятся к сфере морального регулирования.

В научной литературе также обращается внимание на то, что отношения между членами семьи традиционно регулируются не только правом, но и нормами морали и нравственности, оказывающими существенное влияние на поведение участников семейных отношений [8, с. 9].

В связи с этим особый интерес представляет вопрос о том, должна ли обязанность совершеннолетних детей поддерживать семейные связи с родителями существовать исключительно в качестве нравственного требования либо может быть закреплена в качестве юридической обязанности.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования выступили положения Закона Китайской Народной Республики «О защите прав и интересов пожилых людей», Конституции Российской Федерации, Семейного кодекса Российской Федерации, а также научные публикации, посвященные проблемам правового регулирования семейных отношений, соотношению правовых и нравственных начал в семейном праве и содержанию обязанности заботы о родителях. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы познания. В работе использовались формально-юридический метод для анализа содержания нормативных правовых актов, сравнительно-правовой метод при сопоставлении российского и китайского законодательства, а также системный метод, позволивший определить место обязанности заботы о родителях в системе семейно-правового регулирования.

Результаты и обсуждение

Для ответа на поставленный вопрос необходимо определить правовую природу обязанности по поддержанию семейных связей совершеннолетних детей с родителями. При этом ключевое значение приобретает вопрос о том, допускает ли такая обязанность определение содержания должного поведения и оценку надлежащего исполнения.

Следует отметить, что одной из основных проблем ст. 18 Закона КНР «О защите прав и интересов пожилых людей» является отсутствие конкретизации содержания рассматриваемой обязанности и механизма ее реализации. Законодатель ограничивается указанием на необходимость регулярного посещения пожилых лиц либо поддержания с ними связи, не раскрывая содержание соответствующих действий. В частности, закон не устанавливает периодичность посещений, минимальный объем общения и критерии, позволяющие признать обязанность исполненной надлежащим образом. Неопределенность сохраняется и в отношении допустимых форм исполнения обязанности. Так, из содержания закона не следует, может ли считаться достаточным телефонный разговор, общение посредством электронных средств связи либо кратковременное посещение родственника. Отсутствие четких критериев исполнения существенно затрудняет оценку поведения обязанного лица с точки зрения его соответствия требованиям закона.

Указанные особенности позволяют поставить вопрос о пределах правового воздействия на отношения, связанные с проявлением внимания, заботы и поддержанием семейного общения.

В пользу законодательного закрепления обязанности совершеннолетних детей поддерживать семейные связи с родителями может быть приведен ряд аргументов. Прежде всего регулярное общение с детьми имеет существенное значение для поддержания социальных связей родителей. Семейное общение позволяет родителям сохранять вовлеченность в жизнь семьи, получать эмоциональную поддержку и преодолевать состояние социальной изоляции, когда речь идет о пожилых родителях. Кроме того, поддержание семейных связей между родителями и совершеннолетними детьми может рассматриваться как одно из проявлений конституционной обязанности заботы о родителях. Именно такой подход фактически реализован в законодательстве КНР, в котором отдельные проявления заботы получили нормативное закрепление.

Вместе с тем наличие социальной значимости соответствующего поведения само по себе не свидетельствует о необходимости его правового регулирования. Напротив, распространение правового регулирования на отношения, основанные на личной привязанности и эмоциональной связи, способно породить ряд теоретических и практических проблем. Забота, внимание и семейное общение относятся к числу явлений, содержание которых

во многом определяется внутренним отношением человека к своим родственникам. По этой причине их реализация затруднительно поддается государственному контролю. Более того, принудительное поддержание общения не всегда способно обеспечить достижение той цели, ради которой соответствующая обязанность устанавливается.

Выводы

Изложенное не означает, что интерес родителей в сохранении семейных связей не заслуживает правовой охраны. Напротив, поддержание семейного общения между родителями и совершеннолетними детьми имеет существенное значение для обеспечения благополучия родителей (в особенности пожилых) и реализации конституционного принципа заботы о родителях.

Однако особенности соответствующих отношений не позволяют в полной мере рассматривать обязанность по поддержанию семейных связей в качестве классической юридической обязанности, обеспеченной государственным принуждением. В этом аспекте опыт КНР представляет значительный научный интерес, поскольку демонстрирует один из возможных подходов к конкретизации обязанности заботы о родителях. При этом использование правовых средств для регулирования отношений, основанных на личной привязанности и эмоциональной связи, неизбежно сталкивается с объективными пределами правового воздействия.

В связи с этим поддержание семейных связей между родителями и совершеннолетними детьми следует рассматривать прежде всего как нравственную обязанность, обладающую высокой социальной значимостью, что не исключает возможности ее закрепления на законодательном уровне в качестве нормативного ориентира, отражающего общественную значимость заботы о родителях и сохранения межпоколенческих семейных связей. Российскому семейному законодательству уже известны положения, отражающие нравственные основы семейных отношений и не предполагающие непосредственного государственного принуждения к их исполнению: так, ст. 1 СК РФ относит к основным началам семейного законодательства необходимость «построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов» [9]. Как справедливо отмечает А.Я. Рыженков, нравственные ценности способны получать нормативное выражение в принципах и нормах семейного права, сохраняя при этом свою моральную природу [7, с. 161]. В этой связи забота о родителях, поддержание семейных связей между поколениями и сохранение семейного общения, как семейные ценности [6, с. 92; 10, с. 61 – 62], могут получить закрепление на уровне общих принципов семейного законодательства как отражение нравственных основ семейных отношений.

Литература

1. Горина О. А. Защита семьи и института брака в контексте государственной политики по сохранению и укреплению духовно-нравственных ценностей / О. А. Горина // Правда и закон. – 2024. – № 1(27). – С. 99-109. – EDN DJYCGQ.
2. Закон Китайской Народной Республики «О защите прав и интересов пожилых людей» (中华人民共和国老年人权益保障法) от 28 августа 1996 г. // National People's Congress of the People's Republic of China. URL: https://www.npc.gov.cn (дата обращения: 07.06.2026).
3. Кокова Д. А. Генезис правового регулирования семейных отношений // Ex jure. 2026. № 1. С. 49-64.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС КонсультантПлюс.
5. Летова, Н. В. Основы защиты материнства, детства, семьи в свете новелл Конституции Российской Федерации / Н. В. Летова // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 34-39. – EDN UJKFGZ.
6. Мосиенко, Т. А. Понятие традиционных семейных ценностей в российском праве: причины отсутствия, проблематика, перспективы / Т. А. Мосиенко, М. А. Тугуз // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2025. – № 4. – С. 83-94. – EDN BSAQBB.
7. Рыженков, А. Я. (2021). О влиянии нравственных ценностей на принципы и нормы семейного права. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46(1), 155-162. извлечено от https://nomothetika-journal.ru/index.php/journal/article/view/116.
8. Семейное право: учебник для академического бакалавриата / под ред. Е. А. Чефрановой. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 331 с.
9. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС КонсультантПлюс.
10. Ситкова О. Ю. Семейные ценности в системе правовых ценностей: доктринальный, законодательный и правоприменительный аспекты / О. Ю. Ситкова // Мониторинг правоприменения. – 2024. – № 4(53). – С. 61-67. – DOI 10.24412/2226-0692-2024-4-61-67. – EDN BSNPQZ.

Maintaining family ties between parents and adult children: a moral or legal obligation?

Gryzlova A.A.

Master of Laws

The article examines the issue of the admissibility of legal regulation of family communication between parents and their adult children. The purpose of the study is to determine the legal nature of the obligation to maintain family ties between parents and adult children and to assess the possibility of its recognition as a legal obligation. To achieve this objective, the provisions of the Law of the People's Republic of China on the Protection of the Rights and Interests of the Elderly, the Constitution of the Russian Federation, and the Family Code of the Russian Federation were analyzed. Particular attention is paid to the relationship between the constitutional duty of adult children to care for their parents and the obligation to maintain disabled parents in need of assistance established by family legislation. The article examines the content of the duty to care for parents and the limits of legal regulation of relations associated with maintaining family communication. It is concluded that maintaining family ties between parents and adult children is of considerable social significance; however, by its nature, it belongs primarily to the sphere of moral regulation and cannot be fully regarded as a classical legal obligation enforced by state coercion. At the same time, the possibility of incorporating the relevant provisions into the general principles of family legislation is substantiated. The practical significance of the study lies in the possibility of using its findings in the improvement of family legislation and in the development of measures aimed at strengthening intergenerational family ties.

Keywords: family law, care for parents, family ties, adult children, legal obligation, moral obligation, legal regulation, right to communication, People's Republic of China.

References

1. Gorina O.A. Protection of the Family and the Institution of Marriage in the Context of State Policy Aimed at Preserving and Strengthening Spiritual and Moral Values. Pravda i zakon, 2024, no. 1(27), pp. 99–109.
2. Law of the People's Republic of China on the Protection of the Rights and Interests of the Elderly (adopted August 28, 1996). Available at: https://www.npc.gov.cn (accessed 07 June 2026).
3. Kokova D.A. Genesis of Legal Regulation of Family Relations. Ex jure, 2026, no. 1, pp. 49–64.
4. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993; with amendments approved by the nationwide vote on July 1, 2020).
5. Letova N.V. Fundamentals of the Protection of Motherhood, Childhood and Family in the Light of the Constitutional Amendments of the Russian Federation. Probely v rossiyskom zakonodatelstve, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 34–39.
6. Mosienko T.A., Tuguz M.A. The Concept of Traditional Family Values in Russian Law: Reasons for the Absence, Problems and Prospects. Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik, 2025, no. 4, pp. 83–94.
7. Ryzhenkov A.Ya. The Influence of Moral Values on the Principles and Norms of Family Law. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 2021, vol. 46, no. 1, pp. 155–162.

Юридическая фикция «места получения дохода». Трансформация налогового президентства и НДФЛ в эпоху удалённого труда

Джабраилов Давид Кадирович
магистрант, юридический факультет им. А. А. Хмырова, Кубанский государственный университет, david.dzhabrailov.00@bk.ru

В исследовании анализируется сформировавшаяся в настоящее время юридическая фикция «места получения дохода», ставшая одним из центральных вопросов налогообложения доходов физических лиц. Автором исследуется тенденция нарастания активного цифрового компонента в условиях масштабной релокации профессионалов в различных сферах, а также переосмысление классического принципа налогового резидентства, основанного только лишь на привязке к территории государства по количеству дней пребывания. Актуальность темы обусловлена тем, что в сложившихся обстоятельствах требуется комплексный подход к пересмотру действующих законодательных предписаний в целях избежания двойного налогообложения для дистанционных сотрудников, работающих из-за рубежа на российские организации. В работе анализируются изменения отечественного законодательства в части налогообложения доходов физических лиц нерезидентов Российской Федерации после введения прогрессивной ставки НДФЛ и переориентации источника доходов на юрисдикцию работодателя. На базе примера сотрудничества налоговых систем России и Турции раскрывается неэффективность защиты действующего механизма и рост риска удвоенного налогообложения. В заключении предлагается комплексное двухуровневое решение: внедрение механизма одностороннего налогового зачёта путём добавления п. 5.1 в статью 232 НК РФ, а также пересмотр двусторонних соглашений на международном уровне через включение в статью 15 Соглашения РФ с Турцией п. 5, который закрепит исключительное право облагать налогом дистанционный доход страны резидентства сотрудника.

Ключевые слова: налоговое резидентство, налог на доходы физических лиц, дистанционная работа, цифровые кочевники, цифровизация, территориальный признак, юридическая фикция, место получения дохода, мобильность общества, риск двойного налогообложения, соглашение об избежании двойного налогообложения.

На протяжении последних лет стремительно набирает обороты изменение комплексного подхода к категории налогового резидентства физических лиц, как налогоплательщиков подоходного налога. Результат такого изменения неразрывно связан с последствиями, которые страна перенесла в активный период распространения коронавирусной инфекции (COVID-19), ставшей не просто пусковым механизмом для масштабной легализации дистанционных форм труда, но и способствовавшей усилению информационно-цифрового компонента и закреплению абсолютно новых специфик для контроля за трансграничными доходами. Н.Д. Эриашвили справедливо подчеркивает, что именно в период пандемии произошел значительный скачок «трудоустройства работников посредством дистанционных методов»[1].

Основываясь на фундаментальных налоговых положениях, можно отметить, что до недавнего времени принцип резидентства выступал одним из центральных, учитываемых при определении прав государства на налогообложение физического лица по НДФЛ. В свою очередь, нынешние реалии диктуют новые механизмы адаптации к цифровому прогрессу. Нельзя не выделить тенденцию: статистика говорит сама за себя, масштабы «дистанционных удаленщиков» или, как их называют в СМИ, «цифровых мигрантов/кочевников», существенно возросли. Под «цифровыми кочевниками» принято понимать специалистов, применяющих современные информационные и цифровые технологии для работы, и предпочтительно сочетающих профессиональную деятельность и мобильность в проживании. Чаще всего такие люди заняты в сфере маркетинга, IT, дизайна и консалтинга, они выступают в роли удалённых сотрудников крупных компаний. Полагаем, что центральным критерием разграничения «цифрового кочевника» выступает плоскость исполнения трудовых обязанностей в дистанционной (удаленной) форме посредством применения информационно-цифровых технологий, а также преимущественное совмещение своей профессиональной деятельности с проживанием за рубежом [2].

Проанализируем статистику на примере специалистов IT-отрасли. Еще в 2022 году в сложившейся острой геополитической обстановке начался процесс масштабной релокации специалистов, покинувших границы Российской Федерации; на тот период цифра дошла до 100 тысяч профессионалов данной области, причем доля уехавших составила 10 % от общего числа [3]. Заинтересованность России в сохранении рабочей силы во многом, на наш взгляд, способствовала тем последствиям, которые наблюдаются в современном контексте: ограничения, которые могли быть введены для «дистанционных удаленщиков», тогда были проигнорированы в целях предотвращения потери кадров. Сквозь годы статистика скрытого оттока продолжается; реалии таковы, что к 2026 году специалисты продолжают покидать страну в индивидуальном порядке с учетом получения офферов от зарубежных компаний[4]. Данное обстоятельство позволяет констатировать наличие существенных изменений в правовом поле определения резидентства, где его основа – территориальный фактор уходит на второй план, а экономическая реальность диктует свои правила. Для начала необходимо обозначить, что законодательное определение «резидентства» отсутствует, при этом для анализа дан-

ной категории следует опираться на научное (доктринальное) обоснование данного термина. В этом аспекте наиболее лаконичную формулировку определения резидентства приводит А.А. Шахмаметьев в своем исследовании: автор предлагает раскрывать сущность, исходя из входящих в их состав субъектов, а также через специфичные критерии определения «резидента» и «нерезидента», позволяющие в полной мере разграничить данные термины. [5]. В свою очередь, на наш взгляд, резидентство определяется исходя из физического (фактического) присутствия лица на территории того или иного государства, где центральным элементом выступает именно территориальный признак, определяющий установление налоговых обязательств субъекта НДФЛ.

Нельзя не прокомментировать, что резидентство должно основываться на многоаспектной характеристике. А именно резидентом должно признаваться физическое лицо не только исключительно по признаку территориального критерия через длительность пребывания (в России – 183 дня в течение 12 последовательных месяцев). Необходимо учитывать и другие критерии, которые, на наш взгляд, в полной мере раскрывают содержание термина «резидентство». К ним следует также относить: место дислокации близких членов семьи, наличие в собственности недвижимого имущества, очаг личных и социальных связей (преимущественные жизненные интересы), наличие гражданства (в отдельных случаях).

Проанализируем каждый из указанных критериев в отдельности, включая законодательно закрепленный в п. 2 ст. 207 НК РФ - территориальный.

– Территориальный критерий, исходя из теории концептуального налогового резидентства, неразрывно связывает физическое (фактическое) присутствие лица с территорией государства. Это предопределяет налогообложение на основе присутствия на территории по факту; при этом в данном критерии не имеет смысла анализ политической привязанности лица к государству по признаку гражданства [6]. В теории налогового права физическое присутствие лица на территории конкретного государства относят к числу критериев, отражающих тестовую составляющую физического присутствия. Так, исходя из данной логики, пребывание лица на территории определённого государства в течение зафиксированного числа законодательно установленных дней указывает на необходимость его вовлеченности в процессы этого государства, связанные, прежде всего, с активным общественным участием, финансированием важнейших сфер жизнедеятельности с перспективой оптимизации общественных благ. На наш взгляд, серьезным вызовом становится масштабность мобильности современного общества, где люди все чаще меняют место проживания и работы, не задерживаясь в границах одной страны больше установленного количества дней пребывания. В таких условиях эффективность применения теста физического (территориального) присутствия утрачивает своё принципиальное значение. Кроме того, возрастает вероятность риска возникновения ситуации, когда человек не может быть признан резидентом ни одного государства [7]. Кроме того, формальной определённостью становится четко урегулированный срок пребывания, когда под гнетом широкой цифровой среды (с учетом цифровой миграции), он утрачивает свое принципиальное значение и к тому же легко поддается корректировке.

– Очаг личных и социальных связей, так или иначе, коррелирует с проживанием членов семьи, обладанием имуществом, уровнем деловой активности и выраженностью социальных контактов. Перечисленные факты подлежит учету исходя из положений Модельной конвенции ОЭСР.

– Принцип гражданства в контексте налогообложения по НДФЛ реализуется вне зависимости от резидентства. Ярким примером выступает действие налогообложения в США, Эритрее, где критерием для налогообложения служит именно гражданская принадлежность, а не количество дней пребывания.

Исходя из масштабного развития цифровых технологий в эпоху удаленного труда и релокации «цифровых кочевников» (digital nomads), на сегодняшний день, ранее действовавший механизм территориальной привязки претерпел существенные изменения. В порядке вещей сегодня предстает классический механизм: «сотрудник физически находится в одной стране, осуществляет трудовую деятельность в интересах работодателя из другой страны, при этом итоги его работы будут реализованы в третьей стране». Однако данная схема вызывает вполне логичный вопрос, касающийся налогообложения дохода такого сотрудника. И если ранее, до масштабных изменений налогового законодательства, территориальный признак совпадал с местом получения дохода, то в современном аспекте законодатель связывает доход с территорией, игнорируя при этом физическое присутствие. Отсюда возникает одна из центральных проблем, вызвавшая «громкий» резонанс в сфере обложения НДФЛ, – угроза двойного налогообложения. Попробуем последовательно разобраться, как ситуация развивалась ранее.

До 2024 года доходы имели специфику привязки к территории: к доходам от источников в РФ относилась трудовая деятельность на соответствующей территории страны, а трудовая деятельность и вознаграждение за нее, полученные за пределами РФ, относились к доходам, полученным непосредственно на территории иностранного государства, то есть источник дохода считался находящимся за пределами РФ. Соответственно, если сотрудник покинул территорию Российской Федерации, но дистанционно продолжил трудовую деятельность на российскую компанию, то его доход считался полученным от источников за пределами Российской Федерации (отсутствие территориального признака). Соответственно, от уплаты НДФЛ в России такой сотрудник освобождался. С принятием Федерального закона от 31 июля 2023 года № 389-ФЗ ситуация кардинально изменилась: данный закон дополнил п. 1 ст. 208 НК РФ двумя подпунктами – 6.2 и 6.3, вступившими в силу с 1 января 2024 года и 1 января 2025 года соответственно. По смыслу пп. 6.2 п. 1 ст. 208 НК РФ, вознаграждение, полученное посредством исполнения трудовой функции с помощью дистанционных технологий с работодателем, являющимся российской организацией, признается доходом, полученным от источников в Российской Федерации. Кроме того, изменения затронули и ставку налогообложения: как для резидентов Российской Федерации, так и для нерезидентов действовали ставки в размере 13 и 15 % соответственно в зависимости от сумм доходов. При этом дальнейшее преобразование налогового законодательства и окончательный переход на новую пятиступенчатую прогрессивную шкалу НДФЛ открыли новые горизонты для применения обширного количества ставок от 13 до 22 %. Полагаем, что такой законодательный подход раскрывается с позиции уравнивания удаленщиков-кочевников и резидентов страны в налоговом бремени по НДФЛ. Исследуемая законодательная конструкция четко дифференцирует источник выплат (российская компания), таким образом, что статус налогового резидента и в целом принцип налогового резидентства в современном аспекте теряет свое исключительное значение.

В то же время, несмотря на то, что данный механизм выступает активной мерой для решения внутренних финансовых вопросов, все же он создает серьезные угрозы в международно-правовом поле. Возникает существенное

противоречие, когда Россия обосновывает удержание НДФЛ с «цифрового кочевника» посредством источника получения доходов, а иностранное государство как страна резидент связывает удержание аналогичного налога с фактическим нахождением физического лица на своей территории. Данное обстоятельство и является одной из ряда причин двойного налогообложения, где связка «резидентство-источник» подразумевает, что государство, признающее за налогоплательщиком статус резидента, облагает налогом его глобальный доход. В то же время доход, полученный на территории другого государства (нерезидентства), также подлежит налогообложению в соответствии с внутригосударственными законами исходя из критерия источника дохода. В данном случае происходит так называемый конфликт источника и резидентства (source-resident conflict), который, как отмечает Л.Л. Арзуманова, выступает наиболее распространенной формой двойного налогообложения, являющейся результатом трансграничной сделки[8].

При неизменности структуры международного налогового регулирования подобные противоречия традиционно улаживались посредством соглашений об устранении двойного налогообложения (СИДН). Однако в текущих реалиях, когда действие отдельных положений международных договоров с рядом недружественных государства по вопросам налогообложения приостановлено все чаще на повестке дня всплывает вопрос о проблеме двойного налогообложения. В научном сообществе нередко высказываются о данной проблеме, так, например, И.И. Кучеров полагает, что в ее основе заложено «стремление государств, преследующих свои фискальные интересы, взимать налоги как с резидентов, так и нерезидентов, получающих доходы на их территориях» [9]. М.Н. Садчиков, отмечает, что «двойное налогообложение признается негативным явлением, которое сдерживает международную экономическую активность»[10]. Актуальность проблемы двойного налогообложения, которая в настоящее время остро стоит для широкого круга удаленных сотрудников, не вызывает сомнений. Законодательство Российской Федерации, опираясь на действующую юридическую конструкцию, удерживает НДФЛ по прогрессивной ставке налогообложения от 13 до 22%, рассматривая российскую организацию как источник получения доходов удалённого работника. В то же время страна фактического проживания данного работника наделяет его статусом налогового резидента и обязывает платить налоги со всего мирового дохода. В свою очередь, применение механизма зачёта налогов в настоящее время трудно реализуемо. Следовательно, бремя НДФЛ для дистанционного сотрудника, работающего на российскую организацию, становится неминуемо критичным. Сложившаяся ситуация формирует законодателем юридическую фикцию «места получения» дохода для дистанционных сотрудников. На наш взгляд, сложившиеся обстоятельства в корне противоречат основным началам законодательства о налогах и сборах в Российской Федерации. Так, по смыслу п. 3 ст. 3 Налогового кодекса Российской Федерации, налоги и сборы должны содержать экономическое основание и не могут быть произвольными. Доктрина налогового права априори определяет налог как законодательно установленную форму участия физического лица в финансировании государственных нужд, что выражается в обратной связи государства посредством предоставления ему соответствующих общественных/социальных благ и гарантий. Однако возникает вполне очевидный вопрос: насколько справедливо удержание НДФЛ с дистанционного работника в казну Российской Федерации, если пользование общественными благами страны в случае отсутствия территориального признака практически полностью стирается (отсутствие возможности пользоваться услугами здравоохранения, муниципальными услугами, российскими дорогами и так далее). А единственным связующим звеном остается источник получения дохода от российской организации. Полагаем, что анализируемая юридическая фикция раскрывается как механизм скрытого фискального характера за релокацию с целью удержания капитала внутри страны.

Рассмотрим практический пример с целью иллюстрации современных реалий действия юридической фикции для трансграничного дистанционного сотрудника. А. является графическим дизайнером крупной московской компании и с января 2025 года переехал в Турцию на постоянное место жительства. Дистанционная трудовая деятельность в российской компании приносит А. 4,6 млн. рублей в год. Законное проживание в Турции более 6 месяцев способствовало приобретению статуса налогового резидента Турции. Соответственно, статус налогового резидента Российской Федерации был утрачен. При этом дистанционная работа на основании трудового договора, в котором прописана должность дистанционного сотрудника, обязывает московскую компанию удерживать НДФЛ по новой пятиступенчатой прогрессивной шкале. Для дохода 4 600 000 рублей налог составит 642 000 рублей (13% с первых 2 400 000 рублей – это 312 000 рублей, и 15% с суммы превышения в 2 200 000 рублей – это 330 000 рублей). В то же время по законодательству Турции, поскольку А. является ее резидентом, находится на ее территории и осуществляет фактическую трудовую деятельность, работа считается выполненной в Турции. Следовательно, налог в турецкую казну составит примерно 20–27% от его дохода. Несмотря на наличие между Россией и Турцией Соглашения об избежании двойного налогообложения, происходит определённая диспропорция, вследствие чего дистанционный работник несёт налоговое бремя по НДФЛ в двух странах одновременно. У данной ситуации возникают две стороны медали. С одной стороны, на основании ст. 15 Соглашения между Правительством РФ и Правительством Турецкой Республики об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы Турция определяет источник дохода исходя из дистанционного труда на своей территории (учитывая территориальный признак). Тогда как Российская Федерация имеет чёткий ориентир связи источника дохода дистанционного сотрудника с российской компанией, что законодательно обусловлено пп. 6.2 п. 1 ст. 208 НК РФ. Данное обстоятельство неминуемо порождает юридическую фикцию, когда особенности реализации механизма зачёта налогов оказываются недоступны. Как следствие, налоговая нагрузка на дистанционного сотрудника, работающего на московскую компанию из Турции, приобретает «грабительский характер».

Поскольку доходы от деятельности удалённых работников, работающих на российские компании за рубежом, нормативно признаются источником доходов в Российской Федерации, процедура защиты от двойного налогообложения требует внесения законодательных корректировок. Действующая редакция ст. 232 НК РФ регулирует зачёт иностранного налога исключительно для доходов, полученных за рубежом. При этом в случаях, когда нерезидент выплачивает налог по прогрессивной шкале налогообложения в российскую казну и одновременно платит налог на совокупный доход в стране своего физического присутствия в казну иностранного государства, механизм зачёта иностранных налогов недоступен. С учётом данных обстоятельств предлагается рассмотреть в качестве юридической необходимости дополнение к ст. 232 НК РФ, добавив отдельный пункт 5.1. и изложить его в следующей редакции: «Суммы налога на доходы физических лиц, фактически уплаченные налогоплательщиком, не яв-

ляющимся налоговым резидентом Российской Федерации, в иностранном государстве его постоянного проживания (нахождения), подлежат зачёту при уплате налога в Российской Федерации в отношении доходов, указанных в подпунктах 6.2 и 6.3 п. 1 ст. 208 настоящего Кодекса. Указанный зачёт производится налоговым агентом (или налоговым органом) при условии предоставления налогоплательщиком документа, подтверждающего фактическую уплату налога за рубежом».

Кроме того, изменений налогового законодательства РФ в данном аспекте недостаточно, ситуация двойного налогообложения требует вмешательства и корректировки на международном уровне. Полагаем, следует инициировать пересмотр действующих условий двухсторонних соглашений с учётом специфики нарастающего числа дистанционных работников. Так, статью 15 СИДН России с Турцией необходимо дополнить п. 5 и изложить его в следующей редакции: «Независимо от положений п. 1 и 2 настоящей статьи, заработная плата и другие подобные вознаграждения, получаемые резидентом одного Договаривающегося Государства в отношении работы по найму, осуществляемой дистанционно в интересах работодателя, являющегося резидентом второго Договаривающегося Государства, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), подлежат налогообложению исключительно в первом упомянутом Государстве». При этом данное предложение в полной мере позитивно влияет на ситуацию с налогообложением для дистанционных работников, поскольку в таком случае налог будет взиматься в одном государстве – в Турции.

Таким образом, результаты проведенного исследования открывают широкие горизонты для совершенствования налогового регулирования. Реализация предложенных изменений позволит государству не только ликвидировать «грабительский» характер налогового бремени для дистанционных кочевников, но и обеспечит балансировку между наполнением государственной казны и удержанием высококвалифицированных специалистов различных востребованных профессий в границах правового пространства Российской Федерации.

Литература

1. Эриашвили Н. Д., Григорьев А. И., Мочалова В. А. Дистанционная работа сотрудника за рубежом: с какими потенциальными налоговыми рисками может столкнуться работник и бизнес? // Вестник экономической безопасности. 2023. № 3. С. 157.
2. Чепкасова А.О. Принцип справедливости в налогообложении цифровых кочевников // Вопросы российской юстиции. 2023. № 27. С. 295.
3. Шадаев М. Глава Минцифры сообщил, что порядка 100 тыс. айтишников покинули РФ в этом году // Интерфакс. 20 декабря 2022. [Электронный ресурс] - (Дата обращения: 01.06.2026).
4. IT-эксперты и гиганты геймдева покидают Россию: скрытый отток продолжается // Пульсфид. 06 мая 2026. [Электронный ресурс] - (Дата обращения: 01.06.2026).
5. Чепкасова А.О. Принцип резидентства в условиях цифровой миграции физических лиц // Миграционное право № 01.2026.С. 39.
6. Юлгушева Л.Ш. Перспективы развития института налогового резидентства физических лиц в Российской Федерации // Журнал российского права. 2021. № 3. С. 127.
7. Садовский Д.С. Налоговое резидентство физических лиц в Российской Федерации: тенденции правового регулирования // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 4 (117). С. 133
8. Арзуманова Л.Л. Международное и европейское налоговое право: учебное пособие для магистратуры Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 98.
9. Кучеров И.И. Международное налоговое право (академический курс): учебник. С. 47
10. Садчиков М. Н. Международное налоговое право: учебное пособие / М.Н. Садчиков; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2024. С. 35.

The legal fiction of «place of income earning». Transformation of tax residence and personal income tax in the era of remote work

Dzhabrailov D.K.
Kuban State University

The study analyzes the currently formed legal fiction of the "place of income generation", which has become one of the central issues of taxation of personal income. The author examines the growing trend of an active digital component in the context of a large-scale relocation of professionals in various fields, as well as a rethinking of the classical principle of tax residency, based solely on reference to the territory of the state by the number of days of stay. The relevance of the topic is due to the fact that in the current circumstances, a comprehensive approach is required to review the current legislative requirements in order to avoid double taxation for remote employees working from abroad for Russian organizations. The paper analyzes changes in domestic legislation regarding the taxation of income of individuals who are non-residents of the Russian Federation after the introduction of a progressive personal income tax rate and the reorientation of the source of income to the jurisdiction of the employer. Based on the example of cooperation between the tax systems of Russia and Turkey, the inefficiency of the protection of the current mechanism and the increased risk of double taxation are revealed. In conclusion, a comprehensive two-level solution is proposed: the introduction of a unilateral tax offset mechanism by adding clause 5.1 to Article 232 of the Tax Code of the Russian Federation, as well as the revision of bilateral agreements at the international level through the inclusion of clause 5 in Article 15 of the Agreement between the Russian Federation and Turkey, which will consolidate the exclusive right to tax the remote income of the employee's country of residence.

Keywords: tax residency, personal income tax, remote work, digital nomads, digitalization, territorial feature, legal fiction, place of income, social mobility, risk of double taxation, the Agreement on avoidance of double taxation.

References

1. Eriashvili N. D., Grigoriev A. I., Mochalova V. A. Employee Remote Work Abroad: What Potential Tax Risks May Employees and Businesses Face? // Bulletin of Economic Security. 2023. № 3. P. 157.
2. Chepkasova A. O. The Principle of Fairness in Taxation of Digital Nomads. // Issues of Russian Justice. 2023. № 27. P. 295.
3. Shadaev M. The Minister of Digital Development, Communications and Mass Media Reported that Around 100,000 IT Specialists Left the Russian Federation This Year. // Interfax. December 20, 2022. [Electronic resource] - (Accessed: June 1, 2026).
4. IT Experts and Game Development Giants Are Leaving Russia: The Hidden Outflow Continues. // Pulsefeed. May 6, 2026. [Electronic resource] - (Accessed: June 1, 2026).
5. Chepkasova A.O. The Principle of Residency in the Context of Digital Migration of Individuals // Migration Law No. 01.2026. Page 39.
6. Yulgusheva L.Sh. Prospects for the Development of the Institute of Tax Residency of Individuals in the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2021. No. 3. Page 127.
7. Sadovsky D.S. Tax Residency of Individuals in the Russian Federation: Trends in Legal Regulation // Society: Politics, Economics, Law. 2023. № 4 (117). Page 133
8. Arzumanova L.L. International and European Tax Law: A Textbook for Master's Degrees Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. Page 98.
9. Kucherov I.I. International Tax Law (Academic Course): Textbook. Page 47.
10. Sadchikov M.N. International Tax Law: A Textbook / M.N. Sadchikov; Saratov State Law Academy. – Saratov: Publishing House of Sarat. State Legal Academy, 2024. Page 35.

Риск-ориентированный подход как средство защиты прав предпринимателей при осуществлении государственного контроля и надзора

Ермаков Антон Павлович
частнопрактикующий юрист, аспирант, Российского нового университета, tagAnthony@yandex.ru

В статье рассматривается трансформация государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в Российской Федерации, связанная с переходом от всеобъемлющей модели контроля к риск-ориентированному подходу. Особое внимание уделяется влиянию данной реформы на защиту прав предпринимателей и изменение роли органов прокуратуры. Автор указывает, что в условиях риск-ориентированного подхода прокурорское согласование контрольных (надзорных) мероприятий приобретает не только процедурное, но и самостоятельное правозащитное значение, поскольку позволяет оценивать законность применения контрольным органом механизмов оценки риска. В статье анализируются плановые и внеплановые контрольные мероприятия, значение Единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий, а также меры прокурорского реагирования при нарушении установленного порядка контроля. Обосновывается необходимость прямого закрепления полномочия прокурора по согласованию контрольных (надзорных) мероприятий в ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации».
Ключевые слова: риск-ориентированный подход, защита прав предпринимтателей, контроль и надзор, реформа контрольной (надзорной) деятельности, проверки, прокуратура.

Отечественное предпринимательство прошло непростой путь развития от русских купцов IX-X веков до появления инновационных «стартаперов» XXI века. Со сменой исторических эпох, государство изменяло и свое отношение к предпринимателям: игнорировало, допускало, содействовало, ограничивало, уравнивало, упраздняло, запрещало, боролось, учреждало, развивало, контролировало и, наконец, защищало. Исходя из сложившихся в конкретном историческом периоде отношений власти и предпринимателей, государство определяло основные способы, средства и методы воздействия на субъектов хозяйственной деятельности.

Во второй половине второго десятилетия XXI века государство пришло к выводу о необходимости защищать хозяйствующих субъектов, поскольку они являются основой для развития экономики страны (создают рабочие места, платят налоги, вовлекают деньги населения в оборот, помогают бороться с монополиями, стабилизируют кризисные ситуации и т.д.) и, в конце концов, обеспечивают суверенитет Российской Федерации [1].

Нормативно изменение государственного курса было отражено в реформе контрольной и надзорной деятельности, начатой в 2016 году. Указанная реформа предполагала поэтапный переход от существовавшего в то время всеобъемлющего контроля и надзора к риск-ориентированному подходу, основанному на проверке, прежде всего, той хозяйственной деятельности, которая способна создавать повышенную угрозу охраняемым законом ценностям. Реформа контрольной и надзорной деятельности длилась порядка 10 лет (согласно паспорту программы с 21.12.2016 по 31.12.2025) и затронула все основные элементы контрольно-надзорной деятельности: порядок проведения проверок, профилактику нарушений, цифровизацию контроля, досудебное обжалование решений контрольных органов, а также согласование контрольных (надзорных) мероприятий с органами прокуратуры [2].

В 2023 году Правительство Российской Федерации, утверждая Концепцию совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года [3] и положительно оценивая проведенные изменения, продолжило ранее избранный курс на снижение административной нагрузки, развитие риск-ориентированного подхода и создание более предсказуемых условий для хозяйствующих субъектов.

Развитие риск-ориентированной модели усилило роль прокуратуры в системе государственного контроля (надзора). Если в прежней модели государственного контроля согласование проверок с органами прокуратуры рассматривалось преимущественно как процессуальная гарантия от необоснованного вмешательства в деятельность предпринимателя, то в условиях риск-ориентированного подхода значение данного института существенно расширилось. В результате проведенной реформы прокурорский надзор в рассматриваемой сфере охватывает не только проверку формального соблюдения установленной процедуры контрольного мероприятия, но и оценку того, насколько контрольный орган правомерно использовал предусмотренные законом механизмы оценки риска, поскольку именно риск причинения вреда охраняемым законом ценностям становится ключевым критерием допустимости и интенсивности государственного вмешательства в предпринимательскую деятельность.

Нетрудно заметить, что прокуратура, сама по себе являясь надзорным органом, при осуществлении данного вида надзора, по сути, защищает права хозяйствующих субъектов. Такое положение вещей объясняется следующим.

Прокурорский надзор – это специфическое многоаспектное правовое явление. Специфический характер прокурорского надзора заключается в его всеобъемлющем характере (в компетенцию прокуратуры входит выявление нарушений закона и прав граждан во всех сферах государственной и общественной жизни).В постановлениях Конституционного Суда РФ неоднократно подчеркивается вневедомственный и межотраслевой характер прокурорского надзора как института, предназначенного для универсальной, постоянной и эффективной защиты конституционно значимых ценностей [4].

Конституционно гарантированная свобода экономической деятельности и вытекающие из нее права граждан являются правовой основой национальной экономической системы и охраняются государством как важная составляющая основ конституционного строя.

Таким образом, на прокуратуру в силу вышеуказанной специфики прокурорского надзора, возлагается, среди прочего, обязанность по охране прав хозяйствующих субъектов. При этом, осуществляя деятельность по надзору за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности, прокурорам необходимо соблюдать баланс частных и публичных интересов, значимость которого неоднократно подчеркивается Конституционным Судом РФ при разрешении спорных вопросов в экономической сфере [5].

Соблюдение указанного баланса невозможно без учета природы предпринимательской деятельности, отличительной особенностью которой является то, что такая деятельность осуществляется на свой риск.

Риск – это сочетание вероятности и последствий наступления неблагоприятных событий [6]. Иными словами, осуществляя предпринимательскую деятельность, ее субъекты оценивают вероятность наступления неблагоприятных событий и их последствия.

Распределение рисков в различных отраслях предпринимательской деятельности неоднородно. В зависимости от степени риска, экономисты классифицируют хозяйственную деятельность на низкорискованную, умеренную и высокорискованную (одна из возможных классификаций). Следует при этом заметить, что полностью исключить риски невозможно, т.к. они являются неотъемлемым свойством предпринимательской деятельности.

Риск нарушения требований закона – это один из рисков, с которым сталкиваются субъекты предпринимательской деятельности. Неблагоприятными последствиями в данном случае является причинение вреда охраняемым законом ценностям (и применение к нарушителю мер ответственности, т.к. последняя представляет собой претерпевание лицом неблагоприятных последствий вследствие совершения им правонарушения).

Нормы закона (в т.ч. т.н. обязательные требования по смыслу ФЗ от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в РФ» [7]) обязательны для выполнения всеми субъектами предпринимательской деятельности, как и неотвратимость применения мер юридической ответственности в случае нарушения этих требований.

Вероятность нарушения закона (и, соответственно, наступление неблагоприятных последствий) зависит, прежде всего, от добросовестности конкретного хозяйствующего субъекта при осуществлении своей деятельности (субъективный фактор).

Вместе с тем, характер и степень опасности неблагоприятных последствий (т.е. размер причиненного ущерба охраняемым законом ценностям) различаются в зависимости от специфики предпринимательской деятельности (объективный фактор).

Таким образом, учитывая вышеприведенные положения, следует сделать вывод о неоднородности рисков нарушения требований закона ввиду объективных факторов (например, сфера (вид) хозяйственной деятельности, привлечение наемного труда, работа с иностранными гражданами, необходимость маркировки товаров и т.д.) и субъективных факторов (например, результаты предыдущей проверки лица, наличие обращений (жалоб, заявлений) о фактах нарушения, своевременность предоставления лицом информации в контрольный орган, самостоятельное проведение профилактических мероприятий предпринимателем и т.д.). Указанные факторы называются индикаторами риска.

До 2015 года при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля риски нарушения требований закона не оценивались контрольными органами. Проверочные мероприятия проводились периодически, по истечении законодательно определенного промежутка времени и затрагивали субъектов предпринимательской деятельности вне зависимости от специфики их хозяйственной деятельности, добросовестности исполнения ими норм законодательства и иных обстоятельств. Таким образом, контроль (надзор) имел всеобъемлющий характер. Данный подход справедливо критикуется исследователями, т.к. вышеописанный порядок проведения проверок не учитывает объективно существующую вероятность нарушения закона, а также характер и степень опасности неблагоприятных последствий от нарушения. Кроме того, контрольные органы не в состоянии проверить всех субъектов предпринимательской деятельности, что в условиях всеобъемлющего подхода превращается в коррупциогенный фактор, т.к. выбор контролируемого лица для проведения проверки осуществляется по усмотрению органа контроля (надзора).

Однако, в связи с реформой системы государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, ориентируясь на мировой опыт в указанной сфере, отечественный законодатель принял фундаментальное решение об изменении всеобъемлющего подхода при проведении проверок контролируемых лиц на риск-ориентированный подход, учитывающий вышеописанные объективные и субъективные факторы (индикаторы риска).

Сущность риск-ориентированного подхода заключается в том, что проведение проверочных мероприятий (в т.ч. частота, продолжительность, форма) ставится в зависимость от категории риска, присваиваемой подконтрольному лицу. При применении риск-ориентированного подхода снижается административная нагрузка на бизнес; эффективным образом распределяются ресурсы контрольных органов; устраняется коррупциогенный фактор, когда орган контроля самостоятельно выбирает лиц для проверки. При этом основное внимание проверяющих сосредотачивается на высокорискованных видах хозяйственной деятельности, в которых потенциальный ущерб охраняемым законом ценностям от нарушения требований закона более значителен.

Как было указано ранее, активную роль в этом процессе занимают органы прокуратуры Российской Федерации, осуществляющие надзор за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности.

При этом надзор в данной сфере охватывает не только проверку публично-правового регулирования предпринимательской деятельности, но и обеспечение правового положения лиц, занятых предпринимательством. Именно в этом проявляется частноправовая составляющая рассматриваемой проблемы: незаконная проверка, неверная

категоризация риска либо проведение контрольного мероприятия без соблюдения установленных законом гарантий затрагивают не только и не столько сферу государственного управления, сколько конкретные имущественные и организационные интересы хозяйствующего субъекта.

Одним из наиболее эффективных средств обеспечения риск-ориентированного подхода является согласование органами прокуратуры большинства контрольных (надзорных) мероприятий и ведение плана проведения контрольных (надзорных) мероприятий на очередной календарный год (далее – ежегодный план контрольных мероприятий). Указанный план формируется в машиночитаемом виде посредством единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий (далее – ЕРКНМ), оператором которого является Генеральная прокуратура РФ.

В соответствии с п. 4 ст. 19 закона № 248-ФЗ проведение контрольных (надзорных) мероприятий не может осуществляться произвольно. Решение о проведении контрольного мероприятия должно приниматься с соблюдением согласовательных процедур и иметь законные основания для его вынесения. Порядок согласования зависит от вида проводимого мероприятия. Общепринятой (легальной) классификацией проводимых контрольных (надзорных) мероприятий является их деление на плановые и внеплановые.

Как следует из названия плановых контрольных (надзорных) мероприятий, основанием для их проведения является включение соответствующего мероприятия в ежегодный план контрольных мероприятий (ч. 1 ст. 61 Закона 248-ФЗ). Указанное основание является единственным для этого вида мероприятий (в отличие от внеплановых мероприятий, имеющих ряд оснований для их проведения).

Важно сказать, что ежегодный план контрольных мероприятий является общедоступным и публикуется в сети Интернет на сайте Генеральной прокуратуры РФ (не позднее 31 декабря соответствующего года). Помимо информационной (ознакомительной) функции, такая публикация имеет и юридически значимое следствие: законодательством предусмотрена ответственность должностных лиц за проведение планового контрольного (надзорного) мероприятия, не включенного в ежегодный план контрольных мероприятий (ч. 1 ст. 19.6.1 КоАП РФ).

Так, в ходе проверки исполнения законодательства о защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении муниципального контроля, прокуратурой Яранского района (Кировская область) выявлено нарушение в деятельности администрации Кугальского сельского поселения. Материалами прокурорской проверки установлено, что проведенная плановая проверка соблюдения земельного законодательства в отношении предприятия ТПС Яранского РайПО осуществлялась без утверждения и включения в ежегодный план контрольных мероприятий. В связи с выявленными нарушениями прокурором Яранского района возбуждено административное производство по ч. 1 ст. 19.6.1 КоАП РФ в отношении главы администрации сельского поселения. Постановлением мирового судьи судебного участка №51 виновное лицо привлечено к административной ответственности [8]. Аналогичный случай привлечения должностного лица к ответственности на основании возбужденного прокурором дела об административном правонарушении по ч. 1 ст. 19.6.1 КоАП РФ имеется в практике прокуратуры Заветинского района Ростовской области [9].

Проект ежегодного плана контрольных мероприятий формируется органами контроля различных уровней и представляется на согласование в органы прокуратуры.

Прокуратура, в свою очередь, оценивает законность включения контролирующим органом контрольного (надзорного) мероприятия в ежегодный план. Следует заметить, что указанная процедура не является сугубо формальной. Так, по результатам рассмотрения проектов планов проведения контрольных (надзорных) мероприятий на 2023 год согласовано только 34% от общего числа предложений проверяющих структур [10], на 2024 – 21,7% от общего количества [11].

Оценивая законность и обоснованность включения контрольного (надзорного) мероприятия в ежегодный план, прокурор руководствуется Приказом Генерального прокурора от 08.11.2019 № 783 «О Порядке формирования органами прокуратуры РФ ежегодного сводного плана проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Порядок), проверяя, в частности, основания для включения плановой проверки в ежегодный план.

В соответствии с п. 1.4 Порядка, таким основанием является истечение 3х лет со дня: государственной регистрации; окончания проведения последней плановой проверки; начала осуществления предпринимательской деятельности (для отдельных видов предпринимательской деятельности).

Важной гарантией защиты прав хозяйствующих субъектов, на которую необходимо обращать внимание прокурорам в процессе согласования контрольного (надзорного) мероприятия, является абз. 3 п. 1.11 Порядка, указывающий на недопустимость проведения нескольких проверок в отношении одного контролируемого лица по одному и тому же предмету разными органами.

Внеплановые контрольные (надзорные) мероприятия по своей сути являются исключением из общего правила проведения подобного рода мероприятий. Внеплановые контрольные (надзорные) мероприятия вызваны исключительными обстоятельствами, создающими угрозу или причиняющими вред охраняемым законом ценностям. В силу необходимости оперативного выявления и последующего пресечения нарушений, внеплановые мероприятия не могут быть отложены и проведены в общем (плановом) порядке. Указанные обстоятельства и являются основанием для проведения внепланового контрольного (надзорного) мероприятия.

Следует заметить, что Закон № 294-ФЗ (в комментируемой части – не действует), в качестве исключительных обстоятельств (необходимых для проведения внепланового мероприятия) предусматривал конкретный перечень объектов, возникновение угрозы или причинение вреда которым, являлось основанием для проведения внеплановой проверки. Положение действующего Закона №248-ФЗ, устанавливающее основание для проведения внепланового мероприятия «наличие <…> сведений о причинении вреда (ущерба) или об угрозе причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям» критикуется многими авторами из-за «каучуковой» формулировки «охраняемые законом ценности». Как справедливо указывает в своей книге Вощинский М.В. «сведения о практически любом нарушении обязательных требований теперь могут стать основанием для внепланового контрольного мероприятия» [12].

Вместе с тем, в ст. 57 Закона № 248-ФЗ содержатся и иные основания для проведения внепланового контрольного (надзорного) мероприятия. Таковыми, в частности, являются выявление соответствия объекта контроля параметрам, утвержденным индикаторами риска нарушения обязательных требований, или отклонения объекта контроля от таких параметров; поручение Президента РФ; поручение Правительства РФ <…> в отношении конкрет-

ных контролируемых лиц; требование прокурора; истечение срока <…> устранения выявленного нарушения; наступление события, указанного в программе проверок.

Однако основным, безусловно, является основание, связанное с наличием у контрольного органа сведений о причинении вреда (ущерба) или об угрозе причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям.

Поводы для проведения проверок по указанному основанию можно разделить на две группы: информация, поступившая из внешних источников (обращения граждан, государственных органов, сообщения в СМИ и др.); информация, полученная контролируемым органом самостоятельно (например, при проведении контрольных мероприятий) [12].

Вместе с тем, и внеплановые контрольные (надзорные) мероприятия необходимо согласовывать с органами прокуратуры в соответствии с порядком, утвержденным Приказом Генерального прокурора РФ от 02.06.2021 № 294 [13]. Практика согласования указанных контрольных (надзорных) мероприятий показывает, что данная процедура не является сугубо формальной. Так, доля решений прокуроров об отказе в согласовании внеплановых мероприятий в 2022 году достигла 66% [10] в 2023 – 80% [11].

Кроме того, в информационном письме Генеральной прокуратуры РФ от 03.08.2021 № 76/2-461-2021 обращается внимание прокуроров на регулярный анализ сведений, внесенных контролирующими органами в ЕРКНМ, с целью выявления и пресечения проведения контрольных (надзорных) мероприятий без согласования с органами прокуратуры [14]. Любые сомнения в необходимости и правомерности проверок следует трактовать в пользу предпринимателя [15].

Отметим, что обязательный механизм согласования внеплановых контрольных (надзорных) мероприятий применяется только в отношении тех из них, которые проводятся во взаимодействии с подконтрольным лицом (это большинство мероприятий). Мероприятия без взаимодействия с подконтрольным лицом проводятся без согласования с органами прокуратуры.

Несогласование контрольного (надзорного) мероприятия с органами прокуратуры (когда такое согласование обязательно), в соответствии с пп. 2 п. 2 ст. 91 закона № 248-ФЗ, является грубым нарушением закона. При выявлении подобных нарушений, прокурор обязан внести представление об отмене решений, принятых по результатам такого мероприятия, в соответствующий контрольный орган (п. 1 ст. 91 закона № 248-ФЗ).

Так, прокуратура Республики Крым рассмотрела жалобу уполномоченного по защите прав предпринимателей в данном регионе на действия сотрудников Службы государственного строительного надзора Республики Крым (далее – Госстройнадзор РК) в ходе проведения проверочных мероприятий. Поводом для обращения стало контрольное (надзорное) мероприятие, проведенное в отношении хозяйствующего субъекта без необходимого согласования с органами прокуратуры (в акте проведенного мероприятия указано, что решение о согласовании не требуется). В рамках прокурорской проверки установлены нарушения в части согласования проведения мероприятия с органами прокуратуры, в связи с чем в адрес начальника Госстройнадзора РК внесено представление об устранении нарушений законодательства при осуществлении государственного контроля (надзора), по итогам рассмотрения которого результаты проведенного контрольного (надзорного) мероприятия отменены [16]. Аналогичное представление было внесено прокуратурой Новгородской области в адрес руководителя Государственной инспекции труда по данному региону [17]. По информации размещенной на сайте Генеральной прокуратуры РФ в 2022 г. отменены результаты более 1,2 тыс. мероприятий, проведенных с подобными нарушениями [10].

Помимо отмены решений, принятых по результатам контрольного (надзорного) мероприятия, проведенного с грубыми нарушениями (п. 2 ст. 91 закона № 248-ФЗ), прокуроры также выступают с требованием о привлечении виновных лиц к ответственности. Например, по постановлению прокуратуры Саратовской области, инспектор управления Россельхознадзора в регионе привлечен судом к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.6.1 КоАП РФ, т.к. провел в отношении цветочного магазина контрольное (надзорное) мероприятие без согласования с органами прокуратуры [18].

Важным направлением в реализации риск-ориентированного подхода является цифровизация деятельности контрольных (надзорных) органов. В этой связи ст. 46 Закона № 248-ФЗ предусмотрена обязанность органов контроля (надзора) по размещению на своем официальном сайте перечня индикаторов риска; категорий риска и критериев отнесения объекта контроля к указанным категориям; перечень объектов контроля, учитываемых при формировании ежегодного плана проверок и их категория риска; способы профилактики рисков и другое.

В случае невыполнения данной обязанности, прокуроры принимают соответствующие меры прокурорского реагирования, в т.ч. обращаясь с исковым заявлением в суд (см., например, Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.02.2023 № 18АП-17042/2022 о признании незаконным по требованию прокурора бездействия администрации, в связи с не размещением на официальном сайте в сети «Интернет» информации, предусмотренной п. п. 1, 7, 10 ч. 3 ст. 46 Закона № 248-ФЗ)

Помимо согласования контрольных (надзорных) мероприятий, прокуроры также обеспечивают применение риск-ориентированного подхода посредством оценки законности правовых актов, формирующих систему оценки рисков конкретного вида контроля, надзора за информированием (в т.ч. публикацией в электронном виде) контролируемых лиц о показателях риска и иные сведения.

Учитывая роль прокуроров в проведенной реформе контрольной и надзорной деятельности, следует определить прокуратуру как одного из ключевых проводников внедрения риск-ориентированного подхода в деятельность органов контроля (надзора).

Таким образом, действующее регулирование закрепляет за органами прокуратуры значимую функцию в сфере государственного и муниципального контроля, однако данная функция не получила достаточного отражения в законодательстве о прокуратуре. Возникает несоответствие между фактической ролью прокурора в риск-ориентированной модели контроля и нормативным закреплением его полномочий. Устранение данного несоответствия имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет определить пределы прокурорской оценки при согласовании контрольных мероприятий.

Ввиду практически полного переориентирования системы государственного контроля (надзора) и муниципального контроля на применение риск-ориентированного подхода, представляется правильным закрепить полномочия прокурора по согласованию контрольных (надзорных) мероприятий в соответствующем федеральном законе. Для этого предлагается внести изменения в ст. 22 ФЗ «О прокуратуре РФ», дополнив текст статьи п. 5 следующего содержания: «Прокурор или его заместитель по запросу контрольного (надзорного) органа дает согласие на проведение контрольного (надзорного) мероприятия в

отношении субъекта предпринимательской деятельности, обеспечивая соблюдение требований законодательства о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле».

Закрепление данного полномочия именно в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» не означает избыточного дублирования положений законодательства о государственном контроле (надзоре). Напротив, речь идет о приведении отраслевого закона о прокуратуре в соответствие с фактическим содержанием прокурорской деятельности, которая в риск-ориентированной модели контроля уже приобрела устойчивый, самостоятельный и правозащитный характер. В условиях завершения основного этапа трансформации контрольной и надзорной деятельности такое решение представляется своевременным и обоснованным.

Литература

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собр. законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.
2. Паспорт приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности» : утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 21.12.2016 № 12. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2023 № 3745-р «Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Дихтяр А. И., Рогожин Н. А. Обеспечение баланса частных и публичных интересов в судебных решениях Конституционного Суда РФ в экономической сфере // Закон и право. 2002. № 12. С. 10—14.
6. Риск // Энциклопедия инвестора [Электронный ресурс]. URL: https://investments.academic.ru/1354/Риск (дата обращения: 01.06.2026).
7. Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // Российская газета. 2020. № 171.
8. Прокуратура Кировской области : официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_43/mass-media/news?item=37318488 (дата обращения: 07.06.2026).
9. Муниципальное образование Савдянское сельское поселение Заветинского района Ростовской области : официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://savdyanskoesp.ru/prokuratura-informiruet/munitsipalnyj-zemelnyj-inspektor-privlechen-k-otvetstvennosti-za-provedenie-proverki-ne-vklyuchennyj-v-ezhegodnyj-plan-provedeniya-planovykh-proverok (дата обращения: 07.05.2026).
10. Итоги работы по обеспечению прав и законных интересов субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности в 2022 году [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=85137682 (дата обращения: 09.05.2026).
11. Прокуратура Курганской области : официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_45/activity/legal-education/explain?item=93489287 (дата обращения: 09.05.2026).
12. Вощинский М. В. Защита прав предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля с учетом новых положений федерального законодательства. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». 2021.
13. Приказ Генерального прокурора РФ от 02.06.2021 № 294 «О реализации Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ “О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации”» // Законность. 2021. № 7.
14. Письмо Генеральной прокуратуры РФ от 03.08.2021 № 76/2-461-2021 «О порядке внесения информации в федеральную государственную информационную систему “Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий” о согласовании внепланового контрольного (надзорного) мероприятия» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401486920/ (дата обращения: 10.05.2026).
15. Доклад Генпрокурора РФ И. В. Краснова на расширенном заседании Коллегии, посвященном итогам работы органов прокуратуры за 2021 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2022 год [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=73312986 (дата обращения: 10.03.2026).
16. Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Республике Крым : официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://ombudsmanbiz.rk.gov.ru/articles/3ca3cf1c-4913-4410-95fc-500b44282f69 (дата обращения: 10.03.2026).
17. Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Новгородской области : официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://biz53.ru/index.php/news/posle-vmeshatelstva-regionalnogo-biznes-ombudsmena-rezultaty-proverki-git-byli-otmeneny (дата обращения: 10.03.2026).
18. Прокуратура Саратовской области : официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_64/search?article=7379 2086 (дата обращения: 10.03.2026).

The Risk-Based Approach as a Means of Protecting Entrepreneurs’ Rights in State Control and Supervision

Ermakov A.P.

Russian New University

The article examines the transformation of state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation associated with the transition from a comprehensive model of control to a risk-based approach. Particular attention is paid to the impact of this reform on the protection of entrepreneurs’ rights and on the changing role of prosecution authorities. The author argues that, under the risk-based approach, prosecutorial approval of control (supervisory) measures acquires not only procedural but also independent human-rights significance, since it makes it possible to assess the legality of the control authority’s application of risk assessment mechanisms. The article analyzes scheduled and unscheduled control measures, the role of the Unified Register of Control (Supervisory) Measures, as well as prosecutorial response measures in cases of violation of the established control procedure. The necessity of directly enshrining the prosecutor’s authority to approve control (supervisory) measures in the Federal Law “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation” is substantiated.

Keywords: risk-based approach, protection of entrepreneurs’ rights, control and supervision, reform of control and supervisory activities, inspections, prosecution authorities.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 208 of 13.05.2017 “On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2030” // Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2017. No. 20. Art. 2902.
2. Passport of the Priority Program “Reform of Control and Supervisory Activities” : approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and Priority Projects, Minutes No. 12 of 21.12.2016. Access from the ConsultantPlus legal reference system.

3. Order of the Government of the Russian Federation No. 3745-r of 21.12.2023 “On Approval of the Concept for Improving Control and Supervisory Activities until 2026” // ConsultantPlus legal reference system.
4. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2-P of 17.02.2015. Access from the ConsultantPlus legal reference system.
5. Dikhtyar A. I., Rogozhin N. A. Ensuring the Balance of Private and Public Interests in Judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Economic Sphere // Zakon i pravo [Law and Legislation]. 2002. No. 12. Pp. 10—14.
6. Risk // Entsiklopediya investora [Investor’s Encyclopedia] [Electronic resource]. URL: https://investments.academic.ru/1354/Риск (accessed: 01.06.2026).
7. Federal Law No. 247-FZ of 31.07.2020 “On Mandatory Requirements in the Russian Federation” // Rossiyskaya gazeta [Russian Gazette]. 2020. No. 171.
8. Prosecutor’s Office of the Kirov Region : official website [Electronic resource]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_43/mass-media/news?item=37318488 (accessed: 07.06.2026).
9. Municipal Formation Savdyanskoye Rural Settlement of the Zavetinsky District of the Rostov Region : official website [Electronic resource]. URL: https://savdyanskoesp.ru/prokuratura-informiruet/munitsipalnyj-zemelnyj-inspektor-privlechen-k-otvetstvennosti-za-provedenie-proverki-ne-vklyuchennyj-v-ezhegodnyj-plan-provedeniya-planovykh-proverok (accessed: 07.05.2026).
10. Results of Work to Ensure the Rights and Legitimate Interests of Business and Investment Entities in 2022 [Electronic resource] // Prosecutor General’s Office of the Russian Federation : official website. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=85137682 (accessed: 09.05.2026).
11. Prosecutor’s Office of the Kurgan Region : official website [Electronic resource]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_45/activity/legal-education/explain?item=93489287 (accessed: 09.05.2026).
12. Voshchinsky M. V. Protection of Entrepreneurs’ Rights in the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control, Taking into Account New Provisions of Federal Legislation. Access from the ConsultantPlus legal reference system. 2021.
13. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 294 of 02.06.2021 “On the Implementation of Federal Law No. 248-FZ of 31.07.2020 ‘On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation’” // Zakonnost' [Legality]. 2021. No. 7.
14. Letter of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation No. 76/2-461-2021 of 03.08.2021 “On the Procedure for Entering Information into the Federal State Information System ‘Unified Register of Control (Supervisory) Measures’ on the Approval of an Unscheduled Control (Supervisory) Measure” [Electronic resource]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401486920/ (accessed: 10.05.2026).
15. Report of the Prosecutor General of the Russian Federation I. V. Krasnov at the Expanded Meeting of the Board Devoted to the Results of the Work of Prosecution Authorities in 2021 and Tasks for Strengthening Legality and Law and Order in 2022 [Electronic resource] // Prosecutor General’s Office of the Russian Federation : official website. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=73312986 (accessed: 10.03.2026).
16. Commissioner for the Protection of Entrepreneurs’ Rights in the Republic of Crimea : official website [Electronic resource]. URL: https://ombudsmanbiz.rk.gov.ru/articles/3ca3cf1c-4913-4410-95fc-500b44282f69 (accessed: 10.03.2026).
17. Commissioner for the Protection of Entrepreneurs’ Rights in the Novgorod Region : official website [Electronic resource]. URL: https://biz53.ru/index.php/news/posle-vmeshatelstva-regionalnogo-biznes-ombudsmena-rezultaty-proverki-git-byli-otmeneny (accessed: 10.03.2026).
19. Prosecutor’s Office of the Saratov Region : official website [Electronic resource]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_64/search?article=73792086 (accessed: 10.03.2026).

Административно-правовые основы применения искусственного интеллекта в экологическом мониторинге

Иванова Светлана Витальевна
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публично-правовых наук, Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); профессор кафедры «Гражданское право», Донской государственный технический университет, servis-05@list.ru,

Рыбак Светлана Викторовна
кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой «Гражданское право», Донской государственный технический университет, svetoch_2504@mail.ru

В научной статье исследуются административно-правовые аспекты применения технологий искусственного интеллекта в системе государственного экологического мониторинга. Авторы анализируют действующее законодательство, регулирующее цифровую трансформацию государственного управления, а также международные подходы к использованию искусственного интеллекта в экологической сфере. В статье рассматриваются научные подходы к оценке потенциала искусственного интеллекта для прогнозирования экологических рисков и повышения эффективности экологического мониторинга. Особое внимание уделяется проблемам определения правового статуса данных, сформированных с использованием алгоритмов искусственного интеллекта, их доказательственной ценности и допустимости применения при принятии управленческих решений. Авторами исследуется вопрос распределения юридической ответственности за последствия использования ИИ в государственном экологическом мониторинге. Сделан вывод о необходимости совершенствования правового регулирования путем закрепления требований к достоверности данных, прозрачности алгоритмов и обязательному участию должностных лиц государственных органов в принятии юридически значимых решений. Предлагается рассматривать искусственный интеллект как вспомогательный инструмент поддержки принятия решений.
Ключевые слова: искусственный интеллект, экологический мониторинг, цифровизация, юридическая ответственность, алгоритмические решения, охрана окружающей среды.

В Российской Федерации нормативная база применения искусственного интеллекта формируется преимущественно в рамках законодательства о цифровой трансформации государственного управления. Базовым документом стратегического планирования является Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года. В документе искусственный интеллект представляет собой инструмент повышения эффективности государственного управления, включая обработку больших массивов данных и прогнозирование социально значимых процессов. Однако Стратегия не содержит специальных положений, регулирующих применение технологий искусственного интеллекта в экологическом мониторинге.

Правовые основы государственного экологического мониторинга закреплены в Федеральном законе «Об охране окружающей среды». Закон предусматривает функционирование Единой системы государственного экологического мониторинга, включающей наблюдение за состоянием окружающей среды, сбор, обработку и анализ экологической информации. При этом, действующая редакция закона не определяет правовой статус данных, сформированных с использованием алгоритмов искусственного интеллекта, а также не устанавливает требования к прозрачности и верификации таких технологий. Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» определяет условия для апробации технологий искусственного интеллекта в отдельных сферах государственного управления. Однако экологический мониторинг не выделен законодателем в качестве самостоятельного направления применения подобных технологий.

На международном уровне отсутствует единый универсальный договор, посвященный использованию искусственного интеллекта в экологической сфере. Вместе с тем важное значение имеют Рекомендации ОЭСР по искусственному интеллекту, Рекомендация ЮНЕСКО об этических аспектах искусственного интеллекта, а также принятый в Европейском союзе Регламент об искусственном интеллекте. Рассматриваемые документы закрепляют принципы прозрачности алгоритмов, человеческого контроля над автоматизированными решениями, управления рисками и ответственности за последствия применения ИИ. В сфере охраны природы эти подходы предполагают обязательную проверку достоверности данных, полученных с использованием современных технологий. Одновременно в рассматриваемых международных документах сохраняется решающая роль уполномоченных государственных органов при принятии управленческих решений.

Таким образом, правовое регулирование применения искусственного интеллекта в государственном экологическом мониторинге в России остается фрагментарным. Действующее законодательство устанавливает общие требования функционирования Единой системы экологического мониторинга. При этом, не определяет правовой статус данных, сформированных с помощью ИИ. Международные рекомендации и европейский Регламент демонстрируют, что эффективное использование ИИ в экологической сфере должно сочетать проверяемость данных, управление рисками и ответственность за последствия применения технологий с обязательным участием уполномоченных государственных органов в принятии решений. Следовательно, целесообразно разработать и

внедрить в российское законодательство специальные нормы, закрепляющие вспомогательный характер ИИ.

В доктрине права отмечают, что использование искусственного интеллекта способно качественно изменить подходы к оценке экологических рисков и прогнозированию воздействия хозяйственной деятельности на природные экосистемы. С позиции Ю. В. Самович, ИИ активно применяется для автоматизированного сбора данных о состоянии окружающей среды, в частности атмосферного воздуха. Подобные меры позволяют повысить оперативность выявления неблагоприятных воздействий и потенциал административных мер реагирования на экологические риски. По мнению И. А. Филиповой, расширение применения интеллектуальных систем в экологическом праве открывает возможность прогнозирования воздействия хозяйственной деятельности на экосистемы с помощью предиктивной аналитики. Данный механизм особенно актуален при изучении видов, нуждающихся в защите, и в ситуациях, связанных с рисками природных катаклизмов. По мнению автора, именно использование больших массивов данных и алгоритмов машинного обучения может укреплять риск-ориентированные подходы в государственном управлении, смещая акцент с реактивного реагирования на предупреждение негативных экологических последствий.

Одновременно в российской научной доктрине существует критические мнения относительно текущих возможностей ИИ. Ряд авторов указывают на то, что автоматизированные системы не являются безошибочными. Так, А. В. Касаткин указывает на то, что использование ИИ и больших данных в мониторинге, например, арктических экосистем может способствовать более точному прогнозированию изменений в удаленных природных системах, что важно для предупреждения рисков, связанных с экстремальными климатическими явлениями и трансграничными экологическими угрозами. Вместе с тем автор отмечает, что правовое регулирование подобных практик в России требует развития нормативной базы, обеспечивающей правовой статус цифровых данных, подходы к их защите и допустимость использования в качестве доказательств при принятии управленческих решений.

Таким образом, в доктрине права наблюдается противоречивые позиции по вопросу использования ИИ. С одной стороны, ИИ рассматривается как перспективный инструмент прогнозирования экологических рисков и усиления риск-ориентированного управления. С другой стороны, акцент делается на необходимость нормативных гарантий достоверности, прозрачности и институционального контроля при использовании интеллектуальных систем в государственном экологическом мониторинге. Данное противоречие отражает необходимость дальнейшего развития административно-правовых механизмов и специального правового регулирования в рассматриваемой сфере общественных отношений.

Внедрение искусственного интеллекта в государственную систему экологического мониторинга ставит перед правоприменителем две важные задачи. Во-первых, установление правового статуса и доказательственной ценности данных, полученных с использованием искусственного интеллекта. Во-вторых, определение круга лиц и органов, которые будут нести ответственность за решения, принятые на основе обработки экологической информации.

Действующее законодательство Российской Федерации не содержит специальных норм, устанавливающих правовой статус данных, сформированных или обработанных с использованием технологий искусственного интеллекта. В частности, отсутствуют законодательные требования к верификации результатов алгоритмической обработки, обеспечению воспроизводимости выводов, хранению исходных массивов данных и аудиту используемых моделей. Также не определены критерии допустимости применения результатов интеллектуальной обработки экологической информации в качестве доказательств при осуществлении государственного экологического контроля (надзора), вынесении обязательных предписаний и привлечении физических или юридических лиц к административной ответственности. Так, нормы Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», закрепляют обязанность органов контроля при проведении контрольных мероприятий использовать достоверные и проверяемые сведения. При этом, принимаемые решения должны основываться на достоверной информации. Использование данных, полученных с использованием искусственного интеллекта, может создавать риск нарушения законности контрольных действий и оспоримости решений должностных лиц. Таким образом, отсутствие специального правового регулирования использования технологий искусственного интеллекта в сфере экологического мониторинга порождает правовую неопределенность в вопросах юридической силы полученных данных и правомерности принимаемых на их основе решений. Дальнейшее внедрение технологий искусственного интеллекта требует нормативного закрепления требований к достоверности, проверяемости и сохранности данных, прозрачности и аудиту алгоритмов, а также определения условий использования результатов ИИ в качестве основания для осуществления контрольных мероприятий и вынесения обязательных предписаний.

Вторая административно-правовая проблема связана с определением субъекта ответственности за последствия использования технологий искусственного интеллекта в системе государственного экологического мониторинга. Данный вопрос приобретает особое значение в условиях расширения применения ИИ для сбора, анализа и прогнозирования экологической информации. В настоящее время действующее законодательство не признает искусственный интеллект в качестве самостоятельного субъекта права. Искусственный интеллект не обладает волей в юридическом смысле, не может самостоятельно осуществлять права и обязанности, а также не может нести предусмотренные законом меры юридической ответственности. Так, А.В. Нечкина отмечает, что искусственный интеллект следует рассматривать как объект правового регулирования, а не как носитель публичных прав и обязанностей. С позиции В.А. Лаптева, ответственность за функционирование интеллектуальных систем должна возлагаться на разработчиков, владельцев и пользователей технологий. Следовательно, последствия использования ИИ должны связываться с действиями конкретных субъектов. Данную позицию поддерживает З.И. Хисамова, отмечая, что субъектами ответственности за последствия функционирования ИИ могут выступать лица, создающие, эксплуатирующие или модифицирующие системы, а сам ИИ не является субъектом юридической ответственности. Представленные в доктрине позиции объединяет общий подход, согласно которому искусственный интеллект не обладает признаками самостоятельного субъекта права, а значит, не может выступать субъектом юридической ответственности. Данная точка зрения представляется обоснованной применительно к сфере государственного экологического мониторинга. Несмотря на способность современных технических систем самостоятельно анализировать большие массивы данных и формировать рекомендации, они не обладают правосубъектностью, не наделены государственно-властными полномочиями и не способны осознавать юридиче-

ское значение совершаемых действий. Кроме того, действующее законодательство связывает реализацию публично-властных полномочий исключительно с компетенцией государственных органов и должностных лиц.

Вместе с тем в зарубежной правовой доктрине высказываются предложения о признании высокоавтономных систем искусственного интеллекта особым субъектом права («электронным лицом»), что обусловлено их способностью принимать решения без непосредственного участия человека. Однако представляется, что применение данной концепции в сфере государственного экологического мониторинга является преждевременным. Признание искусственного интеллекта самостоятельным субъектом права не решает проблему ответственности за последствия его функционирования. В связи с этим более обоснованным следует признать подход, согласно которому искусственный интеллект рассматривается как инструмент поддержки принятия решений.

Выводы

Таким образом, внедрение технологий искусственного интеллекта в систему государственного экологического контроля требует установления специального порядка использования результатов алгоритмической обработки экологической информации. Представляется целесообразным закрепить в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» норму, определяющая, что результаты ИИ могут служить основанием для выявления индикаторов риска нарушения обязательных требований и принятия решения о проведении контрольных (надзорных) мероприятий. Одновременно, они не могут рассматриваться в качестве самостоятельного доказательства совершения правонарушения. Юридически значимые решения должны приниматься только после подтверждения выводов искусственного интеллекта сведениями, полученными в ходе контрольных мероприятий, а также с обязательным указанием в материалах проверки факта использования технологий искусственного интеллекта, источников данных и характера их влияния на принятое решение. Такой подход позволит использовать преимущества ИИ посредством гарантий законности, объективности и защиты прав граждан.

Литература

1. Calo R. Artificial Intelligence Policy: A Primer and Roadmap // U.C. Davis Law Review. 2017. Vol. 51. P. 399–435.
2. Elhaw A.E.M. Attribution and Accountability in the Arctic: Rethinking International Responsibility for Artificial Intelligence-Based Environmental Decisions // Review of European, Comparative & International Environmental Law (RECIEL). 2026. Vol. 35. No. 1. P. 225–239.
3. Gevaert C.M. et al. Responsible Artificial Intelligence for Earth Observation: Human Rights and the EU AI Act // AI and Ethics. 2026. Vol. 6. Art. 304. P. 1–15.
4. Жаворонкова Н.Г., Воронина Н.П. Цифровизация экологического права и возможности использования искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 8. С. 155–164.
5. Жук А. Воздействие искусственного интеллекта на окружающую среду: скрытые экологические издержки и этико-правовые вопросы // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 4. С. 932–954.
6. Касаткин А.В. Особенности правового регулирования применения больших данных и искусственного интеллекта для мониторинга состояния экосистем Арктики // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2025. Т. 35. Вып. 5. С. 891–900.
7. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.
8. Нечкин А.В. Конституционно-правовой статус искусственного интеллекта в России: настоящее и будущее // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 8. С. 78–85.
9. Самович Ю.В., Юн Л.В. Проблемы использования искусственного интеллекта в процессе реализации экологических прав граждан // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 10. № 1. С. 64–70.
10. Филипова И.А. Искусственный интеллект и экологическое право: точки пересечения и развитие // Экологическое право. 2023. № 4. С. 19–22.
11. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 564–574.

Administrative and Legal Foundations for the Use of Artificial Intelligence in Environmental Monitoring

Ivanova S.V., Rybak S.V.

Orenburg Institute (branch) of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Don State Technical University

The article examines the administrative and legal aspects of using artificial intelligence (AI) technologies within the state environmental monitoring system. The authors analyze current legislation regulating the digital transformation of public administration, as well as international approaches to the use of AI in the environmental sphere. The study reviews scientific approaches to assessing AI's potential for predicting environmental risks and enhancing the efficiency of environmental monitoring. Particular attention is paid to issues concerning the legal status of data generated using AI algorithms, their evidentiary value, and admissibility in management decisions. The authors also examine the allocation of legal responsibility for the consequences of AI use in state environmental monitoring. The study concludes that legal regulation should be improved by establishing requirements for data reliability, algorithm transparency, and mandatory involvement of authorized public officials in legally significant decisions. AI should be regarded as a supportive decision-making tool rather than an independent legal entity.

Keywords: artificial intelligence, environmental monitoring, digitalization, legal responsibility, algorithmic solutions, environmental protection.

References

1. Calo R. Artificial Intelligence Policy: A Primer and Roadmap // U.C. Davis Law Review. 2017. Vol. 51. P. 399–435.
2. Elhaw A.E.M. Attribution and Accountability in the Arctic: Rethinking International Responsibility for Artificial Intelligence-Based Environmental Decisions // Review of European, Comparative & International Environmental Law (RECIEL). 2026. Vol. 35. No. 1. P. 225–239.
3. Gevaert C.M. et al. Responsible Artificial Intelligence for Earth Observation: Human Rights and the EU AI Act // AI and Ethics. 2026. Vol. 6. Art. 304. P. 1–15.
4. Zhavoronkova N.G., Voronina N.P. Digitalization of Environmental Law and the Possibilities of Using Artificial Intelligence // Actual Problems of Russian Law. 2025. No. 8. P. 155–164.
5. Zhuk A. The Environmental Impact of Artificial Intelligence: Hidden Environmental Costs and Ethical-Legal Issues // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1. No. 4. P. 932–954.
6. Kasatkin A.V. Specific Features of Legal Regulation of the Use of Big Data and Artificial Intelligence for Monitoring Arctic Ecosystems // Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. 2025. Vol. 35. Iss. 5. P. 891–900.
7. Laptev V.A. The Concept of Artificial Intelligence and Legal Liability for Its Operation // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No. 2. P. 79–102.
8. Nechkin A.V. Constitutional and Legal Status of Artificial Intelligence in Russia: Present and Future // Lex Russica. 2020. Vol. 73. No. 8. P. 78–85.
9. Samovich Yu.V., Yun L.V. Problems of Using Artificial Intelligence in the Implementation of Citizens' Environmental Rights // Juridical Bulletin of Samara University. 2024. Vol. 10. No. 1. P. 64–70.
10. Filipova I.A. Artificial Intelligence and Environmental Law: Points of Intersection and Development // Environmental Law. 2023. No. 4. P. 19–22.
11. Khisamova Z.I., Begishev I.R. Criminal Liability and Artificial Intelligence: Theoretical and Applied Aspects // Russian Journal of Criminology. 2019. Vol. 13. No. 4. P. 564–574.

Административно-правовой статус субъектов противодействия коррупции: актуальные проблемы теории и правового регулирования

Иким Леонид Сергеевич
аспирант, Университет Синергия, Bjorn69jarnsida@gmail.com

Статья посвящена исследованию административно-правового статуса субъектов противодействия коррупции в Российской Федерации. На основе системного анализа действующего законодательства, прежде всего Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», а также доктринальных позиций ведущих учёных в сфере административного и антикоррупционного права, выявляется отсутствие нормативно закреплённого понятия «субъект противодействия коррупции», обосновывается авторский подход к его дефиниции и предлагается разграничение субъектов противодействия коррупции, обладающих властной компетенцией, и иных участников антикоррупционной деятельности. Особое внимание уделяется тем аспектам административно-правового статуса субъектов, которые непосредственно связаны с системой источников административно-правового регулирования: разграничению нормотворческих полномочий и полноте подзаконного регламентного регулирования антикоррупционных процедур.

Ключевые слова: противодействие коррупции, субъект противодействия коррупции, административно-правовой статус, компетенция, координация, институты гражданского общества, источники административно-правового регулирования.

Коррупция является одной из наиболее серьёзных угроз конституционному строю, правам и свободам граждан, нормальному функционированию публичного управления. Принятый в 2008 году Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – «№ 273-ФЗ») [1] заложил нормативную основу системного противодействия коррупционным проявлениям. Вместе с тем при всём значении данного акта для правового регулирования исследуемой сферы, он содержит существенный пробел: понятие «субъект противодействия коррупции» в российском законодательстве до сих пор отсутствует. Следствием этого является нормативная неопределённость, которая напрямую влияет как на теоретическое осмысление данной категории, так и на правоприменительную практику.

Исследование субъектного состава противодействия коррупции имеет самостоятельное научное значение и одновременно выступает необходимой предпосылкой для исследования системы источников административно-правового регулирования данной сферы. Это обусловлено тем, что круг субъектов, наделённых полномочиями принимать нормативные правовые акты о противодействии коррупции, и характер разграничения их нормотворческих полномочий прямо предопределяют структуру и содержание самой системы источников. Без установления того, какие субъекты и в каких пределах формируют антикоррупционное нормативное регулирование, невозможно ни корректно систематизировать источники, ни оценить их согласованность.

Обращение к тексту Закона № 273-ФЗ обнаруживает, что законодатель, формулируя дефиницию противодействия коррупции (п. 2 ч. 1 ст. 1), относит к лицам, осуществляющим эту деятельность, федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, институты гражданского общества, организации и физических лиц «в пределах их полномочий».

Уже сама эта формулировка обнаруживает внутреннее противоречие, поскольку оговорка «в пределах их полномочий» применима лишь к органам публичной власти, тогда как институты гражданского общества, организации и физические лица собственно властными полномочиями не обладают. При этом ни самостоятельной статьи о субъектах, ни их перечня, ни критериев разграничения их полномочий закон не содержит. Статья 5 Закона, именуемая «Организационные основы противодействия коррупции», закрепляет лишь отдельные аспекты компетенции Президента РФ, Федерального Собрания, Правительства РФ, Генерального прокурора и иных прокуроров, но не определяет в систематизированном виде ни круга субъектов, ни их соотношения между собой.

Подходы зарубежного законодателя к данному вопросу могут служить материалом для сравнения. Так, Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 г. № 410-V «О противодействии коррупции» содержит специальную главу 3 «Субъекты противодействия коррупции и их полномочия», включающую статью о субъектах противодействия коррупции, а также нормы о компетенции уполномоченного органа по противодействию коррупции[17].

При этом детально регламентирована компетенция именно специализированного уполномоченного органа, который в системе публичной власти Российской Федерации отсутствует; полномочия же иных государственных

органов закреплены отсылочно и неисчерпывающим образом. Таким образом, казахстанская модель демонстрирует не столько готовое решение, сколько сам приём — выделение субъектного состава в обособленный нормативный блок, — который, как представляется, заслуживает внимания при совершенствовании российского законодательства.

В отечественной доктрине вопрос о субъектах противодействия коррупции разрабатывается преимущественно применительно к отдельным их группам. Т. Я. Хабриева связывает эффективность противодействия коррупции с согласованным функционированием органов публичной власти федерального, регионального и муниципального уровней и рассматривает антикоррупционную деятельность как элемент единого правопорядка [2; 3]. А. В. Куракин обосновывает ведущую роль административно-правовых средств в предупреждении и пресечении коррупции в системе государственной службы и характеризует соответствующих должностных лиц и органы через категорию административно-правовой компетенции [4; 5]. М. В. Костенников и А. В. Куракин показывают, что антикоррупционные стандарты служебного поведения встроены в административно-правовой статус государственного служащего [6]. С. Е. Чаннов, исследуя природу ответственности государственных служащих за коррупционные правонарушения, отмечает её отличие от классической дисциплинарной [7; 8]. Е. В. Охотский рассматривает противодействие коррупции как комплексную государственно-управленческую деятельность, в которой участвуют органы публичной власти, а также институты гражданского общества и граждане [9].

Сопоставление приведённых позиций показывает, что в доктрине отсутствует единое согласованное понимание субъекта противодействия коррупции, а большинство авторов оперируют категорией компетенции применительно к органам публичной власти и должностным лицам.Это позволяет сформулировать и предложить следующее авторское определение: субъект противодействия коррупции — это орган публичной власти, иной государственный орган или должностное лицо, наделённые нормативным правовым актом властной компетенцией по предупреждению коррупции, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений и (или) минимизации их последствий и реализующие эту компетенцию в пределах закреплённых за ними прав и обязанностей.

Таким образом, определяющим признаком субъекта противодействия коррупции в предлагаемом понимании выступает наличие властной компетенции, то есть закреплённой нормой права совокупности властных прав и обязанностей по определённому предмету ведения. Этот признак имеет важное значение: он позволяет разграничить собственно субъектов противодействия коррупции и иных участников антикоррупционной деятельности — институты гражданского общества, организации и граждан. Последние не обладают властной компетенцией и участвуют в противодействии коррупции в иных правовых формах (общественный контроль, обращения, информирование, антикоррупционная экспертиза с рекомендательным результатом). Отнесение их к субъектам, наделённым компетенцией, было бы внутренне противоречивым, поэтому в настоящей статье они рассматриваются как участники антикоррупционной деятельности, статус которых отличен от статуса субъектов.

Административно-правовой статус субъекта представляет собой установленную нормами административного права совокупность элементов, определяющих его место и роль в системе публичного управления. Опираясь на разработки Ю. А. Тихомирова в области теории компетенции [13] и концепцию компетенции органов исполнительной власти, предложенную Н. А. Игнатюк [12], применительно к субъектам противодействия коррупции представляется верным выделять следующие структурные элементы: цели и задачи антикоррупционной деятельности; функции; предметы ведения; полномочия (права и обязанности), включая нормотворческие; гарантии деятельности; ответственность; формы и методы деятельности; формы взаимодействия с иными субъектами.

Принципиальной особенностью административно-правового статуса субъекта противодействия коррупции является его производно-комплексный характер. Базовый статус органа публичной власти (например, МВД России как федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел) дополняется специальным антикоррупционным блоком норм, содержащихся в Законе № 273-ФЗ, указах Президента РФ о Национальных планах противодействия коррупции, постановлениях Правительства РФ и ведомственных нормативных актах. Особое значение для темы источников антикоррупционного права имеет нормотворческий элемент компетенции: именно через него субъекты противодействия коррупции формируют систему подзаконных и ведомственных источников, что предопределяет их согласованность или, напротив, рассогласованность.

Применительно к организационно-правовым формам субъектов целесообразно разграничивать уровни их правового статуса. Статус органа (учреждения) как коллективного субъекта формируется актами различной юридической силы в зависимости от места органа в системе публичной власти. Так, статус и порядок деятельности комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации и подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений определяются на основе типовых положений, утверждённых указами Президента РФ; конкретные же положения о таких органах и подразделениях принимаются соответствующими государственными органами в пределах их компетенции. Статус должностного лица складывается из общих норм законодательства о государственной и муниципальной службе, дополненных специальными антикоррупционными запретами, ограничениями и обязанностями, установленными ст. 7.1, 8, 9–13 Закона № 273-ФЗ.

Что касается институтов гражданского общества, организаций и граждан, то их правовое положение, определяемое в том числе законодательством об общественном контроле и об Общественной палате Российской Федерации [18; 19], следует относить к статусу участников антикоррупционной деятельности, а не субъектов противодействия коррупции в строгом смысле. Разграничение указанных категорий позволяет корректно определять круг адресатов нормотворческих полномочий.

Для полноты исследования, дадим краткую характеристику основным группам субъектом противодействия коррупции.

Президент РФ в силу ч. 1 ст. 5 Закона № 273-ФЗ определяет основные направления государственной политики в области противодействия коррупции и устанавливает компетенцию федеральных органов исполнительной власти. С точки зрения системы источников антикоррупционного права ключевое значение имеет его нормотворческая компетенция: указами Президента РФ утверждаются Национальные планы противодействия коррупции, последний из которых — на 2021–2024 годы (Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478) [20]. Совет при Президенте РФ по противодействию коррупции и его президиум выполняют координационную функцию; их решения носят организационно-рекомендательный характер, что соответствует консультативно-совещательной природе данного органа.

Прокуратура занимает центральное место в системе субъектов противодействия коррупции, выполняя одновременно функции надзора и координации. Согласно ч. 6 ст. 5 Закона № 273-ФЗ и ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [21], Генеральный прокурор РФ и подчинённые ему прокуроры координируют деятельность правоохранительных органов по борьбе с коррупцией. В системе прокуратуры созданы специализированные подразделения по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции, функции которых включают надзор за контролем расходов лиц, замещающих государственные должности, антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и их проектов, координацию правоохранительных органов и поддержание государственного обвинения [22].

Следственный комитет РФ в силу Федерального закона № 403-ФЗ [23] осуществляет предварительное следствие по большинству составов преступлений, предусмотренных гл. 30 УК РФ. ФСБ России обеспечивает оперативно-розыскное противодействие коррупционным проявлениям, посягающим на государственную безопасность. МВД России наделено широким кругом полномочий по выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных преступлений, не отнесённых к подследственности СК и ФСБ. Как показывают М. В. Костенников и А. В. Куракин [5; 6], значительная часть административно-правового обеспечения антикоррупционной деятельности в правоохранительных органах реализуется ведомственными нормативными актами, что вновь обращает внимание на проблему согласованности источников.

Счётная палата РФ в силу Федерального закона № 41-ФЗ [24] осуществляет противодействие коррупции в рамках государственного аудита, выявляя нарушения при расходовании бюджетных средств. Росфинмониторинг отслеживает сомнительные финансовые операции и участвует в международном антикоррупционном сотрудничестве. О. А. Борзунова обращает внимание на необходимость совершенствования правовых механизмов взаимодействия органов финансового контроля с правоохранительными структурами [25].

Согласно ч. 4 ст. 5 Закона № 273-ФЗ, региональные и муниципальные органы осуществляют противодействие коррупции в пределах своих полномочий. При этом, как указывают Т. Я. Хабриева, Л. В. Андриченко и А. М. Цирина [3], организационные модели противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации существенно различаются. Само по себе такое разнообразие закономерно и конституционно обоснованно: согласно ст. 77 Конституции РФ система органов государственной власти субъектов Российской Федерации устанавливается ими самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя и общими принципами организации органов государственной власти, установленными федеральным законом. Проблема, имеющая значение для вопроса источников, состоит не в организационном разнообразии как таковом, а в содержательной согласованности регионального нормотворчества с федеральным регулированием.

Институты гражданского общества и граждане участвуют в противодействии коррупции в формах, не связанных с реализацией властной компетенции: общественного контроля, антикоррупционной экспертизы с рекомендательным результатом, обращений и информирования. В. В. Астанин обосновывает необходимость развития информационно-аналитических форм такого участия [10; 11]. При этом, как будет показано далее, расширение участия общественности не предполагает наделения её властными полномочиями, поскольку это противоречило бы самой природе общественного контроля.

Обозначив круг субъектов и их характеристику, рассмотрим актуальные проблемы в исследуемой сфере. Как представляется, центральной проблемой является нормативный пробел: ни Закон № 273-ФЗ, ни иной федеральный закон не содержат определения понятия «субъект противодействия коррупции» и не разграничивают субъектов, наделённых властной компетенцией, и иных участников антикоррупционной деятельности. Поскольку именно властные субъекты обладают нормотворческими полномочиями, отсутствие их чёткого нормативного выделения затрудняет систематизацию источников антикоррупционного права и оценку их согласованности. На необходимость восполнения данного пробела применительно к отдельным группам субъектов указывают А. М. Цирин [15], Т. Я. Хабриева [2] и А. В. Куракин [4].

Так, система источников антикоррупционного права формируется субъектами трёх уровней публичной власти, а также в порядке ведомственного нормотворчества. Однако пределы нормотворческих полномочий этих субъектов, особенно соотношение федерального, регионального и ведомственного регулирования, в Законе № 273-ФЗ обозначены лишь в общем виде. Это создаёт риск как пробелов, так и избыточного дублирования регулирования одних и тех же отношений актами различной юридической силы. Данная проблема непосредственно относится к предмету исследования источников антикоррупционного права и требует дальнейшей разработки.

Как отмечалось, организационное разнообразие региональных моделей конституционно обосновано и само по себе не является дефектом. Вместе с тем проблемой выступает содержательная рассогласованность: воспроизведение в региональных актах федеральных норм без учёта региональной специфики, с одной стороны, и расхождения в регулировании сходных отношений — с другой.Анализ регионального законодательства [3] показывает, что согласованность достигается не всегда, что снижает действенность правового регулирования. Как представляется, сейчас преодоление этой рассогласованности относится к компетенции прокуратуры и судов, осуществляющих надзор за соответствием региональных актов федеральному законодательству, однако едва ли такую модель можно назвать гармоничной.

Часть антикоррупционных процедур, прежде всего профилактических, осуществляется без детального закрепления в нормативных актах, регламентирующих порядок их совершения. Под такими актами понимаются как административные регламенты, утверждаемые в установленном порядке федеральными органами исполнительной власти, так и ведомственные порядки осуществления соответствующих процедур. Их неполнота снижает прозрачность процедур и затрудняет прокурорский надзор за соблюдением установленных требований. А. В. Куракин и М. В. Костенников обосновывают необходимость более полного нормативного закрепления антикоррупционных процедур [5; 6], что также относится к проблематике источников антикоррупционного права.

И, наконец, правовое положение институтов гражданского общества и граждан как участников антикоррупционной деятельности урегулировано фрагментарно. При этом речь идёт не о наделении их властными полномочиями — что противоречило бы природе общественного контроля и фактически растворило бы общественные институты в системе государственных органов, — а о более определённом закреплении их прав в рамках именно общественного, а не властного участия: права на получение информации, на рассмотрение результатов общественного контроля, на проведение антикоррупционной экспертизы с рекомендательным результатом.

На основании выявленных проблем автор формулирует следующие предложения по совершенствованию законодательства, ориентированные преимущественно на

упорядочение системы источников антикоррупционного права.

Первое. Дополнить Закон № 273-ФЗ статьёй, закрепляющей понятие «субъект противодействия коррупции» и разграничивающей субъектов противодействия коррупции, наделённых властной компетенцией (органы публичной власти, иные государственные органы, должностные лица), и иных участников антикоррупционной деятельности (институты гражданского общества, организации, граждане). Учитывая, что круг органов публичной власти динамичен, перечень субъектов следует строить не как исчерпывающий поимённый список, а через закрепление видовых категорий субъектов и признаков отнесения к ним.

Второе. Закрепить в Законе № 273-ФЗ общие принципы разграничения нормотворческих полномочий субъектов противодействия коррупции по уровням публичной власти и видам нормативных правовых актов.

Третье. Усовершенствовать нормативное закрепление антикоррупционных процедур, в том числе профилактических, посредством принятия типовых порядков (регламентов) их осуществления уполномоченными органами; это обеспечит единообразие процедур и создаст основу для прокурорского надзора за их соблюдением, не затрагивая при этом самостоятельности субъектов в пределах их компетенции.

Четвёртое. Уточнить в Законе № 273-ФЗ права институтов гражданского общества, организаций и граждан как участников антикоррупционной деятельности в рамках общественного, а не властного участия: право на получение антикоррупционно значимой информации, на обязательное рассмотрение органами власти результатов общественного контроля и общественной антикоррупционной экспертизы при сохранении их рекомендательного характера. Данное предложение не предполагает наделения общественных институтов и граждан властными полномочиями и не изменяет рекомендательной природы их участия.

Реализация изложенных предложений позволит, не нарушая конституционных основ разграничения полномочий и природы общественного контроля, упорядочить как субъектный состав противодействия коррупции, так и формируемую этими субъектами систему источников антикоррупционного права.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, административно-правовой статус субъекта противодействия коррупции обладает производно-комплексным характером: специальный антикоррупционный блок норм встраивается в базовый статус соответствующего органа публичной власти, дополняя и уточняя его, причём особое значение имеет нормотворческий элемент компетенции, через который формируется система источников антикоррупционного права.

Во-вторых, необходимо разграничивать субъектов противодействия коррупции, обладающих властной компетенцией, и иных участников антикоррупционной деятельности — институты гражданского общества, организации и граждан, властной компетенцией не наделённых; смешение этих категорий, допускаемое действующим законодательством, является источником теоретических и практических затруднений.

В-третьих, к числу проблем, имеющих непосредственное значение для системы источников антикоррупционного права, относятся отсутствие нормативного разграничения субъектов, недостаточная определённость в разграничении нормотворческих полномочий, содержательная рассогласованность регионального и федерального нормотворчества и неполнота регламентного регулирования антикоррупционных процедур.

В-четвёртых, решение указанных проблем требует системных законодательных мер: закрепления в Законе № 273-ФЗ понятия субъекта и разграничения субъектов и участников, установления общих принципов разграничения нормотворческих полномочий и совершенствования регламентного обеспечения антикоррупционных процедур.

Установление круга субъектов, наделённых полномочиями принимать нормативные правовые акты о противодействии коррупции, и разграничение их нормотворческих полномочий, как представляется, составляют необходимое условие для дальнейшего исследования системы источников административно-правового регулирования противодействия коррупции.

Литература

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228 (с изм. и доп.).
2. Хабриева Т. Я. Коррупция и право: доктринальные подходы к постановке проблемы // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 5–17.
3. Организационно-правовые механизмы противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации: монография / Т. Я. Хабриева, Л. В. Андриченко, А. М. Цирин [и др.]. М.: ИЗиСП; ИНФРА-М, 2021. 224 с.
4. Куракин А. В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. Люберцы, 2008. 516 с.
5. Куракин А. В. Предмет административно-правового регулирования в механизме противодействия коррупции в полиции. Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. 212 с.
6. Костенников М. В., Куракин А. В. Административно-правовое регулирование обеспечения собственной безопасности и противодействия коррупции в органах внутренних дел // Административное и муниципальное право. 2011. № 1. С. 14–22.
7. Чаннов С. Е. Может ли коррупционное правонарушение быть малозначительным? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10. С. 2197–2203.
8. Пресняков М. В., Чаннов С. Е. Реестр лиц, уволенных с государственной и муниципальной службы в связи с утратой доверия: вопросы эффективности // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 168–183.
9. Охотский Е. В. Противодействие коррупции: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2020. 362 с.
10. Астанин В. В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. 296 с.
11. Астанин В. В. Противодействие коррупции и предупреждение коррупционных рисков в деятельности государственных служащих: учебное пособие. М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2011. 148 с.
12. Игнатюк Н. А. Компетенция федеральных министерств Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2003. 176 с.
13. Тихомиров Ю. А. Теория компетенции. М.: Юринформцентр, 2001. 355 с.
14. Тихомиров Ю. А. Систематика в праве в условиях глобальной нестабильности // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 5. С. 5–18.
15. Цирин А. М. Предупреждение коррупции: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 106–114.
16. Цирин А. М. Антикоррупционные инструменты и их применение в федеральных органах исполнительной власти // Журнал российского права. 2009. № 2. С. 12–21.

17. Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 г. № 410-V «О противодействии коррупции» // Казахстанская правда. 2015. 19 нояб.

18. Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 15. Ст. 1277 (с изм. и доп.).

19. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4213.

20. Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // СЗ РФ. 2021. № 34. Ст. 6170.

21. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472 (с изм. и доп.).

22. Кудашкин А. В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика: научно-практическое пособие. М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. 368 с.

23. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15 (с изм. и доп.).

24. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счётной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1649 (с изм. и доп.).

25. Борзунова О. А. К вопросу об эффективности государственного финансового контроля // Налоги. 2017. № 1. С. 12–17.

Administrative and legal status of subjects of corruption counteraction: actual problems of theory and legal regulation

Ikim L.S.
Synergy University

The article is devoted to the study of the administrative and legal status of the subjects of anti-corruption activities in the Russian Federation. Based on a systematic analysis of the current legislation, primarily the Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008, "On Anti-Corruption," as well as the doctrinal positions of leading scholars in the field of administrative and anti-corruption law, the article reveals the absence of a legally defined concept of "subject of anti-corruption activities," substantiates the author's approach to its definition, and proposes a distinction between the subjects of anti-corruption activities with authority and other participants in anti-corruption activities. Special attention is paid to those aspects of the administrative and legal status of subjects that are directly related to the system of sources of administrative and legal regulation: the delineation of norm-setting powers and the completeness of subordinate regulatory regulation of anti-corruption procedures.

Keywords: anti-corruption, anti-corruption subject, administrative and legal status, competence, coordination, civil society institutions, sources of administrative and legal regulation.

References

1. Federal Law No. 273-FZ of 25 December 2008 “On Combating Corruption” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52 (Part I). Art. 6228 (as amended).
2. Khabrieva, T. Ya. Corruption and Law: Doctrinal Approaches to Problem Statement // Journal of Russian Law. 2012. No. 6. P. 5–17.
3. Organizational and Legal Mechanisms for Combating Corruption in the Constituent Entities of the Russian Federation: Monograph / T. Ya. Khabrieva, L. V. Andrichenko, A. M. Tsirin et al. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law; INFRA-M, 2021. 224 p.
4. Kurakin, A. V. Administrative and Legal Means of Preventing and Suppressing Corruption in the Public Service System of the Russian Federation: Dissertation … Doctor of Legal Sciences. Lyubertsy, 2008. 516 p.
5. Kurakin, A. V. The Subject of Administrative and Legal Regulation in the Mechanism of Combating Corruption in the Police. Domodedovo: Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 212 p.
6. Kostennikov, M. V., Kurakin, A. V. Administrative and Legal Regulation of Ensuring Internal Security and Combating Corruption in Law Enforcement Bodies // Administrative and Municipal Law. 2011. No. 1. P. 14–22.
7. Channov, S. E. Can a Corruption Offense Be Minor? // Actual Problems of Russian Law. 2014. No. 10. P. 2197–2203.
8. Presnyakov, M. V., Channov, S. E. Register of Persons Dismissed from State and Municipal Service Due to Loss of Trust: Issues of Effectiveness // Journal of Russian Law. 2020. No. 10. P. 168–183.
9. Okhotsky, E. V. Combating Corruption: Textbook and Workbook for Academic Bachelor’s Programs. Moscow: Yurayt, 2020. 362 p.
10. Astanin, V. V. Anti-Corruption Policy of Russia: Criminological Aspects: Monograph. Moscow: UNITY-DANA: Law and Justice, 2009. 296 p.
11. Astanin, V. V. Combating Corruption and Preventing Corruption Risks in the Activities of Public Servants: Study Guide. Moscow: MGIMO University, 2011. 148 p.
12. Ignatyuk, N. A. Competence of Federal Ministries of the Russian Federation. Moscow: Yustitsinform, 2003. 176 p.
13. Tikhomirov, Yu. A. Theory of Competence. Moscow: Yurinformtsentr, 2001. 355 p.
14. Tikhomirov, Yu. A. Systematics in Law under Conditions of Global Instability // Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26. No. 5. P. 5–18.
15. Tsirin, A. M. Prevention of Corruption: Problems and Prospects // Journal of Russian Law. 2016. No. 12. P. 106–114.
16. Tsirin, A. M. Anti-Corruption Tools and Their Application in Federal Executive Bodies // Journal of Russian Law. 2009. No. 2. P. 12–21.
17. Law of the Republic of Kazakhstan No. 410-V of 18 November 2015 “On Combating Corruption” // Kazakhstanskaya Pravda. 2015. 19 November.
18. Federal Law No. 32-FZ of 4 April 2005 “On the Public Chamber of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 15. Art. 1277 (as amended).
19. Federal Law No. 212-FZ of 21 July 2014 “On the Fundamentals of Public Oversight in the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 30 (Part I). Art. 4213.
20. Decree of the President of the Russian Federation No. 478 of 16 August 2021 “On the National Anti-Corruption Plan for 2021–2024” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 34. Art. 6170.
21. Federal Law No. 2202-I of 17 January 1992 “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 47. Art. 4472 (as amended).
22. Kudashkin, A. V. Anti-Corruption Expertise: Theory and Practice: Scientific and Practical Guide. Moscow: Norma; INFRA-M, 2012. 368 p.
23. Federal Law No. 403-FZ of 28 December 2010 “On the Investigative Committee of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 1. Art. 15 (as amended).
24. Federal Law No. 41-FZ of 5 April 2013 “On the Accounts Chamber of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 14. Art. 1649 (as amended).
25. Borzunova, O. A. On the Issue of Effectiveness of State Financial Control // Taxes. 2017. No. 1. P. 12–17

Актуальные вопросы социального обеспечения работников железнодорожного транспорта, регламентированные коллективным договором (правовое регулирование и практика применения социальных гарантий)

Коновалов Геннадий Владимирович
аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»; преподаватель дисциплин профессионального цикла, Уральский колледж недвижимости и управления»; Уральский железнодорожный техникум, masyok@list.ru

Социальное обеспечение работников железнодорожного транспорта носит стратегический характер для устойчивости отрасли и социальной стабильности: специфика труда, связанного с непрерывными производственными процессами, повышенными рисками и повышенной зависимостью качества инфраструктуры от человеческого фактора, обуславливает необходимость устойчивых механизмов защиты социальных рисков. В этой связи коллективный договор выступает не только инструментом согласования интересов сторон, но и юридико-техническим способом конкретизации гарантий социальной защиты на уровне работодателя, что в практике позволяет переводить общие положения законодательства в исполнимые обязательства по предоставлению выплат, льгот и компенсаций [10].

Трудовой кодекс РФ квалифицирует коллективный договор как элемент социального партнерства и закрепляет правовые возможности индивидуального и коллективного регулирования трудовых отношений через механизм социального партнерства, включая установление правовых гарантий для сторон [2]. Тем самым правовая природа коллективного договора предполагает баланс между диспозитивностью локального регулирования и необходимостью соблюдения императивных требований закона при установлении социально значимых предоставлений. Для железнодорожной отрасли это имеет особую практическую значимость: социальные гарантии должны быть одновременно адресными (учитывать категориальные особенности персонала) и юридически определёнными (чтобы работник мог реализовать право без неопределённости процедур).

Целевое значение социального обеспечения проявляется и в содержательной структуре коллективных договоров: как правило, стороны включают показатели премирования и системы доплат/надбавок, меры медицинского страхования, предоставление займов на обучение и иные поощрения и льготы, поскольку подобные элементы позволяют удерживать квалифицированных специалистов и снижать текучесть кадров [1]. Следовательно, коллективно-договорное регулирование выполняет не только охранительную, но и организационно-управленческую функцию: формирует предсказуемость расходов на персонал, упорядочивает систему оплаты труда и, одновременно, обеспечивает социальную поддержку.

Актуальность исследования определяется пересечением отраслевой специфики труда и институциональной роли коллективного договора как юридического инструмента конкретизации социальной защиты. Цель статьи — обеспечить строгий юридический и практико-ориентированный анализ, позволяющий определить, какие именно элементы социального обеспечения, закреплённые коллективными договорами, наиболее уязвимы к проблемам правоприменения и какие направления совершенствования должны быть предложены в логике согласования норм и механизмов исполнения.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, социальное партнерство, трудовые гарантии, коллективно-договорное регулирование, трудовые конфликты.

В социальном обеспечении работников железнодорожного транспорта на первый план выходят проблемы правовой определенности и исполнимости социальных гарантий, закрепляемых коллективным договором. Даже при наличии в коллективном договоре перечней льгот и компенсаций социальная гарантия фактически реализуется через совокупность юридически значимых условий: наличие основания предоставления, соблюдение процедуры обращения, документальное подтверждение и соблюдение сроков. В случае дефектов в любой из этих составляющих возникает риск формализации договорных обязательств —когда право работника декларируется, но не преобразуется в своевременное предоставление.

Одновременно сохраняется проблематика распределения компетенций между трудовым законодательством, императивными нормами социального обеспечения и локальным уровнем регулирования. Коллективный договор строится как система социального партнерства, предполагающая участие представителей работников в регулировании условий труда и социальной поддержки [3]. Однако на практике нередко возникает рассогласование: локальные положения могут быть недостаточно детализированы либо, напротив, выходить за допустимые пределы локального нормотворчества, что снижает устойчивость правоприменения и повышает вероятность споров о природе и содержании обязательств работодателя.

Отдельного внимания требует вопрос содержания коллективно-договорных гарантий в части социальных расходов и их управляемости. В правовых механизмах коллективного договора присутствует корреляция между целями упорядочения оплаты труда и обеспечением социальной защиты: стороны предусматривают показатели премирования, системы доплат и надбавок, а также медицинское страхование, займы на обучение и иные поощрения и льготы [1]. При этом научная и практическая проблема состоит в том, что финансово-организационная логика (планирование расходов, критерии премирования, условия предоставления займов) должна быть юридически «сшита» с гарантийными условиями так, чтобы право работника не зависело от произвольного усмотрения должностных лиц.

Еще одна системная проблема связана с тем, что коллективный договор как соглашение работников и работодателя, регулирующее трудовые и социальные отношения, должен обеспечивать баланс интересов и предсказуемость для обеих сторон [6]. На отраслевом уровне это усложняется масштабом коллектива и неоднородностью структурных подразделений. В результате могут различаться фактические практики применения социальных гарантий, что порождает риски диспропорций в доступности льгот и различий в оценке юридических условий предоставления.

Научная новизна предлагаемого исследования заключается в комплексном правовом и практическом рассмотрении коллективно-договорного регулирования социальных гарантий работников железнодорожного транспорта: предметом анализа выступают не только сами гарантии как элементы текста договора, но и их реализационная инфраструктура (процедуры, критерии, подтверждение оснований, контроль исполнения). В рамках правовой док-

трины коллективный договор рассматривается как специфический результат социально-партнерских отношений, обладающий регулятивным эффектом и требующий учета особенностей правового регулирования договора в системе социального партнерства [4]. Следовательно, научный фокус смещается от формального описания гарантий к исследованию того, каким образом коллективный договор функционирует как механизм обеспечения социальной защиты в юридической действительности.

Предлагаемая постановка задачи позволяет обосновать практическую значимость результатов: выявленные юридические причины дисфункций договорных гарантий могут быть преобразованы в критерии оценки качества коллективно-договорного регулирования и в методические предложения по стандартизации процедур предоставления социальных гарантий. В итоге исследование формирует научную основу для совершенствования договорной модели социальной защиты работников железнодорожного транспорта с опорой на правовую природу коллективного договора как инструмента социального партнерства и на необходимость обеспечения фактической реализуемости обязательств.

Нормативный блок исследования включает, во-первых, трудовое законодательство РФ как источник правил о коллективно-договорном регулировании и социальном партнерстве [3]. Во-вторых, отраслевые акты, определяющие минимально-унифицированные принципы социально-трудовых отношений в отрасли. Так, в работе задействуется отраслевое тарифное соглашение как правовой акт, устанавливающий общие принципы регулирования социально-трудовых отношений, а также задающий рамочные ориентиры по экономическим и социальным гарантиям работникам отрасли [9,7]. Использование этих документов позволяет анализировать, какие элементы социальной защиты целесообразно «поднимать» на уровень соглашения, а какие — конкретизировать в коллективных договорах работодателей.

Ключевым массивом эмпирических данных выступают коллективные договоры организаций железнодорожной отрасли, содержащие перечни социальных гарантий, льгот и компенсаций, а также положения о росте благосостояния и повышении уровня социальной защиты работников [10]. В качестве базового документа рассматривается действующий коллективный договор ОАО «РЖД» на 2023–2026 годы, который фиксирует содержание предусмотренных договором социальных гарантий и механизмов их предоставления. Систематизация указанных положений осуществляется по тематическим блокам (выплаты, компенсации, социальные льготы и услуги), что обеспечивает сопоставимость правовых конструкций внутри договорной практики.

Современное правовое регулирование социальных гарантий работников железнодорожного транспорта формируется как многоуровневая система: базовые императивы задаются трудовым законодательством, конкретизация осуществляется посредством институтов социального партнерства (коллективный договор и соглашения), а отраслевые гарантии получают дополнительную детализацию в правоприменительных практиках организаций. Нормативная архитектура предполагает, что социальные гарантии не сводятся к общим декларациям, а приобретают юридическую определенность через согласование условий и их закрепление в договорных источниках [3].

Центральное место в системе занимает Трудовой кодекс РФ, который определяет формы социального партнерства и тем самым задает «процедурный каркас» закрепления социальных гарантий. Социальное партнерство осуществляется, в частности, через коллективные переговоры по подготовке проектов коллективных договоров и их заключению, а также через взаимные консультации по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, включая обеспечение гарантий трудовых прав работников [3]. Это принципиально важно для социального обеспечения отраслевых категорий работников, поскольку правовое содержание социальных гарантий во многом зависит от того, как выстроены переговорные процедуры, какие вопросы признаются предметом договорного регулирования и как сторонами обеспечивается достижение согласованных условий.

Вторым значимым блоком правового регулирования выступают соглашения различных уровней, прежде всего отраслевые. Трудовой кодекс РФ закрепляет, что отраслевое (межотраслевое) соглашение устанавливает общие условия оплаты труда, гарантии, компенсации и льготы работникам отрасли [8]. Для железнодорожного транспорта это означает, что социальные гарантии могут быть унифицированы на уровне отрасли: например, предусмотреть общие ориентиры по составу гарантий для работников, а уже в коллективных договорах организаций — детализировать условия предоставления, адресность и процедурные требования.

Особую роль в отраслевом регулировании играют действующие и планируемые отраслевые соглашения по организациям железнодорожного транспорта, которые включают социальные положения, ориентированные на разные категории работников. Так, в материалах отраслевого соглашения по организациям железнодорожного транспорта на 2026–2028 годы указаны социальные гарантии, компенсации и льготы неработающих пенсионеров, которыми признаются лица, уволенные в связи с выходом на пенсию из организаций отрасли [12]. Нормативная значимость таких положений состоит в том, что социальное обеспечение выходит за пределы только действующих работников и закрепляет преемственность гарантий, что требует особого юридико-процедурного механизма подтверждения статуса и оснований предоставления.

Коллективный договор в рассматриваемом контексте выступает юридическим механизмом конкретизации гарантий, определяя, какие именно виды выплат, льгот и компенсаций подлежат предоставлению и в каком порядке. В рамках социального партнерства коллективный договор используется как средство регулирования соответствующих вопросов социальной защиты работников, включая организационное оформление ключевых условий труда и социальных предоставлений [5]. Для целей правового анализа это означает необходимость рассматривать не только текст императивных норм, но и юридическую технику договорной конкретизации: формулировки условий предоставления, распределение обязанностей работодателя, способы подтверждения фактов (например, стаж, статус работника, основания события), а также согласование процедур обращения за гарантиями.

Следовательно, правовое регулирование социальных гарантий работников железнодорожного транспорта следует анализировать как совокупность взаимосвязанных источников: общие гарантии задаются в рамках трудового законодательства и отраслевых соглашений, а коллективный договор обеспечивает конкретизацию и исполнимость обязательств на уровне конкретной организации. Данный подход позволяет перейти к оценке практики применения коллективных договоров, то есть к вопросу о том, как договорные нормы реализуются в фактических процедурах и насколько они обеспечивают доступность и своевременность социальных предоставлений.

Практика применения коллективных договоров в железнодорожной отрасли демонстрирует, что эффективность социальных гарантий определяется не только их

наличием в тексте, но и фактическим обеспечением ресурсами, организационным сопровождением и процедурной определённостью предоставлений. На эмпирическом уровне обращает на себя внимание масштаб социального обеспечения, который подтверждается фактическими данными о выполнении обязательств. Так, социальные гарантии работников Октябрьской железной дороги в I полугодии 2022 года обеспечены в объеме 5,2 млрд. руб. [14]. Указанная величина позволяет рассматривать договорные обязательства как реальный компонент производственной и кадровой политики, а не исключительно декларативный элемент.

Показательно, что в коллективных гарантиях существенную долю занимают льготы, связанные с транспортной доступностью и социальными поездками. В частности, фиксируются детализированные условия проезда по личным надобностям по территории Российской Федерации в поездах дальнего следования разных категорий, а также положения о проезде в пригородном сообщении [13]. С точки зрения юридической исполнимости подобные конструкции повышают предсказуемость для работника, поскольку право определяется через параметры (категории, частота, территория), а не через общие формулы.

Важным индикатором эффективности выступает наличие «минимального индивидуального социального пакета» и закрепление перечня льгот, предоставляемых в рамках корпоративной модели социальной поддержки. В материалах о социальных гарантиях работников ОАО «РЖД» упоминается, что минимальный индивидуальный социальный пакет включает бесплатный проезд на железнодорожном транспорте на поездах дальнего следования [11]. Такой подход способствует унификации ожиданий работников и сокращает вариативность исполнения на уровне подразделений, что повышает юридическое равенство доступа к гарантиям при соблюдении единых условий.

Одновременно практика выявляет типовые проблемные зоны, характерные для коллективно-договорного регулирования в крупных системах. Во-первых, риски неодинакового фактического применения норм возникают при различной развитости инфраструктуры и различиях в обеспечении документооборота, что отражается на оперативности подтверждения оснований предоставления. Во-вторых, существенное значение имеет корректность трактовки условий и взаимодействия подразделений работодателя при администрировании социальных льгот. В-третьих, часть социальных предоставлений требует согласования с медицинскими и иными документами, что усложняет процедуру и повышает вероятность отказов при формальных недочётах.

Данные о социальной поддержке позволяют оценивать динамику и структуру предоставлений, что необходимо для обсуждения эффективности. Так, представленные сведения о социальном обеспечении по различным категориям работников содержат численные показатели за 2022–2025 годы, включая направления, такие как проезд по личным надобностям от места жительства до места работы, учебы и обратно, а также от места жительства до места лечения и обратно [15]. На основании таких рядов возможно анализировать не только предоставлений, но и смещение приоритетов внутри системы гарантий, что является существенным для понимания практической «настройки» коллективно-договорной политики.

Успешные практики, выявляемые в рамках эмпирического анализа, связаны с тем, что коллективные договоры формируют понятные для работников «правила получения» льгот: определяются основания, адресность и параметры предоставления, а также обеспечивается устойчивое администрирование соответствующих выплат и услуг. При этом юридическая эффективность проявляется через снижение конфликтности и повышение доверия работников к механизму социального обеспечения, особенно когда нормы договора доведены до сведения персонала и исполняются в установленные сроки.

Таким образом, практика применения коллективных договоров в железнодорожной отрасли характеризуется сочетанием ресурсной обеспеченности (что подтверждается объемами социальных гарантий) и содержательной детальности льготных режимов. Ключевые проблемы связаны с процедурной вариативностью исполнения и администрированием сложных категорий предоставлений.

Проведённое исследование позволило установить, что социальное обеспечение работников железнодорожного транспорта, будучи закреплённым в системе нормативных и договорных источников, реализуется через взаимодействие императивных требований трудового законодательства и конкретизаций, предусмотренных коллективными договорами. Юридическая логика функционирования социальных гарантий выражается в том, что коллективно-договорный уровень не подменяет закон, а обеспечивает адресность и процедурную исполнимость гарантий в рамках социального партнерства. В результате эффективность социальной защиты зависит от согласованности договорных формулировок с рамочными правилами и от качества администрирования предоставлений.

Обобщая результаты, можно сформулировать итоговые выводы исследования следующим образом:

— эффективность социального обеспечения работников железнодорожного транспорта определяется согласованностью правовых уровней — от социального партнерства до конкретных договорных процедур;

— коллективный договор выступает ключевым инструментом превращения социальных гарантий в юридически исполнимые права;

— практическая реализуемость зависит от ресурсообеспечения и процедурной определенности;

— направления совершенствования сводятся к стандартизации механизмов исполнения, унификации администрирования и правовому сопровождению изменений параметров социальных выплат.

На этой основе в дальнейшем целесообразно сформулировать предложения по оптимизации коллективно-договорной модели, ориентированной на снижение правовой неопределенности и повышение фактической доступности социальных гарантий.

Литература

1. 5.pdf https://sysola-r11.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/202/2525/5.pdf

2. Коллективный договор как система регулирования взаимоотношений общества и его работников - Статьи Moscow Business School | МБШ (Московская Бизнес Школа) https://mbschool.ru/faq/articles/51789/

3. ТК РФ Статья 27. Формы социального партнерства \ КонсультантПлюс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/e56de5e5125faeb32a87f9d32dba68e9e776ec06/

4. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОГО ДОГОВОРА В РАМКАХ СОЦИАЛЬНО-ПАРТНЁРСКИХ ОТНОШЕНИЙ – тема научной статьи по праву https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-kollektivnogo-dogovora-v-ramkah-sotsialno-partnyorskih-otnosheniy

5. Коллективный договор как форма социального партнерства. - Министерство труда и социального развития Республики Дагестан https://dagmintrud.ru/news/kollektivnyy-dogovor-kak-forma-sotsialnogo-partnerstva-17481

6. Коллективный договор (ст. 40 ТК РФ) - Московская городская коллегия адвокатов

https://advokat15ak.ru/%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80-%D1%81%D1%82-40-%D1%82%D0%BA-%D1%80%D1%84/

7. [DOC] ОТРАСЛЕВОЕ ТАРИФНОЕ СОГЛАШЕНИЕ https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/cfe87bbe-1500960520.doc

8. ТК РФ Статья 45. Соглашение. Виды соглашений \ КонсультантПлюс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/4a75ab12319ef75073ca2707e0ecee3f7aaf696c/

9. Отраслевое тарифное соглашение https://rspp.ru/12/4552.pdf

10. Коллективный договор ОАО "РЖД" на 2020-2022 годы https://dprof.ru/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%20%D0%9E%D0%90%D0%9E%20%D0%A0%D0%96%D0%94%20%D0%BD%D0%B0%202020-2022%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%8B.pdf

11. Социальные гарантии работников ОАО «РЖД» в вопросах https://mzd.rzd.ru/api/media/resources/c/27/121/13742?action=download

12. Отраслевое соглашение по организациям железнодорожного транспорта на 2026 - 2028 годы (28 августа 2025 г.) (документ не вступил в силу) | ГАРАНТ https://base.garant.ru/412756819/

13. Социальные гарантии, компенсации и льготы работников \ КонсультантПлюс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335142/dc9b3165675320dda10852b040bd1d3b4e92e2a2/

14. Социальные гарантии работников Октябрьской железной дороги https://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/news/sotsialnye-garantii-rabotnikov-oktyabrskoy-zheleznoy-dorogi-v-pervom-polugodii-2022-goda-obespecheny/

15. Социальная поддержка https://sr2023.rzd.ru/pdf/csr/ru/social-aspect_social-personnel-policy_social-support.pdf

Current issues of social security for railway transport workers, regulated by the collective agreement (legal regulation and practice of applying social guarantees)

Konovalov G.V.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Ural College of Real Estate and Management, Ural Railway Technical School

Social security of railway transport workers is of a strategic nature for the sustainability of the industry and social stability: the specifics of work associated with continuous production processes, increased risks and increased dependence of infrastructure quality on the human factor necessitate sustainable mechanisms to protect social risks. In this regard, the collective agreement acts not only as a tool for coordinating the interests of the parties, but also as a legal and technical way to specify guarantees of social protection at the employer's level, which in practice allows translating the general provisions of legislation into enforceable obligations to provide payments, benefits and compensations [10].

The Labor Code of the Russian Federation qualifies a collective agreement as an element of social partnership and establishes the legal possibilities of individual and collective regulation of labor relations through the mechanism of social partnership, including the establishment of legal guarantees for the parties [2]. Thus, the legal nature of the collective agreement presupposes a balance between the dispositivity of local regulation and the need to comply with the imperative requirements of the law when establishing socially significant grants. This is of particular practical importance for the railway industry: social guarantees must be both targeted (take into account the categorical characteristics of the staff) and legally defined (so that the employee can exercise the right without uncertainty of procedures).

The target value of social security is also reflected in the content structure of collective agreements: as a rule, the parties include bonus indicators and systems of additional payments/allowances, health insurance measures, loans for training and other incentives and benefits, since such elements allow retaining qualified specialists and reducing staff turnover [1]. Consequently, collective bargaining performs not only a protective, but also an organizational and managerial function: it creates predictability of personnel costs, regulates the remuneration system and, at the same time, provides social support.

The relevance of the research is determined by the intersection of the sectoral specifics of labor and the institutional role of the collective agreement as a legal instrument for specifying social protection. The purpose of the article is to provide a rigorous legal and practice—oriented analysis, which makes it possible to determine which elements of social security, fixed by collective agreements, are most vulnerable to law enforcement problems and which areas of improvement should be proposed in the logic of harmonization of norms and enforcement mechanisms.

Keywords: railway transport, social partnership, labor guarantees, collective agreement regulation, labor conflicts.

References

1. 5.pdf https://sysola-r11.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/202/2525/5.pdf
2. Collective agreement as a system for regulating the relationship between society and its employees - Articles by Moscow Business School | MBSH (Moscow Business School) https://mbschool.ru/faq/articles/51789/
3. Labor Code of the Russian Federation Article 27. Forms of social partnership \ ConsultantPlus https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/e56de5e5125faeb32a87f9d32dba68e9e776ec06/
4. THE LEGAL REGULATION OF THE COLLECTIVE AGREEMENT IN THE FRAMEWORK OF SOCIAL PARTNERSHIP RELATIONS is the topic of a scientific article on law https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-kollektivnogo-dogovora-v-ramkah-sotsialno-partnyorskih-otnosheniy
5. Collective agreement as a form of social partnership. - Ministry of Labor and Social Development of the Republic of Dagestan https://dagmintrud.ru/news/kollektivnyy-dogovor-kak-forma-sotsialnogo-partnerstva-17481
6. Collective agreement (Article 40 of the Labor Code of the Russian Federation) - Moscow City Bar Association https://advokat15ak.ru/%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80-%D1%81%D1%82-40-%D1%82%D0%BA-%D1%80%D1%84/
7. [DOC] INDUSTRY TARIFF AGREEMENT https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/cfe87bbe-1500960520.doc
8. Labor Code of the Russian Federation Article 45. Agreement. Types of agreements \ ConsultantPlus https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/4a75ab12319ef75073ca2707e0ecee3f7aaf696c/
9. Industry tariff agreement https://rspp.ru/12/4552.pdf
10. Russian Railways Collective Agreement for 2020-2022 https://dprof.ru/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%20%D0%9E%D0%90%D0%9E%20%D0%A0%D0%96%D0%94%20%D0%BD%D0%B0%202020-2022%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%8B.pdf
11. Social guarantees of Russian Railways employees in matters of https://mzd.rzd.ru/api/media/resources/c/27/121/13742?action=download
12. Sectoral Agreement on Railway Transport Organizations for 2026-2028 (August 28, 2025) (the document has not entered into force) | THE GUARANTOR https://base.garant.ru/412756819/
13. Social guarantees, compensations and benefits for employees \ ConsultantPlus https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335142/dc9b3165675320dda10852b040bd1d3b4e92e2a2/
14. Social guarantees for October Railway workers https://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/news/sotsialnye-garantii-rabotnikov-oktyabrskoy-zheleznoy-dorogi-v-pervom-polugodii-2022-goda-obespecheny/
15. Social support https://sr2023.rzd.ru/pdf/csr/ru/social-aspect_social-personnel-policy_social-support.pdf

Вопросы обеспечения кибербезопасности в сфере предпринимательской деятельности

Короткова Ольга Валерьевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, ovkorotkova@msal.ru

Статья посвящена анализу взаимосвязи кибербезопасности, экономической безопасности и предпринимательской активности в условиях структурной трансформации российской экономики. Целью исследования выступает выявление институциональных и функциональных противоречий, возникающих между государственным регулированием рисков и целями бизнеса в условиях киберугроз. Киберугрозы представляют проблему не только для крупных корпораций и правительств, но и для небольших компаний. Недавние исследования показали, что малый бизнес особенно сильно подвержен кибератакам и во многом из-за того, что не обладает ресурсами для эффективной защиты. В статье делается вывод, что кибербезопасность бизнеса – задача первостепенной важности, но текущий ландшафт угроз постоянно меняется, поэтому сориентироваться и понять, с чего начать, бывает непросто. Чтобы помочь вам, мы предлагаем ряд рекомендаций по защите малого бизнеса от киберугроз.
Ключевые слова: экономическая безопасность, кибербезопасность, кибератаки, предпринимательские риски, санкционное давление, импортозамещение, адаптационные стратегии бизнеса, государственное регулирование.

Анализ экономической безопасности в современной России показал, что кибербезопасность перестала быть опцией — это обязательное условие для выживания и устойчивого развития любого бизнеса. Для малого и среднего бизнеса кибератака всё чаще становится фатальным событием. В 2025 году почти половина атак на компании были успешными и приводили к сбоям, причём более 70% инцидентов были направлены на полное уничтожение или шифрование данных [2, С. 37-42].

Проблема сегодняшнего дня заключается в том, что существующие научные подходы зачастую рассматривают безопасность бизнеса либо с позиций государственного макрорегулирования, либо через призму корпоративного риск-менеджмента, оставляя за пределами анализа взаимопроникновение публичных и частных интересов в условиях новой реальности [9, С. 180-185].

В сложившихся экономических условиях важным становится анализ связи государственной политикой обеспечения экономической безопасности и возможностей защиты российского бизнеса от киберугроз.

Как отмечает в своих работах И.А. Иваненко экономическая безопасность интерпретируется первой через качественные характеристики институциональной среды, за счёт чего защищённость бизнеса рассматривается как функция от степени зрелости законодательной базы и формальных регуляторных норм [4, С. 96-102].

Недостаточная развитость институтов восполняется избыточным контрольно-надзорным давлением, а это определяет повышение трансакционных издержек бизнеса и последующее снижение деловой активности. Рискологическая школа рассматривает разрушение конкурентных преимуществ, финансовой неустойчивости, при условии того, что внешняя природа шоков не рассматривается.

При этом, подход «безопасность через развитие», в том случае, когда хозяйствующий субъект теряет право определяться как защищённый при условии того, что, стабильность его положения обеспечивается отказом от модернизационных процессов и сокращением доли рынка [8, С. 849-864]. Также, избыточное смещение в сторону протекционистских инструментов приводит к состоянию «стагнационная безопасность», когда номинальное устранение угроз неизбежно ведёт к деградации основных производственных фондов.

Трансформация российской экономики в 2022–2025 годах носит характер не временного кризиса, а глубинной структурной перестройки [10, С. 123]. Санкционное давление затронуло критически важные для бизнеса сферы, в том числе логистику, финансовые транзакции и доступ к критическим технологиям. В ответ на это предпринимательское сообщество продемонстрировало «вынужденное инноваторство», когда ограничения стимулируют не свёртывание деятельности, а поиск альтернативных бизнес-моделей [1, С. 41-50].

В системе обеспечения экономической безопасности сферы предпринимательской деятельности государственная политика в анализируемый период в основном опиралась на ужесточение нормативного поля в сфере персональных данных, критической информационной инфраструктуры и валютного контроля [5, С. 152]. Для корпоративного сектора это привело к росту отчётности и необходимостью содержания громоздких юридических подразделений.

Так, по мнению И.А. Иваненко сегодня сформировалась институциональная ловушка, при которой сформировалась высокая степень формальной защищённости [4, С. 96-102]. Бюрократизация антикризисных мер приводит к тому, что решение о внедрении новой технологической линии, содействующей усилению обеспечения кибербезопасности в сфере бизнеса откладывается из-за процедур согласования специальных разрешений.

Сегодня, в сложившихся экономических условиях требуется переход от жёсткой модели обеспечения безопасности к сервисной модели. Вместо наращивания количества запретов и штрафных санкций за их неисполнение регулятору целесообразно создавать инфраструктуру безопасности, доступную хозяйствующим субъектам на рыночных условиях. Это касается государственных центров мониторинга киберугроз, предоставляющих услуги бизнесу по подписке, что значительно экономит ресурсы отдельных предприятий [6, С. 52-57].

Современные кибератаки отличаются изощренностью и комплексным воздействием. Злоумышленники редко преследуют одну цель; чаще они стремятся нанести максимальный ущерб, сочетая кражу данных, шифрование систем и нарушение бизнес-процессов. На первый план выходят атаки через цепочки поставок, когда взлом менее защищенного подрядчика или поставщика услуг становится троянским конем для проникновения в более крупную компанию. Ожидается, что в 2026 году ярко проявятся тренды 2025-го: рост мощности и продолжительности DDoS-атак, а также увеличение доли целевых атак. Этот тренд подтверждается прогнозом Positive Technologies, согласно которому автоматизация и AI-модели делают сложные целенаправленные угрозы более доступными, постепенно стирая границу между массовыми и целевыми атаками, в том числе использующими уязвимости нулевого дня.

Кибератаки могут нанести ущерб вашим данным и оборудованию и привести к финансовым потерям. Кроме того, злоумышленники могут проникнуть в корпоративную сеть и использовать в преступных целях следующую информацию:

- списки клиентов;
- данные банковских карт клиентов;
- банковские реквизиты компании;
- структуры ценообразования;
- документация по разработке продуктов;
- планы развития бизнеса;
- описания производственных процессов;
- другие виды интеллектуальной собственности.

Такая атака ставит под угрозу не только вашу компанию. Злоумышленники могут использовать скомпрометированную сеть как ворота в сети других компаний, в цепочках поставок которых вы участвуете. В этих условиях необходимо:

1. Обучать сотрудников. Сотрудники могут сделать ваш бизнес уязвимым. Хотя точная статистика по странам и отраслям отличается, очевидно, что множество утечек данных происходят по вине сотрудников компаний, которые умышленно или просто по неосторожности предоставляют киберпреступникам доступ к корпоративным сетям.
2. Проводить оценку рисков. Оцените потенциальные риски, угрожающие безопасности сетей, систем и информации вашей компании. Определив и проанализировав возможные угрозы, вы сможете разработать план по устранению уязвимостей в системе безопасности. Проведя анализ и выявив потенциальные угрозы, используйте полученную информацию для разработки или уточнения своей стратегии безопасности. Регулярно пересматривайте и обновляйте стратегию.
3. Использовать антивирусное ПО.
4. Вовремя обновлять ПО. Как и антивирус, все рабочие программы необходимо поддерживать в актуальном состоянии. Поставщики программного обеспечения регулярно его обновляют, чтобы повысить эффективность или добавить исправления, устраняющие уязвимости. Необходимы резервные копии файлов
5. Проводить шифровку важной информации. Если компания регулярно имеет дело с данными банковских карт и счетов или другой конфиденциальной информацией, рекомендуется использовать программу, которая обеспечивает шифровку данных.
6. Защитить сеть.
7. Обновлять пароли.

Следует отметить, что по мере роста вашего бизнеса вам понадобятся услуги поставщика таких защитных решений, которые будут расти вместе с вами. Обратите внимание на компании, предлагающие полный ряд систем безопасности для бизнеса, в том числе и тех, которые могут потребоваться вам в будущем.

Еще большее значение кибербезопасность приобретает в условиях повсеместного перехода на удаленную работу. Многие небольшие компании постоянно используют облачные технологии и инструменты для проведения онлайн-собраний, рассылки рекламы, закупок и продаж, взаимодействия с клиентами и поставщиками и проведения банковских операций [7, С. 137]. Чтобы не допустить финансового и репутационного ущерба, данные и облачные системы необходимо защищать от несанкционированного доступа и утечек.

В современной России идёт формирование новой модели взаимосвязи экономической безопасности и бизнес деятельности [3, С. 25-27]. На государственном уровне необходимо институциональное признание компромисса «кибербезопасность – эффективность» как нормативного принципа. При проведении оценки регулирующего воздействия нормативных актов в сфере безопасности следует оценивать не только предотвращённый ущерб, но и упущенную выгоду бизнеса от внедрения ограничений и дополнительных требований.

Литература

1. Варнавский В. Г. Государственно-частное партнерство: некоторые вопросы теории и практики / В. Г. Варнавский // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 9.
2. Дарькина М.М., Короткова О.В. Правовое регулирование безопасности предпринимательской деятельности в условии цифровизации экономики: монография / О.В. Короткова, М.М. Дарькина. Москва: РУСАЙНС, 2025. 68 с.
3. Жариков А.А. Правовое регулирование безопасности предпринимательской деятельности: учебное пособие по специальности 40.05.04 (Судебная и прокурорская деятельность)/ А. А. Жариков.Вологда: Фонд развития филиала МГЮА имени О. Е. Кутафина в г. Вологде. 2020.
4. Иваненко И. А. «Институциональные ловушки» в странах с переходной экономикой / И. А. Иваненко // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2020. № 2 (68).
5. Короткова О.В. Отдельные вопросы противодействие легализации (отмыванию) денежных средств, направляемых на финансирование терроризма/ Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020.№2 (24).
6. Короткова О.В. Правовое регулирование безопасности предпринимательской деятельности: учебное пособие/ О.В. Короткова, М.: РУСАЙНС: 2022.
7. Короткова О.В. Особенности научного подхода в сфере обеспечения безопасности бизнеса//Современная

наука: актуальные проблемы теории и практики. 2022, № 7.

8. Митяков С. Н. Эмпирический анализ краткосрочных индикаторов экономической безопасности / С. Н. Митяков, Е. А. Назарова // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6, № 3.

9. Сугарова И. В. Управление рисками в системе экономической безопасности предприятия / И. В. Сугарова // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2025. Т. 32, № 3.

10. Эскиндаров М.А. Развитие предпринимательства: концепции, цифровые технологии, эффективная система: монография / под ред. М.А. Эскиндарова. 2-е изд. М.: Дашков и К, 2020. 605 с.

Issues of cybersecurity in the field of business activities

Korotkova O.V.
Law at the Kutafin Moscow State Law University

The article analyzes the relationship between cybersecurity, economic security, and entrepreneurial activity in the context of the structural transformation of the Russian economy. The goal of the study is to identify the institutional and functional contradictions that arise between government risk regulation and business goals in the face of cyber threats. Cyber threats pose a challenge not only for large corporations and governments, but also for small businesses. Recent studies have shown that small businesses are particularly vulnerable to cyberattacks, largely due to their lack of resources for effective protection. The article concludes that business cybersecurity is a top priority, but the current threat landscape is constantly changing, making it difficult to know where to start. To help you, we offer a set of recommendations for protecting small businesses from cyber threats.

Keywords: economic security, cybersecurity, cyberattacks, business risks, sanctions pressure, import substitution, business adaptation strategies, and government regulation.

References

1. Varnavsky, V. G. Public-Private Partnership: Some Issues of Theory and Practice / V. G. Varnavsky // World Economy and International Relations. – 2011. No. 9.
2. Darkina, M.M., Korotkova, O.V. Legal Regulation of Business Security in the Context of Digitalization of the Economy: A Monograph / O.V. Korotkova, M.M. Darkina. Moscow: RUSAYNS, 2025. 68 p.
3. Zharikov A.A. Legal regulation of business security: a textbook for the specialty 40.05.04 (Judicial and Prosecutorial Activity)/ A. A. Zharikov. Vologda: Development Fund of the Vologda Branch of the Kutafin Moscow State Law University. 2020.
4. Ivanenko I. A. "Institutional Traps" in Countries with Economies in Transition / I. A. Ivanenko // Scientific Notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University. – 2020. – No. 2 (68).
5. Korotkova O.V. Separate Issues of Countering the Legalization (Money Laundering) of Funds Used to Finance Terrorism./ Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2020. No. 2 (24).
6. Korotkova O.V. Legal Regulation of Business Security: A Study Guide/ O.V. Korotkova, Moscow: RUSAYNS: 2022. Pp. 58-61.
7. Korotkova O.V. Features of the Scientific Approach in the Field of Business Security//Modern Science: Current Issues of Theory and Practice. 2022, No. 7.
8. Mityakov S. N. Empirical Analysis of Short-Term Economic Security Indicators / S. N. Mityakov, E. A. Nazarova // Economic Security. – 2023. – Vol. 6, No. 3.
9. Sugarova I. V. Risk Management in the Economic Security System of an Enterprise / I. V. Sugarova // Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh). 2025. Vol. 32, No. 3.
10. Eskindarov M.A. Development of Entrepreneurship: Concepts, Digital Technologies, and an Effective System: Monograph / Ed. by M.A. Eskindarov. 2nd ed. Moscow: Dashkov i K, 2020. 605 p.

Квалификация газопроводов в качестве объектов недвижимости: анализ нормативного регулирования и судебной практики

Костерина Элина Валерьевна
аспирант, Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина»; заместитель начальника отдела ПАО «Газпром», elina2001@mail.ru

В статье рассматривается эволюция взглядов на определение термина «газопровод», анализируются определения отдельных видов газопроводов. Учитывая разнообразие газопроводов, неотражение дополнительных характеристик в определениях их видов (за исключением магистральных газопроводов) по сравнению с общим определением термина «газопровод», автор приходит к выводу, что на практике нередко возникают вопросы, является ли определенный газопровод недвижимостью.
Ошибочное решение указанного вопроса влечет возникновение ряда проблем, таких как неверный выбор типа договорных отношений при строительстве газопроводов, неоформление необходимых документов, получение отказа в регистрации права собственности на газопровод либо часть объектов, относящихся к нему, переквалификация объектов и др.
В связи с изложенным через призму разъяснений органов государственной власти и сложившейся судебной практики выделяются основные критерии, по которым в настоящее время производится оценка возможности признания того или иного газопровода недвижимой вещью.
Для минимизации рисков отказа в регистрации права собственности на газопровод либо часть объектов, относящихся к нему, а также переквалификация объектов рекомендуется на федеральном утвердить уровне классификатор объектов недвижимости в сфере газоснабжения.
Ключевые слова: газопровод, магистральный газопровод, линейное сооружение, недвижимая вещь, недвижимое имущество, недвижимость, невозможность перемещения, объект капитального строительства, разрешение на строительство, государственная регистрация права.

В настоящее время в нормативных правовых актах определение термина «газопровод» не закреплено.

При этом если рассматривать нормативные технические акты, можно проследить эволюцию взглядов на его определение.

В 2010 г. в третьем абзаце пункта 7 Технического регламента о безопасности сетей газораспределения и газопотребления (далее – Регламент о безопасности сетей), утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2010 г. № 870, газопровод был определен как конструкция, состоящая из соединенных между собой труб, предназначенная для транспортирования природного газа.

Спустя семь лет данное определение было дополнено словом «сооружение» и использовано в Приложении № 1 «Термины и определения» к Руководству по безопасности «Инструкция по техническому диагностированию подземных стальных газопроводов», утвержденному приказом Ростехнадзора от 06 февраля 2017 г. № 47. В нем под газопроводом понималась «конструкция (сооружение), состоящая из соединенных между собой труб, предназначенная для транспортирования газа».

Данное Руководство утратило силу в связи с изданием приказа Ростехнадзора от 09 октября 2023 г. № 364, утвердившего новое Руководство по безопасности «Рекомендации по обследованию подземных стальных газопроводов». В Приложении № 1 к нему при определении термина «газопровод» используется отсылка к пункту 3.1.4 «ГОСТ 34741-2021. Межгосударственный стандарт. Системы газораспределительные. Требования к эксплуатации сетей газораспределения природного газа», в соответствии с которым газопровод рассматривается уже как «линейное сооружение, состоящее из соединенных между собой труб, предназначенное для транспортирования газа».

Идентичное определение отражено в пункте 2 раздела 3 «ГОСТ Р 53865-2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы газораспределительные. Термины и определения» (далее – ГОСТ Р 53865-2019).

Кроме того, для целей некоторых актов в них закреплены определения отдельных видов газопроводов. Наиболее часто встречающимся из них является определение магистрального газопровода. Оно раскрывается:

– в пункте 2 Правил технологического присоединения к магистральным газопроводам, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 01 ноября 2021 г. № 1898;

– в пункте 3.17 «ГОСТ 35236-2024. Межгосударственный стандарт. Система газоснабжения. Магистральная трубопроводная транспортировка газа. Магистральные газопроводы. Правила эксплуатации»;

– в разделе 6 «Трубопроводный транспорт» Методологических положений по статистике транспорта, утвержденных приказом Росстата от 29 декабря 2017 г. № 887;

– в пункте 3.19 «ГОСТ Р 55989-2014. Национальный стандарт Российской Федерации. Магистральные газопроводы. Нормы проектирования на давление свыше 10 МПа. Основные требования» (далее – ГОСТ Р 55989-2014);

– в разделе 2 «Термины и определения» Методических рекомендаций по определению и обоснованию тех-

нологических потерь природного газа при транспортировке магистральным трубопроводным транспортом, утвержденных Минэнерго России 09 июля 2012 г.

Учитывая, что ГОСТ Р 55989-2014 включен в Перечень стандартов, ввиду применения которых на добровольной основе обеспечивается исполнение требований технического регламента Евразийского экономического союза «О требованиях к магистральным трубопроводам для транспортирования жидких и газообразных углеводородов» (ТР ЕАЭС 049/2020), утвержденного решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 24 декабря 2025 г. № 134, предлагается как самое распространенное рассмотреть используемое в нем определение. Здесь под магистральным газопроводом понимается «технологически неделимый, централизованно управляемый имущественный производственный комплекс, состоящий из взаимосвязанных объектов, являющихся его неотъемлемой технологической частью, предназначенных для транспортирования подготовленной в соответствии с требованиями национальных стандартов продукции (природного газа) от объектов добычи и (или) пунктов приема до пунктов сдачи потребителям и передачи в распределительные газопроводы или иной вид транспорта и (или) хранения».

Остальные перечисленные выше акты также сходятся в том, что магистральный газопровод – это единый производственный комплекс, предназначенный для транспортирования газа.

Как следует из приведенных определений, магистральные газопроводы состоят не только из соединенных между собой труб.

В частности, согласно подпункту 1.5) пункта 4.2 Порядка составления комплекта документов по технической инвентаризации имущественных комплексов, составляющих системы газоснабжения Российской Федерации, а также других объектов недвижимого имущества, принадлежащих ОАО «Газпром» и его дочерним организациям», утвержденного приказом Госстроя РФ от 29 декабря 2000 г. № 308 (далее – Порядок составления комплекта документов № 308), к линейным частям магистральных газопроводов относятся: «газопроводы (трубопроводы); узлы замера газа; узлы приема-запуска очистных устройств; склады метанола; емкости конденсата; амбары с технологическими трубопроводами; пункты редуцирования газа; системы автоматики и телемеханики; системы электрохимической защиты от коррозии; системы внутрипроизводственной и технологической связи; противоэрозионные и защитные сооружения; вдольтрассовые дороги, проезды и площадки; вертолетные площадки; объекты внутрипроизводственной и технологической связи; площадки для аварийного запаса труб, запорной арматуры и соединительных деталей; объекты охранной системы (охранная система объектов)».

Помимо магистральных в нормативных технических актах содержатся также определения внутренних, наружных, подводных, подземных, надземных, импульсных, сбросных, продувочных, распределительных, межпоселковых газопроводов, газопроводов-вводов, газопроводов-шлейфов, газопроводов обвязки технических устройств и др. (в частности в пункте 7 Регламента о безопасности сетей; пунктах 3-9 раздела 3 ГОСТ Р 53865-2019, подпунктах «а»-«в» пункта 3 Правил охраны газораспределительных сетей, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 20 ноября 2000 г. № 878, пункте 3.9 «ГОСТ Р 55990-2014. Национальный стандарт Российской Федерации. Месторождения нефтяные и газонефтяные. Промысловые трубопроводы. Нормы проектирования», подпункте 3.1.1 «ГОСТ Р 54982-2022. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы газораспределительные. Объекты сжиженных углеводородных газов. Общие требования к эксплуатации» и т.д.).

При этом под данными газопроводами понимаются газопроводы, которые либо пролегают в определенном месте (внутри здания» / вне зданий; над поверхностью земли / ниже уровня поверхности земли и т. п.), либо выполняют определенную функцию (например, вытесняют газ из газопроводов, отводят газ от предохранительных сбросных клапанов и т. п.).

Такое разнообразие газопроводов, а также неотражение каких-либо дополнительных характеристик в определениях их видов (за исключением магистральных) по сравнению с общим определением термина «газопровод», на практике нередко влечет возникновение вопросов о том, является ли определенный газопровод недвижимостью, относится ли он к сложным вещам.

Ошибочное решение указанных вопросов обуславливает возникновение ряда проблем, таких как:

– неверный выбор типа договорных отношений при строительстве газопроводов;

– неоформление необходимых документов;

– получение отказа в регистрации права собственности на газопровод либо часть объектов, относящихся к нему;

– переквалификация объектов и др.

На первый взгляд, газопроводы являются недвижимым имуществом, поскольку в соответствии с пунктом 1 статьи 141.3 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) сооружения относятся к недвижимым вещам и создаются в результате строительства.

При этом из статьи 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ) следует, что сооружения могут быть отнесены как к объектам капитального строительства, обладающим признаками недвижимого имущества (пункт 10), так и к некапитальным строениям (пункт 10.2).

Признак «линейности» газопроводов как сооружений не добавляет ясности к признанию их недвижимыми вещами или исключению из таковых, поскольку линейные сооружения определяются либо через перечисление их видов, как в пункте 10.2 статьи 1 ГрК РФ, пункте 6 части 1 статьи 7 федерального закона от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую», либо через указание на то, что длина данных сооружений несоизмеримо больше их ширины или диаметра, как в пункте 3.2 «ГОСТ Р 71111-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы и сооружения мелиоративные. Нормы отвода земель для линейных сооружений».

Также добавляет проблем при признании объектов недвижимыми отсутствие в действующем законодательстве Российской Федерации четкого определения термина «недвижимое имущество», а также «недостаточно систематизированный правовой режим объектов этой категории» [1; 2, стр. 22].

Так, согласно пункту 1 статьи 130 ГК РФ (части первой) «к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства.

К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. Законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество.

К недвижимым вещам относятся жилые и нежилые помещения, а также предназначенные для размещения

транспортных средств части зданий или сооружений (машино-места), если границы таких помещений, частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке.».

По мнению отдельных правоведов [1, 2, 3], законодатель условно разделяет недвижимые вещи на три группы, а именно объекты, которые:

1) являются природными (земельные участки и участки недр);

2) прочно связаны с землей, а их перемещение влечет несоразмерный ущерб назначению данных объектов (здания, сооружения, объекты незавершенного строительства и т. п.);

3) прямо отнесены законодателем к недвижимости (подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, жилые и нежилые помещения, машино-места и др.).

Несмотря на то, что рассматриваемый пункт статьи 130 ГК РФ неоднократно подвергался изменениям, неизменным остается отражение двух критериев, позволяющих признать ту или иную вещь недвижимой:

– материальный, объединяющий первые две группы и отражающий связь с землей. Относится к объектам, являющимся частью земли, неотделимым от нее (земельным участкам и участкам недр), а также объектам, которые могут быть отделены от нее с причинением несоразмерного ущерба их назначению (зданиям, сооружениям, объектам незавершенного строительства и др.);

– юридический, относящий к недвижимому имуществу те или иные вещи в силу закону [1, 4, 5].

Выделение данных критериев поддерживает также Верховный Суд Российской Федерации, который во втором абзаце пункта 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 25) указывает, что «вещь является недвижимой либо в силу своих природных свойств (первый абзац пункта 1 статьи 130 ГК РФ) либо в силу прямого указания закона, что такой объект подчинен режиму недвижимых вещей (второй абзац пункта 1 статьи 130 ГК РФ».

Учитывая, что законодатель не отразил газопроводы в качестве недвижимого имущества, единственным предусмотренным в законодательстве критерием, позволяющим отнести их к таковому, остается наличие прочной связи с землей, а также отсутствие возможности их перемещения без причинения несоразмерного ущерба назначению этих сооружений.

Однако, в связи со стремительным развитием технологий данный критерий приобрел существенный недостаток.

Так, по мнению Н.А. Сыроедова, «современные технические достижения позволяют перемещать даже монументальные здания на значительные расстояния не только без «несоразмерного», но и без всякого ущерба их назначению» [6, стр. 93].

О.Р. Скопенко соглашается с ним, указывая, что «в современном мире… критерий связи с землей совершенно не отражает факта возможности или невозможности их перемещения в пространстве. Поэтому с большой долей уверенности можно утверждать, что «невозможность перемещения» и «несоразмерность ущерба» являются оценочными понятиями» [2].

В связи с чем Д.И. Ильин предлагает вместо прочной связи строения с землей рассматривать такой критерий, как невозможность его использования по прямому назначению при перемещении. «Например, когда при помощи современных технических устройств с одного места на другое переместили мост (как это несколько раз практиковалось в г. Москве), то никакой ущерб такому мосту и его назначению причинен не был, а данный объект недвижимости снова используется по своему прямому назначению, но только на новом месте. Лишь в процессе самого перемещения указанный мост невозможно было использовать. Такая возможность появилась вновь только при восстановлении его прочной связи с землей» [3].

Аналогичной позиции придерживается А.С. Лалетина. По ее мнению, «классифицирующим признаком недвижимого имущества должна стать не невозможность использования его по назначению после такого перемещения (поскольку газопровод, в особенности газопровод, являющийся сборно-разборным сооружением, очевидно, может эксплуатироваться и после установки его на новом месте), но невозможность использовать его по назначению без постоянной связи с землей» [7, стр. 136].

Учитывая разнообразие газопроводов, часть из них, действительно, не может использоваться по назначению при перемещении.

Однако использование другой их части не только возможно в теории, но и осуществлялось на практике уже в тридцатые годы двадцатого века.

Так, в газете «Известия» от 27 сентября 1937 г. в заметке «Снос и передвижка домов» писали, что «На улице Серафимовича … В передвигаемом доме жизнь идет вполне нормально. Действуют телефон, водопровод, электричество, газ» [8, стр. 4].

Вместе с тем в таких случаях следует обращать внимание, что отдельные объекты могут признаваться неотъемлемой частью зданий и включаться в их состав. Так, согласно письму Минэнерго России от 14 февраля 2025 г. № ЕГ-2286/07 «О направлении позиции» такими объектами являются, в том числе, коммуникации внутри зданий, необходимые для их эксплуатации; оборудование встроенных котельных установок, газо- и теплопроводные устройства и др.

Кроме того, для проверки возможности отнесения того или иного объекта к недвижимому имуществу Минэнерго России предлагает проверять наряду с наличием у объекта прочной связи с землей, случится ли потеря эксплуатационных качеств и технических свойств объекта в результате его перемещения.

При этом Минэнерго России отмечает, что не свидетельствует о недвижимом характере объекта:

– способ соединения объекта с фундаментом;

– наличие технического паспорта на объект;

– описание объекта в проектной документации на объекты капитального строительства;

– включение объекта в акт приемки законченного строительством объекта приемочной комиссией по форме КС-14.

Минэкономразвития России в письме от 29 июля 2019 г. № Д23и-25714 «О критериях разграничения движимого и недвижимого имущества, а также об образовании новых объектов капитального строительства из существующих объектов» указывает, что сооружения, построенные и введенные в эксплуатацию с получением разрешительной документации (как объекты капитального строительства), с большей степенью вероятности относятся к объектам недвижимости.

Однако данное мнение далеко не всегда может быть применено к газопроводам, поскольку получать разрешения на строительство и, соответственно, на ввод в эксплуатацию не требуется в случае:

– строительства объектов, предназначенных для транспортировки природного газа под давлением до 1,2 МПа включительно (пункт 4.4 части 17 статьи 51 ГрК РФ), т. е. газопроводов низкого давления (до 0,005 МПа включительно), среднего давления (свыше 0,005 до 0,3 МПа

включительно), а также высокого давления 2 и 1 категории (свыше 0,3 до 0,6 МПа включительно и свыше 0,6 до 1,2 МПа соответственно) в соответствии с Приложением № 1 к Регламенту о безопасности сетей;

– если это предусмотрено ГрК РФ, нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации либо законодательством субъектов Российской Федерации (пункт 5 части 17 статьи 51 ГрК РФ).

Так, например, закон Санкт-Петербурга от 24 ноября 2009 г. № 508-100 «О градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге» в пункте 2 статьи 14 устанавливает, что не требуется получения разрешений для строительства газопроводов-вводов и вводных газопроводов.

Закон Ивановской области от 14 июля 2008 г. № 82-ОЗ «О градостроительной деятельности на территории Ивановской области» в подпункте «1)» пункта 1 статьи 15 предусматривает, что на территории данной области разрешение на строительство не требуется в случае строительства, реконструкции участков инженерных коммуникаций, в том числе газоснабжения, для подключения отдельно стоящих индивидуальных жилых домов к внутриквартальным, поселковым сетям инженерно-технического обеспечения.

Еще одним критерием, позволяющим отнести газопровод к недвижимости, является его создание в установленном законом порядке [9, стр. 17-19].

Верховный Суд Российской Федерации подтверждает данный тезис в четвертом абзаце пункта 38 постановления Пленума ВС РФ № 25, согласно которому правомерно построенное сооружение является недвижимой вещью даже до регистрации на него права собственности лица, в законном владении которого оно находится.

Также в указанном пункте Верховный Суд Российской Федерации отмечает, что государственная регистрации вещных прав на недвижимые вещи по общему правилу не является обязательным условием для признания их объектами недвижимости: «в частности, являются недвижимыми вещами… сооружения, построенные до введения системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, даже в том случае, если ранее возникшие права на них не зарегистрированы».

Аналогичная позиция изложена в определениях Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2024 г. № 305-ЭС24-6841 по делу № А40-6377/2023; от 27 декабря 2018 г. по делу № 310-ЭС18-13357, А14-14459/2017; от 10 июня 2016 г. по делу № 304-КГ16-761, А45-12706/2014; от 07 апреля 2016 г. по делу № 310-ЭС15-16638, А35-8277/2014 и № 308-ЭС15-15218 по делу № А32-25579/2014 и др.

Соответственно, для отнесения того или иного газопровода к недвижимости необходимо:

– последовательно оценить его на наличие признаков, установленных ГК РФ в пункте 1 статьи 130 и статье 134, и возможности признания его объектом капитального строительства с точки зрения ГрК РФ, а также на соответствие формализованным критериям признания недвижимого имущества в качестве соответствующих объектов основных средств, принятых в бухгалтерском учете (письмо Минэнерго России от 08 августа 2025 г. № ЕГ-13335/05 «О рассмотрении обращения»). При этом наличие разрешения на строительство, если его получение необязательно, не влияет на то, относится газопровод ли к недвижимости, что подтверждается сложившейся судебной практикой (определения Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2016 г. № 310-КГ16-17068 по делу № А68-12078/2015 и от 05 июля 2016 г. № 301-КГ16-7325 по делу № А43-22536/2015, постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15 января 2019 г. № Ф08-11010/2018 по делу № А53-8139/2018);

– будет ли он являться отдельным объектом гражданского оборота либо выполнять обслуживающую функцию по отношению к соответствующему земельному участку и находящемуся на нем зданию, поскольку при отсутствии «у газопровода качеств самостоятельного объекта недвижимости право собственности на него не подлежит регистрации независимо от его физических характеристик и наличия отдельных элементов, обеспечивающих прочную связь этого сооружения с соответствующим земельным участком» (постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22 сентября 2014 г. по делу № А08-6739/2013).

Правильность такой оценки в большинстве случаев будет подтверждена на этапе проведения кадастровых работ: если газопровод является недвижимой вещью, кадастровый инженер составит технический план, если нет – не станет заключать договор подряда со ссылкой на пункт 7.3 части 2 статьи 14 федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», а также пункт 2 части 2 статьи 29.1 и статью 37 федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности».

При этом для минимизации рисков отказа в регистрации права собственности на газопровод либо часть объектов, относящихся к нему, а также переквалификация объектов, целесообразно разработать, в том числе с использованием судебной практики, Методические рекомендации по вопросу классификации объектов газоснабжения в качестве движимого или недвижимого имущества и довести их письмом Минэнерго России по аналогии с письмом от 08 августа 2025 г. № ЕГ-13335/05 [об] объектах электро- и теплоэнергетики.

Литература

1. Белова Т.В. Правовой режим самовольной постройки в системе вещного права: монография / отв. ред. А.Н. Левушкин // Москва: Юстицинформ, 2024. – 278 с. [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.06.2026). – Режим доступа: коммерческий.

2. Скопенко О.Р. Понятие недвижимого имущества в современном российском законодательстве: проблемы и пути их решения // Право и экономика. – 2022. – № 3. – С. 22-27. [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.06.2026). – Режим доступа: коммерческий.

3. Ильин Д.И. Законодательство о недвижимости: проблемы содержания употребляемых понятий // Журнал российского права. – 2005. – № 8. [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.06.2026). – Режим доступа: коммерческий.

4. Макаров О.В. Недвижимость как объект гражданских правоотношений: сущность и характерные черты // Нотариус. – 2014. – № 5. – С. 9-12. [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.06.2026). – Режим доступа: коммерческий.

5. Стародумова С.Ю. Правовой режим недвижимых вещей // Правовые вопросы недвижимости. – 2015. – № 1. – С. 14-17. [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.06.2026). – Режим доступа: коммерческий.

6. Сыроедов Н.А. Регистрация прав на землю и другое недвижимое имущество // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 90–97.

7. Лалетина А.С. Правовой режим газопроводов как объектов предпринимательского права: диссертация. доктора юридических наук: 12.00.03 / Лалетина Алла Сергеевна; [Место защиты: Ин-т государства и права РАН]. – Москва. – 2011. – 518 с.

8. Известия: газета: федеральный выпуск. 1937, № 226, 27 сентября. – Москва, 1937 // Известия. – 1937. – № 226.

9. Витрянский В.В. Пути совершенствования законодательства о недвижимом имуществе // Хозяйство и право. – 2003. – № 6. – С. 3–19.

Qualification of gas pipelines as real estate objects: analysis of regulatory framework and judicial practice

Kosterina E.V.

Research Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science named after V.A. Musin, PJSC Gazprom

This article examines the evolution of perspectives on the definition of the term "gas pipeline" and analyzes the definitions of specific pipeline types. Given the diversity of gas pipelines and the absence of distinct characteristics in the definitions of their types (with the exception of trunk gas pipelines) compared to the general definition of a "gas pipeline," the author concludes that practical challenges often arise in determining whether a specific gas pipeline qualifies as real estate.

Incorrect determination of this matter leads to series of complications, such as the improper selection of contractual arrangements during pipeline construction, failure to prepare the required documentation, refusal to register ownership rights to a gas pipeline or to parts of the facilities related to it, and the reclassification of such objects.

Consequently, through the lens of state authority clarifications and established judicial practice, the article highlights the key criteria currently used to assess the potential for recognizing a particular gas pipeline as immovable property.

To minimize the risks of title registration denials or asset reclassification, it is recommended to approve a federal-level classifier for real estate objects within the gas supply sector.

Keywords: gas pipeline, trunk gas pipeline, linear structure, real estate, immovable property, realty, immovability, capital construction facility, construction permit, state registration of title.

References

1. Belova T.V. [The Legal Regime of Unauthorized Construction in the System of Property Law: A Monograph] / otv. red. A.N. Levushkin // Moskva: Yustitsinform, 2024. – 278 s. [Elektronnyj resurs]. SPS Konsul`tantPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/ (data obrashcheniya: 25.06.2026). – Rezhim dostupa: kommercheskij (In Russian).
2. Skopenko O.R. [The Concept of Real Property in Modern Russian Legislation: Problems and Solutions] // Pravo i ekonomika. – 2022. – № 3. – S. 22-27. [Elektronnyj resurs]. SPS Konsul`tantPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/ (data obrashcheniya: 25.06.2026). – Rezhim dostupa: kommercheskij (In Russian).
3. Il'in D.I. [Legislation on Real Property: Problems in the Content of Concepts Used] // Zhurnal rossijskogo prava. – 2005. – № 8. [Elektronnyj resurs]. SPS Konsul`tantPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/ (data obrashcheniya: 25.06.2026). – Rezhim dostupa: kommercheskij (In Russian).
4. Makarov O.V. [Real Property as an Object of Civil Legal Relations: Essence and Characteristic Features] // Notarius. – 2014. – № 5. – S. 9-12. [Elektronnyj resurs]. SPS Konsul`tantPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/ (data obrashcheniya: 25.06.2026). – Rezhim dostupa: kommercheskij (In Russian).
5. Starodumova S.Yu. [The Legal Regime of Immovable Property] // Pravovye voprosy nedvizhimosti. – 2015. – № 1. – S. 14-17. [Elektronnyj resurs]. SPS Konsul`tantPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/ (data obrashcheniya: 25.06.2026). – Rezhim dostupa: kommercheskij (In Russian).
6. Syroedov N.A. [Registration of Rights to Land and Other Real Property] // Gosudarstvo i pravo. – 1998. – № 8. – S. 90–97 (In Russian).
7. Laletina A.S. [The Legal Regime of Gas Pipelines as Objects of Entrepreneurial Law: Dissertation for the Degree of Doctor of Juridical Sciences: 12.00.03] / Laletina Alla Sergeevna; [Mesto zashchity: In-t gosudarstva i prava RAN]. – Moskva. – 2011. – 518 s (In Russian).
8. [Izvestia: Newspaper: Federal Edition. 1937, No. 226, September 27]. – Moskva, 1937 // Izvestiya. – 1937. – № 226 (In Russian).
9. Vitryanskij V.V. [Ways to Improve Legislation on Real Property] // Khozyajstvo i pravo. – 2003. – № 6. – S. 3–19 (In Russian).

Частное определение суда по административным делам

Семикина Светлана Александровна
канд. юрид. наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского; Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),

Кружалова Алёна Валерьевна
канд. юрид. наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируются теоретические и практические проблемы института частного определения в административном судопроизводстве Российской Федерации. Целью исследования является выявление системных проблем его реализации и определение направления совершенствования с учетом зарубежного опыта, а также судебной практики. В работе использованы формально-юридический, сравнительно-правовой методы, а также метод доктринального анализа.
Установлено, что частное определение выступает способом реагирования суда на нарушения законности и обладает превентивной, контрольной и коммуникативной функциями. Выявлены ключевые проблемы: отсутствие легального определения и четких критериев нарушений, субъективизм при вынесении, низкая эффективность контроля исполнения, а также доктринальная и практическая неопределенность в вопросе вынесения частных определений в отношении судей. В сравнительно-правовом разделе анализируются зарубежные подходы к судебному реагированию на нарушения законности во Франции (система административной юстиции), Германии, выделяются их отличительные черты и возможные направления реформирования российского института. Автором выдвигаются рекомендации для повышения эффективности института частного определения.
Ключевые слова: частное определение, административное судопроизводство, законность, судебный контроль.

Правовая природа частного определения в доктрине процессуального права

В системе мер, направленных на укрепление законности и предупреждение правонарушений, важное место занимает институт частного определения суда, в основе которого лежит соблюдение принципа законности и выполнение задач, закрепленных в ст. 3 КАС РФ. Притом значимая роль частного определения была озвучена в 1987 г. в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ [1], что на сегодняшний день относится в полной мере и к административному судопроизводству.

Частное определение представляет собой «способ реагирования суда на выявленные нарушения законности и правопорядка, которые не могут быть устранены им самостоятельно в рамках рассмотрения дела с помощью предусмотренных процессуальным законом средств» [2; 3; 4, с. 84]. Несмотря на отсутствие в законодательстве легального определения данного понятия, в правоприменительной практике оно понимается именно таким образом. В доктрине оно характеризуется: как способ косвенного судебного контроля [5, ст. 200]; как способ достижения превенции [6, с. 39]; как составляющая внешней судебной коммуникации [7, с. 60].

Доктрина и практика позволяет выносить частные определения в отношении всех субъектов административного судопроизводства, в том числе и судей [5, ст. 200]. В отношении нижестоящих судов позиция подкреплена практикой [8; 9], что доказывает не только внешний судебный контроль, но и внутренний. Хотя Верховный Суд уточнил, что должны быть нарушены принципы судопроизводства, а неправильное применение норм, повлекшее отмену судебных актов, не может быть служить основанием к вынесению частных определений в отношении судей [10]. В том числе в доктрине высказана позиция Г.Г. Загайновой об отсутствии полномочий судей по отношению к коллегам на вынесение рассматриваемых юридических документов [11, с. 71].

Правовое регулирование частного определения в административном судопроизводстве РФ

В соответствии со ст. 200 КАС РФ, суд выносит частное определение при выявлении случаев нарушения законности. Важно отметить, что, в отличие от ст. 226 ГПК РФ, при разбирательстве административного дела вынесение частного определения является не правом, а обязанностью суда, установившего факт нарушения закона, что подтверждается указанием на это в п. 6 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 11 января 2021 г. № 2 [12], требующий от прокуроров подачу ходатайства о вынесении искомого определения при выявлении нарушений закона со стороны субъектов административного правоотношения. А определения Конституционного Суда РФ направляют судейский корпус в сторону выявления всех обстоятельств дела, исходя из принципа законности, а не хаотичного вынесения рассматриваемых судебных актов [13; 14].

Проведем сравнительный анализ норм ГПК РФ и КАС РФ, где например, в п. 1 ст. 226 ГПК РФ сказано, что при выявлении случаев нарушения законности суд вправе вынести частное определение и направить его в соответствующие организации или соответствующим должностным лицам, которые обязаны в течение месяца сообщить о принятых ими мерах. Статья 200 КАС РФ, определяя также месячный срок для ответа на частное определение, вместе с тем предлагает альтернативу через указание срока (иного) в частном определении [15, с. 150].

Бланкетная норма ч. 3 ст. 200 КАС РФ перенаправляет правоприменителя к санкциям за несообщение суду о результатах принятых мер, изложенным в ст.ст. 122, 123 КАС РФ. В том числе не стоит забывать про ответственность, содержание которой находится в диспозиции ст. 17.4 КоАП РФ. Хотя заинтересованные лица имеют также право на защиту посредством обжалования частного определения (ч. 2 ст. 200 КАС РФ). Притом суд должен осуществлять контроль за исполнением решений, в том числе исследуемых определений, согласно разъяснениям ч. 9 ст. 227 КАС РФ, данным Верховным судом РФ (п. 31) [16].

Проблемы правоприменения института частного определения

Можно выделить следующие системные проблемы применения института частного определения:

1. Неоднозначность оснований для вынесения данного акта. Суд самостоятельно оценивает наличие достаточных оснований, что порождает субъективизм: одни суды выносят определение, а другие ограничиваются иными мерами реагирования;

2. Отсутствие в законодательстве четких критериев существенных нарушений;

3. Проблемы принудительного исполнения и контроля. Механизмы контроля за исполнением частного определения не всегда эффективны: адресаты могут лишь формально отчитаться о принятых мерах, не устраняя нарушения по факту. Помимо судебного штрафа, иных действенных механизмов принуждения законодательство не предусматривает. Как отмечает Н.А. Латышева, «обеспечение судопроизводства в связи с выносимыми судьями частными определениями осуществляется в ходе организации и ведения судебного делопроизводства» [7, с. 53], однако традиционно бумажный документооборот создает дополнительные сложности;

4. Проблема обжалования. Участники процесса могут столкнуться с трудностями при обосновании незаконности или необоснованности самого акта суда;

Сравнительно-правовой анализ: зарубежные подходы к судебному реагированию на нарушения законности

Институт частного определения является специфическим инструментом российского (и, шире, постсоветского) процессуального права. В зарубежных правопорядках отсутствует прямой аналог данного процессуального акта, однако существуют иные механизмы судебного реагирования на нарушения законности, выявленные в ходе судебного разбирательства.

Франция представляет собой классическую модель романо-германской правовой семьи с развитой системой административной юстиции. Во Франции существует конституционный принцип разделения административных судов от обычных гражданских и уголовных судов [17, с. 144]. Притом Конституционный совет Франции отнес к подведомственности названных судов споры с участием публичной власти [18, с. 48; 19, с. 133].

Что касается инструментов, аналогичных частному определению, во французском праве суды административной юстиции могут выносить решения, содержащие предписания административным органам. Закон от 8 февраля 1995 г. [20] предоставил административным судам право выносить решения, обязывающие администрацию принять определенные меры в установленный срок. В случае неисполнения судебного решения возможно наложение штрафных санкций, что служит действенным механизмом принуждения.

Германская система административного судопроизводства, регулируемая Административно-процессуальным кодексом [21], также не знает института, полностью аналогичного российскому частному определению. Однако германское право предусматривает механизмы судебного реагирования на нарушения законности, выявленные в ходе процесса [22, с. 213]. Суд может вынести решение, обязывающее административный орган совершить определенные действия или воздержаться от их совершения. Кроме того, в случае неисполнения судебного акта применяются штрафные санкции, налагаемые судом по заявлению истца.

Важной особенностью германской модели является развитая система предупредительных судебных решений, которые выносятся для предотвращения потенциальных нарушений прав граждан еще до наступления вредоносных последствий [23, с. 638].

Сравнительно-правовой анализ позволяет предложить следующие направления совершенствования российского института частного определения:

1. Установление четких критериев существенности нарушений. По примеру зарубежных правопорядков целесообразно законодательно закрепить перечень оснований, при которых вынесение частного определения является обязательным;

2. Совершенствование механизмов контроля исполнения через систему штрафов за неисполнение судебных актов до момента фактического исполнения;

3. Запрет вынесения частных определений в отношении судей, за исключением Верховного Суда РФ.

Заключение

Таким образом, российский институт частного определения является уникальным в мировой практике. Для повышения эффективности института частного определения в России представляется необходимым:

1) законодательное закрепление легального понятия и четких критериев вынесения частного определения;

2) совершенствование механизмов контроля исполнения по французскому образцу (периодическое штрафование);

3) урегулирование дискуссионной практики вынесения частных определений в отношении судей.

Суды общей юрисдикции должны уделять пристальное внимание разъяснениям судебной практики Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, а также тщательно анализировать нарушения законов, действия субъектов и доказательства по административному делу при вынесении частного определения.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 сентября 1987 № 5 «О повышении роли судов в выполнении требований закона, направленных на выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и других правонарушений» (в ред. от 06.02.2007) // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1987. № 12.

2. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 07 июня 2023 г. по делу № 88-18154/2023. - URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=32747804&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 10.01.2026).

3. Определение кассационного военного суда от 5 июля 2022 г. по делу № 88-1274/2022. - URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=153278&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1&srv_num=1 (дата обращения: 10.01.2026).

4. Зайков Д.Е. Институт частных определений в гражданском процессе: проблемы применения // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 4. С. 81–90. – DOI: 10.17803/1994 1471.2024.161.4.081-090.

5. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (постатейный, научно-практический) / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, С.Л. Дегтярев и др.; под ред. В.В. Яркова. М.: Статут, 2016. 1295 с. – URL: https://meganorm.ru/mega_doc/dop_fire/statya_predpisanie_organa_gosudarstvennogo_pozharnogo/0/kommentariy_k_kodeksu_administrativnogo_sudoproizvodstva.html (дата обращения: 10.01.2026).

6. Батурина Н.А. Частное определение как процессуальное средство предупреждения судебных ошибок в гражданском судопроизводстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 7. С. 39 - 42.

7. Латышева Н.А. Частные определения в гражданском судопроизводстве как особый вид судебных актов (в аспекте развития судебных коммуникаций) // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2025. № 2(58). С. 53-65. – DOI 10.24412/2076-9113-2025-258-53-65.

8. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 25 декабря 2025 г. по делу № 33а-11638/2025. - URL: https://oblsud--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=42655134&delo_id=42&new=0&text_number=1 (дата обращения: 10.01.2026).

9. Решение Ленинградского областного суда от 08 апреля 2025 г. по делу № 3а-101/2025. - URL: https://oblsud--lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=20356841&delo_id=41&new=&text_number=1&srv_num=1 (дата обращения: 10.01.2026).

10. Кассационное определение СК по административным делам Верховного Суда РФ от 1 марта 2023 г. по делу № 18-КАД22-78-К4. - URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2216764 (дата обращения: 10.01.2026).

11. Загайнова Г.Г. Частное определение в отношении судей: правовые основания, теория и практика // Юридическая наука. 2023. № 8. С. 71-74.

12. Приказ Генпрокуратуры России от 11 января 2021 г. № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» (в ред. от 19.10.2022) // Законность. 2021. № 2.

13. Определение Конституционного Суда РФ от 24 октября 2019 г. № 2926-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Самохина Анатолия Афанасьевича на нарушение его конституционных прав частями 3 и 4 статьи 63 и частью 1 статьи 200 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2026).

14. Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 829-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Быкова Сергея Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 200 и подпунктами "б", "в" пункта 1 части 1 статьи 259 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, а также частью 2 статьи 2 Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2026).

15. Ярцев Р.В., Акопян А.А. Обязательность и исполнимость частного определения (постановления) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 1. С. 149-153.

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.

17. Соловьев А.А. Общая характеристика французской модели административной юстиции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 3. С. 142-151.

18. Терновая О.А. Пределы свободы и ограничения конкуренции по законодательству Франции: история и современность // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2017. № 2 (26). С. 44-51.

19. Кривельская О.В., Иванов Е.М. Правовая природа административной юстиции во Франции // Образование и право. 2023. № 8. С. 132-136. – DOI 10.24412/2076-1503-2023-8-132-136.

20. LOI n 95-125 du 8 février 1995 relative à l'organisation des juridictions et à la procédure civile, pénale et administrative [О судоустройстве в гражданском, уголовном и административном процессе»]. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000350926 (дата обращения: 10.01.2026).

21. Code of Administrative Court Procedure (Verwaltungsgerichtsordnung – VwGO) [Кодекс административного судопроизводства]. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_vwgo/ (дата обращения: 10.01.2026).

22. Майле А.Д. Законодательство об административных процедурах: опыт Германии // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 2. С. 204-215. – DOI 10.19073/2658-7602-2021-18-2-204-215.

23. Майле А.Д. Особенности германской модели судебного контроля за законностью применения дискреционных полномочий органами публичной власти // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 4. С. 627-642. – DOI 10.19073/2658-7602-2025-22-4-627-642.

Private ruling of the court on administrative cases

Semikina S.A., Kruzhalova A.V.

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Volga Region Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saratov State Law Academy

This article analyzes the theoretical and practical problems of the institution of private rulings in administrative proceedings in the Russian Federation. The aim of the study is to identify systemic problems in its implementation and identify areas for improvement, taking into account international experience and judicial practice. The study utilizes formal legal, comparative legal, and doctrinal analysis methods.

It is established that private rulings serve as a court response to violations of the law and have preventive, control, and communicative functions. Key issues are identified: the lack of a legal definition and clear criteria for violations, subjectivity in issuing rulings, low effectiveness of enforcement, and doctrinal and practical uncertainty regarding the issuance of private rulings against judges. The comparative legal section analyzes international approaches to judicial response to violations of the law in France (administrative justice system) and Germany, highlighting their distinctive features and potential areas for reform of the Russian institution. The author puts forward recommendations for improving the effectiveness of the institution of private rulings.

Keywords: private determination, administrative proceedings, legality, judicial review.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 1, 1987, No. 5, "On Enhanced Role of the Courts in Enforcing Legal Requirements Aimed at Identifying Circumstances Contributing to the Commission of Crimes and Other Offenses" (as amended on February 6, 2007) // Bulletin of the Supreme Court of the RSFSR. 1987. No. 12.

2. Determination of the First Cassation Court of General Jurisdiction of June 7, 2023, in Case No. 88-18154/2023. - URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=32747804&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (accessed: 10.01.2026).

3. Determination of the Cassation Military Court of July 5, 2022, in case No. 88-1274/2022. - URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=153278&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1&srv_num=1 (accessed: 10.01.2026).

4. Zaykov D.E. The Institute of Private Definitions in Civil Procedure: Application Issues // Actual Problems of Russian Law. 2024. Vol. 19. No. 4. pp. 81–90. – DOI: 10.17803/1994 1471.2024.161.4.081-090.
5. Commentary on the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation (article-by-article, scientific and practical) / D.B. Abushenko, K.L. Branovitsky, S.L. Degtyarev, et al.; edited by V.V. Yarkov. Moscow: Statut, 2016. 1295 p. – URL: https://meganorm.ru/mega_doc/dop_fire/statya_predpisanie_organa_gosudarstvennogo_pozharnogo/0/kommentariy_k_kodeksu_administrativnogo_sudoproizvodstva.html (date of access: 10.01.2026).
6. Baturina N.A. Private ruling as a procedural means of preventing judicial errors in civil proceedings // State power and local self-government. 2012. No. 7. pp. 39-42.
7. Latysheva N.A. Private rulings in civil proceedings as a special type of judicial acts (in the aspect of the development of judicial communications) // Bulletin of Moscow City Pedagogical Univ. Series: Legal Sciences. 2025. No. 2 (58). pp. 53-65. – DOI 10.24412/2076-9113-2025-258-53-65.
8. Appellate ruling of the Volgograd Regional Court dated December 25, 2025 in case No. 33a-11638/2025. - URL: https://oblsud--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=42655134&delo_id=42&new=0&text_number=1 (date of access: January 10, 2026).
9. Decision of the Leningrad Regional Court dated April 8, 2025 in case No. 3a-101/2025. - URL: https://oblsud--lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=20356841&delo_id=41&new=&text_number=1&srv_num=1 (date of access: 10.01.2026).
10. Cassation ruling of the Judicial Panel for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 1, 2023 in case No. 18-KAD22-78-K4. - URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2216764 (date of access: 10.01.2026).
11. Zagaynova G.G. Private ruling in relation to judges: legal grounds, theory and practice // Legal science. 2023. No. 8. P. 71-74.
12. Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated January 11, 2021 No. 2 "On Ensuring the Participation of Prosecutors in Civil and Administrative Proceedings" (as amended on October 19, 2022) // Legality. 2021. No. 2.
13. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 24, 2019 No. 2926-O “On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Anatoly Afanasyevich Samokhin regarding the violation of his constitutional rights by parts 3 and 4 of Article 63 and part 1 of Article 200 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation” // Access from the reference and legal system “ConsultantPlus” (date of access: 01/10/2026).
14. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 26, 2019 No. 829-O "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Sergei Alekseevich Bykov Regarding the Violation of His Constitutional Rights by Part 1 of Article 200 and Subparagraphs "b" and "c" of Paragraph 1 of Part 1 of Article 259 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, as well as Part 2 of Article 2 of the Federal Law "On Compensation for Violation of the Right to a Trial within a Reasonable Time or the Right to Enforcement of a Judicial Act within a Reasonable Time" // Accessed from the reference and legal system "ConsultantPlus" (date of access: 10.01.2026).
15. Yartsev R.V., Akopyan A.A. Binding Nature and Enforceability of a Private Ruling (Resolution) // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2023. No. 1. P. 149-153.
16. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2022 No. 21 "On Certain Issues of the Application by Courts of the Provisions of Chapter 22 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and Chapter 24 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2022. No. 9.
17. Soloviev A.A. General Characteristics of the French Model of Administrative Justice // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2013. No. 3. P. 142-151.
18. Ternovaya O.A. Limits of Freedom and Restrictions of Competition under French Legislation: History and Modernity // Bulletin of Moscow City Pedagogical Univ. Series: Legal Sciences. 2017. No. 2 (26). P. 44-51.
19. Krivelskaya O.V., Ivanov E.M. Legal nature of administrative justice in France // Education and Law. 2023. No. 8. pp. 132-136. – DOI 10.24412/2076-1503-2023-8-132-136.
20. LOI n 95-125 du 8 février 1995 relative à l'organisation des juridictions et à la procédure civile, pénale et administrative [On the judicial system in civil, criminal, and administrative proceedings] – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000350926 (date of access: 10.01.2026).
21. Code of Administrative Court Procedure (Verwaltungsgerichtsordnung – VwGO) [Code of Administrative Court Procedure]. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_vwgo/ (date of access: 10.01.2026).
22. Maile A.D. Legislation on administrative procedures: the German experience // Siberian Legal Review. 2021. Vol. 18, No. 2. pp. 204-215. – DOI 10.19073/2658-7602-2021-18-2-204-215.
23. Maile A.D. Features of the German model of judicial review of the legality of the use of discretionary powers by public authorities // Siberian Legal Review. 2025. Vol. 22, No. 4. P. 627-642. – DOI 10.19073/2658-7602-2025-22-4-627-642.

Общее имущество многоквартирного дома проблемы теории и практики

Мерзляков Григорий Олегович
аспирант, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

В действующее российское законодательство установило общее имущество собственников недвижимости как отдельный институт права. Этот институт включает в себя целый ряд направлений таких общее имущество гаражного объединения, садового товарищества, и конечно общее имущество многоквартирного дома. Перед началом исследования была поставлена задача рассмотреть ряд проблемных вопросов, касающихся данного института права. Базовые основы данного института права заложены жилищным законодательством, но возникает немалое количество казуистичных ситуаций. Статья посвящена рассмотрению данных вопросов и поиску возможных путей решения.
Ключевые слова: многоквартирный дом, общее имущество многоквартирного дома, земельный участок, земельный участок многоквартирного дома, собственники помещений в МКД.

В современной России особое место занимает институт общего имущества собственников недвижимости. Одним из ключевых направлений данного института является общее имущество многоквартирного дома. Понятие данного института введено Жилищным Кодексом Российской Федерации. Порядок регулирования данного института установлен действующим законодательством, но имеется немало нерешенных вопросов неурегулированных ситуаций, которые планируются рассмотреть в данной статье.

Понятия общего имущества МКД содержится в Жилищном кодексе, и оно включает в себя следующие элементы: «1. Собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме, а именно:

1) помещения в данном доме, не являющиеся частями квартир и предназначенные для обслуживания более одного помещения в данном доме, в том числе межквартирные лестничные площадки, лестницы, лифты, лифтовые и иные шахты, коридоры, технические этажи, чердаки, подвалы, в которых имеются инженерные коммуникации, иное обслуживающее более одного помещения в данном доме оборудование (технические подвалы);

2) иные помещения в данном доме, не принадлежащие отдельным собственникам и предназначенные для удовлетворения социально-бытовых потребностей собственников помещений в данном доме, включая помещения, предназначенные для организации их досуга, культурного развития, детского творчества, занятий физической культурой и спортом и подобных мероприятий, а также не принадлежащие отдельным собственникам машино-места;

3) крыши, ограждающие несущие и ненесущие конструкции данного дома, механическое, электрическое, санитарно-техническое и другое оборудование (в том числе конструкции и (или) иное оборудование, предназначенные для обеспечения беспрепятственного доступа инвалидов к помещениям в многоквартирном доме), находящееся в данном доме за пределами или внутри помещений и обслуживающее более одного помещения (за исключением сетей связи, необходимых для оказания услуг связи собственникам помещений в многоквартирном доме или нанимателям жилых помещений в многоквартирном доме по договорам социального найма);

4) земельный участок, на котором расположен данный дом, с элементами озеленения и благоустройства, иные предназначенные для обслуживания, эксплуатации и благоустройства данного дома и расположенные на указанном земельном участке объекты. Границы и размер земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, определяются в соответствии с требованиями земельного законодательства и законодательства о градостроительной деятельности» [1]. Такова формулировка определения данного понятия в Жилищном кодексе.

При детальном рассмотрении 36 статьи ЖК РФ можно выделить четыре основных направления. Первое направление – это помещения для обслуживания и эксплуатации многоквартирного дома [2]. Второе направление – это помещения для досуга и отдыха, используемые собственниками нескольких помещений. Третье направление — это конструктивные элементы здания. Четвертым направлением является земельный участок, занимаемый многоквартирным домом. Каждое из направлений имеет ряд проблемных вопросов, рассмотрим каждый из них по отдельности.

Первая проблема обусловлена тем, что в каждом доме имеется несколько помещений, предназначенных для обслуживания и ремонта жилых и нежилых помещений дома, однако эти помещения могут обслуживать только малое количество помещений, но оплата за содержание этих ремонтных помещений взымается со всех собственников многоквартирного дома [3]. Второй проблемой является то, что нередко услуги обслуживающих помещений необходимы всего одному подъезду, но оплата, вновь, собирается со всего многоквартирного дома. Первые проблемы могут быть решены путем изменения законодательства в части определения круга общего имущества многоквартирного дома и разграничения ответственности между собственниками помещений МКД. Например, можно было бы начислять плату за содержание только за имущество, расположенное в подъезде, в котором находится квартира собственника. Это позволило бы избежать спорных ситуаций, связанных с оплатой услуг по содержанию, а также вопросов возникших у жильцов других подъездов. Третьей проблемой стоит обозначить тот факт, что в вопросах, важных для всего обустройства жилого пространства, принимают участие все собственники помещений, в том числе и нежилых. Эти собственники нередко отсутствуют в своих домах в принципе и могут составлять несправедливую конкуренцию реальным жильцам дома. По смыслу закона они должны принимать участие наравне с собственниками квартир, при этом данное имуществе не находится в пользовании данной категории собственников. Данная проблема может быть решена путем более точного определения круга вопросов, требующих участия собственников нежилых помещений, это бы позволило упростить процедуру решения вопросов, касающихся содержания и ремонта общего имущества многоквартирного дома.

Ряд данных технических помещений необходимы для обслуживания только определенных категорий граждан, например маломобильных групп населения. Для правильного обустройства таких помещений необходимо соблюдение градостроительного законодательства. К сожалению, обустройство подобных помещений не всегда представляется возможным, так как немалое количество многоквартирных домов были возведены до введение в действие современного законодательства.

Неожиданная проблема возникла при разграничении общего имущества МКД и имущества частных лиц. К примеру, юридическое или физическое лицо самовольно заняло помещение в МКД, и возможно даже оформило права на него, тогда разрешение данного спора возможно только в судебном порядке [4]. Одна из таких ситуаций стала поводом для рассмотрения в Верховном суде РФ. В результате рассмотрения спора было установлено, что подвал многоквартирного дома не может быть собственностью частного лица, поэтому регистрация права собственности была признана незаконной и право было погашено на основании решения суда [5].

Вторая крупная проблема вытекает из положений части 1 статьи 36 ЖК РФ. Проблема связана с тем, что технические объекты могут представлять собой отдельно стоящие здания рядом с многоквартирным домом и выполнять функцию по обслуживанию и благоустройству дома. Такими объектами могут быть котельные, трансформаторные подстанции, сараи для хранения дров и угля, и так далее. Согласно действующему законодательству, данные здания должны также стоять на государственном кадастровом учете и располагаться на территории многоквартирного дома, такие объекты должны рассматриваться в качестве общего имущества.

В период изучения правоприменительной практике было установлено, что зачастую земельные участки многоквартирных домов сформированы неверно. В результате чего данные объекты вспомогательного назначения оказывается вне границ земельного участка многоквартирного дома. Свою очередь формирование земельного участка многоквартирного дома представляет собой достаточно длительную и сложную процедуру.

Эта процедура включает в себя подготовку схемы расположения земельного участка на кадастровом плане территории или подготовку проекта межевания территории. Затем необходимо утверждение документа органами местного самоуправления. Затем требуется прохождение процедуры публичных обсуждений, в которых можем принять участие, кроме заинтересованных граждан, любое лицо. То есть, земельный участок многоквартирного дома может быть сформирован в соответствии с интересами самых разных граждан, и совсем необязательно этими гражданами будут являться собственники этого дома. Это приводит к нарушению баланса интересов более того, иногда случается такое, что на одном выделенном земельном участке могут находиться более одного многоквартирного дома. Эту проблему в своей научной статье поднимает Мартынов И.Е.: «Отсутствие прямого нормативного регулирования в данном случае, закономерно привело к возникновению спорных ситуация. В частности, правовые казусы начали возникать при обращениях в органы учета и регистрации прав для постановки на учет земельного участка после введения многоквартирного дома, расположенного на нем, в эксплуатацию. Закономерно, что после многочисленных обращений, исполнительными органами власти по учету и регистрации прав были даны разъяснения, касательно применения законодательства, регулирующих данные спорные ситуации. В одном из писем Росреестра, датированном 15 февраля 2013 года под номером 14-00559/13, в частности разъясняется о том, что размещение нескольких многоквартирных домов на одном земельном участке возможно. Это разъяснение было дано в ответ на запрос, поступивший 09 сентября 2013 года. В соответствии со статьей 16 Федерального ФЗ-189, если на одном земельном участке имеется более одного многоквартирного дома, необходимо выделить отдельный земельный участок для эксплуатации каждого из них [6].»

С описанной в цитате проблемой сталкиваются многие многоквартирные дома, расположенные на одном земельном участке [7]. Суть проблемы заключается в необходимости проведения голосования всех собственников жилья во всех многоквартирных домах, чтобы разделить участки под пользование одним домом [8]. Разумеется, нужда опросить большое количество людей замедляет процесс быстрого и комфортного формирования участков и, соответственно, корректного юридического оформления жилого пространства. Данная проблема могла бы быть решена путем внесения изменений порядок формирования участка, например, ограничения круга лиц, имеющих право на участие в публичных обсуждениях. Возможные варианты круга лиц:

1) Правообладатели земельных участок смежных с образуемым участком под многоквартирный дом

2) Правообладатели земельных участков и объектов капитального строительства в границах элемента планировочной структуры (улица, бульвар, переулок и т.д.)

Сокращение круга лиц, способных оказать влияние на формирование земельного участка многоквартирного дома позволит упростить процедуру. Второй возможный вариант решения указанной выше проблемы – это отказ от самой процедуры проведения публичных обсуждений, можно было бы заменить на процедуру согласования границ по акту согласования как при уточнении границ земельного участка. Это приведет к упрощению процедуру

формирования земельного участка МКД и сведет к минимуму, влияние лиц, не владеющих помещения в данном многоквартирном доме.

Другим вопросом, достойным внимания, является тот, факт, что земельный участок МКД не может быть обременен правами третьих лиц. Но зачастую при подготовке документов были допущены ошибки в части включения в границы земельных участков МКД объектов, не относящихся к данным домам. В подобном случае могут быть нарушены права как собственников жилья, так и указанных третьих лиц, поскольку, чтобы создать на территории многоквартирного дома свой земельный участок (и здание под свои нужды, соответственно) им всё так же необходимо получить согласие всех жильцов всех домов [9]. Получение данных согласий крайне сильно замедляет процесс постройки здания, а иногда делает его осуществление невозможным. Более того, в определённых случаях собственники жилья вынуждены принять некоторые ограничения: например, право сервитута, которым могут воспользоваться все желающие прохожие и обслуживающие организации в тех случаях, когда через территорию многоквартирного дома пролегает дорога до других публичных объектов. Одним из ограничений, с которым собственники жилья столкнутся, является запрет на установку контроля входа на территорию дома. Собственники помещений МКД рассматривают данное неудобство как снижение их приватности и безопасности, что может приводить к нелегальному осуществлению контроля за своей территорией, судебным искам с городом или просто к снижению стоимости жилья ещё при застройке.

Оформление прав на земельный участок под многоквартирным домом является еще одной проблемой. По смыслу и содержанию действующего жилищного законодательства собственниками земельного участка являются все владельцы жилых и нежилых помещений, зарегистрированных в этом доме. Однако в особой ситуации утраты самого дома по какой-либо причине (например, стихийного бедствия) право общедолевой собственности на земельный участок может потерять свою силу, но только в том случае, если это право не было внесено в Единый государственный реестр недвижимости. Если же оно было внесено, то право общедолевой собственности на земельный участок сохраняется за собственниками помещений, даже при отсутствии многоквартирного дома на указанной территории. Это порождает ряд сложных земельных споров и затрудняет развитие гражданского оборота.

По содержанию статьи 36 Жилищного Кодекса Российской Федерации на земельном участке дома должны располагаться элементы благоустройства и озеленения. Эти элементы, согласно статье, являются общей собственностью всех жильцов дома. Данный факт порождает ряд проблем и вопросов. Во-первых, необходимо коллективно выяснить, какие элементы благоустройства необходимы жильцам. Во-вторых, любые зелёные посадки требуют ухода, а соответственно и средств, которые должны пополняться из муниципального бюджета. Третий вопрос связан с безопасностью. Все объекты благоустройства должны в первую очередь отвечать требованиям по безопасности, т.к. при несоблюдении требуемых норм опасности подвергаются все жители домов, их гости и работники обслуживающих организаций. Исходя из всего перечисленного, можно сделать вывод, что элементы благоустройства территорий являются одним из самых сложноконтролируемых вопросов общего имущества многоквартирного дома.

Третья крупная проблема вызвана тем, что конструктивные элементы многоквартирного дома являются частью общего имущества. Но для соблюдения современных норм и правил зачастую необходимо вносить изменения в конструктивные элементы здания. Разберем на примере: «Собственник нежилого помещения, расположенного на цокольном этаже в многоквартирном доме, желает открыть магазин. Площадь помещения, принадлежащего собственнику, составляет 150 квадратных метров [10]. Согласно действующему законодательству, нежилые помещения, расположенные в цокольных этажах для открытия магазина, должны иметь не менее чем два эвакуационных выхода. Для обустройства эвакуационного выхода необходимо произвести уменьшение внешней стены дома, также для обустройства магазина в цокольном этаже необходим пандус для маломобильных групп населения. Так как внешняя стена дома имеет признаки общего имущества, то для проведения работ по обустройству второго выхода собственнику придется получить полное согласие всех собственников помещений в многоквартирном доме. Так как предполагается использование неограниченным кругом лиц получается, что собственник недвижимости за свой счет увеличивает количество общего имущества собственников недвижимости, хотя конструктивный элемент будет относиться только к одному помещению. По результатам рассмотренной проблемы можно сделать вывод о прямом противоречии положений жилищного и градостроительного права. В результате собственник помещения в многоквартирном доме не может реализовать свои права, соблюдая требования градостроительного законодательства. В свою очередь это приводит к невозможности использования помещений под отдельные виды деятельности. Данная проблема может быть решена путем внесения в закон понятия о возможном уменьшении общего имущества многоквартирного дома с целью повышения безопасности соблюдения иных норм законодательства.

Одним из важных конструктивных элементов является фасад здания. По смыслу и содержанию статьи 36 Жилищного Кодекса Российской Федерации фасад здания является общим имуществом многоквартирного дома. Нередки ситуации, когда собственники помещений нуждаются в изменении формы и размеров оконных проемов, балконов и лоджий. Данный вид работ является по смыслу действующего законодательства работами по переустройству и перепланировке, которые не требуют согласия собственников многоквартирного дома, но при этом поскольку мы изменяем фасад дома, то согласно действующему законодательству для изменения размеров окон внешнего вида балконов и лоджий требуется подготовка проекта паспорта фасадов. Паспорт фасада должен быть утвержден полным согласием собственников помещений в многоквартирном доме. Но при этом паспорта фасада должен соответствовать требованиям, установленным в каждом муниципальном образовании. При этом даже для размещения на фасаде здания рекламной конструкции требуется подготовка проекта паспорта фасадов. В ряде муниципальных образований запрещается размещение на фасадах зданий рекламных конструкций, соответственно собственники не всегда могут использовать фасад здания для сдачи в аренду для размещения рекламы, тем самым ограничиваются их права на эксплуатацию конструктивного элемента здания.

Подводя итог, хочется сказать, что для данного института права свойственно соединения большого количества норм права из разных отраслей. В результате этого возникает немало количество спорных и порой очень сложных для решения ситуаций. Для правильного регулирования данного института права необходимо внести изменения в законодательство целого ряда отраслей таких как жилищное, земельное, градостроительное законодательство, а также в отдельные нормативно-правовые акты. Такими изменениями могут быть, например разграничения

общего имущества согласно порядку пользования собственников. Частичный раздел имущества на несколько частей многоквартирного дома, что позволит избежать получения полного согласия собственников в больших многоквартирных домах. Создание новых инструментов регулирования позволит исключить некоторые проблемы из гражданского оборота. Но этот институт права подвержен большому влиянию со стороны общественных отношений, в результате которых могут возникать те или иные проблемы.

Литература

1. Ст. Жилищного кодекса РФ// Консультант-плюс
2. Жилищно-коммунальное хозяйство, риэлтерская деятельность [Текст] / В. В. Семенихин. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва : ГроссМедиа : Российский бухгалтер, 2016. - 928 с. - (Эталон).; ISBN 978-5-4230-0470-5
3. Мартынов, И. Е. Разграничение права собственности на земельный участок, на котором располагается несколько многоквартирных домов / И. Е. Мартынов // Инновационные тенденции развития Российской науки : Материалы XVII Международной научно-практической конференции молодых ученых, Красноярск, 04–06 марта 2024 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2024. – С. 168-172. – EDN LAJFSC.
4. Мартынов, И. Е. Соотношение состава общего имущества многоквартирного дома в странах СНГ / И. Е. Мартынов // Закон и общество: история, проблемы, перспективы : Материалы XXVI Межвузовской международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, посвященной 70-летию Красноярского ГАУ, Красноярск, 21–22 апреля 2022 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2022. – С. 507-510. – EDN RUYFCP.
5. Гордеев, А. А. Общее имущество многоквартирного дома и его проблемы / А. А. Гордеев, Е. И. Вшивцев // Моя профессиональная карьера. – 2024. – Т. 3, № 67. – С. 92-103. – EDN NNENXE.
6. Винтер, О. Ю. Проблемы правового регулирования блокированной застройки / О. Ю. Винтер, Д. В. Пятков // Российско-азиатский правовой журнал. – 2025. – № 2. – С. 62-67. – DOI 10.14258/ralj(2025)2.9. – EDN JGLJXC.
7. Бобарыкина, О. А. О некоторых вопросах рассмотрения споров, связанных с поставкой коммунальных ресурсов на общедомовые нужды многоквартирных жилых домов / О. А. Бобарыкина // Арбитражные споры. – 2025. – № 2(110). – С. 1. – EDN CPVWAX.
8. Лужина, А. Н. Особенности защиты прав владельцев помещений в многоквартирных домах: на примере взыскания морального вреда с управляющих организаций / А. Н. Лужина, Т. В. Сазонова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. – 2025. – № 2. – С. 131-142. – DOI 10.31249/iajpravo/2025.02.11. – EDN FWCUIM.
9. Гончикнимаева, Б. Г. Осуществление права долевой собственности на общее имущество многоквартирного дома по Жилищному кодексу РФ / Б. Г. Гончикнимаева // Семейное и жилищное право. – 2005. – № 3. – С. 29-32. – EDN OJMCOD.
10. Определение Верховного суда РФ от 17 июля 2025 по делу № А40-88564/2023// Кад.Арбитр

Common property of an apartment building: theoretical and practical issues

Merzlyakov G.O.

Immanuel Kant Baltic Federal University

The current Russian legislation establishes the common property of real estate owners as a separate legal institution. This institution includes a range of areas, such as the common property of a garage association, a garden cooperative, and, of course, the common property of an apartment building. Before conducting the research, the goal was to address a number of problematic issues related to this legal institution. While the basic principles of this legal institution are established by housing legislation, there are still many complex situations that arise. This article aims to explore these issues and propose potential solutions.

Keywords: apartment building, common property of an apartment building, land plot, land plot of an apartment building, owners of premises in an apartment building.

References

1. Art.36 of the Housing Code of the Russian Federation// Consultant-plus
2. Housing and communal services, real estate activities [Text] / V. V. Semenikhin. - 3rd ed.,revised. and added. - Moscow : GrossMedia : Russian Accountant, 2016. - 928 p. - (Etalon).; ISBN 978-5-4230-0470-5
3. Martynov, I. E. Delineation of the Right of Ownership of a Land Plot on Which Several Apartment Buildings Are Located / I. E. Martynov // Innovative Trends in the Development of Russian Science : Materials of the XVII International Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Krasnoyarsk, March 04–06, 2024. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 2024. – P. 168-172. – EDN LAJFSC.
4. Martynov, I. E. The ratio of the composition of the common property of an apartment building in the CIS countries / I. E. Martynov // Law and Society: History, Problems, and Prospects : Materials of the XXVI Interuniversity International Scientific and Practical Conference of Students and Postgraduate Students Dedicated to the 70th Anniversary of the Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, April 21–22, 2022. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 2022. – Pp. 507-510. – EDN RUYFCP.
5. Gordeev, A. A. Common Property of an Apartment Building and Its Problems / A. A. Gordeev, E. I. Vshivtsev // My Professional Career. – 2024. – Vol. 3, No. 67. – Pp. 92-103. – EDN NNENXE.
6. Winter, O. Yu. Problems of Legal Regulation of Blocked Development / O. Yu. Winter, D. V. Pyatkov // Russian-Asian Legal Journal. – 2025. – No. 2. – Pp. 62-67. – DOI 10.14258/ralj(2025)2.9. – EDN JGLJXC.
7. Bobarykina, O. A. On Some Issues of Disputes Resolution Related to the Supply of Communal Resources for the Common House Needs of Apartment Buildings / O. A. Bobarykina // Arbitration Disputes. – 2025. – No. 2(110). – P. 1. – EDN CPVWAX.
8. Luzhina, A. N. Features of Protecting the Rights of Owners of Premises in Apartment Buildings: The Case of Recovering Moral Damages from Management Organizations / A. N. Luzhina, T. V. Sazonova // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law. – 2025. – No. 2. – Pp. 131-142. – DOI 10.31249/iajpravo/2025.02.11. – EDN FWCUIM.
9. Gonchiknimaeva, B. G. Exercise of the Right of Shared Ownership of the Common Property of an Apartment Building under the Housing Code of the Russian Federation / B. G. Gonchiknimaeva // Family and Housing Law. – 2005. – No. 3. – Pp. 29-32. – EDN OJMCOD.
10. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 17, 2025, in case No. A40-88564/2023// Kad.Arbitr

Исходные положения устойчивого развития муниципального образования как социально-экономической системы и практика их реализации

Морозков Владимир Анатольевич
канд. юрид. наук, доцент кафедры экономики, учета и финансов, доцент, Сургутский государственный университет

Статья посвящена вопросам устойчивого развития муниципальных социально-экономических систем на основе баланса внутреннего потенциала и внешних ресурсов, направленных на повышение качества жизни людей. Автором рассмотрены основные признаки и критерии устойчивости муниципального образования, влияющие на качество базового уровня территориальной организации публичной власти. Проведен анализ основных направлений устойчивого развития муниципалитетов, по реализации полномочий органами местного самоуправления по эффективному управлению общественными ресурсами.
Ключевые слова: устойчивое развитие, исходные положения устойчивости муниципального образования, социально-экономическая система, механизм устойчивого развития, стратегия социально-экономического развития, вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, административная правосубъектность, субъекты управления, социальная активность населения.

Современный этап общественного развития на фоне динамизма геополитического пространства характеризуется усложнением социально-экономических процессов и межотраслевой интеграции. Ведущие субъекты экономической деятельности, контролирующие значительные территории, а также активная хозяйственная деятельность жителей, проживающих в населенных пунктах, входящих в состав муниципального образования, далеко не всегда рационально управляют имеющимися ресурсами, что приводит к их истощению или уничтожению.

Следует отметить, что муниципальное образование является важным системным элементом, базой социально-экономического развития территории. В этой связи необходимым условием реформирования местного самоуправления является пересмотр стратегической ориентации развития муниципальных образований, нацеленной на воссоздание их способностей к самостоятельному развитию на базе собственных ресурсов.

Кроме того, традиционная модель экономического роста стран, регионов и городов к настоящему времени себя исчерпала. Сложившиеся модели развития и соответствующий характер производства и потребления не являются устойчивыми по своей сути. Имеющиеся концепции устойчивого развития, которые определяют стратегические задачи глобального и государственного уровней, глубоко не затрагивают региональные и тем более локальные (городские) уровни. В этой связи, государственная политика сбалансированного развития муниципальных территорий, направлена на повышение качества жизни и выравнивание социально-экономических диспропорций.

Среди основных векторов развития государства специалисты выделяют: децентрализацию бюджетной системы; пересмотр региональной политики и экономики с учетом перспектив развития муниципальных образований; поиск новых направлений их пространственного развития, трансформации их в «территорию, комфортную для проживания»[34].

Также необходимо учитывать, что важнейшими условиями устойчивого развития муниципальных образований являются реальное состояние имеющихся ресурсов муниципалитета для социально-экономической деятельности, природная, историко-культурная уникальность административно-территориального образования, характер и особенности осуществления полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. Важно отметить, что состояние социально-экономического положения муниципального образования как базового объекта базового уровня территориальной организации публичной власти является полным отражением эффективности управляющего воздействия всех субъектов управления, включая органы государственной власти всех уровней и органы местного самоуправления.

Исследователи указанной проблематики неоднократно отмечали, что потребность в поиске новых «точек роста» и результативных управленческих инструментов являются приоритетом для любой страны на разных этапах развития, поэтому вопросам эффективной организации экономического пространства уделяется достаточно внимания как в теории, так и на практике, что, находит отражение во множестве теоретических концепций и подходов[30].

Рассматривая содержание основных понятий, используемых в работе, отметим следующее.

Под устойчивым развитием муниципального образования понимаем всесторонний, уравновешенный процесс постоянного воздействия на социально-экономическую систему, предоставляющий возможность соразмерной совокупности экономических, социальных и экологических потребностей населения.

К социально-экономической системе относим совокупность взаимосвязанных действий субъектов отношений по обеспечению производства, распределения и потребления материальных и нематериальных благ с целью удовлетворения потребностей населения.

Устойчивость развития социально-экономической системы, как известно, характеризуется целостностью, взаимозависимостью компонентов и иерархичностью[31]. По своей сути она представляет собой постоянный процесс количественных и качественных изменений, происходящих в обществе, который охватывает экономический рост, технологическую модернизацию, улучшающих уровень и качество жизни населения.

Рассматривая теоретические основы устойчивости муниципального образования как социально-экономической системы следует подчеркнуть, что

важнейшим критерием обеспечения устойчивости этой следует считать эффективность взаимодействия основных элементов этой системы. Исследование взаимовлияний этих компонентов делает возможным выяснить, насколько успешно в муниципальной системе осуществляется взаимодействие субъекта и объекта управления с учетом прямых и обратных связей и как это влияет на качество социально-экономического потребления в целом.

Между тем на практике, жители муниципалитетов не всегда равномерно осваивают сферы экономической деятельности, что ведет к известным диспропорциям и перекосам. Так, в сфере торговли, строительстве, бытового обслуживания конкуренция значительно выше, чем в производственном, аграрном секторах экономии, рекреации и местного туризма и т.д. В любом случае, очевидно, что принципиальным моментом в развитии муниципальной социально-экономической системы является своевременный, глубокий и объективный анализ происходящих изменений во всех сферах жизнедеятельности с учетом современных вызовов и угроз.

Рассматривая устойчивость как сбалансированное развитие муниципального образования, следует учитывать основную цель социального управления – обеспечение качества жизни людей.

В мировую практику данный термин был введен как общественное развитие, удовлетворяющее потребности людей. Главным условием фактора устойчивости является отсутствие угрозы будущим поколениями по удовлетворению своих потребностей. Основной акцент ставится на бережливое отношение к природным ресурсам, бесконтрольное потребление которых негативно отражается на состоянии экосистемы. Нобелевский лауреат Элинор Остром, в этой связи отмечала, что поскольку рассматриваемая социально-экономическая система включает в себя управление общественными ресурсами на муниципальной территории, соответственно ее устойчивость, которая базируется на народнохозяйственном потенциале и общепризнанных подходов населения к общественной непредвзятости, учитывает границы допустимого воздействия на биосферу и окружающую среду в ходе производственной и хозяйственно бытовой деятельности[23].

Устойчивость социально-экономической системы, с позиции эволюции института коллективной деятельности, предполагает разработку некой теоретико-экономической модели поведения. Еще в XIX веке классик утверждал, что "всякая непосредственно общественная или совместная деятельность нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного организма в отличии от движения его самостоятельных органов"[17].

Учитывая вышеизложенное полагаем, что устойчивость муниципального образования как института коллективной деятельности должна рассматриваться через призму социального управления, с учетом анализа основных элементов данной социально-экономической системы.

В тоже время существуют и иные авторские позиции к вопросу устойчивости развития социально-экономической системы, где основой формирования критериев устойчивости является исследование взаимосвязи понятия безопасности с категорией риска. Так Н.А. Аитов указывает, что концепция риска в стратегии экономической безопасности, включает два важнейших элемента: оценку риска и управление риском. По мнению автора, оценка риска носит, как правило, экспертный, вероятностный характер. Соответственно, управление риском предполагает предвидение возможных критических социально-экономических ситуаций с тем, чтобы предотвратить, ослабить и смягчить их последствия[1].

Рассматривая инструментарий предотвращения возможных рисков Сигова М.В. отмечает, что вероятность их возникновения связана с высокой дифференциацией доходов, обусловленных территориальными различиями. Улучшение ситуации может быть достигнуто с помощью активной социальной политики предприятий и организаций, проявляющиеся в использовании такого финансового инструмента, как социально-ответственность[28]. Напротив, Бордуков С.Д., рассматривают развитие социально-экономической системы через человека, как ключевого участника исторического процесса[7].

Анализ источников относительно понятия управления также позволяет провести некоторые суждения. По мнению Л.А. Кодзоковой[13], в самом общем виде управление представляет собой деятельность по руководству чем-либо, основное предназначение которой заключается в обеспечении сохранения и функционирования определенной структуры, реализации ее жизнедеятельности. Профессор Г.В. Атаманчук характеризует управление как практическое, организующее и регулирующее воздействие государства (через систему своих структур) на общественную и частную жизнедеятельность людей в целях ее упорядочения, сокращения или преобразования, опирающееся на его властную силу[4]. В свою очередь И.А. Полянский характеризует социальное управление как целеполагающее, организующее и регулирующее воздействие людей на общественную жизнь[25]. Считаем, что определение И.А. Полянского наиболее полно определяет содержание исследуемого понятия через систему признаков, в том числе такие как: сознательная, целенаправленная деятельность людей; объект управления; системный, организующий характер деятельности; практический, результативный характер деятельности, направленный на постановку и достижение реальных целей; институциональное регулирование деятельности людей, воплощение социальных норм в конкретных общественных отношениях.

Учитывая вышеизложенное, под социальным управлением понимаем процесс постоянного, целенаправленного взаимодействия субъектов и объекта социально-экономической системы, с целью ее упорядочения и соответствия заявленным целям и задачам.

Вместе с тем, следует заметить, что в работах социологов развитие общества и государства анализируется

через призму модернизации отношений собственности, институтов власти, системы ценностей (по А. Хоннету), когда в ходе этих преобразований постепенно складывается общество развитой социальной свободы, где каждый человек, в процессе целеполагания и достижения разумной институциональной среды, ощущает поддержку в своей жизни[37]. Суть подхода состоит в создании человеку в социуме качественных условий для максимальной реализации творческого потенциала в трудовой деятельности во благо своей частной жизни, что, несомненно положительно отразится на состоянии социума.

Данная идея находит отражение в содержании Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти", в ст. 1 прямо указано, что под местным самоуправлением понимается форма самоорганизации граждан в целях осуществления народом своей власти для самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения в пределах полномочий, предусмотренных настоящим Федеральным законом[36]. Исходя из содержания указанной нормы, важнейшим общим началом устойчивости муниципального образования является самостоятельная способность органа местного самоуправления решать все вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения посредством самоорганизации.

Однако, как показывает реальное положение дел на местах, недостаток ресурсов на реализацию полномочий приводит к тому, что многие муниципальные образования испытывают хронические трудности при решении вопросов социально-экономического развития без помощи органов государственной власти регионального и федерального уровня.

Так, в Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года[26] представлена развернутая социально-экономическая характеристика сельских территорий, согласно которой из 153 тыс. сельских населенных пунктов, расположенных на территории 20,2 тыс. муниципальных образований более половины имеют число жителей от 500 до 2000 человек. Из приведенной статистики следует, что в большинстве случаев органы местного самоуправления, в силу недостаточности как финансовых средств, так и кадрового обеспечения, не в состоянии эффективно решать вопросы непосредственного жизнеобеспечения населения. Большинство из них, в соответствии со ст. 12 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти"[36] перешли на одноуровневую систему местного самоуправления в составе муниципальных районов (округов).

Однако преобразования муниципальных образований также не решают вопроса с дефицитом ресурсов для эффективного выполнения своих полномочий. Например, среди проблемных вопросов, негативно отражающихся на реализации Стратегии социально – экономического развития Мишкинского муниципального района Курганской области до 2030 года, выделены, в том числе:

- низкая эффективность использования местных природных ресурсов, в связи с отсутствием возможности их полной переработки «на месте»;
- недостаточный уровень инвестиционной привлекательности района;
- сокращение численности населения в связи с отрицательным сальдо миграции населения, высокий показатель смертности населения;
- низкий престиж сельскохозяйственного труда;
- дисбаланс спроса и предложения на рынке труда, «старение» квалифицированных кадров и низкий уровень обновления кадров в социальной сфере;
- высокий уровень износа инженерной и коммунальной инфраструктуры, производственных фондов хозяйствующих субъектов;
- недостаточное развитие материально-технической базы объектов социальной сферы;
- отсутствие ежедневного транспортного сообщения с отдалёнными населенными пунктами района и областным центром;
- неразвитая туристская инфраструктура[29].

Развивая подходы к исследованию содержания устойчивости социально-экономической системы Т.В. Мелихова, Н.А. Константинова, подчеркивают, что последняя должна быть ориентирована прежде всего на защиту интересов населения, ключевыми факторами которой следует рассматривать сбалансированность бюджета, степень зависимости от межбюджетных трансфертов, уровень безработицы, приток инвестиций, уровень развития инфраструктуры[19]. Исследователи Т.В. Ершова, Ф.С. Крейчман в свою очередь отмечают, что многие муниципалитеты при осуществлении своих полномочий явно испытывают хронический дефицит таких свойств субъекта управления, как: общее руководство, оперативное распорядительство, методическое руководство, организация, информирование, ресурсное обеспечение, регулирование, планирование[11]. Вышеуказанные причины указывают на то, что свойства объекта и предмета управления в реализации данных полномочий достаточно объемны что вызывает затруднения у исполнителей.

Вместе с тем, как отмечал О.Е. Кутафин, закрепление в Конституции Российской Федерации[15] (ст.ст. 131, 132) принципа организационной обособленности органов местного самоуправления в системе управления обществом и государством, обуславливает изменение традиционных подходов к исследованию института социального управления посредством реформирования государственно-управленческих связей с целью надлежащего обеспечения потребностей человека и гражданина[16].

Данный подход представляется актуальным с учетом принципа организационной обособленности органов местного самоуправления[35, 32, 33], приводящему к хроническому дефициту бюджетов большинства муниципалитетов, не имеющих достаточной финансовой базы местных бюджетов, формируемой за счет местных налогов, неналоговых поступлений и закрепленных нормативов отчислений от федеральных и региональных налогов. Так результаты мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2024 год показывают, что, 64,6% доходов местных бюджетов составили межбюджетные трансферты[27].

Характеризуя складывающуюся практику, исследователь О.И. Баженова указывает на принципиальное значение закрепления в законе положения о том, что расходные обязательства, возникающие в связи с исполнением органами местного самоуправления полномочий по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, исполняемые за счет средств местных бюджетов (за исключением субвенций), могут дополнительно финансироваться за счет средств федерального бюджета, федеральных государственных внебюджетных фондов и бюджетов субъектов Российской Федерации[5]. Вместе с тем, далеко не все муниципалитеты имеют такую возможность.

Исследуя вопросы сложности самостоятельной реализации полномочий органами местного самоуправления Л.С. Аникин утверждал, что, основной причиной формального, неэффективного характера реализации полномочий органами местного самоуправления является их подконтрольность вышестоящим субъектам управления[3].

Справедливость данного суждение подтверждается содержанием ст. 72 Конституции Российской Федерации, где прямо указано, что в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находятся, в том числе и установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления[15]. По определению, указанная норма, является исходным положением деятельности рассматриваемых субъектов деятельности и, соответственно, важнейшим фактором поддержания устойчивости муниципалитета всеми субъектами управления. Однако, по силе управленческого воздействия на социально-экономические процессы, «авторитету власти», организационной и функциональной самостоятельности, активном характере исполнительно-распорядительной деятельности, органы местного самоуправления заметно уступали вышестоящим субъектам управления[9].

Данную тенденцию в системе публичной власти, с позиции М.Н. Матвеева[18], следует рассматривать в контексте федерализации и борьбы центра и регионов за права в еще в начале 90-х годов XX века, когда в условиях трансформации политической системы местное самоуправление как форма власти перераспределяла часть полномочий с федерального и регионального уровней на муниципальный. При этом в ходе реформы местного самоуправления центр стремился ослабить губернаторов, которые, в свою очередь, путем минимизации роли и значения местного самоуправления как самостоятельного субъекта управления, пытались отстоять максимум своих властных полномочий.

В складывающейся обстановке взаимодействие муниципалитетов с региональными органами власти характеризовались как сложное, конкурентное, отмеченное острой политической борьбой. Это вело к тому, что органы местной власти стремились проводить политику независимости от региональной власти и ограничения уровня ответственности перед населением. Отсюда и двойственная природа местной власти, которая выражалась в том, что по отношению к органам государственной власти органы местного самоуправления играли роль представителей народа, а по отношению к народу - агентов государства[18]. В данных обстоятельствах крайне сложно приходилось поддерживать и развивать степень социально-экономической устойчивости муниципального образования.

Между тем, в последние годы политика государства по определению статуса органов местного самоуправления как конституционно-правового института в единой системе публичной власти существенно меняется[35,32, 33]. Становится очевидным, что преодоление проблем, связанных с необходимостью баланса между централизацией и децентрализацией

Новые тенденции политики федерального центра, по развитию муниципального управления находят отражение в процессе совершенствования законодательства по вопросам правового регулирования устойчивого развития органов местного самоуправления. муниципальных образований. Это следует, прежде всего из положений новой редакции Конституции РФ, где прямо указано, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. (Конституция РФ)[15].

Основы взаимодействия всех ветвей власти также закреплены Федеральным законом "О Государственном Совете Российской Федерации" положения, где в ст. 1. дается понятие единой системой публичной власти как федеральных органов государственной власти, органов местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах взаимодействия свою деятельность, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства[3.

Несмотря на это, до недавнего времени на публичных площадках различного уровня, при обсуждении принимаемых управленческих решений по вопросам местного самоуправления звучали мнения о низком уровне развитости в обществе традиционной демократии и неготовности объекта управления, в лице граждан взять на себя всю ответственность за попытки самостоятельной реализации управленческих решений вопросов местного значения[2]. Известные общественные деятели также публично высказывались по поводу степени развития демократических преобразований в современном российском обществе, отмечая, что когда наверху оказывается человек, некомпетентный в управлении, то дальше идет система отрицательного отбора, где каждый бюрократ, во избежание угрозы нарушения системы, будет выбирать подчиненных еще менее компетентных[22]. Рассматривая западную модель местного самоуправления А.С. Кончаловский отмечал, что там, наоборот, управление социумом, согласно Европейской хартии местного самоуправления[10], строится снизу, поскольку изначально доверяют компетентному выбору значительной массы людей, что и отражает демократический принцип[20].

Как отмечалось выше, Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти"[36] закрепляя базовые экономические, социальные, организационные основы устойчивого развития муниципальных образований, встраивает их в единую систему публичной власти, определяет их полномочия и гарантирует права граждан на самостоятельное решение вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

Однако, очевидно, что объем полномочий органов местного самоуправления, закрепленный в ст. 32 Закона значительно перенасыщен и избыточен. По мнению М.С. Басиева[6], представленный перечень вопросов хотя и достаточно точно отражает потребности населения, но явно выходит за пределы интересов местных сообществ, поскольку в должной мере не защищает их интересы.

В этой связи считаем, что поскольку вышеуказанные вопросы играют важнейшую роль в обеспечении устойчивого развития муниципальных образований, указанная норма Закона нуждается в корректировке полномочий субъекта управления на муниципальном уровне, по решению именно тех вопросов экономического, социального и экологического характера, от которых напрямую зависит жизнедеятельности населения.

Наряду с этим, следует подчеркнуть, что приведенный в законе перечень вопросов финансово-экономической и социально-культурной составляющей в большинстве поселениях муниципальных образований сельской местности в полноценном формате изначально не реализуем по причине недостаточного финансирования и ресурсного обеспечения[38]. Как показывают материалы исследований[24], программы развития муниципалитетов зачастую имеют преимущественно описательный характер. В них недостаточно четко сформулированы цели и задачи, отсутствуют действенные механизмы реализации и достижения конкретных результатов заявленных направлений устойчивого развития. Очень слабо отражены вопросы согласованности со стратегиями развития регионального и федерального уровней, отсутствуют реальные расчеты финансового обеспечения решения конкретных, острых вопросов местного значения[29].

Полагаем, что в случаях, когда состояние бюджетов муниципалитетов, по причине отсутствия на эти цели финансирования не позволяет обеспечивать реализацию этих вопросов, должен своевременно включаться механизм передачи этих полномочий наверх, либо усиления финансовой основы нижестоящих структур.

В качестве примера можно привести многолетнюю транспортную проблему Альменевского муниципального округа Курганской области, связанную с затянувшимся ремонтом участка дороги протяженностью 12 км. единственной муниципальной трассы, соединяющих большинство сел с районным центром[9]. Местная администрация не могла обеспечить финансирование реконструкции дороги своими силами. Региональные власти также ссылались на отсутствие на финансирование реконструкции этого участка дороги, поскольку все фонды были использованы на реконструкцию дорог других муниципалитетов[21].

Очевидно, что в приведенном случае невозможность реализации полномочий по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения в силу отсутствия ресурсов, как представляется, должна влечь за собой либо их передачу наверх, либо усиление собственной финансовой основы.

С целью устранения возникающих сложностей и преодоления противоречий между субъектами управления М.С. Басиев предлагает классифицировать вопросы непосредственного обеспечения населения на две группы: непосредственно относящихся к местному самоуправлению и не подлежащие изменению; реализуемые муниципальными образованиями полномочия, делегированные федеральными и региональными органами власти. По мнению автора, представленная классификация позволяет, прежде всего, обеспечить защиту непосредственных полномочий органов местного самоуправления от их изменения или перераспределения федеральными или региональными органами государственной власти, а также получать финансирование на делегированных государственных полномочий[6].

Принимая необходимость выработки четкого алгоритма реализации вопросов местного значения, от которых напрямую зависит жизнедеятельность населения, предлагаем их систематизировать по сферам ответственности: жилищно-коммунальное хозяйство и благоустройство; социальная сфера и среда; пространственное развитие; безопасность и управление. Полагаем, что такая структура будет способствовать более эффективному распределению бюджетных ресурсов органами местного самоуправления эффективнее распределять бюджетные ресурсы и оперативно реагировать на повседневные нужды граждан.

Как было отмечено ранее, муниципальные образования в самостоятельном решении вопросов социально-экономического развития довольно часто испытывают трудности, связанные нехваткой ресурсного обеспечения различного характера. Отдельные исследователи, анализирующие прошлый опыт системы местного самоуправления, указывают на «глубокое упадничество» отдельных этапов его развития, ссылаясь при этом на глубокие исторические корни.

Тем не менее история развития местного самоуправления знает и положительные примеры устойчивого развития муниципальных образований посредством общественного управления. Так в дореволюционном Челябинске голова города на должность городского головы избирались граждане, способные управлять городским хозяйством на общественных началах. Должность считалась весьма почетной. В период конца XIX начала XX века перед главами городов России стояла задача проводить благоустройство своих городов. Требовалось замостить дороги, провести водопровод и канализацию, осветить улицы, построить учебные заведения, больницы, театры и многое другое, что повысило бы уровень жизни, быта и культуры горожан. Рассматривая элементы правосубъектности Городского головы, отметим, что это высшее должностное лицо городского самоуправления в России в период 1785–1919. Впервые должность городского головы была установлена «Жалованной грамотой городам» (1785). Согласно «Грамоте», все выборные должности избирались на 3-летний срок. В функции городского головы входило решение вопросов городского транспорта, освещения, отопления, водоснабжения, торговли, заведования школьными медицинскими и благотворительными делами, содержания тюрем, промышленности.

Как свидетельствуют исторические документы для руководящей работы требовались высокие профессиональные и личностные качества управленцев. Задачи деятельности глав городов были схожи, проблемы, стоящие перед ними в тот период были одинаковые, но имели свои результаты, особенности и размах. В отличие от екатеринбургских глав, голове Челябинска, врачу по профессии, А.Ф. Бейвелю удалось сделать многое для города. Возможно, он был более решителен и инициативен в решении городских проблем, чем они. А порой даже дерзок, в нахождении финансовых средств. Достаточно вспомнить Заседание Городской Думы от 31 октября 1906 г., когда было принято решение об изъятии торговых лавок в городское управление и сдачу их в аренду (по 100 руб. в год с одной лавки)[12]. Несмотря на скандал, Бейвель непреклонен, он уверен, что охраняет интересы города и судится с лавочниками. Суд выигрывает. Вскоре в городе построены каменные торговые ряды. Торговля в центре города происходит в более цивилизованных условиях[8]. А.Ф. Бейвель обладал даром убеждения. Сумел уговорить г-на Колбина – известного предпринимателя Челябинска, за освещение взять по 110 рублей в год за фонарь, вместо 125 рублей, да еще в придачу обязал его «бесплатно дать энергию, уголь и уход для 4-х фонарей» в городе[12].

Из приведенного примера следует вывод о роли профессиональных и личностных качествах руководителя муниципального образования в реализации исходных положений его устойчивого развития.

Резюмируя вышеизложенное отметим следующие выводы и результаты.

Под устойчивостью муниципального образования рассматриваем всесторонний, сбалансированный процесс постоянного воздействия на социально-экономическую систему, способствующий самостоятельной реализации соразмерной совокупности экономических, социальных и экологических потребностей населения.

Исследуя критерии устойчивости муниципального образования как социально-экономической системы, необходимо учитывать такие важнейшие факторы как бюджетная самостоятельность, занятость населения, развитость инфраструктуры, качество окружающей среды, степень взаимодействия муниципалитета с экономикой и институтами гражданского общества.

Показатели эффективности, как критерии оценки уровня социально-экономического развития муниципального образования должны выступать не в качестве свидетелей сухой статистики, а являться исходным положением в построении и реализации управленческой модели по решения вопросов местного значения с целью повышения качества жизни.

Устойчивость муниципального образования как институт коллективной деятельности должна рассматриваться через призму социального управления, с учетом анализа основных элементов данной социально-экономической системы.

Принципиальным моментом в развитии муниципальных образований является своевременный, глубокий и объективный социально-экономический анализ жизнедеятельности населения, с учетом исторического опыта освоения муниципальных территорий, стратегического интереса государства и заинтересованности населения.

Литература

1. Аитов Н.А. Социальное развитие регионов. М.: Мысль, 1985. 220 с. (Социология и жизнь).
2. Андреева О.А., Яценко О.Е. Политика взаимоотношений государства и местного самоуправления в процессе его реформирования в РФ // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2025. № 4. С. 36–41. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_87232222_18953530.pdf (дата обращения: 26.05.20236). EDN: MKYUYK.
3. Аникин Л.С. Институционализация местного самоуправления как способ самоорганизации современного российского общества: дис. д-ра …социол. наук : 22.00.05. Саратов, 1997. 279 с. URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01000196654 (дата обращения: 25.05.20236).
4. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления : учебник. 2-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2011. 525 с.
5. Баженова О.И. «Переходные положения» закона как инструмент воздействия государства на местное самоуправление. Акт третий // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 6. С 33–41. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=82523574&ysclid=mq7nh1zlpm596216079 (дата обращения: 25.05.20236). EDN: HKLHZX.
6. Басиев М.С. Совершенствование компетенции местного самоуправления в Российской Федерации в условиях единства публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 8. С. 52–56. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82868419 (дата обращения: 25.05.20236). EDN: SQACIS.
7. Бодрунов С.Д. Социализация: тернистый путь к ноономике // Экономическое возрождение России, 2020. № 4 (66). С. 5–12. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44785871_54002663.pdf (дата обращения: 26.05.20236). EDN: MALSNG.
8. Грибанов, Р. Челябинские градоначальники / Р. Грибанов // Челябинский рабочий. – 2001. – 13 сент.
9. Дубонос С.М. Становление исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления как института публичного управления : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Ставрополь, 2011. 182 с. URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004973804 (дата обращения: 25.05.20236).
10. Европейская хартия местного самоуправления от 15 октября 1985 года // Кодекс : [сайт]. URL:https://docs.cntd.ru/document/1901042?ysclid=mq7o79vci133841135 (дата обращения: 26.05.20236).
11. Ершова Т.В. Крейчман Ф.С. Проблемы коллективного управления ресурсом совместного пользования (по мотивам работ нобелевского лауреата Элинор Остром) // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2010. № 2. С. 180–187. URL: https://elibrary.ru/phvryp?ysclid=mq7mytvyj1332285708 (дата обращения: 25.05.20236). EDN: PHVRYP.
12. Заседание Думы // Голос Приуралья. 1906. № 6.
13. Кодзокова Л.А. Понятие управления как сферы применения норм административного права. Теория и практика общественного развития // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 120–122. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=24395350&ysclid=mq7kw1bter608375128 (дата обращения: 26.05.20236). EDN: UNVXYX.
14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Некоммерческая версия КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mq7nlwqm8o599564676 (дата обращения: 25.05.20236).
15. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Некоммерческая версия КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mq7n3cxqg1287234076 (дата обращения: 25.05.20236).
16. Кутафин О. Е., Фадеев. В. И. Муниципальное право Российской Федерации: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юристь, 2014. 559 с.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. VI, 907 с.
18. Матвеев М. Н. Докторская диссертация «Власть и общество в системе местного самоуправления России в 1977–2003 годах» – Заключение // Михаил Матвеев – депутат государственной Думы : офиц. Сайт. URL: http://www.m-matveev.ru/index.php/publikacii/publ-diss/538 (дата обращения: 26.05.20236).
19. Мелихова Т. В., Константинова Н. А. Оценка уровня экономической безопасности Ушаковского муниципального образования Иркутского района Иркутской области / Т. В. Мелихова, Н. А. Константинова // Инновации и продовольственная безопасность. 2025. № 4 (50). С. 158–165. https://doi.org/10.31677/2311-0651-2025-50-4-158-165
20. Минабутдинов С., Михеев С, Новоселова Е. Андрей Кончаловский: Огромная масса русских людей к демократии не готова : [интервью] // Российская газета : Интернет-портал. 12.03.2012. URL: https://rg.ru/2012/03/12/demokratia.html (дата обращения: 26.05.20236).
21. Нуцулханов Т. Курганские власти нашли подрядчика для ремонта проблемной дороги // УРА.РУ : сайт информационно-аналитического агентства. 05.09.2023. URL: https://ura.news/news/1052682356 (дата обращения: 25.05.20236).
22. Николаева, Н. Владимир Познер: Россия по своим истокам вовсе не демократическая страна : [интервью] // Познер Online : официальный сайт Владимира Познера. 03.09.2012. URL: https://pozneronline.ru/2012/09/2875 (дата обращения: 26.05.20236).
23. Остром Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности: монография. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. 403 с.
24. Пивоварова О.В. Управление социально-экономическим развитием муниципального образования: особенности и направления совершенствования : монография. М.: КноРус, 2022. 246 с. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49841740&ysclid=mq7ozfo84e419093175 (дата обращения: 26.05.20236). EDN: FOSZIB.
25. Полянский И.А., Трофимов Е.В. Административное право в схемах и определениях. М.: Эксмо, 2011. 384 с.
26. Распоряжение правительства Российской Федерации «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года (с изменениями на 13 января 2017 года)» от 2 февраля 2015 года № 151-р // Кодекс : [сайт]. URL:https://docs.cntd.ru/document/420251273?ysclid=mq7rvj5srs580415535 (дата обращения: 25.05.20236).

27. Результаты мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2024 год / М-во финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/06/main/Rezultaty_monitoringa_mestnykh_budzhetov.pdf (дата обращения: 25.05.20236).

28. Сигова М.В. Социальная ответственность инвестиции и социальная инклюзивность российских компаний // Финансовый журнал, 2025. Т 17, № 5. С. 59–75. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-5-59-75.

29. Стратегия социально – экономического развития Мишкинского района до 2030 года / Администрация Мишкин. р-на Курган. обл. [Мишкино], 2017. URL: http://www.economic.kurganobl.ru/assets/files/municipal/strat/2017/14.pdf (дата обращения: 26.05.2026).

30. Строев П.В., Пивоварова О.В. Роль муниципальных образований в эффективной организации экономического пространства России // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 8. С. 4649–4662. https://doi.org/10.18334/epp.14.8.121270.

31. Теоретические основы устойчивого развития социально-экономических систем и воспроизводственные процессы экономики / А. В. Ревкуц [и др.] // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 12-2. С. 304–308. https://doi.org/10.17513/vaael.3921.

32. Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» от 07.05.2024 № 309 // Некоммерческая версия КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/?ysclid=mq7s23xuz8715371103 (дата обращения: 25.05.20236).

33. Указ Президента РФ «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 29.03.2017 № 133). // Некоммерческая версия КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72244/?ysclid=mq7s3onidn348168756 (дата обращения: 25.05.20236).

34. Харитонова Ю.С. Анализ устойчивости развития муниципальных образований республики Мордовия // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 67–72. URL: https://elibrary.ru/qnlidx (дата обращения: 26.05.20236). EDN: QNLIDX

35. Федеральный закон «О Государственном Совете Российской Федерации» от 08.12.2020 № 394-ФЗ // Некоммерческая версия КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105/?ysclid=mq7rzpjpvg461727517 (дата обращения: 25.05.20236).

36. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» от 20.03.2025 № 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Некоммерческая версия КонсультантПлюс : [сайт]. – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319 (дата обращения: 25.05.20236).

37. Шачин С.В., Шачина А.Ю. Концепция общества социальной свободы Акселя Хоннета // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022 № 25 (1). С. 52–69. https://doi.Org/10.31119/jssa.2022.25.1.2.

38. Шурыгина Е.С. Некоторые особенности реализации компетенции местного самоуправления в условиях недостаточного финансирования // Местное право. 2025. № 2. С. 29–49. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=80599956 (дата обращения: 26.05.20236). EDN: BCQIGO.

Initial provisions for sustainable development of a municipality as a socio-economic system and their implementation practice

Morozkov V.A.
Surgut State University

This article examines the sustainable development of municipal socioeconomic systems based on a balance of internal potential and external resources aimed at improving people's quality of life. The author examines the key features and criteria of municipal sustainability, which influence the quality of the basic level of territorial organization of public authority. An analysis of the key areas of municipal sustainable development is provided, focusing on the exercise of local government authority's powers to effectively manage public resources.

Keywords: sustainable development, initial provisions for the sustainability of a municipality, socio-economic system, mechanism for sustainable development, strategy for socio-economic development, issues of direct provision of vital activity of the population, administrative legal capacity, subjects of governance, social activity of the population.

References

1. Aitov, N.A. “Social Development of Regions.” Moscow: Mysl’, 1985, 220 p. (Sociology and Life).
2. Andreeva, O.A., Yatsenko, O.E. “Policy of Relations between the State and Local Self-Government in the Process of Its Reform in the Russian Federation.” Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics. 2025, No. 4, pp. 36–41. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_87232222_18953530.pdf (accessed: 26.05.20236). EDN: MKYUYK.
3. Anikin, L.S. “Institutionalization of Local Self-Government as a Method of Self-Organization of Modern Russian Society.” Doctor of Sociological Sciences Dissertation: 22.00.05. Saratov, 1997. 279 p. URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01000196654 (date of access: 25.05.20236).
4. Atamanchuk G.V. Theory of public administration: textbook. 2nd ed., reprinted. Moscow: Omega-L, 2011. 525 p.
5. Bazhenova O.I. "Transitional provisions" of the law as an instrument of state influence on local self-government. Act Three // Constitutional and municipal law. 2025. No. 6. pp. 33–41. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=82523574&ysclid=mq7nh1zlpm596216079 (accessed on 25.05.20236). EDN: HKLHZX.
6. Basiev M.S. Improving the Competence of Local Self-Government in the Russian Federation in the Context of the Unity of Public Authority // Constitutional and Municipal Law. 2025. No. 8. pp. 52–56. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82868419 (accessed on 25.05.20236). EDN: SQACIS.
7. Bodrunov S.D. Socialization: The Thorny Path to Noonomics // Economic Revival of Russia, 2020. No. 4 (66). P. 5–12. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44785871_54002663.pdf (accessed on 26.05.20236). EDN: MALSNG.
8. Gribanov, R. Chelyabinsk mayors / R. Gribanov // Chelyabinsk worker. – 2001. – September 13.
9. Dubonos, S.M. Formation of executive bodies of local self-government as an institution of public administration: diss. ... Cand. of Political Sciences: 23.00.02. Stavropol, 2011. 182 p. URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004973804 (accessed on 25.05.20236).
10. European Charter of Local Self-Government of 15 October 1985 // Code: [website]. URL: https://docs.cntd.ru/document/1901042?ysclid=mq7o79vci133841135 (accessed: 26.05.20236).
11. Ershova T.V. Kreichman F.S. Problems of collective management of a shared resource (based on the works of Nobel laureate Elinor Ostrom) // Management and Business Administration. 2010. No. 2. pp. 180–187. URL: https://elibrary.ru/phvryp?ysclid=mq7mytvyj1332285708 (accessed: 25.05.20236). EDN: PHVRYP.
12. Duma Session // Voice of the Urals. 1906. No. 6.
13. Kodzokova L.A. The Concept of Management as a Sphere of Application of Administrative Law Norms. Theory and Practice of Social Development // Theory and Practice of Social Development. 2015. No. 20. pp. 120–122. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=24395350&ysclid=mq7kw1bter608375128 (accessed on 26.05.20236). EDN: UNVXYX.
14. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Non-commercial version of ConsultantPlus: [website]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mq7nlwqm8o599564676 (date of access: 25.05.20236).
15. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of 21.07.2014 No. 11-FKZ) // Non-commercial version of ConsultantPlus: [website]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mq7n3cxqg1287234076 (accessed: 25.05.20236).
16. Kutafin O. E., Fadeev. V. I. Municipal Law of the Russian Federation: textbook. 5th ed., revised and enlarged. Moscow: Yurist, 2014. 559 p.
17. Marx K., Engels F. Works: in 30 volumes. Vol. 23. Moscow: Gospolitizdat, 1960. VI, 907 p.
18. Matveev M. N. Doctoral dissertation "Power and Society in the System of Local Self-Government in Russia in 1977-2003" - Conclusion // Mikhail Matveev - State Duma Deputy: official. Website. URL: http://www.m-matveev.ru/index.php/publikacii/publ-diss/538 (accessed: 05/26/20236).

19. Melikhova T. V., Konstantinova N. A. Assessment of the Level of Economic Security of the Ushakovskoye Municipal Formation of the Irkutsk District of the Irkutsk Region / T. V. Melikhova, N. A. Konstantinova // Innovations and Food Security. 2025. No. 4 (50). Pp. 158-165. https://doi.org/10.31677/2311-0651-2025-50-4-158-165
20. Minabutdinov S., Mikheev S., Novoselova E. Andrei Konchalovsky: The Huge Mass of Russian People Are Not Ready for Democracy: [Interview] // Rossiyskaya Gazeta: Internet Portal. March 12, 2012. URL: https://rg.ru/2012/03/12/demokratia.html (accessed on May 26, 2023).
21. Nutsulkhanov T. Kurgan Authorities Find Contractor to Repair Problem Road // URA.RU: Website of the Information and Analytical Agency. September 5, 2023. URL: https://ura.news/news/1052682356 (accessed: 25.05.20236).
22. Nikolaeva, N. Vladimir Pozner: Russia is not democratic in its origins.
23. Ostrom E. Managing the Common. Evolution of Institutions of Collective Activity: Monograph. Moscow: IRISEN, Mysl, 2010. 403 p.
24. Pivovarova O.V. Managing the Socioeconomic Development of a Municipality: Features and Areas of Improvement: Monograph. Moscow: Knorus, 2022. 246 p. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49841740&ysclid=mq7ozfo84e419093175 (date of access: 26.05.20236). EDN: FOSZIB.
25. Polyansky I.A., Trofimov E.V. Administrative Law in Diagrams and Definitions. Moscow: Eksmo, 2011. 384 p.
26. Order of the Government of the Russian Federation "On Approval of the Strategy for Sustainable Development of Rural Territories of the Russian Federation through 2030 (as amended on January 13, 2017)" dated February 2, 2015, No. 151-r // Code: [website]. URL: https://docs.cntd.ru/document/420251273?ysclid=mq7rvj5srs580415535 (accessed: May 25, 2023).
27. Results of Monitoring the Execution of Local Budgets and Interbudgetary Relations in the Constituent Entities of the Russian Federation at the Regional and Municipal Levels for 2024 / Ministry of Finance of the Russian Federation. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/06/main/Rezultaty_monitoringa_mestnykh_budzhetov.pdf (accessed: 25.05.20236).
28. Sigova M.V. Social responsibility of investments and social inclusiveness of Russian companies // Financial Journal, 2025. Vol. 17, No. 5. pp. 59–75. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2025-5-59-75.
29. Strategy for the socio-economic development of the Mishkinsky district until 2030 / Administration of the Mishkinsky district, Kurgan region. [Mishkino], 2017. URL: http://www.economic.kurganobl.ru/assets/files/municipal/strat/2017/14.pdf (date of access: 26.05.2026).
30. Stroev P.V., Pivovarova O.V. The role of municipalities in the effective organization of the economic space of Russia // Economy, entrepreneurship and law. 2024. Vol. 14, No. 8. pp. 4649–4662. https://doi.org/10.18334/epp.14.8.121270.
31. Theoretical foundations of sustainable development of socio-economic systems and reproduction processes of the economy / A.V. Revkuts [et al.] // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2024. No. 12-2. pp. 304–308. https://doi.org/10.17513/vaael.3921.
32. Decree of the President of the Russian Federation "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Perspective up to 2036" dated 07.05.2024 No. 309 // Non-commercial version of ConsultantPlus: [website]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/?ysclid=mq7s23xuz8715371103 (date of access: 25.05.20236).
33. Decree of the President of the Russian Federation "On the Council under the President of the Russian Federation for the Development of Local Self-Government" (as amended by Decree of the President of the Russian Federation dated 29.03.2017 No. 133). // Non-commercial version of ConsultantPlus: [website]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72244/?ysclid=mq7s3onidn348168756 (accessed: 25.05.20236).
34. Kharitonova Yu.S. Analysis of the sustainability of development of municipalities of the Republic of Mordovia // Bulletin of NSU. Series: Social and Economic Sciences. 2013. Vol. 13, issue 1. pp. 67–72. URL: https://elibrary.ru/qnlidx (accessed: 26.05.20236). EDN: QNLIDX
35. Federal Law "On the State Council of the Russian Federation" dated 08.12.2020 No. 394-FZ // Non-commercial version of ConsultantPlus: [website]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105/?ysclid=mq7rzpjpvg461727517 (accessed: 25.05.20236).
36. Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority" dated 20.03.2025 No. 33-FZ (as amended on 09.04.2026) // Non-commercial version of ConsultantPlus: [website]. – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319 (accessed on 25.05.20236).
37. Shachin S.V., Shachina A.Yu. Axel Honneth's Concept of a Society of Social Freedom // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2022, No. 25 (1). pp. 52–69. https://doi.Org/10.31119/jssa.2022.25.1.2.
38. Shurygina E.S. Some Features of the Implementation of Local Self-Government Competence in Conditions of Insufficient Funding // Local Law. 2025, No. 2, pp. 29–49. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=80599956 (accessed on 26.05.20236). EDN: BCQIGO.

Осуществление и защита цифровых прав в системе гражданско-правовых средств защиты законных интересов

Никольский Никита Владимирович
аспирант, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Nikolskii99@yandex.ru

В статье исследуются особенности осуществления и защиты цифровых прав в общем контексте применения гражданско-правовых средств защиты законных интересов собственников. Анализируется зависимость реализации цифровых прав от особенностей функционирования информационных систем и алгоритмических механизмов ограничения доступа к цифровым объектам. Защита гражданских прав собственников цифровых активов во многом зависит от решения вопроса о соотношении субъективного права и законного интереса правообладателя, а также и технической инфраструктуры (платформы), обеспечивающей оборот этих активов. Рассматриваются проблемы алгоритмического ограничения осуществления цифровых прав. Поднимается проблема допустимости внесудебного вмешательства в сферу реализации правомочий субъектов цифрового оборота. Исследуется правовая природа восстановления доступа к цифровому активу и его место в системе способов защиты гражданских прав. Сделан вывод о том, что в условиях цифрового оборота нарушение законного интереса собственника цифрового актива (обладателя цифрового права) возможно при утрате технической возможности его реализации. Отмечено, что действующие способы защиты гражданских прав требуют преобразования с учетом специфики цифровой среды, поскольку защита цифровых прав требует обеспечения возможности его использования посредством соответствующей информационной системы.
Ключевые слова: цифровые права, цифровой актив, законный интерес, защита гражданских прав, информационная система, оператор информационной системы.

Интенсивное развитие рынка цифровых объектов преображает внешний облик современного имущественного оборота. Меняется характер осуществления прав собственности в отношении принципиально новых объектов. Так, осуществление цифровых прав в современном имущественном обороте связано с использованием информационных систем, которые обеспечивают фиксацию, учет, передачу и подтверждение принадлежности цифрового актива собственнику. В отличие от традиционных видов имущества, цифровые объекты существуют в электронной среде, то есть представляют собой, по мнению Е.А. Суханова, «технический способ фиксации определенных законом имущественных прав (главным образом обязательственных и корпоративных), осуществление которых возможно лишь с помощью специальных компьютерных технологий в пределах известных информационных систем» [1, с. 7].

Осуществление цифрового права требует сохранения доступа к соответствующей информационной системе, прохождения процедур идентификации, подтверждения полномочий владельца и функционирования программной инфраструктуры, в рамках которой существует цифровой актив. Вследствие этого возникают ситуации, при которых право продолжает принадлежать субъекту в юридическом смысле, однако возможность его использования (право пользования) оказывается ограниченной либо даже полностью утраченной.

Примером подобной ситуации может быть блокировка учетной записи пользователя, компрометация средств идентификации, утрата ключа доступа к цифровому активу, технический сбой распределенного реестра, ограничении доступа со стороны оператора информационной системы.

Например, пользователь приобретает цифровой финансовый актив через информационную систему оператора, включенного в реестр Банка России. И, вследствие автоматической блокировки учетной записи, пользователь утрачивает возможность авторизации в системе. Или оператор российской инвестиционной платформы учета цифровых финансовых активов может автоматически заблокировать учетную запись пользователя при выявлении «нетипичной активности» либо несоответствия параметров идентификации требованиям внутреннего комплаенс-контроля.

Здесь стоит отметить, что аналогичные механизмы используются зарубежными криптовалютными биржами (например, Binance или Coinbase), согласно правилам которых доступ к цифровым кошелькам может быть ограничен при подозрении на нарушение правил AML/KYC, изменении IP-адреса пользователя, попытке входа с нового устройства, выявлении алгоритмом иных признаков компрометации учетной записи. Иногда подобная блокировка осуществляется автоматически без предварительного уведомления правообладателя.

Схожая ситуация возможна и на платформах распространения цифрового контента. Например, учетная запись пользователя в экосистеме Steam или Apple ID может быть ограничена вследствие предполагаемого нарушения пользовательского соглашения. В результате собственник утрачивает возможность доступа к ранее приобретенным цифровым объектам — игровым библиотекам, лицензиям на программное обеспечение, NFT-объектам, внутренним токенам платформы. При этом сами цифровые объекты сохраняются в системе и продолжают быть связанными с соответствующей учетной записью.

Во всех перечисленных случаях принадлежность цифрового права может сохраняться, однако правообладатель фактически лишается возможности распоряжаться активом.

В рамках традиционной конструкции гражданского правоотношения нарушение интереса управомоченного лица обычно связывается с посягательством на субъективное право. Между тем в цифровом обороте нарушение законного интереса правообладателя возможно и при отсутствии нарушения самого права. Если цифровой актив продолжает учитываться за соответствующим субъектом, однако доступ к нему утрачен вследствие технических ограничений, то возникает ситуация, при которой право оказывается недоступным для реализации.

В подобных случаях проблемой является восстановление возможности его осуществления, и как следствие, ограниченность традиционных средств гражданско-правовой защиты прав собственника.

Отметим роль оператора информационной системы в механизме осуществления цифровых прав. Согласно Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» оператор информационной системы осуществляет «деятельность по эксплуатации информационной системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в ее базах данных» (ст. 2). Эта деятельность предполагает «алгоритмический код, результат работы компьютерной программы» [2, с. 18].

При этом вмешательство оператора информационной системы способно повлечь ограничение осуществления цифрового права даже при отсутствии спора о принадлежности актива. Блокировка учетной записи, приостановление операций, отказ в прохождении идентификации, изменение технических условий доступа могут привести к невозможности распоряжения цифровым активом без прекращения самого субъективного права [3].

Все это позволяет поставить вопрос о самостоятельном значении законного интереса владельца цифрового права в механизме гражданско-правовой защиты. В цифровом обороте интерес правообладателя связан с сохранением фактической возможности его использования. Поэтому нарушение интереса может выражаться в создании технических препятствий к осуществлению права даже в отсутствие оспаривания принадлежности цифрового актива – это «результат функционирования компьютерной программы, вне работы которой они не могут быть использованы по назначению» [4, с. 56].

В результате можно констатировать заметный дефицит средств защиты законны интересов собственника – перечень традиционных способов защиты гражданских прав оказывается недостаточным. Так, требование о признании права в подобных ситуациях зачастую не устраняет нарушение интереса правообладателя – принадлежность цифрового актива не ставится под сомнение. Применение конструкции восстановления положения, существовавшего до нарушения права, также затруднительно, так как основная проблема связана с обеспечением доступа к информационной системе [5].

Вследствие этого в цифровом обороте возникает необходимость расширенного понимания механизма гражданско-правовой защиты с учетом специфики осуществления цифровых прав посредством информационной инфраструктуры.

Осуществление цифровых прав сопровождается использованием автоматизированных механизмов контроля доступа и исполнения обязательств без непосредственного участия человека. Типичным примером здесь могут быть механизмы автоматического исполнения условий договора. Развитие смарт-контрактов создало ситуацию, при которой ограничение возможности реализации субъективного права может осуществляться автоматически. В основном такие инструменты используются в целях предотвращения неправомерных действий в цифровом обороте. При выявлении подозрительной транзакции система способна автоматически приостановить операцию, то есть имеется ограничение «в части обращения к третьему лицу, в частности с нормой о возможности осуществлять, распоряжаться либо ограничить распоряжение цифровым правом исключительно в информационной системе, не обращаясь к третьему лицу» [6, с. 145].

Наиболее показательно указанная проблема проявляется при использовании смарт-контрактов. Их особенностью является автоматическое исполнение заранее запрограммированных условий без дополнительного волеизъявления сторон после запуска механизма исполнения. Если в код смарт-контракта включено условие о блокировке цифрового актива при наступлении определенного события, то соответствующее ограничение вводиться автоматически.

В результате возможность распоряжения цифровым правом оказывается поставленной в зависимость от алгоритмического решения [7].

С гражданско-правовой точки зрения такой подход вызывает вопрос о пределах допустимого внесудебного ограничения осуществления субъективного права. Российское законодательство исходит из необходимости судебной защиты гражданских прав (ст. 11 Гражданского кодекса Российской Федерации) и недопустимости произвольного ограничения правомочий собственника. Однако цифровой оборот объективно требует оперативной реакции на возникающие угрозы в электронной среде, поскольку промедление способно повлечь выбытие цифрового актива из владения правообладателя либо невозможность восстановления контроля над ним.

С одной стороны, автоматизированная блокировка операций позволяет предотвратить незаконное отчуждение цифрового актива. С другой стороны, соответствующее ограничение затрагивает возможность осуществления права без предварительного рассмотрения спора компетентным органом, то есть «институт цифровых прав правильнее было бы определить как специальные механизмы реализации иных видов прав на другие объекты гражданского права в цифровых сетях» [8, с. 4]. Однако этот путь не выбран законодателем.

Отметим также теоретическую проблему определения правовой природы алгоритмического ограничения доступа к цифровому активу. Формально запуск программного кода, а также работа некоторых алгоритмизированных механизмов (чат-ботов, ИИ-агентов) не предполагают их правосубъектности. Их действия не могут рассматриваться как волеизъявление свободных субъектов. Однако фактически именно алгоритм принимает решение, влияющее на объем осуществления субъективного права собственника [9; 10].

В результате юридическое значение приобретат действия субъектов, определивших параметры функционирования таких агентов. Следовательно, ограничение доступа к цифровому активу должно рассматриваться как результат реализации заранее установленной модели поведения оператора информационной системы или разработчика платформы.

Сегодня следует констатировать отсутствие единых критериев допустимости автоматизированной блокировки цифровых активов. Гражданское законодательство не определяет:

— пределы алгоритмического ограничения осуществления цифрового права;

— основания автоматического приостановления операций;

— допустимые сроки блокировки;

— порядок обжалования подобных действий;

— распределение ответственности между оператором платформы и иными участниками цифрового оборота.

По большей части правила функционирования цифровых платформ сосредоточены на локальном уровне – они зафиксированы во внутренних правилах информационных систем и в пользовательских соглашениях. Конечно, полное исключение алгоритмических механизмов превенции также представляется невозможным. Специфика цифрового оборота требует использования автоматизированных способов защиты. Причиной этого является то обстоятельство, что традиционные средства гражданско-правовой превенции зачастую не позволяют своевременно предотвратить неправомерное выбытие цифрового актива. Поэтому проблема заключается в определении пределов применения алгоритмического ограничения и механизма последующего судебного контроля.

Возникает необходимость разработки такого подхода, при котором автоматизированное ограничение осуществления цифрового права рассматривается как временная обеспечительная мера, допустимая при наличии установленных законом либо договором оснований и сопровождаемая последующим контролем со стороны юрисдикционных органов.

Цифровой оборот характеризуется тесной взаимосвязью между субъективным правом и функционированием информационной системы учета и реализации цифровых прав. Цифровые права существуют исключительно посредством соответствующей информационной инфраструктуры. В классической цивилистической конструкции объектом защиты выступает субъективное гражданское право, нарушение которого влечет применение способов защиты (ст. 12 ГК РФ).

Цифровой актив существует в форме записи в информационной системе, а осуществление права предполагает совершение технически верифицируемых действий. Следовательно, возможность реализации правомочий напрямую зависит от функционирования средств идентификации и протоколов подтверждения операций в информационной системе.

Например, при техническом сбое распределенного реестра, ошибке алгоритма идентификации либо ограничении доступа со стороны платформы цифровой актив продолжает учитываться за соответствующим субъектом, однако правообладатель утрачивает возможность распоряжения им. В цифровом обороте защита субъективного права и защита законного интереса не всегда совпадают. В ряде случаев именно нарушение порядка работы цифровой платформы становится причиной ограничения правомочий субъекта. В результате возникает необходимость разграничения:

— защиты субъективного права как юридически признанной меры возможного поведения;

— защиты законного интереса правообладателя цифрового актива;

— обеспечения функционирования информационной системы как технической основы цифрового оборота.

Указанные элементы находятся в тесной взаимосвязи. Например, обеспечение бесперебойного функционирования распределенного реестра направлено, прежде всего, на сохранение работоспособности инфраструктуры обороты объектов цифровых прав. Однако работоспособность системы сама по себе не гарантирует защиту интересов конкретного правообладателя. И сохранение записи о цифровом праве в информационной системе еще не означает возможности его реализации собственником.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» возлагает на операторов обязанности «по эксплуатации информационной системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в ее базах данных».

Оператор информационной системы фактически участвует в механизме осуществления цифрового права. Например, ограничение доступа к учетной записи делает невозможным распоряжение цифровым активом. В то же время нарушение работы информационной системы способно затронуть неопределенный круг правообладателей.

В ряде случаев гражданско-правовая защита должна быть направлена на устранение препятствий к осуществлению субъективного права посредством восстановления доступа к информационной системе.

Следовательно, в цифровом обороте законный интерес владельца цифрового права связан с сохранением фактической возможности реализации правомочий в рамках информационной системы. Именно поэтому нарушение интереса правообладателя может возникать как вследствие противоправных действий конкретного субъекта, так и вследствие технических ограничений.

Иск о признании права не устраняет нарушение. Виндикационная конструкция также неприменима, поскольку актив не находится во владении другого лица в классическом вещно-правовом смысле. Даже взыскание убытков не восстанавливает возможность распоряжения активом. Особенно остро этот вопрос стоит при пользовании услугами криптовалютных систем. Например, цифровой актив продолжает существовать в распределенном реестре и оставаться связанным с соответствующим адресом блокчейна, однако владелец утрачивает приватный ключ, необходимый для подписания транзакций.

Именно поэтому восстановление доступа к объекту цифрового прав отличается и от признания права, и от передачи имущества, и от возврата владения, и от компенсации имущественных потерь. Его содержание связано с восстановлением возможности участия субъекта в цифровом механизме реализации права.

В свете этого представляется необходимым дополнить положения главы 59 ГК РФ (ответственность за причинение вреда) нормой о цифровом вреде как негативном последствии нарушения правомочий в информационной среде. Это позволит квалифицировать утрату доступа к объекту цифрового права как самостоятельный деликт.

Предлагаемая дефиниция:

Цифровой вред – это утрата или ограничение возможности осуществления цифрового права, удостоверяемого в распределенной или централизованной информационной системе, независимо от утраты материального носителя или имущественного эквивалента.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что восстановление доступа к объекту цифрового права представляет собой особый способ гражданско-правовой защиты. Это средство направлено на возвращение правообладателю фактической возможности реализации уже принадлежащего ему права.

Литература

1. Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 6. С. 7-29.

2. Бодяко А. В., Пономарева С. В., Рогуленко Т. М. Идентификация цифровых прав в качестве объекта учета и контроля // Учет. Анализ. Аудит. 2021. Т. 8. № 5. С. 14-27.

3. Терехов М. Г. Цифровое право // Экономика. Право. Общество. 2021. Т. 6. № 3(27). С. 67-70.

4. Ефимова Л. Г. Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 8(129). С. 52-62.

5. Захаркина А. В. Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 57. С. 504-526.

6. Мограбян А. С. Цифровые права как объекты гражданских прав в России // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 10(143). С. 141-147.

7. Яковлева-Чернышева А. Ю., Дружинина А. В. Правовое регулирование процессов цифровизации в России: гражданско-правовой аспект // Юридические исследования. 2021. № 8. С. 51-62.

8. Курбанов Р. А., Савина В. С., Гурко А. В. Характеристика правового регулирования цифровых прав в Российской Федерации // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 8. С. 4-12.

9. Ковязина Н. М. О вопросе защиты цифровых прав // Юрист. 2022. № 1. С. 49-54.

10. Павлова Д. А. Юридические факты в реализации цифровых прав // Цивилист. 2024. № 3(49). С. 61-67.

Implementation and protection of digital rights in the system of civil law remedies for legitimate interests

Nikolsky N.V.

The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

The article examines the specifics of the implementation and protection of digital rights in the general context of the use of civil law means to protect the legitimate interests of owners. The article analyzes the dependence of the implementation of digital rights on the functioning of information systems and algorithmic mechanisms for restricting access to digital objects. The protection of the civil rights of owners of digital assets largely depends on resolving the issue of the relationship between subjective law and the legitimate interest of the copyright holder, as well as the technical infrastructure (platform) that ensures the turnover of these assets. The problems of algorithmic restriction of the exercise of digital rights are considered. The problem of the permissibility of extrajudicial interference in the sphere of exercising the powers of subjects of digital turnover is raised. The article examines the legal nature of restoring access to a digital asset and its place in the system of ways to protect civil rights. It is concluded that in the context of digital turnover, a violation of the legitimate interest of the owner of a digital asset (the holder of a digital right) is possible with the loss of the technical possibility of its implementation. It is noted that the current methods of protecting civil rights require transformation, taking into account the specifics of the digital environment, since the protection of digital rights requires ensuring the possibility of its use through an appropriate information system.

Keywords: digital rights, digital asset, legitimate interest, protection of civil rights, information system, information system operator.

References

1. Sukhanov E. A. On the civil nature of «digital property» // Bulletin of Civil Law. 2021. Vol. 21. No. 6. pp. 7-29.
2. Bodyako A.V., Ponomareva S. V., Rogulenko T. M. Identification of digital rights as an object of accounting and control. Analysis. Audit. 2021. Vol. 8. No. 5. pp. 14-27.
3. Terekhov M. G. Digital law // Economy. Right. Society. 2021. Vol. 6. No. 3(27). pp. 67-70.
4. Efimova L. G. An alternative view on the legal regulation of civil law relations in the digital economy // Actual problems of Russian law. 2021. Vol. 16. No. 8(129). pp. 52-62.
5. Zakharkina A.V. Fundamentals of the civil theory of digital financial assets // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2022. No. 57. pp. 504-526.
6. Mograbyan A. S. Digital rights as objects of civil rights in Russia // Actual problems of Russian law. 2022. Vol. 17. No. 10(143). pp. 141-147.
7. Yakovleva-Chernysheva A. Yu., Druzhinina A.V. Legal regulation of digitalization processes in Russia: a civil law aspect // Legal Studies. 2021. No. 8. pp. 51-62.
8. Kurbanov R. A., Savina V. S., Gurko A.V. Characteristics of the legal regulation of digital rights in the Russian Federation // Intellectual property. Copyright and related rights. 2022. No. 8. pp. 4-12.
9. Kovyazina N. M. On the issue of digital rights protection // Lawyer. 2022. No. 1. pp. 49-54.
10. Pavlova D. A. Legal facts in the implementation of digital rights // Civilist. 2024. № 3(49). pp. 61-67.

Цифровые активы как экономический объект наследования в гражданском праве Китайской Народной Республики и Российской Федерации

Пронина Марина Алексеевна
к.ю.н., старший преподаватель кафедры международного и публичного права, юридический факультет, Финансовый университет при Правительстве РФ, mapronina@fa.ru,

Курков Сергей Дмитриевич
студент, юридический факультет, Финансовый университет при Правительстве РФ, kurkovsd@mail.ru

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу регламентации наследования цифровых активов как экономически значимых объектов гражданского оборота в правовых системах Китайской Народной Республики и Российской Федерации. В рамках исследования раскрывается методологическая роль междисциплинарного подхода, сочетающего нормы гражданского, наследственного права и законодательства об информационных технологиях, с целью выбора наиболее эффективного сценария управления экономическими системами.
Проведенный анализ позволяет не только систематизировать современные подходы Китая и России к наследованию данных объектов, но и определить перспективные векторы развития национальных экономических систем и способы дальнейшего управления ими и выбора инструментов. В условиях усиления экономических и технологических связей между двумя государствами гармонизация подходов к регулированию «цифрового наследства» выступает ключевым фактором защиты имущественных прав граждан и бизнеса в трансграничном цифровом пространстве.
Ключевые слова: цифровые активы, объект, управление экономикой, цифровые активы, криптовалюта, виртуальное имущество.

Введение

Цифровая трансформация глобальной экономики коренным образом меняет традиционные представления о собственности и ее переходе по наследству, создавая беспрецедентные вызовы для правовых систем по всему миру. В центре этих изменений находится вопрос о наследовании цифровых активов – «от криптовалют и токенов до аккаунтов в социальных сетях и виртуального имущества» [16; С. 112-120].

В ходе исследования установлено, что российский и китайский подходы конвергируют в признании цифровых ценностей объектом имущественных прав, но радикально дивергируют в выборе регулируемых активов: законодательство России фокусируется на децентрализованных криптоактивах, а законодательство Китая – на виртуальном имуществе внутри контролируемых государством экосистем при одновременном запрете независимых криптовалют.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в систематизации знаний о новых объектах наследственного имущества и формулировании рекомендаций для совершенствования отечественного законодательства.

Основное содержание

В Китае силен акцент на защите частной собственности, закрепленный в Гражданском кодексе Китайской Народной Республики [6] (далее – ГК КНР), что создает основу для защиты цифровых активов. В то же время бурные дискуссии о «цифровом наследовании» в китайском обществе отражают глубокое осознание ценности цифрового следа и личности в виртуальном пространстве. В Российской Федерации необходимостью применения классических гражданско-правовых конструкций к принципиально новым, децентрализованным и часто неопределенным цифровым объектам.

При этом обе правовые системы сталкиваются с общими вызовами: необходимостью баланса между правами наследников и защитой личной тайны наследодателя, а также проблемой исполнения решений в децентрализованной цифровой среде [17; С. 49-70].

В настоящее время в Китайской Народной Республике отсутствует специальный нормативно-правовой акт, который бы прямо определял правовую судьбу цифровых активов после смерти их владельца. Тем не менее, этот процесс не остается вне правового поля. На данный момент он осуществляется за счет сочетания положений ГК КНР [6] с изменениями от 2020 года и Закона «О кибербезопасности» [7]. В частности, ст. 127 ГК КНР закрепляет правовую охрану виртуальной собственности, признавая её объектом гражданских прав. Именно эта норма позволяет рассматривать цифровые активы как имущество и, следовательно, допускать возможность их включения в объекты наследования.

В то же время сам ГК КНР не содержит специальных положений, посвященных наследованию виртуальной собственности. Статья 1122 ГК КНР формулирует лишь общее правило, что наследованию подлежит законное имущество умершего, не раскрывая при этом ни его состава, ни критериев отнесения тех или иных объектов к наследуемому имуществу. В результате вопрос, какие именно цифровые активы могут быть переданы наслед-

никам, решается не на основании прямого законодательного регулирования, а путём путем доктринальных исследований и судебных практик.

Отдельного внимания заслуживает Закон КНР «О кибербезопасности» [7] (далее – Закон о кибербезопасности), вступивший в силу в июне 2017 года и оказывающий заметное влияние на сферу наследования цифровых активов. Закон о кибербезопасности имеет публично-правовую природу и напрямую связан с обеспечением национальной безопасности КНР, что предопределяет его приоритетную направленность на защиту данных. В контексте наследственных отношений это проявляется следующим образом: реализация наследственных прав на виртуальную собственность может быть существенно ограничена требованиями по защите персональных данных. Как следствие, даже при наличии у наследников законного права на цифровые активы, фактический доступ к ним не всегда оказывается возможным.

Закон «О наследовании» [8], принятый в КНР в 1985 году, на протяжении длительного времени оставался основным источником регулирования наследственных отношений. В нем было прямо закреплено, что наследство открывается после смерти наследодателя, а также определялся круг имущества, которое может входить в состав наследства. Речь шла, в частности, о недвижимости, доходах, предметах обихода, имущественных и авторских правах.

Если говорить о самом механизме получения цифровых активов по наследству в КНР, то он выстраивается вокруг общих норм наследственного права. Специальной процедуры для «цифрового имущества» законодатель не предусмотрел, поэтому применяются традиционные конструкции - как при наследовании обычных имущественных объектов.

Подтвердив свой статус наследника, заинтересованное лицо обращается к цифровой платформе [20; С. 112-128], где размещены активы. Именно здесь возникает следующий этап: необходимо доказать обоснованность своих требований. Платформа вправе запросить дополнительные документы, разъяснения, а иногда и пройти внутреннюю процедуру проверки. В результате складывается парадоксальная ситуация: формально цифровые активы наследуются по тем же правилам, что и иное имущество, однако фактическое получение их наследниками во многом определяется не только нормами ГК РФ, но и особенностями цифровой инфраструктуры, а также внутренними регламентами самих платформ [19; С. 185-197].

Вопрос о том, кому после смерти пользователя переходят его цифровые активы, напрямую связан с ролью крупных платформ. В Китае такие компании, как Tencent или Alibaba, не просто предоставляют доступ к сервисам, но и определяют «как пользователи могут распоряжаться своими цифровыми ресурсами» [21; С. 61-70].

Правовое регулирование цифровых активов в Российской Федерации носит комплексный характер и осуществляется на основе положений, закрепленных в актах различной отраслевой принадлежности. Базовые гражданско-правовые конструкции содержатся в Гражданском кодексе Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ). Специальное законодательство детализирует этот режим: Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2] (далее – Закон об информации) вводит основополагающие понятийные категории, такие как «информационная система» или «доменное имя».

В ГК РФ наследственные отношения охватываются с 61 по 65 главами третьей части. Предлагаем рассмотреть кратко каждую из глав. Глава 61 ГК РФ содержит общие положения о наследовании, включая основания наследования, порядок открытия наследства и определение состава наследственного имущества. Глава 62 ГК РФ регулирует наследование по завещанию, где рассматриваются такие вопросы, как свобода завещания, форма и порядок составления завещания, тайна завещания, исполнение завещания и т.д. В главе 63 ГК РФ определяется порядок наследования по закону, очерёдность наследников, право на обязательную долю, наследование по праву представления, а также права супругов и иждивенцев. Глава 64 ГК РФ посвящена приобретению наследства, включая способы и сроки принятия наследства, отказ от наследства, порядок выдачи свидетельства о праве на наследство, а также вопросы охраны и управления наследством. Глава 65 ГК РФ устанавливает особенности наследования отдельных видов имущества, таких как предприятия, земельные участки, имущество членов крестьянских хозяйств и др.

Более узкосегментные отношения, связанные с оборотом цифровых финансовых активов и цифровых валют [10; С. 63-77], регламентирует профильный Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] (далее – Закон о цифровых активах). Отдельного внимания заслуживают новейшие корректировки в Основах законодательства Российской Федерации о нотариате[4], которые легализуют совершение нотариальных действий с электронными документами, включая их конвертацию в бумажную форму и обратно, что имеет ключевое значение для фиксации прав на цифровые объекты.

Для правового ответа на вызовы цифровой экономики в российской правовой системе была сформирована необходимая законодательная база. Важным этапом этой работы стало принятие Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [2], который закрепил в третьей части ГК РФ принципиально новую правовую конструкцию. Введенная статья 141.1 ГК РФ содержит легальное определение «цифровых прав», а также устанавливает базовые правила их оборота, включающие вопросы принадлежности, порядка осуществления и процедуры передачи. Принципиальная значимость данной новации была дополнительно подчеркнута одновременным включением цифровых прав в закрытый перечень объектов гражданских прав, предусмотренный статьей 128 ГК РФ, что окончательно закрепило их статус как самостоятельного объекта гражданско-правового регулирования.

Наиболее четкий и защищенный законом механизм установлен для отдельного вида цифровых активов – цифровых финансовых активов (далее – ЦФА) и цифровой валюты [12; С. 62-76], учтенных у операторов информационных систем. Согласно части 5 статьи 4 Закон о цифровых активах переход прав на такой актив к новому лицу происходит в момент внесения соответствующей записи в реестр оператора.

Правовая природа доменных имен продолжает оставаться предметом доктринальных дискуссий [13; С. 112-128], что непосредственно сказывается на практике их наследования. Отсутствие прямого законодательного признания домена объектом вещного права (он определяется лишь как адрес сайта в статье 2 Закона об информации) приводит к его квалификации в качестве обязательственного права требования к регистратору, вытекающего из договора оказания услуг. Следовательно, переход домена к наследнику осуществляется не автоматически, а через сложную процедуру переуступки прав по этому договору, регламентированную внутренними правилами регистраторов (например, услуга «Домен в наследство» у ряда аккредитованных лиц). Подобный договорной, а не

легальный, способ перехода создает дополнительные административные барьеры и правовую неопределенность.

Наиболее проблемной с точки зрения правопреемства категорией являются «персональные аккаунты в социальных сетях, мессенджерах и игровых сервисах» [11; С. 40-43]. Их дальнейшая судьба всецело определяется условиями пользовательского соглашения, которые почти универсально содержат запрет на передачукодов и доступов третьим лицам, даже после смерти владельца. По мнению И.А. Михайловой, «цифровой контент, обладающий признаками объекта интеллектуальной собственности (авторские фото, тексты), хотя и может переходить по наследству, но зачастую оказывается недостижим для правопреемников физически из-за блокировки доступа к аккаунту-хранилищу» [13; С. 49-68].

Результаты

В Российской Федерации правовой статус цифровых финансовых активов определен Закон о цифровых активах. Согласно закону, цифровая валюта представляет собой совокупность электронных данных в информационной системе, которые могут выступать средством платежа или инвестициями, но не являются официальной денежной единицей РФ. При этом закон прямо запрещает использование криптовалют [18; С. 155-167] для оплаты товаров и услуг, однако не ограничивает право владения ими.

С точки зрения наследственного права, цифровые деньги могут быть включены в состав наследственной массы на основании статьи 1112 ГК РФ как иное имущество. Однако практическое оформление такого наследства сопряжено с существенными сложностями. Во-первых, нотариусы не обладают техническими средствами для самостоятельного выявления цифровых активов. Во-вторых, для доступа к криптокошелькам требуются приватные ключи, которые наследодатель мог не передать наследникам. В-третьих, отсутствует унифицированный механизм оценки стоимости криптовалют на момент открытия наследства [14; С. 181-194]. Чтобы оформить право на цифровые деньги, наследнику необходимо заявить об их наличии, предоставить доказательства владения (выписки с криптобирж, данные о транзакциях), пройти процедуру оценки и получить свидетельство о праве на наследство.

Что касается наследования цифровых финансовых активов в Китайской Народной Республике, то ключевой особенностью китайского подхода является четкая легальная дефиниция виртуального имущества как любых цифровых активов, обладающих экономической ценностью и находящихся в контролируемых государством экосистемах (платформы Alipay, WeChatPay, игровые сервисы). При этом КНР проводит жесткую политику в отношении децентрализованных криптовалют: с 2021 года операции с биткоином и аналогичными активами запрещены, что исключает их из наследственной массы. Разрешено наследование только государственных цифровых валют, таких как цифровой юань.

Процедурный механизм наследования в Китае детально регламентирован. Нотариус направляет официальный запрос оператору цифровой платформы с приложением документов, подтверждающих право на наследство. Оператор обязан проверить легитимность запроса, сверить данные с пользовательским соглашением и предоставить наследникам доступ к активам либо их денежному эквиваленту.

Для устранения правовых пробелов в области наследования цифровых активов целесообразно внести системные изменения в действующее законодательство. В первую очередь требуется дополнить ГК РФ специальной нормой, закрепляющей правовой статус цифровых активов в контексте наследственных правоотношений. Необходимо не просто перечислить виды таких активов (криптовалюты, NFT, учетные записи, виртуальное имущество в онлайн – играх), но и определить критерии их отнесения к наследственной массе. Важно установить порядок фиксации наличия цифровых активов, механизм их оценки, а также правила перехода прав к наследникам. Подобная нормативная определенность позволит унифицировать правоприменительную практику и снизить количество судебных споров, связанных с оспариванием прав на цифровое имущество.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) 26.11.2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (Часть I). – Ст. 3448.
3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (Часть I). – Ст. 5018.
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-I // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357.
5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (Часть I). – Ст. 3448.
6. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики (中华人民共和国民法典) отв. ред. перевода Ван Чжихуа. – Москва : Проспект, 2025. – 368 с. – ISBN 978-5-392-41994-4.
7. Закон о кибербезопасности КНР (также Закон об интернет-безопасности КНР,кит.中华人民共和国网络安全法) [Электронный ресурс] // сайт Всекитайского собрания народных представителей. – URL: https://www.cac.gov.cn/2025-12/29/c_1768735112911946.htm (дата обращения: 23.06.2026 г.).
8. Закон Китайской Народной Республики «О наследовании» от 10.04.1985 г. (Закон КНР о наследовании 1985 г.) [Электронный ресурс] // Скорая юридическая помощь в Китае. – URL: https://chinahelp.me/notary/zakon-knr-o-nasledovanii (дата обращения: 23.06.2026).
9. Балакин Д. А., Аликберова А. Р. Особенности Закона о кибербезопасности Китайской Народной Республики 2017 г. и международная реакция на его принятие // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии. – 2023. – № 1. – С. 45-58.
10. Галушко Д.В., Киселев А.С., Остроушко А.В. Финансово-правовые инструменты обеспечения технологического суверенитета приоритетных отраслей экономики Российской Федерации. // Финансы: теория и практика. 2026, том 30, № 2. С. 63-77.
11. Гапанович А.В. К вопросу о наследовании виртуального имущества в социальных сетях // Наследственное право. – 2020. – № 2. – С. 40-43.
12. Калухов В.В., Дугаев М.В. Цифровой рубль в России и мире. // Финансы: теория и практика. 2025, том 29, № 6. С. 62-76.
13. Кизаева М.В. Доменное имя как средство индивидуализации: правовой анализ // М.В. Кизаева // Право и экономика. – 2020. – № 5. – С. 45-51.

14. Карпова С.В., Погодина Т.В., Приходько Л.В. Развитие методов продвижения продукции на рынок как фактор улучшения финансового состояния компаний. // Финансы: теория и практика. С. 181-194.

15. Михайлова И.А. Переход по наследству интеллектуальных прав на произведения науки, литературы и искусства в свете модернизации наследственного права // Актуальные проблемы авторского права и смежных прав по гражданскому законодательству РФ: монография / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. – Москва: Проспект, 2021. – С. 49-68.

16. Морозова И. Г. Соотношение понятий «криптовалюта» и «цифровая валюта» в российском праве // Актуальные вопросы социально-гуманитарного знания: проблемы и перспективы : материалы I науч.-практ. межкафедр. конф. кафедры дистанционного образования «Общегуманитарных наук и массовых коммуникаций» и кафедры дистанционного образования «Юриспруденции» : сб. науч. ст. / под ред. Н. В. Филоненко. – Москва : Наука и образование, 2022. – С. 112-120.

17. Сахаров Д.М. Развитие российского финансового рынка в условиях структурной трансформации мировой финансовой системы. // Финансы: теория и практика. 2025, том 29, № 4. С. 49-70.

18. Смирнов В.Д. Прямые иностранные инвестиции в Российской Федерации: как сделать их более эффективными для страны? // Финансы: теория и практика. 2026, том 30, № 3. С. 155-167.

19. Ткаченко А.А. Политическая экономия международной финансовой системы XXI века. // Финансы: теория и практика. 2026, том 30, № 2. С. 185-197.

20. Шкодинский С.В., Крупнов Ю.А., Романцова Т.В. Многофакторный анализ рисков современного финтеха на основе мультимодальной аналитики. // Финансы: теория и практика. 2025, том 29, № 4. С. 112-128.

21. Ян Чжень. Структура современного наследственного права Китая // Сравнительное правоведение. – 2024. – № 5. – С. 61-70.

Digital assets as an economical object of inheritance in the civil law of the people's republic of china and the Russian Federation

Pronina M.A., Kurkov S.D.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article provides a comparative legal analysis of the regulation of the inheritance of digital assets as economically significant objects of civil transactions in the legal systems of the People's Republic of China and the Russian Federation. The study explores the methodological role of an interdisciplinary approach combining civil, inheritance, and information technology law to select the most effective management scenario for economic systems.

The analysis not only systematizes China and Russia's current approaches to the inheritance of these assets but also identifies promising vectors for the development of their national economic systems, as well as methods for their further management and selection of instruments. As economic and technological ties between the two countries strengthen, harmonizing approaches to regulating "digital inheritance" is a key factor in protecting the property rights of citizens and businesses in the cross-border digital space.

Keywords: digital assets, object, economic management, digital assets, cryptocurrency, virtual property.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of November 26, 2001, No. 146-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 49. – Article 4552.
2. On Information, Information Technologies, and Information Protection: Federal Law of July 27, 2006, No. 149-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (Part I). – Article 3448.
3. On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020, No. 259-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 31 (Part I). – Art. 5018.
4. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries: approved by the Supreme Court of the Russian Federation on February 11, 1993, No. 4462-I // Vedomosti SND and the Supreme Court of the Russian Federation. – 1993. – No. 10. – Art. 357.
5. On Information, Information Technologies, and Information Protection: Federal Law of July 27, 2006, No. 149-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (Part I). – Art. 3448.
6. Civil Code of the People's Republic of China (中华人民共和国民法典) translation ed. by Wang Zhihua. – Moscow: Prospect, 2025. – 368 p. – ISBN 978-5-392-41994-4.
7. Cybersecurity Law of the People's Republic of China (also Internet Security Law of the People's Republic of China, Chinese: 中华人民共和国网络安全法) [Electronic resource] // website of the National People's Congress. – URL: https://www.cac.gov.cn/2025-12/29/c_1768735112911946.htm (date of access: 23.06.2026).
8. The Law of the People's Republic of China on Inheritance of April 10, 1985 (the 1985 PRC Inheritance Law) [Electronic resource] // Urgent legal assistance in China. – URL: https://chinahelp.me/notary/zakon-knr-o-nasledovanii (accessed: June 23, 2026).
9. Balakina D. A., Alikberova A. R. Features of the Cybersecurity Law of the People's Republic of China of 2017 and the International Reaction to its Adoption // Current Issues of International Relations and Diplomacy. – 2023. – No. 1. – P. 45-58.
10. Galushko D. V., Kiselev A. S., Ostroushko A. V. Financial and legal instruments for ensuring the technological sovereignty of priority sectors of the economy of the Russian Federation. // Finance: Theory and Practice. 2026, Vol. 30, No. 2. pp. 63-77.
11. Gapanovich A.V. On the Inheritance of Virtual Property in Social Networks // Inheritance Law. - 2020. - No. 2. - pp. 40-43.
12. Kalukhov V.V., Dugaev M.V. The Digital Ruble in Russia and the World // Finance: Theory and Practice. 2025, Vol. 29, No. 6. pp. 62-76.
13. Kizaeva M.V. Domain Name as a Means of Individualization: Legal Analysis // M.V. Kizaeva // Law and Economics. - 2020. - No. 5. - pp. 45-51. 14. Karpova S.V., Pogodina T.V., Prikhodko L.V. Development of methods for promoting products on the market as a factor in improving the financial condition of companies. // Finance: Theory and Practice. Pp. 181-194.
15. Mikhailova I.A. Transfer by inheritance of intellectual rights to works of science, literature and art in light of the modernization of inheritance law // Actual problems of copyright and related rights under the civil legislation of the Russian Federation: monograph / ed. - Moscow: Prospect, 2021. - Pp. 49-68.
16. Morozova I.G. The relationship between the concepts of "cryptocurrency" and "digital currency" in Russian law // Actual issues of social and humanitarian knowledge: problems and prospects: materials of the 1st scientific and practical. interdepartmental conf. Department of Distance Education "General Humanities and Mass Communications" and Department of Distance Education "Jurisprudence": Coll. of scientific articles / Ed. by N. V. Filonenko. - Moscow: Science and Education, 2022. - Pp. 112-120.
17. Sakharov DM Development of the Russian financial market in the context of structural transformation of the global financial system. // Finance: Theory and Practice. 2025, Vol. 29, No. 4. Pp. 49-70.
18. Smirnov VD Foreign direct investment in the Russian Federation: how to make them more effective for the country? // Finance: Theory and Practice. 2026, Vol. 30, No. 3. Pp. 155-167.
19. Tkachenko AA Political economy of the international financial system of the 21st century. // Finance: Theory and Practice. 2026, Vol. 30, No. 2, pp. 185-197.
20. Shkodinsky S.V., Krupnov Yu.A., Romantsova T.V. Multifactor Risk Analysis of Modern Fintech Based on Multimodal Analytics. // Finance: Theory and Practice. 2025, Vol. 29, No. 4, pp. 112-128.
21. Yang Zhen. The Structure of Modern Inheritance Law in China // Comparative Law. – 2024. – No. 5. – pp. 61-70.

Платформенные модели заключения договоров (агрегаторы, маркетплейсы) как элемент правовых систем России и Китая

Пронина Марина Алексеевна
к.ю.н., старший преподаватель кафедры международного и публичного права, юридический факультет, Финансовый университет при Правительстве РФ, mapronina@fa.ru,

Носов Георгий Владимирович
студент, юридический факультет, Финансовый университет при Правительстве РФ, georgiy.nosov.2004@mail.ru

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу подходов России и Китая к регулированию договорных отношений в платформенной экономике. Авторы выявляют фундаментальное различие в регуляторных стратегиях: Китай проводит политику опережающего детального законодательства, возлагая на платформы статус ответственных операторов с расширенной ответственностью по принципу «знал или должен был знать». В то же время Россия использует реактивную модель, адаптируя общие нормы гражданского права, что создает противоречивость правового статуса цифровых посредников.

В статье подчеркивается неопределенность правовой природы договоров, заключаемых через платформы, и противоречивость статусов самих платформ как в Российской Федерации, так и в Китайской Народной Республике. Ставится вопрос о сущности статуса платформ: являются ли они информационными посредниками, комиссионерами, агентами или совершенно новыми самостоятельными субъектами права, чья роль выходит за рамки классических конструкций.

В ходе исследования авторами предлагается выделить три модели платформ с различными правовыми последствиями: 1) платформа выступает как информационный посредник, 2) платформа активно организует сделку (модель маркетплейса), 3) платформа выступает стороной договора. Предложенная классификация демонстрирует прямую зависимость между экономической глубиной вовлеченности платформы в транзакцию и ее юридическим статусом, то есть от нейтрального посредника до стороны обязательства.

В работе авторами приводятся положительные и отрицательные аспекты платформенных моделей в их практической реализации, с учетом действующего законодательства и анализа судебной практики России и Китая. Российское законодательство содержит базовые нормы, обеспечивающие юридическое признание электронных договоров. Центральным элементом правовой квалификации платформы в китайском праве является степень ее контроля над транзакцией и ответственности за ее результат.

Проведенное исследование доказывает, что выбор регуляторной модели обусловлен экономическим масштабом сектора и стратегическими целями государства. В заключение делается вывод о перспективах гармонизации российского законодательства с учетом необходимости баланса между стимулированием роста цифровой экономики и защитой прав потребителей.

Ключевые слова: цифровая платформа, маркетплейс, агрегатор, договор в электронной форме, информационный посредник, сравнительное правоведение.

Современный этап развития глобальной экономики характеризуется стремительной экспансией цифровых технологий, порождающих принципиально новые модели хозяйственных взаимодействий [10; С. 181-194]. Платформенная экономика, включающая в себя такие феномены, как электронная коммерция (e-commerce) и экономика совместного потребления (sharing economy), перестала быть нишевым сегментом, превратившись в системообразующий элемент мировой торговли и потребления. Ее ядро составляют цифровые агрегаторы и маркетплейсы: от глобальных гигантов до локальных сервисов, которые кардинально трансформируют традиционные отношения «продавец-покупатель».

Классическая двухсторонняя договорная связь «продавец-покупатель» замещается сложной трехсторонней конструкцией «продавец-платформа-покупатель», где платформа выполняет функции организатора взаимодействия, гаранта транзакций, контролера информации, а часто и логистического оператора [13; С. 155-167]. Указанная инновация ставит перед национальными правовыми системами фундаментальный вызов: как интегрировать новых цифровых посредников в устоявшийся понятийный и институциональный оборот гражданского и коммерческого права.

Актуальность исследования в рамках данной темы обусловлена наличием глубокой проблемы, возникающей на стыке технологической инновации и правовой традиции. Действующее законодательство как в Российской Федерации, так и в Китайской Народной Республике сталкивается с неопределенностью правовой природы договоров, заключаемых через платформы, и противоречивым статусом самих платформ.

По мнению А.П. Алексеенко, «современные тенденции в рамках правового регулирования деятельности платформ актуализируют их правовой статус и ставят вопрос: являются ли Ozon, Wildberries, Alibaba, JD.com просто информационными посредниками, оказывающими услуги по размещению данных, или являются комиссионерами, агентами или совершенно новыми самостоятельными субъектами права, чья роль выходит за рамки классических конструкций» [6; С. 284-302]?

Эта квалификационная неясность порождает целый спектр правовых пробелов и коллизий. Согласно позиции С.Ю. Кашкина и А.О. Четверикова, прежде всего, это касается распределения ответственности между «продавцом (исполнителем) и платформой за некачественный товар, неоказанную услугу или введение потребителя в заблуждение» [11; С.118].

Во-вторых, по мнению Вечкановой Н.В., «остаются уязвимыми механизмы защиты прав потребителей: прозрачность условий сделки, гарантии возврата средств, процедуры разрешения споров» [7; С. 124-130].

В-третьих, возникают вопросы налоговых обязательств, контроля добросовестности контрагентов и защиты персональных данных пользователей. В этих условиях сравнительный анализ подходов двух крупнейших и динамично развивающихся юрисдикций – России и Китая – приобретает особую научную и практическую значимость.

Китай, являясь мировым лидером по объему электронной торговли, выбрал путь опережающего и детального законодательного регулирования, закрепив в Законе КНР «Об электронной коммерции» (2019) (далее – Закон об электронной коммерции) статус «оператора интернет-

платформы» и установив для него широкий круг обязанностей и ответственности [2].

Российская Федерация, напротив, в основном использует реактивную модель, опираясь на адаптацию общих норм Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ) и судебное толкование, дополненное точечными поправками в профильное законодательство (например, дело по иску Ковтуняка И.И. к ООО «Маркетплейс» о субсидиарной ответственности агрегаторов [4]).

Таким образом, целью данной статьи является проведение сравнительно-правового анализа подходов правовых систем Российской Федерации и Китая к регулированию платформенных моделей заключения договоров, выявление их ключевых характеристик, эффективности и перспектив развития.

Правовая квалификация деятельности цифровой платформы является производной от ее экономической сущности и реализуемой бизнес-модели [8; С. 63-77]. В отсутствие единого определения в российском праве, классификация может быть проведена на основании участия платформы в содержании обязательств, возникающих между конечными пользователями.

Таким образом можно выделить три модели с различными правовыми последствиями.

Согласно первой модели, платформа выступает как информационный посредник, предоставляя технологическую инфраструктуру для публикации и поиска предложений (Яндекс.Услуги, Авито). Ее роль ограничивается организацией встречи спроса и предложения. С правовой точки зрения, отношения с пользователем строятся как договор возмездного оказания информационно-посреднических услуг (п. 1 ст. 779 ГК РФ) [1]. Ключевая особенность – платформа не является стороной основного договора (купли-продажи, подряда), который заключается напрямую между конечными контрагентами. Ответственность платформы ограничивается достоверностью предоставленной ею самой информации; за качество товара или действия продавца отвечает сам продавец. Однако с 2022 года вступила в силу норма о субсидиарной ответственности агрегатора (п. 4 ст. 9 Закона РФ «О защите прав потребителей») [3], которая наступает, если нарушение прав потребителя стало следствием недостоверной информации о продавце, предоставленной по вине платформы. Судебная практика последовательно подтверждает этот подход, указывая, что факт размещения информации сам по себе не означает участия в последующих договорных отношениях [5].

Следующая модель маркетплейса (Ozon, Wildberries), где платформа активно организует сделку, обеспечивая интерфейс заказа, операции с платежами, систему рейтингов и стандарты обслуживания. Это порождает сложную многоуровневую договорную конструкцию: между платформой и продавцом заключается договор об оказании услуг по продвижению (часто со смешанными элементами), а между продавцом и покупателем – самостоятельный договор купли-продажи.

Третья модель – платформа как сторона договора [14; С.185-197]. Наиболее глубокий уровень интеграции возникает, когда платформа становится для потребителя единым и очевидным контрагентом – стороной договора. Это характерно для моделей с полным контролем логистики и расчетов (FBO на Wildberries, Яндекс.Лавка, сервисы такси). В таких случаях платформа действует по конструкции, аналогичной договору комиссии или агентскому договору: от своего имени, но за счет продавца (ст. 990, 1005 ГК РФ) [1]. Для потребителя именно платформа выступает продавцом или исполнителем, что подтверждается выданными ей же финансовыми документами.

Предложенная классификация демонстрирует прямую зависимость между экономической глубиной вовлеченности платформы в транзакцию и ее юридическим статусом, то есть от нейтрального посредника до стороны обязательства. Этот континуум, особенно в средней, наиболее распространенной и неопределенной зоне «классического» маркетплейса, формирует основу для принципиально разных подходов к регулированию, что раскрывается в сравнительном анализе указанных элементов правовых систем России и Китая.

Таким образом, российское законодательство содержит базовые нормы, обеспечивающие юридическое признание электронных договоров, однако специфика цифровых платформ требует дальнейшей регуляции и уточнения. Проведенный сравнительный анализ правового регулирования цифровых платформ в России и Китае позволяет сделать принципиальный вывод о формировании двух различных моделей реагирования права на стремительное развитие платформенной экономики.

Россия и Китай демонстрируют фундаментально разные регуляторные стратегии. Китайская Народная Республика, как мировой лидер в сфере электронной коммерции, избрала путь опережающего и детального законодательного регулирования [12; С. 49-70]. Принятие комплексного Закона «Об электронной коммерции» позволило создать специальный правовой статус «оператора платформы», возложив на него широкий круг публичных обязанностей по контролю контента и участников. Краеугольным камнем китайской модели является принцип расширенной ответственности «знал или должен был знать», что делает платформу активным гарантом безопасности и добросовестности транзакций [9; С. 62-76]. Российская Федерация, напротив, придерживается реактивной и адаптивной модели. Она базируется на применении общих норм ГК РФ и точечных поправок в отраслевое законодательство, что создает амбивалентность правового статуса платформ, определяемого во многом через судебную практику и степень фактического вовлечения в сделку.

Данное различие не является случайным, а обусловлено системными факторами, прежде всего, масштабом и ролью цифровой экономики в каждом из государств. Китайский подход, характеризующийся жестким императивным регулированием, возможен и необходим в условиях, где цифровая экономика является системообразующим элементом ВВП. Российский же подход, ориентированный на поиск компромисса между стимулированием роста сектора и защитой прав, отражает как меньший прямой экономический вес платформ, так и осознание рисков избыточного регулирования для динамично развивающегося рынка в условиях внешнего давления.

Таким образом, современный этап развития правового регулирования платформ в Российской Федерации и Китайской Народной Республике иллюстрирует классическую дилемму между предсказуемостью и контролем, с одной стороны, и гибкостью и стимулированием инноваций – с другой. Если Китай создал стабильные, но обременительные для бизнеса «правила дорожного движения» для цифрового гиганта, то Россия находится в процессе формирования более сбалансированного правового каркаса для растущего сектора цифровой экономики. Несмотря на активное изучение российскими законодателями китайского опыта, прямое заимствование его модели маловероятно. Дальнейшее развитие, вероятно, следует вести по пути гармонизации: Россия стремиться к большей определенности и защите прав потребителей, усиливая роль реестров и систем досудебного урегулирования, при этом сохраняя осторожность в возложении на

платформы непосильных обязанностей проактивного контроля, остающихся отличительной чертой китайской правовой системы.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 года № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Об электронной коммерции: Закон Китайской Народной Республики от 31.08.2018: принят на 5-м заседании Постоянного комитета 13-го Всекитайского собрания народных представителей // Официальный сайт Государственного совета КНР. URL:https://www.gov.cn (дата обращения: 23.06.2026).
3. О защите прав потребителей: Закон от 07.02. 1992 года № 2300-1 (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 140.
4. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27.01.2025 по делу № 8Г-38271/2024 (88-2419/2025-(88-35435/2024) // URL:https://base.garant.ru/344396083/ (дата обращения: 23.06.2026).
5. Решение Арбитражного суда Московской области от 26 февраля 2021 г. по делу № А41-58140/2020 // // URL:https://kad.arbitr.ru/Card/e2066558-87d9-4021-8efe-c03e7aebe1de (дата обращения: 23.06.2026).
6. Алексеенко А.П. Правовой статус оператора платформы электронной коммерции в КНР // Правоведение. 2024. Т. 68, № 2. С. 284-302.
7. Вечканова Н.В., Носов Г.В. Правовое регулирование договорных отношений в сфере интернет-торговли и оказания интернет-услуг // Теория и практика современной науки: материалы V Всероссийской научно-практической конференции Сахалинского института железнодорожного транспорта – филиала ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения в г. Южно-Сахалинске» / Под общ. ред. Б. А. Ковтуна, Д. К. Брагера, К. Е. Пешковой. – Новокузнецк: Издательство «Знание-М», 2025. С. 124-130.
8. Галушко Д.В., Киселев А.С., Остроушко А.В. Финансово-правовые инструменты обеспечения технологического суверенитета приоритетных отраслей экономики Российской Федерации. // Финансы: теория и практика. 2026, том 30, № 2. С. 63-77.
9. Калухов В.В., Дугаев М.В. Цифровой рубль в России и мире. // Финансы: теория и практика. 2025, том 29, № 6. С. 62-76.
10. Карпова С.В., Погодина Т.В., Приходько Л.В. Развитие методов продвижения продукции на рынок как фактор улучшения финансового состояния компаний. // Финансы: теория и практика. С. 181-194.
11. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Право электронной коммерции: учебное пособие. М.: Проспект, 2020. С. 118.
12. Сахаров Д.М. Развитие российского финансового рынка в условиях структурной трансформации мировой финансовой системы. // Финансы: теория и практика. 2025, том 29, № 4. С. 49-70.
13. Смирнов В.Д. Прямые иностранные инвестиции в Российской Федерации: как сделать их более эффективными для страны? // Финансы: теория и практика. 2026, том 30, № 3. С. 155-167.
14. Ткаченко А.А. Политическая экономия международной финансовой системы XXI века. // Финансы: теория и практика. 2026, том 30, № 2. С. 185-197.

The platform models for concluding contracts (aggregators, marketplaces) as an element of the legal systems of Russia and China

Pronina M.A., Nosov G.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to a comparative legal analysis of the approaches of Russia and China to the regulation of contractual relations in the platform economy. The authors identify a fundamental difference in regulatory strategies: China pursues a policy of proactive detailed legislation, assigning platforms the status of responsible operators with extended responsibility based on the principle of "knew or should have known." At the same time, Russia uses a reactive model, adapting the general norms of civil law, which creates ambivalence in the legal status of digital intermediaries.

The article highlights the uncertainty surrounding the legal nature of contracts concluded through platforms and the contradictory status of the platforms themselves in both the Russian Federation and the People's Republic of China. It raises the question of the nature of these platforms' status: whether they are information intermediaries, commission agents, agents, or entirely new, independent legal entities whose role extends beyond classical legal constructs.

In their study, the authors propose three platform models with different legal implications: 1) the platform acts as an information intermediary, 2) the platform actively facilitates the transaction (marketplace model), and 3) the platform acts as a party to the contract. The proposed classification demonstrates a direct correlation between the platform's economic involvement in the transaction and its legal status, ranging from a neutral intermediary to a party to the contract.

In this paper, the authors examine the positive and negative aspects of platform models in their practical implementation, taking into account current legislation and analyzing judicial practice in Russia and China. Russian legislation contains basic provisions ensuring the legal recognition of electronic contracts. A central element of a platform's legal classification in Chinese law is its degree of control over the transaction and its responsibility for its outcome.

The conducted research proves that the choice of a regulatory model is determined by the economic scale of the sector and the strategic goals of the state. In conclusion, it is concluded that there are prospects for the harmonization of Russian legislation, taking into account the need for a balance between stimulating the growth of the digital economy and protecting consumer rights.

Keywords: digital platform, marketplace, aggregator, contract in electronic form, legal qualification, information intermediary, platform responsibility, comparative law, law of the Russian Federation, law of the People's Republic of China.

References

1. Civil Code of the Russian Federation of January 26, 1996, No. 14-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410.
2. On Electronic Commerce: Law of the People's Republic of China of August 31, 2018: adopted at the 5th meeting of the Standing Committee of the 13th National People's Congress // Official website of the State Council of the PRC. URL: https://www.gov.cn (date of access: June 23, 2026).
3. On Consumer Protection: Law of February 7, 1992, No. 2300-1 (as amended on August 8, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 3. - Art. 140.
4. Determination of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated January 27, 2025 in case No. 8G-38271/2024 (88-2419/2025-(88-35435/2024) // URL: https://base.garant.ru/344396083/ (accessed on June 23, 2026).
5. Decision of the Arbitration Court of the Moscow Region dated February 26, 2021 in case No. A41-58140/2020 // // URL: https://kad.arbitr.ru/Card/e2066558-87d9-4021-8efe-c03e7aebe1de (accessed on June 23, 2026).
6. Alekseenko A.P. Legal Status of an E-Commerce Platform Operator in the PRC // Jurisprudence. 2024. Vol. 68, No. 2. pp. 284-302.
7. Vechkanova N.V., Nosov G.V. Legal Regulation of Contractual Relations in the Sphere of Internet Commerce and Provision of Internet Services // Theory and Practice of Modern Science: Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference of the Sakhalin Institute of Railway Transport - Branch of the Far Eastern State Transport University in Yuzhno-Sakhalinsk / Under the general editorship of B.A. Kovtun, D.K. Brager, K.E. Peshkova. - Novokuznetsk: Publishing House "Znanie-M", 2025. pp. 124-130.
8. Galushko D.V., Kiselev A.S., Ostroushko A.V. Financial and legal instruments for ensuring the technological sovereignty of priority sectors of the Russian Federation economy. // Finance: Theory and Practice. 2026, Vol. 30, No. 2. pp. 63-77.
9. Kalukhov V.V., Dugaev M.V. Digital ruble in Russia and the world. // Finance: Theory and Practice. 2025, Vol. 29, No. 6. pp. 62-76.
10. Karpova S.V., Pogodina T.V., Prikhodko L.V. Development of methods for promoting products to the market as a factor in improving the financial condition of companies. // Finance: Theory and Practice. pp. 181-194.
11. Kashkin S.Yu., Chetverikov A.O. Electronic Commerce Law: a tutorial. Moscow: Prospect, 2020. p. 118.
12. Sakharov D.M. Development of the Russian financial market in the context of structural transformation of the global financial system. // Finance: Theory and Practice. 2025, Vol. 29, No. 4. pp. 49-70.
13. Smirnov V.D. Foreign direct investment in the Russian Federation: how to make them more effective for the country? // Finance: Theory and Practice. 2026, Vol. 30, No. 3. pp. 155-167.
14. Tkachenko A.A. Political economy of the international financial system of the 21st century. // Finance: Theory and Practice. 2026, Vol. 30, No. 2. pp. 185-197.

Проблемы определения периода подозрительности сделок, совершённых в ущерб имущественным правам кредиторов

Салеев Эмиль Радикович
магистр, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), saleevemil913@gmail.com

В статье подвергается критическому анализу установленный п. 2 ст. 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» фиксированный трёхлетний период подозрительности. Автор показывает, что привязка начала течения данного срока к формальной дате принятия заявления о признании должника банкротом в ряде случаев не учитывает реальную динамику возникновения у должника неисполненных обязательств и позволяет недобросовестным лицам искусственно выводить активы из-под оспаривания. На основе анализа правовых позиций Верховного Суда РФ, материалов судебно-арбитражной практики, а также сравнительно-правового исследования законодательства обосновывается необходимость перехода от формального срока к гибкой модели, в которой период подозрительности определяется моментом возникновения неисполненных обязательств перед кредиторами и предлагаются конкретные изменения в законодательство.

Ключевые слова: банкротство, недействительность сделок, период подозрительности, сделки с причинением вреда, Паулианов иск, конкурсное оспаривание, стабильность оборота.

Введение

Институт оспаривания сделок должника в процедуре банкротства традиционно рассматривается в качестве одного из наиболее действенных средств пополнения конкурсной массы и защиты законных интересов кредиторов [1]. В системе оснований, предусмотренных главой III.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2] (далее – Закон о банкротстве), особое место занимает пункт 2 статьи 61.2, закрепляющий классическую модель Паулианова иска (actio Pauliana) – оспаривание сделок, совершённых должником с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов.

В отличие от п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, где период подозрительности ограничен одним годом и оспаривание носит преимущественно объективный характер, п. 2 этой статьи устанавливает трёхлетний срок, в течение которого может быть оспорена сделка, совершённая с намерением причинить вред, и требует доказывания субъективных элементов – цели должника причинить вред и осведомлённости контрагента об этой цели. Именно сочетание более длительного срока и сложного предмета доказывания должно, по мысли законодателя, обеспечивать разумный баланс между защитой прав кредиторов и стабильностью гражданского оборота.

Однако, как отмечается в науке, установление фиксированного трехлетнего срока не всегда способствует противодействию злоупотреблениям должника и его контрагентов.

Цель настоящей статьи – обосновать необходимость отказа от фиксированного трёхлетнего периода подозрительности и перехода к гибкой модели, в которой решающее значение приобретает момент возникновения у должника первых неисполненных обязательств перед кредиторами.

Для достижения указанной цели в работе проведен анализ имеющихся в науке подходов, зарубежного законодательства и судебной практики, на основе чего делается научно обоснованный вывод о необходимости совершенствования действующего законодательства.

В работе используются историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-догматический методы. Теоретическую основу составляют труды известных ученых-цивилистов, практическую основу – материалы судебной практики и иные данные.

Постановка проблемы

Как указано выше, неотъемлемым условием признания недействительной сделки на основании п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве является ее совершение в пределах трехлетнего периода подозрительности.

Между тем, как следует поступить правоприменителю, если сделка содержит в себе все элементы недействительности сделки по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, однако, совершена за пределами трехлетнего периода подозрительности?

Как указывает О.Р. Зайцев, совершенная за пределами этого срока сделка, по-видимому, уже остается недосягаемой для оспаривания ее по банкротным основаниям [3, С. 95 – 96].

Между тем, данный подход с политико-правовой и догматической точек зрения представляется неверным. Для анализа проблемы и выработки вариантов ее решения обратимся к историческому опыту, доктрине и подходам зарубежных правопорядков.

Исторический опыт

Исторически Паулианов иск не был ограничен определенным периодом, в течение которого возможна проверка сделки на предмет наличия в ней дефектов. Традиционно выделялись следующие условия для удовлетворения данного иска [4, С. 8 – 9]:

1) объективное условие – действие должника причиняет вред кредиторам (eventus damni);

2) субъективное условие (применительно к должнику) – должник недобросовестно довел себя до состояния несостоятельности либо увеличил свою неплатежеспособность (consilium fraudis);

3) субъективное условие (применительно к контрагенту) – третье лицо (выгодоприобретатель) осознанно участвовало в действии должника, совершаемом во вред правам кредиторов (particeps fraudis).

Введение периода времени, в течение которого совершенная сделка могла быть признана недействительной, произошло позднее в средневековом итальянском праве и, как подчёркивал Г.Ф. Шершеневич, «ударялось в другую крайность, поражая юридическую силу вообще всех сделок несостоятельного должника в течение определенного промежутка времени» [5, С. 274].

Таким образом, классическая модель Паулианова иска представляет собой оспаривание по субъективной модели, при которой имеют первостепенное значение намерения должника и его контрагента причинить вред кредиторам должника. При такой модели круг проверяемых сделок не ограничивался временем их совершения, а введение современных прообразов периодов подозрительности было обусловлено становлением и развитием оспаривания сделок по объективной модели, при которой решающее значение имеет дата совершения сделки относительно наступления банкротства должника. Закрепленная в п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве модель оспаривания сочетает в себе оба указанных подхода.

Подходы к определению периода подозрительности в науке

В то же время, несмотря на кажущуюся привлекательность российской модели, практика применения п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве выявила серьёзные недостатки, связанные прежде всего привязкой периода подозрительности к дате принятия заявления о признании должника банкротом.

Как отмечает А.А. Карпова, такая конструкция создаёт возможности для злоупотреблений: недобросовестный должник может сознательно «оттягивать» момент возбуждения дела о банкротстве, выводя тем самым совершённые им вредоносные сделки за пределы трёхлетнего периода подозрительности [6, С. 13 – 135]. В качестве решения данной проблемы ученый предлагает конкретные меры: увеличение самой длительности периода подозрительности применительно к фраудаторным сделкам; установление в качестве даты исчисления периода подозрительности - даты подачи заявления о несостоятельности (банкротстве) либо даты включения в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц уведомления о намерении обратиться с заявлением о признании должника банкротом; предоставление судам права дискретного определения (продления, изменения) периода подозрительности ретроспективно в определенном коридоре возможностей [6, С. 148].

Как указывает М.О. Киселев, на уровне Верховного суда РФ формируется множество правовых позиций, направленных на корректировку периода подозрительности в отдельных ситуациях явной несправедливости и злоупотребления правом (например, установление ретроспективного периода подозрительности при искусственном создании должником видимости своей платежеспособности) [7, С. 82]. Исследователь приходит к выводу, что при установлении периода подозрительности в делах о банкротстве необходимы гибкость и учет всех фактических обстоятельств. При обнаружении недобросовестного поведения со стороны должника суды должны иметь возможность пересмотреть стандартные границы периода подозрительности и установить в качестве точки его отсчета не дату принятия заявления о банкротстве в рамках рассматриваемого дела, а иную, более раннюю дату. Проявление арбитражными судами большей гибкости в решении данного вопроса, а также учет немецкого опыта позитивно скажутся на защите интересов добросовестных кредиторов и повысят эффективность института конкурсного оспаривания сделок [7, С. 91 – 92].

Таким образом, имеющиеся в науке точки зрения также свидетельствуют о неудовлетворительности текущего правового регулирования периода подозрительности по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве и необходимости его совершенствования.

Сравнительно-правовой анализ

Обращение к зарубежному опыту позволяет лучше понять как недостатки трёхлетнего фиксированного периода, так и возможные направления его реформирования. Анализ законодательств ряда стран показывает, что российский трёхлетний срок для сделок с намерением причинить вред является одним из самых коротких среди развитых правопорядков, а большинство юрисдикций используют либо гибкие критерии начала течения периода подозрительности, либо вовсе его не предусматривают, ограничиваясь общими сроками исковой давности.

Германия. Согласно § 133 Положения о несостоятельности (Insolvenzordnung – InsO) совершенная должником в течение 10 лет до подачи заявления о возбуждении производства по делу о несостоятельности или после его подачи с намерением причинить убытки кредиторам, если в момент ее заключения другая сторона знала о намерении должника [8]. При в силу § 146 InsO заявление об оспаривании сделки может быть подано в течение двух лет с момента возбуждения производства по делу о банкротстве.

Таким образом, совокупный срок, в течение которого может быть оспорена сделка, составляет около 12 лет с момента совершения сделки и до подачи заявления об оспаривании сделок.

Франция. Во французском праве наиболее отчетливо отслеживается подход об установлении гибкого периода подозрительности. Согласно ст. L.631-8 Торгового кодекса Франции (Code de commerce) этот период устанавливается судом. Максимальный срок, который может установить суд, составляет 18 месяцев [9]. Из анализа данной нормы следует, что период подозрительности определяется исходя из даты прекращения платежей, а само понятие «период подозрительности» законодательством не предусмотрено – оно означает период от даты прекращения платежей, установленной судом, до даты вынесения решения об открытии процедуры судебной реорганизации или ликвидации [10].

Ключевая особенность французской модели – гибкость: суд не связан датой возбуждения дела, а исходит из момента, когда должник фактически перестал платить по долгам. При этом дата подачи заявления о банкротства должника выступает лишь презумпцией даты прекращения платежей, которая может быть определена до 18 месяцев с момента подачи заявления о банкротстве должника.

Англия. Оспаривание фраудаторных (мошеннических) сделок в Англии охватывается section 423 Закона о

банкротстве 1986 года (Insolvency Act 1986) [11]. Как отмечается в литературе, какого-либо специального периода подозрительности в отношении данных сделок не установлено, однако требование о признании сделки недействительной подчинено общим правилам о сроке исковой давности [12, С. 162].

Однако, в английском праве данное правило устоялось относительно недавно. В деле *Re Maddever (1884) 27 Ch D 523* с опорой на Закон о мошеннических сделках 1571 Суд пришел к выводу о том, что срок исковой давности об оспаривании мошеннических сделок не может считаться пропущенным до тех пор, пока не истечет срок исковой давности по требованию самого кредитора.

В современном английском праве на примере дела *Hill v Spread Trustee Company Ltd & Anor Neutral Citation Number [2006] EWCA Civ 542* окончательно укрепился подход о необходимости применения срока исковой давности. Однако вопрос о начале течении срока является спорным, среди судей по данному делу не было однозначного мнения по данному аспекту дела [13].

Согласно Закону об исковой давности 1980 года (Limitation Act) срок исковой давности составляет 6 (section 9) или 12 лет (section 8) в зависимости от основания требования.

Иные правопорядки. Обращаясь к швейцарскому законодательству, в статье 288 Федерального закона о взыскании долгов и банкротстве Швейцарии (Bundesgesetz über Schuldbetreibung und Konkurs) закреплён пятилетний период подозрительности для сделок должника, совершённых с намерением причинить ущерб кредиторам либо оказать предпочтение отдельным из них в ущерб остальным, при условии, что такое намерение осознавалось другой стороной сделки. Исчисляется данный срок до момента наложения ареста на имущество должника либо открытия процедуры банкротства [14].

Законодательство Лихтенштейна (статьи 67 и 74) не устанавливает какого-либо периода подозрительности для подобных сделок – оспаривание возможно «независимо от времени совершения». Однако при этом действует пятилетний срок исковой давности, исчисляемый с момента совершения оспариваемой сделки [15].

Что касается бельгийского правопорядка, то здесь любые мошеннические сделки (в том числе платежи) в пользу кредиторов признаются не имеющими исполнительной силы вне зависимости от того, в какой момент времени они были совершены [16].

Таким образом, общей тенденцией является увеличение периода подозрительности по мере роста тяжести порока сделки. Наиболее длительные сроки (5 – 10 лет) предусмотрены именно для сделок, совершённых с намерением причинить вред кредиторам. Российский же трёхлетний срок оказывается в этом ряду скорее исключением – он не является ни самым коротким, ни самым длинным, но его главный недостаток заключается в жёсткой привязке к формальной дате возбуждения дела, а не к объективным обстоятельствам.

Отход от фиксированного периода подозрительности и использование гибкой модели

А.И. Шайдуллин в интервью с А.В. Егоровым указывает, что период подозрительности является презумпцией объективного банкротства. Он указывает, что «период нужен, чтобы поймать, когда наступило объективное банкротство. Законодатель презюмирует, что не может быть такого, что объективное банкротство наступило, а он еще три года продержался. Практика показывает, что может. И возникает вопрос: можно ли использовать ст. 10 ГК + ст. 168 ГК и оспаривать сделки до периода подозрительности? По мне, так: если объективное банкротство наступило ранее чем за три года, то оспаривать можно, причём по гл. III.1 Закона о банкротстве. То есть период подозрительности – это презумпция момента наступления объективного банкротства» [17, С. 11].

Однако, как и всякая опровержимая презумпция, у участвующих в деле о банкротстве лиц должна быть возможность установить иной момент наступления объективного банкротства.

В связи с этим, на основе проведённого анализа представляется обоснованным предложить отказ от исчисления периода подозрительности от даты принятия заявления о признании должника банкротом. Вместо этого отправной точкой должен стать момент возникновения у должника неисполненных обязательств перед кредиторами. Если на момент совершения оспариваемой сделки у должника уже имелись неисполненные обязательства (требования которых впоследствии были включены в реестр), то сделка может быть оспорена, даже если формальный трёхлетний срок с даты возбуждения дела уже истёк. При этом следует установить предельный (максимальный) срок – например, десять лет с даты совершения сделки. Такой предельный срок обеспечивает разумный баланс между необходимостью защиты прав кредиторов и потребностью в правовой определённости для участников оборота.

Как уже отмечалось в выше, аналогичный десятилетний срок установлен, в частности, в германском законодательстве для сделок с намерением причинить вред. Кроме того, десятилетний «горизонт» оспаривания соответствует общему сроку исковой давности по некоторым категориям требований в российском праве (например, п. 1 ст. 181 ГК).

Введение гибкой модели соответствует, в частности, французскому законодательству, где суд вправе установить дату прекращения платежей и определить период подозрительности до 18 месяцев.

Кроме того, такой подход соответствует международным актам мягкого права.

Так, из п. 188 Руководства ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности относительно периода подозрительности недействительных сделок следует, что «период подозрительности в большинстве законодательств оговаривается зачастую конкретно с определением даты, начиная с которой такой период рассчитывается ретроактивно. Речь может идти об определенном числе дней или месяцев, предшествующих какому-либо конкретному событию или дате, например дате подачи заявления об открытии производства, фактической дате открытия производства по делу о несостоятельности или **дате, объявленной по решению суда датой прекращения оплаты должником своих долгов в обычном порядке** (прим. – выделено автором)» [18, С. 175 – 176].

В то же время, в п. 191 обращается внимание и на недостаток данного подхода: «хотя использование дискреционного подхода может создать возможности для проявления определенной гибкости в том, что касается сделок, на которые должно распространяться действие положений о расторжении, он также может привести к задержкам в производстве и не дает кредиторам предсказуемые или прозрачные ориентиры относительно того, какие сделки, вероятнее всего, будут расторгнуты. Порядок, при котором по усмотрению суда могут быть расторгнуты сделки, совершенные в течение некоего неоговоренного срока до открытия производства по делу о несостоятельности, может привести к снижению надежности коммерческих и финансовых операций. По этим причинам желательно ограничивать возможности продления подозрительного периода теми сделками, которые совершены с намерением затруднить или задержать действия кредиторов, либо вос-

препятствовать им, когда вопросы коммерческой определенности вызывают меньшую обеспокоенность» [18, С. 177].

Однако, применительно к сделкам с целью причинить вред имущественным правам кредиторов такой риск исключается. Как указывал А.Х. Гольмстен, стабильность гражданского оборота обеспечивается благодаря необходимости доказывать animus fraudandi /намерение причинить вред/ должника и conscientia fraudis третьего лица [19, С. 80].

Выбор момента возникновения неисполненных обязательств должника перед кредиторами не случаен. В настоящее время Верховным Судом РФ выработан правовой подход, в соответствии с которым конкурсное оспаривание может осуществляться в интересах только тех кредиторов, требования которых существовали к моменту совершения должником предполагаемого противоправного действия, судам для надлежащего разрешения спора необходимо было установить момент возникновения признаков неплатежеспособности должника. При отсутствии кредиторов, чьи требования сопоставимы с размером оспариваемых сделок, намерение причинить им вред у должника или у его контрагента возникнуть не может [20] [21].

Тем самым, можно сделать вывод, что при отсутствии требований кредиторов конкурсное оспаривание в принципе должно исключаться независимо от попадания сделки в период подозрительно, что поддерживается судебной практикой.

Так, направляя дело на новое рассмотрение, Арбитражный суд Московского округа в одном из дел указал на преждевременность выводов нижестоящих судов о недействительности совершенных в пределах периода подозрительности сделок по мотиву того, что суды не исследовали дату возникновения обязательств перед единственным включенным в реестр требований кредиторов: «В настоящем случае в реестр требований кредиторов должника включен один кредитор - ООО «Локус Девелопмент» с обязательствами, возникшими по договору подряда № 19-08/2020-1 ГП от 19.08.2020.

Правовых оснований для признания недействительными платежей, совершенных, как минимум до заключения договора подряда с кредитором, а также до момента возникновения перед ним обязательств (при его установлении судами) не имелось» [22].

На необходимость исследования момента возникновения требований кредиторов указывается и иных делах: «В настоящем случае обстоятельства того, существовали ли на момент совершения сделки у должника неисполненные обязательства (как с наступившим, так и ненаступившим сроком исполнения) перед кредиторами, требования которых были бы затем включены в реестр, судами не исследовались и не устанавливались» [23].

Спорным является вопрос о том, каким должно быть требование для целей определения периода подозрительности – с наступившим сроком исполнения или не с наступившим сроком исполнения и сколько их должно быть.

Представляется оправданным определять отправную точку периода подозрительности через установление самого факта наличия у должника как минимум одного неисполненного обязательства перед каким-либо кредитором. Последующий же правовой анализ должен носить комплексный характер и охватывать следующие вопросы: наблюдались ли у должника признаки неплатёжеспособности в момент совершения сделки; появились ли впоследствии иные неисполненные обязательства перед другими кредиторами; имело ли место намерение должника причинить вред кредиторам при совершении оспариваемой сделки, а также иные сопутствующие обстоятельства.

Кроме того, не должна быть исключена возможность оспаривания сделок и при отсутствии требований кредиторов, однако должник уже на момент совершения сделки предвидел их возникновение и действовал в ущерб интересам будущим кредиторам. Такое решение прочно укоренилось в немецкой доктрине, что подробно также раскрыто А.Х. Гольмстеном [19, С. 76 – 81.]. На данное обстоятельство обращает внимание и Х. Коциоль, который отмечает, что «поскольку поведение должника является противоправным по отношению к будущему кредитору и поскольку третье лицо знало либо должно было знать о вредоносном намерении этого должника, постольку можно вести речь и об оспаривании такой сделки». В качестве иллюстрации учёный приводит решение Верховного суда Австрии (ÖBA 1990, 640), в котором указано, что «даже лицо, у которого на момент совершения действий вовсе отсутствуют кредиторы, может действовать с намерением причинить вред интересам кредиторов, если оно осознанно совершает действия во вред своим будущим кредиторам» [24, С. 247].

Изложенный выше подход, с одной стороны, способствует отходу от фиксированного периода подозрительности и позволяет проводить анализ заключенных должником сделок за пределами 3-х лет, а с другой стороны, все равно устанавливает некий временной промежуток, в течение которого должно осуществляться конкурсное оспаривание.

В связи с тем, что данный вопрос имеет определяющее значение для целей всего хода дела о банкротстве, представляется, что должен рассматриваться отдельный обособленный спор, в ходе которого должна определяться единая точка отсчета для признания недействительными сделок на основании п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве. Установленные в таком обособленном споре обстоятельства могут влиять также на иные обособленные споры (например, о субординации требований кредиторов, о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц), в связи с чем целесообразно инициировать такой обособленный спор раньше других во избежание наличия судебных актов с противоречивыми выводами относительно даты наступления неплатежеспособности (объективного банкротства, имущественного кризиса) должника. Также возможен пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам установленного судом периода подозрительности, если будут представлены доказательства сокрытия должником или его контролирующими лицами информации, имеющей существенное значение для определения такого периода подозрительности.

Заключение

Из проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) Фиксированный трёхлетний период подозрительности, привязанный к дате принятия заявления о признании должника банкротом, не отвечает потребностям конкурсного оспаривания. Недобросовестный должник может искусственно «оттягивать» возбуждение дела, выводя совершённые сделки за пределы трёхлетнего «окна оспаривания». Кроме того, в отсутствие на момент совершения сделки требований кредиторов формально невозможно доказать цель причинить вред, даже если сделка была направлена на сокрытие имущества от будущих взысканий.

2) Судебная практика Верховного Суда РФ постепенно отходит от формального исчисления периода подо-

зрительности, предлагая варианты противодействия злоупотреблениям должников. При это Верховный Суд РФ также акцентирует внимание на то, что конкурсное оспаривание допускается лишь при наличии требований кредиторов. Однако отсутствие законодательного закрепления данных позиций создаёт риск непоследовательного применения.

3) Сравнительно-правовой анализ показывает, что трёхлетний срок для сделок с намерением причинить вред является одним из самых коротких среди развитых правопорядков (в Германии 10 лет, в Англии, Лихтенштейне ограничение по сроку исковой давности (5 – 6 лет), в Швейцарии 5 лет). Кроме того, некоторые правопорядки (Франция) используют гибкие критерии начала течения периода (дата прекращения платежей, момент неплатёжеспособности), а не формальную дату возбуждения дела.

4) На основе указанного анализа предлагается переход к гибкой модели определения периода подозрительности. Отправной точкой должен стать момент возникновения у должника неисполненных обязательств перед кредиторами. Такой подход соответствует положениям иностранных правопорядков, актам мягкого права (ЮНСИТРАЛ). При этом устанавливается предельный десятилетний срок оспаривания. Не исключается также оспаривание сделок совершённых при отсутствии кредиторов, но с целью причинения вреда будущим кредиторам, что требует специального правового регулирования (например, отсутствие презумпций).

Литература

1. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству по итогам 2025 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fedresurs.ru/news/45f888c8-c368-44d8-b038-436a4fe2f923 (дата доступа 14.06.2026).

2. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

3. Зайцев О.Р. Оспаривание сделок при банкротстве: о некоторых новеллах Закона N 73-ФЗ // Несостоятельность (банкротство): Научно-практический комментарий новелл законодательства и практики его применения / Под ред. В.В. Витрянского. М., 2010. С. 86 - 118.

4. Тарашкевич Л. Теория Павлиянской жалобы. Варшава, 1897. – 128 с.

5. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права; ред. В. В. Витрянский ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Кафедра гражданского права юрид. фак. – М. : Статут, 2003. – Т. 4 : Торговый процесс. Конкурсный процесс. – 550 с. (Классика российской цивилистики).

6. Карпова А.А. Процессуальная акцентуация порядка исчисления периода оспаривания подозрительных сделок, его правоприменительная эволюция и потребность в изменении правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – № 3. – С. 133–148.

7. Киселев М.О. Проблемы установления периода подозрительности при оспаривании сделок в деле о банкротстве несостоятельного должника // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2025. – № 10. – С. 71 - 92.

8. Insolvenzordnung (InsO) § 133[Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/inso/ (дата доступа: 18.06.2026).

9. Code de commerce, Article L631-8 // Légifrance [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr (дата доступа: 18.06.2026).

10. Pérochon F., Laroche M., Reille F., Favario T., Donnette A. et Martineau-Bourgninaud V., Entreprises en difficulté, déc. 2024, LGDJ, 9782275158891.

11. Insolvency Act 1986, Section 423 [Electronic resource]. – Режим доступа: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/45/section/423 (дата доступа: 18.06.2026).

12. Restructuring & Insolvency. Getting the Deal Through / by B. Leonard.

13. Hill v Spread Trustee Company Ltd & Anor Neutral Citation Number [2006] EWCA Civ 542. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://caselaw.nationalarchives.gov.uk/ewca/civ/2006/542?query=section+423+Insolvency+Act+1986 (дата доступа: 18.06.2026).

14. Федеральный закон Республики Швейцария об исполнении долговых обязательств и банкротстве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/11/529_488_529/de#art_288 (дата доступа: 18.06.2026).

15. Rechtssicherungs-Ordnung vom 9. Februar 1923 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gesetze.li/konso/1923008000 (дата доступа: 18.06.2026).

16. Article XX.114 of the Code of Economic Law [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/2222778e.pdf (дата доступа: 18.06.2026).

17. Интервью А.И. Шайдуллина с А.В. Егоровым. Цивилистика. – 2024. – № 5. – С. 4 – 16.

18. Руководство ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/default/files/media-documents/uncitral/ru/05-80724_ebook.pdf (дата доступа: 18.06.2026).

19. Гольмстен А. Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1893. – 236 с.

20. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.02.2023 № 305-ЭС21-8027(7) по делу № А40-225341/2019 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

21. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2023 № 306-ЭС23-14897 по делу № А65-24538/2020 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.02.2026 № Ф05-7015/2025 по делу № А41-17878/2023 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

23. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.01.2025 № Ф05-27593/2024 по делу № А40-218743/2021 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

24. Кациоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (начало) // Вестник гражданского права. 2017. № 3. С. 205 – 294.

Questions of the legal qualification of invalid debtor transactions with non-equivalent performance

Saleev E.R.
Kutafin Moscow State Law University

The article critically examines the fixed three-year suspect period established by paragraph 2 of Article 61.2 of the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)”. The author demonstrates that linking the commencement of this period to the formal date of acceptance of the application for declaring the debtor bankrupt, in a number of cases, fails to take into account the actual dynamics of the emergence of the debtor's overdue obligations and allows dishonest persons to artificially remove assets from avoidance. Based on an analysis of the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, materials of judicial and arbitration practice, as well as a comparative legal study of the legislation of other states, the necessity of moving from a fixed term to a flexible model is substantiated, in which the suspect period is determined by the moment when overdue obligations to creditors arise, and specific legislative changes are proposed.

Keywords: bankruptcy, avoidance of transactions, suspect period, transactions made with intent to defraud, actio Pauliana, insolvency avoidance, stability of trading.

References

1. Statistical bulletin of the Federation on bankruptcy as of 2025. [Electronic resource]. - Access mode: https://fedresurs.ru/news/45f888c8-c368-44d8-b038-436a4fe2f923 (date of access 18.06.2026).
2. On insolvency (bankruptcy): Federal Act of 26 October 2002. 127-FZ // Assembly of Legislation of the Russian Federation. 4190.
3. Zaitsev O.R. Challenging Transactions in Bankruptcy: On Certain Novelties of Law No. 73-FZ // Insolvency (Bankruptcy): Scientific and Practical Commentary on the Novelties of Legislation and the Practice of its Application / Ed. by V.V. Vitryansky. – Moscow, 2010. – P. 86–118.
4. Tarashkevich L. The Theory of the Paulian Action. – Warsaw, 1897. – 128 p.
5. Shershenevich G.F. Course of Commercial Law; ed. by V.V. Vitryansky; Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law, Department of Civil Law. – Moscow: Statute, 2003. – Vol. 4: Commercial Procedure. Insolvency Procedure. – 550 p. (Classics of Russian Civil Law).
6. Karpova A.A. Procedural Accentuation of the Procedure for Calculating the Suspect Period for Challenging Suspicious Transactions, Its Law Enforcement Evolution and the Need for Changing Legal Regulation // Current Problems of Russian Law. – 2025. – No. 3. – P. 133–148.
7. Kiselev M.O. Problems of Establishing the Suspect Period When Challenging Transactions in the Bankruptcy Case of an Insolvent Debtor // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2025. – No. 10. – P. 71–92.
8. Insolvenzordnung (InsO) § 133 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.gesetze-im-internet.de/inso/ (date of access: 18.06.2026).
9. Code de commerce, Article L631-8 // Légifrance [Electronic resource]. – Access mode: https://www.legifrance.gouv.fr (date of access: 18.06.2026).
10. Pérochon F., Laroche M., Reille F., Favario T., Donnette A. et Martineau-Bourgninaud V. Entreprises en difficulté. – Dec. 2024. – LGDJ. – 9782275158891.
11. Insolvency Act 1986, Section 423 (Transaction’s defrauding creditors) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/45/section/423 (date of access: 18.06.2026).
12. Restructuring & Insolvency. Getting the Deal Through / by B. Leonard.
13. Hill v Spread Trustee Company Ltd & Anor Neutral Citation Number [2006] EWCA Civ 542 [Electronic resource]. – Access mode: https://caselaw.nationalarchives.gov.uk/ewca/civ/2006/542?query=section+423+Insolvency+Act+1986 (date of access: 18.06.2026).
14. Federal Law of the Swiss Confederation on Debt Enforcement and Bankruptcy [Electronic resource]. – Access mode: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/11/529_488_529/de#art_288 (date of access: 18.06.2026).
15. Rechtssicherungs-Ordnung vom 9. Februar 1923 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.gesetze.li/konso/1923008000 (date of access: 18.06.2026).
16. Article XX.114 of the Code of Economic Law [Electronic resource]. – Access mode: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/2222778e.pdf (date of access: 18.06.2026).
17. Interview of A.I. Shaydullin with A.V. Egorov // Civilistics. – 2024. – No. 5. – P. 4–16.
18. UNCITRAL Legislative Guide on Insolvency Law [Electronic resource]. – Access mode: https://uncitral.un.org/sites/default/files/media-documents/uncitral/ru/05-80724_ebook.pdf (date of access: 18.06.2026).
19. Golmsten A.Kh. The Doctrine of the Creditor's Right to Challenge Legal Acts Performed by the Debtor to His Detriment in Modern Legal Literature. – St. Petersburg: Printing House of M.M. Stasyulevich, 1893. – 236 p.
20. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES21-8027(7) of February 8, 2023 in case No. A40-225341/2019 [Electronic resource]. – Access from the Legal Reference System "ConsultantPlus".
21. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 306-ES23-14897 of November 27, 2023 in case No. A65-24538/2020 [Electronic resource]. – Access from the Legal Reference System "ConsultantPlus".
22. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District No. F05-7015/2025 of February 19, 2026 in case No. A41-17878/2023 [Electronic resource]. – Access from the Legal Reference System "ConsultantPlus".
23. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District No. F05-27593/2024 of January 20, 2025 in case No. A40-218743/2021 [Electronic resource]. – Access from the Legal Reference System "ConsultantPlus".

Предоставление земельных участков без проведения торгов: гражданско-правовая квалификация зданий и сооружений

Самохина Наталья Александровна
соискатель, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева; начальник административно-правового управления филиала АО «Туполев» «ЖЛИ и ДБ», Samohina_@mail.ru,

Лужина Александра Николаевна
к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, luzhinaan@rsuj.ru

В статье исследуется соотношение положений гражданского, земельного и градостроительного законодательства при предоставлении земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, собственникам зданий и сооружений без проведения торгов. Цель работы состоит в выявлении пределов, в которых региональный административный регламент может конкретизировать федеральные нормы. Методологию исследования составляют формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы анализа. Обосновано, что требование квалифицировать здание или сооружение как объект капитального строительства не должно подменять критерии недвижимой вещи, установленные гражданским законодательством. Предлагается уточнить административный регламент и исключить дополнительные условия, не вытекающие из статьи 39.20 ЗК РФ.
Ключевые слова: земельный участок, недвижимое имущество, здание, сооружение, объект капитального строительства, государственная регистрация, административный регламент.

Введение

Предоставление земельного участка без проведения торгов собственнику здания или сооружения относится к тем институтам, где земельно-правовая процедура непосредственно зависит от гражданско-правовой квалификации объекта. Пунктом 1 статьи 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации закреплено исключительное право граждан и юридических лиц, являющихся собственниками зданий, сооружений, расположенных на публичном земельном участке, приобрести такой участок в собственность или аренду, если иное не установлено федеральным законом. Юридическое значение имеет не всякое фактическое улучшение земли, а наличие объекта, который способен выступать самостоятельной недвижимой вещью и принадлежит заявителю на вещном праве.

Актуальность исследуемого вопроса усиливается практикой применения административных регламентов субъектов Российской Федерации. В Московской области распоряжением Министерства имущественных отношений Московской области от 31 мая 2021 г. № 15ВР-883 утвержден регламент оказания услуги по предоставлению земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, в аренду без торгов и в собственность за плату без торгов. В регламенте используется конструкция, при которой право заявителя связывается не только с наличием зарегистрированного здания или сооружения, но и с характеристикой такого объекта как объекта капитального строительства, с разрешением на строительство, разрешением на ввод в эксплуатацию либо специальным основанием регистрации в ЕГРН. Возникает вопрос о допустимости подобного нормативного усложнения, поскольку статья 39.20 ЗК РФ не содержит самостоятельного требования о доказательстве статуса объекта капитального строительства.

Практическая сложность проявляется в том, что заявитель обычно приходит в орган власти не с теоретическим вопросом о природе объекта, а с уже зарегистрированным правом на здание или сооружение. В такой ситуации административная процедура должна отвечать на более узкий вопрос: есть ли у конкретного собственника право требовать предоставления публичного земельного участка по статье 39.20 ЗК РФ. Проверка не может превращаться в повторное установление того, является ли зарегистрированный объект недвижимостью, если такая регистрация сохраняет силу и не оспорена в судебном порядке [2; 4].

Результаты исследования

Гражданский кодекс Российской Федерации относит к недвижимым вещам земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно; среди таких объектов названы здания, сооружения и объекты незавершенного строительства [1]. В гражданско-правовом смысле недвижимость определяется через способность вещи быть самостоятельным объектом гражданских прав и через устойчивую связь с земельным участком [1]. Поэтому простая физическая связь с землей сама по себе не исчерпывает правовую характеристику объекта.

Из гражданско-правовой конструкции недвижимости вытекают два самостоятельных вывода. Первый состоит в том, что здание или сооружение должно быть индивидуализировано как вещь: у объекта должны быть границы, назначение, кадастровые характеристики и возможность

выступать предметом вещного права. Второй вывод связан с пределами административной проверки: орган может сопоставить сведения ЕГРН с заявлением и параметрами испрашиваемого участка, но не вправе подменять установленный законом порядок оспаривания зарегистрированного права собственной оценкой технических признаков объекта [1; 4].

Градостроительный кодекс Российской Федерации использует самостоятельную терминологию. Объект капитального строительства в градостроительном праве связан со строительством, реконструкцией, капитальным ремонтом, сносом и эксплуатацией зданий и сооружений, а некапитальные строения и сооружения описываются как объекты, не имеющие прочной связи с землей и допускающие перемещение или демонтаж без несоразмерного ущерба назначению [3]. Данная терминология обслуживает цели градостроительного регулирования: выдачу разрешений, контроль строительного процесса, соблюдение технических требований. Она не тождественна гражданско-правовой категории недвижимой вещи [6].

Именно поэтому смешение названных категорий способно изменить содержание федеральной нормы. Если в статье 39.20 ЗК РФ речь идет о собственниках зданий и сооружений, то региональный акт не должен превращать это условие в требование о предварительном доказывании статуса объекта капитального строительства, когда федеральный законодатель такого условия не назвал [2]. Иной подход фактически расширяет основания отказа в предоставлении участка без торгов за счет подзаконного регулирования, что нарушает соотношение земельного и гражданского законодательства.

Иерархия нормативных актов имеет здесь не формальное, а прикладное значение. Регламент субъекта Российской Федерации предназначен для описания порядка оказания услуги: какие документы подаются, как направляются межведомственные запросы, в какой срок готовится результат, каким способом он выдается заявителю. Материальное условие возникновения права на участок должно следовать из федерального закона. Поэтому расширение перечня условий через ссылку на объект капитального строительства фактически меняет содержание статьи 39.20 ЗК РФ и создает новый барьер для собственника [2; 5].

Часть 5 статьи 1 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» устанавливает, что государственная регистрация права в ЕГРН является единственным доказательством существования зарегистрированного права [4]. Из этого не следует, что регистрационная запись делает недвижимостью любой объект независимо от его свойств. Однако пока зарегистрированное право не оспорено в судебном порядке, административный орган не вправе обращаться с ним как с юридически отсутствующим [4].

Данный вывод особенно важен для плоскостных и иных спорных сооружений. Если объект учтен в ЕГРН как сооружение, а право заявителя зарегистрировано, орган, рассматривающий заявление о предоставлении участка, может проверять соблюдение условий статьи 39.20 ЗК РФ, границы участка, вид разрешенного использования и наличие федеральных запретов [2]. Но такая проверка не должна превращаться в самостоятельное административное опровержение зарегистрированного права через вывод о том, что объект не является объектом капитального строительства. Спор о наличии или отсутствии права на недвижимое имущество разрешается судом, а не административным письмом или решением об отказе.

Для плоскостных сооружений вопрос должен решаться не через заранее заданное отрицание их правовой природы, а через оценку самостоятельности конкретного объекта. Одно покрытие, ограждение или площадка может быть лишь улучшением земельного участка, а другое сооружение может иметь самостоятельное хозяйственное назначение, кадастровый учет и зарегистрированное право. Такая оценка требует учета не только строительных характеристик, но и того, может ли объект участвовать в гражданском обороте отдельно от земельного участка [1; 6; 7].

Позиция Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ по делу № 1160/13 состоит в том, что термин «объект капитального строительства» не может автоматически заменять категорию «объект недвижимого имущества». Суд указал, что право может быть зарегистрировано лишь в отношении вещей, которые обладают признаками недвижимости и способны участвовать в гражданском обороте как отдельные объекты [6]. В этом же деле было отмечено, что ограждение, выполняющее только обслуживающую функцию по отношению к земельному участку и находящимся на нем зданиям, не подлежит самостоятельной регистрации как объект недвижимости [6].

Иной пример дан в постановлении Президиума ВАС РФ по делу № 17085/12. Суд квалифицировал мини-футбольное поле и футбольное поле как улучшения земельного участка, а не как самостоятельные недвижимые вещи [7]. Этот подход не означает, что все плоскостные сооружения всегда исключаются из числа недвижимости. Он показывает необходимость индивидуальной оценки: объект должен иметь самостоятельное назначение, правовую обособленность и способность быть предметом гражданского оборота.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 11 июня 2024 г. № 29-П дополнительно подчеркнул, что применение пункта 1 статьи 39.20 ЗК РФ должно обеспечивать функциональное использование здания или сооружения собственником, а не создавать неопределенность из-за формального толкования расположения объекта относительно земной поверхности [8]. Суд признал недопустимой ситуацию, при которой собственник зарегистрированного подземного или частично подземного гаража не может претендовать на участок лишь из-за того, что объект находится ниже поверхности земли [8]. Данная позиция усиливает требование к законодателю и правоприменителю формулировать ограничения ясно и на уровне федерального закона.

Административный регламент субъекта Российской Федерации может определять порядок подачи заявления, состав документов, сроки межведомственного обмена, форму результата услуги и технические требования к процедуре. Но он не может устанавливать новое материально-правовое условие, при котором право, предусмотренное федеральным законом, становится зависимым от дополнительного критерия [5]. По этой причине требование о том, что расположенные на участке здания и сооружения должны быть именно объектами капитального строительства, нуждается в корректировке.

Содержание регламента целесообразно разделять на процедурную и материально-правовую части. Процедурная часть может быть детальной: она описывает форму заявления, перечень сведений, каналы подачи документов, порядок взаимодействия с Росреестром и муниципальными органами. Материально-правовая часть должна быть иной по юридической природе: она не вправе добавлять основания отказа, которых нет в ЗК РФ или ином федеральном законе. Именно это разграничение позволяет сохранить управляемость услуги без ограничения вещного права заявителя [2; 5].

Риск злоупотребления исключительным правом выкупа земельного участка существует. В научной литературе он связывается, в частности, с попытками приобрести значительный публичный участок под малозначитель-

ным объектом либо объектом, не обеспечивающим самостоятельного использования земли [10]. Однако борьба с такими практиками должна строиться на нормах ЗК РФ, ГК РФ, Закона № 218-ФЗ и судебном контроле, а не на расширительном административном толковании. Цивилистическая теория также исходит из того, что вещное право требует юридически определенного объекта, а не одной технической характеристики постройки [9].

Следовательно, при рассмотрении заявления собственника сооружения орган вправе оценивать: наличие зарегистрированного права заявителя; расположение объекта в границах испрашиваемого участка; соответствие вида разрешенного использования предполагаемому использованию; наличие федеральных ограничений оборота и приватизации; соразмерность испрашиваемой территории назначению объекта в тех пределах, которые допускаются законом и судебной практикой [2]. Но орган не вправе выводить отказ только из того, что объект не подтвержден как объект капитального строительства, если федеральная норма связывает право с собственностью на здание или сооружение [2].

Отдельного внимания заслуживает соразмерность испрашиваемого участка назначению здания или сооружения. Она не должна пониматься как свободное усмотрение органа власти. Речь идет о проверке того, нужен ли участок для нормальной эксплуатации объекта, доступа к нему, обслуживания инженерных элементов и соблюдения градостроительных ограничений. Если площадь участка явно не связана с назначением объекта, орган вправе ставить вопрос о корректировке границ или о предоставлении меньшей территории, но такой вывод должен быть мотивирован ссылками на закон и фактические параметры объекта [2; 10].

Для устранения противоречия целесообразно изложить спорное положение административного регламента в следующей редакции: «Если на испрашиваемом земельном участке расположены здания, сооружения, собственникам таких зданий, сооружений либо помещений в них земельный участок предоставляется в случаях, предусмотренных статьей 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации, при условии, что права на соответствующие объекты недвижимого имущества зарегистрированы в ЕГРН, а иное основание для отказа прямо не установлено федеральным законом».

Такая формулировка не освобождает заявителя от доказывания условий предоставления участка. Она лишь устраняет подмену гражданско-правового понятия недвижимости градостроительным понятием объекта капитального строительства. Если уполномоченный орган располагает доказательствами, что зарегистрированный объект не является самостоятельной недвижимой вещью, надлежащим способом защиты публичного интереса должно быть обращение в суд с требованием, вытекающим из характера спорной регистрационной записи, а не отказ, основанный на подзаконном расширении статьи 39.20 ЗК РФ [4].

Такой подход влияет и на состав документов. Выписка из ЕГРН и сведения кадастрового учета должны рассматриваться как основной источник данных о существовании зарегистрированного права и характеристиках объекта. Разрешение на строительство или разрешение на ввод в эксплуатацию могут иметь значение, когда они требуются по федеральному законодательству либо прямо связаны с происхождением объекта. Но универсальное требование представить такие документы для любого здания или сооружения необоснованно, поскольку оно делает право по статье 39.20 ЗК РФ зависимым от документов, которые не всегда должны существовать у собственника.

Заключение

Особенности предоставления земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, собственникам зданий и сооружений определяются статьей 39.20 ЗК РФ. Эта норма исходит из связи земельного участка с недвижимой вещью, принадлежащей заявителю на праве собственности, но не требует от заявителя отдельно доказывать, что здание или сооружение является объектом капитального строительства. Категория «объект капитального строительства» имеет градостроительное назначение и не заменяет гражданско-правовые критерии недвижимости.

Выявленная проблема состоит в том, что административный регламент Московской области использует дополнительные условия, которые не следуют из федеральной нормы и могут повлечь отказ собственнику зарегистрированного объекта недвижимости без судебного опровержения его права. Корректировка регламента должна опираться на статью 130 ГК РФ, статью 39.20 ЗК РФ и Закон № 218-ФЗ, а также учитывать судебную практику о самостоятельности объекта гражданских прав. Предложенная редакция позволяет сохранить контроль за недобросовестным использованием механизма выкупа, но исключает неоправданное смешение гражданско-правовой и градостроительной терминологии.

Таким образом, расширенное толкование регионального регламента должно быть заменено проверкой, основанной на трех группах обстоятельств: зарегистрированное право заявителя, фактическая и кадастровая связь объекта с испрашиваемым участком, отсутствие федеральных запретов на предоставление земли. Такая модель не исключает защиту публичного интереса, но переносит спор о природе объекта туда, где он должен разрешаться, - в судебную процедуру или в предусмотренный законом порядок исправления регистрационных сведений.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239 (дата обращения: 24.06.2026).

2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147. URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073184 (дата обращения: 24.06.2026).

3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1, ч. 1. Ст. 16. URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102090643 (дата обращения: 24.06.2026).

4. О государственной регистрации недвижимости : Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29, ч. 1. Ст. 4344. URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102376335 (дата обращения: 24.06.2026).

5. Об утверждении административного регламента предоставления государственной услуги «Предоставление земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, в аренду без проведения торгов, в собственность за плату без проведения торгов» : распоряжение Министерства имущественных отношений Московской области от 31.05.2021 № 15ВР-883 // Министерство имущественных отношений Московской области : официальный сайт. URL: https://mio.mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/administrativnye-reglamenty/31-05-2021-14-37-05-rasporyazhenie-

minmosoblimushchestva-ot-31-maya (дата обращения: 24.06.2026).

6. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.09.2013 № 1160/13 // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://www.vsrf.ru/documents/arbitration/17363/ (дата обращения: 24.06.2026).

7. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28.05.2013 № 17085/12 // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://www.vsrf.ru/documents/arbitration/17242/ (дата обращения: 24.06.2026).

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.06.2024 № 29-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406130001 (дата обращения: 24.06.2026).

9. Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2024. 626 с.

10. Киселев В. С. О злоупотреблении исключительным правом выкупа земельного участка собственником объекта недвижимости: теория, проблематика, способы противодействия // Аграрное и земельное право. 2025. № 2. С. 385–389. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_2_385.

Provision of land plots without auction: civil-law qualification of buildings and structures

Samokhina N.A., Luzhina A.N.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article examines the relationship between the provisions of civil, land and urban planning legislation in the provision of land plots, the state ownership of which is not demarcated, to the owners of buildings and structures without bidding. The purpose of the work is to identify the limits to which regional administrative regulations can specify federal standards. The research methodology consists of formal legal, systematic and comparative legal methods of analysis. It is proved that the requirement to qualify a building or structure as an object of capital construction should not replace the criteria of immovable property established by civil legislation. It is proposed to clarify the administrative regulations and exclude additional conditions that do not follow from Article 39.20 of the CC RF.

Keywords: land plot, immovable property, building, structure, capital construction object, state registration, administrative regulation.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of November 30, 1994. Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, 1994, no. 32, art. 3301. Available at: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239 (accessed June 24, 2026). (In Russ.)
2. Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ of October 25, 2001. Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, 2001, no. 44, art. 4147. Available at: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073184 (accessed June 24, 2026). (In Russ.)
3. Urban Planning Code of the Russian Federation No. 190-FZ of December 29, 2004. Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, 2005, no. 1, part 1, art. 16. Available at: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102090643 (accessed June 24, 2026). (In Russ.)
4. On State Registration of Real Estate: Federal Law No. 218-FZ of July 13, 2015. Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, 2015, no. 29, part 1, art. 4344. Available at: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102376335 (accessed June 24, 2026). (In Russ.)
5. On Approval of the Administrative Regulation for the State Service “Provision of Land Plots with Undelimited State Ownership for Lease without Auction and for Ownership for Payment without Auction”: Order of the Ministry of Property Relations of the Moscow Region No. 15VR-883 of May 31, 2021. Ministry of Property Relations of the Moscow Region: official website. Available at: https://mio.mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/administrativnye-reglamenty/31-05-2021-14-37-05-rasporyazhenie-minmosoblimushchestva-ot-31-maya (accessed June 24, 2026). (In Russ.)
6. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 1160/13 of September 24, 2013. Supreme Court of the Russian Federation: official website. Available at: https://www.vsrf.ru/documents/arbitration/17363/ (accessed June 24, 2026). (In Russ.)
7. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 17085/12 of May 28, 2013. Supreme Court of the Russian Federation: official website. Available at: https://www.vsrf.ru/documents/arbitration/17242/ (accessed June 24, 2026). (In Russ.)
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 29-P of June 11, 2024. Official Internet Portal of Legal Information. Available at: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406130001 (accessed June 24, 2026). (In Russ.)
9. Sukhanov E.A. Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatelnyi ocherk [Property Law: A Scientific and Educational Essay]. 3rd ed., rev. and enl. Moscow, Statut Publ., 2024. 626 p. (In Russ.)
10. Kiselev V.S. O zloupotreblenii isklyuchitel’nym pravom vykupa zemel’nogo uchastka sobstvennikom ob’ekta nedvizhimosti: teoriya, problematika, sposoby protivodeystviya [On the Abuse of the Exclusive Right to Purchase a Land Plot by the Owner of a Real Estate Object: Theory, Issues, Methods of Counteraction]. Agrarnoe i zemel’noe pravo, 2025, no. 2, pp. 385-389. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_2_385. (In Russ.)

Ретроактивность в условных сделках и обязательствах

Самсонов Евгений Дмитриевич
аспирант, Самарский государственный экономический университет; адвокат, Адвокатское бюро «Яблоков и партнеры», samsonov@ab63.ru

Настоящая статья посвящена вопросам ретроактивности в условных сделках и обязательствах. Несмотря на наличие значительного количества публикаций, темой которых являются условные сделки и условные обязательства, вопросы ретроактивности, по большей мере, остаются оставленными без внимания. В данной статье, с учетом имеющегося опыта законодательного регулирования данного вопроса в зарубежных странах, а также частно-правовой доктрины определимся с тем, насколько положения о ретроактивности наступления отлагательных и отменительных условий применимы в российском частном праве, и требуется ли внесение изменений в действующий Гражданский кодекс Российской Федерации. Отметим, что положения о ретроактивном действии отлагательных и отменительных условий в условных сделках (Германия) или условных обязательствах (Франция), и теоретические разработки имеющихся правовых норм в зарубежных странах имеют давнюю историю. В связи с этим, при отсутствии в Гражданском кодексе Российской Федерации какой-либо системы норм, регулирующих институт условных сделок и условных обязательств, восприятие зарубежного опыта имеет непосредственное как теоретическое, так и практическое значение для продолжения развития в России теории условных сделок и обязательств.
Ключевые слова: обусловленное исполнение обязательства, условные сделки, ретроактивность, отлагательные условия, отменительные условия.

Введение

В российском гражданском праве, в отличие от многих зарубежных правопорядков, отсутствует какое-либо системное регулирование вопросов условных сделок и условных обязательств [2, с. 54; 9, с. 145]. В настоящее время этой теме посвящены положения ст. 157 (сделки, совершенные под условием) и ст. 327.1 (обусловленное исполнение обязательства) Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Таким образом, в ГК РФ дано понятие условных сделок с отлагательными и отменительными условиями, установлены правовые последствия недобросовестного поведения сторон, способствовавших наступлению/не наступлению условий, а также раскрыто существо института обусловленного исполнения обязательства.

При этом все иные аспекты условности (виды условий, специфика обязательственного отношения правоотношения на стадии ожидания наступления условия [4, с. 673], двойственность имущественного положения сторон условно-отлагательного обязательства [2, с. 62], правовой статус условно-правовых кредиторов при банкротстве должника [10, с. 163-166]) не имеют какого-либо нормативного закрепления ни в ГК РФ ни в иных законах. Отсутствие полноты раскрытия вопросов условных сделок и обязательств в законе приводит к наличию правовой неопределенности как при формировании сторонами сделок программы обязательственных отношений, так и при возможном разрешении гражданско-правовых споров судами, возникновение которых становится неизбежным ввиду неполноты нормативного материала, регулирующего правоотношения сторон, осложненных условным эффектом.

К одному из аспектов условности, нормативное регулирование которого отсутствует в ГК РФ, относится и вопрос о ретроактивности отлагательных и отменительных условий. Также корректно говорить: ретроактивный характер (аспект) наступления условия, обратная сила условия.

Ретроактивность отлагательных условий

Для того, чтобы понять, каким образом реализуется ретроактивность в условных сделках и обязательствах необходимо обратиться к зарубежному опыту правового регулирования.

Гражданский кодекс Франции устанавливал в качестве общего правила обратную силу как отлагательных, так и отменительных условий (ст. 1179), однако в ходе реформы 2016 года правила о ретроактивном характере обязательств были существенно смягчены, а именно, для отлагательных условий обратная сила сохраняла своей действие только в силу соглашения сторон (ст. 1304-6), для отменительных условий ретроактивный характер был сохранен в качестве общего правила, которое могло быть изменено условиями сделки (ст. 1304-7) [1, с. 68].

Каковы правовые последствия применения правил об обратной силе наступления условий? Французские юристы, как правило, выделяли следующие последствия при ретроактивности наступления отлагательных условий.

Если в период между заключением условной сделки и наступлением отлагательного условия будет введен в действие новый закон, то его положения не могут применяться к ранее заключенной сделке, и например, изменять порядок исполнения обязательства должником или влиять на права кредитора. М. Пляниоль указывал, что неприменение к условной сделке нового закона, заключенной до введения в действие его положений, некоторые

юристы пытались обосновать с помощью правил об обратном действии силы закона, а именно: новый закон действует только на будущее время и такой закон не должен ухудшать положение сторон, существовавшее до его введения. Поскольку же условная сделка заключена до введения в действие нового закона, то соответственно, кредитор, имеющий права из заключенной сделки, не должен подвергаться негативным последствиям нового закона. Однако, такое обоснование является неверным, поскольку условный кредитор до момента наступления условия еще не имеет каких-либо прав, относящихся к исполнению обязательства должником, а потому его требования к должнику должны рассматриваться на основании ранее действующего закона. Применение ранее действующего закона определяется фикцией наступления условия в момент заключения сделки, а не наличием прав до наступления условия [7, с. 95-96].

Указанный пример хоть и является хорошей иллюстрацией того, каким образом действует обратная сила условия, однако, по мнению автора, является довольно экзотичным вариантом решения вопроса применительно к действующему российскому правопорядку. Если же, все-таки, такой спор и дойдет до судебного рассмотрения, то с большей долей вероятности он будет рассмотрен с учетом правил об обратной силе закона, а не о ретроактивном характере наступления условия, поскольку обратная сила условий в условных сделках и обязательствах вообще не известна российскому правопорядку.

В теории гражданского права общепризнанным является правило о том, что исполненное должником до наступления условия может быть истребовано обратно по правилам о неосновательном обогащении. Поскольку условие не наступило, то и оснований для исполнения в пользу кредитора еще не имеется.

Однако, ошибочно исполненное должником не может быть потребовано обратно в ситуации, когда после такого исполнения условие все же наступит. В этом заключается еще одно проявление ретроактивности наступления отлагательного условия [7, с. 96].

Необходимо отметить, что правила о ретроактивном характере наступления отлагательных условий не были столь жесткими и в дореформенном кодексе Франции.

Так, кодекс устанавливал, что, по общему правилу, риск случайной гибели или повреждения вещи лежал на покупателе с момента совершения сделки, хотя бы вещь и продолжала находиться у продавца или третьего лица (ст. 1138). С учетом этого правила, механизм перехода риска гибели вещи при условной сделке должен был происходить следующим образом. Если вещь погибла в период с момента заключения сделки, но до наступления условия (или после наступления условия, но до возникновения просрочки со стороны продавца по передаче вещи), то с учетом фикции наступления отлагательного условия в момент заключения сделки (ст. 1179) риск гибели вещи должен был бы перейти к покупателю также в момент заключения сделки. Соответственно, из этого следует, что несмотря на гибель вещи до наступления условия и передачи продавцом ее покупателю, обязанность по выплате покупной стоимости вещи за покупателем должна была сохраняться.

Однако, поскольку такое условие является явно несправедливым ввиду того, что до наступления условия покупатель никаким образом не может влиять на сохранность вещи, ст. 1182 Гражданского кодекса Франции предусматривала специальные условия перехода риска гибели вещи при условной сделке – риск сохранялся за продавцом.

При этом ч. 3 ст. 1182 кодекса предусматривала, что при частичном повреждении вещи не по вине продавца у покупателя возникало право либо забрать вещь в текущем состоянии без снижения цены, либо требовать расторжения договора. Это правило наиболее четко показывало разницу в отношении правил перехода риска гибели и повреждения вещи в обычной безусловной и условной сделках.

Предусмотренное ст. 1182 кодекса правило о сохранении риска гибели или повреждения вещи за должником по условной сделке было перенесено в правила переформенной ст. 1304-6.

Установленные ст. 1182 кодекса исключения из общих правил о переходе риска гибели вещи, установленных ст. 1138 Гражданского кодекса Франции, обусловлено следующим. Для действия условия с обратной силой необходимо, чтобы «к моменту его исполнения существовали еще фактически все существенные элементы для заключения сделки» [3, с. 438].

Следует согласиться с указанным утверждением, как и самим правилом о распределении риска гибели или повреждения вещи до наступления отлагательного условия, установленного французским кодексом. Иное бы правило существенным бы образом определяло баланс интересов в пользу продавца, который не только сохраняет права владения вещью до наступления отлагательного условия, но также может и не предпринимать необходимых усилий по сохранению вещи, поскольку риск гибели или повреждения вещи с момента заключения сделки переходил бы на покупателя. Такое регулирование не отвечало критерию справедливого распределения рисков между сторонами договорных отношений.

При обратной силе наступления отлагательных условий согласно дореформенным положениям кодекса правовой эффект считается наступившим в момент совершения сделки. В литературе, посвященной условным обязательствам по французскому праву, в том числе, приведенной и в настоящей статье, не уделяется особого внимания вопросам о том, чем было обусловлено такое законодательное решение, выбивающееся из классических представлений о том, что условия определяют будущее сделки или обязательства, не влияя на их историю до наступления условия.

Теоретически можно предположить ситуации, в которых обратная сила отлагательного условия будет иметь важное правовое значение. Например, при купле-продажи вещи под отлагательным условием в случае повреждения вещи третьим лицом и согласия на приобретение права собственности на поврежденную вещь покупателем (ст. 1182 кодекса), переход права собственности с обратной силой может иметь значение с точки зрения определения лица, которое имеет право на предъявление иска о возмещении ущерба к виновнику. При обратной силе наступления отлагательного условия покупатель будет считаться собственником вещи в момент заключения сделки несмотря на то, что условие еще не наступило, а следовательно, у него есть право на предъявление требований о возмещении ущерба к виновнику. Если же не признавать обратную силу отлагательного условия и считать, что покупатель становится собственником лишь в момент наступления отлагательного условия, то прямое предъявление иска к виновнику уже не является таким очевидным. Поскольку право на вещь в момент причинения вреда у покупателя отсутствовало, то и на предъявление требований к виновнику уполномочен только продавец.

Конструкция ретроактивного наступления отлагательного условия может иметь значение, например, в договорах на покупку долей, акций, с целью предоставления права покупателю на защиту в отношении событий, произошедших с даты заключения сделки до наступления отлагательного условия, то есть в период, когда покупатель собственником еще не являлся (оспаривание собраний,

действий руководителей и т.д.). Здесь при этом нужно отметить, что имеется определенный конфликт с корпоративным правом, которое связывает права участников корпораций с отражением их в определенных реестрах.

Хотя полезность такого решения о предании отлагательным условиям обратной силы кажется нам немного искусственной. По сути, в большинстве случаев такое условие не будет работать, то есть не будет иметь правовых последствий для сторон сделки. Допустим, что право аренды помещения поставлено в зависимость от наступления определенного условия, например, получения собственником разрешения государственного органа на подключение помещения к системе водоснабжения. Такое условие наступило, и мы будем считать, что право аренды возникло у арендатора не в момент выдачи разрешения, а сразу при заключении сделки. Однако никакой выгоды такое условие арендатору не предоставляет, поскольку фактическое пользование помещением возможно только после наступления отлагательного условия.

А в ранее приведенном примере с покупкой поврежденной вещи вопрос о предъявлении новым покупателем требования к виновнику решается путем уступки права требования от продавца к покупателю.

Учитывая отсутствие серьезных доводов в пользу ретроактивности отлагательных условий французский законодатель в новой редакции положений об условных обязательствах отменил действующее с 1804 года правило об обратной силе отлагательных условий.

Указанные выше допущения относительно искусственного завышения роли обратной силы отлагательных условий применимы и к российскому правопорядку. Любые попытки распространить, например, приобретение права собственности на недвижимые вещи или доли (акции) в обществах и корпорациях на период с момента заключения сделки до наступления отлагательного условия, будут конкурировать с положениями закона об обязательном оформлении перехода права собственности путем занесения таких сведений в реестр (напр., ст. 8.1 ГК РФ определяет, что права, закрепляющие принадлежность объектов гражданских прав определенному лицу, подлежат государственной регистрации). Применительно к недвижимому имуществу права на него подтверждаются исключительно записью в реестре. Поэтому сложно будет ссылаться на наличие права собственности на недвижимое имущество по условной сделке в период до наступления отлагательного условия.

В ситуациях же, при которых период перехода прав на вещи не будет конкурировать с императивными нормами закона, применение ретроактивной оговорки о наступлении условия возможно, (например, в отношении движимых вещей). Поэтому закрепление в качестве общего правила ретроактивности наступления отлагательного условия не требуется, однако, включение в ГК РФ положений, которые будут допускать такую возможность, если при этом такая оговорка не будет противоречить иным положениям закона, кажется вполне допустимым. В некоторых ситуациях ретроактивность наступления отлагательных условий действительно имеет значение, в том числе, дает дополнительные способы и механизмы защиты в отношении противоправных деяний, которые могут быть совершены до наступления отлагательного условия.

Ретроактивность отменительных условий

В отношении же отменительных условий французские юристы отмечали, что «… право, возникшее под отменительным условием, рассматривается в случае осуществления условия как никогда не существовавшее» [6, с. 80].

Классическими примерами сделок с отменительными условиями во французском праве являлись: сделка по отмене дарения при невыполнении условий (ст. 953), а также право обратной покупки (ст. 1659). В первом случае сделка по дарению отменялась по причине невыполнения одаряемым условий, установленных договором дарения, а во втором случае продавец имел право отменить ранее совершенную продажу путем внесения выкупной стоимости имущества.

Подход, выработанный в теории французского права, относительно обратной силы отменительных условий, нашедший поддержку среди ведущих французских юристов не только в начале 19 века, но также и при проведении реформы кодекса в 2016 году, является особым правилом, отличающим французское право от остальных правопорядков.

Так, дореформенная ст. 1183 кодекса Франции предусматривала, что отменительное условие отменяет обязательство, как будто бы обязательства и не существовало. Это означало, что наступление отменительного условия влекло «возвращение» сторон к состоянию, которое существовало до заключения сделки.

Допустим, что договор аренды вещи заключен под отменительным условием возникновения у любого третьего лица намерения по покупке вещи у собственника (арендодателя). Соответственно, при наступлении условия арендатор обязан вернуть вещь арендодателю. Однако, по нашему мнению, даже буквальное прочтение текста дореформенной редакции ст. 1183 французского кодекса не позволяло сделать вывод о том, что самих правоотношений по аренде не существовало. Признание правоотношений не существовавшими исключает любые возможные претензии сторон по исполнению взаимных обязательств. При таком неправильном толковании норм кодекса следовало бы утверждать, что арендодатель не может требовать с арендатора убытки, возникшие вследствие причинения вреда вещи, или требовать полного погашения арендных платежей. То есть, иными словами, кодекс не предусматривал, что при наступлении отменительного условия сделка является незаключенной или недействительной. Ст. 1183 предполагала, что права и обязанности, возникшие из условной сделки, прекращаются при наступлении отменительного условия.

На ограничения применения ретроактивной оговорки наступления отменительных условий обращалось внимание и в работках французских юристов по общей теории обязательств. Например, Р. Саватье отмечал, что не подлежат возврату доходы, полученные собственником от использования имущества, чье право собственности зависело от наступления отменительного условия, несмотря на то, что исходя из фикции наступления отменительного условия с обратной силой, права на такие доходы у временного собственника возникнуть не должны были. Не применима оговорка о ретроактивном действии отменительных условий и в ситуациях, когда возврат исполненного по сделке невозможен: нельзя возвратить право пользования помещением со стороны нанимателя или обеспечение рисков со стороны страхователя за прошлое время [8, с. 271-272; 5, с. 27].

Именно поэтому положения статьи об отменительном условии (ст. 1304-7) в ходе реформы 2016 года были уточнены. Во-первых, сторонам предоставлено договором исключить ретроактивный характер отменительного условия, и во-вторых, ретроактивность не применима для ситуаций, когда действия сторон по взаимному предоставлению в рамках программы обязательственных отношений достигли своей цели [1, с. 68-69].

Таким образом, до проведения реформы гражданского законодательства в 2016 году французский правопорядок придерживался позиции о том, что как отлагательные, так и отменительные условия имеют обратную силу действия: права, возникающие при отлагательном условии считаются существовавшими с момента заключения

сделки, а права, поставленные в зависимость от наступления отменительных условий, в случае их наступления считались никогда не возникшими.

Однако более чем двухсотлетний период развития положений о ретроактивности наступления отлагательных условий во Франции показал, что закрепление обратной силы действия наступления условий в качестве общего правила не отвечает целям законодательного регулирования обязательственных отношений. Развитие оборота и экономических отношений формировало все больше примеров, в которых ретроактивность наступления условий не имела какого-либо правового значения для фактических отношений сторон.

Опыт французской доктрины и правоприменительной практики может быть использован при реформировании положений об условных сделках и обязательствах в России. Несмотря на отмену ретроактивности в качестве общего правила для отлагательных условий, и включение возможности отмены такой опции в отношении отменительных условий тем не менее французское гражданское право допускает применение правил об обратной силе действия при наступлении условий. И как указывалось выше, действительно, это может иметь положительное значение для участников сделки. Оснований запрещать ретроактивную оговорку наступления отлагательных или отменительных условий в российском гражданском праве, по нашему мнению, не имеется.

Вышеприведенный анализ показывает, что вполне допустимо дополнить ст. 157 ГК РФ «Сделки, совершенные под условием» абзацем четвертым следующего содержания:

«Стороны сделки, совершенной под условием, могут предусмотреть, что наступление отлагательного или отменительного условия будет иметь ретроактивный эффект с даты совершения сделки, если это не будет противоречить иным положениям закона или существу обязательства».

Заключение

По результатам проведенного исследования, в том числе, изучения зарубежного опыта регулирования конструкции ретроактивности в условных сделках и обязательствах, можно сделать следующие выводы.

1. Ретроактивность в условных сделках и обязательствах оказывает существенное влияние на программу обязательственных правоотношений участников сделки. Обратная сила условий означает, что правовой эффект считается наступившим не в момент, когда отлагательное или отменительное условие наступило, а в момент заключения самой сделки, что влечет определенные правовые последствия (например, либо обладающее правом собственности в отношении вещи под отменительным условием в случае наступления такого условия считается никогда не имевшим права собственности).

2. Длительное развитие доктрины обратной силы отлагательных и отменительных условий во Франции показало, что применение ретроактивности в отношении отлагательных условий допустимо, если это согласовано сторонами сделки. В отношении отменительных условий сохранена презумпция ретроактивности, однако и она может быть отменена по соглашению сторон. То есть французский законодатель отказался от жестких правил о ретроактивном характере условий в пользу их диспозитивного регулирования (сторонам сделки всегда виднее, когда есть необходимость в ретроактивности, а когда правового значения такие положения не имеют).

3. Для российского права восприятие ретроактивности отлагательных и отменительных условий находится в самом начальном положении. В российском праве обратная сила наступления условий никаким образом не урегулирована, однако сама по себе возможность включения в сделки положений об обратной силе условий, по нашему мнению, является вполне допустимой и даже необходимой. Ретроактивность позволяет использовать дополнительные механизмы защиты нарушенных прав за период, предшествующий наступлению условия.

4. В связи с изложенным предлагаем дополнить ст. 157 ГК РФ «Сделки, совершенные под условием» абзацем четвертым следующего содержания:

«Стороны сделки, совершенной под условием, могут предусмотреть, что наступление отлагательного или отменительного условия будет иметь ретроактивный эффект с даты совершения сделки, если это не будет противоречить иным положениям закона или существу обязательства».

Литература

1. Безик К. С. Условные обязательства в новой редакции Гражданского кодекса Франции // Сибирский юридический вестник. 2017. №1 (71). С. 63-70.

2. Валиев Р. Р. Имущественное положение сторон условно-отлагательного обязательства: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2021. 217 с.

3. Годэмэ Е. Общая теория обязательств. М. 1948. 510 с.

4. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва: Статут, 2022. – 1124 с.

5. Митрофанова И. А. Сделки, совершенные под условием, в гражданском законодательстве Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2022. 200 с.

6. Морандьер Л. Ж. Гражданское право Франции. Пер. с фр. и вступительная статья Е. А. Флейшиц. Том 1. – М.: Изд-во иностранной лит. 1958. 742 с.

7. Пляниоль М. Курс французского гражданского права. Часть первая. Теория об обязательства. Петроков. 976 с.

8. Саватье Р. Теория обязательств. М.: Прогресс, 1972. 439 с.

9. Самсонов Е.Д. Общие итоги реформирования института обусловленного исполнения обязательства // «Евразийский юридический журнал». 2024. №6 (193). С. 145-147.

10. Самсонов Е. Д. Условно-правовые обязательства в банкротстве // ALMANACH SCIENCE ASSOCIATION FRANCE-KAZAKHSTAN. 2026. №3. С.161-167.

Retroactivity in conditional transactions and obligations

Samsonov E.D.
Samara State University of Economics, Yablokov & Partners Law Firm

This article focuses on retroactivity in conditional transactions and obligations. Despite a significant number of publications on conditional transactions and conditional obligations, retroactivity remains largely ignored. In this article, taking into account existing experience in legislative regulation of this issue in foreign countries, as well as private law doctrine, we will determine the extent to which provisions on the retroactivity of conditions suspensive and resolutory are applicable in Russian private law and whether amendments to the current Civil Code of the Russian Federation are required. It should be noted that provisions on the retroactivity of conditions suspensive and resolutory in conditional transactions (Germany) or conditional obligations (France), and the theoretical development of existing legal norms in foreign countries, have a long history. In this regard, given the absence in the Civil Code of the Russian Federation of any system of norms regulating the institution of conditional transactions and conditional obligations, the perception of foreign experience has direct theoretical and practical significance for the continued development of the theory of conditional transactions and obligations in Russia.

Keywords: conditional performance of an obligation, conditional transactions, retroactivity, suspensive conditions, resolutive conditions.

References

1. Bezic K. S. Contingent Obligations in the New Edition of the French Civil Code // Siberian Legal Bulletin. 2017. № 1 (71). Pp. 63-70.
2. Valiev R. R. Property Status of the Parties to a Conditional-Suspensive Obligation: Diss. ... Cand. of Law. Kazan, 2021. 217 p.

3. Godeme E. General Theory of Obligations. Moscow, 1948. 510 p.
4. Performance and Termination of an Obligation: Commentary on Articles 307-328 and 407-419 of the Civil Code of the Russian Federation / Ed. A. G. Karapetyan. - Moscow: Statut, 2022. - 1124 p.
5. Mitrofanova I. A. Conditional Transactions in the Civil Legislation of the Russian Federation: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 2022. 200 p.
6. Morandier L. J. Civil Law of France. Translated from French and introductory article by E. A. Fleishits. Vol. 1. Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 1958. 742 p.
7. Plyaniol M. Course of French Civil Law. Part One. Theory of Obligation. Petrokov. 976 p.
8. Savatier R. Theory of Obligations. Moscow: Progress, 1972. 439 p.
9. Samsonov E. D. General Results of Reforming the Institute of Conditional Performance of an Obligation // Eurasian Law Journal. 2024. № 6 (193). P. 145-147.
10. Samsonov E. D. Conditional legal obligations in bankruptcy // ALMANACH SCIENCE ASSOCIATION FRANCE-KAZAKHSTAN. 2026. № 3. P. 161-167.

Гражданско-правовая ответственность сотрудников за утечку информации при разработке и эксплуатации программного обеспечения: компенсаторная функция и соотношение с публично-правовыми санкциями

Ткаченко Ангелина Сергеевна
аспирант, Юридический институт, Севастопольский государственный университет, AngelinaSergeevna001@mail.ru

В статье рассматривается гражданско-правовая ответственность сотрудников за утечку информации при разработке и эксплуатации программного обеспечения, ее компенсаторная функция и соотношение с публично-правовыми санкциями. Цель исследования — определить природу и пределы гражданско-правовой ответственности работника за утечку, а также ее соотношение с административными и уголовными санкциями. Методологию составили формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы, а также юридическое моделирование. Показано, что гражданско-правовая ответственность выполняет прежде всего компенсаторную (восстановительную) функцию, направленную на возмещение вреда потерпевшему, а не на наказание нарушителя, тогда как административные и уголовные санкции носят карательно-предупредительный характер. Применительно к работнику компенсаторная функция ограничена трудо-правовым режимом материальной ответственности, при котором, как правило, взыскивается лишь реальный ущерб. Гражданско-правовая и публично-правовая ответственность применяются параллельно и дополняют друг друга, охватывая разные стороны одного нарушения.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, работник, утечка информации, программное обеспечение, коммерческая тайна, персональные данные, компенсация вреда, материальная ответственность, публично-правовые санкции, компенсаторная функция.

Введение

Программное обеспечение создают и эксплуатируют люди, получающие доступ к ценной и защищаемой информации: к исходному коду и алгоритмам, к сведениям, составляющим коммерческую тайну, а при эксплуатации систем — к персональным данным пользователей [9, с. 112]. Практика показывает, что значительная часть утечек происходит не из-за внешних атак, а по вине самих сотрудников, имеющих законный доступ к информации. Поэтому вопрос об ответственности работника за утечку приобретает все большее значение.

Ответственность за утечку разнородна. Она может быть гражданско-правовой (возмещение вреда потерпевшему), трудо-правовой (материальная ответственность работника перед работодателем), а также административной и уголовной. Эти виды ответственности преследуют разные цели и потому по-разному соотносятся между собой.

Цель настоящего исследования — раскрыть компенсаторную функцию гражданско-правовой ответственности сотрудника за утечку информации при разработке и эксплуатации программ и показать, как эта ответственность соотносится с публично-правовыми санкциями. Актуальность темы связана с ростом числа утечек и ужесточением ответственности за нарушения в области информации ограниченного доступа.

Материалы и методы

Нормативную основу составили Гражданский кодекс Российской Федерации (статьи 15, 151, 393, 1101, а также глава 75 о секрете производства — статьи 1465, 1467, 1472), Федеральный закон «О коммерческой тайне», Федеральный закон «О персональных данных», нормы Трудового кодекса Российской Федерации о материальной ответственности работника (статьи 238, 241, 243), положения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (статьи 13.11, 13.14) и Уголовного кодекса Российской Федерации (статьи 137, 183, 272), а также разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Использованы формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы, а также юридическое моделирование.

Результаты и обсуждение

Какая информация утекает при работе с программами. При разработке и эксплуатации программ под угрозой утечки находятся несколько групп сведений. Во-первых, это коммерческая тайна и секрет производства — исходный код, алгоритмы, архитектура и методики [9, с. 112]; оригинальные технические решения охраняются и как секрет производства по статье 1465 ГК РФ [4, с. 84]. Во-вторых, это персональные данные пользователей, обрабатываемые в эксплуатируемых системах. В-третьих, иная охраняемая законом тайна. Утечкой считается разглашение таких сведений или предоставление доступа к ним лицам, не имеющим на это права. На этапе разработки чаще утекают код и ключи доступа, а на этапе эксплуатации — базы данных с персональными данными.

Компенсаторная функция гражданско-правовой ответственности. Гражданско-правовая ответственность работника за утечку по своей природе направлена

на восстановление имущественной сферы потерпевшего. Ее основная функция — компенсаторная, или восстановительная: она возмещает причиненный вред, а не наказывает нарушителя [5, с. 97]. На восстановительный характер такой ответственности неоднократно указывалось в доктрине [1, с. 60]. При нарушении личных прав субъектов персональных данных применяется компенсация морального вреда (статьи 151 и 1101 ГК РФ, статья 17 Федерального закона «О персональных данных») [11, с. 210]. Имущественный вред возмещается по правилам об убытках (статьи 15 и 393 ГК РФ), а при нарушении права на секрет производства — по статье 1472 ГК РФ [3, с. 540]. Во всех случаях мерой служит не кара, а восстановление положения потерпевшего.

Соотношение с материальной ответственностью работника. Особенность в том, что утечку допускает работник, а его отношения с работодателем регулируются трудовым правом [7, с. 44]. По общему правилу работник несет материальную ответственность в пределах своего среднего месячного заработка (статья 241 Трудового кодекса РФ), а полную ответственность — только в случаях, прямо указанных в статье 243, в том числе за разглашение сведений, составляющих охраняемую законом тайну. При этом трудовое право ограничивает возмещение прямым действительным ущербом и не допускает взыскание упущенной выгоды (статья 238 Трудового кодекса РФ) [6, с. 610]. Между тем гражданское законодательство и Федеральный закон «О коммерческой тайне» говорят о возмещении убытков, включая упущенную выгоду. Судебная практика и доктрина, как правило, отдают приоритет трудо-правовому режиму: с работника взыскивается только реальный ущерб, а полное возмещение убытков возможно с лиц, не состоящих в трудовых отношениях, — например, с подрядчиков. Тем самым компенсаторная функция в отношении работника оказывается ограниченной.

Утечка персональных данных: оператор и работник. Отдельного внимания заслуживает утечка персональных данных при эксплуатации программ. Перед пострадавшими субъектами отвечает оператор — то есть работодатель, организовавший обработку данных. Именно к оператору субъект вправе предъявить требование о компенсации морального вреда (статья 17 Федерального закона «О персональных данных») [8, с. 145]. Работник, по вине которого произошла утечка, отвечает не перед субъектом данных, а перед работодателем — в порядке материальной ответственности или регресса. Такое построение подчеркивает компенсаторную направленность: вред пострадавшему возмещает тот, кто организовал обработку данных и отвечал за их безопасность, а внутренние отношения с работником решаются отдельно.

Соотношение с публично-правовыми санкциями. Наряду с возмещением вреда за утечку информации применяются публично-правовые санкции. Административная ответственность наступает, например, за нарушения в области персональных данных (статья 13.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях) и за разглашение информации с ограниченным доступом (статья 13.14). Уголовная ответственность возможна за незаконные разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую тайну (статья 183 Уголовного кодекса РФ), за нарушение неприкосновенности частной жизни (статья 137) и за неправомерный доступ к компьютерной информации (статья 272). Функция этих санкций иная — карательная и предупредительная: они наказывают нарушителя и защищают публичный интерес, а не восстанавливают имущественное положение потерпевшего [10, с. 115]. Поскольку цели различны, гражданско-правовая и публично-правовая ответственность применяются параллельно и не исключают друг друга. Привлечение работника к административной или уголовной ответственности не освобождает его от обязанности возместить вред, а возмещение вреда не отменяет наказания: штраф уплачивается государству, а компенсация — потерпевшему. Так публичные санкции и гражданско-правовая ответственность дополняют друг друга, охватывая разные стороны одного нарушения [2, с. 8].

Заключение

Проведенное исследование показывает, что гражданско-правовая ответственность сотрудника за утечку информации при разработке и эксплуатации программ выполняет прежде всего компенсаторную функцию — она направлена на возмещение вреда потерпевшему, а не на наказание. Однако применительно к работнику эта функция ограничена трудо-правовым режимом материальной ответственности: как правило, взыскивается лишь реальный ущерб, а упущенная выгода остается невозмещенной.

Публично-правовые санкции — административные и уголовные — выполняют иную, карательно-предупредительную функцию и применяются параллельно с возмещением вреда, не исключая его. Для более полной защиты обладателю информации целесообразно четко разграничивать отношения с работниками и с внешними исполнителями, закреплять обязанности по конфиденциальности в договорах и локальных актах и учитывать это разграничение при выборе способа защиты. Сочетание компенсаторных и публично-правовых мер обеспечивает и восстановление нарушенных прав, и предупреждение новых утечек.

Литература

1. Богданова Е. Е. Компенсаторная функция гражданско-правовой ответственности // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 55–67.

2. Гаврилов Э. П. Правовая охрана коммерческой тайны // Хозяйство и право. 2015. № 11. С. 3–12.

3. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. 1120 с.

4. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей. М.: Статут, 2005. 416 с.

5. Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. 880 с.

6. Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2009. 1151 с.

7. Микрюков В. А. Ответственность работника за разглашение охраняемой законом тайны // Законодательство и экономика. 2021. № 3. С. 40–48.

8. Савельев А. И. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». 2-е изд. М.: Статут, 2021. 468 с.

9. Северин В. А. Коммерческая тайна в России. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Зерцало-М, 2009. 480 с.

10. Соколова А. Н. Соотношение гражданско-правовой и публично-правовой ответственности за утечки персональных данных // Закон. 2024. № 7. С. 110–122.

11. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. 3-е изд. М.: Волтерс Клувер, 2007. 320 с.

Civil liability of employees for information leaks in the development and operation of software: the compensatory function and the relationship with public-law sanctions

Tkachenko A.S.
Sevastopol State University

The article deals with the civil liability of employees for information leaks in the development and operation of software, its compensatory function and its relationship with public-law sanctions. The purpose of the study is to determine the nature and limits of an employee's civil liability for a leak and how it correlates with administrative and criminal sanctions. The methodology comprises formal-legal, systemic-structural and comparative-legal methods and legal modelling. It is shown that civil liability primarily performs a compensatory (restorative) function, aimed at compensating the victim's harm rather than punishing the offender, whereas administrative and criminal sanctions are punitive and preventive. In relation to an employee, the compensatory function is limited by the labour-law regime of material liability, under which, as a rule, only actual damage is recovered. Civil and public-law liability apply in parallel and complement each other, covering different aspects of the same violation.

Keywords: civil liability, employee, information leak, software, trade secret, personal data, compensation of harm, material liability, public-law sanctions, compensatory function.

References

1. Bogdanova E. E. The compensatory function of civil liability // Zhurnal rossijskogo prava. 2022. No. 6. P. 55–67.
2. Gavrilov E. P. Legal protection of commercial secret // Khozyaystvo i pravo. 2015. No. 11. P. 3–12.
3. Contractual and obligations law (general part): commentary to articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation / ed. by A. G. Karapetov. Moscow: M-Logos, 2017. 1120 p.
4. Dozortsev V. A. Intellectual rights: Concept. System. Tasks of codification: collection of articles. Moscow: Statut, 2005. 416 p.
5. Ioffe O. S. Law of obligations. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1975. 880 p.
6. Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. Course of labour law: in 2 vols. Vol. 2. Moscow: Statut, 2009. 1151 p.
7. Mikryukov V. A. Employee liability for disclosing a legally protected secret // Zakonodatelstvo i ekonomika. 2021. No. 3. P. 40–48.
8. Savelev A. I. Scientific and practical commentary on the Federal Law on Personal Data. 2nd ed. Moscow: Statut, 2021. 468 p.
9. Severin V. A. Trade secret in Russia. 2nd ed. Moscow: Zertsalo-M, 2009. 480 p.
10. Sokolova A. N. The relationship between civil and public-law liability for personal data leaks // Zakon. 2024. No. 7. P. 110–122.
11. Erdelevsky A. M. Compensation for moral harm: analysis and commentary on legislation and case law. 3rd ed. Moscow: Volters Kluver, 2007. 320 p.

Правовой статус публично-правовых образований в системе субъектов гражданского права

Федоренко Кирилл Александрович
аспирант, кафедра гражданского и предпринимательского права, Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС, qwerty4657@bk.ru

В статье рассмотрен правовой статус публично-правовых образований в системе субъектов гражданского права. Актуальность темы связана с активным участием Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в договорных, имущественных, бюджетных, закупочных, концессионных и деликтных отношениях. Научная новизна состоит в согласовании гражданско-правовой модели равного участия с публичной природой компетенции, бюджетными пределами имущественной ответственности и специальным порядком представительства. Цель исследования состоит в раскрытии признаков публично-правовых образований как самостоятельной группы субъектов гражданского права. Использованы анализ научных публикаций, сравнительно-правовой подход, классификация, логико-аналитический анализ и синтез. Изучены положения Конституции РФ, ГК РФ, БК РФ, законов о местном самоуправлении, закупках, концессиях, государственно-частном и муниципально-частном партнерстве, банкротстве, процессуальном представительстве, а также современные научные работы. Практическая полезность результатов связана с уточнением критериев разграничения публично-правового образования, его органов, учреждений и созданных им юридических лиц.

Ключевые слова: публично-правовое образование, гражданская правосубъектность, казна, муниципальное образование, публичная собственность, договорные отношения, государственный заказ, концессионное соглашение, имущественная ответственность, гражданский оборот.

Введение

Участие публично-правовых образований в гражданском обороте опирается на сочетание двух начал: равенства участников имущественных отношений и публичной заданности компетенции. Гражданский кодекс РФ относит Российскую Федерацию, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования к субъектам гражданского права, а статья 124 ГК РФ закрепляет их участие в гражданско-правовых отношениях на равных началах с гражданами и юридическими лицами. Одновременно Бюджетный кодекс РФ связывает денежные и расходные обязательства публично-правовых образований с бюджетными полномочиями, что придает их имущественному участию специальный режим.

Актуальность исследования определяется расширением сфер, где публично-правовые образования вступают в гражданско-правовые связи: государственные и муниципальные закупки по Федеральному закону № 44-ФЗ, концессионные соглашения по Федеральному закону № 115-ФЗ, соглашения о государственно-частном и муниципально-частном партнерстве по Федеральному закону № 224-ФЗ, управление публичной собственностью по ГК РФ, Земельному кодексу РФ, БК РФ и специальным актам. В этих отношениях публично-правовое образование действует через органы власти, органы местного самоуправления, казенные учреждения, уполномоченные органы и иных представителей, что требует точного разграничения субъекта права и носителя компетенции.

Цель исследования состоит в определении гражданско-правовых признаков публично-правовых образований и их места среди субъектов гражданского права. Первая задача связана с раскрытием нормативной конструкции правосубъектности публично-правовых образований. Вторая задача направлена на анализ договорного, имущественного и бюджетного измерения их участия в гражданском обороте. Третья задача состоит в выявлении оснований и пределов гражданско-правовой ответственности публично-правовых образований.

Научная новизна выражается в рассмотрении публично-правового образования как самостоятельного субъекта гражданского права, чья правосубъектность строится через совмещение равного участия в обороте, публичной компетенции, казенного имущественного фонда, бюджетных процедур и специальной процессуальной формы участия в судебных спорах.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили современные русскоязычные научные публикации, раскрывающие гражданско-правовую природу публично-правовых образований. В.Е. Белов [1] анализирует развитие общих положений ГК РФ об участии публично-правовых образований в договорных отношениях. Ю.А. Гартина [2] рассматривает правовое регулирование сделок с участием таких субъектов. В.В. Долинская [3] раскрывает статус публичного партнера в законодательстве о государственно-частном партнерстве. И.В. Лексин [4] исследует место категории публично-правового образования в системе публичного права и законодательной терминологии. М.В. Лицкас, Т.А. Филиппова и Ю.В. Холоденко [5] обращаются к вопросу о признании публично-правовых образований контролирующими должника лицами и о привлечении к субсидиарной ответственности. Е.В. Михайлова [6] изучает судебные споры с участием публично-правовых образо-

ваний и процессуальную специфику таких дел. Е.А. Родионова [7] характеризует общий правовой статус публичных образований в гражданском праве. Д.Н. Серих [8] анализирует концессионные соглашения в договорных отношениях с участием публично-правовых образований. В другой работе Д.Н. Серих [9] раскрывает их статус в предпринимательских правоотношениях. Ч.М. Шавалеева [10] рассматривает публично-правовые образования как элемент государственного сектора экономики.

Использованы анализ научных публикаций, сравнительный анализ, обобщение, классификация, логико-аналитический анализ и синтез. Анализ позволил выделить нормативные признаки публично-правовых образований; сравнительный подход применен для разграничения их статуса со статусом юридических лиц; классификация использована при описании договорных, имущественных, бюджетных и деликтных связей; синтез позволил сформировать целостную модель участия публично-правовых образований в гражданском обороте.

Результаты

Гражданско-правовой статус публично-правовых образований закреплен в главе 5 ГК РФ. Статья 124 ГК РФ прямо относит Российскую Федерацию, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования к субъектам гражданского права и фиксирует их участие в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с гражданами и юридическими лицами; к этим субъектам применяются нормы об участии юридических лиц, если специальные правила или природа соответствующего субъекта задают иной порядок. Данная конструкция отделяет публично-правовое образование от органа власти: орган действует от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования, а имущественные права и обязанности возникают у самого публично-правового образования. В договорной сфере этот подход раскрыт В.Е. Беловым, который связывает развитие положений ГК РФ с потребностью согласовать публичный интерес и гражданско-правовую форму оборота [1].

Статья 125 ГК РФ определяет порядок участия публично-правовых образований в гражданских отношениях через органы государственной власти, органы местного самоуправления, а в установленных случаях через юридических лиц и граждан. Поэтому гражданская правосубъектность публично-правового образования выражается через компетенцию уполномоченного носителя, но принадлежит публично-территориальному субъекту. Для сделок данный вывод имеет прямое значение: юридическая сила волеизъявления зависит от полномочий органа, бюджетных лимитов, предмета распоряжения публичным имуществом и соответствия специальному закону. Ю.А. Гартина рассматривает сделки с участием публично-правовых образований как сферу, где гражданско-правовая форма соединяется с публичным порядком принятия решений [2].

Имущественная основа участия публично-правовых образований связана с публичной собственностью и казной. Статьи 214 и 215 ГК РФ закрепляют государственную и муниципальную собственность, а статья 126 ГК РФ устанавливает самостоятельную имущественную ответственность Российской Федерации, субъекта Российской Федерации и муниципального образования по своим обязательствам. Бюджетный кодекс РФ дополняет эту конструкцию понятиями расходного, бюджетного, денежного и публичного обязательства; статья 6 БК РФ прямо связывает соответствующие обязанности с публично-правовым образованием и бюджетом. В сфере государственно-частного партнерства В.В. Долинская показывает, что публичный партнер участвует в гражданско-правовой модели соглашения через публичное целеполагание, распределение имущественных обязанностей и специальный порядок распоряжения объектом [3].

Публично-правовое образование занимает особое место среди субъектов гражданского права вследствие отсутствия корпоративной организации, уставного капитала и членства. Его правосубъектность формируется через территорию, население, публичную власть, бюджет и имущество, закрепленные в Конституции РФ, ГК РФ, БК РФ, Федеральном законе № 131-ФЗ и иных актах. Федеральный закон № 131-ФЗ устанавливает общие правовые, территориальные, организационные и экономические принципы местного самоуправления, а значит задает основу гражданского участия муниципального образования через вопросы местного значения и муниципальное имущество. И.В. Лексин обращает внимание на широкий законодательный оборот категории публично-правового образования и на потребность согласования ее гражданско-правового и публично-правового содержания [4].

Ответственность публично-правовых образований строится на разграничении собственных обязательств и обязательств созданных ими юридических лиц. Статья 126 ГК РФ закрепляет самостоятельную ответственность публично-правового образования по принадлежащему ему имуществу, составляющему казну. При причинении вреда актами органов власти или их должностных лиц применяются статьи 16, 1069, 1070 и 1071 ГК РФ, где имущественная компенсация связывается с казной соответствующего уровня. В банкротных отношениях проблема осложняется фактическим влиянием публично-правового образования на должника через собственника имущества, учредителя, участника программы или распорядителя ресурсов. М.В. Лицкас, Т.А. Филиппова и Ю.В. Холоденко анализируют условия признания публично-правовых образований и лиц, действующих по их поручению, контролирующими должника лицами, что придает вопросу ответственности межотраслевой характер [5].

Процессуальная форма участия публично-правового образования в споре требует точного определения ответчика и представителя. В имущественных спорах, связанных с казной, публичным контрактом, возмещением вреда, предоставлением субсидий, распоряжением землей или недвижимостью, спор ведется с участием публично-правового образования через соответствующий орган. Ошибка в разграничении органа и публично-правового образования меняет состав участников дела и влияет на исполнение судебного акта. Е.В. Михайлова обосновывает процессуальную специфику таких споров и выделяет особый характер судебного рассмотрения дел с участием публично-правовых образований [6].

Общая характеристика статуса публично-правового образования предполагает учет его двойственной природы. В гражданском обороте оно вступает в имущественные связи на равных началах, но объем допустимого поведения определяется компетенцией, бюджетным планированием, публичным назначением имущества и пределами распоряжения казной. Е.А. Родионова подчеркивает особую правосубъектность публичных образований и их выделение в самостоятельной главе ГК РФ [7]. На уровне практической квалификации этот подход позволяет разграничивать гражданско-правовую сделку публичного субъекта, властное решение органа и исполнение бюджетного обязательства.

Договорные формы участия публично-правовых образований представлены государственными и муниципальными контрактами, соглашениями о предоставлении субсидий, арендой публичного имущества, куплей-продажей, концессией, соглашениями о государственно-частном и муниципально-частном партнерстве. Федеральный закон

№ 44-ФЗ определяет контрактную систему, состав ее участников, понятие государственного и муниципального заказчика; муниципальный заказчик действует от имени муниципального образования и принимает бюджетные обязательства в рамках бюджетного законодательства. В концессионных отношениях Д.Н. Серих связывает участие публично-правового образования с особым режимом объекта, конкурсной процедурой и долгосрочным характером имущественных обязанностей сторон [8]. Такая модель показывает, что равенство сторон в гражданском договоре сочетается с публичной процедурой допуска к договору.

В предпринимательских отношениях публично-правовое образование выступает участником оборота через закупки, имущественные торги, корпоративное участие, распоряжение государственным и муниципальным имуществом, предоставление имущественной поддержки, инвестиционные соглашения и создание унитарных предприятий. Д.Н. Серих рассматривает этот статус как специальный: публично-правовое образование сохраняет гражданско-правовую способность приобретать права и принимать обязанности, но действует ради публично значимой цели и в пределах нормативно закрепленной компетенции [9]. Поэтому предпринимательская среда воспринимает публично-правовое образование как контрагента с повышенной процедурной формализованностью, бюджетной обусловленностью и особыми правилами ответственности.

Экономическое значение публично-правовых образований раскрывается через их участие в государственном секторе экономики. Ч.М. Шавалеева показывает, что такие субъекты связаны с управлением публичным имуществом, формированием государственного сектора и обеспечением публичных задач через имущественные инструменты [10]. Для гражданского права этот вывод означает, что публично-правовое образование занимает самостоятельную позицию между публичной властью и имущественным оборотом: оно приобретает имущество, принимает обязательства, несет ответственность, участвует в договорах, но сохраняет связь с бюджетом, территорией, компетенцией и публичным назначением имущества.

Обсуждение

Полученные положения позволяют рассматривать публично-правовое образование как особый тип субъекта гражданского права, чья природа раскрывается через соединение гражданской правоспособности и публичной компетенции. Сходство с юридическим лицом ограничено функциональным применением отдельных гражданско-правовых правил. Публично-правовое образование вступает в имущественный оборот, приобретает права, принимает обязанности, выступает стороной договора и участником судебного спора, но его внутренняя организация строится через территориальную публичную власть, бюджет и казну.

В научной литературе прослеживаются две линии анализа. Первая ориентирована на гражданско-правовое равенство и описывает публично-правовые образования как участников оборота, сопоставимых с иными субъектами в договорных, вещных и обязательственных отношениях. Вторая линия акцентирует публичную природу такого субъекта, поскольку его участие в гражданских отношениях зависит от закона, компетенции органа, бюджетных правил, режима публичной собственности и процедур распоряжения имуществом. Напряжение между этими подходами составляет центральную теоретическую трудность: чрезмерное сближение с юридическими лицами стирает публичную природу субъекта, а чрезмерное подчеркивание властного начала ослабляет гражданско-правовую модель равенства сторон.

Договорная практика особенно ярко выявляет это соотношение. В обычной гражданско-правовой сделке стороны свободно определяют условия договора в пределах закона. Для публично-правового образования свобода договора проходит через дополнительные фильтры: компетенцию органа, бюджетные лимиты, конкурсные процедуры, антимонопольные ограничения, правила закупок, порядок управления имуществом. Поэтому договор с публично-правовым образованием сохраняет гражданско-правовую форму, но процедура его заключения и исполнения приобретает публично заданную структуру. В результате контрагент получает равного участника обязательства, чья воля формируется через нормативную процедуру.

Имущественная ответственность публично-правовых образований требует разграничения трех уровней. Первый связан с собственными обязательствами публично-правового образования, исполняемыми за счет казны. Второй охватывает обязательства органов, казенных учреждений и иных представителей, действующих от имени публичного субъекта. Третий относится к юридическим лицам, созданным публично-правовым образованием, где самостоятельность юридического лица сочетается с вопросом о фактическом контроле и возможной субсидиарной ответственности. На этом уровне гражданское право соприкасается с бюджетным, банкротным и процессуальным регулированием.

Ограничения применимости предложенных выводов связаны с многообразием ситуаций участия публично-правовых образований. Договор о закупке, концессионное соглашение, возмещение вреда казной, спор о публичной земле, бюджетное обязательство и корпоративное участие публичного субъекта опираются на различные нормативные режимы. Единая гражданско-правовая модель задает исходную субъектность, но конкретное содержание прав и обязанностей зависит от специального закона. Поэтому универсальная характеристика правового статуса применима лишь на уровне базовых признаков: самостоятельная субъектность, участие через органы и представителей, имущественная база в виде казны, публичная цель, бюджетные пределы и специальная ответственность.

Исследовательские лакуны сохраняются в трех плоскостях. Первая касается терминологической согласованности: законодательство использует категорию публично-правового образования в гражданском, бюджетном, налоговом, градостроительном и ином регулировании, но единая дефиниция в кодифицированной форме отсутствует. Вторая плоскость связана с представительством: требуется более точное разграничение органа как процессуального и материально-правового представителя, казенного учреждения как участника бюджетной системы и самого публично-правового образования как носителя имущественного результата. Третья плоскость относится к ответственности: судебная практика нуждается в стабильных критериях разграничения казенной ответственности, ответственности созданных юридических лиц и субсидиарной ответственности при фактическом контроле.

Заключение

Установлено, что нормативная конструкция правосубъектности публично-правовых образований строится на статье 124 ГК РФ, главе 5 ГК РФ, положениях Конституции РФ, БК РФ и законодательства о местном самоуправлении. Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования образуют самостоятельную группу субъектов гражданского права, отличающуюся от граждан и юридических лиц территори-

ально-публичной природой, казной и участием через органы власти, органы местного самоуправления и уполномоченных представителей.

Выявлено, что договорное, имущественное и бюджетное участие публично-правовых образований основано на сочетании гражданско-правовой формы и публичной процедуры. Государственные и муниципальные контракты, концессионные соглашения, соглашения о государственно-частном и муниципально-частном партнерстве, распоряжение публичной собственностью и исполнение денежных обязательств требуют учета компетенции органа, режима имущества, бюджетных лимитов и специального закона.

Определено, что ответственность публично-правовых образований имеет самостоятельный характер и связана с казной соответствующего уровня. Ее пределы зависят от природы обязательства, статуса органа или учреждения, характера причиненного вреда, наличия публичного контроля над должником и процессуальной формы участия в споре. Гражданско-правовой статус публично-правового образования раскрывается через равное участие в обороте при сохранении публичной заданности полномочий, имущественной базы и ответственности.

Литература

1. Белов В.Е. Развитие общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об участии публично-правовых образований в договорных отношениях // Юрист. 2025. № 8. С. 2–11. DOI: 10.18572/1812-3929-2025-8-2-11.
2. Гартина Ю.А. Особенности правового регулирования заключения сделок с участием публично-правовых образований // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6. С. 200–203. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_6_200.
3. Долинская В.В. Публичный партнер по законодательству о государственно-частном партнерстве: основы и проблемы правового статуса // Современное право. 2023. № 6.
4. Лексин И.В. Публично-правовые образования: проблема встраивания в публично-правовой контекст // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 4. С. 10–14. DOI: 10.18572/1812-3767-2025-4-10-14.
5. Лицкас М.В., Филиппова Т.А., Холоденко Ю.В. О возможности признания публично-правовых образований и лиц, выступающих по их специальному поручению, контролирующими должника и привлечении их к субсидиарной ответственности // Хозяйство и право. 2024. № 10. С. 3–16. DOI: 10.18572/0134-2398-2024-10-3-16.
6. Михайлова Е.В. О рассмотрении судами споров с участием публично-правовых образований // Арбитражный и гражданский процесс. 2026. № 1. С. 12–17. DOI: 10.18572/1812-383X-2026-1-12-17.
7. Родионова Е.А. Правовой статус публичных образований // Научный лидер. 2022. № 44 (89). С. 51–54. EDN UAUASO.
8. Серих Д.Н. Особенности использования концессионных соглашений в договорных отношениях с участием публично-правовых образований // Евразийский юридический журнал. 2024. № 11 (198).
9. Серих Д.Н. Особенности правового статуса публично-правовых образований как участников предпринимательских правоотношений // Вестник УрИУ РАНХиГС. 2025.
10. Шавалеева Ч.М. Публично-правовые образования как элемент государственного сектора экономики: роль и особенности функционирования // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 1. С. 89–92.

Legal status of public-law entities in the system of civil law entities

Fedorenko K.A.
South-Russian Institute of Management - branch of RANEPA

This article examines the legal status of public-law entities within the system of civil law entities. The relevance of this topic is due to the active participation of the Russian Federation, its constituent entities, and municipalities in contractual, property, budgetary, procurement, concession, and tortious relations. The scientific novelty lies in the alignment of the civil-law model of equal participation with the public nature of competence, budgetary limits of property liability, and a special procedure for representation. The purpose of the study is to identify the characteristics of public-law entities as an independent group of civil law entities. The analysis of scientific publications, a comparative legal approach, classification, logical-analytical analysis, and synthesis are used. The study examines provisions of the Constitution of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation, the Budget Code of the Russian Federation, laws on local government, procurement, concessions, public-private and municipal-private partnerships, bankruptcy, legal representation, and contemporary academic works. The practical utility of the results lies in the clarification of the criteria for distinguishing between a public legal entity, its bodies, institutions, and the legal entities it creates.

Keywords: public legal entity, civil legal personality, treasury, municipal entity, public property, contractual relations, government procurement, concession agreement, property liability, civil turnover.

References

1. Belov V.E. Development of General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Participation of Public-Law Entities in Contractual Relations // Jurist. 2025. No. 8. pp. 2–11. DOI: 10.18572/1812-3929-2025-8-2-11.
2. Gartina Yu.A. Features of Legal Regulation of Transactions Involving Public-Law Entities // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 6. pp. 200–203. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_6_200.
3. Dolinskaya V.V. Public Partner under Public-Private Partnership Legislation: Fundamentals and Problems of Legal Status // Modern Law. 2023. No. 6.
4. Leksin I.V. Public-Law Entities: The Problem of Embedding in the Public-Law Context // Constitutional and Municipal Law. 2025. No. 4. pp. 10–14. DOI: 10.18572/1812-3767-2025-4-10-14.
5. Litskas M.V., Filippova T.A., Kholodenko Yu.V. On the Possibility of Recognizing Public-Law Entities and Persons Acting on Their Special Assignment as Controlling the Debtor and Bringing Them to Subsidiary Liability // Business and Law. 2024. No. 10. pp. 3–16. DOI: 10.18572/0134-2398-2024-10-3-16.
6. Mikhailova E.V. On the Consideration by Courts of Disputes Involving Public-Law Entities // Arbitration and Civil Procedure. 2026. No. 1. pp. 12–17. DOI: 10.18572/1812-383X-2026-1-12-17.
7. Rodionova, E.A. Legal Status of Public Entities // Nauchny Lider. 2022. No. 44 (89). pp. 51–54. EDN UAUASO.
8. Serikh, D.N. Features of the Use of Concession Agreements in Contractual Relations Involving Public-Law Entities // Eurasian Law Journal. 2024. No. 11 (198).
9. Serikh, D.N. Features of the Legal Status of Public-Law Entities as Participants in Entrepreneurial Legal Relations // Bulletin of the Ural Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 2025.
10. Shavaleeva, Ch.M. Public-law entities as an element of the state sector of the economy: role and features of functioning // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2024. No. 1. P. 89–92.

К вопросу о возникновении права собственности при реновации жилищного фонда

Ибрагимов Хаджимурад Шамильевич
аспирант, Академия труда и социальных отношений,
churekovaa@inbox.ru

В статье рассматривается вопрос о гражданско-правовой природе возникновения права собственности на жилое помещение, предоставляемое собственнику при реализации программы реновации жилищного фонда. Автор исходит из того, что реновация не может быть полностью сведена ни к классическому изъятию имущества для государственных нужд, ни к договорной мене жилых помещений, поскольку в ней сочетаются публичное основание переселения, компенсационная цель и необходимость сохранения жилищной обеспеченности гражданина. На основе анализа нормативного регулирования, научных подходов и отдельных примеров судебной практики обосновывается необходимость более точного закрепления связи между прекращением права на прежнее помещение и возникновением права на предоставляемый объект.

Особое внимание уделяется критериям равнозначности и равноценности жилого помещения, моменту возникновения права собственности на предоставляемое жилье, а также защите прав лиц, чьи интересы связаны с прежним объектом. Сделан вывод о том, что предложения по изменению законодательства должны вытекать из выявленных правоприменительных проблем: неопределенности потребительских характеристик жилья, ограниченности выбора формы компенсации и риска временного разрыва между прекращением и возникновением вещного права.

Ключевые слова: реновация, право собственности, жилое помещение, равнозначное жилье, равноценное возмещение, компенсация, государственная регистрация, судебная практика.

Введение

Реновация жилищного фонда обычно описывается через градостроительный результат: снос устаревших домов, строительство нового жилья, обновление городской среды и повышение качества проживания. Однако для собственника центральным является не сам градостроительный цикл, а судьба его вещного права. В результате реновации прежний объект недвижимости утрачивает хозяйственное и юридическое значение, право собственности на него прекращается, а взамен должно возникнуть право на другое жилое помещение. Именно эта связка позволяет рассматривать реновацию не только как публичную программу, но и как особый юридический состав, влияющий на возникновение и прекращение права собственности.

Конституционная основа такой постановки вопроса заключается в том, что право частной собственности охраняется законом, а принудительное отчуждение имущества для государственных нужд допускается лишь при условии предварительного и равноценного возмещения. При этом право на жилище также имеет самостоятельное значение и не сводится к рыночной стоимости квартиры. Поэтому при реновации необходимо оценивать не только факт предоставления нового объекта, но и то, восстанавливает ли он имущественное и жилищное положение собственника.

Специальное регулирование московской программы было сформировано через внесение изменений в Закон РФ «О статусе столицы Российской Федерации» и последующее принятие региональных актов, закрепивших гарантии равнозначного жилого помещения и порядок переселения. В научной литературе справедливо отмечается, что именно соотношение публичной цели реновации и неприкосновенности собственности стало одним из наиболее спорных вопросов данной программы. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы уточнить гражданско-правовое значение возникновения права собственности на предоставляемое помещение и показать, какие элементы такого регулирования требуют дополнительной конкретизации.

Материалы и методы

Исследование выполнено на основе формально-юридического, системного и сравнительно-правового методов. Формально-юридический метод использован для анализа норм Конституции РФ, гражданского законодательства, законодательства о статусе столицы, специальных актов города Москвы и положений о государственной регистрации недвижимости. Системный метод позволил рассмотреть прекращение права на прежнее помещение и возникновение права на новое помещение как взаимосвязанные элементы одного правового процесса. Сравнительно-правовой подход применялся ограниченно: не для переноса зарубежных моделей в российскую систему, а для проверки того, какие гарантии обычно сопровождают публичное вмешательство в жилищную сферу. Эмпирическую основу составили отдельные судебные акты по спорам о равнозначности, размере предоставляемого жилья, форме компенсации и порядке переселения.

Обсуждение результатов

Действующее гражданское законодательство содержит общие основания приобретения и прекращения права собственности. Право собственности может возникать на основании сделок, создания вещи, наследования и иных

юридических фактов, предусмотренных законом, а прекращаться - в том числе вследствие отчуждения имущества, отказа от права, гибели вещи, обращения взыскания или изъятия имущества в предусмотренных законом случаях. Эти конструкции важны, но они не полностью объясняют реновацию. В ней отсутствует классическая свобода договора, характерная для мены или купли-продажи, поскольку собственник оказывается включенным в публично организованную процедуру. Одновременно реновация не совпадает и с обычным изъятием для государственных или муниципальных нужд, поскольку основной формой восстановления выступает не денежное возмещение, а предоставление другого жилого помещения.

Специальные нормы о реновации закрепляют право собственника на равнозначное жилое помещение, а в предусмотренных случаях - на равноценное возмещение. Уже это различие показывает, что законодатель использует две близкие, но не тождественные категории. Равнозначность ориентирована преимущественно на жилищные параметры: количество комнат, жилую и общую площадь, благоустройство, район расположения. Равноценность же предполагает имущественную сопоставимость, то есть возможность компенсировать утрату объекта с учетом его экономической ценности. Проблема состоит в том, что для собственника эти критерии существуют не отдельно, а одновременно: квартира является и имущественным активом, и местом постоянного проживания.

В научной литературе неоднократно указывалось, что формальное закрепление равнозначности не устраняет всех рисков для собственника. Так, Н.В. Акаёмова и М.Н. Чейшвили связывают правовую неопределенность гарантий с проблемами определения волеизъявления, размера денежного возмещения и равноценного объекта. Данная оценка представляется обоснованной, поскольку собственник может формально получить квартиру большей общей площади, но при этом столкнуться с ухудшением транспортной доступности, иной планировкой, ростом расходов на содержание жилья или утратой привычной социальной среды. Следовательно, юридическая модель возникновения права на новое помещение должна учитывать не только регистрацию права, но и качество замещающего предоставления.

Судебная практика показывает, что споры о реновации часто возникают именно в тех точках, где формальные критерии равнозначности не совпадают с ожиданиями граждан. Например, при требовании о предоставлении квартиры большей площади суды исходят из того, что отсутствие статуса нуждающихся в улучшении жилищных условий не позволяет требовать жилое помещение сверх параметров, предусмотренных программой. В одном из дел суд отказал в требовании о предоставлении квартиры большей площади, указав на необходимость предоставления равнозначного помещения по правилам программы, а не улучшения жилищных условий вне установленных оснований. Этот пример показывает, что механизм реновации выполняет не функцию социального улучшения для каждого собственника, а функцию замещения утрачиваемого объекта в пределах нормативных критериев.

Иной аспект проявляется в вопросе денежной компенсации. Если компенсация зависит от согласованного волеизъявления всех собственников, право одного участника общей собственности на выбор денежной формы фактически ограничивается позицией других лиц. Второй кассационный суд общей юрисдикции в деле о компенсации по программе реновации исходил из того, что равноценное денежное возмещение может быть предложено при наличии письменного заявления всех собственников освобождаемого жилого помещения. С точки зрения гражданского права это демонстрирует зависимость реализации индивидуального имущественного интереса от режима общей собственности и подтверждает необходимость более точного регулирования смешанных форм компенсации.

Не менее важен вопрос о моменте возникновения права собственности на новое помещение. В обычном обороте недвижимости право возникает с момента государственной регистрации. При реновации это правило должно применяться с учетом того, что гражданин не приобретает объект в результате свободного рыночного выбора, а получает его взамен прекращаемого права. Поэтому между прекращением права на прежнюю квартиру и регистрацией права на новую не должно быть неопределенного временного разрыва. Федеральный закон о государственной регистрации недвижимости обеспечивает публичную достоверность зарегистрированного права, но сам по себе не решает вопрос о гарантиях гражданина на стадии между подписанием документов, фактическим переселением и регистрацией нового права.

В этой связи компенсационно-замещающий характер реновации следует понимать не как самостоятельный институт, полностью разработанный в действующем праве, а как объяснительную модель, позволяющую связать несколько юридических фактов. Вначале возникает публичное основание включения дома в программу, затем индивидуализируется предоставляемое помещение, после этого оформляются документы о переходе к новому объекту, и только при реальной возможности регистрации права допустимо прекращение права на прежнее жилье. Если один из этих элементов выпадает, собственник оказывается перед риском утраты прежнего объекта без полноценного приобретения нового.

Содержание такого механизма не должно ограничиваться только отношениями между публичным субъектом и собственником. Прежнее жилое помещение может быть обременено ипотекой, в нем могут проживать члены семьи собственника, несовершеннолетние, пожилые граждане, лица, имеющие право пользования. При замещении объекта должны сохраняться не только абстрактное право собственности, но и связанные с ним правовые позиции. Иначе реновация будет формально восстанавливать право собственника, но фактически изменять положение других участников жилищных отношений. Именно поэтому законодательная конструкция должна учитывать судьбу обременений, прав пользования и регистрационных действий в отношении нового объекта.

Отдельного внимания заслуживает соотношение равнозначности и потребительской ценности жилого помещения. М.В. Короткова обращает внимание на то, что выполнение отдельных критериев равнозначности зависит не только от площади, но и от установленных городом стандартов благоустройства и отделки. Однако стандарты отделки и благоустройства, утверждаемые публичным субъектом, не всегда способны учесть индивидуальные параметры прежнего жилья. Для гражданина существенными могут быть этаж, инсоляция, доступность поликлиники, школы, остановок транспорта, возможность ухода за родственниками, привычный маршрут к месту работы. Поэтому потребительская ценность должна рассматриваться хотя бы как дополнительный проверочный критерий, а не как юридически безразличное обстоятельство.

Отсюда вытекает более осторожный и обоснованный подход к законодательным предложениям. Нельзя просто заявить о необходимости создания нового механизма, не показав, какие проблемы он должен устранить. Анализ норм и судебных примеров позволяет выделить три конкретные проблемы. Первая заключается в том, что равнозначность слишком часто воспринимается как набор минимальных формальных параметров. Вторая состоит в

ограниченности выбора формы компенсации, особенно при общей собственности. Третья связана с риском временного и юридического разрыва между прекращением и возникновением права. Именно эти проблемы должны определять содержание предлагаемых изменений.

Представляется целесообразным закрепить в специальном законодательстве правило о предварительной индивидуализации замещающего жилого помещения. Собственник должен знать конкретный объект, его площадь, этаж, адрес, техническое состояние, характеристики отделки и правовой режим до прекращения права на прежнее помещение. Такое правило не превращает реновацию в обычную договорную мену, но усиливает определенность публичной процедуры. Оно также позволит суду проверять не абстрактное обещание предоставить жилье, а конкретное соответствие нового помещения установленным гарантиям.

Также обоснованным является уточнение критериев равнозначности через включение дополнительных потребительских характеристик. Речь должна идти не о предоставлении собственнику права требовать любое желаемое жилье, а о создании минимального стандарта сопоставимости. Такой стандарт может учитывать доступность социальной инфраструктуры, транспортную связанность, отсутствие очевидного ухудшения условий проживания и возможность денежной компенсации при существенном расхождении характеристик. Подобный подход соответствует идее баланса публичных и частных интересов, о необходимости которого пишут исследователи реновационного регулирования.

Наконец, необходимо предусмотреть более гибкую модель компенсации. В случаях, когда предоставляемое помещение формально соответствует минимальным параметрам, но не компенсирует существенную разницу в потребительской или имущественной ценности, собственнику должна быть доступна доплата. При общей собственности следует обсуждать возможность определения доли денежной компенсации для того собственника, который не желает получать жилое помещение, если это не нарушает прав других участников и технически совместимо с программой. Такой подход сложнее административно, но он лучше соответствует гражданско-правовой природе собственности как индивидуального имущественного права.

Результаты исследования

Проведенный анализ показывает, что возникновение права собственности при реновации не следует описывать исключительно через общие основания приобретения права или через категорию изъятия имущества. Более точным является понимание реновации как специального правового процесса, в котором прекращение права на прежний объект допустимо только при обеспеченном и индивидуализированном предоставлении нового жилого помещения либо равноценной компенсации. В таком процессе публичная цель обновления жилищного фонда не отменяет гражданско-правовую необходимость восстановления имущественного и жилищного положения собственника.

Выводы о совершенствовании законодательства должны вытекать из выявленных проблем. Требуется нормативно уточнить связь между прекращением права на прежнее помещение и возникновением права на новое, закрепить предварительную индивидуализацию замещающего объекта, расширить критерии равнозначности с учетом потребительских характеристик и предусмотреть более гибкие формы денежной компенсации. При таком подходе реновация будет восприниматься не как административное прекращение права собственности, а как юридически определенное замещение имущественного и жилищного положения гражданина.

Литература

1. Акаёмова Н.В., Чейшвили М.Н. Пробелы правового регулирования реновации в г. Москве // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 4. С. 110-114.

2. Иванов А.П., Игнатьева С.В. Проблемы ограничения принципа неприкосновенности собственности при реновации жилищного фонда // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 158-161.

3. Короткова М.В. Правовые аспекты реновации жилищного фонда в городе Москве // Образование и право. 2020. № 3. С. 104-113.

4. Пожидаев В.Е. История принятия и критика закона о реновации жилищного фонда в г. Москве // Право и политика. 2022. № 5. С. 1-7.

On the issue of the emergence of property rights during the renovation of housing stock

Ibragimov Kh.S.
Academy of Labor and Social Relations

The article examines the civil-law nature of the acquisition of ownership of residential premises provided to an owner in the course of housing renovation. The author proceeds from the assumption that renovation cannot be fully reduced either to classical compulsory acquisition for public needs or to a contractual exchange of residential premises, since it combines a public basis for relocation, a compensatory purpose and the need to preserve the owner's housing position. Based on the analysis of legal regulation, academic approaches and selected examples of judicial practice, the article substantiates the need to define more precisely the legal connection between the termination of ownership of the former premises and the acquisition of ownership of the substitute premises.

Special attention is paid to the criteria of equivalence and equal value of the residential premises, the moment of acquisition of ownership of the substitute housing and protection of persons whose interests are connected with the former premises. The article concludes that legislative proposals must follow from identified practical problems: uncertainty of consumer characteristics of housing, limited choice of compensation forms and the risk of a time gap between termination and acquisition of real rights.

Keywords: renovation, ownership, residential premises, equivalent housing, equal compensation, compensation, state registration, judicial practice.

References

1. Akaemova N.V., Cheishvili M.N. Gaps in the legal regulation of renovation in Moscow // Problems of Economics and Legal Practice. 2018. No. 4. pp. 110-114.

2. Ivanov A.P., Ignatieva S.V. Problems of restricting the principle of inviolability of ownership in housing renovation // Journal of Russian Law. 2018. No. 1. pp. 158-161.

3. Korotkova M.V. Legal aspects of renovation of housing stock in the city of Moscow // Education and Law. 2020. No. 3. pp. 104-113.

4. Pozhidaev V.E. History of adoption and criticism of the law on housing stock renovation in Moscow // Law and Politics. 2022. No. 5. pp. 1-7.

Финансовый контроль как элемент управления корпоративными финансами: экономический и правовой аспекты

Хайбрахманов Артур Дамирович
студент, факультет Международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, arthur.khaibrakhmanov@gmail.ru

В рамках настоящего исследования финансовый контроль рассматривается как системообразующий элемент механизма управления корпоративными финансами. Раскрывается его роль в формировании информационно-аналитической базы управленческих решений, обеспечении рационального распределения финансовых ресурсов и поддержании финансовой устойчивости хозяйствующего субъекта. На основе анализа современных тенденций развития корпоративного финансового менеджмента обосновано расширение функционального содержания финансового контроля, проявляющееся в усилении его аналитической составляющей и превентивного потенциала. Установлена и эмпирически подтверждена взаимосвязь финансового контроля с ключевыми процессами финансового менеджмента: финансовым планированием, бюджетированием и управлением денежными потоками. Автором подчеркивается, что финансовый контроль все чаще рассматривается как элемент финансового менеджмента, обеспечивающий информационную поддержку управленческих решений, оценку эффективности использования финансовых ресурсов и предупреждение финансовых рисков.
Ключевые слова: корпоративные финансы, финансовый контроль, финансовый менеджмент, финансовая устойчивость, корпоративное управление, риск-ориентированный подход.

Введение

В современных условиях финансовый контроль является неотъемлемым элементом системы управления корпоративными финансами. В условиях цифровизации экономики, усложнения финансовых процессов и роста требований к качеству финансовой информации значение финансового контроля существенно возрастает. В научной литературе финансовый контроль традиционно рассматривается как инструмент обеспечения финансовой дисциплины и соблюдения законодательства. Вместе с тем развитие корпоративного управления привело к расширению его функций.

В настоящее время финансовый контроль все чаще рассматривается как элемент финансового менеджмента, обеспечивающий информационную поддержку управленческих решений, оценку эффективности использования финансовых ресурсов и предупреждение финансовых рисков. Однако единый подход к определению места финансового контроля в системе управления корпоративными финансами до настоящего времени не сформирован.

Материалы и методы исследования

При проведении исследования использовались методы анализа и синтеза, сравнительного анализа, системного подхода, научного обобщения и логического исследования.

Метод анализа применялся при изучении существующих подходов к определению финансового контроля и его функций. Системный подход позволил рассмотреть финансовый контроль как составную часть системы управления корпоративными финансами. Сравнительный анализ использовался при сопоставлении различных научных подходов к содержанию финансового контроля и оценке направлений его развития.

На основе методов обобщения и логического анализа сформулированы выводы и предложены направления совершенствования финансового контроля в современных условиях.

Обсуждение

Финансовый контроль принадлежит к числу категорий, изучаемых на стыке экономических и юридических исследований, при этом предмет анализа в каждой из наук существенно различается. Различия в подходах систематизированы в Таблице 1.

Таблица 1
Финансовый контроль (правовой аспект) (составлено автором)

Е.М. Ашмарина	*«Финансовый контроль как совокупность действий и операций по проверке финансовых и связанных с ними вопросов деятельности субъектов хозяйствования и управления с применением специфических форм и методов»* [1, с.40] (Ashmarina, 2016).
С.В. Степашин	*«Финансовый контроль как регулируемая правовыми нормами деятельность, осуществляемую законодательными органами государственной власти и созданными ими специальными институтами по контролю за поступлением, движением и расходованием государственных финансовых и материальных средств, эффективностью использования всех видов государственных ресурсов, льгот и преимуществ, предоставляемых государством, а также использованием средств государственных бюджетных и внебюджетных фондов и другой государственной собственности»* [11] (Stepashin,2002).

Г.Ф. Ручкина	*«Финансовый контроль представляет собой урегулированную нормами права деятельность уполномоченных органов, организаций (юридических лиц) и должностных лиц по установлению соответствия или несоответствия деятельности и операций подконтрольных субъектов и сопровождающих эту деятельность и операции обязательных к составлению первичных документов и форм отчётности требованиям регулирующих финансовые отношения законов и иных нормативных правовых актов»* [12, с.68] (Ruchkina et al., 2026).
Н.И. Химичева	«*Финансовый контроль как контроль за соблюдением законности и целесообразности действий в области образования, распределения и использования государственных, муниципальных и иных денежных фондов (финансовых ресурсов) публичного характера в целях эффективного социально-экономического развития страны в целом и ее регионов*» [13] (Khimicheva, Pokachalova, 2020).
С.О. Шохин	*«Финансовый контроль многоаспектная, межотраслевая система надзора наделенных контрольными функциями государственных и общественных органов за финансово-хозяйственной деятельностью предприятий, учреждений и организаций с целью объективной оценки экономической эффективности этой деятельности, определения законности и целесообразности хозяйственных и финансовых операций и выявления резервов доходов государственного бюджета»* [15] (Shokhin,1997).
Е.Ю. Грачева	*«Финансовый контроль как регламентированная нормами права деятельность государственных, муниципальных, общественных органов и организаций, иных хозяйствующих субъектов по проверке своевременности и точности финансового планирования, обоснованности и полноты поступления доходов в соответствующие фонды денежных средств, правильности и эффективности их использования»* [3] (Gracheva et al., 2026).
Хайбрахманова А.Д.	*«Финансовый контроль представляет собой юридически регламентированную деятельность уполномоченных органов государственной власти, направленную на проверку законности, обоснованности и эффективности действий, связанных с формированием, распределением и использованием публичных денежных фондов»* [14, с.118] (Khaybrakhmanova, 2025).

В научной литературе отсутствует единое понимание сущности корпоративного финансового контроля. Как установлено, расхождения в подходах связаны с изменением его роли в системе корпоративного управления, расширением функционального содержания и развитием методов управления корпоративными финансами.

Так, Л. И. Проняева и Н. А. Царев определяют корпоративный финансовый контроль как «систему мероприятий финансового менеджмента, при которой выполняется постоянный контроль за эффективностью финансово-хозяйственной деятельности и предупреждающий контроль предлагаемых финансовых стратегий корпорации, тем самым усиливая контрольную функцию менеджмента» [9, с.877] (Pronyaeva, Tsarev, 2024). Представленное определение отражает управленческую направленность финансового контроля и позволяет рассматривать его в качестве составного элемента системы финансового менеджмента, обеспечивающего информационную поддержку процесса принятия управленческих решений.

Иной подход представлен в исследовании И. Г. Кукукиной и Ю. А. Соколова. Авторы рассматривают корпоративный контроль финансовых потоков как «функцию корпоративного управления финансами, предназначенную для реализации ценностного подхода к стоимости компании в условиях соблюдения баланса интересов собственников, регионов размещения бизнеса и общества в целом» [9, с.51] (Kukukhina, Sokolov, 2011). В данном определении финансовый контроль рассматривается не только как средство обеспечения законности и эффективности финансовой деятельности, но и как фактор создания условий для роста стоимости компании и достижения стратегических целей корпоративного развития.

Системный подход к пониманию финансового контроля представлен в работе С. Р. Древинга и Л. Е. Хрустовой. По мнению авторов, внутренний финансовый контроль представляет собой «одно из направлений реализации управленческого воздействия внутри экономического субъекта, обеспечивающее результативное достижение поставленных руководством целей и задач, реализуемое на практике посредством построения системы взаимосвязанных элементов, включающих субъекты, объекты, методы, формы, принципы контроля» [5, с.39] (Dreving, Khrustova, 2016).

Как отмечают О. С. Глинская и Е. В. Акользина, «важным направлением развития цифровых инструментов финансового контроля является внедрение автоматизированных систем внутреннего контроля, интегрированных с корпоративными информационными системами» [4, с.134] (Glinskaya, Akolzina, 2025).

Действительно, применение цифровых технологий обеспечивает автоматизацию контрольных процедур, непрерывный мониторинг финансовых показателей, повышение оперативности обработки информации и качества аналитического обеспечения управленческих решений, что существенно расширяет функциональные возможности финансового контроля. При этом, развитие современной концепции корпоративного управления сопровождается изменением взглядов на соотношение финансового контроля и аудита.

Так, Р. П. Булыга и М. В. Мельник отмечают, что «по-прежнему дискуссионной остается проблема широкой трактовки аудита, когда в его задачу входит не только аудит отчетности, но и бизнеса в целом» [2, с.99] (Bulyga, M. V. Melnik, 2024). Данный подход свидетельствует о расширении содержания контрольной деятельности и постепенном сближении функций финансового контроля, внутреннего контроля и аудита в системе корпоративного управления.

Таким образом, проведенный анализ научных подходов позволяет сделать вывод о том, что в современной экономической науке финансовый контроль рассматривается значительно шире традиционного понимания его как инструмента проверки соблюдения финансовой дисциплины.

В соответствии с Кодексом корпоративного управления, утвержденным Банком России, корпоративное управление рассматривается как «инструмент для определения целей общества и средств достижения этих целей, а также обеспечения эффективного контроля за деятельностью общества со стороны акционеров и других заинтересованных сторон» [10]. Данная формулировка свидетельствует о том, что контроль является одной из базовых функций корпоративного управления, обеспечивающей достижение стратегических целей организации посредством постоянной оценки результатов ее деятельности и своевременной корректировки принимаемых управленческих решений.

Экономическое содержание финансового контроля существенно шире контрольной функции, закрепленной в нормативных документах. В системе корпоративных финансов финансовый контроль обеспечивает информационно-аналитическое сопровождение процессов формирования и использования капитала, управления денежными потоками, инвестиционной деятельностью, структурой источников финансирования и финансовыми рисками. Его основная задача заключается не только в выявлении нарушений финансовой дисциплины, но и в предупреждении отклонений от целевых финансовых показателей, оценке эффективности использования ресурсов и обеспечении устойчивого финансового развития организации.

Современная практика корпоративного управления подтверждает возрастающее значение финансового контроля в системе финансового менеджмента. Высокий уровень неопределенности внешней среды, изменение стоимости заемного капитала, усиление санкционного давления, цифровизация финансовых процессов и увеличение объема обрабатываемой информации требуют постоянного мониторинга финансового состояния организации. В этих условиях финансовый контроль становится инструментом оперативной оценки финансовых рисков, позволяющим своевременно выявлять негативные тенденции, корректировать финансовые планы и принимать решения, направленные на сохранение финансовой устойчивости и платежеспособности хозяйствующего субъекта.

Финансовый контроль интегрирован практически во все направления управления корпоративными финансами. На этапе финансового планирования он обеспечивает контроль исполнения бюджетов и достижение целевых финансовых показателей. В процессе управления денежными потоками контроль направлен на поддержание ликвидности, оптимизацию движения денежных средств и предупреждение кассовых разрывов.

Ежегодный мониторинг Банка России показывает, что уровень соблюдения принципов Кодекса корпоративного управления остается достаточно высоким. По итогам анализа годовых отчетов публичных акционерных обществ за 2022 год компании, акции которых включены в первый и второй котировальные списки, в среднем соблюдали 76% принципов и рекомендаций Кодекса корпоративного управления, тогда как организации третьего эшелона — 54%. При этом регулятор отмечает, что «наряду с сохранением общего уровня соблюдения принципов Кодекса наблюдается развитие более совершенных корпоративных практик, связанных с системой управления рисками, внутреннего контроля и деятельностью советов директоров» [7].

Вместе с тем результаты последних исследований Банка России свидетельствуют о наличии проблем в развитии корпоративного управления. «По итогам оценки корпоративных практик за 2024 год публичные компании заявили о соблюдении в среднем 77 % рекомендаций Кодекса корпоративного управления» [8], однако снижение качества отдельных корпоративных практик, что обусловлено влиянием санкционных ограничений, регуляторных послаблений и объективными трудностями формирования независимого состава советов директоров.

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что эффективность корпоративного управления определяется не только формальным соблюдением рекомендаций Кодекса корпоративного управления, но и качеством функционирования системы внутреннего финансового контроля.

Финансовый контроль в системе управления корпоративными финансами оказывает влияние на ключевые направления финансовой деятельности: формирование ресурсов, управление денежными потоками, инвестиционную деятельность, структуру капитала, финансовые результаты и уровень рисков. Взаимосвязь указанных элементов систематизирована в Таблице 2.

Из данных таблицы следует, что финансовый контроль интегрирован во все ключевые направления корпоративного финансового управления.

Следовательно, финансовый контроль представляет собой интегрированный элемент системы управления корпоративными финансами, обеспечивающий взаимосвязь между финансовым планированием, бюджетированием, управлением денежными потоками, инвестиционной деятельностью и системой управления финансовыми рисками. Именно комплексное применение контрольных процедур способствует повышению качества финансового менеджмента, росту эффективности использования капитала и достижению стратегических целей корпоративного развития.

Таблица 2
Влияние финансового контроля на эффективность управления корпоративными финансами (составлено автором)

Направление деятельности	Основные инструменты	Возможный экономический эффект
Управление материальными ресурсами	Контроль формирования и использования финансовых ресурсов, анализ отклонений	Повышение эффективности использования капитала, снижение непроизводительных расходов
Управление денежными потоками	Контроль движения денежных средств, мониторинг ликвидности и платежеспособности	Обеспечение финансовой устойчивости, снижение вероятности кассовых разрывов
Бюджетирование	Контроль исполнения бюджетов, анализ отклонений фактических показателей от плановых	Повышение финансовой дисциплины и качества финансового планирования
Управление структурой капитала	Контроль соотношения собственного и заемного капитала, оценка стоимости источников финансирования	Оптимизация структуры капитала и снижение стоимости финансовых ресурсов
Управление инвестиционной деятельностью	Контроль реализации инвестиционных проектов, анализ эффективности капитальных вложений	Повышение эффективности инвестиционной деятельности и снижение инвестиционных рисков
Управление рисками	Риск-ориентированный финансовый контроль, мониторинг факторов финансовой устойчивости	Минимизация финансовых потерь и повышение финансовой устойчивости организации
Управление финансовыми результатами	Контроль формирования прибыли, анализ рентабельности и эффективности деятельности	Рост финансовых результатов, повышение стоимости бизнеса и инвестиционной привлекательности

Автор считает, что в системе управления корпоративными финансами финансовый контроль целесообразно рассматривать как многоуровневую систему, включающую стратегический, тактический и операционный уровни. Данное разграничение позволяет более точно определить содержание контрольных процедур, их цели и информационную направленность в рамках общей системы финансового менеджмента.

На стратегическом уровне финансовый контроль ориентирован на оценку достижения долгосрочных финансовых целей организации, реализацию финансовой стратегии и обеспечение устойчивого роста стоимости компании.

Тактический уровень финансового контроля предполагает мониторинг исполнения бюджетов, инвестиционных программ, структуры капитала и финансовых планов организации.

Операционный уровень финансового контроля связан с текущими финансовыми процессами и включает контроль денежных потоков, расчетной дисциплины, исполнения финансовых обязательств и соблюдения внутренних регламентов организации.

В рамках указанного подхода финансовый контроль рассматривается в качестве непрерывного процесса.

Результаты

Финансовый контроль представляет собой самостоятельный элемент системы управления корпоративными финансами, обеспечивающий информационную основу для принятия управленческих решений, рационального использования финансовых ресурсов и минимизации финансовых рисков.

При этом, эффективность финансового контроля определяется его включенностью в систему управления корпоративными финансами и взаимосвязью с финансовым планированием, бюджетированием, финансовым анализом и оценкой результатов деятельности организации.

Приоритетным направлением развития финансового контроля является усиление его превентивной функции, ориентированной на предупреждение финансовых нарушений, своевременное выявление факторов риска и предотвращение возникновения финансовых потерь.

Заключение

Развитие корпоративных финансов сопровождается усложнением финансовых процессов, расширением инструментов управления капиталом и усилением требований к качеству принимаемых управленческих решений. В этих условиях финансовый контроль приобретает значение одного из ключевых элементов системы управления корпоративными финансами, обеспечивающего объективную оценку финансового состояния организации, своевременное выявление отклонений и формирование информационной базы для корректировки финансовой политики.

Анализ научных подходов показал, что современное содержание финансового контроля существенно отличается от его традиционного понимания как инструмента проверки соблюдения финансовой дисциплины. Его функции распространяются на оценку эффективности использования финансовых ресурсов, предупреждение финансовых рисков, контроль реализации финансовой стратегии и аналитическое сопровождение процессов финансового менеджмента. Такой подход отражает изменение роли финансового контроля в системе корпоративного управления и соответствует современным требованиям к организации управления финансами.

Повышение эффективности финансового контроля непосредственно связано с его интеграцией в процессы финансового планирования, бюджетирования, управления денежными потоками, инвестиционной деятельностью и системой управления финансовыми рисками. При этом использование цифровых технологий обеспечивает переход к непрерывному мониторингу финансовых процессов, что позволяет повысить обоснованность принимаемых финансовых решений и оперативность управленческого воздействия.

Литература

1. Ашмарина Е. М. Соотношение институтов предпринимательского и финансового права на примере правового обеспечения финансового контроля / Е. М. Ашмарина // Вопросы экономики и права. – 2016. – № 94. – С. 37-43. – EDN YJKHOZ.
2. Булыга Р. П. Развитие научной школы Финансового университета в области учетно-аналитических и контрольных систем в современной экономике / Р. П. Булыга, М. В. Мельник // Учет. Анализ. Аудит. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 88-102. – DOI 10.26794/2408-9303-2024-11-1-88-102. – EDN JGTNOH.
3. Грачева Е. Ю. Финансовое право: учебник для среднего профессионального образования / Е. Ю. Грачева, Э. Д. Соколова. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. — 256 с. — (Ab ovo). — DOI 10.12737/2066409. - ISBN 978-5-00156-319-8. - Текст: электронный. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/2205631 (дата обращения: 29.06.2026). – Режим доступа: по подписке.
4. Глинская О. С. Эволюция методов и инструментов корпоративного финансового контроля в условиях цифровой трансформации / О. С. Глинская, Е. В. Акользина // Бизнес. Образование. Право. – 2025. – № 1(70). – С. 129-136. – DOI 10.25683/VOLBI.2025.70.1241. – EDN VNDBZG.
5. Древинг С. Р. Современное понимание категории «внутренний финансовый контроль»: проблемы и перспективы изучения / С. Р. Древинг, Л. Е. Хрустова // Управленческие науки. – 2016. – Т. 6, № 3. – С. 30-44. – EDN WNGGPR.
6. Кукукина И. Г. Проблемы системной трансформации корпоративного контроля финансовых потоков / И. Г. Кукукина, Ю. А. Соколов // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2011. – № 2(26). – С. 50-57. – EDN NTUJRL.
7. Обзор практики корпоративного управления в российских публичных обществах по итогам 2022 года [Электронный ресурс] // Банк России: сайт. — URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/46627/Review_corp_2022.pdf (дата обращения: 29.06.2026).
8. Обзор практики корпоративного управления в российских публичных обществах по итогам 2023 года [Электронный ресурс] // Банк России: сайт. —URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/54992/Review_corp_2023.pdf (дата обращения: 29.06.2026).
9. Проняева Л. И. Развитие концептуальных основ корпоративного финансового контроля / Л. И. Проняева, Н. А. Царев // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 3(62). – С. 876-880. – EDN YTNDSZ.
10. Письмо от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» [Электронный ресурс] // Банк России: сайт. — URL: https://cbr.ru/statichtml/file/59420/inf_apr_1014.pdf (дата обращения: 29.06.2026).
11. Степашин С. В. Казна любит счёт. Кому и зачем нужна система государственного финансового контроля в России / С. В. Степашин // VIPERSON. — URL: https://viperson.ru/articles/sergey-stepashin-kazna-lyubit-schet (дата обращения: 29.06.2026).
12. Финансовое право: учебник для вузов / под редакцией Г. Ф. Ручкиной. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 334 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-20575-6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/587542 (дата обращения: 29.06.2026).
13. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н. И. Химичева, Е. В. Покачалова. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. - 800 с. - (Высшее образование: Специалитет). - ISBN 978-5-16-108821-0. - Текст: электронный. - URL: https://znanium.com/catalog/product/1178720 (дата обращения: 29.06.2026). – Режим доступа: по подписке.
14. Хайбрахманова А. Д. Государственный финансовый контроль в условиях цифровой экономики: правовые аспекты трансформации понятия / А. Д. Хайбрахманова // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 12(149). – С. 116-121.
15. Шохин С.О. Бюджетно-финансовый контроль и аудит: Теория и практика применения в России: Научно-методическое пособие / С.О. Шохин, Л.И. Воронина. – Москва: Финансы и статистика, 1997. – 238 с. – Контрольно-счетная палата Москвы. – ISBN 5-279-01850-3 : 0.00.

Financial control as an element of corporate finance management: economic and legal aspects

Khaybrakhmanov A.D.

Financial University under the Government of the Russian Federation

In this study, financial control is considered as a system-forming element of the corporate finance management mechanism. Its role in forming an information and analytical basis for managerial decisions, ensuring the rational distribution of financial resources, and maintaining the financial stability of an economic entity is revealed. Based on the analysis of current trends in the development of corporate financial management, the expansion of the functional content of financial control is justified, which manifests itself in strengthening its analytical component and preventive

potential. The relationship between financial control and key financial management processes, such as financial planning, budgeting, and cash flow management, has been established and empirically confirmed. The author has developed and proposed a three-level model of financial control organization, which provides for the differentiation of its implementation according to the strategic, tactical, and operational contours of management.
Keywords: corporate finance, financial control, financial management, financial stability, corporate governance, and a risk-oriented approach.

References

1. Ashmarina E. M. Correlation of the Institutions of Business and Financial Law on the Example of Legal Support of Financial Control / E. M. Ashmarina // Issues of Economics and Law. – 2016. – No. 94. – Pp. 37-43. – EDN YJKHOZ.
2. Bulyga R. P. Development of the Scientific School of the Financial University in the Field of Accounting, Analytical and Control Systems in the Modern Economy / R. P. Bulyga, M. V. Melnik // Accounting. Analysis. Audit. – 2024. – Vol. 11, No. 1. – Pp. 88-102. – DOI 10.26794/2408-9303-2024-11-1-88-102. – EDN JGTNOH.
3. Gracheva E. Yu. Financial Law: Textbook for Secondary Vocational Education / E. Yu. Gracheva, E. D. Sokolova. — 6th ed., revised. and expanded. — Moscow: Norma: INFRA-M, 2026. — 256 p. — (Ab ovo). — DOI 10.12737/2066409. - ISBN 978-5-00156-319-8. - Text: electronic. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/2205631 (accessed: 29.06.2026). - Access mode: subscription.
4. Glinskaya, O. S. Evolution of Methods and Tools of Corporate Financial Control in the Context of Digital Transformation / O. S. Glinskaya, E. V. Akolzina // Business. Education. Law. – 2025. – No. 1(70). – Pp. 129-136. – DOI 10.25683/VOLBI.2025.70.1241. – EDN VNDBZG.
5. Dreving S. R. Modern Understanding of the Category "Internal Financial Control": Problems and Prospects of Study / S. R. Dreving, L. E. Khrustova // Management Sciences. – 2016. – Vol. 6, No. 3. – Pp. 30-44. – EDN WNGGPR.
6. Kukukhina I. G. Problems of Systemic Transformation of Corporate Control of Financial Flows / I. G. Kukukhina, Yu. A. Sokolov // Modern Science-Intensive Technologies. Regional Application. – 2011. – No. 2(26). – Pp. 50-57. – EDN NTUJRL.
7. Overview of Corporate Governance Practices in Russian Public Companies in 2022 [Electronic resource] // Bank of Russia: website. — URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/46627/Review_corp_2022.pdf (accessed on 29.06.2026).
8. Review of Corporate Governance Practices in Russian Public Companies in 2023 [Electronic resource] // Bank of Russia: website. —URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/54992/Review_corp_2023.pdf (accessed on 29.06.2026).
9. Pronyaeva L. I. Development of the Conceptual Frameworks for Corporate Financial Control / L. I. Pronyaeva, N. A. Tsarev // Bulletin of the Academy of Knowledge. – 2024. – No. 3(62). – Pp. 876-880. – EDN YTNDSZ.
10. Letter dated April 10, 2014 No. 06-52/2463 "On the Corporate Governance Code" [Electronic resource] // Bank of Russia: website. — URL: https://cbr.ru/statichtml/file/59420/inf_apr_1014.pdf (accessed: 29.06.2026).
11. Stepashin S. V. The Treasury Loves the Account. Who Needs the System of State Financial Control in Russia and Why / S. V. Stepashin // VIPERSON. — URL: https://viperson.ru/articles/sergey-stepashin-kazna-lyubit-schet (accessed on 29.06.2026).
12. Financial law: a textbook for universities / edited by G. F. Ruchkina. — 3rd ed., revised and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2026. 334 p. (Higher education). — ISBN 978-5-534-20575-6. — Text: electronic // Educational platform Yurayt [website]. — URL: https://urait.ru/bcode/587542 (accessed: 29.06.2026).
13. Financial Law: Textbook / Ed. by N. I. Khimicheva, E. V. Pokachalova. — 6th ed., Rev. and Add. — Moscow: Norma: INFRA-M, 2020. - 800 p. - (Higher Education: Specialization). - ISBN 978-5-16-108821-0. - Text: electronic. - URL: https://znanium.com/catalog/product/1178720 (accessed: 29.06.2026). - Access mode: subscription.
14. Khaybrakhmanova A.D. State financial control in the digital economy: legal aspects of the concept transformation / A.D. Khaybrakhmanova // Society: politics, economics, law. – 2025. – № 12(149). – Pp. 116-121.
15. Shokhin S.O. Budgetary and Financial Control and Audit: Theory and Practice of Application in Russia: Scientific and Methodological Guide / S.O. Shokhin, L.I. Voronina. – Moscow: Finances and Statistics, 1997. – 238 p. – Moscow Control and Accounts Chamber. – ISBN 5-279-01850-3 : 0.00.

Использование эмодзи в деловой переписке сторон

Черных Виктор Сергеевич
студент, Дальневосточный федеральный университет,
chernykh.vser@dvfu.ru,

Хачатурова Алина Алексеевна
студент, Дальневосточный федеральный университет,
khachaturova.aal@dvfu.ru

В статье рассматривается вопрос юридического значения эмодзи в деловой переписке сторон. Кроме этого, анализируется неоднозначная судебная практика в отношении эмодзи при заключении, изменении или прекращении договоров. Авторы выводят ряд критериев, при которых графические изображения в мессенджерах приобретают правовую значимость в деловой переписке сторон. Предлагается рассматривать эмодзи не изолированно, а в качестве части совокупного волеизъявления, которое будет регулироваться нормами ст. 431 ГК РФ. В целях уменьшения правовой неопределенности обосновывается необходимость в закреплении единого подхода для судов в разъяснениях Верховного Суда РФ, который четко установит критерии, при которых эмодзи смогут признаваться юридически значимыми сообщениями, а равно перечня условия, которые исключат их правовое значение.

Ключевые слова: эмодзи, деловая переписка, акцепт, переговоры, договоры, судебная практика.

XXI век прочно связан с цифровизацией общества во всех сферах, в том числе в сфере имущественного оборота. С развитием технологий появилась возможность заключения различных видов договоров электронным способом. Все чаще стороны используют различные мессенджеры не только для обмена информацией, но и для уточнения существенных условий договора, для дачи согласия на его заключение или изменение, а также в целях содействия исполнения. Однако это порождает практические проблемы в части правовых последствий таких сообщений.

Остро стоит вопрос в области трактовки эмодзи как способа волеизъявления по поводу заключения, изменения и расторжения договора. Объясняется это субъективным восприятием значения данных символов.

Поскольку регулирование в отечественном законодательстве в части толкования и юридических последствий отправления эмодзи отсутствует, то необходимо обратиться к судебной практике, которая не раз сталкивалась с допустимостью использования эмодзи в договорных правоотношениях.

Представляется возможным выделить два основных вопроса, которые ставятся перед судами:

1. Подтверждение воли сторон с помощью переписки в мессенджерах;
2. Возможность ведения переговоров посредством эмодзи.

Прежде всего, возможность отправления юридически значимых сообщений посредством электронной почты, факсимильной и другой связи закрепляется в п. 65 Постановлении Пленума ВС РФ от 23.06.2015 №25. Однако данное постановление не разъясняет пределы применения эмодзи.

Суды выделяют следующие аспекты при разрешении споров, вытекающих из использования контрагентами эмодзи:

1. Предшествующее поведение сторон;
2. Возможность иного толкования эмодзи;
3. Наличие закрепленных положений о ведении деловой переписки через мессенджеры;
4. Юридическая силе документов, отправляемых с помощью различных электронных средств связи.

Так, в Постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023 по делу №А32-36944/2022 ситуация с эмодзи впервые получил развернутую правовую оценку, в которой эмодзи было расценено как выражение акцепта на договорное условие. Между сторонами был заключен договор купли-продажи киоск, предполагавший последующее согласование цвета. Дальнейшая переписка в мессенджере относительно предложенного продавцом условия сделки была прокомментирована покупателем путем отправки эмодзи «👍». В результате недопонимания возник спор по факту наличия соглашения. Одна из сторон полагала, что графический символ не выражает волю контрагента. Суд, принимая во внимание общепринятое значение данного эмодзи как знака одобрения, отсутствие со стороны ответчика запроса об уточнении смысла реакции, а также прямое договорное условие о признании юридической силы за сообщениями, направленными с согласованных телефонных номеров через мессенджер, заключил, что эмодзи в совокупности предшествующей коммуникацией свидетельствует о состоявшемся согласовании существенного условия.

Сформулированный судом подход отражает принципиальную возможность придания юридической силы

эмодзи. Ключевыми факторами выступили закрепленное в договоре признание юридической силы за сообщениями, полученными по указанным каналам связи, ведение переписки именно с этих каналов, а также контекст, позволяющий однозначно интерпретировать эмодзи, как согласие.

В постановлении Второго арбитражного апелляционного суда от 30.10.2023 по делу №А28-2634/2023 было отказано, но только из-за иного фактического контекста. Суд отказал в признании за эмодзи «👍» юридического значения, так как было установлено, что поставщик направил лишь фотографию товара, не сопроводив ее текстовым уведомлением о готовности к отгрузке. А практика, которая сложилась между сторонами, предполагала отдельное согласование даты и времени погрузи, а фотоснимки направлялись по запросу покупателя. Исходя из этого, сам по себе обмен фотографией и эмодзи не мог быть признан ни надлежащим уведомлением, ни согласием на получение товара.

Анализ двух дел позволяет определить возможность использования эмодзи для подтверждения юридически значимых действий. Однако решение по второму делу № А28-2634/2023 вызывает возражения с точки зрения норм Гражданского кодекса РФ. Стороны, реализуя свободу договора (ст. 421 ГК РФ), прямо условились о юридической силе сообщений, передаваемых через мессенджеры, что означает признание присущего этим каналам языка, включая графические символы.

Суд, отказав эмодзи в правовом значении, фактически проигнорировал данное договорное условие и не применил правило буквального толкования в абз. 1 ст. 431 ГК РФ, которое в условиях цифровизации коммуникации должно охватывать не только слова, но и общеупотребительные знаки с устоявшейся семантикой. Кроме того, суд не дал оценку последующему поведению покупателя, который при неясности сообщения не запросил пояснений, а выразил реакцию в виде «👍» – обычно понимаемую как одобрение, чем создал у контрагента разумные ожидания. Такой подход противоречит требованию учитывать всю совокупность обстоятельств, включая переписку и последующее поведение сторон по абз. 2 ст. 431 ГК РФ, и не согласуется с принципом добросовестности по ст. 10 ГК РФ.

Это лишь один вопрос, который выражается в подтверждении намерений, действий и воли сторон, поставленный перед судами относительно использования эмодзи в деловой переписке сторон. Помимо этого, проблемой является признание возможности вести переговоры посредством эмодзи.

Процесс ведения переговоров регулируется статьей 434.1 ГК РФ, при этом устоявшейся судебной практикой, в частности постановлением Десятого арбитражного апелляционного суда от 19 сентября 2017 г. N 10АП-7521/2017 по делу N А4190214/20168 и постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 23 декабря 2020 г. N 09АП-63120/2020-АК9, установлено, что переговоры начинаются с момента установления первого делового контакта.

По мнению А.Г. Карапетова начало переговоров констатируется лишь тогда, когда намерение заключить контракт выражено с достаточной степенью определенности.

Определенно, эмодзи не может служить поводом для начала каких-либо переговоров, поскольку не представляется возможным достаточно определить по графическому изображению желание лица заключить договор.

Однако в контексте уже ведущихся переговоров, где стороны перешли к обсуждению конкретных условий, эмодзи может выполнять функцию подтверждения или акцепта, если его значение допускает однозначную интерпретацию с учётом предшествующего текстового содержания, сложившейся практики взаимодействия и общепринятой семантики символа. Такой подход позволяет разграничить стадию инициирования переговоров, требующую ясного вербального волеизъявления, и стадию согласования условий, на которой конклюдентные действия, включая графические реакции, могут приобретать юридическое значение.

Таким образом, использование эмодзи в деловой переписке может иметь юридическое значение только при наличии договорного признания такого рода сообщений, ведение переписки с согласованных каналов связи и однозначного контекста, позволяющего истолковать графическое изображение как согласие. Эмодзи не способны инициировать переговоры из-за недостаточной определенности намерения, но в ходе уже начатых переговоров может подтверждать условия, если его семантика очевидна из предшествующей коммуникации. Для минимизации споров сторонам рекомендуется прямо фиксировать в договоре порядок обмена графическими знаками и их значение.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» / Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/?ysclid=mpc3tdoy4w602249708 (Дата обращения: 11.05.2026).

2. Постановление от 29 июня 2023 г. по делу № А32-36944/2022 Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд (15 ААС) / Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). — URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/Bc8fmwwZhIrK/ (Дата обращения 12.05.2026).

3. Постановление от 30 октября 2023 г. по делу № А28-2634/2023

Второй арбитражный апелляционный суд (2 ААС) / Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). — URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/aUnDW2lCgKgQ/?ysclid=m870rstv1q4195224 (Дата обращения 13.05.2026).

4. Постановление от 19 сентября 2017 г. по делу N А4190214/20168 Десятого арбитражного апелляционного суда N 10АП-7521/2017 / Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1307137#K7edxJVc68mXEYgZ (Дата обращения 14.05.2026).

5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23 декабря 2020 г. N 09АП-63120/2020-АК9 / Доступ из СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://base.garant.ru/64043078/ (Дата обращения: 14.05.2026).

6. Исполнение и прекращение обязательства : комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации. Отв. ред. А. Г. Карапетов, 2022

Using emojis in business correspondence

Chernykh V.S., Khachaturova A.A.
Far Eastern Federal University

The article examines the legal significance of emojis in the business correspondence of the parties. In addition, it analyzes the ambiguous judicial practice regarding emojis in the conclusion, modification, or termination of contracts. The authors identify a set of criteria that make graphic images in messaging apps legally significant in the business correspondence of the parties. It is proposed to consider emojis not in isolation, but as part of a collective expression of will, which will be regulated by the provisions of Article 431 of the Civil Code of the Russian Federation. In order to reduce legal uncertainty, it is necessary to establish a unified approach for courts in the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, which will clearly define the criteria under which

emojis can be recognized as legally significant messages, as well as the list of conditions that will exclude their legal significance.
Keywords: emojis, business correspondence, acceptance, negotiations, contracts, judicial practice.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/23/2015 No. 25 "On the application by Courts of certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" / Access from the SPS ConsultantPlus. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/?ysclid=mpc3tdoy4w602249708 (Date of application: 05/11/2026).
2. Resolution dated June 29, 2023 in case no. A32-36944/2022 of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal (15 AAC) / Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation (Act). — URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/Bc8fmwwZhIrK / (Accessed 12.05.2026).
3. Resolution of October 30, 2023 in case no. A28-2634/2023
The Second Arbitration Court of Appeal (2 AAC) / Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation (Act). — URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/aUnDW2lCgKgQ/?ysclid=m870rstv1q4195224 (Date of application 05/13/2026).
4. Judgment of September 19, 2017 in the case N A4190214/20168 of the Tenth Arbitration Court of Appeal N 10AP-7521/2017 / Access from the ATP "ConsultantPlus". — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1307137#K7edxJVc68mXEYgZ (Accessed 05/14/2026).
5. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated December 23, 2020 N 09AP-63120/2020-AK9 / Accessed from the SPS ConsultantPlus. — URL: https://base.garant.ru/64043078 / (Date of application: 05/14/2026).
6. Fulfillment and termination of obligations : commentary to Articles 307-328 and 407-419 of the Civil Code of the Russian Federation. Ed. by A. G. Karapetov, 2022

Влияние санкций на признание и приведение в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: сравнительно-правовой анализ

Звечаровская Елизавета Игоревна
магистр права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), liza.zvech@mail.ru

В статье исследуется трансформация института признания иностранных судебных и арбитражных решений под влиянием санкционных ограничений в различных правопорядках. Анализ охватывает три ключевых направления: пересмотр судебных актов по новым обстоятельствам при включении государства в перечень «недружественных», расширительное применение публичного порядка как основания для отказа в признании, и практику антиисполнительских запретов. Эмпирическую базу исследования составили судебные акты России, Германии, Великобритании, Нидерландов. Особый интерес представляет российский подход, в рамках которого решения в пользу иностранных лиц из недружественных государств могут быть признаны противоречащими публичному порядку. Автор приходит к выводу о необходимости ограничительного толкования публичного порядка, недопустимости придания политическим решениям обратной силы, необоснованности презумпции пристрастности арбитров на основании их гражданства.

Ключевые слова: санкции, признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений, публичный порядок, антиисковой запрет (anti-suit injunction), антиисполнительский запрет (anti-enforcement injunction), недружественные государства, пересмотр судебных актов по новым обстоятельствам, международный коммерческий арбитраж.

Признание и приведение в исполнение иностранных судебных актов долгое время оставалось одной из наиболее стабильных и деполитизированных сфер международного гражданского процесса. Функциональное назначение данного института традиционно усматривалось в обеспечении трансграничного действия судебных решений: акт, вынесенный судом одного государства, должен был беспрепятственно порождать правовые последствия на территории другого – вне зависимости от текущей политической конъюнктуры. Геополитические сдвиги, последовавшие за 2022 годом, разрушили этот баланс. Санкционное давление, фрагментация международно-правового поля и пересмотр принципов межгосударственного взаимодействия затронули и процедуры признания иностранных судебных актов. Ключевая цель судебного процесса – удовлетворение правового интереса заявителя – достигается именно на стадии признания и исполнения: будь то установление юридического факта или получение денежного удовлетворения за нарушение охраняемого законом интереса.

Санкционное противостояние существенно изменило функциональную роль института признания иностранных решений. Признание иностранного судебного решения становится всё более сложной задачей, причём заявитель, как правило, не в состоянии самостоятельно преодолеть возникающие препятствия. Основные барьеры лежат в политической плоскости, что выводит их за пределы процессуального контроля стороны.

Для начала определим, что понимается под санкциями и какое значение этого термина придается ему автором статьи далее по тексту. В российской судебной практике и доктрине встречаются термины «специальные экономические меры», «меры ограничительного характера». Разграничение данных понятий не является объектом исследования в рамках данной статьи, поэтому далее по тексту указанные выше понятия наряду с «санкциями» будут использоваться взаимозаменяемо. Правовую основу для применения ответных ограничительных мер закладывает Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» (далее – 281-ФЗ) [1]. В силу п. 2 ст. 1 указанного закона специальные экономические меры вводятся в случае возникновения обстоятельств, требующих незамедлительного реагирования на международно-противоправное деяние либо недружественное действие иностранного государства или его должностных лиц, если такие действия создают угрозу безопасности и интересам России или нарушают права ее граждан. Законодатель относит к числу таких мер (п. 2 ст. 3 281-ФЗ) запрет на совершение определенных действий в отношении блокируемых лиц, а также возложение на них обязанности по совершению таких действий, помимо иных ограничений, устанавливаемых российским законодательством.

Введение Российской Федерацией ответных санкционных режимов объективно повлияло на подходы судов к признанию иностранных решений. Ключевым нормативным актом, задавшим вектор изменений, стало Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р, утвердившее перечень «недружественных» государств (далее Перечень 430-р) [2]. Анализ правоприменительной практики показывает: отнесение государства к данному перечню зачастую становится определяющим фактором при решении вопроса о признании, вынесенного в нем акта.

Санкционное законодательство породило в судебной практике новый подход к пересмотру вступивших в законную силу решений. Речь идет о случаях, когда в качестве нового обстоятельства рассматривается включение государства, ранее признававшегося «взаимным», в перечень «недружественных». В качестве иллюстрации негативных тенденций, сформировавшихся в правоприменительной практике последних лет, заслуживает внимания Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 21.05.2024 по делу № 88-14095/2024 [3]. В рамках данного производства суд признал правомерным пересмотр по новым обстоятельствам определения о признании и приведении в исполнение на территории Российской Федерации Постановления (Приказа) Отделения Королевской скамьи Коммерческого суда Высокого суда Правосудия Англии и Уэльса, вынесенного по иску украинского ПАО «Альфа-Банк» к физическому лицу. Первоначальное определение о признании было вынесено в 2018 г. и на момент подачи заявления о пересмотре уже вступило в законную силу.

В обоснование заявления о пересмотре заявитель указал на включение Великобритании в перечень «недружественных» государств в соответствии с Перечнем 430-р. Суд кассационной инстанции сформулировал позицию, в соответствии с которой само по себе отнесение государства к указанному перечню означает «отмену принципа взаимного признания судебных актов» между Россией и Великобританией. Следовательно, признал такое включение новым обстоятельством, достаточным для пересмотра ранее вынесенного и вступившего в силу судебного акта.

Представляется, что избранная судом правовая позиция является не только юридически ошибочной, но и создает опасный прецедент, подрывающий фундаментальные принципы правовой определенности и стабильности гражданского оборота. Логика суда, если ее последовательно развивать, ведет к выводу о том, что любое ухудшение межгосударственных отношений (а политическая конъюнктура изменчива по своей природе) может служить основанием для пересмотра окончательных судебных актов в любой момент времени. Это создает дополнительные риски для иностранных участников гражданского оборота, вступающих в правоотношения с российскими контрагентами.

Политические изменения не должны иметь обратной силы в отношении частноправовых отношений, по которым судебные акты уже вступили в силу и были исполнены. Наличие взаимности должно оцениваться на момент обращения заявителя в суд. Последующее включение государства в перечень «недружественных» не может аннулировать того факта, что на момент рассмотрения дела взаимность существовала. Ретроспективное применение политических решений к завершённым судебным процессам противоречит принципу правовой определённости, подрывает стабильность гражданского оборота и создаёт риски для иностранных участников, добросовестно полагавшихся на действовавший правовой режим.

Кроме того, сама конструкция «отмены принципа взаимного признания» представляется юридически некорректной. Взаимность не является институтом, который может быть «отменен» распоряжением Правительства. Она либо существует (подтверждается практикой взаимного признания судебных актов), либо отсутствует.

Попытка пересмотреть вступившее в законную силу определение о признании иностранного акта в связи с введением санкционных ограничений имела место и в деле № А40-119397/2011 [4]. В рамках данного производства Арбитражный суд г. Москвы еще в 2012 г. признал и привел в исполнение на территории Российской Федерации Решение Суда по Патентам Канцлерского отделения Высокого суда правосудия Англии и Уэльса от 29 октября 2009 г. по делу № HC07C02417, а также ряд приказов английских судов о взыскании судебных издержек.

Спустя более десяти лет ответчик обратился в АС г. Москвы с заявлением о пересмотре определения 2012 г. по новым обстоятельствам, ссылаясь на принятие Великобританией нормативного акта The Russia (Sanctions) (EU Exit) Regulations 2019, которым, по его утверждению, вводится запрет на оказание юридических услуг в рамках санкционной программы против России. Заявитель указывал, что санкции лишают его возможности получить юридическую помощь в Великобритании, нарушая право на судебную защиту и противореча публичному порядку РФ. В подтверждение он представил сведения об обращениях в 30 английских юридических компаний, которые отказались представлять его интересы. Суд отметил политический, а не правовой характер доводов, исключающий применение аналогии закона, и сослался на принцип правовой определённости: пересмотр окончательного акта возможен лишь при условии, что новые доказательства могли бы повлиять на исход дела, а заявитель обосновал невозможность их представления ранее. В рассматриваемом случае ни одно из этих условий соблюдено не было.

Отказ суда в пересмотре определения 2012 г. по новым обстоятельствам представляется юридически обоснованным и соответствующим принципу правовой определенности (res judicata). В отличие от подхода, избранного Четвертым кассационным судом общей юрисдикции в вышеупомянутом деле. Суд справедливо указал, что санкционные ограничения, даже если они объективно затрудняют доступ к иностранной юридической помощи, не могут служить основанием для ретроспективного пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу за много лет до введения таких ограничений. Такой вывод видится логичным.

Следующим проявлением влияния санкционных ограничений на процесс признания иностранных актов является отказ в признании в связи с тем, что арбитр, вынесший решение, или арбитражное учреждение, в котором рассматривается спор, относятся к недружественным юрисдикциям. Правоприменительная практика отчетливо делится на две категории. Первая – многочисленные отказы по формальным основаниям (ненадлежащее извещение, публичный порядок, неарбитрабельность, компетенция). Вторая –положительные решения, которые выносятся преимущественно в отношении судебных актов из государств СНГ. Однако для целей настоящей работы нас будет интересовать практика, которая касается решений судов недружественных государств и потому хорошо иллюстрирует проявление влияния санкций на процесс признания иностранных актов.

Примечательный вывод содержится также в Определении АС Ростовской области от 11.02.2026 по делу № А53-32564/2025, оставленным без изменения в кассационной инстанции [5]. Суд отказал в признании решения единоличного арбитра Сингапурской палаты морского арбитража (SCMA), сославшись на то, что введение ограничительных мер в отношении российских лиц «поражает их в правах как минимум репутационно» и ставит в неравное положение. Суд счел, что рассмотрение спора на территории государства, применившего санкции и включенного в Перечень 430-р, порождает неустранимые сомнения в беспристрастности арбитра. Разумеется, по мнению суда, имело место нарушение публичного порядка, так как спор рассмотрен на территории иностранного государства, применившего ограничительные меры, включенного в Перечень 430-р, поэтому есть сомнения в беспристрастности суда. Однако изучив решение суда первой и кассационной инстанций не удалось найти в актах обоснования,

как именно наличествующие санкции повлияли на ограничение доступа российской компании к правосудию. Не было и указания на ненадлежащее извещение о процессе, в решении упомянуто, что ответчик направлял документы по почте, то есть представлял процессуальные позиции. Скорее всего, даже само по себе очное участие и отсутствие оспаривания компетенций вряд ли преодолело бы аргумент о формальной презюмируемой пристрастности арбитра из недружественного государства в споре, рассматриваемом на территории недружественного государства.

В Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 12.05.2025 № Ф05-5462/2025 по делу № А40-118242/2024 отказ в признании был признан правомерным в связи с тем, что компания-заявитель прекратила деятельность в Российской Федерации [6]. Суд установил, что услуги группы компаний СИТА имели системообразующее значение как для глобальной гражданской авиации, так и для российской авиационной отрасли, непосредственно влияя на безопасность и бесперебойность авиаперевозок. Прекращение их предоставления вынудило российских участников отрасли в кратчайшие сроки переходить на альтернативные сервисы, что сопровождалось значительными финансовыми потерями. В этих условиях суд признал, что рассмотрение данного спора затрагивает публичный порядок Российской Федерации. Не было учтено даже то, что взыскатель был российским юридическим лицом, которому было уступлено право требования – в этом суд усмотрел обход требований российского законодательства.

Обобщение сложившейся практики было дано Верховным Судом РФ в Тематическом обзоре № 8/2026, утвержденном Президиумом ВС РФ 17 июня 2026 г. [7]. В п. 19 Обзора установлено, что при рассмотрении ходатайства о признании арбитражного решения, вынесенного на территории «недружественного» государства, суд обязан проверить его на соответствие публичному порядку Российской Федерации. При этом презюмируется отсутствие беспристрастности и объективности у арбитров, являющихся гражданами недружественных стран. Отсюда можно сделать вывод, что теперь стороны будут склоняться не к оговоркам в пользу арбитражей, а стремиться разрешать спор в государственном суде или назначать арбитров исключительно из дружественных юрисдикций, что не так-то просто, учитывая, что в Перечень 430-р включены наиболее популярные для гражданства арбитров государства-члены ЕС и Великобритания.

Думается, что суд при рассмотрении заявлений о признании иностранных актов должен руководствоваться объективными критериями. Например, устанавливать, действительно ли препятствия для участия в иностранном процессе были непреодолимы для ответчика-российской компании; был ли он надлежаще извещен. Исходя из анализа практики можно сделать вывод, что российские компании довольно часто участвуют в иностранных процессах, обеспечивают явки представителей в заседания, участвуют в процедуре назначения арбитров в рамках производства в арбитражных учреждениях, представляют позиции – то есть находят способы обеспечивать надлежащее для целей объективности процесса участие. Отсюда возникает закономерная необходимость устанавливать непосредственное влияние существующих ограничений на невозможность участия в иностранных процессах.

Еще одним проявлением влияния санкционных ограничений на судебную практику стало увеличение числа так называемых антисьютов (anti-suit injunctions) – антиисковых запретов. В России в 2020 г. в АПК РФ были введены нормы 248.1, 248.2. Указанные нормы, известные в доктрине как «закон Лугового», установили правило об исключительной компетенции российских арбитражных судов по спорам с участием лиц, в отношении которых иностранными государствами введены меры ограничительного характера, и предоставили таким лицам право требовать запрета на разбирательство в иностранных судах и международных коммерческих арбитражах. Однако для целей настоящего исследования нас больше интересуют антиисполнительские запреты (anti-enforcement injunction). Несмотря на то, что в норме ст. 248.2. АПК РФ прямо не указано на возможность обращаться в российский суд с заявлением об установлении запрета на приведение в исполнение иностранных актов, вынесенных или потенциальных, против российских лиц, такая практика начала активно применяться с 2022 г.

В научной литературе высказываются и иные точки зрения относительно пределов действия ст. 248.2 АПК РФ. Так, А.В. Зотов обращает внимание на то, что запрет арбитража, предусмотренный российским правом, не тождественен запрету на исполнение арбитражного решения [8].

В качестве примера наложения мер в виде антиисполнительских запретов можно привести дело по заявлению ООО «Гугл». В Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 02.02.2026 № Ф05-22578/2025 по делу № А40-189091/2025 был установлен запрет Google Ireland Limited (Ирландия) на приведение в исполнение решений по итогам рассмотрения споров в Американской арбитражной ассоциации [9]. Возражая против заявленных требований, ответчик указывал на отсутствие в ст. 248.2 АПК РФ механизма, который бы прямо запрещал приведение в исполнение решений иностранных судов или арбитражей в любой юрисдикции. Однако суд первой инстанции отклонил данный довод, указав, что, что способ защиты в виде запрета на инициацию дел о приведении судебных актов иностранного суда или международного арбитража в исполнение на территории иностранных государств полностью соответствует целям и смыслу применения статьи 248.2 АПК РФ, поскольку не даст возможность иностранному лицу привести в исполнение судебный акт иностранного суда, принятый в отсутствие компетенции рассматривать соответствующий спор, на территории иностранных государств.

АС Северо-Западного округа в Постановлении от 29.01.2025 № Ф07-17406/2024 по делу № А56-90971/2024 также счел обоснованным наложение на Дойче Банк Акциенгезелльшафт запрета получать и приводить в исполнение в любом государстве любые арбитражные (третейские) решения, полученные в рамках дела № 28018/GL в Международном арбитражном суде при Международной торговой палате или любых иных судов и арбитражей (третейских судов) за исключением судов Российской Федерации, полученные в нарушение исключительной компетенции российских судов против ООО «Русхимальянс» [10]. Отсутствие прямого указания на возможность таких запретов в ст. 248.2 не помешало суду установить запрет, обосновав это тем, что стадия исполнения судебного акта является неотъемлемой частью процесса (и основным интересом заявителя, как было отмечено ранее), а антисанкционное законодательство строится на принципе взаимности. Это означает, что введение иностранными государствами ограничительных мер в отношении России, ее юридических и физических лиц предполагает возможность аналогичного ответа со стороны Российской Федерации.

Интересным в этой связи является Определение Конституционного Суда РФ от 14.10.2025 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новицкого Евгения Григорьевича на нарушение его конституционных прав статьями 248.1. и 248.2. Арбитражного процессуаль-

ного кодекса Российской Федерации» [11]. В данном документе КС РФ допустил, что запрет приведения в исполнение судебных актов допустим по ст. 248.2 АПК РФ, но так как затрагивает права других лиц, судам следует учитывать все обстоятельства конкретного спора, включая влияние соответствующих экстраординарных обстоятельств на лицо, инициирующее применение запретительных мер, и его процессуального оппонента, добросовестность поведения сторон и последствия принятого по спору решения, а также порядок его возможного исполнения.

Санкционные режимы существуют не только в России, но и в иных юрисдикциях. Соответственно, и влияние на процесс признания решений они не могут не оказывать.

Что касается запретов исполнять решения, то и английские суды не остались в стороне и активно поддерживают практику так называемых антиисполнительских запретов. В мае 2026 Высокий суд Лондона оставил в силе запреты на исполнение решений по заявлению банков группы GP Morgan против ВТБ. Суд сделал вывод, что принятие запрета было оправдано, так как степень вежливости, которую должен проявлять английский суд к иностранному суду зависит от основания компетенции этого суда. В данном случае основанием компетенции выступают антисанкционные законы, потому и о вежливости речи идти не может. Еще одним громким делом стало дело *Google LLC & others v Tsargrad Media & others [2025] EWHC 94 (Comm)* [12]. Российские медиакомпании получили в российских судах решения против Google с астрономическими астрентными штрафами за блокировку YouTube-каналов. Английский суд выдал анти-исполнительский запрет, указав, что российские решения были получены с нарушением арбитражных и пророгационных соглашений, а суммы штрафов носят «экстравагантный и карательный характер» и не имеют отношения к какой-либо компенсационной мере.

В свою очередь, голландские суды сочли себя некомпетентными запрещать российской компании Русхимальянс исполнять решение АС Санкт-Петербурга и Ленинградской области, вынесенное против компании Linde Holdings Netherlands No. 3 B.V. [13]. В решении суд также выразил сомнения относительно самой возможности запрещать исполнение решений иностранных судов.

Относительно признания актов российских судов в Европейском Союзе стоит упомянуть, что в декабре 2024 в Регламент ЕС № 833/2014 была добавлена статья 11c, согласно которой судебный запрет или иное решение суда, вынесенное в соответствии со статьями 248.1 и 248.2 АПК РФ (или аналогичными российскими положениями) или на их основании, «не подлежит признанию, исполнению или приведению в исполнение в государстве – члене ЕС» [14]. В феврале 2025 Швейцария присоединилась к статье 29d Регламента № 833/2014, которая также запрещает признание, реализацию и приведение в исполнение в Швейцарии таких решений. Указанные положения должны быть применены даже несмотря на существование у того или иного государства действующего двустороннего договора о правовой помощи с Россией, по которому существует обязанность признавать судебные акты друг друга.

В мае 2025 года Высший земельный суд Штутгарта (OLG Stuttgart) отказал в признании решения МКАС при ТПП РФ. Суд указал, что исполнение решения, обязывающего немецкую компанию к выплате аванса по контракту на поставку оборудования, нарушало бы санкции ЕС и, следовательно, противоречило бы германскому публичному порядку. Аналогичную позицию занял и Высший земельный суд Франкфурта-на-Майне (OLG Frankfurt) в июне 2025 (дело № 26 Sch 12/24), отказав в признании российского арбитражного решения о возврате аванса за поставку полимерных сплавов, также сославшись на нарушение санкций ЕС [15].

В рамках исследования вопроса влияния санкционных мер на процесс признания иностранных актов в различных юрисдикциях были изучены также Китай и США. Стоит отметить, что в настоящий момент тенденция влияния санкций на процесс признания в указанных юрисдикциях не выявлена.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что санкционные ограничения стали значимым фактором трансформации института признания иностранных решений в России и иных юрисдикциях. Российская судебная практика последовательно идет по пути ужесточения: публичный порядок толкуется расширительно, а отказы в признании зачастую основаны на самом факте принадлежности арбитра или арбитражного учреждения к недружественной юрисдикции. Для сохранения предсказуемости международного правосудия представляется необходимым ограничительное толкование публичного порядка, недопустимость придания политическим решениям обратной силы и выработка единых стандартов признания иностранных решений, свободных от политической конъюнктуры.

Литература

1. Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О специальных экономических мерах и принудительных мерах». Российская газета, № 1, 10.01.2007.
2. Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 11. – Ст. 1748.
3. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 21.05.2024 по делу № 88-14095/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 14.11.2025 по делу № А40-119397/2011 // Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс] доступен по URL: https://kad.arbitr.ru/DocumeNt/Pdf/ae681d7b-7ed9-4b1a-a89b-e4f3ffae8240/9c9c04dc-9834-406f-a448-a39fb3d70904/A66-3611-2016_20171204_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 20.06.2026).
5. Определение Арбитражного суда Ростовской области от 11.02.2026 по делу № А53-32564/2025 // Картотека арбитражных дел [Электронный ресурс] доступен по URL: https://kad.arbitr.ru/Card/4d788ddb-1a59-43c4-99c1-80e6a9553bb4.
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.05.2025 № Ф05-5462/2025 по делу № А40-118242/2024 // СПС КонсультантПлюс.
7. Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 8/2026 “О применении Арбитражными судами законодательства о специальных экономических мерах, предусмотренных в целях защиты национальных интересов Российской Федерации” (утв. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2026 г. № 11А/2026). // СПС Гарант.
8. Зотов А.В. Значение определения российского государственного суда о запрете инициирования и продолжения арбитража в порядке ст. 248.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ для международного коммерческого арбитража // Вестник гражданского процесса. 2023. № 3. С. 104 - 133.
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.02.2026 № Ф05-22578/2025 по делу № А40-189091/2025 // СПС КонсультантПлюс.

10. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.01.2025 № Ф07-17406/2024 по делу № А56-90971/2024 // СПС КонсультантПлюс.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 14.10.2025 № 2615-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Новицкого Евгения Григорьевича на нарушение его конституционных прав статьями 248.1 и 248.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
12. Judgment of the High Court of Justice of England and Wales [2025] EWHC // https://jusmundi.com/fr/document/decision/pdf/en-google-llc-and-google-ireland-limited-v-ano-tv-novosti-nao-tsargrad-media-and-no-fond-pravoslavnogo-televideniya-judgment-of-the-high-court-of-justice-of-england-and-wales-2025-ewhc-94-tuesday-7th-january-2025#9#3
13. J.P. Morgan Securities PLC and others v. VTB Bank PJSC [2026] EWCA Civ 456 (12 May 2026) // URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2026/589.pdf (дата обращения: 27.06.2026).
14. Регламент Европейского Союза № 833/2014 [Электронный ресурс] доступен по URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/833/2025-07-20/eng (дата обращения: 21.06.2026).
15. German Arbitration Digest // https://www.disarb.org/fileadmin/user_upload/WisseNo/GAD/2025/GAD_2025-25_OLG_Frankfurt_26_Sch_12-24.pdf#1#1

The Impact of Sanctions on the Recognition and Enforcement of Foreign Judicial and Arbitral Awards: A Comparative Legal Analysis

Zvecharovskaya E.I.
National Research University Higher School of Economics (HSE)

This article examines the transformation of the recognition of foreign judicial and arbitral awards under the influence of sanctions restrictions in various legal systems. The analysis covers three key areas: the review of judicial decisions under new circumstances when a state is included on the list of "unfriendly" states, the expanded application of public policy as a basis for refusing recognition, and the practice of anti-enforcement injunctions. The empirical basis of the study consists of judicial decisions from Russia, Germany, Great Britain, and the Netherlands. Of particular interest is the Russian approach, within which decisions in favor of foreign persons from unfriendly states can be recognized as contrary to public policy. The author concludes that public policy should be interpreted restrictively, that retroactive application of political decisions is inadmissible, and that the presumption of bias of arbitrators based on their citizenship is unfounded.

Keywords: sanctions, recognition and enforcement of foreign judgments, public policy, anti-suit injunction, anti-enforcement injunction, unfriendly states, review of judicial acts based on new circumstances, international commercial arbitration.

References

1. Federal Law of 30.12.2006 No. 281-FZ (as amended on 15.12.2025) "On Special Economic Measures and Coercive Measures." Rossiyskaya Gazeta, No. 1, 10.01.2007.
2. Order of the Government of the Russian Federation of 05.03.2022 No. 430-r "On Approval of the List of Foreign States and Territories Committing Unfriendly Acts against the Russian Federation, Russian Legal Entities, and Individuals" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 11. – Art. 1748.
3. Determination of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated May 21, 2024 in case No. 88-14095/2024 // SPS "ConsultantPlus".
4. Determination of the Arbitration Court of Moscow dated 14.11.2025 in case No. A40-119397/2011 // Arbitration Case File [Electronic resource] is available at the URL: https://kad.arbitr.ru/DocumeNot/Pdf/ae681d7b-7ed9-4b1a-a89b-e4f3ffae8240/9c9c04dc-9834-406f-a448-a39fb3d70904/A66-3611-2016_20171204_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (date of access: 20.06.2026).
5. Determination of the Arbitration Court of the Rostov Region dated February 11, 2026, in case No. A53-32564/2025 // Arbitration Case File [Electronic resource] available at the URL: https://kad.arbitr.ru/Card/4d788ddb-1a59-43c4-99c1-80e6a9553bb4.
6. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated May 12, 2025, No. F05-5462/2025, in case No. A40-118242/2024 // SPS ConsultantPlus.
7. Thematic Review of the Supreme Court of the Russian Federation No. 8/2026 "On the Application by Arbitration Courts of Legislation on Special Economic Measures Provided for the Purpose of Protecting the National Interests of the Russian Federation" (approved by the Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 17, 2026 No. 11A/2026). // SPS Garant.
8. Zotov A.V. The Significance of the Ruling of the Russian State Court on the Prohibition of Initiation and Continuation of Arbitration in Accordance with Article 248.2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation for International Commercial Arbitration // Bulletin of Civil Procedure. 2023. No. 3. Pp. 104-133.
9. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 02.02.2026 No. F05-22578/2025 in case No. A40-189091/2025 // SPS ConsultantPlus.
10. Resolution of the Arbitration Court of the Northwestern District dated 29.01.2025 No. F07-17406/2024 in case No. A56-90971/2024 // SPS ConsultantPlus.
11. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 14, 2025 No. 2615-O “On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Evgeny Grigorievich Novitsky regarding the violation of his constitutional rights by Articles 248.1 and 248.2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation” // SPS ConsultantPlus.
12. Judgment of the High Court of Justice of England and Wales [2025] EWHC // https://jusmundi.com/fr/document/decision/pdf/en-google-llc-and-google-ireland-limited-v-ano-tv-novosti-nao-tsargrad-media-and-no-f ond-pravoslavnogo-televideniya-judgment-of-the-high-court-of-justice-of-england-and-wales-2025-ewhc-94-tuesday-7th-january-2025#9#3
13. J.P. Morgan Securities PLC and others v. VTB Bank PJSC [2026] EWCA Civ 456 (12 May 2026) // URL: https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2026/589.pdf (date of access: 27.06.2026).
14. Regulation (EU) No. 833/2014 [Electronic resource] available at URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/833/2025-07-20/eng (date of access: 21.06.2026).
15. German Arbitration Digest // https://www.disarb.org/fileadmin/user_upload/WisseNo/GAD/2025/GAD_2025-25_OLG_Frankfurt_26_Sch_12-24.pdf#1#1

Соотношение «эффективной юрисдикции» и расчета государственной пошлины при экзекватуре арбитражных решений в РФ

Левичев Артём Сергеевич
Помощник юриста, Stonebridge Legal; студент, факультет права, НИУ ВШЭ, as.levichev.work@gmail.com

Настоящая работа посвящена проблеме соотношения концепции «эффективной юрисдикции» и изменений метода расчета государственной пошлины при признании и приведении в исполнение решений международных коммерческих арбитражей в России. В исследовании автором анализируются вопросы симбиоза указанных концепций в контексте принципа *pro-enforcement bias* и проблемы доступа к правосудию. На основе практик как российских, так и зарубежных судов автором делаются выводы о положительных и отрицательных сторонах подходов к регулированию рассматриваемых институтов в России, а также выдвигаются собственные идеи по доработке таких подходов.
Ключевые слова: арбитраж, признание и приведение в исполнение арбитражных решений, эффективная юрисдикция, государственная пошлина.

На протяжении десятилетий международный коммерческий арбитраж выступает в качестве ключевого механизма разрешения трансграничных коммерческих споров, предлагая сторонам зачастую несвойственную государственным судам гибкость, нейтральность, конфиденциальность, а также профессионализм арбитров. Однако подлинная ценность арбитражного разбирательства раскрывается, скорее, не на стадии вынесения арбитрами решения, а при процедуре признания и приведения в исполнение (или так называемая «экзекватура» [1]) такого решения. Именно на этом этапе, равно как и в случае с процедурой отмены, изначально делокализованное арбитражное решение сталкивается с особенностями национального правопорядка страны признания и фактически становится частью правопорядка государства-места признания.

1. Условия признания и приведения в исполнение как отдельная проблема экзекватуры арбитражных решений

Большая часть научной дискуссии в части признания и приведения в исполнение арбитражных решений, стоит признать, вполне оправданно строится вокруг вопросов интерпретирования и применения оснований для отказа в признании и приведении в исполнение из ст. V Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, принятой в Нью-Йорке в 1958 году (далее — **Нью-Йоркская конвенция**) [2]. Вместе с тем научная дискуссия, видимо, почти полностью игнорирует проблематику коммерческого предназначения процедуры экзекватуры какого бы то ни было арбитражного решения — получение чужих активов, изначально недоступных взыскателю из-за юрисдикционных барьеров [3].

И, как ни странно, большинство юрисдикций в той или иной степени создали подобные барьеры, которые выразились не только в уже упомянутом вольном толковании оснований отказа в признании и приведении в исполнение из ст. V Нью-Йоркской конвенции, но и в институте, который часто именуется *условиями признания и приведения в исполнение*, то есть формальными требованиями, которые должны быть соблюдены для того, чтобы заявление об экзекватуре было рассмотрено по существу судом государства-места экзекватуры [4]. К таким требованиям традиционно относимы указанные в ст. IV Нью-Йоркской конвенции обязанности заявителя экзекватуры предоставить 1) надлежащим образом заверенное подлинное арбитражное решение (или заверенную копию), 2) подлинное арбитражное соглашение (или заверенную копию), 3) перевод указанных документов на язык государства-места экзекватуры. Тем не менее данный список нельзя признать исчерпывающим: так, в любом (так как не было обнаружено обратное) государстве при признании и приведении в исполнение взимается государственная пошлина, чаще всего, стоит отметить, носящая символический характер, а также существуют иные формальные барьеры, о которых будет вестись речь далее.

Допустимы ли такие условия с точки зрения Нью-Йоркской конвенции? Формально, да, поскольку с точки зрения указанной конвенции государства не берут на себя обязательства отказываться добавлять какие-либо «условия признания и приведения в исполнение»: в Нью-Йоркской

конвенции лишь декларируется, что при признании и приведении в исполнение не должны применяться существенно более обременительные условия или более высокие пошлины или сборы, чем те, которые существуют для признания и приведения в исполнение внутренних решений (ст. III Нью-Йоркской конвенции). Аналогичным образом рассуждают, например, В.Н. Мельников и А.В. Копытин в рамках комментария к ст. III Нью-Йоркской конвенции в комментарии под редакцией Р.О. Зыкова, приходя к выводу о том, что разработчиками конвенции было принято решение оставить вопросы регулирования процедуры признания и приведения в исполнение арбитражных решений на усмотрение законодателей из договаривающихся государств [5].

Однако в таком случае логичен вопрос: если условия признания и приведения в исполнение вполне допустимы с точки зрения Нью-Йоркской конвенции, то как они соотносимы с принципом *pro-enforcement bias* и могут ли они создать проблемы в доступе к правосудию? Для целей анализа мы рассматриваем 2 таких условия в их совокупности — «эффективную юрисдикцию» и уже упомянутую государственную пошлину за заявление о признании и приведении в исполнение.

2. «Эффективная юрисдикция» в процессуальном и международном частном праве России

В строгом смысле этого слова «эффективная юрисдикция» оформилась в России еще в 2017 году после опубликования Постановления Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 [6], в п. 31 которого впервые и появился соответствующий институт: он обозначает юрисдикцию, в которой обеспечительные меры государственного суда могут быть быстро и надлежащим образом исполнены. На данный момент он содержится в п. 49 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 [7]. В качестве примеров эффективной юрисдикции из того же пункта пленума выводятся: 1) юрисдикция места нахождения должника, 2) юрисдикция места нахождения его активов, подлежащих аресту по обеспечительным мерам. И, скорее всего, эта, казалось бы, не связанная с экзекватурой концепция так бы и оставалась относима только к Главе 8 АПК РФ, посвященной обеспечительным мерам в арбитражном процессе, если бы не громкое дело «*Татнефть против Украины*» (№ А40-67511/2017), имевшее место в 2017 году [8] (стоит отметить, впрочем, что оно не было первым [9]). В нем заявитель (Татнефть) обратился в суд с заявлением о признании и приведении в исполнение решения инвестиционного трибунала *ad hoc* (место арбитража — Франция) и указал, что на территории России у должника (Украины) есть посольство и консульство, которые рассматривались им как активы для последующего взыскания. Однако Арбитражный суд города Москвы не согласился с такой позицией: во-первых, посольство и консульство были переданы должнику в силу Венских конвенций 1961 и 1963 годов о дипломатических и консульских сношениях соответственно, а потому они пользуются иммунитетом и не могут быть обращены к взысканию. Аналогичное было справедливо еще для нескольких помещений, переданных в силу двусторонних договоров. Во-вторых, и это следует из первого умозаключения суда, заявитель не представил доказательства наличия у должника иных активов на территории России (что, очевидно, отсылает к его обязанности по доказыванию такого факта). И, наконец, в-третьих, у российского суда нет «эффективной юрисдикции», поскольку формально у должника нет ни представительства, ни активов на территории РФ, а потому производство по делу подлежит прекращению по ст. 150 АПК РФ. Впоследствии решение было частично отменено Арбитражным судом Московского округа из-за некорректности выводов суда первой инстанции о наличии у Украины юрисдикционного иммунитета [10], а позже было передано в Арбитражный суд Ставропольского края, поскольку у Украины было там имущество, однако формально позиция суда по вопросу эффективной юрисдикции «выжила» и упоминалась в новых актах [11].

Это, без сомнения, знаковое дело оставляет как у нас, так и у некоторых других исследователей [12] достаточно большое количество вопросов: например, почему суд в принципе ссылается на отсутствие активов должника, если, на первый взгляд, бремя их поиска (*asset tracing*) должно лежать на заявителе, который и будет нести риск того, что признанное по его заявлению решение нельзя исполнить? (В конце концов, сколько подобных примеров знает российская литигация, где, по данным ФССП, только 32,3% решений реально исполняется?[13]). Почему суд, ссылаясь на эффективную юрисдикцию, обратился к ч. 1 ст. 242 АПК РФ, посвященной, на первый взгляд, подсудности по делам о признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений? Ответы на эти и некоторые другие вопросы мы попробуем дать далее по ходу наших рассуждений.

Итак, в классическом понимании, данном в деле «*Татнефть против Украины*», эффективную юрисдикцию можно свести к формуле «нет доказанных активов — нет экзекватуры», поскольку суд в таком случае прекращает производство по делу по ст. 150 АПК РФ. В целом о схожем пишет, например, А. И. Бессонова, указывая на отсутствие смысла начинать судебный процесс, если впоследствии будет невозможно исполнить арбитражное решение [14]. Со своей стороны можем лишь добавить, что этот подход, в сущности, отражает достаточно редкое течение мысли, согласно которому именно суд, а не заявитель должен быть обеспокоен *фактической исполнимостью* решения [15], не ограничиваясь лишь формальным отсутствием оснований для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного решения из ст. V Нью-Йоркской конвенции.

Скорее всего, именно из-за общей нераспространенности такого понимания концепции фактической исполнимости решения, позже, уже в 2020 году подход был видоизменен уже на уровне СКЭС ВС РФ: так, в деле № А40-45916/2018 коллегия так же, как и АСгМ в 2017 году указала на концепт «эффективной юрисдикции» в ч. 1 ст. 242 АПК РФ, однако сформировала противоположный описанному подход, согласно которому именно суд, а не заявитель, должен занимать в этом вопросе проактивную позицию и исследовать наличие такой юрисдикции путем запросов в компетентные органы с целью поиска активов. То есть в описываемом акте маятник уже качнулся: теперь бремя доказывания лежит уже на самом суде, а все риски фактической исполнимости уже лежат на заявителе, как это обычно и предполагается в международной практике. Аналогичное можно увидеть в деле № А40-331510/2019, где АСгМ также опроверг ссылку третьего лица об отсутствии у иностранного должника активов на территории РФ, самостоятельно исследовав сведения из ЕГРЮЛ и найдя у него представительство в виде дочернего общества с уставным капиталом в 8 000 000 рублей [16].

Однако и этот подход не является финальным: так, в относительно недавнем деле № А46-14313/2022 Арбитражный суд Западно-Сибирского округа, отменяя определение о прекращении производства о признании и приведении в исполнение решения Специализированного межрайонного экономического суда г. Астаны, указал, что пусть эффективная юрисдикция как концепт имеет место, но «*достаточно установления судом вероятности нахождения имущества должника на территории Российской Федерации по итогам оценки представленных лицами, участвующими в деле, доказательств*» [17] для признания и приведения в исполнение решения.

В последующем схожий подход более не был применен, однако стоить отметить, что и исходный подход «*Татнефть против Украины*» также перестал встречаться на практике: на данный момент, последним примером его применения является Определение Арбитражного суда города Москвы от 26.04.2024 по делу № А40-30603/24-141-223, где суд прекратил производство по делу (ст. 150 АПК РФ), поскольку не был установлен факт наличия имущества должника или его представительства на территории РФ. Также ранее встречалась и практика, в рамках которой правовым последствием нарушения эффективной юрисдикции было не прекращение производства, а возвращение искового заявления [18].

У всех трех названных подходов есть общность в виде ссылок на ч. 1 ст. 242 АПК РФ. Как уже ранее было подсвечено, эта норма обычно понимается как отсылка на правила о территориальной подсудности по делам о признании и приведении в исполнение [19], но в данном случае суды видят в ней именно «эффективную юрисдикцию». И на первый взгляд это действительно может показаться так, однако мы все склонны считать, что в статье по смыслу, придаваемому ей практикой, вряд ли имелась в виду только подсудность: во-первых, если это действительно норма о подсудности, то в силу п. 3 ч. 2 ст. 39 АПК РФ дело должно быть передано на рассмотрение компетентного суда, однако практика принципиально игнорирует этот аспект и применяет другое последствие — прекращение производства (ст. 150 АПК РФ). Во-вторых, если бы законодатель действительно хотел бы решить вопрос подсудности, а не пытался бы поставить признание и приведение в исполнение в зависимости от наличия активов, то он бы сделал ст. 242 АПК РФ аналогичной ст. 245.1 АПК РФ, посвященной контрэкзекватуре декларативных решений, где указал в качестве альтернативы судам по месту представительства или активов АСгМ на случай, если представительства или активов нет. В случае же ст. 242 АПК РФ умолчание про альтернативную подсудность АСгМ, как это следует из правоприменительной практики самого АСгМ, приведенной выше, — квалифицированное умолчание.

Таким образом, результируя сказанное, фактически, в России существует как минимум 3 подхода к пониманию концепции эффективной юрисдикции, связанных с 1) обязанностью заявителя доказывать таковую, 2) обязанностью суда ее исследовать, либо же 3) достаточно лишь установления вероятности наличия таковой юрисдикции. При этом интересно, что на самом деле в зарубежных правопорядках в большинстве случаев такого условия не наблюдается [20]. Движется ли Россия в сторону таких правопорядков? На наш взгляд, да, но с достаточно серьезной оговоркой, к которой мы вернемся, предварительно введя другую проблематику — недавнее изменение методики расчета государственной пошлины.

3. Проблематика смены методики расчета государственной пошлины за признание и приведение в исполнение арбитражных решений

Вторым элементом анализируемой проблемы выступает финансовый барьер, беспрецедентно возросший в рамках российской юрисдикции. До вступления в силу 8 сентября 2024 года громкой реформы, связанной с принятием Федерального закона от 08.08.2024 № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» и существенно увеличившей государственные пошлины, плата за признание и приведение в исполнение как за рассмотрение заявлений об экзекватуре (как и об отмене арбитражных решений) была фиксированной и составляла символические для такой категории дел 3 000 рублей (пп. 13 п. 1 ст. 333.21 НК РФ в недействующей редакции от 22.07.2024). Это мало чем отличалось от аналогичных по размеру пошлин правопорядков, где государственная пошлина за экзекватуру также не создавала крайне незначительных ценовых барьеров и была, скорее, формальностью [21] (впрочем, не стоит забывать, что стоимость найма локальных консультантов с лихвой перебивала такие издержки и само по себе признание и приведение в исполнение всегда стоило дорого).

Тем не менее после указанной реформы Россия фактически отошла от указанного правила, поскольку теперь сумма государственной пошлины прогрессивна и рассчитывается как 30% (но не более 10 000 000 рублей) от суммы требований, удовлетворенных арбитрами по решению, на которое заявитель получает экзекватуру (пп. 13 п. 1 ст. 333.21 НК РФ в редакции от 08.08.2024 и позднее), что уже не свойственно ни одной из юрисдикций в мире, не считая КНР, но там всего от 0,1 до 1,5% от суммы требований [22]. Получается, что подачу заявления об экзекватуре решения можно было бы сравнить со «вторым иском», поскольку уплата пошлины в большинстве случаев будет явно несоразмерна общей сумме требований, в частности, по искам, эквивалентным суммам до 20 000 000 – 30 000 000 рублей, коих даже в самых крупных арбитражных центрах большинство (примерно 78% от всех исков [23]). Разумеется, неизбежно возникают вопросы о том, насколько это допустимо с точки зрения, например, вопросов доступа к правосудию, однако с позволения читателя мы оставим их на следующую часть исследования.

Подводя черту под сказанным, еще раз обратим внимание, что отечественный правопорядок переложил колоссальное фискальное бремя на участников арбитражного разбирательства, желающих получить экзекватуру, что является нетипичным для других юрисдикций и, на первый взгляд, вступает в противоречие с некоторыми фундаментальными юридическими принципами.

4. Between a Rock and a Hard Place: соотношение эффективной юрисдикции и государственной пошлины

Сама по себе высокая государственная пошлина — это, на самом деле, лишь часть беды: на наш взгляд, особенно остро ее противоречие как общепроцессуальным принципам, так принципам арбитража чувствуется, когда она рассматривается с уже упомянутой ранее проблемой различия подходов к эффективной юрисдикции.

Так, как уже говорилось ранее, в России пока не сформировался единый подход к пониманию эффективной юрисдикции. Более того, наблюдается тенденция к полному отходу от нее в уже рассмотренном Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.03.2024 по делу № А46-14313/2022. Соответственно, чисто гипотетически возможна ситуация, при которой как суд, так и заявитель будут надеяться на вероятность нахождения активов должника, однако эта вероятность по итогу не будет оправдана.

В случае с низкой пошлиной все достаточно просто: экономические потери минимальны, само решение уже признано, а значит, можно в теории просто попробовать признать решение в другой юрисдикции. При этом уже признанное в России могло бы, словно «чеховское ружье», быть очень уместно, если бы должник в последующем попытался, предположим, выйти на российский рынок. Однако в случае с высокой пошлиной заявитель, скорее, мог бы сравниваться уже с персонажем старухи у разбитого корыта из сказки А.С. Пушкина, поскольку в данном случае убытки от признания и приведения в исполнение решения, очевидно, колоссальны. Соответственно, можно сделать вывод, что вопреки принципу *pro-*

enforcement bias, который был отражен в ст. III Нью-Йоркской конвенции, в России постепенно создается некий противоположный режим, который, наоборот, способствует тому, чтобы, скорее, сократить количество заявлений об экзекватуре (условно назовем его *anti-enforcement bias*). Статистически это пока не получило должного отражения: так, по данным судебного департамента ВС РФ, за I полугодие 2024 года (до реформы) было подано 90 заявлений об экзекватуре, когда за аналогичный период в 2025 году — 85 заявлений, что лежит в рамках статистической погрешности [24].

Таким образом, получается, что очевидной отрицательной стороной выстроенного законодательного подхода является чрезмерная финансовая нагрузка на заявителя экзекватуры, создающая по итогу *anti-enforcement bias*, равно как и способная, соответственно, нанести ущерб в доступе к правосудию для части заявителей. Насчет последнего, стоит оговориться, что сама по себе финансовая невозможность оплатить участие в процессе обычно все же не считается нарушением принципа доступа к суду в широком смысле, однако фактически такое ограничение происходит, и нельзя закрывать на него глаза.

Но можно ли разглядеть плюсы такого подхода? Как ни странно, да: так, например, если взять за основу тот факт, что с ростом пошлины часть потенциальных заявителей перестанет пытаться взыскать в России какие-либо активы совсем, то по итогу отечественная юрисдикция станет на порядок более привлекательна для хранения зарубежными компаниями в ней активов, поскольку их взыскание тут будет более проблематично. С другой стороны, в таком случае будет фактически провалена фискальная функция реформы государственных пошлин от 8 сентября 2024 года.

5. Выводы и заключение

Подводя итог настоящему исследованию, необходимо констатировать: российский правопорядок в вопросах экзекватуры оказался в точке опасного системного парадокса, где фискальные интересы вступили в жесткое противоречие с правовой природой международного арбитража, поскольку фактически, в условиях, когда судебная практика колеблется между возложением на кредитора абсолютного бремени доказывания наличия активов и собственной проактивной ролью в их поиске, уплата пошлины в размере до 10 000 000 рублей превращается в лотерею с заведомо отрицательным математическим ожиданием. Это, очевидно, не может быть признано соблюдением принципа *pro-enforcement bias*.

Вместо этого, отечественное регулирование де-факто конструирует заградительный режим *anti-enforcement bias*. Кредитор, уже понесший колоссальные издержки на арбитраж, по итогу теряет стимул к легализации решения в РФ. Однако в этом можно усмотреть большой плюс в виде превращения отечественной юрисдикции в некую тихую гавань для должников, что все же не коррелирует с изначальной целью реформы государственных пошлин.

Выходом же из сложившегося тупика видится небольшая по своим масштабам законодательная корректировка. Во-первых, в налоговом праве целесообразно разделить экзекватуру на этапы: установить твердую невысокую пошлину за процедуру признания решения, а уплату пошлины в 30% суммы требований перенести исключительно на этап выдачи исполнительного листа (либо закрепить механизм ее частичного возврата). Во-вторых, будет также целесообразно закрепить в ст. 242 АПК РФ стандарт доказывания разумной вероятности нахождения имущества должника на территории России. Подобный баланс, на наш взгляд, позволит не отказываться от пополнения бюджета, сохранив при этом лояльность к международному арбитражу.

Литература

1. Лобода А.И. История и идейная основа Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года: проекты Международной торговой палаты и ЭКОСОС // Третейский суд. 2024. № 1/2. С. 92–97.
2. «Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» (Заключена в городе Нью-Йорке в 1958 году) // Вестник ВАС РФ. № 8. 1993.
3. Мельников В.Н., Копытин А.В. Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений в России и странах бывшего СССР / Т.Д. Аиткулов, Р.Э. Акрамов, М.А. Акчурина и др.; под ред. Р.О. Зыкова // М.: Арбитражная Ассоциация. 2019. С. 84–85.
4. Исполнение арбитражных решений с российским элементом за рубежом // Pravo.ru. 2025. URL: https://pravo.ru/story/260573/.
5. Мельников В.Н., Копытин А.В. Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений в России и странах бывшего СССР / Т.Д. Аиткулов, Р.Э. Акрамов, М.А. Акчурина и др.; под ред. Р.О. Зыкова // М.: Арбитражная Ассоциация. 2019. С. 83.
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 (ред. от 27.06.2017) «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» // Вестник ВАС РФ. № 12. декабрь, 2006.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом // Российская газета. № 144. 04.07.2017.
8. Определение Арбитражного суда города Москвы от 04.07.2017 по делу № А40-67511/17-29-659.
9. Определение Верховного Суда РФ от 14.10.2014 № 307-ЭС14-1887 по делу № А21-8191/2013.
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.08.2018 № Ф05-13000/2017 по делу № А40-67511/2017.
11. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21.06.2019 № Ф08-4119/2019 по делу № А63-15521/2018.
12. Amicus Curiae по делу А40-183971/2016. С. 4-6 // URL: http://kkplaw.ru/files/Amicus_Curiae_Supreme_Court.pdf.
13. Статистика взысканий по исполнительным производствам остается удручающей… // Либерфорд. 18.11.2025. URL: https://liberford.ru/all-events/tpost/ftf9b7n1f1-statistika-vziskanii-po-ispolnitelnim-pr.
14. Бессонова А.И. Эффективная юрисдикция при признании и приведении в исполнение решений иностранных арбитражей // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 12. С. 44–45.
15. Авдулова А.Е., Косцов В.Н. Обязанность вынести исполнимое решение в международном арбитраже: критический анализ // Журнал Высшей Школы Экономики по Международному праву. 2023. Т. 1. № 2. С. 7–9.
16. Определение Арбитражного суда города Москвы от 27.07.2020 по делу № А40-331510/19-143-2509.
17. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.03.2024 № Ф04-1519/2023 по делу № А46-14313/2022.
18. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 09.10.2017 № Ф01-4207/2017 по делу № А38-1384/2017.

19. Ярков В.В. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / 4-е издание, исправленное и переработанное / под ред. В.В. Яркова // Статут. 2020. Комментарий к статье 242.

20. Самойлов М.Н., Андреева Н.С. Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений в России и странах бывшего СССР / Т.Д. Аиткулов, Р.Э. Акрамов, М.А. Акчурина и др.; под ред. Р.О. Зыкова // М.: Арбитражная Ассоциация. 2019. С. 257–258.

21. Gaillard, E., Siino, B. Enforcement under the New York Convention // GAR. 2025. URL: https://globalarbitrationreview.com/guide/the-guide-challenging-and-enforcing-arbitration-awards/4th-edition/article/enforcement-under-the-new-york-convention.

22. China // GAR. 2025. URL: https://globalarbitrationreview.com/guide/the-guide-challenging-and-enforcing-arbitration-awards/4th-edition/article/china.

23. По числу международных исков МКАС традиционно опережает Лондон и Стокгольм // Pepeliaev Group. 2024. URL: https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles-comments-interviews/po-chislu-mezhdunarodnykh-iskov-mkas-traditsionno-operezhaet-london-i-stokgolm-natalya-prisekina-/.

24. Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными арбитражными судами, федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями // Судебный департамент при ВС РФ. 2025. URL: https://cdep.ru/index.php?id=5.

The interplay between "effective jurisdiction" and the calculation of state fee in the recognition and enforcement of arbitral awards in the Russian Federation

Levichev A.S.
NRU Higher School of Economics

This paper is devoted to the issue of the relationship between the concept of "effective jurisdiction" and the changes in the method of calculating state duties in the recognition and enforcement of international commercial arbitration awards in Russia. In the study, the author analyzes the issues of the symbiosis of these concepts in the context of the pro-enforcement bias principle and the problem of access to justice. Based on the practices of both Russian and foreign courts, the author draws conclusions regarding the positive and negative aspects of the approaches to regulating the considered institutions in Russia and also puts forward his own ideas for improving such approaches.

Keywords: arbitration, recognition and enforcement of arbitration awards, effective jurisdiction, state fee.

References

1. Loboda, A. I. (2024). History and Ideological Basis of the 1958 Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards: ICC and ECOSOC Drafts. *Treteyskiy sud [Arbitration Court]*, (1–2), pp. 92–97.
2. United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (Done at New York in 1958). (1993). *Vestnik VAS RF [Bulletin of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation]*, No. 8.
3. Melnikov, V. N., & Kopytin, A. V. (2019). Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in Russia and Former USSR Countries / T. D. Aitkulov, R. E. Akramov, M. A. Akchurina et al.; ed. by R. O. Zykov. Moscow: RAA, pp. 84–85.
4. Enforcement of arbitral awards involving a Russian element abroad. (2025). *Pravo.ru*. Available at: https://pravo.ru/story/260573/.
5. Melnikov, V. N., & Kopytin, A. V. (2019). Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in Russia and Former USSR Countries / T. D. Aitkulov, R. E. Akramov, M. A. Akchurina et al.; ed. by R. O. Zykov. Moscow: RAA, p. 83.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation No. 55 dated October 12, 2006 (as amended on June 27, 2017) "On the Application of Interim Measures by Arbitrazh Courts". (2006). *Vestnik VAS RF*, No. 12.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 23 dated June 27, 2017 "On the Consideration by Arbitrazh Courts of Economic Disputes Arising from Relations Involving a Foreign Element". (2017). *Rossiyskaya Gazeta*, No. 144.
8. Ruling of the Arbitrazh Court of the City of Moscow dated July 4, 2017 in Case No. A40-67511/17-29-659.
9. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 307-ES14-1887 dated October 14, 2014 in Case No. A21-8191/2013.
10. Resolution of the Arbitrazh Court of the Moscow District No. F05-13000/2017 dated August 2, 2018 in Case No. A40-67511/2017.
11. Resolution of the Arbitrazh Court of the North Caucasus District No. F08-4119/2019 dated June 21, 2019 in Case No. A63-15521/2018.
12. Amicus Curiae Brief in Case No. A40-183971/2016, pp. 4–6. Available at: http://kkplaw.ru/files/Amicus_Curiae_Supreme_Court.pdf.
13. Debt recovery statistics under enforcement proceedings remain dismal… (2025, November 18). *Liberford*. Available at: https://liberford.ru/all-events/tpost/ftf9b7n1f1-statistika-vziskanii-po-ispolnitelnim-pr.
14. Bessonova, A. I. (2021). Effective jurisdiction in the recognition and enforcement of foreign arbitral awards. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess [Arbitrazh and Civil Procedure]*, No. 12, pp. 44–45.
15. Avdulova, A. E., & Kostsov, V. N. (2023). The duty to render an enforceable award in international arbitration: a critical analysis. *HSE University Journal of International Law*, Vol. 1, No. 2, pp. 7–9.
16. Ruling of the Arbitrazh Court of the City of Moscow dated July 27, 2020 in Case No. A40-331510/19-143-2509.
17. Resolution of the Arbitrazh Court of the West Siberian District No. F04-1519/2023 dated March 1, 2024 in Case No. A46-14313/2022.
18. Resolution of the Arbitrazh Court of the Volgo-Vyatsky District No. F01-4207/2017 dated October 9, 2017 in Case No. A38-1384/2017.
19. Yarkov, V. V. (Ed.). (2020). *Commentary on the Arbitrazh Procedural Code of the Russian Federation (Itemized)* (4th rev. ed.). Moscow: Statut. Commentary to Article 242.
20. Samoylov, M. N., & Andreeva, N. S. (2019). Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in Russia and Former USSR Countries / T. D. Aitkulov, R. E. Akramov, M. A. Akchurina et al.; ed. by R. O. Zykov. Moscow: RAA, pp. 257–258.
21. Gaillard, E., & Siino, B. (2025). Enforcement under the NYC. *GAR*. Available at: https://globalarbitrationreview.com/guide/the-guide-challenging-and-enforcing-arbitration-awards/4th-edition/article/enforcement-under-the-new-york-convention.
22. China. (2025). *GAR*. Available at: https://globalarbitrationreview.com/guide/the-guide-challenging-and-enforcing-arbitration-awards/4th-edition/article/china.
23. "In terms of the number of international claims, the ICAC is traditionally ahead of London and Stockholm" (2024). *PG*. Available at: https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles-comments-interviews/po-chislu-mezhdunarodnykh-iskov-mkas-traditsionno-operezhaet-london-i-stokgolm-natalya-prisekina-/.
24. Judicial statistics on cases examined by federal arbitrazh courts, federal courts of general jurisdiction, and justices of the peace. (2025). *Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation*. Available at: https://cdep.ru/index.php?id=5.

Разграничение уголовно-правового и гражданско-правового регулирования имущественных отношений: постановка проблемы

Леонов Михаил Романович
аспирант, Дальневосточный федеральный университет,
leonov.mr@dvfu.ru

В статье исследуются вопросы соотношения уголовно-правового и гражданско-правового регулирования имущественных отношений. Акцентируется внимание, что в законодательстве и судебной практике отсутствуют критерии дифференции, что может привести к привлечению лица к уголовной ответственности за совершение того или иного гражданского правонарушения. Подчеркивается, что доктрина уголовного права в настоящий момент испытывает трудности с определением того, нормы каких отраслей права следует применять для воздействия на нарушителя и восстановления имущественной массы кредитора. Делается вывод о необходимости дифференцированного подхода в определении критериев соотношения.
Ключевые слова: мошенничество, деликт, правонарушение, соотношение мошенничества и деликта.

Основная часть

Отрасли права, представляя собой целостную систему объективного права государства, не могут существовать в разрыве друг от друга. Правовые категории зачастую имеют сложную правовую природу, т.к. регулируются несколькими отраслями с учетом особенностей, присущих каждой из них.

Уголовный кодекс Российской Федерации [1] (УК РФ) устанавливает и охраняет наиболее важные с точки зрения государства общественные отношения, закрепляя, какие конкретно деяния будут считаться общественно-опасными и признаваться преступлениями.

Гражданский кодекс Российской Федерации [2] (ГК РФ) имеет другую цель, заключающуюся в регулировании отношений частных субъектов, придавая обороту правовую определенность.

Несмотря на разные цели правового регулирования, зачастую одно и то же поведение субъектов может быть гипотезой норм и уголовного, и гражданского права.

На это же обращалось внимание еще в дореволюционной литературе. Так, например, И.М. Наумов обращал внимание на проблему определения границ между уголовной и гражданской «неправдами» [3]. Многие современные исследователи указывают, что необходимо провести разграничение между преступлениями и гражданскими деликтами [4, 5].

Так, в одной из самых актуальных за последнее время кандидатских диссертаций В.В. Александровой в качестве критериев разграничения автором предлагается использовать преступную цель и направленность умысла [6]. Приводя в качестве примеров различные составы УК РФ и анализируя исторический контекст, автор приходит к выводу, что поскольку преступная цель и направленность умысла существовали на всех исторических этапах развития законодательства и правовой науки, то допустимым является их выделение и в современных реалиях.

Позволим себе не согласиться с таким подходом и следующим из него выводом, что в УК РФ необходимо включить «штраф в пользу потерпевшего».

Приведенные автором примеры составов сами по себе не могут быть основой для классификации, поскольку во всех таких случаях мы вынуждены признать, что отправной точкой отграничения выступают нормы уголовного права. Использование в качестве аргументационного начала нормы уголовного права при любом их толковании приведет к необходимости «подчинения» им норм гражданского права.

Такой подход – подход подчинения – имел бы смысл, если бы мы рассматривали гражданское право с точки зрения его советской направленности – использования материальных норм для выполнения экономического плана. В таком ключе использовать нормы уголовного права для привлечения лица к ответственности допустимо для придания обороту дисциплинированности. Однако современное состояние права, равно как и подходы к материальному праву делают невозможным использование уголовных норм в приоритете, т.к. договорная дисциплина изменилась на свободу договора и в том числе на свободу осуществления прав для целей извлечения прибыли.

В сухом остатке мы имеем следующее – если установлена преступная цель и направленность умысла, то мы

считаем деяние уголовным преступлением. Однако установить это может только суд, рассматривая уголовное дело, или правоохранительные органы, расследующие уголовное дело. До этого момента может возникнуть приостановление деятельности бизнеса или применение в отношении лица иных мер пресечения.

В этом ли цель правового регулирования и не стоит ли нам находить более гибкие подходы, не зацикленные только на нормах УК РФ?

Телеологический подход приводит нас к выводу, что сущность уголовного права есть привлечение личности к ответственности, в то время как сущность гражданского права есть в том числе возмещение причиненного вреда правонарушением.

Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства и обеспечение благоприятных условий для их развития является одной из целей государственной политики Российской Федерации в области развития малого и среднего предпринимательства. На наш взгляд допустимо в качестве отправной точки использовать это утверждение для моделирования границ соотношения.

Для иллюстрирования обозначенной проблемы приведем следующий пример. Банк выдал Обществу кредит в размере 10 000 000 руб. Денежные средства в срок не были возвращены, обязательство заемщика исполнено не было.

С точки зрения уголовного закона мошенничество (ст. 159 УК РФ), в частности, представляет собой уголовно-наказуемое деяние, объективная сторона которого проявляется в хищении чужого имущества или приобретении права на него, совершаемом путем обмана или злоупотребления доверием. Для квалификации деяния в качестве мошенничества необходимо установить умысел лица, направленный на завладение чужим имуществом или приобретением права на него путем обмана или злоупотребления доверием.

С учетом разъяснений, содержащихся в абз. 1 п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 30.11.2017 №48 [7] (ПП ВС 48) деяние лица следует квалифицировать как мошенничество, если оно не намеревалось исполнить обязательство, связанное с условиями передачи имущества или права, а умысел возник до получения имущества или права на него.

Анализируя изложенное к приведенному примеру, можно сделать вывод, что если мошенничество происходит в форме заемных правоотношений, и лицо до приобретения имущества или право на него не намеревалось его возвращать, то это свидетельствует об умысле на хищение.

Получается, что в случае установления отсутствия намерения на возврат денежных средств, действия лица квалифицируются как мошенничество, что по смыслу УК РФ придает ему характеристику наиболее опасного для общества и личности деяния. В таком случае наказание назначается субъекту, что привносит в имущественный оборот, который был отправным началом, несвойственную ему черту – личную ответственность при условии, что сам по себе имущественный оборот направлен на восстановление имущественного положения потерпевшего субъекта.

Осложняет ситуацию «открытый» перечень доказательств наличия умысла, содержащийся в абз. 2 п. 4 ПП ВС 48, который не содержит родового понятия, что представляет риск дискреционного толкования этого разъяснения.

Таким образом руководители и участники Общества в приведенном примере могут быть привлечены к уголовной ответственности за деяние, содержащее все признаки мошенничества со ссылкой на то, что в момент заключения договора у Общества не было возможности вернуть переданные денежные средства, либо впоследствии оно отказывается их возвращать.

Если развивать высказанную В.В. Александровой мысль и использовать механизма «штрафа в пользу потерпевшего» в рассматриваемом деле, то это может привести к лаконичному выводу – если отношения лиц могут регулироваться гражданским правом и уголовным правом, то гражданское право следует вообще убрать из регуляторной системы, т.к. уголовное право подлежит наполнить собственными механизмами возмещения. Дефакто это может привести к полному вытеснение из системы регулирования имущественных отношений гражданского права в тех случаях, когда мы имеем дело с неисполнением или ненадлежащим исполнением договорных обязательств.

На риски такого подхода обратили внимание на XI Петербургском международном юридическом форуме, где спикерами была высказана точка зрения, что практика привлечения лиц к уголовной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств не соответствует задачам улучшения делового климата и повышения предпринимательской инициативности, что необходимо для экономического роста [8].

Полагаем, что такое замечание уместно и может олицетворяться следующим пояснением. Для лица, права которого были нарушены в результате неисполнения договорного обязательства контрагентом в целом вообще безразлично привлечение последнего к уголовной ответственности. Условия рыночной экономики и современное гражданское право представляет ему достаточный объем механизмов для восстановления своего нарушенного права.

Если в отношении лица, не исполнившего договорные обязательства, возбуждается уголовное дело, то при определенных ситуациях это может привести к парализации всего бизнеса, а также к определенного рода репутационным рискам. Очевидно, что не в этом заключалась цель правового регулирования и не такими средствами может быть достигнуто восстановление имущественной массы его кредитора.

Может показаться, что автор в таком подходе выступает за декриминализацию деяний, образующих составы мошенничества, хищения и иных преступлений против собственности. Абсолютно нет. Уголовные нормы, как и гражданские нормы выполняют единую цель – придание общественным отношениям определённости и предсказуемости. В действительности речь необходимо вести не о конкуренции, а о сосуществовании двух самостоятельных отраслей.

С точки зрения же гражданского права представленная выше ситуация может квалифицироваться, с одной точки зрения, как неисполнение должником обязательств, что повлечет за собой сохранение юридического факта (договора и передачи денежных средств) и понуждение должника к исполнению обязанности по возврату денежных средств.

Другая же точка зрения будет основываться на признании юридического факта (договора и передачи денежных средств) недействительной сделкой, как совершенной под влиянием обмана.

В обоих случаях важно отметить, что с точки зрения гражданского права такие сделки не будут являться сделками, противоречащими закону (ст. 168 ГК РФ). Более того, до момента признания сделки недействительной по основанию ст. 179 ГК РФ она будет являться действительной, т.к. это оспоримая сделка (ст. 166 ГК РФ).

С учетом того, что субъекты гражданского права осуществляют свои права (в нашем случае право на выбор способа защиты) своей волей и в своем интересе, то у

Банка существует несколько способов защиты нарушенного права, каждый из которых является надлежащим постольку, поскольку субъекты частного права сами выбирают способ защиты нарушенных прав.

Отметим отдельно, что с точки зрения экономического анализа права Банку будет выгоднее не признавать сделку недействительной на основании ст. 178, 179 ГК РФ, а взыскивать денежные средства по действительной сделке, т.к. при признании сделки недействительной проценты по договору взысканию не подлежат, а категория «убытки» не охватывает своим содержанием категорию «проценты за пользование денежными средствами».

Взыскивая денежные средства по действительной сделке, он сможет получить как сумму долга, так и проценты за пользование денежными средствами, указанными в договоре.

Изложенная ситуация свидетельствует, что в зависимости от представленного потерпевшей стороне способа защиты нарушенного права, последняя вправе самостоятельно либо заявить в правоохранительные органы о факте совершения преступления, что впоследствии может быть основанием привлечения контрагента к уголовной ответственности, либо подать исковое заявление о взыскании денежных средств, что будет основанием для привлечения к гражданско-правовой ответственности.

Из этого на наш взгляд следует сделать вывод не о приоритете, а о соотношении норм, при которых отсутствует приоритет уголовных норм над гражданскими, а две отрасли права выполняют самостоятельные функции – карательную и восстановительную.

Однако здесь мы опять вернемся к проблеме, попытки решения которой предлагаются уже несколько сотен лет – каковы критерии разграничения и могут ли они вообще существовать.

В качестве иллюстрации проблем соотношения приведем пример из судебной практики ВАС РФ[9].

По иску Банка с Общества были взысканы денежные средства по кредитному договору, в т.ч. основной долг, проценты за пользование и санкции.

Приговором районного суда бывший руководитель Общества был привлечен к уголовной ответственности по ст. 176 УК РФ, с него в пользу Банка в порядке ст. 1064 ГК РФ взысканы денежные средства по кредитному договору, в т.ч. основной долг, проценты за пользование и санкции.

Общество обратилось в суд с заявлением о пересмотре судебного акта, по которому с Общества в пользу Банка взысканы денежные средства, полагая, что произошла ситуация двойного обогащения Банка, т.к. аналогичные суммы им были взысканы и с Общества, и с его бывшего руководителя.

Коллегия судей ВАС РФ поддержала нижестоящие инстанции и отказала Обществу в удовлетворении заявления о пересмотре дела.

В рассматриваемом случае очевидно, что коллизия отраслей, а именно одновременное применение норм гражданского права и уголовного права в совокупности с гражданским иском в уголовном процессе привела к двойному обогащению банка.

Изменилась бы ситуация, если бы сначала по заявлению Банка бывший руководитель Общества был привлечен к уголовной ответственности? Мы полагаем, что да, т.к. после рассмотрения уголовного дела и вынесения приговора основания для восстановления имущественной массы отсутствовали бы.

Представляется несколько способов решения изложенных проблем.

Во-первых, лицо может заявить в правоохранительные органы о совершении мошенничества только после того, как сделка будет признана недействительной на основании ст. 178, 179 ГК РФ. Такой подход обеспечит защиту прав лица, которое не исполнило обязательство, т.к. в ином варианте возникнет коллизия между действием гражданско-правовых и уголовных норм. Проблема такого подхода заключается в неравнозначном понимании одинаковых категорий в уголовном и гражданском праве.

Во-вторых, предлагается пересмотреть имеющиеся подходы к квалификации действий лица в качестве мошенничества с учетом специфики имущественного оборота и норм гражданского права. При таком варианте нормы УК РФ и ГК РФ не будут вступать во взаимную коллизию, а будут дополнять друг друга, содействуя целям и задачам правового регулирования.

Третий же подход представляется в том, что в силу различий целей регулирования (защиты интересов общества в целом и защиты интересов частного субъекта), сферы действия норм УК РФ и ГК РФ не должны соприкасаться и как следствие не могут вступать в коллизию. Критика такого подхода заключается в действии права не в качестве регулятора, а в качестве способа воздействия на развитие общества. Очевидно, что экономический «климат» и экономическое развитие в таком варианте не будут обеспечены, т.к. субъект права будет зависеть не только от своего поведения, но и от действий другого субъекта, который пользуется предоставленными ему способами защиты права. Правовое прогнозирование в таком варианте представляется невозможным, что ведет к повышению рисков при осуществлении экономической деятельности.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) / КонсультантПлюс : справочно-поисковая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 02.06.2026).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) / КонсультантПлюс : справочно-поисковая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 02.06.2026).

3. Наумов И.М. О разделении преступлений против права гражданского и против права уголовного. СПб., 1813.

4. Брынза С.М. Проблемы соотношения уголовной ответственности за имущественные преступления и гражданско-правовой деликтной ответственности // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы. 2005. С. 85–91.

5. Атауллина Л.Р. Сделка как признак состава преступления // Уголовное право в эпоху финансовоэкономических перемен. Материалы IX Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 29-30 мая 2014 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. 2014. С. 214.

6. Александрова В.В. Преступления в сфере экономики: проблемы соотношения и разграничения с гражданскими правонарушениями: дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. – 259 С.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 №48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» / КонсультантПлюс : справочно-поисковая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918 / (дата обращения 02.06.2026).

8. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.06.2009 № ВАС-7902/09. – URL: https://sudbiblioteka.ru/as/text3/vasud_big_62636.htm

9. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/na-pmyuf-obsudili-problemu-kvalifikatsii-moshennichestva-i-neispolneniya-obyazatelstv-po-sdelke/

Distinguishing between criminal and civil law regulation of property relations: the problem statement

Leonov M.R.
Far Eastern Federal University

The article examines the relationship between criminal and civil law regulation of property relations. It emphasizes that there are no criteria for differentiating situations in legislation and judicial practice, which can lead to criminal prosecution for committing a civil offense. It is emphasized that the doctrine of criminal law currently faces difficulties in determining which legal norms should be applied to influence the offender and restore the creditor's property. The article concludes that a differentiated approach is necessary in determining the criteria for the ratio.

Keywords: fraud, tort, offense, ratio of fraud and tort.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 13.06.1996 (as amended on 09.04.2026) / ConsultantPlus : a reference and search engine. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 / (accessed 06/02/2026).
2. Civil Code of the Russian Federation (Part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 07/31/2025) / ConsultantPlus : a reference and search engine. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 / (date of appeal 06/02/2026).
3. Naumov I.M. On the separation of crimes against civil law and criminal law. St. Petersburg, 1813.
4. Brynza S.M. Problems of correlation of criminal liability for property crimes and civil law tort liability // The ratio of crimes and other offenses: modern problems. 2005. pp. 85-91.
5. Ataullina L.R. Transaction as a sign of a crime // Criminal law in the era of financial and economic changes. Materials of the IX Russian Congress of Criminal Law, held on May 29-30, 2014 / ed. by V.S. Komissarov. 2014. P. 214.
6. Alexandrova V.V. Crimes in the sphere of economics: problems of correlation and differentiation with civil offenses: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2018. – 259 P.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/30/2017 No. 48 (as amended on 12/15/2022) "On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement" / ConsultantPlus : a reference and search engine. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918 / (date of application 06/02/2026).
8. Ruling of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 06/26/2009 no. VAS-7902/09. – URL: https://sudbiblioteka.ru/as/text3/vasud_big_62636.htm
9. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/na-pmyuf-obsudili-problemu-kvalifikatsii-moshennichestva-i-neispolneniya-obyazatelstv-po-sdelke/

Муниципальный фильтр правотворческих инициатив: правоприменительная практика

Пономаренко Андрей Владимирович
аспирант, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, ponomarehk@mail.ru

В статье рассматриваются возможности участия граждан в законотворческой деятельности на муниципальном уровне. Описываются существующие механизмы, и анализируется их практическое применение. Автором делаются выводы относительно того, как изменения в законодательство отразились на возможностях граждан по внесению изменений в законодательство на местном уровне. Описываются преимущества уточненного порядка по рассмотрению правотворческих инициатив. Делается акцент на необходимости более широкого привлечения граждан в процедуру разработки и принятия нормативно-правовых актов. Предлагаются возможные пути по совершенствованию процессов, предполагающих активное участие граждан в формировании российского законодательства.
Ключевые слова: законодательство, правотворческая инициатива, инициативный проект, местное самоуправление, граждане.

Согласно ч. 1 ст. 3 Конституции Российской Федерации носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ [1]. Несмотря на данное положение, рядовые граждане в нашей стране лишены права законодательной инициативы. Данное право предоставлено лишь некоторым специально уполномоченным государственным органам и должностным лицам. Однако, все же, законом предоставлена возможность участия граждан в формировании местного законодательства, но только на муниципальном уровне.

Муниципальная власть, является одним из ключевых звеньев в структуре взаимоотношений граждан и государства. Представительные органы местного самоуправления самостоятельно вырабатывают подходы к решению вопросов, затрагивающих интересы жителей, проживающих на их территории. Институт правотворческой инициативы, в первую очередь должен был обеспечить возможность для максимального сближения местной власти и населения. Что бы жители имели возможность не только быть услышанными, но и имели реальный механизм для внесения изменений в действующее местное законодательство.

Суть правотворческой правотворческой инициативы заключалась в том, что инициативная группа граждан, обладающих избирательным правом, в порядке, установленном нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования могла предложить внести конкретные изменения в действующее законодательство на уровне муниципального образования, а соответствующий орган местного самоуправления обязан был эту инициативу рассмотреть [2, с. 343].

К сожалению, практическая реализация законодательной инициативы на региональном уровне являла собой крайне редкое событие, а не общепринятую практику. Например, в Пензенской области нет примеров успешной реализации подобных инициатив, даже законопроекты, представленные в соответствии с установленными правилами, не стали в итоге частью регионального законодательства. Так что реальная действенность данного механизма осталась под большим вопросом. Получается, что муниципальный фильтр ни одна из предложенных правотворческих инициатив так пройти и не смогла.

Однако, законодательство России, в том числе и об основах местного самоуправления не стоит на месте. В 2025 году были приняты существенные изменения, касающиеся непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления. Были предусмотрены новые формы такого участия. В новом ФЗ от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [3] отсутствует понятие правотворческой инициативы. Вместо него предусмотрено право граждан на внесение инициативного проекта в целях реализации мероприятий, имеющих приоритетное значение для жителей муниципального образования или его части, по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения или иных вопросов, право решения которых предоставлено органам местного самоуправления, в местную администрацию.

В целом данный институт схож с правотворческой инициативой, за исключением того, что инициативный проект не всегда связан с внесением изменений в действующее законодательство. Так же законодатель более подробно

и поэтапно регламентировал процедуру внесения, рассмотрения и принятия решения по поступившей инициативе, что в первую очередь направлено на то, что бы инициативы, проявляемые гражданами на муниципальном уровне, имели реальную возможность улучшить законодательную основу данного субъекта.

С инициативой о внесении инициативного проекта вправе выступить инициативная группа численностью не менее 10 граждан, достигших восемнадцатилетнего возраста и проживающих на территории соответствующего муниципального образования, органы территориального общественного самоуправления, староста сельского населенного пункта.

Инициативный проект должен содержать описание проблемы, обоснование предложений по решению указанной проблемы, описание ожидаемого результата реализации инициативного проекта, предварительный расчет расходов, сроки реализации, указание на территорию муниципального образования или его часть, в границах которой будет реализовываться инициативный проект.

Инициативный проект до его внесения в местную администрацию подлежит рассмотрению на сходе или собрании граждан, в том числе на собрании граждан по вопросам осуществления территориального общественного самоуправления на части территории муниципального образования, в целях обсуждения инициативного проекта, определения его соответствия интересам жителей муниципального образования или его части, целесообразности реализации инициативного проекта, а также принятия сходом или собранием граждан решения о поддержке инициативного проекта [4, с. 47].

Информация о внесении инициативного проекта в местную администрацию подлежит обнародованию, в том числе посредством размещения на официальном сайте муниципального образования в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет". Одновременно граждане информируются о возможности представления в местную администрацию своих замечаний и предложений по инициативному проекту с указанием срока их представления, который не может составлять менее пяти рабочих дней. Свои замечания и предложения вправе направлять жители муниципального образования, достигшие восемнадцатилетнего возраста. В сельском населенном пункте указанная информация может доводиться до сведения граждан старостой сельского населенного пункта [5, с. 130].

Инициативный проект подлежит обязательному рассмотрению местной администрацией в течение 30 дней со дня его внесения. Местная администрация по результатам рассмотрения инициативного проекта принимает одно из следующих решений:

- поддержать инициативный проект и продолжить работу над ним;

- отказать в поддержке инициативного проекта и вернуть его инициаторам проекта с указанием причин отказа в поддержке инициативного проекта.

Далее, во избежание необоснованных отказов, законодатель предусмотрел, в каких случаях местная администрация принимает решение об отказе в поддержке инициативного проекта:

- несоблюдение установленного порядка внесения инициативного проекта и его рассмотрения;

- несоответствие инициативного проекта требованиям федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, уставу муниципального образования;

- невозможность реализации инициативного проекта ввиду отсутствия у органов местного самоуправления необходимых полномочий органов местного самоуправления и прав органов местного самоуправления на осуществление полномочий, не отнесенных к полномочиям органов местного самоуправления;

- отсутствие средств местного бюджета в объеме средств, необходимом для реализации инициативного проекта, источником формирования которых не являются инициативные платежи;

- наличие возможности решения описанной в инициативном проекте проблемы более эффективным способом;

- признание инициативного проекта не прошедшим конкурсный отбор.

Таким образом, законодатель предусмотрел исчерпывающие основания для отказа в поддержке инициативного проекта, сделав процедуру рассмотрения более объективной [6, с. 31].

В случае, если в местную администрацию внесено несколько инициативных проектов, в том числе с описанием аналогичных по содержанию приоритетных проблем, местная администрация организует проведение конкурсного отбора и информирует об этом инициаторов проекта.

Информация о рассмотрении инициативного проекта местной администрацией, о ходе реализации инициативного проекта подлежит обнародованию, в том числе посредством размещения на официальном сайте муниципального образования в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет".

Отчет местной администрации об итогах реализации инициативного проекта подлежит обнародованию, в том числе посредством размещения на официальном сайте муниципального образования в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", в течение 30 календарных дней со дня завершения реализации инициативного проекта. В сельском населенном пункте указанная информация может доводиться до сведения граждан старостой сельского населенного пункта.

Таким образом, законодатель, видя проблему в правоприменительной практике реализации правотворческих инициатив, модернизировал данный институт путем упрощения порядка внесения инициативы. Так же был более детально регламентирован порядок рассмотрения инициативного проекта и предоставлены исчерпывающие основания для отказа в его принятии. Сам по себе механизм муниципального фильтра правотворческой инициативы призван не препятствовать реализации гражданских идей, а осуществлять их сбор, проверку народной поддержки, на соответствие федеральному законодательству. В случае выявления несоответствий орган местного самоуправления должен осуществить помощь в преобразовании инициативы до соответствия законодательным нормам. Другими словами, муниципальный фильтр законодательных инициатив – это не способ препятствования гражданам в реализации своих законотворческих идей, а инструмент доведения данных инициатив до соответствия существующим нормам и возможности их претворения в жизнь.

Кроме, того, одним из главных, на мой взгляд, новшеств, стала открытость процедуры рассмотрения органом местного самоуправления инициатива с обнародованием в открытом доступе всех его этапов. Это важный шаг по направлению приближения власти к народу, так как подобная прозрачность укрепляет доверие и, соответственно авторитет к власти, как к местной, так и к государственной.

Данные изменения уже позитивно отражаются на правоприменительной практике данных механизмов. Например, в рамках поддержки инициативных проектов граждан на территории Пензенской области действует порядок предоставления и распределения субсидии из бюджета

Пензенской области бюджетам муниципальных образований Пензенской области на реализацию инициативных проектов жителей муниципальных образований Пензенской области.

Так, по состоянию на 13 мая 2026 года в Пензенской области с начала 2026 годы были рассмотрены 13 проектов жителей муниципальных образований Пензенской области, представленных муниципальными образованиями Пензенской области: г. Заречный, г. Никольск и г. Городище; р.п. Башмаково, р.п. Лунино, р.п. Колышлей, р.п. Беково, р.п. Тамала, р.п. Шемышейка; с. Неверкино, с. Бессоновка, с. Наровчат, с. Русский Камешкир, из которых были приняты к рассмотрению все 13 и органы местного самоуправления продолжили над ними работу [7].

Однако, все еще существуют проблемы, которые одним лишь изменением нормативно-правовой основы решить нельзя. Существенным препятствием для реализации правотворческих инициатив является недостаточная информированность общества о возможности их реализации посредствам внесения инициативных проектов. Большинство людей просто не осведомлены о своих возможностях оказывать влияние на закон.

Однако данная проблема уже находится в процессе решения. Технологии проникают во все сферы жизни общества, в том числе и в работу органов местного самоуправления, которые ведут отчеты о своей деятельности на своих сайтах в сети «интернет». Необходимо вести просветительскую работу, в том числе и на данных сайтах, что бы граждане могли получить информацию о своих возможностях и правах в правотворческой деятельности. Это поможет стать власти ближе к населению и позволит более своевременно выявлять потребности местного населения и реагировать на них, путем рассмотрения и принятия инициативных проектов.

Литература

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Буниатишвили К. А. Реализация правотворческой инициативы граждан в субъектах Российской Федерации: проблемы и перспективы // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14. № 1. С. 338-346.
3. Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» \ СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.
4. Трофимов В. В., Самородов В. Ю. Правовое сотворчество власти и общества как проявление культуры правотворческого процесса в современном государстве // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 43-53.
5. Гоголева Е.Н. Активность местного сообщества как условие функционирования местного самоуправления / Е.Н. Гоголева // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 126-135.
6. Нудненко Л. А. Новеллы Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Право и политика. 2025. № 3. С. 28-36.
7. Официальный сайт Правительства Пензенской области. [электронный ресурс]– URL: https://pnzreg.ru/open-government/informatsiya-obespechenie-deyatelnosti-iogv/ (дата обращения: 01.06.2026)

Municipal filter of law-making initiatives: law enforcement practice

Ponomarenko A.V.

Mordovian State University named after. N.P. Ogareva

The article examines the possibilities of citizens' participation in law-making activities at the municipal level. The existing mechanisms are described and their practical application is analyzed. The author draws conclusions about how changes in legislation have affected citizens' ability to amend legislation at the local level. The advantages of the specified procedure for reviewing law-making initiatives are described. The emphasis is placed on the need for broader involvement of citizens in the procedure for the development and adoption of regulatory legal acts. Possible ways to improve processes involving the active participation of citizens in the formation of Russian legislation are proposed.

Keywords: legislation, legislative initiative, initiative project, local government, citizens.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on 12.12.1993) (with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 11. Art. 1416.
2. Buniatishvili K. A. Implementation of Citizens' Law-Making Initiatives in the Subjects of the Russian Federation: Problems and Prospects // Baikal Research Journal. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 338-346.
3. Federal Law of 20.03.2025 N 33-FZ (as amended on 09.04.2026) "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority" \ Collected Legislation of the Russian Federation. 2025. No. 12. Art. 1200.
4. Trofimov V. V., Samorodov V. Yu. Legal Co-creation of the Government and Society as a Manifestation of the Culture of the Law-Making Process in a Modern State // The Rule of Law: Theory and Practice. 2025. No. 3. pp. 43-53.
5. Gogoleva E. N. Local Community Activity as a Condition for the Functioning of Local Self-Government // Bulletin of Tula State University. Humanities. 2025. No. 2. pp. 126-135.
6. Nudnenko L. A. Amendments to the Federal Law "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority" // Law and Politics. 2025. No. 3. pp. 28-36.
7. Official website of the Government of the Penza Region. [electronic resource] – URL: https://pnzreg.ru/open-government/informatsiya-obespechenie-deyatelnosti-iogv/ (date of access: 01.06.2026)

Анализ нормативных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации при оценке смягчающих наказание обстоятельств

Пчелкин Егор Владимирович
магистрант, юридический факультет, Ивановский государственный университет

Статья посвящена анализу нормативных разъяснений, содержащихся в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ при оценке смягчающих наказание обстоятельств. В статье приводятся конкретные проблемы и примеры судебной практики, иллюстрирующие указанные проблемы.
Цель исследования состоит в анализе актуальных проблем применения смягчающих обстоятельств при назначении уголовного наказания в РФ и разработка предложений по совершенствованию разъяснений Пленума Верховного Суда РФ для обеспечения единообразия судебной практики по указанному вопросу.
Научная новизна указанной работы обосновывается тем, что в ней анализируются свежие изменения в правоприменительной практике, предлагаются решения актуальных проблем в правоприменительной практике путем изменения и дополнения Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».
По результатам исследования мы пришли к выводу, что нормативные разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума ВС РФ, касающиеся оценки смягчающих наказание обстоятельств нуждаются в серьёзной доработке, поскольку ряд проблем, которые часто встречаются в правоприменительной практике не охватываются вышеуказанными разъяснениями, в связи с чем по указанным вопросам имеется крайне неоднородная и противоречивая судебная практика, тогда как одна из главных задача таких разъяснений заключается в обеспечении единообразия судебной практики, в связи с чем были предложены конкретные меры по решению выявленных в рамках настоящей статьи проблем
Ключевые слова: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, смягчающие обстоятельства, наличие несовершеннолетнего ребенка, беременность, сложное сочетание жизненных обстоятельств..

Введение

Нормативные разъяснения, содержащиеся в Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, являются важнейшим ориентиром для нижестоящих судов и направлены на обеспечение единообразия судебной практики [1, с. 153-154].

Одним из проявлений деятельности, направленной на обеспечение единообразия судебной практики, реализуемая в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ проявляется в установлении границ толкования оценочных понятий, к которым в том числе относятся и смягчающие наказание обстоятельства [2, с. 566].

Правильное установление смягчающих наказание обстоятельств непосредственно влияет на индивидуализацию наказания, в связи с чем нормативные разъяснения, содержащиеся в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ относительно их учета особенно важны.

23 декабря 2025 года были внесены изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», которые в том числе затронули вопросы, касающиеся учета смягчающих наказание обстоятельств [2].

Между тем, на наш взгляд, представленные изменения не в полной мере отражают имеющиеся в судебной практике проблемы относительно оценки смягчающих наказание обстоятельств.

Материалы и методы в процессе подготовки работы были задействованы следующие методы: формально-юридический, системный, а также методы анализа и синтеза, был произведен анализ конкретных судебных актов для выявления проблем в оценке смягчающих наказание обстоятельств, а также последних изменений, внесенных в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» в части смягчающих наказания обстоятельств.

Литературный обзор в рамках данной работы использовались научные источники, которые иллюстрировали позицию ученых по проблемным вопросам оценки смягчающих наказание обстоятельств. Использовались работы таких авторов как Грачева Ю.В., Коршуновой П.В., Ходжилаева С.А. и другие, основной акцент в рамках данного исследования будет сделан на анализе судебной практики, иллюстрирующий необходимость внесения предложенных в работе изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

Результаты

По результатам исследования мы пришли к выводу, что нормативные разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума ВС РФ, касающиеся оценки смягчающих наказание обстоятельств нуждаются в серьёзной доработке, поскольку ряд проблем, которые часто встречаются в правоприменительной практике не охватываются вышеуказанными разъяснениями, в связи с чем по указанным вопросам имеется крайне неоднородная и противоречивая судебная практика, тогда как одна из главных задача таких разъяснений заключается в обеспечении единообразия судебной практики.

В частности, на наш взгляд заслуживают внимания следующие проблемы: признания в качестве смягчающего обстоятельства, предусмотренного ч. 1 ст. 61 УК РФ наличие малолетнего ребенка, который родился после вынесения приговора, учет в качестве смягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ, беременность подсудимой в ходе совершения инкриминируемого ей деяние и одновременный учет в качестве смягчающего наказания обстоятельства, по п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ последующее рождение до вынесения итогового судебного решения ребенка, оценка наличия смягчающего наказания обстоятельства – совершение преступления в силу тяжелых жизненных обстоятельств, в связи с чем предлагаем внести изменения и дополнения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

Обсуждение

Как мы указывали ранее 23 декабря 2025 года были внесены изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». Рассмотрим одно из таких изменений, которое добавляло указание на то, что суд вправе признать наличие смягчающего наказания обстоятельства по ч. 1 ст. 61 УК РФ наличие малолетних детей, даже при рождении их уже после совершения преступления [3].

Данное изменения очень важно для обеспечения единообразия судебной практики, поскольку даже сам Верховный Суд Российской Федерации в разные годы выносил диаметрально противоположные решения по данному вопросу.

Так, в апелляционном определении от 2016 года Верховный Суд Российской Федерации указал, что суд первой инстанции абсолютно верно признал у осужденного наличие малолетнего ребенка в качестве смягчающего наказания обстоятельство, даже несмотря на то, что он родился после совершения преступления [4].

В свою очередь в апреле 2024 года, то есть, менее чем за год до анализируемых нами изменений Верховный Суд Российской Федерации в кассационном определении отказал в признании смягчающим наказание обстоятельством наличие малолетнего ребенка, который родился после совершения приговора. Казалось бы, данная ситуация несколько отличается от вышеизложенной, поскольку ребенок родился не просто после совершения преступления, а уже после провозглашения приговора, но в данном случае интересно само обоснование отказа “Все обстоятельства, влияющие на назначение наказания, устанавливаются на момент совершения преступления, а не после его совершения”, на наш взгляд такая формулировка прямо противоречит, анализируемому нами указанию, что суд вправе признать наличие малолетнего ребенка в качестве смягчающего наказания обстоятельства и в случае, если он рождён после совершения преступления [5].

Таким образом анализируемое нами нормативное разъяснение несомненно положительно скажется на обеспечение единообразия судебной практики.

Между тем, также внимания заслуживает проблема, указанная в анализируемом выше кассационном определении Верховного Суда Российской Федерации о признании в качестве смягчающего обстоятельства наличие малолетнего ребенка, который родился после вынесения приговора.

Здесь примечательно то, что на заседании Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2025 года обсуждался также проект Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которому анализируемое нами выше нормативное разъяснение должно было иметь несколько иное содержание: суд может признать наличие малолетнего ребенка, родившегося после совершения преступления в качестве смягчающего наказания обстоятельства, но не после вступления приговора в законную силу [6]. На наш взгляд разъяснение в такой редакции также не позволило бы разрешить заявленную нами в настоящем абзаце проблему, в свою очередь, в итоговой редакции Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации указанная проблема и вовсе осталась проигнорированной, между тем, судебная практика по данному вопросу остается крайне неоднородной.

Для подтверждения, изложенного выше положения рассмотрим три конкретных примера. Так первый Кассационный суд общей юрисдикции 5 февраля 2026 года отказал в признании наличия малолетнего ребенка, родившегося после вынесения приговора в качестве смягчающего наказание обстоятельства, указав, что смягчающие обстоятельства подлежат учету на момент вынесения приговора [7].

В свою очередь, также первый Кассационный суд общей юрисдикции уже 17 февраля 2026 года признал при схожих условиях указанное обстоятельство смягчающим, но при этом не нашёл оснований для смягчения наказания, поскольку судом первой инстанции в качестве смягчающего наказания обстоятельства ранее была учтена беременность супруги осужденного [8].

Наконец, особый интерес представляет кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 2 апреля 2026 года, в котором указано, что суд апелляционной инстанции обоснованно признал наличие малолетнего ребенка, родившегося после вынесения приговора при производстве в суде апелляционной инстанции в качестве смягчающего наказания обстоятельства, предусмотренного ч. 1 ст. 61 УК РФ. При этом, в обосновании своей позиции суд привел анализируемое нами нормативное разъяснение, содержащееся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации о том, что суд вправе признать в качестве смягчающего наказания обстоятельства наличие малолетнего ребенка, который родился после совершения преступления [9].

Указанное выше подтверждает, что даже в рамках одного судебного органа судебная практика по анализируемому вопросу не является однородной.

На наш взгляд, в данной ситуации наиболее справедлив подход, выраженный Первым Кассационным судом общей юрисдикции в определении от 5 февраля 2026 года, в связи с чем полагаем необходимым изложить анализируемое нами ранее нормативное разъяснение, содержащееся в пункте 28 (1) Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» в следующей редакции: наличие у виновного малолетних детей суд вправе признать смягчающим наказание обстоятельством (пункт "г" части 1 статьи 61 УК РФ) и в тех случаях, когда дети родились после совершения преступления, но до момента удаления суда в совещательную комнату для вынесения итогового решения по делу.

Ещё одной проблемой, которая напрямую связана с проблемой, анализируемой нами ранее является учет в качестве смягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ, беременность подсудимой в ходе совершения инкриминируемого ей деяние и одновременный учет в качестве смягчающего наказания обстоятельства, по п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ последующее

рождение до вынесения итогового судебного решения ребенка.

Судебная практика по данному вопросу также не однородна.

Так, 22 января 2026 года Первым Кассационным Судом общей юрисдикции был оставлен без изменения приговор в отношении Д., отказав в удовлетворении кассационного представления, в котором одним из доводов являлось то, что суд первой инстанции не учел в качестве обстоятельства смягчающего наказания беременность Д. в период совершения преступления, но при этом учел в качестве смягчающего наказание обстоятельства по п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ наличие у неё малолетнего ребенка, который родился в период рассмотрения дела в суде первой инстанции. Отклоняя указанный довод суд кассационной инстанции указал, что признание состояние беременности в момент совершения преступления при изложенных обстоятельствах является повторным учетом одного и того же обстоятельства [10].

В свою очередь Второй Кассационный Суд общей юрисдикции 15 сентября 2021 года при схожих обстоятельствах признал наличие как смягчающего наказания обстоятельства, предусмотренного п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ, так и смягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ, указав, что данные смягчающие обстоятельства, одно из которых существовало на момент совершения преступления, другое (рождение ребенка) - перед вынесением приговора, не взаимоисключают друг друга и подлежат отдельному учету, поскольку суд должен учитывать применение всех норм, улучшающих положение лица в плоскости уголовно-правовых отношений [11].

В данном случае мы солидарны с позицией Второго Кассационного Суда общей юрисдикции, поскольку на наш взгляд состояние беременности было указано законодателем в качестве смягчающего наказание обстоятельства, в том числе и по причине того, что этот физиологический процесс вызывает в организме женщины ряд изменений, которые, воздействуют на ее психическое и эмоциональное состояние, а также на мотивы ее поведения.

На основании вышеизложенного, предлагаем внести в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» пункт 28 (2) следующего содержания: нахождение в состоянии беременности в период совершения преступления и последующее рождение ребенка до момента удаления суда в совещательную комнату для вынесения итогового решения по делу может быть учтено судом как наличие двух смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных пунктом «в» и «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Одним из самых сложных в плане судейского усмотрения является смягчающее наказание обстоятельство – совершение преступления в силу тяжелых жизненных обстоятельств. Зачастую подсудимые указывают на наличие такого смягчающего наказание обстоятельства при отсутствии денежных средств или материальных трудностях. Между тем, мы считаем такой подход в корне неверным, судебная практика в большинстве своём также не признает совершение преступление ввиду отсутствия денежных средств в качестве смягчающего наказания обстоятельства, предусмотренного п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ [12, с. 101].

Так, Московский городской суд в апелляционном определении Московского городского суда от 30 октября 2023 года указал, что наличие временных материальных трудностей, обусловленных стандартными бытовыми причинами не говорит о наличии анализируемого нами смягчающего наказания обстоятельства [13]. Аналогичную формулировку использует и Верховный Суд РФ [14].

Однако куда более интересен вопрос, в каких случаях суд признает наличие анализируемого смягчающего обстоятельства. На наш взгляд к таковым можно отнести ситуацию, когда лицо совершает хищение, в связи с тем, что его ребенок является инвалидом, болезнь, которого обострилась и он нуждается в дорогостоящем лечении или само лицо, совершившее преступление нуждается в лечении тяжелого заболевания, например, рак. Иными словами, само по себе отсутствие денежных средств не образует тяжелую жизненную ситуацию, поскольку учету также подлежат причины, для которых лицо совершало их хищение и куда оно их потратило.

В связи с чем предлагаем внести следующее дополнение в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года N 58, указав, что наличие временных материальных трудностей, обусловленных стандартными бытовыми причинами так и отсутствие денежных средств само по себе недостаточно для признания наличия смягчающего наказание обстоятельства - совершение преступления в силу тяжелых жизненных обстоятельств.

Заключение

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что нормативные разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума ВС РФ, касающиеся оценки смягчающих наказание обстоятельств нуждаются в серьёзной доработке, поскольку ряд проблем, которые часто встречаются в правоприменительной практике не охватываются вышеуказанными разъяснениями, в связи с чем по указанным вопросам имеется крайне неоднородная и противоречивая судебная практика, тогда как одна из главных задача таких разъяснений заключается в обеспечении единообразия судебной практики.

В частности, на наш взгляд заслуживают внимания следующие проблемы: признания в качестве смягчающего обстоятельства, предусмотренного ч. 1 ст. 61 УК РФ наличие малолетнего ребенка, который родился после вынесения приговора, учет в качестве смягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ, беременность подсудимой в ходе совершения инкриминируемого ей деяние и одновременный учет в качестве смягчающего наказания обстоятельства, по п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ последующее рождение до вынесения итогового судебного решения ребенка, оценка наличия смягчающего наказания обстоятельства – совершение преступления в силу тяжелых жизненных обстоятельств.

В связи с чем предлагаем внести следующие изменения в вышеуказанное Постановление Пленума Верховного Суда РФ:

1. Изложить пункт 28 (1) в следующей редакции: наличие у виновного малолетних детей суд вправе признать смягчающим наказание обстоятельством (пункт "г" части 1 статьи 61 УК РФ) и в тех случаях, когда дети родились после совершения преступления, но до момента удаления суда в совещательную комнату для вынесения итогового решения по делу.

2. Внести пункт 28 (2) следующего содержания: нахождение в состоянии беременности в период совершения преступления и последующее рождение ребенка до момента удаления суда в совещательную комнату для вынесения итогового решения по делу может быть учтено судом как наличие двух смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных пунктом «в» и «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

3. Ввести пункт с указанием, что наличие временных материальных трудностей, обусловленных стандартными бытовыми причинами так и отсутствие денежных средств

само по себе недостаточно для признания наличия смягчающего наказание обстоятельства - совершение преступления в силу тяжелых жизненных обстоятельств.

Литература

1. Коршунова П. В. Механизм обеспечения единства судебной практики в Российской Федерации // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. №2 (70). С. 144-157.
2. Ходжилаев С. А. Смягчающие и отягчающие обстоятельства: роль в определении наказания и их влияние на правоприменение // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10 (238) С. 565-566
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 23.12.2025) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=500093&ysclid=mp9xxjy4l5542933805 (дата обращения: 16.05.2026).
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.01.2016 N 59-АПУ16-2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-27012016-n-59-apu16-2/?ysclid=mp9ym17g4a510920164 (дата обращения: 16.05.2026).
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.04.2023 по делу N 59-УД23-3-А5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-27042023-po-delu-n-59-ud23-3-a5/?ysclid=mp9yp3p2zt938995202 (дата обращения: 16.05.2026).
6. Заседание Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.11.2025: Официальная группа Верховного Суда Российской Федерации в социальной сети ВКонтакте. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/video-211631773_456239755 (дата обращения: 16.05.2026).
7. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.02.2026 N 77-274/2026 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=43321359&case_uid=5aa0c155-d01d-414b-8a0c-e2765c4ec10a&delo_id=2450001&new=2450001 (дата обращения: 16.05.2026).
8. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.02.2026 N 77-511/2026 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=43607365&case_uid=af197018-837d-462b-b8b2-be81da2f96cd&delo_id=2450001&new=2450001 (дата обращения: 16.05.2026).
9. Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 02.04.2026 N 77-599/2026 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=23426238&case_uid=731d3784-eccb-425e-8dfc-a0efdf0ddd98&delo_id=2450001&new=2450001 (дата обращения: 16.05.2026).
10. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.01.2026 N 77-40/2026, 77-4012/2025 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=43066603&case_uid=88f88e5d-1238-4167-8141-8b30eef967ec&delo_id=2450001&new=2450001 (дата обращения: 16.05.2026).
11. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.09.2021 N 77-2772/2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=8028977&case_uid=6f0a698c-b486-4b47-af01-5b34e4f2ba86&delo_id=2450001&new=2450001# (дата обращения: 16.05.2026).
12. Грачева Ю. В., Налини М. А. Судейское усмотрение в применении уголовно-правовых норм о смягчающих наказание обстоятельствах, содержащих оценочные понятия (п. «а» и «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. № 4 (116). С. 99-107
13. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.10.2023 N 10-21882/2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/9ef47950-638b-11ee-b0e9-57abbfcdc0db?ysclid=mq9ggivfhe778804597 (дата обращения 16.05.2026)
14. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2021 N 49-УД21-49-А4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=43321359&case_uid=5aa0c155-d01d-414b-8a0c-e2765c4ec10a&delo_id=2450001&new=2450001 (дата обращения: 16.05.2026).

Analysis of the regulatory explanations of the plenum of the supreme court of the russian federation in assessing mitigating circumstances

Pchelkin E.V.
Ivanovo State University

The article is devoted to the analysis of normative explanations contained in the Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation when assessing mitigating circumstances. The article provides specific problems and examples of judicial practice illustrating these problems.

The purpose of the study is to analyze the current problems of the use of mitigating circumstances in the imposition of criminal punishment in the Russian Federation and to develop proposals for improving the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation to ensure uniformity of judicial practice on this issue.

The scientific novelty of this work is justified by the fact that it analyzes recent changes in law enforcement practice and suggests solutions to current problems in law enforcement practice by amending and supplementing Resolution No. 58 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 22, 2015 "On the practice of imposing criminal Penalties by Courts of the Russian Federation."

Based on the results of the study, we came to the conclusion that the regulatory clarifications contained in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation concerning the assessment of mitigating circumstances need serious revision, since a number of problems that often occur in law enforcement practice are not covered by the above clarifications, and therefore there is extremely heterogeneous and contradictory judicial practice on these issues, while As one of the main objectives of such clarifications is to ensure the uniformity of judicial practice., In this regard, specific measures have been proposed to address the problems identified in this article.

Keywords: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, uniformity, judicial practice, Chairman of the Supreme Court, promotion.

References

1. Korshunova P. V. The mechanism of ensuring the unity of judicial practice in the Russian Federation // Izvestiya VUZOV. The Volga region. Social sciences. 2024. No. 2 (70). pp. 144-157.
2. Khodjilaev S. A. Mitigating and aggravating circumstances: the role in determining punishment and their impact on law enforcement // Law and the State: theory and practice. 2024. No. 10 (238) pp. 565-566
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.12.2015 No. 58 (as amended on 23.12.2025) "On the practice of assigning criminal punishment by the courts of the Russian Federation" [Electronic resource]. Access mode: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=500093&ysclid=mp9xxjy4l5542933805 (date of request: 05/16/2026).
4. The appellate ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.01.2016 N 59-APU16-2 [Electronic resource]. Access mode:

https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-27012016-n-59-apu16-2 /?ysclid=mp9ym17g4a510920164 (accessed: 05/16/2026).
5. Cassation ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/27/2023 in case No. 59-UD23-3-A5 [Electronic resource]. Access mode: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-27042023-po-delu-n-59-ud23-3-a5/?ysclid=mp9yp3p2zt938995202 (accessed: 05/16/2026).
6. Session of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/25/2025: The official group of the Supreme Court of the Russian Federation on the social network VKontakte. [electronic resource]. Access mode: https://vk.com/video-211631773_456239755 (date of appeal: 05/16/2026).
7. Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated 02/05/2026 N 77-274/2026 [Electronic resource]. Access mode: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=43321359&case_uid=5aa0c155-d01d-414b-8a0c-e2765c4ec10a&delo_id=2450001&new=2450001 (date of request: 05/16/2026).
8. Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated 02/17/2026 N 77-511/2026 [Electronic resource]. Access mode: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=43607365&case_uid=af197018-837d-462b-b8b2-be81da2f96cd&delo_id=2450001&new=2450001 (date of request: 05/16/2026).
9. Resolution of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated 04/02/2026 N 77-599/2026 [Electronic resource]. Access mode: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=23426238&case_uid=731d3784-eccb-425e-8dfc-a0efdf0ddd98&delo_id=2450001&new=2450001 (date of request: 05/16/2026).
10. Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated 01/22/2026 N 77-40/2026, 77-4012/2025 [Electronic resource]. Access mode: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=43066603&case_uid=88f88e5d-1238-4167-8141-8b30eef967ec&delo_id=2450001&new=2450001 (date of request: 05/16/2026).
11. Cassation ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 09/15/2021 N 77-2772/2021 [Electronic resource]. Access mode: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=8028977&case_uid=6f0a698c-b486-4b47-af01-5b34e4f2ba86&delo_id=2450001&new=2450001 # (date of appeal: 05/16/2026).
12. Gracheva Yu.V., Nalini M. A. Judicial discretion in the application of criminal law norms on mitigating circumstances containing evaluative concepts (paragraphs "a" and "d" of Part 1 of art. 61 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the O. E. University Kutafina. No. 4 (116). pp. 99-107
13. The appeal ruling of the Moscow City Court dated 10/30/2023 N 10-21882/2023 [Electronic resource]. Access mode: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/9ef47950-638b-11ee-b0e9-57abbfcdc0db?ysclid=mq9ggivfhe778804597 (accessed 05/16/2026)
14. Ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/30/2021 N 49-UD21-49-A4 [Electronic resource]. Access mode: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=43321359&case_uid=5aa0c155-d01d-414b-8a0c-e2765c4ec10a&delo_id=2450001&new=2450001 (date of request: 05/16/2026).

Процессуальные и тактические проблемы производства следственных действий на атомных объектах

Черных Виктор Сергеевич
студент, Дальневосточный федеральный университет, chernykh.vser@dvfu.ru,

Хачатурова Алина Алексеевна
студент, Дальневосточный федеральный университет, khachaturova.aal@dvfu.ru,

Гончар Полина Андреевна
студент, Дальневосточный федеральный университет, gonchar.pandr@dvfu.ru,

Воткин Владимир Александрович
к.ю.н., доцент кафедры Уголовного процесса и криминалистики, Дальневосточный федеральный университет, votkin.va@dvfu.ru

Статья посвящена исследованию правовых и организационных проблем, возникающих при производстве следственных действий на атомных объектах и территориях закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО). На примере Дальневосточного центра по обращению с радиоактивными отходами (ДВЦ «ДальРАО») авторами проанализированы ключевые барьеры: многоуровневая система допуска, полный запрет на использование электронных средств связи и фиксации, обязательное полное сопровождение сотрудниками службы безопасности, а также коллизия между требованиями УПК РФ об изъятии и хранении вещественных доказательств и правилами радиационной безопасности. Выявлены процессуальные и тактические сложности фиксации хода следственных действий в отсутствие видеозаписи и понятых, а также проблема обеспечения допустимости доказательств в условиях давления «третьих лиц».
Ключевые слова: атомные объекты, следственные действия, ЗАТО, режимный объект, радиационная безопасность, государственная тайна, вещественные доказательства, фиксация доказательств, тактические приемы.

Актуальность заявленной темы обусловлена недостаточной научной и методической проработанностью вопросов производства следственных действий в условиях особых правовых режимов, в частности на территориях закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) и режимных объектов. Действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит общие нормы, регламентирующие порядок следственных действий, однако специфика работы следователя на объектах с многоуровневой системой допуска и повышенными требованиями безопасности требует отдельного изучения и выработки практических алгоритмов.

Эмпирической базой исследования выступает Дальневосточный центр по обращению с радиоактивными отходами (ДВЦ «ДальРАО»), расположенный в бухте Разбойник Приморского края. Указанный объект входит в структуру Госкорпорации «Росатом» и предназначен для утилизации реакторных отсеков атомных подводных лодок и долговременного хранения ядерных отходов. Дефиниция режимных объектов содержится в п. 2 Указа Президента РФ от 24.01.1998 № 61 «О перечне сведений, отнесенных к государственной тайне», так, под режимными объектами следует понимать военные и специальные объекты, воинские части, предприятия, организации, учреждения, для функционирования которых установлены дополнительные меры безопасности. Таким образом, специфика территории атомных объектов определяется двумя факторами: во-первых, она является режимной и относится к сфере действия законодательства о государственной тайне, во-вторых, объект является радиационно опасным, что предполагает неукоснительное соблюдение специальных норм безопасности. Данные обстоятельства предопределяют комплекс правовых и организационных ограничений, с которыми сталкивается следователь при необходимости производства следственных действий.

Первая и наиболее существенная проблема, возникающая перед следователем, заключается в невозможности установления первичного контакта с лицами, находящимися на территории объекта. Ввиду полного запрета на использование электронных устройств и средств связи на территории хранилища, следователь лишен возможности позвонить или иным дистанционным способом связаться с потенциальным участником следственного действия. Кроме того, проникновение на объект сопряжено с прохождением многоуровневой системы контроля. В рассматриваемом случае можно выделить четыре уровня допуска, каждый из которых представляет собой отдельный контрольно-пропускной пункт (КПП) с вооруженной охраной. Первые два уровня обеспечиваются внешней вооруженной охраной, третий уровень - локальной службой безопасности предприятия. Вся территория огорожена, находится под постоянным видеонаблюдением и оснащена пультами централизованного контроля. Свободное передвижение по территории исключено, транспортные средства подвергаются тщательному досмотру, включая проверку днища, а наличие видеорегистратора в автомобиле является основанием для отказа в пропуске.

Принципиальной особенностью производства следственных действий на объекте является принцип полного сопровождения, что установлено Приказом Ростехнадзора от 07.12.2023 № 440. Следователь на протяжении всего времени пребывания находится под непрерывным контролем либо сотрудника Федеральной службы безопасности, либо сотрудника внутренней службы безопасности самого предприятия. Сопровождающее лицо

не только контролирует передвижение, но и следит за содержанием производимых действий, что с процессуальной и тактической точек зрения создает дополнительные сложности, в том числе влияет на психологическую обстановку при допросе. Отдельного внимания заслуживает проблема фиксации хода и результатов следственных действий. Часть 1.1 статьи 170 УПК РФ допускает производство следственных действий без участия понятых при условии применения технических средств фиксации, однако на территории объекта действует категорический запрет на внос любых электронных устройств, включая мобильные телефоны и видеокамеры. Таким образом, следователь оказывается в ситуации, когда он не может ни привлечь понятых (по причине отсутствия у них допуска), ни использовать видеозапись в качестве альтернативы.

Помимо режима секретности, на следователя распространяются внутренние правила безопасности, обусловленные радиационной опасностью объекта. К их числу относятся обязательное ношение средств индивидуальной защиты, использование индивидуальных дозиметров и строгое следование установленным маршрутам передвижения. Сопровождающее лицо в обязательном порядке должно быть осведомлено об алгоритме действий при возникновении внештатных ситуаций и путях эвакуации.

Поэтому еще одним, не менее существенным аспектом, требующим глубокого процессуального осмысления, выступает проблема обнаружения, фиксации, изъятия и последующего хранения вещественных доказательств, обладающих признаками радиоактивного загрязнения, а также обусловленная этим проблема обеспечения режима секретности самих процессуальных документов.

Специфика расследования преступлений на территории атомных объектов неизбежно порождает коллизию между требованиями уголовно-процессуального законодательства и жесткими императивами радиационной безопасности. В соответствии со ст. 81 УПК РФ, вещественные доказательства должны быть осмотрены, признаны таковыми и приобщены к уголовному делу, при этом, как правило, они хранятся при самом деле либо в специализированных камерах хранения. Однако, в случае обнаружения следов преступления или материальных объектов непосредственно в загрязненной зоне (например, в отсеках хранения реакторных блоков), следователь физически и юридически лишен возможности осуществить их изъятие стандартными криминалистическими методами. Упаковка радиоактивного объекта в обычный полимерный пакет и его последующая транспортировка за пределы объекта в камеру хранения вещественных доказательств следственного органа категорически недопустимы, так как это создает прямую угрозу жизни и здоровью сотрудников и населения.

Обращение с подобными объектами строго регламентировано Основными санитарными правилами обеспечения радиационной безопасности. В связи с этим тактически грамотным алгоритмом выступает обязательное привлечение к участию в следственном действии специалиста-дозиметриста (физика) из числа персонала самого предприятия. Изъятие должно производиться исключительно с использованием сертифицированных защитных контейнеров, а хранение такого вещественного доказательства целесообразно организовать непосредственно на территории атомного объекта в специально оборудованном временном хранилище под сохранную расписку ответственного должностного лица. Данный нетипичный порядок должен найти максимально подробное отражение в протоколе следственного действия с указанием показаний дозиметрических приборов.

В качестве эффективного тактического приема преодоления бюрократических и режимных барьеров может рассматриваться так называемая «следственная хитрость». При необходимости задержания лица, находящегося в глубине охраняемой зоны, следователем может быть использован следующий прием: через сотрудников службы безопасности до целевого лица доводится информация о неотложных семейных обстоятельствах, требующих его выхода за пределы объекта. Учитывая отсутствие средств связи у работников, проверка достоверности такой информации затруднена, и лицо покидает наиболее изолированную зону, после чего задержание производится на втором или третьем уровне контроля, где режимные ограничения менее строги.

На основе проведенного анализа уголовно-процессуального законодательства, ведомственных нормативных актов и особенностей правового режима секретных объектов, представляется возможным сформулировать ряд научно обоснованных практических рекомендаций для следователей, планирующих производство следственных действий на режимных объектах. Соблюдение этих рекомендаций призвано минимизировать риски, обеспечить допустимость доказательств и исключить возникновение конфликтных ситуаций с администрацией объекта.

Во-первых, подготовительным этапом выступает налаживание эффективного взаимодействия со службой безопасности объекта. Следователю необходимо заблаговременно направить официальный запрос или установить рабочий контакт для детального выяснения алгоритма действия, т.е. следует в письменной форме уточнить перечень документов, необходимых для оформления допуска, а также регламентированные временные рамки рассмотрения заявки. Игнорирование данного этапа может привести к срыву следственного действия по формальным основания, связанным с отказом в пропуске на территорию, что в условиях дефицита времени является недопустимым тактическим просчетом. Особое внимание стоит уделить согласованию статуса помещения, в котором планируется производить действия, так как от этого зависит объем ограничений.

Во-вторых, ключевым ограничением на большинстве режимных объектов является категорический запрет на пронос и использование электронных средств, средств аудио- и видеофиксации, а также мобильных телефонов, не сертифицированных службой безопасности. В связи с этим следователю надлежит отказаться от использования стандартных и привычных технических средств фиксации хода и результатов следственного действия, заменив их исключительно бумажными носителями информации. Рекомендуется заранее подготовить необходимое количество бланков протоколов, чистых листов бумаги и канцелярских принадлежностей. Данное условие кардинально меняет подход к составлению протокола, поскольку в отсутствие возможности диктофонной записи или быстрой печати, особые требования предъявляются к полноте и разборчивости рукописного текста.

В-третьих, юридическая обязанность соблюдения правил внутреннего распорядка и требований безопасности режимного объекта лежит на следователе в той же мере, что и на персонале. До начала следственного действия не просто формально ознакомиться с инструкцией под роспись, но и уяснить практические аспекты поведения в нештатных ситуациях (срабатывание сигнализации, объявление учебной тревоги). Любые отклонения от установленных правил может быть расценено службой безопасности как нарушение режима секретности и правил безопасности, что чревато немедленным удалением члена или полностью СОГ с территории объекта.

В-четвертых, необходимо учитывать специфику психологической обстановки, обусловленную обязательным присутствием сотрудника службы безопасности при про-

изводстве следственных действий. Присутствие «третьего лица», аффилированного с работодателем подозреваемого, создает мощный фактор внешнего давления. Следователю рекомендуется заранее продумать тактику минимизации этого влияния. Представляется целесообразным в начале беседы акцентировать внимание сотрудника службы безопасности на его функции обеспечения физической безопасности, а не контроля содержания разговора. Кроме этого, следователю следует занять позицию, визуально отгораживающую подозреваемого от стоящего позади сотрудника безопасности. При выраженном страхе подозреваемого следует использовать письменную форму постановки отдельных деликатных вопросов с последующим приобщением ответов к протоколу, что снизит страх озвучивания информации под взглядом контролирующего лица.

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо сделать вывод о том, что производство следственных действий на атомных объектах и территориях ЗАТО представляет собой многогранную организационно-правовую проблему, выходящую за рамки стандартных криминалистических алгоритмов. Следователь вынужден осуществлять свои процессуальные полномочия в сложнейших условиях пересечения сразу нескольких правовых режимов: уголовно-процессуального, режима охраны государственной тайны, а также режима радиационной и физической безопасности.

Выявленные в ходе анализа проблемы (от информационной изоляции и непрерывного давления со стороны служб безопасности до невозможности применения электронных средств фиксации и процессуальных сложностей в обращении с радиоактивными вещественными доказательствами) наглядно свидетельствуют о наличии существенных пробелов в правоприменительной практике. Общие нормы действующего УПК РФ объективно не способны в полной мере охватить специфику работы следственно-оперативной группы в условиях ядерных объектов.

В связи с этим успешность и законность расследования зависят не только от базовой теоретической подготовки следователя, но и от его тактической гибкости, навыков оперативного межведомственного взаимодействия и готовности к неукоснительному соблюдению ведомственных инструкций режимного предприятия. В качестве перспективного пути разрешения обозначенных проблем видится необходимость теоретической разработки и последующего внедрения на уровне правоохранительных ведомств специализированных методических рекомендаций (возможно, в формате совместных межведомственных приказов с Госкорпорацией «Росатом» и ФСБ России). Подобные акты должны детально регламентировать процессуальный статус сопровождающих сотрудников безопасности, безопасные алгоритмы работы с радиоактивными следами преступления и легитимный порядок применения альтернативных средств объективного контроля в зонах повышенной секретности и радиационной опасности.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 20.03.2010 № 366-р «О создании федерального государственного унитарного предприятия "Дальневосточный центр по обращению с радиоактивными отходами"» / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/902218778 (дата обращения: 06.05.2026).

2. Указ Президента РФ от 24.01.1998 № 61 «О перечне сведений, отнесенных к государственной тайне» / Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/11915 (дата обращения: 06.05.2026).

3. Постановление Правительства РФ от 19.07.2007 № 456 «Об утверждении Правил физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов» / Справ. правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52645/ (дата обращения: 06.05.2026).

4. Приказ Ростехнадзора от 17.12.2015 № 522 «Об утверждении федеральных норм и правил в области использования атомной энергии "Общие положения обеспечения безопасности атомных станций"» / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/420329007 (дата обращения: 06.05.2026).

5. Приказ Ростехнадзора от 07.12.2023 № 440 / Справ. правовая система «Норматив». URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=467975 (дата обращения: 06.05.2026).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ / Справ. правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 06.05.2026).

7. Средства индивидуальной защиты персонала радиационно и химически опасных объектов атомной промышленности и энергетики / В.И.Рубцов [и др.] // Гигиена и санитария. - 2017. - № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-individualnoy-zaschity-personala-radiatsionno-i-himicheski-opasnyh-obektov-atomnoy-promyshlennosti-i-energetiki (дата обращения: 06.05.2026).

8. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 26.04.2010 № 40 «Об утверждении СП 2.6.1.2612-10 "Основные санитарные правила обеспечения радиационной безопасности (ОСПОРБ-99/2010)"» / Справ. правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_104054 / (дата обращения: 06.05.2026).

Procedural and tactical problems of investigative actions at nuclear facilities

Chernykh V.S., Khachaturova A.A., Gonchar P.A., Votkin V.A.
Far Eastern Federal University

The article is devoted to the study of legal and organizational problems that arise during the conduct of investigative actions at nuclear facilities and territories of closed administrative-territorial entities (BUT). Using the example of the Far Eastern Center for Radioactive Waste Management (DVC DalRAO), the authors analyzed key barriers: a multi-level access system, a complete ban on the use of electronic means of communication and recording, mandatory full escort by security personnel, as well as a conflict between the requirements of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the seizure and storage of physical evidence and radiation safety rules. The procedural and tactical difficulties of recording the course of investigative actions in the absence of video recordings and witnesses, as well as the problem of ensuring the admissibility of evidence under pressure from "third parties" are revealed.

Keywords: nuclear facilities, investigative actions, BUT, regime facility, radiation safety, state secret, physical evidence, evidence fixation, tactical techniques.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation dated 03/20/2010 No. 366-r "On the Establishment of the Federal State Unitary Enterprise Far Eastern Center for Radioactive Waste Management" / Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents. URL: https://docs.cntd.ru/document/902218778 (date of access: 05/06/2026).
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 01/24/1998 No. 61 "On the list of information classified as a State secret" / Official website of the President of Russia. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/11915 (date of request: 05/06/2026).
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated 07/19/2007 No. 456 "On Approval of the Rules for the Physical Protection of Nuclear Materials, Nuclear Installations and Nuclear Material Storage facilities" / Reference. the legal system of ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52645 / (date of access: 05/06/2026).

4. Rostechnadzor Order No. 522 dated 12/17/2015 "On Approval of Federal Norms and Rules in the field of atomic Energy Use "General Provisions for ensuring the Safety of Nuclear Power Plants" / Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents. URL: https://docs.cntd.ru/document/420329007 (date of application: 05/06/2026).
5. Rostechnadzor Order No. 440 dated 12/07/2023 / Reference the legal system "Norm". URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=467975 (date of request: 05/06/2026).
6. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001 / Reference. the legal system of ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 / (date of application: 05/06/2026).
7. Personal protective equipment for personnel of radiation and chemically hazardous facilities of the nuclear industry and energy / V.I.Rubtsov [et al.] // Hygiene and sanitation. - 2017. - No. 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-individualnoy-zaschity-personala-radiatsionno-i-himicheski-opasnyh-obektov-atomnoy-promyshlennosti-i-energetiki (date of request: 05/06/2026).
8. Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation dated 04/26/2010 No. 40 "On approval of SP 2.6.1.2612-10 "Basic Sanitary rules for Radiation Safety (OSPORB-99/2010)" / Reference. the legal system of ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_104054 / (date of access: 05/06/2026).

Систематика способов защиты нарушенных прав покупателя по конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.

Гончар Полина Андреевна
студент, Дальневосточный федеральный университет,
gonchar.pandr@dvfu.ru,

Макаров Егор Денисович
студент, Дальневосточный федеральный университет,
makarov.ede@dvfu.ru,

Леонов Михаил Романович
ассистент кафедры международного публичного и частного права, Дальневосточный федеральный университет,
leonov.mr@dvfu.ru

В статье рассматривается систематика способов защиты нарушенных прав покупателя по Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. Анализируются критерии классификации средств защиты, включая субъектный, функциональный критерии и критерий характера нарушения договора. Особое внимание уделяется исполнительным, прекращающим, корректирующим, компенсационным и превентивным средствам защиты, а также вопросу их кумулятивности и альтернативности. Отдельно раскрывается значение существенного нарушения договора для выбора покупателем наиболее радикальных мер защиты, включая расторжение договора и замену товара. Делается вывод о необходимости договорной конкретизации санкций, процентов и сроков уведомлений о несоответствии товара для минимизации рисков применения различных правовых систем и повышения предсказуемости разрешения внешнеторговых споров в практике.

Ключевые слова: Венская конвенция, международная купля-продажа товаров, способы защиты, права покупателя, существенное нарушение договора, убытки.

В современной практике международной торговли Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (Венская конвенция) играет фундаментальную роль, ее регулирование выступает основным правовым режимом для большинства трансграничных поставок. Специфика Конвенции заключается в отсутствии жесткой привязки конкретных санкций к конкретным нарушениям, что отличает ее от национальных правопорядков (например, ГК РФ). Статья 45 Венской конвенции закрепляет общий перечень средств правовой защиты, предоставляя покупателю свободу выбора, что обуславливает научную и практическую необходимость их глубокой систематизации. Традиционное деление мер исключительно на общие (взыскание убытков) и специальные (иные средства) недостаточно для правоприменения, требующего определения мер ответственности исходя из юридического состава правонарушения. Еще одним критерием классификации способов защиты является их разделение по субъекту – то есть в зависимости от того, чьи именно права были нарушены. Венская конвенция четко разграничивает меры реагирования, выделяя отдельные перечни правомочий для покупателя (раздел III главы II) и для продавца (раздел III главы III). Такое структурное разделение вполне логично и объясняется разной природой их встречных обязательств. Поскольку главная задача продавца заключается в передаче товара и относящихся к нему документов, а задача покупателя – в принятии товара и уплате цены, Конвенция предлагает каждому участнику сделки те правовые инструменты, которые лучше всего отвечают специфике его положения. Именно поэтому система защиты прав покупателя, основанная на статье 45 Венской конвенции, включает в себя ряд особых прерогатив, напрямую связанных с качеством и физическим состоянием получаемого блага. К таким сугубо «покупательским» мерам относятся, например, право требовать уценки (снижения покупной цены) при поставке некачественного товара, а также возможность потребовать замены бракованной вещи или устранения ее дефектов силами продавца. Но наиболее релевантным для нас представляется функциональный критерий, позволяющий не только сгруппировать меры по их правовой цели, но и выявить их кумулятивную (совместимую) или альтернативную природу, что и образует подлинную систематику защитных механизмов.

Актуальность систематизации обусловлена тем, что в международном коммерческом обороте спор о нарушении договора редко сводится к одному изолированному требованию. Как правило, покупатель одновременно заинтересован в получении товара, сохранении хозяйственной цели сделки, возмещении дополнительных расходов и снижении риска дальнейшего неисполнения. Поэтому выбор конкретного способа защиты должен производиться не механически, а с учетом характера нарушения, стадии исполнения договора, поведения продавца и экономического результата, которого покупатель стремился достичь при заключении внешнеторгового контракта.

С методологической точки зрения способы защиты покупателя целесообразно рассматривать как единую систему, а не как случайный набор самостоятельных правомочий. Такой подход позволяет увидеть, что одни средства направлены на понуждение продавца к надлежащему исполнению, другие – на корректировку нарушенного имущественного баланса, третьи — на прекращение

договорной связи, а четвертые – на предупреждение будущих убытков. В результате функциональная классификация приобретает не только теоретическое, но и практическое значение: она помогает определить последовательность действий покупателя и избежать заявления взаимоисключающих требований.

Важнейшим элементом юридического состава выступает характер нарушения договора, которое Конвенция делит на существенное и несущественное. Существенным признается нарушение, в значительной степени лишающее потерпевшую сторону ожидаемого по договору блага (при условии предвидимости результата), что открывает покупателю доступ к наиболее радикальным мерам: расторжению договора или требованию замены товара. При этом наиболее релевантным для правоприменения является функциональный подход, позволяющий объединить систему средств защиты покупателя в пять взаимосвязанных групп. Первую категорию составляют исполнительные средства (ст. 46–48), направленные на получение реального исполнения (исполнение в натуре, замена товара, устранение дефектов), применение которых ограничено ст. 28 рамками национального права суда. Вторую группу образуют прекращающие средства (ст. 49, 72) – расторжение договора, выступающее крайней мерой. Третья категория – корректирующие средства (ст. 50), в частности уценка, позволяющие сохранить сделку путем восстановления экономического баланса пропорционально снижению стоимости дефектного товара. Четвертая, наиболее распространенная группа – компенсационные средства (ст. 74–78), включающие взыскание убытков в виде реального ущерба и упущенной выгоды, а также процентов за просрочку. Замыкают данную систему превентивные средства (ст. 71), предоставляющие право приостановить исполнение при возникновении угрозы нарушения обязательств контрагентом.

Исполнительные средства защиты занимают в системе Конвенции особое место, поскольку они в наибольшей степени ориентированы на сохранение первоначальной договорной программы. Покупатель, заявляющий требование об исполнении в натуре, исходит из того, что получение согласованного товара для него важнее, чем прекращение договора и последующее взыскание денежных сумм. Вместе с тем такое требование не может рассматриваться как универсальное средство на все случаи нарушения: его эффективность зависит от заменимости товара, возможности устранения недостатков, разумности расходов продавца и от того, сохраняет ли покупатель реальный коммерческий интерес в исполнении.

Внутри исполнительных средств необходимо различать требование о передаче товара, требование о замене товара и требование об устранении недостатков. Замена товара является более строгим способом защиты, поскольку предполагает фактическое исключение первоначально поставленного товара из договорного результата и получение иного товара. Именно поэтому она тесно связана с категорией существенного нарушения. Устранение недостатков, напротив, направлено на сохранение поставки и может использоваться тогда, когда дефекты товара устранимы, а их исправление не лишает покупателя того экономического результата, на который он рассчитывал.

Прекращающие средства защиты должны применяться особенно осторожно. Расторжение договора в международной купле-продаже влечет не только прекращение основных обязанностей сторон, но и необходимость решения дополнительных вопросов: возврата полученного, распределения расходов по транспортировке и хранению товара, определения размера убытков, а также судьбы обеспечительных и расчетных механизмов. Поэтому в логике Венской конвенции расторжение выступает не первым, а последним средством реагирования, допустимым тогда, когда сохранение договора утрачивает практический смысл для потерпевшей стороны.

Корректирующие средства, напротив, позволяют сохранить договор и одновременно восстановить нарушенное соотношение встречных предоставлений. Снижение цены особенно важно в тех случаях, когда товар уже находится у покупателя, его возврат экономически нецелесообразен, а недостатки не исключают возможности использования товара в коммерческой деятельности. При таком подходе покупатель не разрушает сделку полностью, но добивается соразмерного уменьшения своей обязанности по оплате, что соответствует компенсаторной и стабилизирующей функции Конвенции.

Компенсационные средства имеют универсальный характер, поскольку денежные потери могут возникать при любом варианте поведения покупателя. Даже если покупатель требует реального исполнения, он может понести расходы на хранение товара, простой оборудования, привлечение третьих лиц или приобретение временной замены. Если же договор расторгнут, убытки могут выражаться в разнице цен, дополнительных транспортных издержках и иных расходах, связанных с заключением заменяющей сделки. Следовательно, компенсационная функция не конкурирует с иными средствами защиты, а дополняет их при наличии самостоятельных имущественных последствий нарушения.

Превентивные средства имеют самостоятельное значение именно в международном обороте. Покупатель может столкнуться с ситуацией, когда нарушение еще не наступило окончательно, но обстоятельства явно свидетельствуют о риске неисполнения продавцом своих обязанностей. В такой ситуации продолжение исполнения со стороны покупателя, например перечисление аванса или принятие дополнительных партий товара, может привести к увеличению потерь. Право приостановить исполнение позволяет сбалансировать интересы сторон и временно остановить развитие неблагоприятных последствий до выяснения реальной способности контрагента исполнить договор.

Главным аспектом систематики является соотношение данных защитных механизмов: их альтернативность или кумулятивность. Как справедливо отмечается в практике МКАС при ТПП РФ, Конвенция пронизана общим принципом совместимости средств защит. В силу п. 2 ст. 45 компенсационные средства полностью кумулятивны: реализация иных прав не лишает покупателя возможности требовать возмещения убытков. В то же время существуют и строгие альтернативы: расторжение договора несовместимо с требованием исполнения в натуре. Более того, взыскание абстрактных убытков (разницы между ценой договора и текущей рыночной ценой по ст. 76) допускается лишь в том случае, если договор был предварительно расторгнут.

Практическая сложность состоит в том, что покупатель нередко формулирует несколько требований одновременно, не всегда учитывая их правовую совместимость. Между тем системный подход требует сначала определить, сохраняется ли договорная связь, затем установить, нуждается ли покупатель в реальном исполнении, и только после этого решать вопрос о компенсации дополнительных потерь. Если покупатель выбирает расторжение, он тем самым меняет правовую модель защиты: акцент переносится с получения согласованного товара на восстановление имущественного положения, которое существовало бы при надлежащем исполнении либо при своевременном отказе от договора.

Кумулятивность средств защиты не означает возможности произвольного суммирования любых требований.

Совместимыми являются только те средства, которые не противоречат друг другу по своей цели и правовым последствиям. Так, возмещение убытков может сопровождать требование об устранении недостатков, поскольку первое компенсирует потери, а второе направлено на получение надлежащего исполнения. Однако требование о замене товара и сохранение того же товара с пропорциональным снижением цены могут вступать в противоречие, если заявляются в отношении одного и того же недостатка и предполагают взаимоисключающий экономический результат.

Для покупателя существенное значение имеет также своевременность реализации избранного способа защиты. Промедление с уведомлением о несоответствии товара или с заявлением об отказе от договора может осложнить доказывание нарушения и создать у продавца разумное ожидание сохранения сделки. Поэтому систематика средств защиты должна дополняться процессуально-поведенческим аспектом: покупатель должен не только выбрать надлежащее средство защиты, но и реализовать его в разумный срок, в надлежащей форме и с учетом обязанности минимизировать возможные убытки.

Несмотря на высокую степень проработки и унификации общих средств защиты, Венская конвенция содержит пробелы, восполняемые субсидиарным применением национального права (п. 2 ст. 7). Она прямо исключает из своей сферы вопросы недействительности договора (ст. 4), не содержит правил об исковой давности и не регулирует институт неустойки. Аналогично обстоит ситуация с процентами годовых: право на их взыскание закреплено в ст. 78 Конвенции, но размер ставки определяется по национальному прав. Выстроенная система средств защиты обладает строгой внутренней логикой, направленной на сохранение сделки (favor contractus). Алгоритм защиты развивается поступательно: от превентивных и исполнительных мер к прекращению обязательств, неизменно сопровождаясь на каждом этапе компенсационной функцией. Практический вывод из проведенной систематизации заключается в том, что при составлении внешнеторгового контракта сторонам необходимо прямо закреплять размер штрафных санкций и неустоек, ставку процентов за просрочку и четкие сроки для направления уведомлений о несоответствии товара, что позволит минимизировать риски непредсказуемого применения норм различных правовых систем.

Особое значение для практики имеет разграничение вопросов, урегулированных Конвенцией, и вопросов, которые остаются за пределами ее предмета. Если спор касается самого факта нарушения, критериев существенности, права на снижение цены, расторжения или взыскания убытков, правоприменитель прежде всего обращается к положениям Конвенции. Однако вопросы действительности договора, исковой давности, договорной неустойки, размера процентов и отдельных последствий недействительности могут потребовать обращения к применимому национальному праву. Это означает, что автономность Венской конвенции не исключает необходимости тщательного согласования договорных условий.

С учетом изложенного при подготовке внешнеторгового контракта сторонам целесообразно заранее определять алгоритм действий при поставке товара ненадлежащего качества. В договоре могут быть закреплены порядок осмотра товара, сроки направления уведомления о несоответствии, требования к содержанию такого уведомления, процедура предоставления продавцу возможности устранить недостатки, условия замены товара, основания для снижения цены и порядок расчета убытков. Чем подробнее стороны урегулируют данные вопросы, тем меньше вероятность того, что спор будет разрешаться исключительно на основе общих формулировок и усмотрения суда или арбитража.

Таким образом, систематика способов защиты нарушенных прав покупателя по Венской конвенции имеет комплексный характер. Она включает не только классификацию мер по их назначению, но и установление правил их сочетания, последовательности применения и связи с характером нарушения договора. Наиболее эффективной представляется модель, при которой покупатель сначала оценивает возможность сохранения договора, затем определяет необходимость реального исполнения или корректировки цены, после чего решает вопрос о расторжении и компенсации убытков. Такой подход позволяет обеспечить баланс между стабильностью международной сделки и полноценной защитой нарушенного права покупателя.

Литература

1. Баталов Д.А. Средства правовой защиты в случае нарушения договора международной купли-продажи товаров // Вестник экономики и права. – 2020. – № 37. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-pravovoy-zaschity-v-sluchae-narusheniya-dogovora-mezhdunarodnoy-kupli-prodazhi-tovarov (дата обращения: 13.06.2026).

2. Зыкин И.С. Практика применения средств защиты прав продавца и покупателя по Венской конвенции 1980 г. // Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров: практика применения в России и за рубежом / отв. ред. А.С. Комаров. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 1–7. – URL: https://www.agp.ru/upload/iblock/bfa/5nwsfpkh6kbtz7haoqq7pfyhp57w6eek/Zykin-praktika-primeneniya-sredstv-zashchity-prav-prodavtsa-i-pokupatelya-po-venskoy-konventsii-1980-g.pdf (дата обращения: 13.06.2026).

3. Угрин Т.С. Средства правовой защиты при нарушении продавцом и покупателем договора (контракта) международной купли-продажи // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 11. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-pravovoy-zaschity-pri-narushenii-prodavtsom-i-pokupatelem-dogovora-kontrakta-mezhdunarodnoy-kupli-prodazhi (дата обращения: 13.06.2026).

4. Челышева Н.Ю. Способы защиты прав покупателя по договорам международной купли-продажи в случае поставки товаров из государств, применяющих экономические санкции к России // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 476. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-zaschity-prav-pokupatelya-po-dogovoram-mezhdunarodnoy-kupli-prodazhi-v-sluchae-postavki-tovarov-iz-gosudarstv (дата обращения: 13.06.2026).

5. Сборник ЮНСИТРАЛ по прецедентному праву, касающемуся Конвенции Организации Объединенных Наций о международной купле-продаже товаров. Резолюция 63/120 Генеральной Ассамблеи ООН от 11.12.2008 // Документ ООН A/CN.9/SER.C/DIGEST/CISG/74. – URL: https://uncitral.un.org/sites/default/files/media-documents/uncitral/ru/cisg_digest_2016_r.pdf (дата обращения: 13.06.2026).

6. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11.04.1980) // Вестник ВАС РФ. – 1994. – № 1. – URL: https://docs.cntd.ru/document/9010417 (дата обращения: 13.06.2026).

Systematization of remedies for violated buyer's rights under the united nations convention on contracts for the international sale of goods of 1980

Gonchar P.A., Makarov E.D., Leonov M.R.
Far Eastern Federal University

The article examines the systematization of remedies for violated buyer's rights under the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods of 1980. The authors analyze the criteria for classifying remedies, including the subject-based and functional criteria and the criterion of the nature of breach. Special attention is paid to performance-oriented, terminating, corrective, compensatory and preventive remedies, as well as to their cumulative and alternative nature. The article concludes that contractual specification of penalties, interest and time limits for notices of non-conformity is necessary.

Keywords: Vienna Convention, international sale of goods, remedies, buyer's rights, fundamental breach, damages.

References

1. Batalov D.A. Remedies in case of breach of an international sale of goods contract. Vestnik ekonomiki i prava, 2020, no. 37. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-pravovoy-zaschity-v-sluchae-narusheniya-dogovora-mezhdunarodnoy-kupli-prodazhi-tovarov (accessed 13.06.2026).
2. Zykin I.S. Practice of applying remedies for the seller's and buyer's rights under the Vienna Convention of 1980. In: Komarov A.S. (ed.). Vienna Convention on Contracts for the International Sale of Goods: Practice of Application in Russia and Abroad. Moscow: Wolters Kluwer, 2007, pp. 1–7. Available at: https://www.agp.ru/upload/iblock/bfa/5nwsfpkh6kbtz7haoqq7pfyhp57w6eek/Zykin-praktika-primeneniya-sredstv-zashchity-prav-prodavtsa-i-pokupatelya-po-venskoy-konventsii-1980-g.pdf (accessed 13.06.2026).
3. Ugrin T.S. Remedies for breach by the seller and the buyer of an international sales contract. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii, 2013, no. 11. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-pravovoy-zaschity-pri-narushenii-prodavtsom-i-pokupatelem-dogovora-kontrakta-mezhdunarodnoy-kupli-prodazhi (accessed 13.06.2026).
4. Chelysheva N.Yu. Methods of protecting the buyer's rights under international sales contracts in case of delivery of goods from states applying economic sanctions to Russia. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2022, no. 476. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-zaschity-prav-pokupatelya-po-dogovoram-mezhdunarodnoy-kupli-prodazhi-v-sluchae-postavki-tovarov-iz-gosudarstv (accessed 13.06.2026).
5. UNCITRAL Digest of Case Law on the United Nations Convention on the International Sale of Goods. United Nations General Assembly Resolution 63/120 of 11.12.2008. UN Document A/CN.9/SER.C/DIGEST/CISG/74. Available at: https://uncitral.un.org/sites/default/files/media-documents/uncitral/ru/cisg_digest_2016_r.pdf (accessed 13.06.2026).
6. United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (concluded in Vienna on 11.04.1980). Vestnik VAS RF, 1994, no. 1. Available at: https://docs.cntd.ru/document/9010417 (accessed 13.06.2026).

Международные соглашения, не имеющие юридической силы: постановка вопроса в контексте толкования и применения

Изотова Галина Сергеевна
аспирант, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, gln.ztv.lwr@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с международными соглашениями, не имеющими обязательной юридической силы (non-legally binding international agreements). В статье автор анализирует критерии разграничения международных договоров и международных соглашений, не имеющих обязательной юридической силы, используемые Комиссией международного права ООН и применяемые Международным судом ООН. На основе проведенного анализа формируется представление о подходах к толкованию международных соглашений.
Ключевые слова: международное право, международный договор, толкование, цель толкования, Международный суд ООН.

Введение

Практика использования в межгосударственных отношениях соглашений, не имеющих юридической силы, общеизвестна и широко распространена. Такие документы могут носить название деклараций, меморандумов либо иные варианты наименования, но они не являются международными договорами, и, как следствие, не порождают юридических прав или обязательств для сторон, о чем напрямую иногда может быть указано в таком документе. В большей степени эти документы влекут за собой обязательства политического и морального характера.

Цель данной статьи - определить подходы и признаки разграничения международного договора и необязывающего соглашения, которые разрабатываются в рамках деятельности Комиссии международного права ООН (далее - КМП ООН) и применяются в практике Международного Суда ООН.

Основная часть

В 2018 году КМП ООН рассматривала необязывающие соглашения при рассмотрении вопроса по теме «Последующие соглашения и последующая практика в отношении толкования договоров». Так, давая разъяснения по п. 3 (подп. «a», «b») ст. 31 Венской конвенция о праве международных договоров 1969 [1], КМП ООН сделала вывод и дала комментарии, что последующие соглашения и последующая практика, не имеющие обязательной юридическую силу, также могут приниматься по этой статье в качестве средств толкования, а также будут приводить к возникновению правовых последствий в рамках процесса толкования [2, С.82].

В 2023 году КМП ООН вернулась к вопросу и начала работу над темой «Международные соглашения, не имеющие обязательной юридической силы». По данной теме специальным докладчиком был назначен М. Форто, и в процессе им было представлено три доклада (в 2024 [3], 2025 [4] и в начале 2026 года [5] соответственно). Одним из ключевых вопросов обозначено определение признаков (критериев), позволяющих проводить разграничение в случае спорной ситуации либо неопределенности условий международного соглашения между международными договорами и необязывающими соглашениями.

Под «международным соглашением, не имеющим обязательной юридической силы», предлагается понимать любое соглашение, оформленное письменно и заключенное между субъектами международного права, которое само по себе не создает каких-либо прав или обязательств и не имеет иной обязательной юридической силы в соответствии с международным правом [6, С.2]. Такие соглашения могут быть двусторонними и многосторонними.

Из анализа Проекта выводов и обсуждений в процессе работы КМП ООН над этой темой следует, что ключевым для идентификации международного соглашения в качестве международного договора или необязывающего соглашения является намерение участников «принять на себя юридические обязательства на основании этого соглашения» [7, С.2]. Явное намерение предполагает включение в текст документа прямого указания на то, что соглашение не имеет обязательной юридической силы, что предполагается достаточным для разрешения вопроса. В отсутствие явно выраженного намерения в тексте, разгра-

ничение международного договора и необязывающего соглашения потребует интерпретации спорного международного соглашения применительно к каждому случаю, что требует определения критериев оценки.

Следует отметить, что в 2020 году в рамках Межамериканского юридического комитета были разработаны Руководящие положения об обязывающих и необязывающих соглашениях, где описаны два интерпретационных подхода: «критерий намерения» и «объективный критерий» [8, С.14]. В первом случае при интерпретации в разрезе «критерия намерения» описывается акцентирование на «субъективном анализе», основанном на явных намерениях сторон, для определения того, является ли соглашение обязательным (то есть международным договором). Во втором случае используется «объективный критерий», при котором предмет, текст и контекст соглашения определяют его обязательный или необязательный характер независимо от других доказательств, указывающих на намерения одного или нескольких его авторов. При объективном подходе приоритет отдается тексту и используемым формулировкам, в то время как при субъективном подходе основное внимание уделяется намерениям сторон.

Последняя редакция Проекта выводов КМП ООН по теме предполагает, что критерии для оценки намерения будут определены на следующем этапе работы. Вместе с тем перечень предполагаемых к использованию критериев для идентификации международного соглашения скорее позволяет предположить последующее применение объективного подхода. Так, при отсутствии явного намерения предлагается обращать внимание на внешнюю форму (наименование и структуру) соглашения; используемые формулировки и весь текст в целом; на предмет соглашения или характер предусмотренных в нем материальных обязательств; на наличие специальных положений, характерных для договоров (такие условия, как вступление в силу, изменение, срок действия и порядок прекращения; применимое право; урегулирование споров; регистрации в системе ООН как международного договора и т.д.); на обстоятельства, в которых разрабатывался и принимался текст; на компетенцию представителей сторон (в том числе наличие или отсутствие полномочий); на порядок принятия и подписания текста, а также регистрации и опубликования (на внутреннем и международном уровне); на последующее поведение сторон [9, С.32].

Практика Международного Суда ООН также свидетельствует, что более распространен объективный подход. Например, в деле «Делимитация морских пространств и территориальные вопросы» (Катар против Бахрейна) Международный Суд ООН постановил, что стороны заключили юридически обязывающее соглашение о признании юрисдикции Международного Суда ООН в форме согласованных протоколов, несмотря на заявления министра иностранных дел Бахрейна о том, что он не имел такого намерения [10, С. 13-14]. В деле «Делимитация морских пространств в Индийском океана» (Сомали против Кении) рассматривался юридический статус Меморандума о взаимопонимании между Кенией и переходным правительством Сомали 2009 года. В этом деле суд квалифицировал меморандум о взаимопонимании как письменный документ, в котором Сомали и Кения фиксируют свое согласие по вопросам, регулируемым международным правом, при этом «включение положения о вступлении в силу меморандума о взаимопонимании свидетельствует о его обязательной юридической силе» [11, С.22-23].

В 2025 году Международный Суд ООН рассмотрел дело между Габоном и Экваториальной Гвинеей о делимитация сухопутных и морских пространств и суверенитете над островами, где предметом рассмотрения был вопрос о юридической силе Конвенции Бата 1974 г. Как следует из решения суда, ключевым вопросом было толкование намерения сторон заключить юридически обязательный документ для них [12, С.32-37].

Для установления намерения суд анализировал условия договора и конкретные обстоятельства его заключения, а также последующее поведение сторон. При исследовании условий договора был применен текстуальный анализ его условий, в том числе для установления намерения из текста соглашения. Вторым элементом для установления стал процесс его составления и заключения, включая ход переговоров, официальные заявления и иные подготовительные документы. Третьим элементом анализа стало последующее поведение сторон.

В результате рассмотрения дела суд признал, что Конвенция Бата не является имеющим законную силу международным договором. По мнению суда, текстуальный анализ и оценка конкретных обстоятельств составления документа показали, что документ подлежал дополнению последующими шагами и соглашениями для урегулирования ситуации, предусматривал согласование новой редакции ст. 4 Конвенции, оговорку от руки nota bene к одному из пунктов и т.д. [13, С. 35]. Предоставленную информация о процессе, предшествовавшем подписанию этой Конвенции, он посчитал ограниченной и противоречивой, и также ему не были представлены подготовительные документы, которые могли бы пролить свет на намерения сторон [14, С.34]. Следует отметить, что в данном случае суд также исследовал дипломатическую переписку Франции и Испании. Страны были вовлечены в спор, являясь бывшими метрополиями Экваториальной Гвинеи и Габона. Последующее поведение сторон, по мнению суда, свидетельствовало о том, что стороны не привели в исполнение положение Конвенции Бата, в период с 1979 по 2003 они проводили переговоры по вопросам, урегулированным Конвенцией Бата, и ни разу на нее не ссылались, в том числе и сторона, ссылавшаяся на нее как международный договор [15, С. 35-37].

Таким образом, примененный Международным Судом ООН подход опирается в первую очередь на текст соглашения, в том числе на выявление намерения в нем (первый элемент). Далее демонстрируется применение к ситуации контекста - оценки обстоятельств составления соглашения, в том числе переговорного процесса и подготовительных документов (второй элемент), а также последующего поведения сторон (третий элемент). Поскольку КМП ООН планирует сформулировать итоговые выводы об элементах, применяемых для оценки международного соглашения в части наличия или отсутствия у него обязательной юридической силы, на следующих этапах своей работы, представляет интерес, к какому варианту элементов придет КМП ООН по итогам работы над темой.

Заключение

На основании проведенного исследования, на текущий момент при установлении того, является ли международное соглашение юридически обязательным договором либо необязательным актом, КМП ООН и Международный Суд ООН опираются на схожие подходы.

Литература

1. Венская конвенция о праве международных договоров, принята 23 мая 1969 года. Официальный сайт ООН, URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml?ysclid=mq4ljmf6ik790619173. Дата обращения 04.04.2026.

2. Доклад Комиссии международного права. Семидесятая сессия (30 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2018 года). A/73/10. (см. «Последующие соглашения и последующая практика в отношении толкования договоров», Вывод 10 и комментарии к нему). С.82, 84-85. URL: https://docs.un.org/ru/A/73/10. Дата обращения 04.04.2026.

3. Первый доклад о международных соглашениях, не имеющих обязательной юридической силы, A/CN.4/772, 21 июня 2024. URL: подготовлен https://docs.un.org/ru/A/CN.4/772. Дата обращения 04.04.2026.

4. Второй доклад о международных соглашениях, не имеющих обязательной юридической силы, A/CN.4/784, 18 февраля 2025 URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g25/025/11/pdf/g2502511.pdf. Дата обращения 04.04.2026.

5. Третий доклад о международных соглашениях, не имеющих обязательной юридической силы, A/CN.4/790, 03 февраля 2026. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g26/012/95/pdf/g2601295.pdf. Дата обращения 04.04.2026.

6. Пункт 1 Вывод 3, Тексты и заголовки проектов выводов 1, 2, 3, 4 и 5, принятые в предварительном порядке Редакционным комитетом 19, 20, 21, 27 и 28 мая 2026 года, A/CN.4/L.1036. С.2. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/g26/078/57/pdf/g2607857.pdf. Дата обращения: 01.06.2026.

7. Вывод 4, Тексты и заголовки проектов выводов 1, 2, 3, 4 и 5, принятые в предварительном порядке Редакционным комитетом 19, 20, 21, 27 и 28 мая 2026 года, A/CN.4/L.1036 от28 мая 2026 года. С.2. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/g26/078/57/pdf/g2607857.pdf. Дата обращения: 01.06.2026.

8. Итоговый отчет от 7 августа 2020 по теме «Binding and Non-Binding Agreements» с приложением Руководящих положения об обязывающих и необязывающих соглашениях. С. 14. Пункт 5.2.3.URL: https://www.oas.org/en/sla/iajc/docs/themes_recently_concluded_Binding_and_Non-Binding_Agreements_FINAL_REPORT.pdf. Дата обращения: 25.05.2026.

9. Третий доклад о международных соглашениях, не имеющих обязательной юридической силы, A/CN.4/790, 03 февраля 2026. С. 32 (электронного документа). URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g26/012/95/pdf/g2601295.pdf. Дата обращения 04.04.2026.

10. Решение Международного суда ООН от 01 июля 1994 «Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain (Qatar v. Bahrain)» (параграф 24-30). С. 13-14 (электронного документа). https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/87/087-19940701-JUD-01-00-EN.pdf. Дата обращения: 05.05.2026.

11. Решение Международного суда ООН от 2 февраля 2017 «Maritime Delimitation in the Indian Ocean (Somalia v. Kenya)» (параграф 42). С.22-23 (электронного документа). URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/161/161-20170202-JUD-01-00-EN.pdf. Дата обращения: 05.05.2026.

12. Решение Международного суда ООН от 19 мая 2025 «Land and Maritime Delimitation and Sovereignty over Islands (Gabon/Equatorial Guinea)» (параграфы 74-97). https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/179/179-20250519-jud-01-00-en.pdf. С. 32-37. Дата обращения 24.04.2026.

13. Там же, параграфы 85-86. https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/179/179-20250519-jud-01-00-en.pdf. С. 35. Дата обращения 24.04.2026.

14. Там же, параграфы 79-82. https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/179/179-20250519-jud-01-00-en.pdf. С. 34. Дата обращения 24.04.2026.

15. Там же, параграфы 87-96. https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/179/179-20250519-jud-01-00-en.pdf. С. 35-37. Дата обращения 24.04.2026.

International agreements without legal force: posing the question in the context of interpretation and application

Izotova G.S.
Russian Foreign Trade Academy

The article focuses on questions related to non-legally binding international agreements. The author analyses the criteria used by the International Law Commission and applied by the International Court of Justice to draw a distinction between international treaties and non-legally binding international agreements. Based on the analysis, the study develops an understanding of the approaches to interpreting international agreements.

Keywords: international law, international treaty, interpretation, purpose of interpretation, International Court of Justice.

References

1. Vienna Convention on the Law of Treaties, adopted on 23 May 1969. Official website of the United Nations, URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml?ysclid=mq4ljmf6ik790619173. Date of access: 04.04.2026.
2. Report of the International Law Commission. Seventieth session (30 April–1 June and 2 July–10 August 2018). A/73/10. (See “Subsequent agreements and subsequent practice with respect to the interpretation of treaties”, Conclusion 10 and commentary thereto). pp. 82, 84-85. URL: https://docs.un.org/ru/A/73/10. Date of access: 04.04.2026.
3. First report on non-legally binding international agreements, A/CN.4/772, 21 June 2024. URL: prepared https://docs.un.org/ru/A/CN.4/772. Date of access 04.04.2026.
4. Second report on non-legally binding international agreements, A/CN.4/784, 18 February 2025 URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g25/025/11/pdf/g2502511.pdf. Date of access 04.04.2026.
5. Third report on non-legally binding international agreements, A/CN.4/790, 3 February 2026. Available at: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g26/012/95/pdf/g2601295.pdf. Accessed on 4 April 2026.
6. Paragraph 1 Conclusion 3, Texts and titles of draft conclusions 1, 2, 3, 4 and 5, provisionally adopted by the Drafting Committee on 19, 20, 21, 27 and 28 May 2026, A/CN.4/L.1036. C.2. Available at: https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/g26/078/57/pdf/g2607857.pdf. Accessed on 1 June 2026.
7. Conclusion 4, Texts and titles of draft conclusions 1, 2, 3, 4 and 5, provisionally adopted by the Drafting Committee on 19, 20, 21, 27 and 28 May 2026, A/CN.4/L.1036 of 28 May 2026. P.2. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/g26/078/57/pdf/g2607857.pdf. Date of access: 01.06.2026.
8. Final report of 7 August 2020 on the topic "Binding and Non-Binding Agreements", with the annex of the Guidelines on Binding and Non-Binding Agreements. P. 14. Item 5.2.3. URL: https://www.oas.org/en/sla/iajc/docs/themes_recently_concluded_Binding_and_Non-Binding_Agreements_FINAL_REPORT.pdf. Accessed: 25.05.2026.
9. Third report on non-legally binding international agreements, A/CN.4/790, 03 February 2026. P. 32 (electronic document). URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g26/012/95/pdf/g2601295.pdf. Accessed: 04.04.2026.
10. Judgment of the International Court of Justice of 1 July 1994 "Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain (Qatar v. Bahrain)" (paragraphs 24-30). pp. 13-14 (electronic document). https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/87/087-19940701-JUD-01-00-EN.pdf. Date of access: 05.05.2026.
11. Judgment of the International Court of Justice of 2 February 2017 "Maritime Delimitation in the Indian Ocean (Somalia v. Kenya)" (paragraph 42). pp. 22-23 (electronic document). URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/161/161-20170202-JUD-01-00-EN.pdf. Date of access: 05.05.2026.
12. Judgment of the International Court of Justice of the United Nations of 19 May 2025 "Land and Maritime Delimitation and Sovereignty over Islands (Gabon/Equatorial Guinea)" (paragraphs 74-97). https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/179/179-20250519-jud-01-00-en.pdf. Pp. 32-37. Date of access: 24.04.2026.
13. Ibid., paragraphs 85-86. https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/179/179-20250519-jud-01-00-en.pdf. Page 35. Accessed April 24, 2026.
14. Ibid., paragraphs 79-82. https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/179/179-20250519-jud-01-00-en.pdf. Page 34. Accessed April 24, 2026.
15. Ibid., paragraphs 87-96. https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/179/179-20250519-jud-01-00-en.pdf. P. 35-37. Accessed 24.04.2026.

Гражданство США в контексте XIV поправки к Конституции

Косихина Светлана Степановна
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права, Амурский государственный университет, kosikhina.sveta@yandex.ru

В статье исследуется эволюция института гражданства США через призму XIV поправки к конституции. Автор анализирует трансформацию института гражданства от доктрины «минимализма» А. Бикела до современного его понимания как исключительной привилегии. Особое внимание уделено исполнительному приказу президента США № 14160 (2025 г.) и правовым последствиям возможной отмены автоматического предоставления гражданства по «праву почвы» для детей нелегальных иммигрантов и временных резидентов. Цель, которую преследует автор, состоит в комплексном теоретико-правовом анализе юридических коллизий вокруг института гражданства по праву рождения, обусловленных попыткой ревизии конституционного принципа jus soli со стороны исполнительной власти. Подробно рассматриваются аргументы сторон в рамках текущего судебного процесса в Верховном суде. Делаются выводы о концептуальном расколе в интерпретации института гражданства США, кризисе классической модели jus soli в условиях миграционного давления и прецедентном значении ожидаемого решения Верховного суда, которое определит судьбу американского конституционализма на десятилетия вперед.

Ключевые слова: конституция, США, XIV поправка, гражданство по праву рождения, jus soli, исполнительный приказ 14160, Верховный суд, правовой статус.

Введение

В настоящее время в науке конституционного права и правоприменительной практике США вопрос о гражданстве, в частности, о допустимых способах его приобретения, находится в центре внимания. Теоретико-правовой анализ эволюции института американского гражданства на первый план выводит конфликт по поводу интерпретации юридической формулы «subject to the jurisdiction thereof» («подчиненные их юрисдикции»), зафиксированной в XIV поправке.

В плоскость конституционного кризиса ситуация перешла после подписания президентом США 20 января 2025 г. исполнительного приказа № 14160 «Защита смысла и ценности американского гражданства» [7], направленного на фактическую отмену автоматического предоставления гражданства по рождению детям нелегальных иммигрантов и временных резидентов. Поскольку легитимность этого шага исполнительной власти оспаривается в рамках текущего процесса в Верховном суде, теоретическое осмысление конституционного кризиса, исход которого затронет интересы миллионов американцев, имеет критическое значение.

Целью работы является комплексный теоретико-правовой анализ юридических коллизий вокруг института гражданства по праву рождения в США, обусловленных попыткой ревизии принципа jus soli со стороны президентской власти.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. проследить доктринальную трансформацию американского гражданства от концепции «минимализма» А. Бикела до понимания его как «исключительной привилегии» в XXI веке;

2. изучить содержание и вывести вероятностные последствия исполнительного приказа № 14160;

3. систематизировать и сопоставить аргументы сторонников администрации (в лице генерального солиситора Д. Дж. Сауэра) и представителей академического сообщества в рамках текущей судебной процедуры.

Вопросы конституционно-правового статуса личности, способов приобретения гражданства и применения XIV поправки к конституции США традиционно находятся в фокусе внимания отечественных исследователей-американистов. К проблематике пространственного действия конституционных норм и интерпретации судебных прецедентов в США в последние годы обращались Е.А. Кремянская и Т.О. Кузнецова [2, 3]. В то же время в российской правовой науке практически отсутствуют комплексные исследования, посвященные концептуальному расколу 2025-2026 годов. Вне поля зрения отечественных правоведов до сих пор оставались практические последствия исполнительного приказа президента США № 14160, специфика современной доктрины «полной политической юрисдикции» Д. Дж. Сауэра и ход текущего процесса в Верховном суде. Данная работа призвана восполнить указанный пробел в отечественном правоведении.

Новизна исследования заключается в том, что в нем впервые в отечественной правовой науке (по состоянию на первую половину 2026 г.) подробно обобщаются и анализируются материалы устных слушаний в подкомитете по конституции юридического комитета Палаты представителей и в Верховном суде. Автор детально раскрывает суть новой доктрины «полной политической юрисдикции», продвигаемой Белым домом, и фиксирует концептуальный упадок классических либеральных идей американского конституционализма 1970-х годов.

Теоретическое значение исследования заключается в углублении научных представлений о гибкости конституционного текста англосаксонской правовой семьи и пределах дискреционных полномочий главы государства. Материалы статьи расширяют теоретическую базу науки зарубежного конституционного права в разделах, посвященных способам филиации, суверенитету и механизму сдержек и противовесов.

Практическая ценность результатов работы определяется возможностью использования полученных выводов российскими государственными и аналитическими ведомствами для прогнозирования изменений в миграционной и визовой политике США. Кроме того, материалы исследования могут применяться в высшей школе при подготовке лекционных курсов по конституционному праву зарубежных стран.

Основные результаты и обсуждение

Термин «гражданство» в конституции США до Реконструкции Южных штатов (1865 г.) упоминался эпизодически. Статьей I вводится ценз граждан-ства в отношении кандидатур представителей и сенаторов. Статья II предусматривает, что президентом может быть только гражданин Соединенных Штатов по рождению. Статья III, касающаяся судебной власти, наделяет федеральные суды юрисдикцией в отношении споров между гражданами разных штатов и, таким образом, предполагает наличие гражданства штата. Не уделяя институту федерального гражданства должного внимания, отцы-основатели не полностью игнорировали вопрос, уполномочив Конгресс в статье I, разделе 8 установить единые правила натурализации [1]. Однако нигде в первоначальном тексте Конституции не установлено четкого и всеобъемлющего правила относительно какого-либо вида гражданства, способов его приобретения и прекращения.

Закон о гражданских правах 1866 г. установил: «…все лица, родившиеся в Соединенных Штатах и не находящиеся под властью какой-либо иностранной державы, за исключением не облагаемых налогом индейцев, объявляются гражданами Соединенных Штатов» [6]. Таким образом, закон подтвердил модель филиации на основе принципа jus soli (права почвы) за исключением детей иностранных дипломатов и индейцев.

До XIV поправки, ратифицированной в 1868 г., иная информация о гражданстве текстуально в конституции не закреплялась. В преамбуле и основном тексте отсылка сделана к «народу Соединенных Штатов», а не к «гражданам Соединенных Штатов». Билль о правах определяет права людей, а не граждан [1].

Видный конституционалист Александр Бикел в статье «Гражданство в американской конституции», считающейся классической и относящейся к категории доктринальных, квалифицировал гражданство как «второстепенное» понятие, «играющее минимальную роль в американской конституционной системе». Он утверждал, что концепция «гражданства» не является центральной в конституции США, подчеркивая, что основные права и свободы гарантированы всем «лицам» (persons), а не только «гражданам» [4, P. 269].

Бикел полагал, что акцент на «гражданстве» может быть опасным, так как создает почву для исключения людей из правового поля вследствие дискриминации неграждан. Его позиция заключалась в том, что правовой статус должен основываться на подчинении законам страны и физическом присутствии, а не на формальной принадлежности к «клубу» граждан. Гражданство рассматривалось им как формальная связь, а не как источник фундаментальных прав: «В конечном счете, наше право придает гражданству минимальное значение. Оно [гражданство] является производным от более фундаментального статуса – статуса человеческого существа, находящегося под юрисдикцией Соединенных Штатов» [4, P. 387].

Сравнение идей А. Бикела из его статьи 1973 года с современным подхо-дом, обозначенным в исполнительном приказе президента Соединенных Шта-тов Д. Трампа № 14160 от 25 января 2025 г. «Защита смысла и ценности амери-канского гражданства» [7], выявляет глубокий концептуальный разрыв. В 1973 г. Бикел предсказывал «увядание» значимости гражданства, утверждая, что конституция защищает человека как личность, а не как члена политического «клуба». Спустя полвека наблюдается обратный процесс – ренессанс гражданства как «высшей привилегии» и затруднение условий его приобретения. В то время как Бикел призывал к «минимализму» гражданства, современная практика делает этот статус решающим.

На текущий момент принцип jus soli остается незыблемым, но он находится под постоянным юридическим и политическим давлением. Подтверждение тому – вышеупомянутый исполнительный приказ президента. Его цель – переосмыслить толкование XIV поправки, которая гарантирует гражданство всем, родившимся на территории страны: «Все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных Штатах и подчиненные их юрисдикции, являются гражданами Соединенных Штатов и того штата, где они проживают» [1].

В секции 1 исполнительного приказа гражданство квалифицируется не как право, а как привилегия: «Привилегия гражданства Соединенных Штатов – это бесценный и глубокий дар» [7]. Со ссылкой на § 1401 раздела 8 Свода законов США подчеркивается, что XIV поправка никогда не распространялась на всех без исключения лиц, родившихся на территории Соединенных Штатов.

Автоматически филиация по праву почвы не будет распространяться на детей, родившихся в США, если на момент их рождения:

1. мать находилась в стране нелегально, а отец не был гражданином США или законным постоянным жителем;

2. мать находилась в стране на законных основаниях, но временно, а отец не был гражданином США или законным постоянным жителем.

Указ предписывает федеральным агентствам отказывать в выдаче доку-ментов, подтверждающих гражданство для таких детей [7].

В основе нового подхода к институту гражданства – наличие в XIV поправке открытых вопросов, касающиеся приобретения как федерального гражданства, так и гражданства штата. В ней не говорится, может ли штат предоставлять гражданство лицу, не являющемуся гражданином Соединенных Штатов; может ли федеральное гражданство быть приобретено иным способом, кроме как по рождению или путем натурализации; как решать вопрос с гражданством жителей федерального округа Колумбия и территорий; юридически неопределенной является конституционная формула «находящиеся под их юрисдикцией».

Позиция «находящиеся под их юрисдикцией» требует особого внимания. Из нее следует, что исключение из принципа jus soli применяется к лицам, находящимся в Соединенных Штатах, над которыми Соединенные Штаты не осуществляют полную территориальную предписывающую или судебную юрисдикцию в силу своих отношений с другим суверенным или квазисуверенным государством. На момент принятия XIV поправки примерами таких лиц были иностранные дипломаты, пользовавшиеся дипломатическим иммунитетом в соответствии с нормами международного права, и индейские племена.

В юридической среде исполнительный приказ № 14160 имеет как сторонников, так и противников. Аргументация первых базируется на переосмыслении исторического контекста XIV поправки и сложившейся практике толкования конституции. Наиболее выразительной является позиция генерального солиситора США Дина Джона Сауэра. Приведенные Сауэром доводы являются официальной позицией президента. Аргументация генерального солиситора на устных слушаниях в Верховном суде основана на пересмотре исторического понимания XIV поправки и оспаривании сложившихся прецедентов. Ключевые доводы сводятся к следующему:

1. XIV поправка, будучи принята в период Реконструкции, предназначалась для предоставления гражданства бывшим рабам и их детям и была неверно истолкована как применимая к детям нелегальных иммигрантов и лиц, временно находящихся на территории США [10, P. 8, 43];

2. XIV поправка предоставляет гражданство по праву рождения детям, родившимся в США, при условии, что их родители «подпадают под их [США] юрисдикцию». Исторически эта формула воспринималась как относящаяся к детям дипломатов, не подпадавшим под юрисдикцию США, и до 1924 г. – к индейцам. Лица, находящиеся в стране без законного статуса или имеющие неиммиграционные визы, также не подпадают под юрисдикцию США. Следовательно, гражданство по XIV поправке, гарантированное правом почвы, не распространяется на их детей. Формула «подпадают под их [США] юрисдикцию», таким образом, трансформируется в «полную политическую юрисдикцию» и влечет серьезное юридическое последствие: родители ребенка должны находиться в США на законных основаниях на постоянной основе (lawfully and permanently), не сохраняя верности другому государству. Дети нелегальных иммигрантов и лиц, находящихся в США временно, но законно, не относятся к этой категории, так как их родители сохраняют «первичную верность» другой стране [10, P. 4-5];

3. зауженное понимание исторического решения Верховного суда 1898 г. по делу «США против Вонг Ким Арка» [11]. По мнению Сауэра, прецедент не является препятствием для исполнительного приказа Трампа, так как касается гражданства ребенка, родители которого на законных основаниях проживали в США и были домицилированы (lawful domicile). Он утверждает, что суд в 1898 г. не рассматривал вопрос о детях нелегалов или временных жителей. Поэтому указанный прецедент не применим к данному случаю [11, P. 8];

4. «вредоносность» ошибочного толкования конституции: в документах, представленных в Верховный суд администрацией Трампа, содержится утверждение, что «ошибочное распространение гражданства по рождению на детей нелегальных иммигрантов нанесло существенный вред Соединенным Штатам», создав стимул для нелегальной иммиграции [12]. Сауэр настаивает на том, что конституцию следует толковать в соответствии с пониманием на момент ее принятия. Более позднее законодательное закрепление «расширенного» гражданства по рождению не может изменить конституционный смысл.

Иные доводы приводят противники поправки:

1. противники исполнительного приказа высказываются об отсутствии полномочий у президента на внесение поправок в конституцию и тем более ее «переписывание»;

2. правоведы критикуют аргументацию Сауэра за выборочное цитирование источников и искажение исторических фактов. Они указывают, что его теория возрождает аргументы, отвергнутые Верховным судом 127 лет назад при рассмотрении дела «США против Вонг Ким Арка». Профессор Аманда Фрост, видный специалист в области иммиграционного права, выступая на заседании подкомитета по конституции юридического комитета палаты представителей, подчеркнула, что Сауэр игнорирует ключевые дебаты в Конгрессе 1866 г., которые ясно показывали, что XIV поправка будет распространяться в том числе на детей иностранцев. Она обратила внимание, что президент своим указом намеревается «переписать Конституцию и лишить гражданства детей в самый уязвимый момент их новой жизни» [8, P. 13];

3. аргумент о «первичной верности» противоречит самому исполнительному приказу № 14160: он исключает из права на гражданство по рождению не только детей нелегальных иммигрантов и временных жителей, но и детей лиц с двойным гражданством и обладателей грин-карт [8, P. 10];

4. надуманность аргумента, что дети нелегальных иммигрантов не «под-падают под юрисдикцию США», так как их родители сохраняют верность другой стране. Еще до Гражданской войны в США десятилетиями незаконно ввозили рабов, что делало их «нелегальными иммигрантами» своего времени. Фрост задает риторический вопрос: «Никто ни тогда, ни сейчас не стал бы утверждать, что дети этих рабов должны быть исключены из действия пункта о гражданстве» [8, P. 12];

5. широкий консенсус против указа: указ проигрывает во всех судах, включая те, где заседают судьи, назначенные республиканскими президентами. Один из судей, назначенных еще Р. Рейганом, назвал указ «явно неконституционным» («blatantly unconstitutional») [5];

6. затруднительность правоприменения: наносимый вред не ограничится только семьями, на которые направлен исполнительный приказ президента. Даже семьям, в которых один или оба родителя имеют грин-карту или являются гражданами США, придется доказывать свой статус федеральным чиновникам, прежде чем их ребенок будет признан гражданином США. И это будет непросто. Сегодня больницы сообщают информацию о рождении детей в соответствующее государственное агентство, которое передает ее в Управление социального обеспечения. Но больницы не запрашивают информацию об иммиграционном или гражданском статусе родителей. Персонал больниц и государственные агентства также не располагают необходимыми средствами для определения того, соответствуют ли документы требованиям для такого статуса. Если родители не смогут оперативно предоставить доказательства гражданства своего ребенка, исполнительный приказ президента «лишит новорожденных медицинских и иных льгот в самый уязвимый период их жизни» [8, P. 13].

На вопрос судьи Бретта Кавано «как это будет работать на следующий день после вступления указа в силу – что будут делать больницы с новорож-денными? Что будут делать штаты с новорожденными?» Сауэр ответил: «Мы не знаем», добавив, что «федеральные чиновники должны будут это выяснить». Ответ был расценен экспертами как шокирующий и показывающий неготовность администрации к реализации указа [Цит. по: 9].

Таким образом, в современной правовой системе США самоочевидно наблюдается упадок идей Александра Бикела. Идеи Бикела остаются лишь моральным ориентиром. Юридически гражданство в 2020-х гг. XXI в. – не «второстепенная деталь», а фундаментальный водораздел прав, что доказывается появлением исполнительного приказа № 14160 и напряженной юридической дискуссией вокруг его положений.

Заключение

Проведенное теоретико-правовое исследование эволюции института американского гражданства в контексте XIV поправки к конституции США позволяет сформулировать следующие ключевые выводы:

1. американская доктрина и правовая практика переживают транзит от либеральной концепции «минимализма» А. Бикела, преобладавшей во второй половине XX в., к ревизионистскому пониманию гражданства как «исключительной привилегии». Современный политический дискурс США демонстрирует отказ от восприятия конституционных прав как безусловных универсальных гарантий в пользу их привязки к критериям политической лояльности и легальности иммиграционного статуса;

2. юридическая формула «subject to the jurisdiction thereof» («подчиненные их юрисдикции»), исторически истолкованная Верховным судом США в прецеденте «США против Вонг Ким Арка» (1898 г.) как территориальная юрисдикция, сегодня подвергается искусственной политизации. Продвигаемая администрацией Белого дома доктрина «полной политической юрисдикции» нацелена на сужение конституционного «права почвы» (jus soli) посредством актов исполнительной власти, что ставит под угрозу стабильность системы сдержек и противовесов;

3. издание исполнительного приказа № 14160 и последовавшее за ним судебное разбирательство обнажили противоречие между буквой основного закона и правоприменительной практикой исполнительной власти США. Независимо от финального вердикта Верховного суда факт легитимизации идеи ограничения гражданства по рождению на уровне исполнительной власти президента свидетельствует о деформации классических институтов американского конституционализма.

Подводя итог, необходимо отметить, что происходящая в США латентная ревизия конституционного текста отражает общую мировую тенденцию к авторитаризации исполнительной власти в эпоху глобальных миграционных кризисов. Опыт кризиса принципа jus soli в США демонстрирует российской и зарубежной правовой науке, что стабильность конституционно-правового статуса личности не может быть гарантирована исключительно историческими прецедентами и требует постоянного доктринального и институционального ограждения от дискреционных посягательств со стороны государства.

Литература

1. Конституция Соединенных Штатов Америки : (принята 17 сентября 1787 г.) // Конституции государств мира : (сайт). – URL: worldconstitutions.ru (дата обращения: 01.05.2026). – Текст : электронный.
2. Кремянская, Е. А. Конституционное право Соединенных Штатов Америки : учебное пособие / Е. А. Кремянская. – Москва : Проспект, 2024. – 136 с. – ISBN 978-5-392-41132-0. – Текст : непосредственный.
3. Кузнецова, Т. О. Актуальные вопросы конституционного регулирования прав и свобод в Соединенных Штатах Америки / Т. О. Кузнецова. — Текст : непосредственный // Право и управление. XXI век. — 2022. — № 2 (63). — С. 44–51.
4. Bickel, A. M. Citizenship in the American Constitution / A. M. Bickel // Arizona Law Review. – 1973. – Vol. 15, no. 2. – P. 369–387.
5. Birthright citizenship case goes to the Supreme Court : (интервью с А. Фрост) / А. Фрост ; ведущий А. Шапиро. – Текст : электронный // NPR : (официальный сайт). – 2025. – 15 May. – URL: npr.org (дата обращения: 17.04.2026).
6. Civil Rights Act of 1866 : An Act to protect all Persons in the United States in their Civil Rights, and furnish the Means of their Vindication : (April 9, 1866) // National Constitution Center : (historic document library). – URL: constitutioncenter.org (дата обращения: 10.04.2026). – Текст : электронный.
7. Executive Order 14160 – Protecting the Meaning and Value of American Citizenship : (January 20, 2025) // The White House : (official website). – URL: whitehouse.gov (дата обращения: 10.02.2026). – Текст : электронный.
8. Frost, A. Testimony of Amanda Frost. Subject to the jurisdiction thereof: birthright citizenship and the fourteenth amendment / A. Frost. – Текст : электронный // U.S. House of Representatives Judiciary Committee : (официальный сайт). – URL: house.gov (дата обращения: 29.04.2026).
9. Frost, A. The Question the Trump Administration Couldn't Answer About Birthright Citizenship / A. Frost. – Текст : электронный // The Atlantic : (сайт). – 2025. – 16 May. – Цит. по URL: virginia.edu (дата обращения: 03.05.2026).
10. Transcript of Oral Argument. Donald J. Trump, President of the United States, et al., Applicants v. CASA, Inc., et al. (No. 24A884) : (May 15, 2025) // Supreme Court of the United States : (официальный сайт). – URL: supremecourt.gov (дата обращения: 16.03.2026). – Текст : электронный.
11. United States v. Wong Kim Ark, 169 U.S. 649 (1898). – Текст : электронный // Justia Law : (сайт). – URL: justia.com (дата обращения: 19.05.2026).
12. Wise, J. Trump DOJ Reimagines Birthright Citizenship History for Justices / J. Wise. – Текст : электронный // Bloomberg Law : (официальный сайт). – 2026. – 5 February. – URL: bloomberglaw.com (дата обращения: 14.02.2026).

The institution of us citizenship in the context of the xiv amendment to the constitution

Kosikhina S.S.

Amur State University

The article examines the evolution of the institution of US citizenship through the prism of the XIV Amendment to the Constitution. The author analyzes the transformation of the institution of citizenship from the doctrine of «minimalism» of A. Bikel to its modern understanding as an exclusive privilege. Special attention is paid to Executive Order 14160 (2025) and the legal consequences of the potential abolition of automatic birthright citizenship for children of illegal immigrants and temporary residents. The paper details the arguments of both proponents and opponents within the framework of the ongoing litigation before the US Supreme Court. Conclusions are drawn about the conceptual split in the interpretation of the institution of US citizenship, the crisis of the classical model of jus soli in the context of migration pressure, and the precedent-setting significance of the US Supreme Court decision expected in the summer of 2026, which will determine the fate of American constitutionalism for decades to come.

Keywords: constitution, USA, XIV Amendment, birthright citizenship, jus soli, Executive Order 14160, Supreme Court, legal status.

References

1. The Constitution of the United States of America : (adopted on September 17, 1787) // Constitutions of the states of the world : (website). – URL: worldconstitutions.ru (date of request: 05/01/2026). – Text : electronic.
2. Kremyanskaya, E. A. Constitutional law of the United States of America : a textbook / E. A. Kremyanskaya. – Moscow : Prospekt, 2024. – 136 p. – ISBN 978-5-392-41132-0. – Text : direct.
3. Kuznetsova, T. O. Actual issues of constitutional regulation of rights and freedoms in the United States of America / T. O. Kuznetsova. — Text : direct // Law and Management. The 21st century. — 2022. — № 2 (63). — Pp. 44-51.
4. Bickel, A.M. Citizenship in the American Constitution / A.M. Bickel // Arizona Law Review. – 1973. – Vol. 15, No. 2. – P. 369-387.
5. Birthright citizenship case goes to the Supreme Court : (interview with A. Frost) / A. Frost ; hosted by A. Shapiro. – Text : electronic // NPR : (official website). – 2025. – May 15. – URL: npr.org (date of request: 04/17/2026).
6. Civil Rights Act of 1866 : An Act to protect all Persons in the United States in their Civil Rights, and furnish the Means of their Vindication : (April 9, 1866) // National Constitution Center : (historic document library). – URL: constitutioncenter.org (date of request: 04/10/2026). – Text : electronic.
7. Executive Order 14160 – Protecting the Meaning and Value of American Citizenship : (January 20, 2025) // The White House : (official website). – URL: whitehouse.gov (date of request: 02/10/2026). – Text : electronic.
8. Frost, A. Testimony of Amanda Frost. Subject to the jurisdiction thereof: birthright citizenship and the fourteenth amendment / A. Frost. – Text : electronic // U.S. House of Representatives Judicial Committee : (official website). – URL: house.gov (accessed: 04/29/2026).
9. Frost, A. The Question the Trump Administration Couldn't Answer About Birthright Citizenship / A. Frost. – Text : electronic // The Atlantic : (website). – 2025. – 16 May. – Quoted from the URL: virginia.edu (date of request: 05/03/2026).
10. Transcript of Oral Argument. Donald J. Trump, President of the United States, et al., Applicants v. CASA, Inc., et al. (No. 24A884) : (May 15, 2025) // Supreme Court of the United States : (official website). – URL: supremecourt.gov (date of request: 03/16/2026). – Text : electronic.
11. United States v. Wong Kim Ark, 169 U.S. 649 (1898). – Text : electronic // Justice Law : (website). – URL: justia.com (date of request: 05/19/2026).

Сравнение правовой природы института «заверений об обстоятельствах» по праву России и институтов «заверений» и «Гарантий» ("Representations" и "Warranties") по праву США (на примере штата Делавэр)

Фаркова Виктория Олеговна
магистрант, Международно-правового факультет, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, farkovaviktoriya@gmail.com

Статья посвящена сравнительно-правовому изучению института заверений об обстоятельствах, закрепленного в ст. 431.2 ГК РФ, и конструкций representations и warranties, функционирующих в правопорядке штата Делавэр. При наличии функциональной близости два института обнаруживают существенные расхождения в нормативном устройстве, юридической природе, основаниях и критериях ответственности. В работе последовательно сопоставляются понятийный аппарат и целевое назначение; правовая природа исследуемых конструкций (сделка, сделкоподобное волеизъявление, договорное условие); договорной или деликтный характер ответственности за недостоверность; соотношение заверений с обязательствами в форме ковенантов; допустимость заверений относительно будущих событий; модели распределения рисков и значение осведомленности сторон. По итогам сравнительного анализа вырабатываются предложения по совершенствованию российского правового регулирования и правоприменительных подходов с учетом позитивных элементов делавэрской системы.

Ключевые слова: заверения об обстоятельствах, representations, warranties, сравнительное право, распределение рисков, сэндбэггинг, ст. 431.2 ГК РФ.

Введение

Включение в ГК РФ ст. 431.2 «Заверения об обстоятельствах», вступившей в силу 01 июня 2015 года, стало отражением рецепции договорных механизмов, получивших широкое распространение в практике трансграничных сделок. Указанное изменение диктовалось потребностью коммерческого оборота в инструментах управления информационной асимметрией, прежде всего в сделках по продаже акций и долей. Практика продемонстрировала, что традиционные механизмы российского гражданского права, в частности оспаривание сделок по основаниям обмана и заблуждения (ст. 178, 179 ГК РФ) и нормы о качестве товара (ст. 469, 475 ГК РФ), в данном контексте не обеспечивали достаточной защиты интересов кредиторов, что и предопределило выбор в пользу рецепции зарубежных конструкций [1].

Вместе с тем российский законодатель, заимствуя идею, не обозначил, какому именно из зарубежных институтов ближе отечественный аналог. Как справедливо констатируется в доктрине, на уровне российского права произошло смешение традиционно разграничиваемых за рубежом «заверений» (representations) и «гарантий» (warranties), что повлекло концептуальную размытость в вопросах правовой природы, субъективных оснований ответственности и требуемого стандарта осмотрительности реципиента [2]. Именно это обстоятельство придает сравнительно-правовому сопоставлению с делавэрским правом не сугубо теоретический, но и сугубо прикладной характер.

Цель работы – провести системное сравнение правовой природы российского института заверений об обстоятельствах и американских конструкций representations и warranties по праву штата Делавэр, обозначить ключевые совпадения и расхождения, а на этой основе сформулировать рекомендации по развитию российского регулирования.

Методы

В основе исследования лежит сравнительно-правовой метод, применяемый как в функциональном, так и в нормативно-догматическом вариантах. Функциональный сравнительный анализ позволяет сопоставлять правовые институты по их социально-экономическому назначению вне зависимости от принадлежности к той или иной правовой семье. Нормативный анализ направлен на сопоставление конкретных законодательных положений, судебных прецедентов и доктринальных позиций. Дополнительно задействованы формально-юридический метод (догматическое толкование нормативных текстов), историко-правовой метод (исследование генезиса институтов) и телеологическое толкование.

Нормативная база охватывает со стороны российского права: ст. 431.2, 178, 179, 307, 401, 421 ГК РФ; разъяснения в п. 34–37 ПП ВС № 49 от 25 декабря 2018 года и п. 1 ПП ВС № 54 от 22 ноября 2016 года; Обзор ВС РФ № 3 от 15 ноября 2023 года; судебную практику 2023–2025 годов (дела «Трастфорекс», «Главкрымвино», «ТМК», «Хайлэнд Голд»). Со стороны права США проанализированы Title 6 Delaware Code (ст. 2–313, 2–314, 2–315, 8–108); Restatement (Second) of Contracts; Restatement (Second) of Torts; прецеденты судов Делавэра Abry

Partners V, Eagle Force Holdings, Arwood, In re Dura Medic Holdings. Доктринальную основу составляют труды Карапетова А.Г., Глухова Е.В., Церковникова М.А., Кучер А.Н., Fox C.M., Freund J.C., Paris C.E., Sepinuck S.L.

Результаты

1. Нормативное регулирование: законодательная норма против развитой системы прецедентов

Российское регулирование института заверений сосредоточено в единственной ст. 431.2 ГК РФ, которая очерчивает функциональные признаки института и последствия недостоверности, не давая при этом законодательного определения, не классифицируя заверения по предмету, временно́й отнесенности или субъектному составу. Рамочный характер нормы дополняется разъяснениями ПП ВС № 49 (п. 34–37), однако значительный круг вопросов по-прежнему регулируется на уровне казуального судебного правотворчества. Иные нормы ГК РФ (ст. 307.1, 10) выполняют лишь субсидиарную роль [3].

Право США представлено многоуровневой нормативной конструкцией. Федеральный уровень образуют Securities Exchange Act 1934, Securities Act 1933 и Magnuson-Moss Warranty Act 1975; уровень штата – Единообразный торговый кодекс в редакции Title 6 Del. Code (ст. 2 применительно к купле-продаже товаров, ст. 8 применительно к инвестиционным ценным бумагам). Вместе с тем в сфере M&A ключевым источником служит не кодификация, а судебный прецедент, а именно решения Канцлерского суда и Верховного суда штата Делавэр образуют детализированный свод правил применительно к каждому практически значимому аспекту [4].

Структурное различие двух систем состоит в том, что российское право тяготеет к законодательному урегулированию института, отводя судебной практике роль интерпретатора, тогда как право Делавэра развивается прежде всего через прецедент. Отсюда более высокая казуальная определенность в Делавэре и одновременно ее зависимость от обстоятельств конкретного дела.

2. Понятийный аппарат и функциональное назначение

В американской договорной практике термины representations и warranties традиционно функционируют в паре – стандартная формула «represents and warrants». Fox C.M. проводит функциональное разграничение; representation несет информационную нагрузку, воздействуя на волеформирование контрагента, тогда как warranty выполняет гарантийную функцию, создавая основание для ответственности при несоответствии действительности [5]. Однако Sepinuck S.L. обращает внимание на то, что ETK США (§2-313(1)) в значительной мере стер это разграничение; любое утверждение о факте, ставшее частью основания сделки при продаже товаров, автоматически трансформируется в прямую гарантию (express warranty), не лишая при этом истца права на деликтный иск из misrepresentation [6].

В российском праве ст. 431.2 ГК РФ объединила обе конструкции в едином институте «заверений об обстоятельствах», одновременно несущем информационную функцию (побуждение к вступлению в договор) и гарантийную (основание для применения мер ответственности). Законодательного определения при этом нет, Глухов Е.В. понимает заверения как «заявления стороны о наличии или отсутствии обстоятельств, значимых для контрагента» [7]. Таким образом, российский законодатель создал синтетический институт, совместив функциональный потенциал обоих американских аналогов, что, однако, породило внутреннюю неопределенность в вопросах применения норм об ответственности.

3. Правовая природа: сделка, сделкоподобное действие или элемент договора

В американском праве заверения и гарантии традиционно квалифицируются как составные части договора, влекущие договорную ответственность. Это прямо следует из прецедентной практики; суды относят заверения к договорным условиям, к которым применяются стандарты ответственности за нарушение договора (breach of contract), а не нормы деликтного права [4].

В российской доктрине вопрос о правовой природе заверений остается дискуссионным. ПП ВС № 49 (п. 34, 37) фактически квалифицировало их как «особую сделку или сделкоподобное волеизъявление», указав на применение к ним правил о форме и недействительности сделок. Карапетов А.Г. полагает, что заверение, включенное в договор, является полноценным сделочным волеизъявлением [8]. Альтернативная позиция квалифицирует заверения как сделкоподобные действия, то есть извещения, правовые последствия которых наступают независимо от направленности воли [9]. Павлов А.А. обосновывает возможность признания обязательственно-правовой природы заверений через конструкцию praestare, несмотря на отсутствие в них классического «поведенческого субстрата» [10].

Неопределенность правовой природы в российском праве влечет конкретные практические последствия, в частности неоднозначность режима исковой давности (субъективный трехлетний и объективный десятилетний сроки по ст. 196 ГК РФ, в сравнении с более определенными механизмами survival clause в Делавэре) и вопрос о последствиях несоблюдения формы.

4. Договорной или деликтный характер ответственности

В американском праве ответственность за нарушение гарантий квалифицируется как договорная (breach of warranty), тогда как недостоверность заверений способна порождать как договорную, так и деликтную ответственность (fraudulent или negligent misrepresentation). Практика Делавэра последовательно разграничивает эти режимы, относя требования из fraudulent inducement к деликтной сфере и оставляя требования из indemnification – в договорном пространстве [4].

В российском праве Карапетов А.Г. проводит разграничение в зависимости от стадии. Преддоговорные заверения (до заключения договора) влекут деликтную преддоговорную ответственность по ст. 434.1 ГК РФ; заверения, включенные в договор, – договорную на основании п. 3 ст. 307 ГК РФ [8]. Вместе с тем ПП ВС № 49 (п. 34–37) и ПП ВС № 54 (п. 1) прямо не определяют природу ответственности, отсылая к гл. 25 ГК РФ, которая в равной мере обслуживает договорные и деликтные обязательства. На практике это разграничение имеет принципиальное значение; в коммерческих отношениях ответственность наступает независимо от вины (п. 3 ст. 401 ГК РФ, абз. 1 п. 4 ст. 431.2 ГК РФ), что функционально сближает российские заверения с американскими warranties, но не с representations.

5. Соотношение заверений и обязательств (ковенантов)

В американской доктрине принципиальная значимость придается разграничению заверений (утверждений о фактах, приуроченных к конкретной дате) и ковенантов (длящихся поведенческих обязательств). Пэрис К. акцентирует внимание на «фотографическом» характере заверений; они фиксируют фактическое положение дел на определенный момент, тогда как ковенант закрепляет требование к поведению на всем протяжении договорного периода [11]. Проблема «скрытых ковенантов» (hidden covenants) возникает при столь широком составлении заверения, что оно фактически приобретает длящийся характер.

Аналогичная проблематика актуальна и для российского права, однако решается преимущественно посредством судебного толкования. Суды, как правило, отказываются признавать обязательства о совершении действий в будущем заверениями; определяющим критерием признана верифицируемость утверждения на момент его предоставления. При этом встречается и обратная квалификация: в деле № А51-6448/2021 суд переквалифицировал обязательство по подтверждению отсутствия оснований для отказа в государственной регистрации именно в заверение.

6. Заверения о будущем

Допустимость заверений, затрагивающих будущие обстоятельства, решается в двух правопорядках по-разному. В американской практике заверения традиционно привязаны к конкретной дате – подписания или закрытия, а проекция на будущее обеспечивается через механизм bring-down (повторное подтверждение на дату закрытия) и survival clause (сохранение действия после закрытия). Обязанность продавца «обеспечить» наступление определенного положения дел квалифицируется как ковенант, а не заверение [5].

В российской судебной практике преобладавший консервативный подход (Егоров А.В., Шигидина Е.А.) также исходил из того, что предметом заверения могут быть исключительно уже существующие факты. Однако ВС РФ в деле «Трастфорекс» (определение от 21 марта 2023 года № 305-ЭС22-17862) обозначил иной вектор; заверение допустимо в отношении оснований (причин) будущего обстоятельства, поскольку заверяя о наличии лицензии, продавец по существу подтверждает отсутствие на момент сделки скрытых предпосылок для ее последующего отзыва, связанных с прошлой деятельностью. Церковников М.А. и Кучер А.Н. расценивают это решение как открытие пути к заверениям о будущем при условии их связи с настоящим [12].

Принципиальная общность двух систем состоит в том, что заверение не может охватывать абстрактное будущее, лишенное привязки к настоящему или прошлому. Различие состоит в наличии в американском праве проработанного договорного инструментария (bring-down, survival) для управления временным измерением заверений, тогда как российское право только формирует соответствующую доктрину на уровне судебного толкования.

7. Распределение рисков и значение осведомленности сторон

Именно здесь расхождение двух систем проявляется наиболее рельефно. В праве Делавэра полагание (reliance) не является элементом иска из нарушения заверений и гарантий как договорных условий; право на требование определяется фактом несоответствия заверения действительности, а не субъективной уверенностью покупателя. Этот подход окончательно зафиксирован в деле In re Dura Medic Holdings (2025), «единственный вопрос – было ли заверение нарушено». Осведомленность покупателя о недостоверности заверений по диспозитивному правилу не лишает его права на иск («сэндбэггинг» допустим), если договор не содержит явного «анти-сэндбэггингового» условия [13].

Картина в российском праве принципиально иная. Несмотря на то, что п. 4 ст. 431.2 ГК РФ устанавливает ответственность заверителя независимо от его вины и осведомленности (с возможностью договорного ограничения), судебная практика длительное время придавала определяющее значение субъективной добросовестности реципиента. ВС РФ в деле «Фотисаль» (2024) прямо указал, что знание о ложности заверения лишает права на взыскание убытков. Вместе с тем практика 2025 года (дела «ТМК» и «Хайлэнд Голд») демонстрирует появление дифференцированного подхода, где для «внешнего» покупателя-инвестора, не располагающего доступом к внутренней документации, применяется повышенный стандарт защиты; для «внутреннего» участника общества – презумпция осведомленности о хозяйственном положении дел (дело «Главкрымвино») [14].

Сравнительный анализ свидетельствует создание делавэрским правопорядком более предсказуемой и транзакционно стабильной модели, смещая фокус с поведения покупателя на содержание договора. Российское право движется в аналогичном направлении, однако системной определенности пока не достигло: критерий «внутреннего / внешнего» покупателя предполагает оценку конкретных обстоятельств дела, что снижает предсказуемость результата. Таблица 1 систематизирует ключевые сравниваемые параметры двух институтов.

Таблица 1
Сравнительная характеристика институтов заверений об обстоятельствах

Критерий сравнения	Россия (ст. 431.2 ГК РФ)	Делавэр (representations & warranties)
Нормативная основа	Ст. 431.2 ГК РФ, ПП ВС № 49	Title 6 Del. Code, судебный прецедент
Понятийный аппарат	Единый институт – «заверения об обстоятельствах»	Разграниченные конструкции representations и warranties
Правовая природа	Особая сделка или сделкоподобное волеизъявление (дискуссионно)	Договорное условие (contract condition)
Режим ответственности	Договорная (в договоре) / деликтная (до договора)	Договорная – за breach of warranty; деликтная – за misrepresentation
Ответственность без вины	Да – в предпринимательских отношениях (абз. 1 п. 4 ст. 431.2)	Да – за breach of warranty (reliance не требуется)
Роль знания покупателя	Значимо (дела «Фотисаль», «ТМК», «Главкрымвино»)	Нерелевантно по диспозитивному правилу (сэндбэггинг)
Заверения о будущем	Допустимы как заверения о «причинах» будущего события (дело «Трастфорекс»)	Реализуются через bring-down и survival clause; само заверение – на фиксированную дату
Сроки действия	Общая исковая давность (3/10 лет, ст. 196 ГК РФ)	Survival clause; по умолчанию – прекращение при закрытии

Обсуждение

Сравнительный анализ выявляет как функциональное сходство, так и принципиальные структурные расхождения двух институтов. Сходство проявляется в том, что оба (i) направлены на преодоление информационной асимметрии между сторонами сделки; (ii) служат инструментом договорного перераспределения рисков; (iii) создают основание для взыскания убытков или отказа от договора при недостоверности заверения; (iv) допускают договорную корректировку стандарта ответственности. Кроме того, в обеих системах заверения принципиально отличаются от ковенантов – длящихся обязательств по совершению определенных действий.

Вместе с тем различия носят системный характер. Прежде всего, российский институт является синтетическим, ибо он объединил в единой норме элементы как representations, так и warranties, не разграничив их режимов. Это повлекло концептуальную размытость в вопросах природы ответственности (договорная или деликтная), стандарта субъективной добросовестности реципиента, допустимости оговорок о знании. В американском праве указанные режимы разграничены, что обеспечивает бóльшую правовую определенность.

Далее, роль осведомленности покупателя принципиально различна. Делавэрское право, неуклонно следуя договорной логике, не требует полагания как условия удовлетворения иска. Российская практика, хотя и эволюци-

онирует в направлении признания приоритета договорного распределения рисков, продолжает уделять существенное внимание субъективной добросовестности реципиента, вводя дифференцированную модель «внешний / внутренний» покупатель. Такая модель, отличаясь бóльшей гибкостью, при этом существенно снижает предсказуемость правоприменения для участников сделок.

Важным достижением делавэрского права, не имеющим прямого российского аналога на нормативном уровне, является развитая система договорных механизмов управления заверениями во времени, таких как bring-down, survival clause, materiality scrape. В российском праве эти конструкции применяются на уровне договорной практики, однако их нормативное закрепление пока отсутствует [15].

Ключевой для дискуссии является проблема пределов рецепции. Механическое перенесение делавэрской конструкции сэндбэггинга в российское право представляется преждевременным. В российской правовой системе, где суды традиционно оценивают добросовестность участников оборота, безоговорочное введение правила «знание покупателя нерелевантно» может открыть пространство для злоупотреблений со стороны реципиентов заверений. Более взвешенным видится подход, при котором осведомленность покупателя учитывается при оценке разумности его доверия к заверению, но не при решении вопроса о самом наличии права на иск.

Заключение

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет сформулировать следующие итоговые выводы и рекомендации.

Оба института выполняют близкие по существу функции в рамках своих правовых систем, однако обнаруживают принципиальные расхождения в нормативной конструкции, юридической природе и стандартах ответственности. Российский институт заверений об обстоятельствах представляет собой самостоятельную синтетическую конструкцию, не сводимую ни к representations, ни к warranties в их американском понимании, и обладающую собственными квалифицирующими признаками.

Применительно к совершенствованию российского регулирования представляется целесообразным следующее. Нормативное закрепление дифференцированных стандартов защиты в зависимости от статуса реципиента (внешний / внутренний покупатель); судебная практика уже выработала соответствующие критерии, однако их законодательное оформление повысит предсказуемость правоприменения. К тому же заимствование конструкции bring-down как инструмента актуализации заверений в многоэтапных сделках, что позволит разграничить ответственность применительно к стадиям подписания и закрытия. Наряду с этим доктринальная разработка позиции относительно допустимости договорной оговорки о «сэндбэггинге» (как разрешающей, так и запрещающей), поскольку в отсутствие регулирования суды вынуждены решать этот вопрос ситуативно.

В целом российский институт заверений об обстоятельствах развивается в направлении договорной модели распределения рисков, характерной для американского правопорядка. Вместе с тем принципиально иное отношение к субъективной добросовестности участников, укорененное в российской правовой культуре и принципе добросовестности (ст. 1, 10 ГК РФ), образует самостоятельный системный пласт, сближения с которым американское право не предполагает.

Литература

1. Кучер А.Н. Договорные механизмы распределения риска в российском праве: заверение об обстоятельствах и возмещение потерь. – URL: https://legalacademy.ru/course/1357745/1357790 (дата обращения: 19.04.2026).

2. Глухов Е.В. Сделки купли-продажи акций и долей участия в уставных капиталах хозяйственных обществ: подготовка и реализация. – М.: М-Логос, 2019. – 1208 с.

3. Карапетов А.Г. (отв. ред.) Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации. 2-е изд. – М.: М-Логос, 2020. – 1425 с.

4. Freund J.C. Anatomy of a Merger: Strategies and Techniques for Negotiating Corporate Acquisitions. – New York: Law Journal Press, 1975. – 559 с.

5. Fox C.M. Working with Contracts: What Law School Doesn't Teach You. 2nd ed. – New York: PLI, 2008. – 314 p.

6. Sepinuck S.L. The Virtue of 'Represents and Warrants': Another View // Business Law Today. – 2015. – p. 1–5. – URL: https://www.jstor.org/stable/businesslawtoday (дата обращения: 17.01.2026).

7. Глухов Е.В. Указ. соч. С. 451.

8. Карапетов А.Г. Указ. соч. С. 595–603.

9. Карапетов А.Г. (отв. ред.) Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации. – М.: М-Логос, 2018. – 1264 с. С. 36.

10. Павлов А.А. Выступление на XIV Петербургском международном юридическом форуме, 28 июня 2024 года. Заверения и гарантии в российском праве: распределение договорных и налоговых рисков. – URL: https://legalforum.info/archive/2024/programme/business-programme/5405/ (дата обращения: 01.05.2026).

11. Paris C.E. Drafting for Corporate Finance: Concepts, Deals, and Documents. 2nd ed. – New York: PLI, 2014. – 532 p.

12. Церковников М.А. О гарантийном обязательстве из заверения о будущем обстоятельстве: комментарий к Определению Верховного Суда РФ от 21 марта 2023 года № 305-ЭС22-17862. – Доступно в СПС «КонсультантПлюс».

13. In re Dura Medic Holdings, Inc. Consolidated Litigation, 2025 WL 559233 (Del. Ch. Feb. 20, 2025); Arwood v. AW Site Services, LLC, C.A. No. 2019-0904-JRS (Del. Ch. Mar. 9, 2022).

14. Постановление АС Московского округа от 29 мая 2025 года № Ф05-5085/2025 по делу № А41-92770/2023 («дело ТМК»); Постановление АС Московского округа от 07 августа 2025 года № Ф05-6619/2025 по делу № А40-221798/2024 («дело Хайлэнд Голд»).

15. Лухманов М.И. Заверения об обстоятельствах: теоретические и практические проблемы в свете новых разъяснений ВС РФ // Закон. – 2019. – № 7. – С. 15–32.

16. Anderson M., Warner V. Drafting and Negotiating Commercial Contracts. 4th ed. – Haywards Heath: Bloomsbury Professional, 2016. – 612 p.

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».

18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 года № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении».

19. Определение СКЭС ВС РФ от 21 марта 2023 года № 305-ЭС22-17862 по делу № А40-167835/2021 («дело Трастфорекс»).

20. Определение СКЭС ВС РФ от 26 июля 2024 года № 305-ЭС24-4207 по делу № А40-79027/2022 («дело Главкрымвино / Фотисаль»).

Comparison of the legal nature of the institution of "representations of circumstances" under Russian law and the institutions of "representations" and "warranties" under US law (using the example of the state of Delaware)

Farkova V.O.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article is devoted to the comparative legal study of the institution of assurances about circumstances, enshrined in Art. 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation, and the structures of representations and warranties operating in the legal order of the State of Delaware. In the presence of functional proximity, the two institutions reveal significant differences in the regulatory structure, legal nature, grounds and criteria of responsibility. The work consistently compares the conceptual apparatus and the intended purpose; the legal nature of the structures under study (transaction, transaction-like expression of will, contractual condition); contractual or tortious nature of liability for unreliability; the relationship between assurances and obligations in the form of covenants; the admissibility of statements regarding future events; risk distribution models and the importance of parties' awareness. Based on the results of the comparative analysis, proposals are developed to improve Russian legal regulation and enforcement approaches, taking into account the positive elements of the Delaware system.

Keywords: assurances about circumstances, representations, warranties, comparative law, risk allocation, sandbagging, Art. 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation.

References

1. Kucher, A.N. Contractual Risk Allocation Mechanisms in Russian Law: Assurance of Circumstances and Compensation for Losses. Available at: https://legalacademy.ru/course/1357745/1357790 (Accessed: April 19, 2026).
2. Glukhov, E.V. Transactions for the Purchase and Sale of Shares and Participatory Interests in the Authorized Capitals of Business Entities: Preparation and Implementation. Moscow: M-Logos, 2019, 1,208 p.
3. Karapetyan, A.G. (Ed.) Contract Law (General Part): Article-by-Article Commentary to Articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation. 2nd ed. Moscow: M-Logos, 2020, 1,425 p.
4. Freund, J.C. Anatomy of a Merger: Strategies and Techniques for Negotiating Corporate Acquisitions. New York: Law Journal Press, 1975, 559 p.
5. Fox C.M. Working with Contracts: What Law School Doesn't Teach You. 2nd ed. New York: PLI, 2008, 314 p.
6. Sepinuck S.L. The Virtue of 'Represents and Warrants': Another View // Business Law Today. 2015, pp. 1–5. Available at: https://www.jstor.org/stable/businesslawtoday (accessed January 17, 2026).
7. Glukhov E.V. Op. cit. P. 451.
8. Karapetov A.G. Op. cit. P. 595–603.
9. Karapetyan A.G. (ed.) Transactions, Representation, and Limitation Period: Article-by-Article Commentary to Articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: M-Logos, 2018, 1264 p. P. 36.
10. Pavlov A.A. Speech at the XIV St. Petersburg International Legal Forum, June 28, 2024. Representations and Warranties in Russian Law: Allocation of Contractual and Tax Risks. Available at: https://legalforum.info/archive/2024/programme/business-programme/5405/ (Accessed: 01.05.2026).
11. Paris C.E. Drafting for Corporate Finance: Concepts, Deals, and Documents. 2nd ed. New York: PLI, 2014, 532 p.
12. Tserkovnikov, M.A. On the Guarantee Obligation Derived from a Representation of a Future Circumstance: Commentary on the Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of March 21, 2023, No. 305-ES22-17862. – Available from the ConsultantPlus legal system.
13. In re Dura Medic Holdings, Inc. Consolidated Litigation, 2025 WL 559233 (Del. Ch. Feb. 20, 2025); Arwood v. AW Site Services, LLC, C.A. No. 2019-0904-JRS (Del. Ch. Mar. 9, 2022).
14. Resolution of the Moscow District Arbitration Court of May 29, 2025 No. F05-5085/2025 in Case No. A41-92770/2023 (TMK Case); Resolution of the Moscow District Arbitration Court of August 7, 2025 No. F05-6619/2025 in Case No. A40-221798/2024 (Highland Gold Case).
15. Lukhmanov M.I. Representations of Circumstances: Theoretical and Practical Problems in Light of New Clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation // Zakon. – 2019. – No. 7. – Pp. 15–32.
16. Anderson M., Warner V. Drafting and Negotiating Commercial Contracts. 4th ed. – Haywards Heath: Bloomsbury Professional, 2016. – 612 p.
17. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 49 "On Certain Issues of the Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Conclusion and Interpretation of an Agreement."
18. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 22, 2016 No. 54 "On Certain Issues of the Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Obligations and Their Performance."
19. Determination of the Judicial Court of the Supreme Court of the Russian Federation of March 21, 2023 No. 305-ES22-17862 in Case No. A40-167835/2021 (the "Trustforex Case").
20. Determination of the Judicial Court of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 26, 2024 No. 305-ES24-4207 in case No. A40-79027/2022 (the “Glavkrymvino/Fotisal case”).

Современный этап межпартийного сотрудничества Коммунистической партии Китая и Коммунистической партии Вьетнама

Цвилёва Анна Викторовна
преподаватель вьетнамского языка, Центр инновационных образовательных и языковых стратегий «Диалектум», кафедра английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

В статье рассматривается современный этап межпартийного сотрудничества Коммунистической партии Китая и Коммунистической партии Вьетнама в условиях формирования китайско-вьетнамского сообщества общего будущего стратегического значения. Показано, что взаимодействие двух правящих партий не сводится к идеологическим контактам или сопровождению межгосударственных отношений, а представляет собой самостоятельный институциональный способ политической координации.
Особое внимание уделяется организационным формам сотрудничества, деятельности специализированных партийных структур, кадровому взаимодействию, обмену опытом партийного строительства и согласованию стратегических направлений развития.
Межпартийное сотрудничество анализируется с позиций институционального подхода с использованием теоретических положений М. Вебера, М. Дюверже, М. Я. Острогорского и Э. Дюркгейма. Обосновывается, что современная модель взаимодействия КПК и КПВ характеризуется высокой степенью институционализации и выступает одним из ключевых факторов обеспечения политической преемственности, устойчивости двусторонних отношений и долгосрочной координации внешнеполитического курса Китая и Вьетнама.
Ключевые слова: Коммунистическая партия Китая, Коммунистическая партия Вьетнама, межпартийное сотрудничество, межпартийная дипломатия, институциональный подход, политические институты, партийно-государственная система, китайско-вьетнамские отношения, политическая координация.

Введение

В современных международных отношениях возрастает значение инструментов политического взаимодействия, выходящих за рамки классической межгосударственной дипломатии. Особое место среди них занимает межпартийное сотрудничество, которое в государствах с партийно-государственной системой управления становится важным инструментом формирования и реализации внешнеполитического курса [7, с. 32–41; 9, с. 248–252].

Такой подход отражает и современные тенденции развития политических партий. Как отмечает В. Г. Егоров, динамика современных политических процессов требует переосмысления традиционных представлений о политической партии и ее роли в системе государственного управления, поскольку классические модели уже не в полной мере объясняют современные формы партийной организации и политической деятельности [6, с. 31–32].

Наиболее последовательно данная модель развивается в отношениях между Китайской Народной Республикой и Социалистической Республикой Вьетнам, где Коммунистическая партия Китая (КПК) и Коммунистическая партия Вьетнама (КПВ) сохраняют определяющую роль в системе государственного управления, а межпартийные связи выступают одним из ключевых способов политической координации между двумя государствами [9, с. 248–252; 14, с. 64–66].

Качественно новый этап межпартийного сотрудничества связан с принятием 13 декабря 2023 г. Совместного заявления о дальнейшем углублении всеобъемлющего стратегического партнерства и формировании китайско-вьетнамского сообщества общего будущего стратегического значения [16].

Последующие взаимные визиты руководителей двух государств, развитие взаимодействия между специализированными подразделениями центральных комитетов, расширение кадровых обменов и проведение регулярных теоретических семинаров свидетельствуют о постепенном переходе межпартийного сотрудничества к более устойчивым институциональным формам [16–18].

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных современным китайско-вьетнамским отношениям, большинство из них сосредоточено на проблемах внешней политики, региональной безопасности, территориальных споров и стратегического балансирования Вьетнама между ведущими центрами силы [1, с. 5–17; 11, с. 136–144; 13, с. 266–274].

Межпартийские связи, как правило, рассматриваются лишь как одно из направлений двустороннего политического диалога либо как элемент внешнеполитического курса двух государств [9, с. 248–265; 14, с. 64–70; 15, с. 182–197]. Вместе с тем институциональная организация взаимодействия между КПК и КПВ, механизмы функционирования партийной дипломатии и их значение для стратегической координации двух партийно-государственных систем остаются менее изученными.

Как справедливо отмечает М. А. Терских [14, с. 64–65], закрытый характер внутрипартийного взаимодействия обусловил значительно меньшую разработанность данной проблематики по сравнению с исследованиями экономических, военно-политических и территориальных аспектов китайско-вьетнамских отношений.

Вместе с тем именно внутрипартийные механизмы во многом определяют характер взаимодействия двух партийно-государственных систем, что обусловливает необходимость их самостоятельного политологического анализа. Поэтому анализ современного этапа сотрудничества КПК и КПВ требует обращения к институциональным механизмам, обеспечивающим его устойчивость и политическую преемственность [15, с. 64–70].

Современное межпартийное сотрудничество КПК и КПВ представляется целесообразным рассматривать не только как форму политических контактов между двумя правящими партиями, но и как самостоятельный механизм стратегической координации, функционирующий наряду с традиционными инструментами межгосударственной дипломатии.

Такой подход опирается на институциональную традицию политической науки, позволяющую анализировать политические партии как устойчивые институты власти, обладающие собственными организационными инструментами, системой кадрового воспроизводства и способностью обеспечивать преемственность государственного курса [6, с. 196–203; 14, с. 4–7].

Теоретическую основу статьи составили труды М. Вебера [2, с. 42–44; 59–61], Э. Дюркгейма [5, с. 38–47], М. Дюверже [3, с. 17–19; 47–70], М. Я. Острогорского [12, с. 168–181; 230–231], а также современные исследования российских политологов, посвящённые институциональной природе политических партий и закономерностям их организационного развития.

Анализ основан на официальных документах КПК и КПВ, совместных заявлениях руководителей Китая и Вьетнама, материалах Международного отдела ЦК КПК, а также документах, принятых в ходе взаимных партийных визитов 2023–2026 гг. [17–19].

Их сопоставление показывает, что современная межпартийная дипломатия постепенно приобретает черты многоуровневой институциональной системы, объединяющей взаимодействие высшего партийного руководства, специализированных подразделений центральных комитетов, органов идеологической работы, партийных школ и инструментов кадрового сотрудничества.

При этом сотрудничество не ограничивается центральным уровнем. В Совместном заявлении КНР и СРВ от декабря 2023 г. стороны подтвердили намерение расширять обмены не только между центральными партийными органами, но и между местными партийными комитетами, включая провинциальные и городские организации, что свидетельствует о распространении механизмов партийной дипломатии на региональный уровень [18].

Практическое развитие данного курса получило в ходе государственного визита То Лама в Китай в апреле 2026 г., когда наряду с межгосударственными и межпартийными соглашениями были подписаны документы о сотрудничестве между партийными комитетами отдельных провинций и городов двух стран, предусматривающие совместную подготовку кадров, обмен опытом партийного строительства и реализацию программ регионального взаимодействия [19].

Тем самым межпартийное сотрудничество приобретает признаки распределённого институционального механизма, в котором функции политической координации реализуются не только центральными комитетами партий, но и региональными партийными организациями, обеспечивающими практическую имплементацию договорённостей, достигнутых на высшем политическом уровне.

В этой связи межпартийское взаимодействие КПК и КПВ может рассматриваться не только как составная часть двусторонних отношений, но и как самостоятельный институт политической координации, обеспечивающий устойчивость китайско-вьетнамского стратегического партнерства.

Институциональный подход к анализу межпартийного сотрудничества КПК и КПВ

Современное межпартийное сотрудничество между КПК и КПВ уже не сводится к традиционным контактам между политическими партиями. В условиях партийно-государственной организации власти оно представляет собой особую форму политической координации, основанную на взаимодействии двух правящих партий, определяющих основные направления внутренней и внешней политики своих государств. В этой связи наиболее продуктивным для анализа представляется институциональный подход, рассматривающий политические партии как самостоятельные политические институты, обладающие устойчивой организационной структурой, механизмами кадрового воспроизводства и способностью обеспечивать преемственность государственного курса [7, с. 32–41; 9, с. 248–265].

Такой выбор методологии соответствует логике современной сравнительной политологии, в рамках которой политические категории используются не для механического переноса готовых моделей, а для анализа особенностей функционирования институтов в различных политических системах. Как отмечается в учебнике под редакцией профессора А. Ю. Мельвиля, задача политологического анализа состоит не только в усвоении теоретических положений, но и в самостоятельном применении концептуальных схем к конкретным политическим процессам [14, с.4–7]. Для анализа взаимодействия КПК и КПВ это особенно важно, поскольку речь идет не о классической конкурентной партийной системе, а о партийно-государственных моделях, где правящая партия выступает центральным институтом политического управления.

Методологическое значение для анализа межпартийного сотрудничества имеют идеи Э. Дюркгейма, рассматривавшего общество как систему взаимосвязанных социальных функций, объединенных отношениями взаимной зависимости и обеспечивающих социальную солидарность. В этой логике устойчивость общественного порядка достигается посредством действия коллективных норм и институтов, регулирующих взаимодействие участников общественной жизни [5, с. 137–140; 360–361].

Исходя из данного подхода, политические партии могут рассматриваться как институты, обеспечивающие нормативную интеграцию политического сообщества и воспроизводство устойчивых форм коллективного взаимодействия [5, с. 137–140].

Применительно к взаимодействию КПК и КПВ межпартийная дипломатия может рассматриваться как инструмент воспроизводства политической солидарности посредством регулярной координации, формирования общих норм взаимодействия и поддержания устойчивых институциональных связей [5, с. 360–361].

Особое значение для анализа межпартийного взаимодействия имеет положение Э. Дюркгейма о том, что разделение общественного труда порождает социальную солидарность лишь при наличии устойчивых коллективных норм [5, с. 137–140]. При ослаблении нормативного регулирования возникает состояние аномии [5, с. 361–363]. В этом контексте регулярные механизмы взаимодействия между КПК и КПВ могут рассматриваться как инструмент институционального поддержания политической координации и предотвращения дезинтеграционных процессов.

Существенное значение имеет и концепция институционализации политических институтов, представленная в работах А. И. Дюгуровой. Институционализация понимается как процесс закрепления устойчивых норм, процедур

и организационных механизмов, обеспечивающих стабильность функционирования политических структур независимо от изменений политической конъюнктуры [4, с. 196–203]. Применительно к взаимодействию КПК и КПВ это проявляется в регулярности межпартийных контактов, деятельности специализированных подразделений центральных комитетов, кадровом сотрудничестве и реализации долгосрочных программ взаимодействия.

Представляется продуктивным и положение Б. А. Исаева, согласно которому политическая партия представляет собой единство общественного движения, течения политической мысли и организационной структуры, сохраняющих относительную самостоятельность [11, с. 118–119]. Исходя из данного подхода, современное сотрудничество КПК и КПВ следует рассматривать как многоуровневую систему взаимодействия, охватывающую одновременно идеологический диалог, организационные связи между партийными структурами, кадровое сотрудничество и координацию политического курса. Такой подход позволяет избежать сведения межпартийной дипломатии исключительно к контактам высшего руководства и анализировать ее как взаимодействие двух институционально организованных партийно-государственных систем.

Существенное значение для анализа межпартийного сотрудничества имеет концепция М. Вебера, рассматривавшего политику как деятельность, связанную с участием во власти и руководством политическим союзом [2, с. 42–44]. Такой подход позволяет интерпретировать взаимодействие КПК и КПВ как один из механизмов согласования политического руководства двух партийно-государственных систем.

При этом межпартийное сотрудничество дополняет традиционные механизмы межгосударственной дипломатии, обеспечивая самостоятельный канал политической координации на уровне правящих партий.

Развивая институциональное понимание политических партий, М. Я. Острогорский показал, что современная партия постепенно превращается в организованный механизм, способный мобилизовать избирателей и обеспечивать постоянную политическую работу [12, с. 168–181]. Особое значение в этой системе приобретает кокус как организационное ядро партии, связывающее местные структуры с центральным руководством и обеспечивающее координацию партийной деятельности [12, с. 230–231].

Применительно к взаимодействию КПК и КПВ предложенный М. Я. Острогорским подход позволяет объяснить, почему интенсивность межпартийного сотрудничества сохраняется независимо от смены отдельных руководителей: преемственность обеспечивается не только персональными контактами, но и устойчивыми партийными структурами, процедурами принятия решений и организационной системой кадрового воспроизводства.

Дополнительное значение имеет анализ М. Я. Острогорским процессов бюрократизации партийной организации и формирования профессионального партийного аппарата, показывающий, что политическая партия способна функционировать как самостоятельный механизм политической мобилизации и управления [12, с. 428–442].

Существенный вклад в развитие институционального анализа политических партий внес М. Дюверже, рассматривавший партию прежде всего как организацию, внутреннее устройство которой определяет особенности ее функционирования и политической деятельности [3, с. 17–19]. Особое внимание исследователь уделял анализу базовых партийных структур – комитетов, секций и ячеек, показывая, что именно организационная система обеспечивает устойчивость партии как политического института [3, с. 47–70]. Применительно к современным китайско-вьетнамским отношениям данный подход позволяет рассматривать деятельность Политбюро ЦК КПК и Политбюро ЦК КПВ как функционирование высших институциональных звеньев двух партийно-государственных систем, обеспечивающих выработку и реализацию стратегических решений в сфере межпартийного сотрудничества.

Современная политологическая литература развивает классические представления об институциональной природе политических партий применительно к новым условиям политического развития. Как отмечает В. Г. Егоров, трансформация современных политических процессов требует переосмысления традиционных моделей партийной организации, однако не отменяет значения партии как ключевого института политического управления. Напротив, организационные формы партий становятся более разнообразными, сохраняя способность обеспечивать политическую координацию и реализацию стратегических решений [6, с. 31–33]. В этом отношении взаимодействие КПК и КПВ свидетельствует не об ослаблении институциональной роли партии, а о ее адаптации к современным задачам стратегического управления и международного сотрудничества.

Таким образом, институциональный подход позволяет рассматривать межпартийное сотрудничество КПК и КПВ как взаимодействие устойчивых политических институтов, обеспечивающих воспроизводство политического курса, организационную преемственность и координацию партийно-государственного управления [4, с. 196–203; 5, с. 137–140; 7, с. 32–41].

Следовательно, современное межпартийное сотрудничество представляет интерес не только как элемент двусторонних отношений Китая и Вьетнама, но и как пример самостоятельного механизма политической координации, институциональная устойчивость которого обеспечивается сочетанием организационных, кадровых, идеологических и нормативных механизмов функционирования партий, рассмотренных в классической и современной политологической литературе [2, с. 42–44; 3, с. 17–19; 6, с. 31–45; 12, с. 168–181].

Эволюция институциональных механизмов межпартийного сотрудничества КПК и КПВ

Современный этап межпартийного сотрудничества между Коммунистической партией Китая (КПК) и Коммунистической партией Вьетнама (КПВ) характеризуется переходом от регулярных политических контактов к устойчивой институциональной модели взаимодействия. Если ранее партийные связи преимущественно сопровождали развитие межгосударственных отношений, то начиная с декабря 2023 г. они приобретают самостоятельное значение как механизм стратегической координации между двумя партийно-государственными системами [8, с. 248–265].

Отправной точкой данного процесса стало принятие 13 декабря 2023 г. Совместного заявления о дальнейшем углублении всеобъемлющего стратегического партнерства и формировании китайско-вьетнамского сообщества общего будущего стратегического значения [15]. Документ закрепил не только долгосрочные ориентиры развития двусторонних отношений, но и особую роль межпартийного взаимодействия в реализации достигнутых договоренностей. В опубликованном позднее программном материале Международного отдела ЦК КПК была подчеркнута необходимость практической реализации положений совместного заявления посредством расширения сотрудничества между партийными структурами, укрепления политического доверия и развития кадрового взаимодействия [16].

Важным этапом институционализации межпартийного сотрудничества стал государственный визит Генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Фу Чонга в Китай, состоявшийся сразу после XX съезда КПК. Тот факт, что Нгуен Фу Чонг стал первым зарубежным лидером, принятым китайским руководством после завершения съезда, был официально представлен обеими сторонами как подтверждение особого характера китайско-вьетнамских отношений и приоритетного значения дальнейшего развития связей между КПК и КПВ [16; 19].

После избрания То Лама Генеральным секретарем ЦК КПВ институциональная устойчивость ранее достигнутых договоренностей получила дальнейшее развитие. Первый зарубежный визит нового руководителя Вьетнама в августе 2024 г. был совершен в Китай, что свидетельствовало о сохранении приоритетного характера отношений с КНР. В ходе переговоров Си Цзиньпин подчеркнул необходимость продолжения политического курса, сформированного при Нгуен Фу Чонге, а стороны подтвердили неизменность договоренностей, достигнутых в декабре 2023 г. Тем самым была продемонстрирована одна из ключевых характеристик институционализированного межпартийного сотрудничества – способность обеспечивать преемственность стратегического курса независимо от кадровых изменений в партийном руководстве [16].

Следующий этап связан с государственным визитом Си Цзиньпина во Вьетнам в 2025 г. По итогам переговоров было принято новое Совместное заявление, подтвердившее приверженность сторон курсу на формирование китайско-вьетнамского сообщества общего будущего стратегического значения [17].

Документ существенно расширил направления практического сотрудничества, включив вопросы цифровой экономики, искусственного интеллекта, транспортной взаимосвязанности, подготовки кадров и гуманитарных обменов. Тем самым межпартийное сотрудничество стало выступать не только инструментом политического диалога, но и одним из механизмов координации долгосрочных направлений социально-экономического развития двух государств.

Наиболее значимым этапом институционализации межпартийного сотрудничества стал государственный визит Генерального секретаря ЦК КПВ То Лама в Китай в апреле 2026 г. Если документы 2023 и 2025 гг. определяли стратегические ориентиры сотрудничества, то переговоры 2026 г. были ориентированы на создание организационных механизмов их практической реализации.

По итогам визита были подписаны План сотрудничества между КПК и КПВ на 2026–2030 гг., Меморандум о сотрудничестве между Организационными отделами ЦК КПК и ЦК КПВ, а также соглашение между Министерством иностранных дел СРВ и Международным отделом ЦК КПК [18]. Одновременно было опубликовано новое Совместное заявление, подтвердившее приверженность сторон дальнейшему развитию китайско-вьетнамского сообщества общего будущего стратегического значения [17].

Вместе с тем современное межпартийное сотрудничество не ограничивается взаимодействием высшего политического руководства. Существенную роль в институционализации межпартийного сотрудничества играет деятельность специализированных подразделений центральных комитетов двух партий. Регулярно проводятся теоретические семинары, консультации по вопросам партийного строительства, государственного управления, идеологической работы и подготовки кадров, формирующие устойчивые каналы профессионального обмена между КПК и КПВ [16].

Показательным примером институционализации межпартийного сотрудничества является встреча секретаря ЦК КПВ, заведующего Отделом ЦК КПВ по пропаганде, политическому воспитанию и работе с народными массами Чинь Ван Куета с членом Политбюро ЦК КПК, секретарем Секретариата ЦК КПК, заведующим Отделом пропаганды ЦК КПК Ли Шулэем 13 ноября 2025 г.

По итогам переговоров стороны подтвердили необходимость дальнейшего укрепления партийного канала взаимодействия, расширения сотрудничества в сфере идеологической работы, совместных теоретических исследований и подготовки кадров [16]. Подобные контакты позволяют сделать вывод о том, что современное межпартийное сотрудничество реализуется не только посредством встреч высшего руководства, но и через постоянное взаимодействие специализированных партийных институтов, обеспечивающих практическую реализацию достигнутых политических договоренностей.

Проведенный анализ официальных документов и практики взаимодействия КПК и КПВ позволяет рассматривать современное межпартийное сотрудничество как многоуровневую институциональную систему, охватывающую взаимодействие высшего партийного руководства, Международного отдела ЦК КПК, организационных подразделений центральных комитетов, органов, отвечающих за идеологическую работу, партийных школ и экспертно-теоретических площадок. Именно сочетание политического, организационного и идеологического уровней обеспечивает устойчивость межпартийного взаимодействия, преемственность политического курса и последовательную реализацию долгосрочных договоренностей между двумя партийно-государственными системами [9, с. 248–265; 10, с. 4–7; 15; 17–20].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что современный этап межпартийного сотрудничества между Коммунистической партией Китая и Коммунистической партией Вьетнама характеризуется переходом от отдельных политических контактов к устойчивой институциональной модели взаимодействия. Формирование китайско-вьетнамского сообщества общего будущего стратегического значения придало межпартийным связям качественно новое содержание, превратив их в один из ключевых механизмов стратегической координации между двумя партийно-государственными системами. Это подтверждается совместными заявлениями руководителей двух государств, принятыми в 2023–2026 гг., а также созданием новых организационных механизмов межпартийного взаимодействия [16–19].

Использование институционального подхода позволило рассмотреть взаимодействие КПК и КПВ не только как совокупность дипломатических мероприятий, но и как устойчивую систему политической координации, основанную на деятельности специализированных партийных структур, регулярном кадровом взаимодействии, идеологических обменах и механизмах стратегического планирования. Такой подход согласуется с положениями классической теории политических институтов и современных исследований партийных систем, рассматривающих политические партии как самостоятельные институты власти, обеспечивающие воспроизводство политического курса и организационную устойчивость государственного управления [2, с. 42–44; 3, с. 17–19; 5, с. 38–47; 6, с. 196–203; 7, с. 32–41; 10, с. 4–7].

Проведенный анализ позволяет уточнить место межпартийного сотрудничества в современной системе международных отношений. На примере взаимодействия КПК и КПВ можно сделать вывод, что в государствах с партийно-государственной организацией власти межпартийские связи выполняют функции, выходящие за рамки традиционной партийной дипломатии. Они обеспечивают со-

гласование стратегических направлений развития, способствуют обмену управленческими практиками и формируют дополнительные механизмы политической координации, дополняющие классические инструменты межгосударственной дипломатии [8, с. 248–265; 12, с. 168–181; 14, с. 4–7].

Полученные результаты согласуются с выводами М. А. Терских, который, анализируя взаимодействие КПК и КПВ, отмечает, что развитая сеть межпартийных контактов используется сторонами не только для обмена опытом партийного строительства и обсуждения вопросов идеологического развития, но и в качестве дополнительного взаимовыгодного канала коммуникации по широкому кругу вопросов [15, с. 68–70].

Практическая значимость исследования выходит за рамки анализа исключительно китайско-вьетнамских отношений. Для Российской Федерации изучение институциональных механизмов межпартийного сотрудничества КПК и КПВ представляет интерес не только с точки зрения понимания особенностей функционирования партийно-государственных систем, но и как инструмент оценки современных политических приоритетов развития Вьетнама. Анализ институциональных механизмов взаимодействия двух правящих партий позволяет глубже понять особенности формирования политических решений в государствах с партийно-государственной моделью управления и учитывать влияние партийных институтов при развитии двустороннего и многостороннего сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Особую актуальность данный вывод приобретает в контексте современных российско-вьетнамских отношений. Как отмечается в совместном докладе ИКСА РАН и Института европейских и американских исследований ВАОН под редакцией В. М. Мазырина, сохранение и укрепление позиций России во Вьетнаме предполагает учет новых приоритетов развития страны, включая институциональные преобразования, цифровую трансформацию и изменение модели экономического роста [9, с. 106–108]. В этой связи понимание механизмов межпартийного сотрудничества КПК и КПВ приобретает не только научное, но и практическое значение, позволяя более точно оценивать особенности формирования государственной политики Вьетнама и перспективы российско-вьетнамского взаимодействия.

Таким образом, современное межпартийное сотрудничество КПК и КПВ представляет собой формирующийся многоуровневый институциональный механизм стратегической координации, обеспечивающий преемственность политического курса, устойчивость двустороннего взаимодействия и последовательную реализацию долгосрочных политических договоренностей. Дальнейшее изучение данного феномена представляется перспективным направлением политологических исследований, поскольку позволяет расширить представления о современных механизмах политического взаимодействия государств с партийно-государственной моделью организации власти.

Литература

1. Бабаев К. В. Проблемы и перспективы вьетнамо-китайских отношений на современном этапе // Вьетнамские исследования. 2023. Т. 7. № 3–2. С. 5–17.
2. Вебер М. Политика как призвание и профессия. М.: РИПОЛ классик, 2018.
3. Дюверже М. Политические партии / пер. с фр. Л. А. Зиминой. М.: Академический проект, 2000.
4. Дюгурова А. И. Институционализация партийных систем: введение в проблему // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. Кн. 1. С. 196–203.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1996.
6. Егоров В. Г. Политические партии: от традиционного облика к сетевой организации // Обозреватель–Observer. 2026. № 1. С. 31–45.
7. Исаев Б. А. Теория партий и партийных систем: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2024.
8. Исаев Б. А. (сост.) Теория партий и партийных систем: хрестоматия. М.: Аспект Пресс, 2008. 400 с.
9. Кузнецов М. К. Партийная дипломатия КНР в Юго-Восточной Азии: цели, методы и результаты // Конфликтология / Nota Bene. 2026. № 2. С. 248–265.
10. Мельвиль А. Ю. (ред.) Политология: учебник / А. Ю. Мельвиль, М. В. Ильин, А. Ю. Мельвиль и др. М.: Проспект, 2008. 618 с.
11. Нархова Е. И. Вьетнамо-китайские отношения через призму теории асимметрии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. Т. 2. № 3 (44). С. 136–144.
12. Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997.
13. Петрасяк М. «Геополитический код» внешней политики Вьетнама в XXI веке // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. Вып. 5. Ч. 1. С. 266–274.
14. Российско-вьетнамские отношения в 2025 году: состояние и перспективы. Совместный доклад / Ин-т Китая и соврем. Азии РАН; Институт европейских и американских исследований ВАОН / отв. ред. В. М. Мазырин. М.: ИКСА РАН, 2026. 110 с.
15. Терских М. А. Об идейном влиянии Компартии Китая на Компартию Вьетнама // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 7. С. 64–70.
16. Ха Ле Тхань Чунг, Чинь Куок Винь, Писарев И. И. О роли идеологии во вьетнамско-китайских отношениях // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. № 2 (59). С. 182–197.
17. Joint Statement Between the Socialist Republic of Vietnam and the People's Republic of China on Further Deepening and Elevating the Comprehensive Strategic Cooperative Partnership, Building a Vietnam–China Community with a Shared Future that Carries Strategic Significance // Government News. 13 Dec. 2023. URL: https://en.baochinhphu.vn/viet-nam-china-joint-statement-111231213225010714.htm (дата обращения: 27.06.2026).
18. Viet Nam, China Issue Joint Statement on Deepening Comprehensive Strategic Cooperative Partnership in New Era // Government News. 17 Apr. 2026. URL: https://en.baochinhphu.vn/viet-nam-china-issue-joint-statement-on-deepening-comprehensive-strategic-cooperative-partnership-in-new-era-111260417153206502.htm (дата обращения: 27.06.2026).
19. Vietnam, China Sign 32 Cooperation Documents // Vietnam News Agency. 17 Apr. 2026. URL: https://en.vietnamplus.vn/vietnam-china-sign-32-cooperation-documents-post341339.vnp (дата обращения: 27.06.2026).
20. Xi Urges Implementation of China–Vietnam Community with a Shared Future Carrying Strategic Significance // International Department of the CPC Central Committee. 26 Dec. 2023. URL: https://www.idcpc.org.cn/english2023/ttxw_5749/202312/t20231226_163186.html (дата обращения: 27.06.2026).

Current Stage of Inter-Party Cooperation between the Communist Party of China and the Communist Party of Vietnam

Tsvileva A.V.
Independent Researcher

The article examines the current stage of inter-party cooperation between the Communist Party of China and the Communist Party of Vietnam in the context of building a China–Vietnam community with a shared future that carries strategic significance. It is shown that interaction between the two ruling parties is not limited to ideological contacts or to supporting interstate

relations, but represents an independent institutional mechanism of political coordination.
Particular attention is paid to the organizational forms of cooperation, the activities of specialized party structures, cadre interaction, the exchange of experience in party building, and the coordination of strategic development priorities. Inter-party cooperation is analyzed through the institutional approach, drawing on the theoretical ideas of M. Weber, M. Duverger, M. Ya. Ostrogorsky and E. Durkheim.
The article argues that the contemporary model of cooperation between the CPC and the CPV is characterized by a high degree of institutionalization and serves as one of the key factors ensuring political continuity, the stability of bilateral relations, and the long-term coordination of the foreign policy courses of China and Vietnam.
Keywords: Communist Party of China, Communist Party of Vietnam, inter-party cooperation, party diplomacy, institutional approach, political institutions, party-state system, China–Vietnam relations, political coordination.

References

1. Babaev K. V. Problems and Prospects of Vietnam–China Relations at the Present Stage // Vietnamese Studies. 2023. Vol. 7. No. 3–2. Pp. 5–17. (In Russ.).
2. Weber M. Politics as a Vocation and Profession. Moscow: RIPOL classic, 2018. (In Russ.).
3. Duverger M. Political Parties / transl. from French by L. A. Zimina. Moscow: Akademicheskiy Proekt, 2000. (In Russ.).
4. Dyugurova A. I. Institutionalization of Party Systems: Introduction to the Problem // Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities. 2010. Vol. 152. Book 1. Pp. 196–203. (In Russ.).
5. Durkheim E. The Division of Labour in Society / transl. from French by A. B. Gofman. Moscow: Kanon, 1996. (In Russ.).
6. Egorov V. G. Political Parties: From the Traditional Form to the Network Organization // Observer. 2026. No. 1. Pp. 31–45. (In Russ.).
7. Isaev B. A. Theory of Parties and Party Systems: Textbook for Universities. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Yurait, 2024. (In Russ.).
8. Isaev B. A. (comp.). Theory of Parties and Party Systems: Anthology. Moscow: Aspekt Press, 2008. 400 p. (In Russ.).
9. Kuznetsov M. K. Party Diplomacy of the PRC in Southeast Asia: Goals, Methods and Results // Conflict Studies / Nota Bene. 2026. No. 2. Pp. 248–265. (In Russ.).
10. Melville A. Yu. (ed.). Political Science: Textbook / A. Yu. Melville, M. V. Ilyin et al. Moscow: Prospekt, 2008. 618 p. (In Russ.).
11. Narkhova E. I. Vietnam–China Relations through the Prism of Asymmetry Theory // Southeast Asia: Current Problems of Development. 2019. Vol. 2. No. 3 (44). Pp. 136–144. (In Russ.).
12. Ostrogorsky M. Ya. Democracy and Political Parties. Moscow: ROSSPEN, 1997. (In Russ.).
13. Petrasyak M. The “Geopolitical Code” of Vietnam’s Foreign Policy in the 21st Century // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. 2022. Issue 5. Part 1. Pp. 266–274. (In Russ.).
14. Russian–Vietnamese Relations in 2025: Current State and Prospects. Joint Report / Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences; Institute for European and American Studies, Vietnam Academy of Social Sciences / ed. by V. M. Mazyrin. Moscow: ICCA RAS, 2026. 110 p. (In Russ.).
15. Terskikh M. A. On the Ideological Influence of the Communist Party of China on the Communist Party of Vietnam // World Economy and International Relations. 2021. Vol. 65. No. 7. Pp. 64–70. (In Russ.).
16. Ha Le Thanh Chung, Chinh Quoc Vinh, Pisarev I. I. On the Role of Ideology in Vietnam–China Relations // Southeast Asia: Current Problems of Development. 2023. No. 2 (59). Pp. 182–197. (In Russ.).
17. Joint Statement Between the Socialist Republic of Vietnam and the People's Republic of China on Further Deepening and Elevating the Comprehensive Strategic Cooperative Partnership, Building a Vietnam–China Community with a Shared Future that Carries Strategic Significance // Government News. 13 Dec. 2023. URL: https://en.baochinhphu.vn/viet-nam-china-joint-statement-111231213225010714.htm (accessed: 27.06.2026).
18. Viet Nam, China Issue Joint Statement on Deepening Comprehensive Strategic Cooperative Partnership in New Era // Government News. 17 Apr. 2026. URL: https://en.baochinhphu.vn/viet-nam-china-issue-joint-statement-on-deepening-comprehensive-strategic-cooperative-partnership-in-new-era-111260417153206502.htm (accessed: 27.06.2026).
19. Vietnam, China Sign 32 Cooperation Documents // Vietnam News Agency. 17 Apr. 2026. URL: https://en.vietnamplus.vn/vietnam-china-sign-32-cooperation-documents-post341339.vnp (accessed: 27.06.2026).
20. Xi Urges Implementation of China–Vietnam Community with a Shared Future Carrying Strategic Significance // International Department of the CPC Central Committee. 26 Dec. 2023. URL: https://www.idcpc.org.cn/english2023/ttxw_5749/202312/t20231226_163186.html (accessed: 27.06.2026).

Особенности получения доказательств по уголовным делам на территории иностранных государств посредством видео-конференц-связи

Афанасьева Елена Юрьевна
адъюнкт, Академия управления МВД России, старший следователь по особо важным делам отдела организации международной правовой помощи организационно-аналитического управления Следственного департамента МВД России, полковник юстиции, lenaafanas@yandex.ru

В настоящей статье представлены результаты проведенного исследования в области использования видео-конференц-связи (ВКС) в целях производства вербальных следственных действий с участием лиц, находящихся на территории иностранных государств. Проанализированы проблемные аспекты организационного, правового и технического характера использования дистанционного формата осуществления трансграничной коммуникации между правоохранительными органами в рамках расследования уголовным дел. Разработаны рекомендации по порядку получения доказательств за рубежом путем применения цифровых технологий.

Ключевые слова: международное сотрудничество, запрос о правовой помощи, доказательства, следственные действия, допрос, очная ставка, опознание, видео-конференц-связь.

Введение

Быстрое развитие цифровых технологий создало объективные предпосылки для организации удалённого взаимодействия участников коммуникации, находящихся в различных государствах, включая сферу уголовного судопроизводства.

В научной литературе обращается внимание на значимость цифровизации досудебного производства. Так, П.А. Самсонов обоснованно отмечает, что внедрение цифровых инструментов на стадии предварительного расследования способствует повышению эффективности деятельности органов расследования и обеспечивает более полную реализацию требования о разумном сроке уголовного судопроизводства [1]. Указанная позиция обусловливает возрастание роли дистанционных технологий коммуникации при осуществлении международного сотрудничества по уголовным делам.

В этих условиях особую актуальность приобретает применение средств видео-конференц-связи в рамках международного взаимодействия. Использование данного технологического инструментария позволяет существенно сократить временные параметры получения доказательственной информации, необходимой для расследования, одновременно снижая организационные и финансовые затраты, связанные с производством процессуальных действий с лицами, находящимися на территории иностранных государств.

По мнению Е.А. Архиповой, использование подобных технологий позволяет сократить сроки исполнения международных запросов до полутора–трех часов, одновременно повышая эффективность их рассмотрения и качество получаемых результатов [2].

Дополнительным преимуществом дистанционного формата является возможность получения информации непосредственно в ходе производства следственного действия. Это позволяет должностному лицу, осуществляющему расследование, оперативно анализировать поступающие сведения, корректировать дальнейшую тактику расследования, формулировать дополнительные вопросы и своевременно принимать необходимые процессуальные решения, не дожидаясь направления оформленных материалов компетентными органами иностранного государства.

Материалы и методы исследования

Методологическая основа настоящего исследования формировалась посредством сочетания общенаучных и специальных юридических методов познания. В исследовании использовался комплекс общенаучных и специальных методов познания, включая индуктивный и дедуктивный подходы, а также формально-логический, системно-структурный, сравнительно-правовой и технико-юридический методы анализа. Существенную роль сыграл диалектический метод, позволивший рассматривать внедрение видео-конференц-связи в механизм международного сотрудничества по уголовным делам не изолированно, а в рамках более широкого процесса цифровой трансформации уголовного судопроизводства, а также постепенного развития дистанционных форм производства следственных действий на стадии предварительного расследования.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ международно-правовой базы свидетельствует о том, что участие Российской Федерации в системе международного сотрудничества по уголовным делам уже предполагает наличие нормативных предпосылок для использования технологий видео-конференц-связи при производстве отдельных процессуальных действий. Данные положения закреплены в ряде международных договоров о взаимной правовой помощи, включая Второй дополнительный протокол, который детализирует порядок осуществления дистанционных допросов.

Согласно указанному международному акту, применение видео-конференц-связи допускается при допросе свидетелей, экспертов, а также подозреваемых и обвиняемых при условии их добровольного согласия на участие в таком формате. При этом на компетентные органы запрашиваемого государства возлагается комплекс организационно-процессуальных обязанностей, включающих обеспечение явки участников, их идентификацию, контроль соблюдения требований национального законодательства, а также организацию переводческого сопровождения при необходимости.

Сходные подходы прослеживаются и в универсальных международно-правовых инструментах, принятых под эгидой Организации Объединённых Наций. Российская Федерация является участником конвенций, направленных на противодействие коррупции и транснациональной организованной преступности, а также подписала Конвенцию против киберпреступности. Указанные акты предусматривают возможность проведения по запросу судебных органов одного государства дистанционных допросов лиц, находящихся на территории другого государства-участника, при обязательном участии компетентных органов принимающей стороны. В зависимости от конкретного международного соглашения посредством ВКС могут допрашиваться свидетели, эксперты и потерпевшие.

Национальное регулирование не формирует целостной модели применения таких технологий в трансграничных ситуациях, ограничиваясь внутренними процедурами использования видеоконференц-связи, что требует дальнейшего развития с учетом научных подходов и сравнительно-правового опыта.

В доктрине преобладает мнение о необходимости нормативного расширения применения дистанционных технологий в международном сотрудничестве, при этом часть исследователей предлагает специальные законы либо комплексное регулирование соответствующих процедур [3,4]. Одновременно обосновывается позиция о достаточности международных договоров как актов прямого действия и возможности использования видеосвязи как на их основе, так и по принципу взаимности.

Несмотря на наличие сформированной международно-правовой базы, использование видео-конференц-связи в рамках международной правовой помощи по уголовным делам в Российской Федерации сохраняет ограниченный характер и применяется эпизодически, что подтверждается как данными ведомственной статистики, так и результатами анкетирования сотрудников, указывающих на недостаточную степень процессуальной регламентации данного механизма. В сложившихся условиях представляется обоснованным формирование практико-ориентированного подхода, при котором при отсутствии детальной международной регламентации следователь вправе предлагать модель дистанционного производства следственных действий, основанную на положениях национального уголовно-процессуального законодательства.

Особое значение в данном контексте приобретают вопросы допустимости отдельных следственных действий в дистанционном формате, прежде всего допроса обвиняемого, находящегося за пределами государства, который в правоприменительной практике оценивается неоднозначно, в том числе с учетом позиции высших судебных органов, исключающей возможность предъявления обвинения и допроса в подобном режиме. Одновременно сохраняется необходимость уточнения соотношения международных договорных механизмов и национального процессуального регулирования, а также развития гарантий прав участников, включая обеспечение права на защиту и регламентацию участия адвоката в трансграничных видеопроцессах. В практическом аспекте организация указанных действий требует предварительного согласования технических и процессуальных условий, а также четкого распределения функций между инициирующей и исполняющей сторонами, что в совокупности обеспечивает формирование допустимого доказательственного комплекса.

Особую сложность представляет применение дистанционных форм взаимодействия в отношении несовершеннолетних участников процесса [5, 6]. Доктринальные позиции в данной сфере указывают на необходимость усиленных процессуальных гарантий, включая обязательное участие педагога и психолога, а также возможное ограничение возрастных критериев допуска к таким следственным действиям. При этом ключевым ориентиром выступает необходимость минимизации любых потенциальных психологических и процессуальных рисков для несовершеннолетнего.

Четкая регламентация механизма проведения следственных действий с малолетними и несовершеннолетними в дистанционной форме, безусловно, является важной процессуальной гарантией обеспечения защиты прав и законных интересов последних. Несмотря на опасения ученых, связанные с установлением психологического контакта с допрашиваемым лицом, применение ВКС позволяет обеспечить безопасность несовершеннолетнего, а также создать у него ощущение физической и психологической защищенности, особенно, если ребенок является «жертвой» совершенного преступления [8].

Автор категорически не согласен с позицией И.Н. Федосенко о целесообразности допроса с использованием ВКС только лиц, достигших 16-летнего возраста. Психологи (педагоги) перед началом допросов практикуют проведение личных бесед в целях подготовки к следственному действию (преодоления страха) и для выявления возможных психологических трудностей, о которых сообщает следователю. Во время следственного действия психолог (педагог) находится рядом с допрашиваемым несовершеннолетним. Необходимость обязательного нахождения данных участников процесса рядом со следователем определяется в каждом конкретном случае индивидуально.

В контексте рассматриваемой проблематики следует обратиться к положениям ст. 213 УПК Республики Казахстан, которые предусматривают возможность применения дистанционного формата при допросе несовершеннолетних и малолетних свидетелей и потерпевших. Данная норма отражает тенденцию к расширению использования цифровых инструментов в уголовном процессе при одновременном усилении гарантий защиты наиболее уязвимых участников судопроизводства.

Сопоставимый интерес представляет регулирование, закреплённое в ст. 1101 УПК Республики Молдова. Указанная норма детально описывает порядок допроса ребёнка в рамках уголовных дел, связанных с преступлениями сексуального характера, торговлей детьми, насилием в семье, а также в иных ситуациях, когда этого требуют интересы правосудия либо самого несовершеннолетнего. Особенностью молдавской модели является институцио-

нализация специальных помещений для проведения допроса. Так, используется «специальная допросная комната», представляющая собой оборудованное пространство, где находится несовершеннолетний вместе с допрашивающим лицом и которое технически связано с наблюдательной комнатой посредством аудио- и видеосистем записи и трансляции. В свою очередь, наблюдательная комната предназначена для размещения всех иных участников процесса.

С точки зрения автора, молдавский опыт представляет значительный интерес для развития процессуальных гарантий, особенно в части, касающейся п. 71 указанной нормы. В соответствии с ним, если технические средства фиксации не позволяют осуществить видеозапись допроса несовершеннолетнего свидетеля, процесс не прекращается, а продолжается с обязательным отражением соответствующего технического ограничения в протоколе. При этом повторное проведение допроса прямо исключается, что позволяет минимизировать психологическую нагрузку на ребёнка и исключить повторную виктимизацию.

Одним из ключевых ограничивающих факторов при развитии дистанционных форм международного процессуального взаимодействия выступает нормативное предписание статьи 1891 УПК РФ, согласно которому использование видео-конференц-связи допускается исключительно посредством технических средств государственных органов, осуществляющих предварительное расследование.

В научно-теоретической плоскости данное законодательное решение не получает единой оценки. Так, по мнению Ю.Ю. Ксендзова, указанная модель правового регулирования является обоснованной и соответствует актуальному уровню развития уголовного судопроизводства [10].

С практико-организационной точки зрения следует отметить, что в деятельности органов предварительного расследования системы МВД России применяется специализированный программно-технический комплекс видеоконференц-связи «СВКС-м», разработанный компанией TrueConf в рамках Информационной системы обеспечения деятельности (ИСОД) МВД России.

Указанная платформа функционирует в условиях закрытого ведомственного контура и интегрирована в защищённую информационную инфраструктуру, отвечающую требованиям информационной безопасности, конфиденциальности и защиты персональных данных. Рабочие места сотрудников подключены к интегрированной мультисервисной телекоммуникационной системе (ИМТС), при этом технически исключается одновременный доступ к сети Интернет, что обеспечивает дополнительный уровень изоляции и защиты передаваемой информации [11].

Однако указанная инфраструктура ориентирована исключительно на внутреннее ведомственное взаимодействие и не обеспечивает технической совместимости с иностранными платформами видеосвязи, что существенно ограничивает возможность проведения международных следственных действий в дистанционном формате.

В методических рекомендациях Следственного департамента МВД России предлагается использование программной платформы TrueConf, устанавливаемой на устройства, подключённые к сети Интернет. Данный вариант, по замыслу разработчиков, должен обеспечить необходимый уровень защищённости при взаимодействии с иностранными юрисдикциями. Вместе с тем на практике иностранные компетентные органы нередко отказываются от использования указанного программного обеспечения, предлагая применение иных платформ, включая Zoom и аналогичные сервисы.

При этом нормативное закрепление перечня допустимых программных средств представляется невозможным, поскольку значительная часть зарубежного программного обеспечения производится в государствах, в отношении которых действуют ограничения, связанные с недружественной политикой по отношению к Российской Федерации.

Следует принимать во внимание, что несоблюдение закреплённого в статье 1891 УПК РФ требования об использовании исключительно государственных систем видео-конференц-связи может быть квалифицировано судом как существенное нарушение уголовно-процессуальной формы, что, в свою очередь, способно повлечь признание полученных доказательств недопустимыми.

В условиях отсутствия унифицированного нормативного регулирования, по мнению автора, выбор программно-технического решения должен предварительно согласовываться на уровне центральных компетентных органов взаимодействующих государств. При этом приоритет следует отдавать тем платформам, которые обеспечивают комплексный функционал, включающий защищённую видеосвязь, обмен сообщениями, демонстрацию документов в режиме реального времени, надёжную фиксацию хода процессуального действия, а также соблюдение требований информационной безопасности и конфиденциальности [9].

В контексте изложенного представляется целесообразным нормативное совершенствование части 1 статьи 1891 УПК РФ. В этой связи автором обосновывается необходимость ее изменения таким образом, чтобы закрепить за следователем или дознавателем право осуществлять допрос, очную ставку и предъявление для опознания с применением систем видео-конференц-связи, обеспечивающих надлежащий уровень конфиденциальности и информационной безопасности следственного действия, при этом без установления ограничения, связанного исключительно с использованием технических средств государственных органов.

С практической точки зрения организация международного дистанционного следственного действия должна начинаться со стадии предварительных консультаций между инициирующим государством (Инициатором) и государством, исполняющим запрос (Исполнителем). На данном этапе осуществляется обмен информацией о технической возможности проведения видео-конференц-связи, согласование даты и времени, обсуждение порядка процессуальной фиксации, а также определение необходимости привлечения дополнительных участников и распределение возможных финансовых затрат.

Далее на стороне Исполнителя обеспечивается установление местонахождения лиц, подлежащих участию в следственном действии на его территории, и организуется их явка. В случае проведения очной ставки координация соответствующих действий осуществляется совместно обеими сторонами.

Перед началом процессуального действия осуществляется проверка качества канала связи, при необходимости с привлечением специалиста в области технического сопровождения. В установленное время инициирующая сторона создает сеанс видеоконференц-связи и направляет исполняющей стороне реквизиты для подключения.

Процедура дистанционного следственного действия начинается с фиксации факта установления устойчивого видеосоединения, после чего инициирующая сторона формально обозначает начало процессуального этапа, указывает его временные и территориальные параметры и приступает к проверке установочных данных лица, подлежащего допросу. В рамках данной проверки уточняются персональные сведения, включая идентифицирующие характеристики, а также иные анкетные данные, имеющие

значение для процессуальной идентификации, при одновременном предъявлении документа, удостоверяющего личность.

Функции контроля достоверности идентификации распределяются между участниками взаимодействия: принимающая сторона, находящаяся рядом с допрашиваемым, осуществляет визуальную и документарную верификацию личности, подтверждает соответствие представленных сведений и дополнительно удостоверяет факт готовности лица к участию в следственном действии посредством демонстрации удостоверяющего документа в видеопотоке и соответствующего подтверждающего заявления.

При проведении очной ставки процедура идентификации приобретает координированный характер и реализуется совместными действиями обеих сторон, что позволяет обеспечить сопоставимость сведений о каждом участнике и исключить возможные расхождения в установочных данных.

Далее инициирующая сторона переходит к процессуальному этапу разъяснения правового статуса участников. Разъяснение прав, обязанностей и возможной ответственности осуществляется в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством запрашивающего государства. Принимающая сторона передает ранее оформленные документы участникам следственного действия и фиксирует факт их получения.

Непосредственное производство допроса осуществляется дистанционно инициирующим органом на основе предварительно подготовленного перечня вопросов, передаваемых через канал видеосвязи. При организации очной ставки вопросы формулируются с учетом двухстороннего характера взаимодействия и направляются каждому из участников, при этом их содержание ограничивается предметом расследования либо сведениями, относящимися к личности допрашиваемых. Исполняющая сторона сохраняет контрольную функцию, обеспечивая соблюдение процессуальных гарантий и недопущение вопросов, противоречащих требованиям национального законодательства, включая недопустимость наводящих формулировок.

Итоговая фиксация результатов осуществляется инициатором путем составления протокола следственного действия, в котором отражаются как процессуальная последовательность совершенных действий, так и содержание полученных ответов, с обеспечением полноты документирования всех существенных обстоятельств дистанционного следственного мероприятия.

Отдельного внимания заслуживает предложение К.И. Сотникова о внедрении технологий автоматического распознавания речи и её конвертации в текст (транскрибации) при оформлении протоколов [12]. Данная технология представляется особенно перспективной в условиях международного взаимодействия, где существенное значение имеет языковой перевод.

Составленный протокол может быть передан Исполнителю посредством защищённых каналов электронной связи либо с использованием функционала программного обеспечения видеоконференц-связи (например, «TrueConf», режим «белого листа»). После получения копии документа исполняющая сторона обеспечивает доведение его содержания до сведения всех участников следственного действия для ознакомления. По завершении процессуальной процедуры следователь (дознаватель), выступающий инициатором, зачитывает протокол либо предоставляет участникам возможность самостоятельно ознакомиться с его содержанием. Одновременно разъясняется право на внесение замечаний, дополнений и уточнений относительно хода и результатов следственного действия. Указанные замечания могут быть заявлены устно либо зафиксированы письменно в подписке о разъяснении прав, обязанностей и порядка проведения следственного действия. При отсутствии возражений соответствующая отметка удостоверяется участниками собственноручно.

В целях оптимизации сроков получения доказательственной информации допускается направление подписки о разъяснении прав и обязанностей инициатору посредством электронных каналов связи либо через используемую платформу видео-конференц-связи (в том числе «TrueConf») с последующей досылкой оригинала документа почтовым отправлением в течение 24 часов.

По завершении указанных действий инициатор объявляет об окончании следственного действия в установленном порядке. При этом следует учитывать, что Второй дополнительный протокол предусматривает возможность дистанционного допроса подозреваемого и обвиняемого исключительно при наличии их добровольного согласия.

В научной доктрине также обращалось внимание на наличие рисков, связанных с возможными техническими сбоями при осуществлении видео-конференц-связи, способных повлиять на стабильность и непрерывность процессуального действия.

Так, О.А. Фарафоновой указывалось на необходимость определения алгоритма действий следователя в случае утраты сигнала связи [13].

Данная позиция поддерживается и настоящим автором: при прерывании связи по инициативе участников либо по техническим причинам в протоколе следует фиксировать факт остановки следственного действия с обязательным указанием времени прекращения и последующего возобновления. Указанные действия отнесены к компетенции Инициатора.

В рамках предварительного согласования также целесообразно определить, что при невозможности восстановления соединения Исполнитель завершает следственное действие в порядке, предусмотренном национальным законодательством запрашиваемого государства.

Кроме того, стороны вправе заранее согласовать техническую схему размещения видеокамер и использование функции масштабирования изображения, обеспечивающей полноту фиксации происходящего.

Для обеспечения полноты и достоверности фиксации целесообразно осуществлять видеозапись как со стороны Инициатора, так и по месту нахождения допрашиваемого лица, с охватом всего помещения.

По завершении процессуального действия инициирующая сторона осуществляет сохранение видеозаписи на электронный носитель информации, после чего обеспечивает его герметичную упаковку, исключающую возможность несанкционированного доступа, подмены либо повреждения. По завершении следственного действия электронный носитель информации подлежит процессуальному удостоверению посредством подписи уполномоченного должностного лица и последующему приобщению к материалам уголовного дела одновременно с протоколом, фиксирующим ход дистанционной процедуры. Тем самым обеспечивается формирование единого доказательственного комплекса, включающего как текстовую, так и аудиовизуальную составляющую.

Передающая (исполняющая) сторона осуществляет дальнейшее процессуальное сопровождение результатов следственного действия, обеспечивая направление сформированных материалов в адрес компетентного органа государства-инициатора в порядке, установленном соответствующим международным договором о правовой помощи. В состав таких материалов включаются копии процессуальных документов, подтверждения вручения процессуальных актов, а также подписанные участниками

разъяснения их прав, обязанностей и порядка проведения следственного действия.

Особое значение в данной модели взаимодействия приобретает обязанность органов запрашиваемого государства обеспечить соблюдение национальных процессуальных требований при исполнении международного поручения. Именно данный элемент выступает ключевым фактором последующей оценки допустимости полученных доказательств, поскольку определяет степень их соответствия внутреннему уголовно-процессуальному режиму.

Со стороны инициирующего государства формируется самостоятельный комплекс доказательственных материалов, включающий запрос о правовой помощи, протокол проведенного дистанционного следственного действия, электронные носители с видеозаписью, полученные от обеих сторон, а также подлинники документов, поступивших от компетентного органа иностранного государства, включая служебную переписку, подтверждающую соблюдение установленного порядка международного взаимодействия.

При этом действующее уголовно-процессуальное регулирование не устанавливает специальных критериев оценки допустимости доказательств, полученных с использованием видео-конференц-связи в трансграничных следственных действиях. Указанная нормативная неопределенность обусловливает необходимость обращения к научно-доктринальным подходам, разработанным в юридической литературе.

Так, Е.А. Архипова указывает, что доказательственная ценность таких материалов обеспечивается при условии комплексного соблюдения требований национального законодательства, международных обязательств и процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства, а также использования технических средств, гарантирующих устойчивость и конфиденциальность канала связи [14]. В свою очередь, Е.В. Быкадорова связывает допустимость указанных доказательств с соблюдением порядка направления международного запроса, соответствием процедуры законодательству иностранного государства и надлежащим процессуальным статусом органа, исполняющего поручение [15].

Выводы

В совокупности изложенное позволяет сделать вывод о том, что предложенная модель организации дистанционных следственных действий с использованием видеоконференц-связи при участии лиц, находящихся за пределами государства, при соблюдении требований национального уголовно-процессуального законодательства, международных договоров и процедур международного взаимодействия обеспечивает формирование процессуально устойчивого доказательственного массива, отвечающего критериям допустимости в уголовном судопроизводстве.

Литература

1. Самсонов, П.А. Дистанционное участие потерпевшего в процессуальных действиях на стадии предварительного расследования // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 5. С. 132 - 141. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.132-141
2. Архипова, Е.А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Архипова. М., 2013. 198 с.
3. Милинчук, В.В. Взаимная правовая помощь по уголовным делам: общие условия оказания и формы (действующая практика и перспективы): автореф. дис. … канд. юрид.наук: 12.00.09 / Милинчук Вероника Владимировна. – М., 2001. – С.
4. Волеводз, А.Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса: дис. … д-ра юрид. наук 12.00.09 / Волеводз Александр Геннадьевич. - М. 2002. С. 54.
5. Белкин, А.Р. Использование видео-конференц-связи в следственных действиях: технические преимущества и процессуальные проблемы // СПС «Консульстант-Плюс» (дата обращения: 09.09.2025)
6. Дударев, В. А. Дистанционный допрос несовершеннолетних в зарубежных странах и Российской Федерации: проблемные вопросы / В. А. Дударев // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2023. – № 2. – С. 18-22. – DOI 10.18572/2071-1190-2023-2-18-22. – EDN WIIALE.
7. Федосенко, И. Н. Проблемные вопросы производства допроса с использованием системы видео-конференц-связи / И. Н. Федосенко // Проблемы совершенствования российского законодательства : Сборник тезисов Международной научно-практической конференции курсантов, слушателей и студентов, Барнаул, 16 апреля 2025 года. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2025. – С. 281-283. – EDN DQYXUO.
8. Матвеев, С. В. Использование элементов цифровых технологий при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних / С. В. Матвеев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 1(113). – С. 41-47. – DOI 10.17803/2311-5998.2024.113.1.041-047. – EDN VLOERT.
9. Костина, Е.Н. Некоторые проблемные вопросы, касающиеся участия несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве со стороны обвинения // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.09.2025)
10. Ксендзов, Ю. Ю. Тактические особенности проведения допроса посредством видео-конференц-связи / Ю. Ю. Ксендзов // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 3(219). – С. 223-226. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_3_223. – EDN THKDLS.
11. Шевырталов, Е. П. Организационно-тактические особенности проведения допроса с использованием систем видео-конференц-связи / Е. П. Шевырталов, Р. А. Дерюгин // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2023. – № 1. – С. 45-50. – DOI 10.34076/22196838_2023_1_45. – EDN WFEGOT.
12. Сотников, К. И. Некоторые организационно-тактические аспекты допроса с использованием систем видеоконференц-связи / К. И. Сотников // Криминалистика - наука без границ: традиции и новации : Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26–27 ноября 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. – С. 247. – EDN POGJPQ.
13. Фарафонова, О.А. Использование видео-конференц-связи в уголовно-процессуальном производстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4 (101). - С. 275.
14. Архипова Е.А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Архипова. М., 2013. 198 с.
15. Быкадорова Е.В. Особенности установления допустимости доказательств, полученных на территории иностранного государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84). с. 135.

Features of obtaining evidence in criminal cases in foreign countries via video conferencing

Afanasyeva E.Yu.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Colonel of Justice

This article presents the results of a study on the use of videoconferencing (VC) for verbal investigative actions involving individuals located in foreign countries. It analyzes the organizational, legal, and technical challenges of using remote cross-border communication between law enforcement agencies during criminal investigations. Recommendations are developed for obtaining evidence abroad using digital technologies.

Keywords: international cooperation, request for legal assistance, evidence, investigative actions, interrogation, confrontation, identification, video conferencing.

References

1. Samsonov, P.A. Remote Participation of the Victim in Procedural Actions at the Preliminary Investigation Stage // Actual Problems of Russian Law. 2023. No. 5. pp. 132-141. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.150.5.132-141
2. Arkhipova, E.A. Use of Videoconferencing in Criminal Proceedings in Russia and Foreign Countries: A Comparative Legal Study: Cand. Sci. (Law) Dissertation / E.A. Arkhipova. Moscow, 2013. 198 p.
3. Milinchuk, V.V. Mutual Legal Assistance in Criminal Cases: General Conditions of Provision and Forms (Current Practice and Prospects): Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. jurid.nauk: 12.00.09 / Milinchuk Veronika Vladimirovna. - M., 2001. - P.
4. Volevodz, A.G. Legal Foundations of New Directions of International Cooperation in the Sphere of Criminal Procedure: dis. ... Doctor of Law. 12.00.09 / Volevodz Alexander Gennadievich. - M. 2002. P. 54.
5. Belkin, A.R. Use of Videoconferencing in Investigative Actions: Technical Advantages and Procedural Problems // SPS "ConsulstantPlus" (date of access: 09.09.2025)
6. Dudarev, V.A. Remote Interrogation of Minors in Foreign Countries and the Russian Federation: Problematic Issues / V.A. Dudarev // International Criminal Law and International Justice. – 2023. – No. 2. – P. 18-22. – DOI 10.18572/2071-1190-2023-2-18-22. – EDN WIIALE.
7. Fedosenko, I. N. Problematic issues of interrogation using a videoconferencing system / I. N. Fedosenko // Problems of improving Russian legislation: Collection of abstracts of the International scientific and practical conference of cadets, listeners and students, Barnaul, April 16, 2025. – Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. – P. 281-283. – EDN DQYXUO.
8. Matveyev, S. V. Use of elements of digital technologies in the production of investigative actions involving minors / S. V. Matveyev // Bulletin of the O.E. Kutafina (MSAL). – 2024. – No. 1 (113). – Pp. 41-47. – DOI 10.17803/2311-5998.2024.113.1.041-047. – EDN VLOERT.
9. Kostina, E.N. Some problematic issues concerning the participation of minors in criminal proceedings on the part of the prosecution // SPS "ConsulstantPlus" (date of access: 09.09.2025)
10. Ksendzov, Yu. Yu. Tactical features of conducting interrogation via video conferencing / Yu. Yu. Ksendzov // Law and State: Theory and Practice. – 2023. – No. 3 (219). – Pp. 223-226. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_3_223. – EDN THKDLS.
11. Shevyrtalov, E. P. Organizational and tactical features of conducting interrogations using videoconferencing systems / E. P. Shevyrtalov, R. A. Deryugin // Electronic supplement to the Russian Law Journal. – 2023. – No. 1. – P. 45-50. – DOI 10.34076/22196838_2023_1_45. – EDN WFEGOT.
12. Sotnikov, K. I. Some organizational and tactical aspects of interrogation using videoconferencing systems / K. I. Sotnikov // Forensic science - a science without borders: traditions and innovations: Proceedings of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, November 26-27, 2025. - St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. - P. 247. - EDN POGJPQ.
13. Farafonova, O. A. Use of videoconferencing in criminal procedural proceedings // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024. No. 4 (101). - P. 275.
14. Arkhipova E.A. The Use of Videoconferencing in Criminal Proceedings in Russia and Foreign Countries: A Comparative Legal Study: Cand. Sci. (Law) Dissertation / E.A. Arkhipova. Moscow, 2013. 198 p.
15. E.V. Bykadorova. Specifics of Establishing the Admissibility of Evidence Obtained on the Territory of a Foreign State // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4 (84). p. 135.

Проблемы определения субъекта преступлений в сфере закупок для государственных, муниципальных и государственно-корпоративных нужд

Богатырев Валерий Иванович
аспирант, Марийский государственный университет,
real22558@yandex.ru

Предмет статьи составляют уголовно-правовые признаки субъекта преступлений, совершаемых при закупках для государственных, муниципальных и государственно-корпоративных нужд. Актуальность темы связана с тем, что в закупочных процедурах концентрируются крупные финансовые потоки, а работники организаций с публичным участием часто участвуют в распределении имущественных ресурсов без статуса государственного служащего или должностного лица. Научная новизна выражена в обосновании функционального подхода к определению субъекта: решающее значение приобретает не формальная принадлежность заказчика к определенному закупочному режиму, а фактическое участие лица в подготовке, проведении, согласовании, оценке или исполнении закупки. Цель статьи состоит в выявлении пределов применения специальных составов преступлений в сфере закупок и норм о коммерческом подкупе. Использованы анализ научных публикаций, сравнительно-правовой, классификационный и логико-аналитический методы. Изучены исследования, посвященные статьям 200.4, 200.5 и 204 УК РФ, субъекту закупочных преступлений и криминализации подкупа. Практическая полезность результатов состоит в уточнении критериев квалификации деяний работников контрактных служб государственных корпораций.

Ключевые слова: субъект преступления, закупки, контрактная служба, государственная корпорация, 44-ФЗ, 223-ФЗ, подкуп в сфере закупок, коммерческий подкуп, специальный состав, уголовно-правовая квалификация.

Закупки для государственных, муниципальных и государственно-корпоративных нужд связаны с движением значительных денежных средств, заключением крупных контрактов, распределением доступа к рынку товаров, работ и услуг. Уголовно-правовая охрана данной сферы приобретает особое значение там, где закупочная процедура используется для предоставления преимуществ заранее определенному поставщику, искусственного ограничения конкуренции, необоснованного допуска или отклонения заявок, согласования заведомо выгодных условий исполнения контракта.

Основная трудность возникает при определении лица, чье поведение образует специальный состав преступления в сфере закупок. Законодатель выделяет работников контрактной службы, контрактных управляющих, членов закупочных комиссий, лиц, участвующих в приемке, иных уполномоченных лиц. Конструкция достаточно ясно соотносится с закупками государственных и муниципальных заказчиков по 44-ФЗ, где закупочная деятельность встроена в публично-правовую модель контрактной системы. Иная ситуация складывается при закупках государственных корпораций, компаний с государственным участием, субъектов естественных монополий и иных организаций, работающих по 223-ФЗ. Их сотрудники распоряжаются процедурами, связанными с публичным имущественным интересом, но по формальному статусу не совпадают с государственными служащими, муниципальными служащими или должностными лицами.

Цель исследования состоит в разработке уголовно-правового подхода к определению субъекта преступлений в сфере закупок при разграничении специальных норм о подкупе в закупочной сфере и нормы о коммерческом подкупе.

Материалами исследования послужили публикации по уголовно-правовой охране закупочных отношений, специальному субъекту закупочных преступлений и смежным составам коррупционной направленности. Л.Л. Бекренев [1] исследовал объективные признаки составов преступлений в сфере закупок и затронул вопрос о системном месте норм, помещенных в главу о преступлениях в сфере экономической деятельности. Н.В. Игнатьева [2] рассмотрела особенности квалификации подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего и члена комиссии, обратив внимание на бланкетный характер статьи 200.5 УК РФ и связь уголовно-правовой оценки с закупочным регулированием. Н.В. Кочергина [3] раскрыла коммерческий подкуп как объект уголовно-правового и оперативно-розыскного исследования, что имеет значение при сопоставлении статьи 204 УК РФ со специальными нормами о закупочном подкупе. И.А. Котляр и Е.И. Глазкова [4] сосредоточили анализ на проблемах определения субъекта преступления, предусмотренного статьей 200.4 УК РФ. В.Е. Косыгин [5] исследовал активный подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего и члена комиссии, а в другой работе [6] предложил рассматривать подкуп в сфере закупок как разновидность взяточничества. В.А. Полтарыхин [7] обосновал сложности установления признаков субъекта при квалификации злоупотреблений в закупочной сфере. А.И. Рарог [8] подверг анализу новый вид подкупа, связанный с закупочными процедурами, и поставил вопрос о его соотношении с традиционными составами служебного подкупа. В.Н.

Циома [9] исследовал социальную обусловленность криминализации злоупотреблений в сфере государственных и муниципальных закупок. Ш.М. Шурпаев [10] рассмотрел специального субъекта в составах злоупотреблений и подкупа в сфере государственных и муниципальных закупок, выделив избыточную формализацию законодательной конструкции.

Нормативная основа закупочных отношений строится вокруг двух разных моделей. Закупки по 44-ФЗ ориентированы на обеспечение государственных и муниципальных нужд, где заказчик действует в рамках контрактной системы, подчиненной детальной регламентации планирования, выбора поставщика, заключения и исполнения контракта. Закупки по 223-ФЗ охватывают иной круг заказчиков: государственные корпорации, компании с государственным участием, субъекты естественных монополий и ряд организаций с особым правовым положением. Для уголовно-правовой оценки данное различие имеет прямое значение: статус заказчика влияет на то, каким образом определяется лицо, ответственное за нарушение закупочной процедуры, и какая норма УК РФ подлежит применению при незаконном вознаграждении.

В научной литературе обращено внимание на то, что уголовно-правовые составы закупочных преступлений получили специальную конструкцию, но не всегда согласованы с многообразием закупочных режимов. Л.Л. Бекренев показывает, что статьи 200.4–200.6 УК РФ описывают деяния через признаки закупочной процедуры, а потому требуют обращения к отраслевому регулированию, определяющему участников, полномочия и юридическое значение их действий [1]. Данный вывод особенно значим при разграничении 44-ФЗ и 223-ФЗ: в первом случае закупочная процедура более жестко привязана к публичному заказчику, во втором – сохраняет связь с публичным капиталом или публично значимым имуществом, но оформляется через корпоративные правила конкретной организации. Непосредственным объектом подкупа в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд де факто выступают отношения в сфере осуществления контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок, работником контрактной службы или иным лицом, представляющим интересы государственного или муниципального заказчика, своих дискреционных полномочий в соответствии с отраслевым законодательством.

Статья 200.4 УК РФ закрепляет специальный субъект через участие лица в закупочной деятельности. В число таких лиц входят работник контрактной службы, контрактный управляющий, член комиссии по осуществлению закупок, лицо, осуществляющее приемку, иное уполномоченное лицо. Исследование И.А. Котляр и Е.И. Глазковой показывает, что проблема субъекта по статье 200.4 УК РФ не сводится к установлению должности в штатном расписании: значение имеет объем полномочий, возможность воздействовать на закупочную процедуру и связь действий лица с нарушением охраняемого порядка [4]. При понимании субъект преступления приобретает функциональное содержание, поскольку вред закупочным отношениям причиняет не должность сама по себе, а использование предоставленного участия в процедуре вопреки ее назначению.

В.А. Полтарыхин подчеркивает, что квалификация по статье 200.4 УК РФ осложняется бланкетной природой нормы и разрывом между уголовно-правовой терминологией и закупочным законодательством [7]. Эта проблема усиливается при переходе от контрактной системы к корпоративным закупкам. В 44-ФЗ круг участников процедуры и их полномочия описаны более формализованно, тогда как 223-ФЗ предоставляет заказчику значительную свободу в утверждении положения о закупке. В результате одинаковое по фактическому содержанию влияние на закупку получает разную юридическую оболочку: в одной организации лицо именуется членом комиссии, в другой – экспертом, секретарем закупочного органа, специалистом подразделения, ответственным за техническое задание, или сотрудником, согласующим закупочную документацию.

Статья 200.5 УК РФ направлена на подкуп лиц, участвующих в закупочной процедуре. Н.В. Игнатьева отмечает бланкетный характер данной нормы и указывает, что ее применение требует обращения к гражданскому, бюджетному и закупочному регулированию; в числе трудностей автор выделяет соотношение контрактной системы и корпоративных закупок [2]. Сама диспозиция статьи 200.5 УК РФ формально привязана к закупочной деятельности, но не дает универсального ответа на вопрос о работниках государственных корпораций, которые проводят закупки по 223-ФЗ и не обладают статусом государственного или муниципального служащего. Н.В. Игнатьева прямо указывает на пробел в законодательстве. Так, если в сфере закупок для государственных (муниципальных) нужд за такие деяния установлена уголовная ответственность как для должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, так и для лиц, не являющихся таковыми, то при заключении договоров в рамках ФЗ 223-ФЗ и гражданско-правовых договоров установлена уголовная ответственность должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, а деяния лиц, не являющихся таквыми, остаются вне поля уголовно-правового регулирования [2].

Неопределенность проявляется и в отношении государственных корпораций и организаций с публичным участием. Работники РЖД, Росатома, Роскосмоса и иных структур участвуют в подготовке документации, формировании критериев оценки, выборе поставщика, согласовании договора, контроле исполнения закупки. Их полномочия способны предопределить доступ хозяйствующих субъектов к крупным контрактам, связанным с имущественными интересами организаций, созданных при участии государства или выполняющих публично значимые функции. При этом формальная корпоративная природа работодателя отодвигает таких работников от классической модели должностного лица, а отсутствие управленческих полномочий в смысле статьи 204 УК РФ затрудняет квалификацию по коммерческому подкупу.

Ш.М. Шурпаев связывает проблему специального субъекта в статьях 200.4 и 200.5 УК РФ с чрезмерной формализацией законодательного подхода [10]. Перечень субъектов пытается охватить конкретные организационные позиции, характерные для закупочной процедуры, но не всегда учитывает реальные механизмы влияния на результат. В практике закупок решение о выборе поставщика редко формируется одним действием комиссии. До заседания комиссии уже подготовлены техническое задание, начальная цена, требования к участникам, критерии оценки, проект договора. Лицо, которое оформляет эти элементы или согласует их с будущим поставщиком, фактически воздействует на исход закупки, даже если оно не входит в комиссию и не подписывает итоговый протокол.

В.Е. Косыгин, анализируя активный подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего и члена комиссии, выделяет структуру деяния через передачу незаконного вознаграждения за действия или бездействие, связанные с закупкой [5]. Для рассматриваемой темы это означает, что активная сторона подкупа ориентирована на достижение закупочного результата: допуск заявки, создание преимуществ, отклонение конкурента, согласование условий, ускорение приемки или иное влияние на процедуру. Если уголовный закон связывает ответственность

лишь с определенными формальными позициями, то лицо, реально обеспечивающее результат в государственной корпорации, оказывается в пограничной зоне между специальной закупочной нормой и общими составами подкупа.

В другой работе В.Е. Косыгин рассматривает подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего и члена комиссии как разновидность взяточничества [6]. Подход усиливает публично-правовую природу статьи 200.5 УК РФ: незаконное вознаграждение в закупочной сфере по своей социальной направленности близко к подкупу лица, которому доверено принятие юридически значимого решения в интересах публичного заказчика. Вместе с тем государственные корпорации по 223-ФЗ занимают промежуточное положение. Они не равны органам власти, но закупочная деятельность таких организаций нередко связана с публичным капиталом, стратегическими отраслями и интересами государства как учредителя или участника. Поэтому буквальное отделение их закупок от специальных норм создает искусственный разрыв между публичной опасностью деяния и уголовно-правовой формой его оценки.

Сопоставление со статьей 204 УК РФ выявляет вторую линию неопределенности. Коммерческий подкуп охватывает незаконную передачу вознаграждения лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации. Н.В. Кочергина рассматривает коммерческий подкуп как самостоятельный объект уголовно-правового и оперативно-розыскного исследования, что позволяет использовать статью 204 УК РФ при анализе подкупа внутри организаций, не совпадающих с публичным заказчиком [3]. Для государственных корпораций эта норма выглядит ближайшей альтернативой, поскольку работник состоит в организации корпоративного типа. Но ее применение зависит от наличия управленческих функций. Как следует из абзаца 1 ч. 1 ст. 204 УК, фигуранты коммерческого подкупа должны быть наделены правом выполнять управленческие функции и обладать соответствующими полномочиями. Кроме того, действия (бездействие), которые должны быть совершены в пользу дающего, должны входить в служебные полномочия подкупаемого лица либо оно в силу своего служебного положения может способствовать указанным действиям (бездействию). К лицам, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации в соответствии с примечанием к ст. 201 УК и пунктом 11 постановления Пленума ВС РФ № 92 от 16 октября 2009 года, относятся лица, выполняющие функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лица, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях, правомочные влиять на принятие управленческих решений и осуществление определенных действий (бездействие) [2]. Специалист закупочного подразделения, технический эксперт, секретарь комиссии или сотрудник, готовящий документацию, не всегда отвечает этому признаку, хотя именно его действия способны обеспечить незаконное преимущество поставщику.

А.И. Рарог, анализируя новый вид подкупа, обращает внимание на спорность выделения статьи 200.5 УК РФ в самостоятельную уголовно-правовую конструкцию и на ее связь с традиционными составами подкупа [8]. Для обсуждаемой темы данное положение имеет двойное значение. С одной стороны, статья 200.5 УК РФ претендует на специальное регулирование закупочной коррупции. С другой стороны, ее предметные и субъектные границы не охватывают все случаи, в которых незаконное вознаграждение передается за воздействие на закупку. В отношении государственных корпораций это приводит к выбору между специальной нормой, ориентированной на закупочную процедуру, и статьей 204 УК РФ, ориентированной на управленческий статус получателя вознаграждения.

Социальная обусловленность криминализации закупочных злоупотреблений раскрыта В.Н. Циомой через оценку общественной опасности деяний, посягающих на порядок закупок для государственных и муниципальных нужд [9]. Этот подход позволяет расширить аналитическую рамку: общественная опасность закупочного подкупа связана как с нарушением внутреннего регламента заказчика, так и с деформацией конкурентного распределения публично значимых имущественных ресурсов. Если государственная корпорация закупает товары, работы или услуги для выполнения функций, связанных с публичным интересом, то коррупционное воздействие на закупку причиняет сходный вред, несмотря на корпоративную форму заказчика.

Правовой вакуум возникает несогласованности уголовно-правовых норм. При закупке по 44-ФЗ квалификация чаще строится вокруг специальных составов, поскольку участники процедуры прямо связаны с контрактной системой. При закупке по 223-ФЗ следователь и суд сталкиваются с вопросом: считать ли работника государственной корпорации субъектом специального закупочного подкупа либо применять коммерческий подкуп при наличии управленческих функций. Если работник влияет на закупку, но не выполняет управленческих функций, статья 204 УК РФ не всегда подходит. Если же он занимает управленческую должность, квалификация по коммерческому подкупу способна вытеснить специальный закупочный состав, хотя содержание деяния связано именно с процедурой закупки.

В практическом измерении такая ситуация порождает несколько последствий. Во-первых, сходные по фактическому содержанию действия получают разную уголовно-правовую оценку в зависимости от организационно-правовой формы заказчика. Во-вторых, часть участников закупочного процесса оказывается за пределами специальных составов из-за отсутствия формального статуса, названного в законе. В-третьих, закупки государственных корпораций отделяются от государственных и муниципальных закупок по формальному критерию, хотя имущественный интерес во многих случаях имеет публичное происхождение или публичное назначение. В-четвертых, превентивное воздействие уголовного закона снижается, поскольку лица, реально влияющие на закупочную процедуру, заранее видят неопределенность в пределах специальной ответственности.

Решение указанной проблемы связано с изменением способа описания специального субъекта. Перечень должностей и закупочных позиций целесообразно дополнить обобщающим функциональным признаком: субъектом специального закупочного преступления признается лицо, которое участвует в подготовке, проведении, согласовании, оценке результатов или исполнении закупочной процедуры для государственных, муниципальных либо государственно-корпоративных нужд и в силу предоставленных полномочий способно повлиять на выбор поставщика, условия договора, приемку результата или оплату – подход связывает ответственность с юридически значимым влиянием на закупку.

Расширение действия специальных норм на закупки по 223-ФЗ требует ограничения по кругу заказчиков. Уголовно-правовая унификация оправдана прежде всего для государственных корпораций, компаний с государственным участием, субъектов естественных монополий и иных организаций, где закупочная деятельность связана с публичным имущественным интересом. Не всякая закупка

корпоративного заказчика по 223-ФЗ требует включения в сферу специальных составов. Значение имеет связь закупки с государственным участием, публичными функциями, стратегическими задачами или использованием имущества, находящегося под публичным контролем.

Следовательно, оптимальная модель квалификации строится в три этапа. Сначала устанавливается характер закупочной процедуры и статус заказчика: государственный, муниципальный, государственно-корпоративный или иной корпоративный заказчик. Затем определяется положение лица в закупочном процессе: участие в подготовке документации, оценке заявок, работе комиссии, согласовании условий, приемке результата, контроле исполнения. После этого решается вопрос о конкуренции статей 200.5 и 204 УК РФ. Если незаконное вознаграждение связано с влиянием на закупку для публичных или государственно-корпоративных нужд, приоритет получает специальная закупочная норма. Если связь с публичным имущественным интересом отсутствует, а лицо выполняет управленческие функции в организации, применяется статья 204 УК РФ. Если лицо не имеет управленческого статуса, но фактически контролирует значимый элемент закупки, действующая редакция закона оставляет квалификационный разрыв, который требует законодательного устранения.

Проведенный анализ показывает расхождение между двумя подходами к определению субъекта преступлений в сфере закупок. Первый подход опирается на формальный статус лица и организационную модель заказчика. Так, специальный субъект существует там, где закон прямо называет работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии или иное уполномоченное лицо. Закупки государственных корпораций, построенные по правилам 223-ФЗ, в этой логике сближаются с корпоративной деятельностью, а незаконное вознаграждение оценивается через коммерческий подкуп при наличии управленческих функций.

Второй подход исходит из содержания закупочного влияния. Он переносит центр оценки с названия должности на юридическое значение действий лица. Если работник участвует в формировании условий закупки, управляет допуском заявок, влияет на критерии оценки, обеспечивает приемку результата или согласует оплату, его поведение находится внутри закупочной процедуры. Закупочная деятельность государственной корпорации получает уголовно-правовую оценку с учетом публичного имущественного интереса, который сохраняется при участии государства в капитале, управлении или назначении деятельности организации.

Сильная сторона формального подхода состоит в предсказуемости: правоприменитель опирается на прямо названные признаки. Его слабость проявляется там, где фактическая закупочная власть распределена между лицами, не имеющими классического статуса члена комиссии или контрактного управляющего. В крупных организациях решение о закупке складывается из действий технических специалистов, экономистов, юристов, руководителей профильных подразделений, сотрудников служб безопасности, лиц, согласующих параметры будущего договора. Формальный критерий оставляет часть влияния за пределами специальной нормы, хотя коррупционное воздействие на этих лиц способно предопределить результат закупки.

Функциональный подход лучше отражает устройство закупочной деятельности, но требует пределов. Нельзя автоматически приравнивать все закупки по 223-ФЗ к государственным или муниципальным закупкам. Корпоративная форма организации сохраняет значение, а уголовный закон не должен заменять внутренний контроль заказчика. Поэтому расширение специальных составов допустимо только при наличии двух условий: закупка связана с организацией, имеющей публичное участие или выполняющей публично значимые функции; лицо обладает реальной возможностью повлиять на юридически значимый элемент процедуры. Без этих условий специальная квалификация утрачивает разграничительную функцию и начинает конкурировать с коммерческим подкупом без достаточного основания.

Наиболее сложной остается граница между статьями 200.5 и 204 УК РФ. Коммерческий подкуп ориентирован на управленческие функции в организации. Закупочный подкуп ориентирован на нарушение порядка выбора поставщика и распределения имущественных ресурсов в процедуре закупки. В государственных корпорациях эти плоскости пересекаются. Руководитель закупочного подразделения одновременно участвует в корпоративном управлении и влияет на закупочную процедуру. Рядовой специалист, готовящий техническое задание, управленческих функций не имеет, но его действия иногда сильнее воздействуют на результат, чем формальное голосование комиссии. Действующая конструкция закона недостаточно точно разделяет эти ситуации.

Отсюда вытекает исследовательская лакуна: уголовно-правовая доктрина пока не выработала устойчивый критерий, позволяющий отделить закупочное влияние от обычного исполнения трудовой функции в организации с публичным участием. Недостаточно назвать работника участником закупки; требуется установить, что его действия имеют юридическое или фактическое значение для выбора поставщика, условий договора, приемки или оплаты. Без такого критерия расширение специального субъекта приведет к чрезмерной криминализации технических ошибок и дисциплинарных нарушений.

Вопрос о государственных корпорациях требует отдельного нормативного решения, поскольку их закупочная деятельность не укладывается в традиционное деление на публичную службу и коммерческую организацию. Эти структуры используют корпоративные формы, но действуют в сферах, где государственный интерес выражен значительно сильнее, чем в обычном частном обороте. Поэтому уголовный закон нуждается в формуле, которая не будет зависеть исключительно от того, применяется 44-ФЗ или 223-ФЗ. Более точным критерием служит связь закупки с публичным имущественным интересом и функциональное участие лица в процедуре.

Предложенная унификация не устраняет значения статьи 204 УК РФ. Коммерческий подкуп сохраняет применение там, где незаконное вознаграждение связано с управленческими функциями в организации вне закупочной процедуры либо вне сферы публично значимого имущественного интереса. Специальная закупочная норма, напротив, должна применяться там, где вознаграждение направлено на искажение закупочного результата.

Установлено, что различие между закупками по 44-ФЗ и 223-ФЗ имеет уголовно-правовое значение при определении субъекта преступления. Закупки государственных и муниципальных заказчиков легче соотносятся с действующими специальными составами, тогда как закупки государственных корпораций и организаций с публичным участием занимают промежуточное положение между публичной и корпоративной моделями.

Выявлено, что статьи 200.4 и 200.5 УК РФ охватывают работников контрактных служб, контрактных управляющих, членов комиссий, лиц, участвующих в приемке, и иных уполномоченных участников закупки, но не дают полного ответа в отношении специалистов, руководителей подразделений и сотрудников государственных корпораций, фактически влияющих на выбор поставщика. Статья 204 УК РФ закрывает только часть таких ситуаций,

поскольку требует управленческого статуса получателя незаконного вознаграждения.

Обоснована потребность в унификации признака субъекта через функциональное участие лица в закупочной процедуре. Специальные нормы о преступлениях в сфере закупок целесообразно распространить на закупки по 223-ФЗ применительно к государственным корпорациям и иным организациям с публичным участием, если лицо участвует в подготовке, проведении, согласовании, оценке или исполнении закупки и способно повлиять на ее результат.

Литература

1. Бекренев Л. Л. Объективные признаки составов преступлений в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд (на примере статей 200.4, 200.5, 200.6 УК РФ) // Юридическая наука. 2021. № 4. С. 53–57.
2. Игнатьева Н. В. Особенности квалификации подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 1. С. 157–166. DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-1-157-166.
3. Кочергина Н. В. Коммерческий подкуп как объект правового исследования: уголовно-правовой и оперативно-розыскной аспекты // Вестник Академии права и управления. 2022. № 1 (66). С. 15–20.
4. Котляр И. А., Глазкова Е. И. Проблемы определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 219–223. DOI: 10.17223/15617793/488/23.
5. Косыгин В. Е. Активный подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок // Общество и право. 2022. № 4 (82). С. 18–25.
6. Косыгин В. Е. Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок как разновидность взяточничества // Юридическая наука. 2023. № 4. С. 226–230.
7. Полтарыхин В. А. Проблемы установления признаков субъекта при квалификации преступления, предусмотренного ст. 200.4 Уголовного кодекса РФ // Российско-Азиатский правовой журнал. 2021. № 3. С. 14–18. DOI: 10.14258/ralj(2021)3.3.
8. Рарог А. И. Новый вид подкупа // Oeconomia et Jus. 2021. № 4. С. 77–81. DOI: 10.47026/2499-9636-2021-4-77-81.
9. Циома В. Н. Социальная обусловленность криминализации злоупотреблений в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 79–86. DOI: 10.37973/KUI.2022.97.28.011.
10. Шурпаев Ш. М. Специальный субъект в составах злоупотреблений и подкупа в сфере государственных и муниципальных закупок // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 4. С. 51–70. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.4.51.70.

Problems of determining the subject of crimes in procurement for state, municipal, and public-corporate needs

Bogatyrev V.I.

Mari State University

This article examines the criminal-legal characteristics of the subject of crimes committed during procurement for state, municipal, and public-corporate needs. The relevance of this topic stems from the fact that procurement procedures concentrate large financial flows, and employees of publicly-traded organizations often participate in the distribution of property resources without the status of civil servants or officials. The scientific novelty lies in the substantiation of a functional approach to defining the subject: the decisive factor is not the formal affiliation of the customer with a specific procurement regime, but the actual participation of the individual in the preparation, conduct, approval, evaluation, or execution of the procurement. The purpose of the article is to identify the limits of the application of special crimes in the sphere of procurement and the provisions on commercial bribery. An analysis of scientific publications, comparative legal, classification, and logical-analytical methods were used. Contemporary research on Articles 200.4, 200.5, and 204 of the Russian Criminal Code, the subject of procurement crimes, and the criminalization of bribery were examined. The practical utility of the results lies in clarifying the criteria for classifying the actions of contract service employees of state corporations.

Keywords: subject of the crime, procurement, contract service, state corporation, Federal Law No. 44, Federal Law No. 223, bribery in procurement, commercial bribery, special elements, criminal classification.

References

1. Bekrenev, L. L. Objective Elements of Crimes in Public Procurement for State and Municipal Needs (Based on Articles 200.4, 200.5, and 200.6 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Legal Science. 2021. No. 4. pp. 53–57.
2. Ignatyeva, N. V. Characteristics of Qualifying Bribery of a Contract Service Employee, Contract Manager, or Procurement Commission Member // Siberian Legal Review. 2026. Vol. 23, No. 1. pp. 157–166. DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-1-157-166.
3. Kochergina, N.V. Commercial Bribery as an Object of Legal Research: Criminal-Law and Operational-Investigative Aspects // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2022. No. 1 (66). pp. 15–20.
4. Kotlyar, I.A., Glazkova, E.I. Problems of Determining the Subject of the Crime Under Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of Tomsk State University. 2023. No. 488. pp. 219–223. DOI: 10.17223/15617793/488/23.
5. Kosygin, V.E. Active Bribery of a Contract Service Employee, Contract Manager, or Member of a Procurement Commission // Society and Law. 2022. No. 4 (82). pp. 18–25.
6. Kosygin, V. E. Bribery of a Contract Service Employee, Contract Manager, or Procurement Commission Member as a Type of Bribery // Legal Science. 2023. No. 4. pp. 226–230.
7. Poltarykhin, V. A. Problems of Establishing the Characteristics of a Subject when Qualifying a Crime Under Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation // Russian-Asian Legal Journal. 2021. No. 3. pp. 14–18. DOI: 10.14258/ralj(2021)3.3.
8. Rarog, A. I. A New Type of Bribery // Oeconomia et Jus. 2021. No. 4. pp. 77–81. DOI: 10.47026/2499-9636-2021-4-77-81.
9. Tsioma, V.N. Social Determination of Criminalization of Abuse in Public and Municipal Procurement // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3. pp. 79–86. DOI: 10.37973/KUI.2022.97.28.011.
10. Shurpaev, Sh.M. Special Subject in the Compositions of Abuse and Bribery in Public and Municipal Procurement // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. Vol. 15, No. 4. pp. 51–70. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.4.51.70.

Криминологические особенности преступности мигрантов и её предупреждение

Волох Валерий Валерьевич
аспирант, Университет «Синергия», volokh-78@mail.ru

Настоящая статья посвящена исследованию криминологических характеристик преступности иностранных граждан в Российской Федерации, рассматриваемой как значимое направление современной криминологической проблематики. Проведён анализ количественных показателей и содержательных особенностей преступных деяний, совершаемых лицами, не имеющими гражданства Российской Федерации, а также выявлены ключевые социально-экономические, правовые и адаптационные детерминанты, оказывающие влияние на формирование противоправного поведения в миграционной среде. Отдельное внимание уделено вопросам социальной включённости мигрантов, их положения на рынке труда и особенностям правового режима пребывания как факторам, способным оказывать сдерживающее воздействие на криминальную активность. На основе обобщения официальной статистики правоохранительных органов, анализа действующих нормативных правовых актов и результатов научных исследований установлены специфические черты структуры преступности иностранных граждан, в том числе значительная доля посягательств имущественной направленности, а также правонарушений, обусловленных несоблюдением требований миграционного законодательства. В работе применены методы криминологического анализа, сравнительно-правового подхода и статистической обработки эмпирических данных. Обоснована необходимость дальнейшего совершенствования государственной политики в сфере миграции, повышения эффективности предупредительной деятельности правоохранительных органов и внедрения механизмов социальной адаптации иностранных граждан. Сделан вывод о том, что снижение уровня преступности в миграционной среде возможно исключительно при условии реализации взаимосвязанных правовых, организационных и социально-ориентированных мер.

Ключевые слова: миграция, преступность мигрантов, криминология, предупреждение преступности, иностранные граждане, миграционная политика, профилактика преступлений, криминогенные факторы.

Введение

Миграционные перемещения населения в современных условиях выступают значимым фактором, оказывающим влияние как на экономическое развитие государств, так и на состояние общественной безопасности. Российская Федерация занимает одно из ведущих мест среди стран, принимающих иностранную рабочую силу, что обусловлено совокупностью экономических потребностей, демографических тенденций и особенностями территориального положения государства [14]. Расширение масштабов трансграничной мобильности населения объективно актуализирует вопросы обеспечения правопорядка и реализации мер предупреждения противоправных деяний, совершаемых иностранными гражданами [6]. Несмотря на сравнительно небольшую долю таких преступлений в общем массиве зарегистрированной преступности, их криминологическая значимость определяется тяжестью отдельных посягательств и способностью миграционных процессов оказывать влияние на криминогенную ситуацию на региональном уровне [12].

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью всестороннего изучения детерминант, условий и специфических проявлений преступности в миграционной среде, а также разработки действенных механизмов её предупреждения. Ограниченные возможности социальной интеграции иностранных граждан, барьеры легального трудоустройства, недостаточная эффективность миграционного администрирования и иные обстоятельства способны формировать предпосылки девиантного поведения и способствовать вовлечению мигрантов в сферу противоправной активности [1; 2]. В этой связи анализ криминологических характеристик преступности иностранных граждан приобретает прикладное значение для оптимизации государственной миграционной политики и повышения результативности деятельности правоохранительных органов [6].

Степень научной разработанности рассматриваемой проблематики характеризуется наличием значительного числа исследований отечественных криминологов, посвящённых вопросам причинности преступности, личности правонарушителя и механизмов профилактического воздействия. Существенный вклад в разработку указанных аспектов внесли А. И. Долгова [3], В. В. Лунеев [4], Г. В. Антонов-Романовский [1] и другие исследователи. Вместе с тем динамичное развитие миграционных процессов и трансформация социально-экономических условий обусловливают необходимость дальнейшего научного осмысления криминологических особенностей преступности иностранных граждан и выработки современных профилактических подходов [2].

Цель исследования заключается в установлении криминологических характеристик преступности мигрантов и обосновании приоритетных направлений её предупреждения.

Для достижения обозначенной цели поставлены следующие задачи:

– раскрыть содержание понятия преступности мигрантов и определить её криминологические признаки;

– установить основные детерминирующие факторы противоправного поведения иностранных граждан;

– проанализировать структурные особенности преступности мигрантов;

– сформулировать предложения по совершенствованию системы предупреждения указанного вида преступности.

Научная новизна работы определяется осуществлением комплексного криминологического анализа преступности иностранных граждан с учётом современных социально-экономических реалий и разработкой предложений, направленных на повышение эффективности предупредительных мер.

Теоретическая и прикладная значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при формировании профилактических программ, совершенствовании государственной политики в сфере миграции, а также в практической деятельности правоохранительных органов по предупреждению преступности среди иностранных граждан.

Обзор научной литературы и степень разработанности проблемы

Вопросы преступности иностранных граждан и механизмов её предупреждения исследуются в рамках общей теории преступности, а также в специализированных криминологических работах, посвящённых анализу отдельных форм противоправного поведения и влияния социальных детерминант на их формирование. Криминологическая наука рассматривает преступность как социально обусловленное явление, изучая её закономерности, характеристики личности правонарушителя, совокупность причин и условий противоправного поведения, а также систему профилактических мер, распространяющихся на различные социальные категории, включая миграционные группы населения [3; 4; 7].

Фундаментальное значение для становления современной отечественной криминологической концепции имеют научные труды А. И. Долговой, в которых раскрыта обусловленность преступного поведения комплексом социальных, экономических и правовых факторов, а также сформулированы базовые положения теории предупреждения преступности [3; 9]. Существенный вклад в разработку проблематики причинности преступности внес В. В. Лунеев, детально исследовавший влияние социально-экономической нестабильности, безработицы, процессов социальной маргинализации и деформации правосознания на формирование криминогенной среды, что имеет непосредственное значение для изучения противоправного поведения мигрантов [4].

Отдельное направление научных исследований составляют работы, посвящённые непосредственно миграционной преступности. Так, Г. В. Антонов-Романовский и другие авторы рассматривают преступность иностранных граждан как относительно самостоятельный криминологический феномен, характеризующийся специфической структурой, территориальной дифференциацией и наличием особых криминогенных детерминант, связанных с условиями пребывания и социально-экономическим положением мигрантов [1]. В указанных исследованиях раскрываются особенности преступного поведения различных категорий иностранных граждан, а также анализируются теоретические и прикладные аспекты её профилактики.

Современные научные публикации подчёркивают, что формирование преступности в миграционной среде обусловлено совокупностью взаимосвязанных факторов социального, экономического и правового характера, включая потребность экономики в низкооплачиваемой рабочей силе, недостаточную эффективность механизмов миграционного контроля, а также вовлечение отдельных миграционных потоков в сферу криминальной активности [2; 6]. Ряд исследователей обращает внимание на корреляцию между недостаточно регулируемыми миграционными процессами и состоянием криминогенной обстановки, указывая на необходимость совершенствования государственной политики в сфере миграции и усиления предупредительной функции правоохранительных органов [6; 11].

В научных работах последних лет особое внимание уделяется региональным аспектам миграционной преступности, включая анализ её детерминирующих факторов, условий совершения преступлений иностранными гражданами и разработку направлений повышения эффективности противодействия данному явлению [2; 23]. Отмечается, что продолжающаяся трансформация миграционных процессов обусловливает потребность в модернизации системы криминологической профилактики и формировании новых научно обоснованных подходов к предупреждению преступности среди мигрантов [10; 20].

Таким образом, проведённый анализ научных источников свидетельствует о значительном уровне разработанности вопросов, связанных с преступностью иностранных граждан и механизмами её предупреждения. Вместе с тем динамика миграционных процессов, изменение социально-экономических условий и развитие правового регулирования миграции обусловливают необходимость дальнейших криминологических исследований, направленных на уточнение характеристик данного явления и совершенствование системы профилактического воздействия.

Методы исследования

Методологическая база исследования сформирована на основе совокупности общенаучных и специально-юридических методов познания, традиционно применяемых в криминологии и науке уголовного права. В качестве базового использован диалектический подход, позволивший рассматривать преступность иностранных граждан как обусловленное социально-правовое явление, формирующееся под воздействием взаимосвязанных экономических, правовых и социальных процессов, происходящих в современном обществе.

Для выявления количественных параметров и содержательных характеристик преступности мигрантов применялся статистический метод, основанный на обработке официальных сведений Министерства внутренних дел Российской Федерации и иных уполномоченных государственных органов. Использование данного инструментария позволило определить динамику, структуру и основные тенденции преступной активности иностранных граждан, а также обеспечить обоснованность и проверяемость полученных результатов.

Сравнительно-правовой метод использовался при исследовании действующих нормативных правовых актов, регулирующих миграционные отношения и вопросы предупреждения преступности иностранных граждан. Его применение позволило выявить особенности правового регулирования указанной сферы, а также определить существующие пробелы и проблемные аспекты правоприменительной практики.

Наряду с этим использовался метод криминологического анализа, направленный на изучение характеристик личности правонарушителя-мигранта, выявление совокупности детерминирующих факторов преступного поведения и условий, способствующих его реализации. Системный подход позволил рассмотреть профилактику преступности иностранных граждан как целостный механизм, включающий взаимосвязанные меры правового, организационного и социального воздействия.

Комплексное применение указанных методов обеспечило всесторонний характер исследования, позволило раскрыть криминологические особенности преступности мигрантов и сформулировать научно обоснованные выводы и предложения, направленные на повышение эффективности её предупреждения.

Результаты исследования

Проведённое исследование позволило установить, что преступность иностранных граждан представляет собой особую категорию преступности, обладающую специфическими криминологическими характеристиками, формирование которых обусловлено правовым положением мигрантов, их социально-экономическим статусом, а также условиями пребывания на территории Российской Федерации [1; 2]. Согласно официальным сведениям Министерства внутренних дел Российской Федерации, доля преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, остаётся сравнительно невысокой в общем массиве зарегистрированных преступлений. Вместе с тем в субъектах Российской Федерации, характеризующихся значительным притоком мигрантов, отмечается тенденция к увеличению данного показателя, что свидетельствует о наличии региональной дифференциации рассматриваемого явления [12; 21].

Анализ структурных параметров преступности мигрантов показал преобладание посягательств имущественной направленности, включая тайные хищения, открытые формы завладения чужим имуществом и мошеннические действия. Указанная тенденция во многом обусловлена нестабильностью материального положения отдельных категорий иностранных граждан, отсутствием гарантированного дохода и ограничениями доступа к легальным формам занятости [2; 23]. Существенное место также занимают преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, что в ряде случаев обусловлено вовлечением мигрантов в противоправную деятельность организованных криминальных структур [10].

Отдельную группу составляют противоправные деяния, связанные с несоблюдением требований миграционного законодательства, включая незаконное пребывание на территории государства, оформление фиктивной регистрации и осуществление трудовой деятельности без предусмотренных законом разрешений [15; 16]. Подобные правонарушения формируют благоприятные условия для дальнейшего вовлечения иностранных граждан в противоправную деятельность и способствуют формированию криминогенно неблагоприятной социальной среды [6].

Исследование криминологического портрета личности правонарушителя-мигранта показало, что наиболее часто субъектами преступлений выступают мужчины трудоспособного возраста, прибывшие на территорию Российской Федерации с целью осуществления трудовой деятельности [1; 23]. При этом значительная часть правонарушителей характеризуется недостаточным уровнем социальной интеграции, отсутствием устойчивых источников дохода и ограниченной информированностью о требованиях законодательства принимающего государства. Ограниченность возможностей официального трудоустройства и социальной защиты усиливает влияние криминогенных детерминант [6].

В ходе исследования установлено, что существенным фактором, способствующим формированию преступного поведения, выступает недостаточная степень социальной адаптации иностранных граждан. Наличие языковых трудностей, различия в культурных установках, отсутствие устойчивых социальных контактов и ограниченный доступ к квалифицированной правовой помощи затрудняют интеграцию мигрантов в принимающее общество [2; 6]. Указанные обстоятельства в условиях социальной изолированности повышают вероятность вовлечения отдельных лиц в противоправную деятельность.

Значительное влияние на уровень преступности оказывает незаконный характер пребывания части иностранных граждан. Отсутствие законных оснований нахождения на территории государства ограничивает возможности получения официальной занятости и способствует обращению к неформальным способам получения дохода, что повышает риск совершения правонарушений [15]. Кроме того, нелегальный правовой статус снижает степень взаимодействия мигрантов с государственными институтами и осложняет реализацию профилактических мероприятий [6].

Также установлено, что преступность иностранных граждан характеризуется выраженной территориальной концентрацией и наиболее часто регистрируется в крупных городах и экономически развитых субъектах Российской Федерации, отличающихся высокой миграционной привлекательностью [12; 14]. Сосредоточение значительного числа мигрантов на ограниченных территориях способствует формированию социальной среды, характеризующейся повышенным криминогенным потенциалом.

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что преступность мигрантов формируется под воздействием совокупности взаимосвязанных факторов, включая особенности социально-экономического положения иностранных граждан, специфику их правового статуса, уровень социальной интеграции и эффективность государственного регулирования миграционных процессов. Учет указанных обстоятельств имеет принципиальное значение при разработке мер криминологической профилактики и совершенствовании государственной политики в сфере миграции.

Обсуждение результатов исследования

Результаты проведённого исследования позволяют рассматривать преступность иностранных граждан как многокомпонентное социально-правовое явление, формирующееся под воздействием совокупности экономических, правовых и институциональных детерминант [1; 2; 6]. Хотя удельный вес преступлений, совершаемых мигрантами, в общем объёме зарегистрированной преступности остаётся относительно незначительным, их криминологическая значимость обусловлена выраженной территориальной концентрацией, а также особенностями структуры противоправных деяний, характерных для данной категории лиц [12].

Полученные данные корреспондируют с выводами отечественных криминологических исследований, согласно которым одним из ключевых факторов преступного поведения иностранных граждан выступают трудности социальной интеграции и ограниченный доступ к легальной занятости [3; 4]. Отсутствие устойчивых источников дохода, нестабильность материального положения и недостаточный уровень правовой осведомлённости формируют предпосылки для вовлечения отдельных лиц в противоправную деятельность [2]. В этих условиях особую значимость приобретает создание эффективных правовых механизмов легализации трудовой деятельности мигрантов, а также обеспечение надлежащего контроля за соблюдением требований миграционного законодательства [6; 15].

Проведённый анализ также подтвердил, что нелегальная миграция оказывает существенное влияние на состояние криминогенной обстановки. Незаконное пребывание иностранных граждан ограничивает возможности государственного регулирования и снижает результативность профилактических мероприятий [16]. В связи с этим актуализируется необходимость совершенствования процедур миграционного учёта, а также повышения эффективности координации деятельности правоохранительных органов и уполномоченных миграционных подразделений [6].

Отдельного внимания заслуживает проблема социальной адаптации иностранных граждан. Недостаточный уровень интеграции в принимающее общество, языковые

трудности, культурные различия и отсутствие устойчивых социальных связей способствуют формированию социальной изолированности, что повышает вероятность вовлечения в противоправную деятельность [1; 2]. Реализация программ адаптационного характера, включая языковую подготовку, правовое информирование и содействие легальному трудоустройству, способна оказать профилактическое воздействие и снизить уровень криминальной активности в миграционной среде [6].

Выявленные территориальные различия в распространённости преступности иностранных граждан указывают на необходимость применения дифференцированного подхода к организации профилактической деятельности с учётом региональных особенностей [12; 14]. В субъектах Российской Федерации, характеризующихся высокой миграционной нагрузкой, требуется усиление предупредительных мер, направленных на снижение уровня правонарушений и стабилизацию криминогенной ситуации [6].

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что предупреждение преступности мигрантов требует реализации системного комплекса мер, включающего совершенствование государственной миграционной политики, повышение эффективности правового контроля и развитие механизмов социальной интеграции иностранных граждан.

Выводы

По итогам проведённого криминологического исследования, направленного на выявление особенностей преступности иностранных граждан и определение направлений её предупреждения, сформулированы следующие обобщающие положения:

1. Преступность иностранных граждан следует рассматривать как относительно самостоятельную разновидность преступности, характеризующуюся специфическими криминологическими признаками, формирование которых обусловлено особенностями их правового положения, социально-экономического статуса и степенью интеграции в принимающее общество.

2. Структурный анализ показал, что наибольший удельный вес в составе преступности мигрантов занимают посягательства имущественной направленности, а также деяния, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и нарушением требований миграционного законодательства. Указанные тенденции во многом обусловлены нестабильностью материального положения части иностранных граждан и ограниченным доступом к легальным формам трудовой деятельности.

3. В качестве основных детерминирующих факторов преступности мигрантов выступают недостаточная степень социальной адаптации, незаконный характер пребывания части иностранных граждан, наличие языковых барьеров, отсутствие устойчивых социальных связей, а также отдельные недостатки функционирования системы государственного контроля в сфере миграции.

4. Установлено, что преступность иностранных граждан характеризуется выраженной территориальной дифференциацией и наиболее часто регистрируется в экономически развитых субъектах Российской Федерации и крупных городах, отличающихся высокой миграционной привлекательностью и значительной концентрацией миграционных потоков.

5. Предупреждение преступности в миграционной среде может быть обеспечено исключительно при условии реализации взаимосвязанного комплекса мер, включающего совершенствование государственной миграционной политики, повышение эффективности контроля за соблюдением миграционного законодательства, развитие механизмов социальной адаптации иностранных граждан и усиление профилактической деятельности правоохранительных органов.

6. Формирование и реализация профилактических мер должны основываться на учёте совокупности социальных, правовых и организационных факторов, оказывающих влияние на криминогенное поведение мигрантов, что позволит повысить результативность предупредительного воздействия и обеспечить укрепление общественной безопасности.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования системы криминологической профилактики преступности иностранных граждан и разработки научно обоснованных мер государственной политики, направленных на снижение уровня противоправной активности в миграционной среде.

Литература

1. Антонов-Романовский Г. В. Миграционная преступность : учебное пособие. — Москва : Юрайт, 2024. — 236 с.
2. Романенко С. В. Преступность мигрантов в Российской Федерации : тенденции и предупреждение : монография. — Москва : Проспект, 2024. — 204 с.
3. Долгова А. И. Криминология : учебник. — 6-е изд. — Москва : Норма, 2023. — 1008 с.
4. Лунеев В. В. Криминология : учебник для вузов. — Москва : Юрайт, 2022. — 686 с.
5. Кудрявцев В. Н. Причины преступности в современной России. — Москва : Норма, 2021. — 352 с.
6. Трофимов И. Л. Государственная политика Российской Федерации в сфере миграции : монография. — Москва : ИНФРА-М, 2023. — 176 с.
7. Криминология : учебник / под ред. Г. А. Аванесова. — Москва : Юрайт, 2023. — 575 с.
8. Криминология : учебник / под ред. В. Д. Малкова. — Москва : Юрлитинформ, 2022. — 480 с.
9. Актуальные проблемы криминологии : монография / под ред. А. И. Долговой. — Москва : Норма, 2022. — 384 с.
10. Организованная преступность и миграция : монография. — Москва : Юрлитинформ, 2021. — 256 с.
11. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утв. Указом Президента РФ.
12. МВД России. Состояние преступности в Российской Федерации за 2024 год. — Москва : МВД РФ, 2025.
13. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Статистика преступности иностранных граждан. — Москва, 2024.
14. Федеральная служба государственной статистики. Миграция населения Российской Федерации. — Москва, 2024.
15. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федер. закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. действующая).
16. О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации : федер. закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ (ред. действующая).
17. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : федер. закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. действующая).
18. Аванесов Г. А. Криминология : курс лекций. — Москва : Юрайт, 2022.
19. Криминологическая безопасность Российской Федерации : монография. — Москва : ИНФРА-М, 2023.
20. Проблемы предупреждения преступности : монография. — Москва : Норма, 2021.
21. МВД России. Аналитический обзор миграционной ситуации в Российской Федерации. — Москва, 2024.

22. Судебная практика по делам иностранных граждан : сборник материалов. — Москва : Проспект, 2023.
23. Криминологическая характеристика личности преступника : монография. — Москва : Юрлитинформ, 2022.
24. Национальная безопасность Российской Федерации : учебник. — Москва : Юрайт, 2023.
25. Уголовная политика Российской Федерации : монография. — Москва : Норма, 2022.

Criminological features of migrant crime and its prevention

Volokh V.V.
Synergy University

This article is devoted to the analysis of criminological characteristics of criminal activity involving foreign citizens in the Russian Federation, considered within the framework of contemporary criminological discourse. The research examines both quantitative indicators and qualitative attributes of offences committed by migrants, as well as the socio-economic, legal and integrative determinants influencing the formation of unlawful conduct in the migrant environment. Particular emphasis is placed on the role of social integration, access to lawful employment and the legal status of foreign nationals as factors directly affecting the level and structure of criminal activity.

On the basis of official statistical information provided by law enforcement authorities, applicable regulatory legal provisions and relevant academic studies, specific structural patterns of migrant-related crime have been identified, including the prevalence of property offences and violations associated with non-compliance with migration regulations. The methodological framework of the research includes criminological analysis, statistical evaluation and the comparative legal approach, ensuring a comprehensive examination of the subject matter.

The findings substantiate the necessity of further development of state migration regulation, enhancement of preventive functions exercised by competent authorities and implementation of effective mechanisms facilitating the social adaptation of foreign citizens. It is concluded that reducing criminal activity within the migrant population is achievable only through the coordinated application of legal, organizational and socially oriented preventive measures aimed at maintaining public order and strengthening public safety.

Keywords: migration, migrant crime, criminology, crime prevention, foreign citizens, migration policy, criminal behavior, law enforcement.

References

1. Antonov-Romanovsky G. V. Migration Crime: A Textbook. Moscow: Yurait, 2024. 236 p.
2. Romanenko S. V. Migrant Crime in the Russian Federation: Trends and Prevention: A Monograph. Moscow: Prospect, 2024. 204 p.
3. Dolgova A. I. Criminology: A Textbook. 6th Edition. Moscow: Norma, 2023. 1008 p.
4. Luneev V. V. Criminology: A Textbook for Universities. Moscow: Yurait, 2022. 686 p.
5. Kudryavtsev V. N. Causes of Crime in Modern Russia. Moscow: Norma, 2021. 352 p.
6. Trofimov, I. L. State Policy of the Russian Federation in the Sphere of Migration: Monograph. Moscow: INFRA-M, 2023. 176 p.
7. Criminology: Textbook / Ed. by G. A. Avanesov. Moscow: Yurait, 2023. 575 p.
8. Criminology: Textbook / Ed. by V. D. Malkov. Moscow: Yurlitinform, 2022. 480 p.
9. Actual Problems of Criminology: Monograph / Ed. by A. I. Dolgova. Moscow: Norma, 2022. 384 p.
10. Organized Crime and Migration: Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2021. 256 p.
11. Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation through 2025: approved by Decree of the President of the Russian Federation.
12. Ministry of Internal Affairs of Russia. The State of Crime in the Russian Federation in 2024. Moscow: Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025.
13. Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Crime Statistics of Foreign Citizens. Moscow, 2024.
14. Federal State Statistics Service. Migration of the Population of the Russian Federation. Moscow, 2024.
15. On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation: Federal Law of 25.07.2002 No. 115-FZ (current version).
16. On the Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation: Federal Law of 18.07.2006 No. 109-FZ (current version).
17. On the Procedure for Leaving the Russian Federation and Entering the Russian Federation: Federal Law of 15.08.1996 No. 114-FZ (current version).
18. Avanesov, G. A. Criminology: Lecture Course. Moscow: Yurait, 2022.
19. Criminological Security of the Russian Federation: Monograph. Moscow: INFRA-M, 2023.
20. Crime Prevention Issues: Monograph. Moscow: Norma, 2021.
21. Ministry of Internal Affairs of Russia. Analytical Review of the Migration Situation in the Russian Federation. Moscow, 2024.
22. Judicial Practice in Cases of Foreign Citizens: Collection of Materials. Moscow: Prospect, 2023.
23. Criminological Characteristics of a Criminal's Personality: Monograph. — Moscow: Yurlitinform, 2022.
24. National Security of the Russian Federation: textbook. — Moscow: Yurait, 2023.
25. Criminal Policy of the Russian Federation: monograph. — Moscow: Norma, 2022.

Системный подход к развитию методологии судебной налоговой экспертизы в условиях цифровизации

Емельяненко Арина Владимировна
студент, кафедра судебных экспертиз, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), u.von@list.ru

Цель исследования – определение и выявление сущности основных проявлений развития системного подхода в судебной налоговой экспертизе в условиях цифровизации налоговых правоотношений, экспертной теории и практики. **Научная новизна исследования** состоит в выявлении того, что такие тенденции развития методологии судебной налоговой экспертизы, как моделирование, сравнительный анализ, комплексирование, а также усиление внимания к реализации принципов всесторонности рассмотрения материала, учета всех налоговых факторов являются проявлением становления системного подхода. **В результате исследования установлено**, что основные тенденции в развитии современной судебной налоговой экспертизы выступают как проявление становления системного подхода в ее методологии в условиях цифровизации. Цифровизация в сферах налоговых правоотношений и налогового контроля, налоговых экспертиз активизирует развитие системного подхода в методологии судебных экспертных исследований. Сделан вывод о важности интеграции ряда тенденций в налоговой экспертизе, являющихся выражением становления системного подхода в условиях цифровизации, с целью более качественного проведения экспертных исследований.

Ключевые слова: судебная налоговая экспертиза, системный подход в методологии судебной налоговой экспертизы, моделирование в судебной налоговой экспертизе, комплексирование в судебной налоговой экспертизе, сравнительный анализ в судебной налоговой экспертизе, налоговое правонарушение, налоговое преступление, цифровизация налоговой экспертизы.

Важное значение для развития экономики и сферы налоговых правоотношений имеет развитие комплекса методов налогового регулирования, в частности, цифровых, что позволяет более эффективно осуществлять налоговый контроль. При этом с развитием социальных функций государства растет потребность в перераспределении налоговых поступлений для общественных нужд, что, в свою очередь, способствует увеличению количества правонарушений, и поэтому растет необходимость проведения большего числа судебных налоговых экспертиз. Развивается методология судебных налоговых экспертиз, разрабатываются различные методы и подходы, особенно моделирование, сравнительный анализ, комплексирование. Теоретики и практики судебной налоговой экспертизы пришли к необходимости соблюдать принцип всесторонности рассмотрения материала, учета всех налоговых факторов, определяющих после экспертизы пересчет налога как в большую, так и в меньшую сторону (правило комплексной налоговой реконструкции). Специалисты уделяют определенное внимание изучению данных тенденций [3; 4; 5; 8; 9; 17]. Вместе с тем, требуется теоретическое осмысление указанных тенденций в методологии судебной налоговой экспертизы, что поможет не только лучше понять ее проблемы, но и наметить пути их решения. При этом пока не уделяется внимание анализу этих тенденций в комплексе, чтобы показать, в каком направлении в целом идет развитие методологии налоговой экспертизы в условиях цифровизации. Отмечается необходимость разработки теории и практики этого рода экспертизы, указывается, что «фактическое применение института налоговой экспертизы происходит на различных стадиях налогового, арбитражного, административного, уголовного процесса» [9]. Все сказанное и определило выбор темы. **Целью работы** является определение и выявление сущности основных проявлений развития системного подхода в современной судебной налоговой экспертизе в условиях цифровизации сферы налоговых правоотношений, а также экспертной теории и практики.

Для достижения **цели**, заявленной в статье, решаются **задачи**:

- охарактеризовать основные тенденции в развитии современной судебной налоговой экспертизы, выступающие как проявления системного подхода в ее методологии в условиях цифровизации;
- выявить влияние цифровизации сферы налоговых правоотношений и налогового контроля, налоговых экспертных исследований на становление системного подхода в методологии судебной налоговой экспертизы;
- показать необходимость интеграции ряда тенденций в современной судебной налоговой экспертизе, являющихся выражением становления системного подхода в ее методологии в условиях цифровизации, с целью более качественного проведения экспертных исследований.

В статье используется диалектический метод изучения сферы налоговых правоотношений. Материал излагается в соответствии, прежде всего, с принципами развития (учитывается динамика как самой фискальной сферы, так и прогресс в ее теоретическом осмыслении) и системности (судебная налоговая экспертиза рассматривается в единстве с комплексом общественных, в первую очередь, фискальных отношений). Применяются основные логические приемы и методы познания, взятые с учетом особенностей налоговой и правовой сфер (например, анализ и синтез, обобщение, дедукция и индукция).

При рассмотрении проблем с точки зрения системного подхода объект исследования рассматривается как множество элементов, настолько тесно связанных между собой, что появляется новое целое, возникают ранее не существовавшие свойства этого целого. Аналогичным образом, при системном подходе объект экспертного анализа в налоговой экспертизе рассматривается как определённое *множество элементов, включающих налоговые правоотношения (и определяющие их хозяйственные связи), взаимосвязь которых определяет целостные свойства этого множества*. При таком подходе именно учет всех факторов и обстоятельств (при должном уровне познавательной активности эксперта) позволяет сделать наиболее адекватный вывод о факте правильного исчисления и уплаты налоговых платежей. Упор также делается на выявлении с помощью необходимого в данном случае познавательного инструментария всего многообразия связей и отношений, имеющих хозяйственное значение и существующих как внутри исследуемой взаимосвязанной совокупности налоговых правоотношений, так и с учетом влияния на эти отношения общесоциальных (экономических, политических и др.) факторов.

Следует отметить, что в условиях цифровизации экономики не только усложняются сами фискальные правоотношения, но и значительно увеличивается количество информации, которая может быть доступна налоговым органам в результате налогового контроля с помощью цифровых технологий (применение ИИ для анализа больших массивов информации, финансовый мониторинг контролирующих органов, мониторинг соцсетей с целью уточнения доходов и расходов). Необходимость обработки гораздо большего количества информации вызывает необходимость не просто обрабатывать ее с помощью программ ИИ, но и применять системный подход при осмыслении специалистами полученных результатов. Эксперты в области налоговых исследований (как, впрочем, и в других экспертных сферах) должны системно мыслить, чтобы получить наиболее точный и полный результат.

Среди специалистов уже сложилось понимание важности всестороннего рассмотрения объектов экспертного исследования. Как подчеркивает В.В. Голикова, «направляемые на экспертизу материалы должны быть отобраны с такой полнотой, которая обеспечивает комплексное представление системы данных, отражающих балансовые взаимосвязи оборотов по счетам» [3, С. 220]. Иными словами, фактически отмечается необходимость реализации одного из аспектов системного подхода. Другой аспект такого подхода применительно к судебной налоговой экспертизе проявляется в том, что предлагается учитывать все доступные обстоятельства при оценке ситуации, рассматривать налоговые правоотношения как сложный комплекс в единстве постоянных и переменных факторов, общего и единичного. Все налоговые экспертизы объединяет решение диагностических задач, при этом имеется выбор вариантов действий. В конкретной ситуации эксперт учитывает, какой налоговый режим применяется, продумывает приемлемые методы, осмысливает конкретные вопросы. С системным анализом также органично сочетается исторический подход, позволяющий провести реконструкцию событий с учетом изменения законодательства «в условиях постоянных и переменных величин экономико-математической модели, эволюцию общих и специальных налоговых режимов, методов ценообразования и ценового контроля» [8, С. 93].

Принцип учета конкретности в налоговой экспертизе также сочетается с системным анализом. Так, если налогоплательщик применяет специальный режим, то нужно изучить изменения законодательства (в части регулирования этого режима), а также «конкуренции норм налогового и уголовного права по вопросам сроков давности привлечения к ответственности за налоговое правонарушение и налоговое преступление» [17, С. 103]. Все это не отменяет универсальный стандарт выполнения налоговой экспертизы. При этом налоговая сфера изучается системно именно потому, что налоговые правоотношения являются исключительно сложным комплексом взаимосвязей государства и налогоплательщика, требующим всестороннего подхода. Отсюда стандартная налоговая экспертиза хотя и имеет определенные рамки, не исключает возможности вариативности выводов в силу всех конкретных обстоятельств, присущих именно данному делу. Например, следует «истолковать неустранимые сомнения, противоречия и неясности специальных правил налогообложения в пользу налогоплательщика» [17, С. 103]. Факт того, что в конкретной налоговой экспертизе органически соединяется общее (характерное для налоговой экспертизы как рода) и единичное (отдельный случай экспертного исследования) позволяет разработать авторские методики в данной области. Известна методика проведения налоговой судебной экспертизы Т.М. Дмитриенко [6, С. 219]. Изначально она была основана на исходной оценке достаточности объектов экспертизы. Теперь в ней появились новые этапы. Это «экономическая оценка прихода и расхода средств, а также изучения источников финансирования расходов, затрат и финансовых вложений» [2, С. 96].

Моделирование также выражает тенденцию эволюции от частных методов судебной налоговой экспертизы к системному подходу. Оно стало занимать важное место в системе применяемых при производстве налоговых экспертиз методов, представляя собой исследование представляемого объекта посредством формирования аналога (модели), содержащего признаки оригинала. В науке под моделью «понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте» [18, С.188]. При моделировании исследуется не сам объект, наблюдения и эксперименты проводятся с его моделью. В судебных экономических экспертизах (т.е. и в налоговой) «целесообразно применение именно аналоговых моделей (в них процессы в оригинале и модели похожи), а также идеальных моделей исследования» [10, С.234]. Модели, в свою очередь, подразделяются на знаковые и интуитивные. Последние не объясняют причинные взаимосвязи, но используются для прогнозов на базе анализа экономических данных за прошлый период (объема продаж, прибыли и денежного потока), что позволяет оценить выполнение налоговых обязательств. В налоговой экспертизе применяются и знаковые модели, среди которых выделяются логические (в них представлены варианты выбора действий на базе анализа условий и умозаключений), геометрические (графические конструкции и формы) и математические (приближённое описание явлений или объектов в виде уравнений, неравенств или других математических конструкций).

Сравнительный анализ, который применяется в налоговой экспертизе также хорошо соотносится с системным подходом, фактически выступая в качестве его элемента. Он интегрирует в одно целое методы моделирования, анализа и сравнения. Применительно к налоговой экспертизе сравнительный анализ «проявляется как рассмотрение фактической модели изучаемого объекта с правовой моделью как универсальной типовой информационной моделью, содержащей предписывающую, программную информацию» [5, С.230]. Ученые обратили внимание на

широкое распространение сравнительного анализа и моделирования в судебно-экспертных экономических исследованиях. Так, специалистами проводится сравнительный анализ сумм налоговых вычетов. Это делается по итогу изучения налоговой декларации за данный период. Для выводов используются рассчитанные итоговые суммы налоговых вычетов (по книге покупок за тот же период). Итоговые данные книги покупок фиксируются по итогам налогового периода. Далее эти данные используются при составлении налоговой декларации по НДС [13]. Суммы налоговых вычетов по налоговым декларациям «должны совпадать с данными книги покупок» [1, С.191].

Применяя модель схемы уклонения от уплаты налогов, например, при изучении более конкретного вопроса о размере налога на добавленную стоимость, положенного к выплате за данный период, эксперт может легко определить, в полном ли объеме в данном случае был выплачен налогоплательщиком налоговый платеж. При расчете размера налоговой базы и налоговых вычетов фискальная модель строится на базе извлеченных из первичных учетных документов сведений, которые подтверждают налоговые обязательства хозяйствующего субъекта. Данная модель помогает в расчетах сумм и других видов неуплаченных налогов. Делается это на основании данных, содержащихся в имеющихся первичных документах. При изучении учетной информации моделирование может применяться в «ручном режиме», но в условиях цифровизации – на базе компьютерной бухгалтерской программы. Проявлением тенденции к развитию принципа системности является повышение требований к налоговому специалисту. Действительно, часто определение факта искажения данных в документах учета становится сложной задачей. От специалиста теперь требуются глубокие специальными экономические знания по бухучету, знание норм налогового, трудового и других областей законодательства. При этом «сведущему лицу необходимо правильно выбрать направление исследования, методы, приемы и программные средства» [3, С. 219]. От эксперта требуется постоянное развитие своей методологической культуры, системное освоение методик налоговой экспертизы. Он должен так освоить применение методов экспертизы, чтобы они взаимодополняли друг друга, делая более эффективной работу специалиста.

Комплексирование, будучи формой развития налоговой экспертизы, вместе с тем, фактически выступает как проявление развития системного подхода в сфере экспертных исследований. Комплексирование «выступает как элемент в системе нескольких родов экспертиз, используемых в комплексе для изучения представленного объекта» [14, С. 175]. Сущность комплексного исследования с участием эксперта в налоговой области в том, что она состоит «не в распределении объектов по экспертам, а в совместном исследовании одного объекта несколькими экспертами» [17, С. 9]. Так, компьютерно-технический эксперт изучает программное обеспечение, базу данных программы налогового учета (применяя свои методы для поиска налоговой информации). Задача же специалиста по налоговой экспертизе состоит в том, чтобы интерпретировать полученные данные и ответить на поставленные вопросы. Потенциальная системность судебной налоговой экспертизы обуславливается синтезом в ней экономической и правовой сторон. Именно поэтому ее проведение часто требует привлечения экспертов других специальностей.

Как известно, в качестве объекта ряда родов судебных экспертиз выступает криминалистически значимая информация, содержащаяся в компьютерных системах в виде цифровых следов. Как отмечает Е.Р. Россинская, цифровые следы могут исследоваться в рамках практически любых разновидностей судебных экспертиз, в том числе, судебно-экономических (а значит, и налоговых) [15, С. 93]. Важна проблема реализации принципа комплексности в судебной налоговой экспертизе с использованием цифровых источников. В классе судебных компьютерно-технических экспертиз, которые могут использоваться в комплексной экспертизе вместе с налоговой экспертизой обычно применяется судебная информационно-компьютерная экспертиза (т.е. экспертиза данных, которые отражают налоговые правоотношения).

Выделяются такие формы комплексирования, как «комплекс экспертиз, комплексное исследование в рамках одной экспертизы и комплексная экспертиза, и в названиях экспертных исследований указывается комплексность подхода к предмету исследования» [15, С. 93]. При комплексной экспертизе эксперты представляют различные роды (виды) судебных экспертиз, изучая одни и те же вещественные доказательства разными методами. Комиссия таких экспертов готовит общую синтезирующую часть заключения и общий вывод. Выводы разных экспертов могут стать частями общего экспертного заключения, и тогда специалисты подписывают свою часть. Так, эксперт компьютерно-технический и специалист в области налоговой экспертизы подпишут в таком случае свои части общего заключения. Работа этих двух экспертов требует тесного сотрудничества: первый снимает цифровые следы с компьютерного носителя и подтверждает их подлинность, второй интерпретирует, например, изъятые с удаленного сервера данные о финансовых операциях.

В рамки усиления комплексного характера хорошо укладывается и Постановление Пленума Верховного Суда РФ №48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» [12]. Постановление вводит в идеологию уголовного процесса новые концептуальные идеи о сущности процесса доказывания в делах об уклонении от уплаты налогов и сборов. Новшества в уголовном преследовании налоговых преступлений базируются на разъяснениях этого Пленума Верховного Суда РФ, и касаются характера налоговых проверок, а также «необходимости определения истинного размера налоговой обязанности» [9, С. 155]. Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что при определении размера налога «необходимо учитывать в совокупности все факторы, как увеличивающие, так и уменьшающие размер неуплаченных налогов, сборов и страховых взносов (п. 14)» [12].

Учитывая Постановление, при проведении данной экспертизы следует принимать во внимание все ранее не заявленные налогоплательщиком льготы, не учтенные расходы, налоговые вычеты, переплаты. Фактически, это требование реализации системного подхода. Налоговый эксперт в этой связи реконструирует весь комплекс юридических фактов, нужных для ответа на вопросы, «поставленные перед ним налоговым органом, следствием, самим налогоплательщиком или его защитником» [9, С. 155]. Судебная налоговая экспертиза, исходя из положений Пленума ВС № 48, призвана заниматься полной реконструкцией налоговых обязательств на основе системного, а не избирательного подхода, искажающего ситуацию, ибо речь идет лишь о доначислении недоимки для налогоплательщика. Отмечается, что «правило комплексной налоговой реконструкции находит применение в аргументации Верховного Суда Российской Федерации и нижестоящих судов» [9, С. 155].

Системный подход в судебной налоговой экспертизе находит свое выражение в порядке назначения дополнительных и повторных экспертиз (ст.195 и ст. 207 УПК РФ), который аналогичен назначению первоначальной экспертизы, при недостаточности или отсутствии полноты заключения первоначальной экспертизы. Дополнительная экспертиза может быть поручена тому же эксперту, но

лишь по вопросам, оставленным без ответа при первоначальном исследовании. Возможен вариант дополнительной экспертизы, предполагающий рассмотрение ответов на те вопросы, которые требуют дополнительного исследования. Судебная налоговая повторная экспертиза отличается от дополнительной тем, что она выступает как новая экспертиза, назначенная в отношении предмета исследования первоначальной [7, С. 125].

Всесторонность законодательного подхода к налоговой экспертизе как форме налогового контроля выражается в характере назначения дополнительных и повторных экспертиз (ст. 95 НК РФ). Назначение налоговым органом таких экспертиз происходит согласно п. 10 ст. 95 НК РФ, аналогично назначению первоначальной экспертизы, если полнота заключения первоначальной экспертизы недостаточна или отсутствует. Дополнительную экспертизу должностное лицо налогового органа может поручить тому же эксперту, но лишь по вопросам, оставленным без ответа в ходе проведения первоначального исследования. Налоговая повторная экспертиза как форма налогового контроля выступает как новая экспертиза, назначенная в отношении предмета исследования первоначальной. Должностное лицо, назначающее данные налоговые экспертизы, обязано указать в постановлении о их назначении основания, обуславливающие необходимость выполнения таких исследований. Если налогоплательщик не соглашается с результатами экспертизы, он может попытаться оспорить положения экспертного заключения. Действующее налоговое законодательство (п.9 ст.95) также дает налогоплательщику право самому инициировать дополнительную или повторную экспертизу [11].

Исследователи проблемы разработки методов судебной налоговой экспертизы в целом двигаются в направлении все большего осознания необходимости системного подхода к методологии этой разновидности экспертизы. В условиях цифровизации именно использование системного подхода применительно к поставленным перед экспертом вопросам позволяет синтезировать и наиболее эффективно использовать все остальные методы научного исследования в экспертном процессе. Применение цифровых методов анализа налоговых данных в рамках цифровой экспертизы реализует возможность всестороннего анализа всей доступной информации. Современные налоговые процессы, имея свою специфику, разворачиваются при этом на стыке экономики и права, что требует системного подхода к анализу тех данных, которые получает для осуществления исследования судебный налоговый эксперт. Развитию системного подхода в области экспертных налоговых исследований способствует и то, что возрастают возможности получения регуляторами экономической жизни в стране данных об экономических (в т.ч. налоговых) правоотношениях в режиме реального времени (например, возможность Центробанка РФ контролировать финансовые потоки в стране).

Развитие системных методов налогового контроля необходимо в связи с тем, что цифровая реальность порождает все новые и новые возможности для ухода от соблюдения налогового законодательства как в рамках цифровых возможностей, так и посредством использования традиционных способов уклонения от налоговых обязательств. Это, в свою очередь, вызывает необходимость системного использования их в комплексе. Только в этом случае судебная налоговая экспертиза будет успешной, а ее цели достигнуты. Анализ показывает, что системный подход и цифровизация тесно связаны. К тому же, цифровые технологии способствуют тому, чтобы в среде ученых и специалистов быстрее распространялось осознание необходимости применения системного подхода (что касается и судебной налоговой экспертизы).

Моделирование, сравнительный анализ, комплексные исследования и интеграцию различных методов познания можно рассматривать как частные проявления складывающегося в экспертной теории и практике системного подхода к решаемым специалистом вопросам. Указанные подходы отражают разные стороны развития системного анализа, к которому интуитивно стремятся исследователи в условиях быстрого развития цифровизации. При этом специалисты зачастую делают упор на один метод, уделяя недостаточно внимания остальным. В этой связи важно осознанное развитие системного подхода, синтез всех выражающих его отдельных проявлений в методологии судебной налоговой экспертизы (моделирование, сравнительный анализ, комплексирование, всесторонний учет факторов и др.). Нужно дальнейшее внедрение в судебно-экспертные процессы в сфере исследования налоговых правоотношений в условиях цифровизации системного подхода, особенно применительно к совершенствованию методологии судебной налоговой экспертизы, и это имеет важное теоретическое и практическое значение.

Литература

1. Бертовский Л.В., Образцов В.А. Выявление и расследование экономических преступлений: Учебно-методическое издание. М., 2003. 256с.
2. Борисов А.Н. Комментарий к положениям УПК РФ по проведению судебно-налоговых экспертиз, ревизий и документальных проверок. М.: Юстицинформ, 2004. С. 94–101 (мат. пред. СПС «КонсультантПлюс»).
3. Голикова В.В. О научной и методической обоснованности при производстве судебной налоговой экспертизы // Актуальные проблемы российского права. 2010. №4. С.217-224.
4. Голикова В.В. Применение метода моделирования при производстве судебных экономических экспертиз // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С.173-177.
5. Данилова Н.А. Использование методов научного познания при выявлении и расследовании невыплаты заработной платы // Общество и право. М., 2010. № 1(28). С.228-232.
6. Дмитриенко Т.М., Чаадаев С.Г. Судебная (правовая) бухгалтерия: Учебник. М.: Проспект, 1998. С. 151–227.
7. Казачкова З.М., Казачков В.А. Правовая налоговая экспертиза: Институциональные особенности // Успехи современной науки и образования 2016. №12. Том 7. С.123-129.
8. Казачкова З.М. Экспертиза в налоговом праве и процессе: инструментальный подход // Налоги. 2018. №1. С.90-95.
9. Крохина Ю.А. Налоговая экспертиза: понятие, методология, правовое обеспечение // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 6-5 (120). С. 154-157.
10. Мамзин А.С. История и философия науки: Учебное пособие для аспирантов. – СПб.: Питер, 2008. 304с.
11. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть I) от 31.07. 1998 г. N 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025) https://nalog.garant.ru/fns/nk/ (дата обращения – 10.06.2026).
12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления». URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/28483/ (дата обращения – 10.06.2026).
13. Приложение № 2 к Правилам ведения книг покупок и книг продаж, утв. Постановлением Правительства РФ от

02.12.2000 № 914. https://base.garant.ru/12121353/ (дата обращения – 10.06.2026).

14. Россинская Е. Р. Концепция частной теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 173-178.

15. Россинская Е.Р. Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности и проблемы судебно-экспертной дидактики // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4-1 (62). С. 88-101.

16. Фирсов В.В. Проблемы классификации и место судебной налоговой экспертизы в уголовном процессе // Управленческое консультирование. 2018. № 3 (111). С. 8-13.

17. Червяков М.Э., Левочкина А.Е. Методологические аспекты проведения судебно-экономической экспертизы // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. №2(12). С.95–110.

18. Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки: Уч. / Е.В. Ушаков. М.: Изд-во Экзамен, 2005. 592с.

A systematic approach to developing the methodology of judicial tax expertise in the context of digitalization

Emelyanenko A.V.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The purpose of the study is to determine and identify the essence of the main manifestations of the development of a systematic approach in forensic tax expertise in the context of the digitalization of tax legal relations, expert theory, and practice. The scientific novelty of the study lies in the fact that such trends in the development of the methodology of forensic tax expertise, such as modeling, comparative analysis, and integration, as well as increased attention to the implementation of the principles of comprehensive consideration of the material and taking into account all tax factors, are manifestations of the development of a systematic approach. As a result of the study, it was found that the main trends in the development of modern judicial tax expertise are a manifestation of the formation of a systematic approach in its methodology in the context of digitalization. Digitalization in the areas of tax legal relations and tax control, as well as tax expertise, is accelerating the development of a systematic approach in the methodology of judicial expert research. It was concluded that it is important to integrate a number of trends in tax expertise, which are a manifestation of the formation of a systematic approach in the context of digitalization, in order to conduct expert research more effectively.

Keywords: udicial tax expertise, systematic approach in the methodology of judicial tax expertise, modeling in judicial tax expertise, integration in judicial tax expertise, comparative analysis in judicial tax expertise, tax offense, tax crime, digitalization of tax expertise

References

1. Bertovsky L.V., Obraztsov V.A. Detection and Investigation of Economic Crimes: Textbook and Methodological Publication. Moscow, 2003. 256 pages.
2. Borisov A.N. Commentary on the Provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on Conducting Forensic Tax Expertise, Audits, and Documentary Checks. Moscow: Yustitsinform, 2004. pp. 94–101 (material subject of SPS “ConsultantPlus”).
3. Golikova V.V. On Scientific and Methodological Validity in Conducting Forensic Tax Expertise // Actual Problems of Russian Law. 2010. No. 4. pp. 217–224.
4. Golikova V.V. Application of the Modeling Method in Conducting Forensic Economic Expertise // Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2013. No. 4-2. Pp. 173-177.
5. Danilova N.A. Use of Scientific Research Methods in Detecting and Investigating Non-Payment of Wages // Society and Law. Moscow, 2010. No. 1(28). Pp. 228-232.
6. Dmitrienko T.M., Chaadaev S.G. Forensic (Legal) Accounting: Textbook. Moscow: Prospect, 1998. Pp. 151-227.
7. Kazachkova Z.M., Kazachkov V.A. Legal Tax Expertise: Institutional Features // Advances in Modern Science and Education 2016. No. 12. Vol. 7. Pp. 123-129.
8. Kazachkova Z.M. Expertise in Tax Law and Process: An Instrumental Approach // Taxes. 2018. No. 1. pp. 90-95.
9. Krokhina Yu. A. Tax Expertise: Concept, Methodology, Legal Support // International Research Journal. 2022. No. 6-5 (120). pp. 154-157.
10. Mamzin A. S. History and Philosophy of Science: A Textbook for Postgraduate Students. St. Petersburg: Piter, 2008. 304 pages.
11. Tax Code of the Russian Federation (Part I) of July 31, 1998, No. 146-FZ (as amended on November 28, 2025) https://nalog.garant.ru/fns/nk/ (accessed on June 10, 2026).
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 26, 2019, No. 48 "On the Practice of Applying Legislation on Liability for Tax Crimes by the Courts." URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/28483/ (accessed on June 10, 2026).
13. Appendix No. 2 to the Rules for Maintaining Purchase Ledgers and Sales Ledgers, approved by RF Government Resolution No. 914 of December 2, 2000. https://base.garant.ru/12121353/ (accessed on June 10, 2026).
14. Rossinskaya, E. R. "Concept of a Private Theory of Digitalization of Forensic Activity." Bulletin of Economic Security. 2022. No. 5. pp. 173-178.
15. Rossinskaya E.R. The doctrine of digitalization of forensic activity and problems of forensic didactics // The rule of law: theory and practice. 2020. No. 4-1 (62). Pp. 88-101.
16. Firsov V.V. Problems of classification and the place of forensic tax examination in criminal proceedings // Management consulting. 2018. No. 3 (111). Pp. 8-13.
17. Chervyakov M.E., Levochkina A.E. Methodological aspects of conducting a forensic economic examination // Socio-economic and humanitarian journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 2019. No. 2 (12). Pp. 95-110.
18. Ushakov E.V. Introduction to the philosophy and methodology of science: Tutorial / E.V. Ushakov. M.: Examen Publishing House, 2005. 592 p.

Проблемы учета признаков субъективной стороны при квалификации преступлений против военной службы, совершенных в период мобилизации

Орлов Илья Игоревич
магистрант, Институт публичного права и управления, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), s2034462@edu.msal.ru

В статье исследуются проблемы дифференциации уголовной ответственности за преступления против военной службы, совершенные в период мобилизации, военного положения и вооруженного конфликта. Обосновывается, что действующая конструкция квалифицированных составов преступлений, предусмотренных статьями 337–339 УК РФ, чрезмерно ориентирована на объективные признаки совершения деяния и не обеспечивает надлежащего учета субъективной стороны преступления. На основе анализа законодательства, судебной практики и зарубежного опыта аргументируется необходимость установления обязательной осведомленности лица о действии специального правового режима и цели уклонения от соответствующих мероприятий в качестве условий квалификации. Предлагаются изменения уголовного законодательства, направленные на реализацию принципов вины, справедливости и субъективного вменения при квалификации преступлений против военной службы.
Ключевые слова: уголовное право, преступления против военной службы, субъективное вменение, мобилизация, квалификация преступлений, субъективная сторона преступления.

В условиях проведения Вооруженными силами Российской Федерации Специальной военной операции и действия правового режима частичной мобилизации особую актуальность приобретают вопросы дифференциации уголовной ответственности за уклонение от исполнения конституционной воинской обязанности.

В качестве реакции законодателя на актуализацию указанных обстоятельств в главу 33 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) были введены квалифицирующие признаки, предусматривающие более строгую ответственность за преступления, совершенные в период мобилизации, военного положения или в условиях вооруженного конфликта. Данный шаг задал тенденцию на ужесточение уголовной ответственности, однако при этом породил серьезную догматическую проблему: текущая конструкция норм связывает наступление ответственности исключительно с объективной обстановкой, фактически оставляя без внимания субъективное отношение виновного к этим обстоятельствам.

В современной уголовно-правовой доктрине высказывается мнение, что периоды мобилизации, военного положения, военного времени и вооруженного конфликта характеризуются как влекущие повышенную общественную опасность совершаемых в этот период преступлений против военной службы [10, с 20]. Таким образом, выделение законодателем квалифицированных составов в рамках ст. 337, 338, 339 УК РФ формально обоснованно, однако реализация данного подхода выявляет дефекты юридической техники.

Так, согласно примечанию к ст. 337 УК РФ, военнослужащий, впервые совершивший преступление, может быть освобожден от ответственности, если его деяние явилось следствием стечения тяжелых обстоятельств. Следует обратить внимание, что под «тяжелыми обстоятельствами» понимаются объективно существующие на момент совершения военнослужащим самовольного оставления части или места службы неблагоприятные жизненные ситуации личного, семейного или служебного характера, которые воспринимаются военнослужащим как негативные обстоятельства, под воздействием которых принимается решение совершить преступление. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» дополнительно разъясняется, что к таким обстоятельствам могут относиться, например, тяжелое состояние здоровья близких родственников, неуставные действия в отношении военнослужащего при отсутствии угрозы здоровью или жизни, невозможности получить таким лицом медицинскую помощь [3].

Видится необходимым отметить, во-первых, что преступление, предусмотренное ст. 337 УК РФ, предполагает наличие умысла лишь на временное покидание места прохождения военной службы; во-вторых, имеет немаловажное значение, что примечанием устанавливается лишь право, а не обязанность, суда, в результате оценки объективно существовавших обстоятельств, освободить лицо, впервые совершившее соответствующее деяние, от уголовной ответственности.

При этом из буквального толкования уголовного закона следует, что законодатель исключил действие примечания в отношении квалифицированных составов, т. е. в период мобилизации, военного положения, в военное

время, в условиях вооруженного конфликта, ведения боевых действий. В результате наступление уголовной ответственности в данных обстоятельствах ставится в зависимость исключительно от объективных факторов [11, с. 10], что не соответствует принципам справедливости и субъективного вменения.

Важно заметить, что в судебной практике, относящейся к периоду до объявления частичной мобилизации, освобождение военнослужащих от уголовной ответственности в соответствии с указанным примечанием встречалось крайне редко – в подавляющем большинстве случаев ходатайствующим отказывалось в применении соответствующего положения в связи с несущественностью причин для оставления части [5]. Нельзя оставить без внимания и тот факт, что только за 2022 г. по данным СМИ в РФ было зарегистрировано 3047 преступлений против военной службы, из которых 444 были связаны с нарушением уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности [12]. Учитывая распространенность подобных правонарушений, не исключены ситуации, при которых самовольное оставление части обусловлено не намерением уклониться от прохождения военной службы, а стремлением прекратить противоправное воздействие, вызванное систематическими неуставными действиями, и обратиться за защитой нарушенных прав в компетентные государственные органы. В подобных случаях цель поведения лица объективно отличается от цели уклонения от исполнения обязанностей военной службы, что имеет существенное значение для оценки субъективной стороны содеянного.

Исключая возможность освобождения от уголовной ответственности лица, чьи действия по самовольному оставлению части явились следствием стечения тяжелых обстоятельств любого рода, законодатель фактически лишает суд возможности учитывать указанные обстоятельства при разрешении вопроса об уголовной ответственности. Тем самым ограничивается реализация судейского усмотрения и значение субъективных факторов поведения виновного, что не в полной мере соответствует принципам вины и субъективного вменения.

В определенной степени в целях компенсации последствий усиления уголовной репрессии законодатель предусмотрел специальное основание освобождения от уголовной ответственности, основанное на позитивном постпреступном поведении лица. Так, Федеральным законом от 23.03.2024 № 64-ФЗ в УК РФ была введена статья 78.1, регламентирующая освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации либо заключением контракта о прохождении военной службы и позволяющая лицам, которые совершили преступления небольшой или средней тяжести, продолжить прохождение военной службы. Указанный подход отражает стремление законодателя обеспечить баланс между интересами уголовной юстиции и задачами комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации. Несмотря на непродолжительный период действия рассматриваемой нормы, в научной литературе уже отмечаются ее существенное практическое значение и формирование самостоятельной практики применения, сопровождающееся дискуссией относительно правовой природы данного основания освобождения от уголовной ответственности и условий его реализации [9, с. 25].

Несмотря на существенное практическое значение ст. 78.1 УК РФ для достижения целей комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации, с позиции принципов вины и субъективного вменения проблема остается нерешенной. Освобождение от уголовной ответственности не устраняет того обстоятельства, что квалификация содеянного первоначально осуществляется без учета отдельных признаков субъективной стороны преступления, в частности, осознания лицом действия специального правового режима и цели уклонения от исполнения соответствующих обязанностей в рамках такового.

Показателен пример из судебной практики, в рамках которого военнослужащий сообщил командованию заведомо ложные сведения о госпитализации, стремясь получить временное освобождение от исполнения обязанностей военной службы [6]. Исходя из буквального толкования уголовного закона, суд квалифицировал содеянное по ч. 3 ст. 339 УК РФ, не уделяя внимания исследованию вопроса о том, охватывались ли умыслом виновного осознание действия специального правового режима и цель уклонения от исполнения обязанностей военной службы именно в этих условиях. В последующем лицо было освобождено от уголовной ответственности на основании рассмотренной выше ст. 78.1 УК РФ.

Заслуживает внимания, что признаки субъективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 337, 338 и 339 УК РФ, всегда имели особое значение для квалификации соответствующих преступных деяний, т. к. положены в основу разграничения указанных составов между собой, а равно их отграничения от иных правонарушений, предусматривающих ответственность за избежание исполнения воинских обязанностей [4].

С учетом строгости санкций, предусмотренных квалифицированными составами преступлений против военной службы, наиболее соответствующим принципам справедливости, вины и субъективного вменения представляется подход, согласно которому квалификация содеянного по указанным составам возможна лишь при достоверном установлении осознания лицом действия специального правового режима (мобилизации, военного положения, военного времени, вооруженного конфликта, ведения боевых действий), а также направленности его умысла на уклонение от исполнения обязанностей военной службы именно в условиях действия такого режима.

Стоит отметить, что в современном зарубежном праве также укрепился подход, связывающий при квалификации уклонения от исполнения воинских обязанностей объективную обстановку с признаками субъективной стороны деяния. Так, например, Военно-уголовный закон Республики Корея (ст. 30–34) выделяет в качестве особо квалифицирующего обстоятельства совершение преступлений не просто «в военное время», а непосредственно «перед лицом неприятеля» [8], что указывает на прямой умысел лица на избежание боевого столкновения. Аналогичная позиция прослеживается и в военном уголовном законодательстве Соединенных Штатов Америки (далее – США). Так, согласно ст. 85 Единого кодекса военной юстиции США обязательным элементом состава дезертирства является наличие специальной цели —окончательно уклониться от прохождения военной службы либо уклониться от выполнения опасных обязанностей или исполнения особо важных служебных задач, что предполагает уделение судом особого внимания исследованию субъективной стороны преступления [7].

Таким образом, в целях обеспечения последовательной реализации принципов вины, справедливости и субъективного вменения представляется необходимым распространить действие примечания к ст. 337 УК РФ на квалифицированные составы соответствующего преступления. Наряду с этим целесообразно дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от признаков субъективной стороны, установив в качестве обязательных условий привлечения к уголовной ответственности по квалифицированным составам ст. 337–339 УК РФ, связанным с совершением соответствующих преступлений в пе-

риод действия специального правового режима, осознание лицом его действия и цель уклонения от исполнения обязанностей военной службы именно в соответствующих условиях. Такой подход позволит обеспечить индивидуализацию уголовной ответственности, исключить случаи объективного вменения и разграничить ситуации, когда военнослужащий стремится избежать участия в мероприятиях, обусловленных специальным правовым режимом, и когда самовольное оставление части вызвано иными обстоятельствами, не связанными с уклонением от выполнения соответствующих обязанностей. Предлагаемые изменения представлены в Таблице 1.

Таблица 1
Предложения по совершенствованию ст. 337–339 УК РФ

Действующая редакция	Предлагаемая редакция
Ч. 2.1 ст. 337 УК РФ: Самовольное оставление части... совершенные... в период мобилизации или военного положения...	**Ч. 2.1 ст. 337 УК РФ:** Самовольное оставление части... совершенные военнослужащим... **с целью временного уклонения от мероприятий, реализуемых в рамках мобилизации или военного положения**...
Примечание 1 к ст. 337 УК РФ: Военнослужащий, впервые совершивший деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей или четвертой настоящей статьи, может быть освобожден от уголовной ответственности, если самовольное оставление части или места службы, а равно неявка в срок без уважительных причин на службу явились следствием стечения тяжелых обстоятельств.	**Примечание 1 к ст. 337 УК РФ:** Военнослужащий, впервые совершивший деяние, предусмотренное **настоящей статьей,** может быть освобожден судом от уголовной ответственности, если самовольное оставление части или места службы, а равно неявка в срок без уважительных причин на службу явились следствием стечения тяжелых обстоятельств.
Ч. 3 ст. 338 УК РФ: Деяния... совершенные в период мобилизации или военного положения...	**Ч. 3 ст. 338 УК РФ:** Деяния... совершенные **с целью уклонения от мероприятий, реализуемых в рамках мобилизации или военного положения**...
Ч. 3 ст. 339 УК РФ: Деяния... совершенные в период мобилизации или военного положения...	**Ч. 3 ст. 339 УК РФ:** Деяния... совершенные **в целях уклонения от мобилизации либо от исполнения обязанностей военной службы в период действия военного положения...**

Внесение предложенных изменений в конструкции статей Особенной части УК РФ позволит устранить выявленные недостатки законодательного регулирования на этапе квалификации преступлений, обеспечив более последовательную реализацию принципов вины, справедливости и субъективного вменения. Это, в свою очередь, позволит снизить потребность в использовании компенсаторных посткриминальных механизмов для устранения последствий недостатков уголовно-правовой квалификации и повысит определенность уголовно-правовых норм.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (ред. от 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
3. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 // СПС КонсультантПлюс.
4. Приговор Новороссийского гарнизонного военного суда от 03.09.2024 по делу № 1-55/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/2yBjnXDzFGln/ (дата обращения: 01.07.2026).
5. Приговор Краснореченского гарнизонного военного суда от 29.07.2020 по делу № 1-28/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ViTAfxAPtboR/ (дата обращения: 01.07.2026).
6. Апелляционное постановление Восточного окружного военного суда Хабаровского края № 22-56/2020 от 07.05.2020 по делу № 1-12/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/n0jtOZbds1oj/ (дата обращения: 27.06.2026).
7. Uniform Code of Military Justice // United States Code. Title 10. Armed Forces. Chapter 47. U.S. House of Representatives, Office of the Law Revision Counsel. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ucmjlaw.com/courts-martial/article-85-ucmj-desertion (дата обращения: 01.07.2026).
8. Military Criminal Act of the Republic of Korea // KLRI: Korea Legislation Research Institute. [Электронный ресурс]. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=40239&type=sogan&key=3 (дата обращения: 27.06.2026).
9. Бриллиантов А. В. О новом основании освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. 2025. № 1. С. 18–26 // СПС КонсультантПлюс.
10. Жилкин М. Г. Проблемы уголовной ответственности за уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы в период мобилизации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 16–24.
11. Сирик М. С. Объективные признаки самовольного оставления части или места службы (ст. 337 УК РФ) // Концепт. 2014. № 31. С. 6–10.
12. В России в два раза выросло количество преступлений против военной службы // РБК. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/society/25/01/2023/63cffa819a7947fa6cb1eec2 (дата обращения: 27.06.2026).

Problems of taking into account the subjective elements of crime in the classification of offences against military service committed during mobilization

Orlov I.I.
Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MSAL)

The article examines the issues of differentiating criminal liability for offences against military service committed during mobilization, martial law, and armed conflict. It argues that the current structure of the aggravated offences provided for in Articles 337–339 of the Criminal Code of the Russian Federation places excessive emphasis on the objective circumstances of the offence while failing to ensure adequate consideration of its subjective elements. Based on an analysis of legislation, judicial practice, and comparative legal experience, the author substantiates the necessity of establishing the offender's awareness of the special legal regime and the intent to evade measures implemented within that regime as mandatory conditions for the legal classification of such offences. Amendments to the criminal legislation are proposed with the aim of ensuring compliance with the principles of culpability, justice, and subjective imputation in the classification of offences against military service.

Keywords: criminal law, offences against military service, subjective imputation, mobilization, classification of offences, subjective elements of crime.

References

1. Constitution of the Russian Federation (as amended on July 1, 2020). ConsultantPlus Legal Reference System.
2. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996. ConsultantPlus Legal Reference System.
3. On the Practice of Adjudication of Criminal Cases on Crimes against Military Service: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 11 of May 18, 2023. ConsultantPlus Legal Reference System.
4. Judgment of the Novorossiysk Garrison Military Court of September 3, 2024 in Case No. 1-55/2024. Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/2yBjnXDzFGln/ (accessed: July 1, 2026).
5. Judgment of the Krasnorechensk Garrison Military Court of July 29, 2020 in Case No. 1-28/2020. Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ViTAfxAPtboR/ (accessed: July 1, 2026).
6. Appellate Ruling of the Eastern District Military Court (Khabarovsk Krai) No. 22-56/2020 of May 7, 2020 in Case No. 1-12/2020. Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/n0jtOZbds1oj/ (accessed: June 27, 2026).

7. Uniform Code of Military Justice. United States Code. Title 10. Armed Forces. Chapter 47. U.S. House of Representatives. [Electronic resource]. URL: https://www.ucmjlaw.com/courts-martial/article-85-ucmj-desertion (accessed: July 1, 2026).
8. Military Criminal Act of the Republic of Korea. KLRI: Korea Legislation Research Institute. [Electronic resource]. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=40239&type=sogan&key=3 (accessed: June 27, 2026).
9. Brilliantov, A. V. On a New Ground for Exemption from Criminal Liability. Criminal Law. 2025. No. 1. Pp. 18–26. ConsultantPlus Legal Reference System.
10. Sirik, M. S. Objective Elements of Unauthorized Absence from a Military Unit or Place of Service (Article 337 of the Criminal Code of the Russian Federation). Koncept. 2014. No. 31. Pp. 6–10.
11. Zhilkin, M. G. Problems of Criminal Liability for Evasion of Military and Alternative Civil Service during the Period of Mobilization. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (66). Pp. 16–24.
12. The Number of Crimes against Military Service in Russia Doubled. RBC. [Electronic resource]. URL: https://www.rbc.ru/society/25/01/2023/63cffa819a7947fa6cb1eec2 (accessed: June 27, 2026).

Проблематика признака вины и иных признаков субъективной стороны для составов преступлений, предусмотренных положениями статей 174 и 174[1] Уголовного кодекса Российской Федерации

Савин Данила Иванович
магистр, кафедра уголовного права, МГЮА имени О.Е. Кутафина, savin.danila.2002@mail.ru

Актуальность настоящего исследования обусловлена рассмотрением новых подходов к признакам субъективной стороны в рамках состава легализации. Целью работы является рассмотрение всех ключевых проблемных вопросов субъективной стороны применительно к легализации и сформулировать пути решения. Методы исследования- анализ законодательства, юридической доктрины и правоприменительной практики. В результате проведенной работы поставленные цели были успешно решены.
Ключевые слова: легализация, цель, косвенный умысел, субъективная сторона.

Рассмотрение субъективной стороны состава легализации денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем, целесообразно начать с решения такого значимого для целей квалификации вопроса, как форма вины.

Если рассматривать приведенную в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее - УК РФ) формулировку состава, то невозможность вины в форме неосторожности становится очевидна в силу наличия критерия заведомости. При этом формулировка статьи 174 УК РФ не вводит каких-то дополнительных критериев, только умышленные действия лица при условии, что оно знает о преступном способе получения тех ценностей, легализацию которых совершает.

Невозможность неосторожности для данного состава обусловлена тем фактом, что сама конструкция предполагает форму вины именно в виде умысла. В доктрине также отсутствуют позиции, предполагающие теоретическую возможность реализации данного состава преступления в форме неосторожности.

Таким образом мы видим, что данный состав преступления не предполагает иных форм вины, кроме умысла. При этом вопрос о том, какой именно вид умысла возможен для данного состава преступления, в законе однозначно не разрешен и по этой причине, на мой взгляд, является достаточно сложным и дискуссионным. В настоящей статье мне бы хотелось более детально рассмотреть возможность применения норм о легализации в ситуации совершения данного противоправного деяния с косвенным умыслом. Данное положение обладает научной новизной, поскольку вопрос возможности косвенного умысла применительно к конструкции состава легализации обычно не поднимается. В данной статье будут всесторонне рассмотрены доводы как в пользу данной концепции, так и против нее.

В юридической науке традиционно сложился подход, разделяющий умысел на прямой и косвенный. И если возможность совершения легализации денежных средств или имущества с прямым умыслом нет оснований подвергать сомнению, то вопрос с возможностью совершения данного деяния с косвенным умыслом нуждается в дополнительном изучении.

Разные исследователи по-разному подходят к данной проблеме. Так например, О.Л. Педун в своем исследовании выражает точку зрения, что данное преступление невозможно совершить с косвенным умыслом{ Педун О. Л. Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004}.

Свою позицию она аргументирует, опираясь на положения уголовного закона. А именно на наличие в легальной формулировке состава преступления, однозначно указанной цели преступления, что, по ее мнению, исключает даже гипотетическую возможность совершения данного деяния с косвенным умыслом. При этом дискуссионным остается вопрос о том, обязано ли придание законности средствам быть единственной целью и если нет, то обязано ли оно быть основной целью совершения деяния. Данная позиция безусловно является обоснованной, если

мы рассматриваем придание правомерного вида средствам, полученным преступным путем, именно как цель преступления.

Сама конструкция субъективной стороны преступления не позволяет нам одновременно придерживаться позиции о наличии у преступника обязательной цели преступления и делать утверждение о возможности косвенного умысла. Данные положения логически противоречат друг другу и, очевидно, не могут сосуществовать в рамках одной конструкции состава преступления в данной его трактовке. Однако стоит отметить, что данное логическое противоречие не является неустранимым и может указывать не на невозможность совершения деяния с косвенным умыслом, а на несовершенство трактовки цели преступления, применительно к легализации. Таким образом для рассмотрения данной темы в полном объеме имеет смысл обратиться к альтернативным подходам к определению цели преступления.

Так, например, в работе П.С. Яни можно встретить позицию о том, что основным побудительным мотивом совершения деяния может быть иная личная выгода, а ввод в легальный оборот средств, полученных преступным путем, вполне может быть лишь побочным последствием данного деяния{ Яни П.С. Спорные вопросы уголовной ответственности за легализацию преступных доходов }. Более того, по его мнению, цель в виде придания правомерного вида, если легализацию совершает субъект предикатного преступления, всегда является побочной относительно цели предикатного преступления, поскольку такой субъект посредством легализации просто убирает препятствие, мешающее ему распорядиться средствами, полученными в ходе основного преступления тем образом, который входил в цель этого самого основного преступления.

Таким образом мы можем вывести альтернативный подход к определению цели в рамках составов легализации. Целью с данной точки зрения является цель аналогичная таковой в предикатном преступлении, чаще всего это цель получения материальной выгоды. Легализация в рамках данного состава рассматривается в качестве дополнения к предикатному преступлению, являясь по сути просто устранением препятствий к получению желаемого противоправного результата.

С данной точки зрения придание правомерного вида денежным средствам и имуществу, приобретенным преступным путем, имеет смысл рассматривать не как цель преступления, поскольку именно целью данный обман не является, а в качестве последствия совершения деяния. Данная трактовка позволяет нам избежать обозначенного выше логического противоречия между целью и самой возможностью косвенного умысла в рамках состава легализации. Поскольку цель в виде получения материальной выгоды логически не противоречит косвенному умыслу на легализацию. При этом стоит понимать, что просто отказаться от признака придания правомерного вида незаконно приобретенным средствам и имуществу не представляется возможным, поскольку именно данный признак позволяет нам отграничить легализацию от иных смежных составов преступления, например от приобретения или сбыта имущества, заведомо приобретенного преступным путем.

Именно поэтому считаю целесообразным предложить модель, в рамках которой придание правомерного вида незаконно приобретенным денежным средствам или имуществом стоит рассматривать не как признак субъективной стороны в виде цели, а как признак объективной стороны в виде деяния или же последствий. Очевидным преимуществом данной трактовки является ее применимость в рамках косвенного умысла, при этом такая трактовка не создает лакун и противоречий в уже существующей правоприменительной практике, логически выводится из самой сути легализации как состава преступления. Таким образом мы видим, что противоречия, препятствующие квалификации деяния, как отмывания при косвенном умысле, не являются неустранимыми и не могут рассматриваться как абсолютный аргумент в пользу невозможности косвенного умысла для рассматриваемых составов преступления.

В рамках приведенной выше гипотетической ситуации, на мой взгляд, можно сделать допущение того факта, что деяние субъекта преступления было направлено на иной желаемый результат, а к последствиям в виде введения в легальный оборот криминальных денежных средств или имущества лицо относилось безразлично или даже не желало, но сознательно допускало данные последствия, что и отражает принятое в доктрине определение косвенного умысла на совершение преступления.

Если же мы рассматриваем подобные ситуации с точки зрения возможности только прямого умысла, то неизбежно приходим к тому, что при отсутствии основной цели в виде именно придания криминальным средствам правомерного вида, и рассмотрении субъектом данной цели в качестве дополнительной, необходимо применить норму о прекращении уголовного преследования в связи с отсутствием состава преступления. Данная позиция, на мой взгляд, достаточно сомнительна. Как с точки зрения задач, стоящих перед уголовным правом как отраслью права, так и с точки зрения правоприменительной практики, которая вполне однозначно и недвусмысленно указывает на отсутствие подобной тенденции.

Таким образом мы видим, что позиция о возможности именно косвенного умысла для состава легализации при определенных допущениях может рассматриваться как обоснованная. При этом гипотетическая модель, в рамках которой это реализуемо, на мой взгляд, не является надуманной и может возникнуть на практике. Более того, абсолютное большинство возникающих на практике примеров применения данного состава, являются именно примерами описанной выше ситуации, поскольку сам состав легализации тесно связан с предикатным преступлением и по сути является криминализованной отдельно формой пособнической деятельности. Таким образом, положения данной теории в наибольшей степени близки к реальному правоприменению, в рамках которого устанавливать наличие именно цели придания правомерного вида в каждом конкретном случае не целесообразно и затруднительно во многих случаях.

На мой взгляд само по себе наличие указания на придание правомерного вида владению денежными средствами и имуществом в формулировке состава преступления не может и не должно рассматриваться нами как однозначное указание именно на цель и соответственно прямой умысел. Поскольку при снижении уровня абстракции и рассмотрении конкретных правовых ситуаций, мы вряд ли сможем обнаружить субъектов, действия которых обусловлены одним единственным мотивом и одной единственной целью.

Именно поэтому позицию, допускающую косвенный умысел для данного состава преступления, я считаю значительно более обоснованной и приближенной к правоприменительной практике.

Следующим значимым элементом субъективной стороны преступления является цель совершения преступления. В случае деяний, предусмотренных ст. 174 и 174[1] УК РФ, вопрос цели является особенно важным и дискуссионным по рассмотренным выше причинам. Положения УК РФ устанавливают в качестве обязательного признака состава преступления цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными

средствами или иным имуществом, приобретенными заведомо для виновного преступным путем, или же в результате совершенного виновным предикатного преступления. Таким образом данные составы относятся к составам с закрепленной обязательной целью совершения деяния. Несмотря на однозначное указание в УК РФ и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, точка зрения о необходимости установления цели придания правомерного вида денежным средствам или имуществу, для квалификации по ст. 174 и 174[1] УК РФ, разделяется не всеми авторами. Так, например, в упомянутой выше работе П.С.Яни выражается точка зрения, критикующая данные положения УК РФ. Аргументируется данная позиция тем, что при совершении любого преступления, направленного на приобретение денежных средств или имущества цель ввода его в легальный оборот, подразумевается, как необходимое условие использование приобретенных денежных средств или имущества. Аналогичная по содержанию позиция выражена и в работе О.Ю. Якимова {Якимов О. Ю. Легализация доходов, приобретенных преступным путем. СПб., 2005}. В работе М.А. Филатовой также выражается точка зрения об ошибочности выделения цели в качестве обязательного элемента, на основании того, что цель ввода дохода от преступной деятельности в легальный оборот выполняется объективно при совершении любого преступления, связанного с получением незаконного дохода{Филатова М. А. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: некоторые аспекты обозначения в российском и зарубежном праве // Вестник Московского университета. – 2012. – № 11.}.

Обратная точка зрения выражена в работе О.А. Рыхлова, который считает, что выделение цели в качестве обязательного признака субъективной стороны необходимо для целей ст.174 и 174[1] УК РФ, поскольку позволяет отграничить данные составы от множества иных составов преступления даже при полном или частичном сходстве в объективной стороне преступления{ Рыхлов О. А. Ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретен-ных преступным путём, по уголовному законодательству России. Челябинск, 2007.}. Аналогичной позиции придерживается и О.Л. Педун. Точка зрения о необязательности выделения цели в рамках субъективной стороны составов, предусмотренных ст. 174 и 174[1] УК РФ, представляется более верной, поскольку она позволяет применять норму более гибко и не требует обязательного доказывания прямого умысла.

При всей очевидной важности указания на особенность статьи в виде придания правомерного вида имуществу, приобретенному преступным путем, что дает нам однозначный способ отграничивать легализацию от иных составов преступления, данное указание совершенно не обязательно оформлять именно через цель. Рассмотрение его в качестве признака объективной стороны при наличии данной формы введения в заблуждение фактически представляется более удобным, поскольку при сохранении всех преимуществ актуальной формулировки устраняет ограничение в виде однозначной невозможности косвенного умысла. Данный признак по прежнему будет обособлять данные составы преступления от смежных составов и давать правоприменителю возможность однозначно квалифицировать действия субъекта либо как легализацию, либо через иные составы преступления при отсутствии признаков, указывающих на легализацию, однако также позволит правоприменителю в ситуациях когда деяние, образующее объективную сторону состава легализации, совершено очевидно умышленно, однако отсутствует возможность доказать прямой умысел именно на последствия, применять нормы предусмотренные соответствующими составами УК РФ не сталкиваясь при этом с неразрешимым логическим противоречием. Таким образом совершение деяний, предусмотренных статьями 174 и 174[1] УК РФ, с косвенным умыслом в теории возможно с учетом некоторых доктринальных положений о формулировке цели совершения деяния и при отказе от обязательной цели совершения деяния для данных составов преступления.

Такой признак субъективной стороны преступления, как мотив, применительно к ст. 174 и 174[1] УК РФ, не конкретизируется и, соответственно, не влияет на квалификацию, но может иметь значение для цели назначения наказания в ситуации, когда учет мотива обязателен исходя из норм Общей части УК РФ, например, в качестве смягчающего обстоятельства.

Таким образом, ключевыми дискуссионными признаками субъективной стороны в рамках составов легализации являются вина в форме прямого или косвенного умысла и цель относительно формулировки которой в доктрине существуют различные мнения и подходы, что говорит о необходимости совершенствования данных элементов состава преступления.

Если же рассматривать вопрос о субъекте данного деяния, то несмотря на наличие в УК РФ общих норм, устанавливающих статус и характеристику субъекта в данной сфере, также можно выделить ряд сложных и дискуссионных вопросов.

Ключевым из проблемных вопросов, на мой взгляд, является возраст субъекта. В действующем законодательстве в качестве возраста привлечения к ответственности принят возраст в шестнадцать лет. И поскольку в список исключений с возрастом в четырнадцать лет легализация не входит, предположение о возможности привлечения лица младше шестнадцати лет можно не рассматривать как заведомо противоречащее положениям кодекса.

При этом важно понимать, что некоторые составы содержат специальные требования, которые делают фактически невозможным совершение данного деяния в роли исполнителя лицом младше определенного возраста.

Именно по этой причине важно ответить на вопрос, относится ли состав легализации к подобным исключениям или нет, и тут, на мой взгляд, становится особенно актуальной проблема бланкетности.

Уголовное законодательство не содержит понятийного аппарата, описывающего сущность используемых в формулировке статьи терминов «сделка» и «финансовая операция». Для понимания природы данного деяния и ответа на вопрос, может ли его совершить лицо, не достигшее восемнадцати лет, необходимо обращение к нормам и институтам гражданского права.

Тосунян Г.А. в своей работе выражает позицию о том, что лицо, не обладающее полной гражданской дееспособностью, не может быть субъектом данного преступления и на основании этой гипотезы предполагает возможным рассматривать возраст в восемнадцать лет как нижнюю границу данного состава преступления{Тосунян Г. А., Викулин А. Ю. Противодействие легализации (отмыванию) денежных средств в финансово-кредитной системе. М., 2001. С. 113; Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Преступления в сфере экономической

деятельности. М., 1998. С. 191; Смагина А. В. Легализация преступных доходов: сравнительный анализ уголовного законодательства России и зарубежных стран: дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С}.

При этом есть и иные мнения, критикующие данную позицию. Так, например, М.А. Филатова выражает несогласие с позицией упомянутого выше автора, ссылаясь на положения Гражданского кодекса Российской Федера-

ции{}, который не только предполагает и досрочное приобретение гражданско-правовой дееспособности (процедура эмансипации или вступление в брак), но и в части норм, определяющих дееспособность, предполагает ее постепенное приобретение. За счет этого часть действий, способных образовать состав легализации, может быть совершено с четырнадцати лет. Таким образом позиция о минимальном возрасте в виде восемнадцати лет для данного состава представляется необоснованной и противоречащей положениям гражданского законодательства. По сути, единственное препятствие для привлечения к ответственности за легализацию с четырнадцати лет, это законодательная конструкция в УК РФ, в рамках которого перечень составов с таким возрастом привлечения является закрытым.

Также стоит упомянуть и тот факт, что положения уголовного закона криминализируют не только участие в качестве исполнителя объективной стороны, но и различные формы соучастия.

В качестве самого очевидного примера можно привести подстрекательство. В законе, а также в доктрине не представлено каких-либо препятствий к исполнению лицом, не достигшим восемнадцати лет, но достигшим шестнадцати, этой роли.

Таким образом позиция о необходимости выделения специального возраста для привлечения к ответственности по данной статье представляется необоснованным и противоречащим положениям как уголовного закона, так и тех бланкетных норм, на которые данный закон опирается.

При этом стоит отметить тот факт, что в рамках предложений по совершенствованию данной нормы ряд авторов предлагает ввести более гибкий подход к определению минимального возраста субъекта преступления, обусловить его минимальным возрастом совершения предикатного преступления для статьи 174^1 УК РФ, т.е. для ситуации, когда лицо легализует доход от собственного преступления.

Например, О.Ю. Якимов рассматривает отсутствие данного положения как признак несовершенства уголовно-правовой нормы {Якимов О. Ю. Легализация доходов, приобретенных преступным путем. СПб., 2005}. Ряд авторов, таких, как П.С.Яни, рассматривают данную точку зрения как ошибочную, аргументируя это тем, что объект преступления легализации значительно сложнее объекта, например, кражи, грабежа или разбоя, и по умолчанию предполагать, что лицо, достигшее возраста, например, четырнадцати лет, осознает сложные последствия экономического преступления, неверно, исходя из принципов уголовного права, в особенности принципа справедливости. Данное замечание действительно обосновано, поскольку состав легализации, как правило, связан со сложными цепочками сделок и финансовых операций, понимание противоправного характера которых значительно менее очевидно, чем аналогичное понимание для тех составов, для которых законодательством установлена сниженная возрастная планка. Таким образом, отсутствуют очевидные основания для подобного приравнивания.

Тут важно понимать, что несмотря на сильную связь с предикатным преступлением, состав легализации, тем не менее, имеет свой обособленный объект посягательства. Из чего следует необходимость понимания субъектом именно опасности посягательства на данный конкретный объект в виде структуры экономических отношений.

Отдельно стоит отметить, что абсолютное большинство экономических преступлений в действующем УК РФ не входят в список составов со сниженным возрастом уголовной ответственности, что с учетом родственности объекта вызывает сильные сомнения в обоснованности и целесообразности выделения в качестве исключения именно состава легализации. Поскольку подобрать аргументированное обоснование для подобного выделения именно отмывания, я полагаю, не представляется возможным.

Рассмотрение же проблемы изменения возраста привлечения к ответственности за экономические преступления в целом, опять же является более сложной и комплексной темой, выходящей за рамки рассматриваемой проблемы. Таким образом, данное предложение по совершенствованию состава преступления не встретило широкой поддержки в юридической науке.

На мой взгляд критика положений данного проекта действительно обоснована, т.к состав легализации хоть и применяется совместно с предикатным преступлением, все же не является частью состава данного преступления, и если сам вопрос о снижении возраста привлечения к ответственности сам по себе возможен (что, впрочем, уже выходит за рамки данного исследования), то вот соединение возраста привлечения ответственности за легализацию с минимальным возрастом предикатного преступления, я считаю, не является правильным юридическим решением.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // [Электронный ресурс]. Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г.: в действ. ред. // [Электронный ресурс]. Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru

3. Федеральный закон от 07. 08. 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349

4. Налоговый кодекс Российской Федерации. ФЗ от 31.07.1998 г.: в действ. ред. // [Электронный ресурс]. Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru

5. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 07. 07. 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9

6. О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1

7. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный). М., 2006. С. 358.

8. Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005

9. Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб.,2002.С. 35

10. Лопашенко Н. А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Саратов, 1997. С. 11

11. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М., 2015. – С. 245.

12. Курс уголовного права. В 5 т. Т. 4 / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. С. 3.

13. Мальцев В. В. О законодательных мерах повышения эффективности противодействия экономическим преступлениям // Экономические правонарушения: история, состояние, проблемы борьбы: мат. междунар. науч.-практич. конф. Екатеринбург, 2002. С. 98.

14. Яни П. С. Решение законодателем и Верховным Судом проблем уголовной ответственности за легализацию преступных доходов // Легализация преступных доходов и коррупция в органах государственной власти: теория, практика, техника противодействия: сб. ст. Н. Новгород, 201

15. Педун О. Л. Указ. дис. С. 128; Никулина В. А. Указ. дис. С. 75; Есаков Г. А. Указ. соч. С. 126; Яни П.С. Спорные вопросы уголовной ответственности за легализацию преступных доходов

16. Тосунян Г. А., Викулин А. Ю. Противодействие легализации (отмыванию) денежных средств в финансово-кредитной системе. М., 2001. С. 113; Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Преступления в сфере экономической деятельности. М., 1998. С. 191; Смагина А. В. Легализация преступных доходов: сравнительный анализ уголовного

17. Якимов О. Ю. Легализация доходов, приобретенных преступным путем. СПб., 2005.

The problem of the sign of guilt and other signs of the subjective side for the offences provided for in articles 174 and 1741 of the criminal code of the Russian Federation

Savin D.I.
Kutafin Moscow State Law University

The relevance of this study is due to the consideration of new approaches to the signs of the subjective side in the context of legalization. The purpose of the work is to consider all the key problematic issues of the subjective side in relation to legalization and formulate solutions. The research methods are the analysis of legislation, legal doctrine and law enforcement practice. As a result of the work carried out, the set goals were successfully achieved.

Keywords: legalization, purpose, indirect intent, subjective side.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // [Electronic resource]. The official Internet portal of legal information: website. – Access mode: http://www.pravo.gov.ru
2. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996: in effect. ed. // [Electronic resource]. The official Internet portal of legal information: website. – Access mode: http://www.pravo.gov.ru
3. Federal Law No. 115-FZ of 07. 08. 2001 "On Countering the legalization (laundering) of Proceeds from crime and Financing terrorism" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 33. – Article 3349
4. The Tax Code of the Russian Federation. Federal Law of 31.07.1998: in effect. ed. // [Electronic resource]. The official Internet portal of legal information: website. – Access mode: http://www.pravo.gov.ru
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07.07.2015 No. 32 "On judicial practice in cases of the legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means, and on the acquisition or sale of property knowingly obtained by criminal means" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 9
6. On judicial practice in cases of illegal entrepreneurship and the legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2005. № 1
7. Lopashenko N. A. Crimes in the sphere of economics: the author's commentary to the criminal law (Section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation) (article-by-article). Moscow, 2006. p. 358.
8. Klepitsky I. A. The system of economic crimes. Moscow, 2005
9. Boytsov A. I. Crimes against property. SPb., 2002.P. 35
10. Lopashenko N. A. Issues of qualification of crimes in the sphere of economic activity. Saratov, 1997. pp.
11. Criminal law of the Russian Federation. The special part. Textbook / edited by L.V. Inogamova-Hegai, A.I. Raroga, A.I. Chuchaev, Moscow, 2015, p. 245.
12. Criminal law course. In 5 vols. Vol. 4 / edited by G. N. Borzenkov, V. S. Komissarov. Moscow, 2002. p. 3.
13. Maltsev V. V. On legislative measures to increase the effectiveness of countering economic crimes // Economic violations: history, condition, problems of struggle: mat. international scientific and practical conference. Yekaterinburg, 2002. p. 98.
14. Yani P. S. The decision by the legislator and the Supreme Court of the problems of criminal liability for the legalization of criminal proceeds // Money laundering and corruption in public authorities: theory, practice, and counteraction techniques: collection of Art. N. Novgorod, 201
15. Pedun O. L. Decree. dis. p. 128; Nikulina V. A. Decree. dis. P. 75; Yesakov G. A. Decree. soc. p. 126; Yani P.S. Controversial issues of criminal liability for the legalization of criminal proceeds
16. Tosunyan G. A., Vikulin A. Yu. Countering the legalization (laundering) of funds in the financial and credit system. Moscow, 2001, p. 113; Gaukhman L. D., Maksimov S. V. Crimes in the sphere of economic activity. Moscow, 1998, p. 191; Smagina A.V. Legalization of criminal proceeds: comparative analysis of criminal law
17. Yakimov O. Y. Legalization of income acquired by criminal means. St. Petersburg, 2005.

Конституционно-правовой статус российского правительства после реформы 2020 года: опыт сравнительно-правовой реконструкции

Колосков Станислав Вячеславович
магистрант, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, skoloskov-24@edu.ranepa.ru

Анкваб Александр Александрович,
доцент кафедры государственного и муниципального управления, Институт государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

На материале сопоставления двух конституционных законов о Правительстве — 1997 и 2020 годов — в работе прослеживается сдвиг в юридической природе высшего звена отечественной исполнительной власти. Автор показывает, что обновлённая конструкция расширила участие палат Федерального Собрания в кадровых процедурах, но не затронула контур политической ответственности, который по-прежнему замыкается на главу государства. Возникшая диспропорция предложена к обозначению термином «асимметричная парламентаризация». Отдельно рассмотрено, каким образом цифровая трансформация управленческой вертикали меняет содержательный профиль правительства помимо формально-юридических рамок.
Ключевые слова: кабинет министров; реформа Конституции 2020 года; ФКЗ о Правительстве; разделение властей; парламентский контроль; единая публичная власть; цифровое управление.

Введение

Обновление конституционной ткани в 2020 году поставило перед доктриной задачу переосмыслить привычное место Правительства в архитектуре публичной власти. За полтора года — от поправочного закона до принятия нового отраслевого ФКЗ — нормативная конструкция исполнительной вертикали оказалась существенно перестроена. Кадровые процедуры были перераспределены между главой государства и палатами Федерального Собрания, а сам правительство встроен в понятие единой системы публичной власти. Оценки этих изменений в науке расходятся: от признания движения к парламентаризму [5; 9] до обоснованного скепсиса относительно реального сдвига баланса [8; 10].

Исходная посылка настоящей работы — необходимость различать процедурную и материально-правовую стороны реформы. Процедурно кадровое оформление правительства стало многоголосым; материально же контур ответственности остался прежним, президентским. Именно эта несимметричность, как представляется, даёт ключ к пониманию сегодняшней модели исполнительной власти.

Цель — сопоставить нормативные модели двух конституционных законов о Правительстве (1997 г. и 2020 г.) и выделить их расходящиеся последствия для юридического статуса правительства.

Научная новизна работы видится, во-первых, в предлагаемом концепте «асимметричной парламентаризации» как характеристике текущей модели; во-вторых, в обосновании тезиса о том, что цифровая перестройка государственного управления содержательно меняет функциональный профиль правительства за пределами конституционного текста.

Методологически работа опирается на формально-юридическое толкование норм Конституции и нового отраслевого ФКЗ, сравнительно-правовое сопоставление с утратившим силу актом 1997 года и системный анализ положения правительства внутри конструкции единой публичной власти.

Нормативный каркас и три сдвига реформы

Правовой фундамент статуса правительства после 2020 года держится на трёх опорах: главе 6 обновлённой Конституции, Федеральном конституционном законе от 6 ноября 2020 года № 4-ФКЗ (далее — ФКЗ-2020) и поправочном Законе от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ. Сопоставление с ранее действовавшим Федеральным конституционным законом от 17 декабря 1997 года № 2-ФКЗ (далее — ФКЗ-1997) позволяет выделить три значимых сдвига.

Первый сдвиг — терминологический, но с ощутимыми юридическими последствиями. В конституционный лексикон введено понятие единой системы публичной власти, и оно воспроизведено в открывающей статье ФКЗ-2020. Правительство более не мыслится исключительно как орган государственной власти в классическом значении: его функциональный ареал простирается через региональный уровень к органам местного самоуправления, поскольку все они охвачены конструкцией публичной власти [7, с. 56–58].

Второй сдвиг — статусный. Ранее общее руководство правительством со стороны главы государства выводилось доктринально — из совокупности президентских полномочий. Теперь оно прямо закреплено в формулировке статьи 110 Конституции. Это не только кодификация сложившейся практики, но и конституционно-правовое ослабление доктринального тезиса о самостоятельности Правительства внутри триады разделения властей [6, с. 412–414].

Третий сдвиг — процедурный. Кадровая процедура стала многоступенчатой. Кандидатура Председателя Правительства утверждается Государственной Думой и затем назначается Президентом. Заместители Председателя и федеральные министры гражданского профиля утверждаются нижней палатой. Силовой блок назначается главой государства после консультаций с Советом Федерации. Формально роль парламента расширилась заметно; однако окончательное назначение и отставка остались в руках Президента — как и право роспуска Государственной Думы при троекратном отклонении кандидатуры премьера (статья 111 Конституции).

Состав, структура и акты правительства

Персональный состав Правительства определён статьёй 4 ФКЗ-2020: Председатель, его заместители (включая Первого) и федеральные министры. Конкретная структура федеральных органов исполнительной власти периодически переутверждается президентскими указами; актуальная редакция задана Указом от 11 мая 2024 года № 326, которым у главы Правительства предусмотрено десять заместителей, включая Первого заместителя, заместителя-полномочного представителя Президента в Дальневосточном федеральном округе и заместителя-руководителя Аппарата Правительства [4].

Отраслевая компетенция в ФКЗ-2020 раскрыта заметно подробнее, чем в акте 1997 года: глава 3 охватывает статьи 13–26. В самостоятельные положения выделены полномочия в области защиты семьи и детства, здравоохранения и трудовых отношений. Такая детализация корреспондирует социальной доминанте поправок 2020 года — в частности, новелле о сбалансированной социальной политике, взаимном доверии государства и общества и социальном партнёрстве, зафиксированной в статье 75.1 Конституции [8].

Акты правительства — постановления и распоряжения — по статье 115 Конституции обязательны для исполнения на всей территории страны. Конструкция контроля за ними двойственна. Конституционный Суд проверяет их на соответствие Основному закону (статья 125), а Президент вправе отменять эти акты при их противоречии Конституции, федеральным конституционным законам, федеральным законам и собственным указам (часть 3 статьи 115). В итоге подзаконное правотворчество Правительства помещено в рамку одновременного судебного и президентского контроля.

Разделение властей и модель «асимметричной парламентаризации»

Общая рамка разделения властей задана статьёй 10 Конституции. После 2020 года эта рамка была перенастроена в отношении правительства — но, как показывает детальный анализ, несимметрично.

С одной стороны, парламентский контроль получил более подробную нормативную базу. Статья 41 ФКЗ-2020 закрепила ежегодные отчёты перед Государственной Думой, обязанность членов Правительства отвечать на парламентские запросы, их участие в «правительственном часе» и парламентских слушаниях. Эти формы развивают общее положение о заслушивании годовых отчётов Правительства, установленное в статье 103 Конституции [10].

С другой стороны, расширение кадровой процедуры не повлекло соответствующих изменений в механизме политической ответственности. Государственная Дума утверждает состав правительства, но не формирует его самостоятельно; ответственность Правительства реализуется через волю Президента — он отправляет правительство в отставку (часть 2 статьи 117) и распускает нижнюю палату в случаях, очерченных статьями 111 и 117 Конституции. С.А. Авакьян точно замечает, что поправки повысили роль парламента, однако Россия не перешла к парламентской форме правления [5, с. 26–28]. Близкие оценки доминируют и у других современных авторов [8; 9; 10].

Собранные вместе эти наблюдения дают основание назвать сложившуюся модель **«асимметричной парламентаризацией»**. Её признаки: (i) процедурно парламент включён в кадровое оформление правительства глубже прежнего; (ii) материально — механизм политической ответственности остался в президентском контуре; (iii) конституционное закрепление «общего руководства» Президента Правительством добавило к классическому разделению властей иерархический принцип.

Картину замыкает судебная власть. Конституционный Суд через проверку актов Правительства на соответствие Основному закону де-факто очерчивает пределы исполнительной власти; Верховный Суд обеспечивает судебный контроль за законностью подзаконного правотворчества. Обе линии контроля прописаны в статьях 125–126 Конституции.

Проблемные узлы функционирования

Описанная модель порождает ряд практических проблем, которые заслуживают отдельного рассмотрения.

Напряжение между коллегиальностью и президентским руководством. Коллегиальность заявлена в числе основных принципов работы Правительства (статья 3 ФКЗ-2020), но конституционное закрепление общего руководства главы государства создаёт встречный иерархический вектор [6, с. 418]. Доктринальная задача — нащупать точку равновесия, выразимую в более точных нормативных формулировках.

Сосуществование двух исполнительных контуров. Силовой блок и ряд иных ведомств организационно подчинены Президенту; остальные министерства и службы — Правительству. Эта сложившаяся ещё до 2020 года двуконтурность теперь зафиксирована и в Указе № 326. Для провозглашённого единства системы исполнительной власти это скорее вызов, нежели решение [4].

Объём и систематизация подзаконного регулирования. Ежегодный массив постановлений и распоряжений правительства значителен. По открытым данным Аппарата Правительства, в 2024 году цифровизация нормотворческих процессов обеспечила рекордную своевременность подготовки и внесения проектов. Организационная эффективность при этом не снимает отдельного вопроса — о доктринальной согласованности нормативного потока.

Каналы обратной связи с обществом. Принципы гласности и взаимодействия с институтами гражданского общества нормативно закреплены; цифровая инфраструктура для их реализации (портал государственных услуг, платформы обратной связи, режимы открытых данных) развёрнута. Однако правовое оформление её контрольного потенциала отстаёт от технологического состояния [12; 13; 14].

Цифровая трансформация и перспективы

Функциональный статус Правительства в последние годы определяется не только конституционным текстом, но и логикой цифровой перестройки государственного

управления. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» задаёт эту рамку; межведомственная координация идёт по линии профильного вице-премьера — что де-факто институционализирует цифровую функцию правительства.

В литературе отмечается двойственная природа процесса: цифровизация одновременно выступает инструментом повышения эффективности и фактором организационного пересбора исполнительной власти [12; 13; 14]. Для конституционно-правового статуса правительства это задаёт по меньшей мере три направления развития.

Режим ответственности за алгоритмические решения. Чем больше решений в социально значимых сферах принимается с участием систем искусственного интеллекта, тем острее вопрос о юридическом авторстве и ответственности за результат. Ответ лежит в специализированном регулировании ИИ-технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти — при сохранении принципа человеко-ориентированного контроля за результатами.

Цифровой общественный контроль. Режимы открытых данных, платформы обратной связи и цифровое взаимодействие с общественными советами при министерствах способны частично компенсировать выявленную асимметрию парламентаризации — через усиление линии общественного контроля, которая не конкурирует с парламентской, а дополняет её.

Цифровое нормотворчество. Подготовка, экспертиза, согласование и публикация актов правительства всё глубже интегрируются с государственными информационными системами. Это создаёт возможность автоматизированного контроля качества нормативного потока — при условии своевременного правового оформления такого инструментария.

В долгосрочной перспективе к развитию конституционно-правового статуса Правительства относятся: гармонизация отраслевого законодательства с положениями обновлённой Конституции и ФКЗ-2020; уточнение механизмов парламентского контроля вплоть до возможного расширения политической ответственности Правительства перед Государственной Думой; углубление взаимодействия с региональными органами публичной власти в логике единой системы.

Заключение

Реформа 2020 года и ФКЗ-2020 сформировали качественно новый юридический профиль Правительства. В нём сочетаются: встраивание правительства в единую систему публичной власти; конституционное закрепление общего руководства со стороны главы государства; расширение процедурного участия парламента в формировании правительства; детализация отраслевой компетенции с выраженным социальным уклоном.

Сравнительное прочтение ФКЗ-1997 и ФКЗ-2020 обнаруживает устойчивую асимметрию: процедурный вес парламента увеличен, но контур политической ответственности остался президентским. Термин «асимметричная парламентаризация» предлагается как рабочая характеристика этой модели.

Дальнейшее развитие статуса правительства видится в последовательном согласовании коллегиальности и иерархического начала; в рационализации двух исполнительных контуров; в систематизации подзаконного регулирования; в развитии цифрового общественного контроля; в адаптации правовой формы к цифровой среде управления. Работа по этим направлениям способна повысить эффективность исполнительной власти и доверие к ней — а именно эти результаты в конечном счёте и проверяют дееспособность любой конституционной модели.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (в ред. от 01.07.2020).
2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.
3. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации».
4. Указ Президента Российской Федерации от 11.05.2024 № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти».
5. Авакьян С.А. Конституционная реформа 2020 и российский парламентаризм: реальность, решения, ожидания // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 3–33.
6. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: в 2 т. Т. 2. 7-е изд. М.: Норма; ИНФРА-М, 2025. 936 с.
7. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире: монография. М.: Наука, 2016. 320 с.
8. Сайбулаева С.А. Правительство Российской Федерации: вопросы преемственности, рецепции и реформирования на современном этапе // Юридический вестник ДГУ. 2020. Т. 35. № 3. С. 43–48.
9. Дзидзоев Р.М. Вопросы организации государственной власти в новой редакции Конституции РФ // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 8. С. 34–39.
10. Румянцев О.Г. Об изменениях в организации и функционировании властного механизма в результате конституционной реформы 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 11. С. 3–13.
11. Кравец И.А. Конституционная модернизация и консервативная охрана // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 3–7.
12. Кравченко Л.А., Троян И.А., Горячих М.В. Цифровые решения в государственном управлении: тренды, возможности и ограничения // Информационное общество. 2023. № 2. С. 54–68.
13. Алиева М.З., Бастрыкин С.В. Цифровизация государственного управления в Российской Федерации // Региональная и отраслевая экономика. 2023. № 1. С. 95–101.
14. Рязанцева М.В. Цифровая трансформация государственного управления // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 11. С. 4657–4672.

The legal standing of the russian cabinet after the 2020 reform: a comparative-legal reconstruction

Koloskov S.V., Ankvab A.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article reconstructs how the 2020 constitutional amendments and the new constitutional act on the Russian Government reshaped the legal standing of the country's cabinet. A comparative reading of the 1997 and 2020 statutes reveals a pattern the author labels "asymmetric parliamentarisation": the chambers of the Federal Assembly gained procedural weight in forming the cabinet, while the locus of political responsibility did not migrate in parallel and remained with the President. Alongside this constitutional dimension, the paper traces how the ongoing digital transformation of public administration is quietly reshaping the cabinet's functional role beyond the letter of the constitutional text.

Keywords: Russian cabinet; 2020 constitutional reform; Federal Constitutional Law on the Government; separation of powers; parliamentary scrutiny; public authority; digital administration.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (as amended dated 07/01/2020).
2. The Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated 03/14/2020 No. 1-FKZ.
3. Federal Constitutional Law No. 4-FKZ dated 06.11.2020 "On the Government of the Russian Federation".
4. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/11/2024 No. 326 "On the Structure of Federal Executive authorities".
5. Avakian S.A. Constitutional Reform 2020 and Russian parliamentarism: reality, solutions, expectations // Bulletin of the Moscow State University. Series: Jurisprudence. 2020. No. 3. pp. 3-33.
6. Avakian S.A. Constitutional law of Russia. Training course: in 2 volumes. Vol. 2. 7th ed. Moscow: Norma; INFRA-M, 2025. 936 p.

7. Khabrieva T.Ya. Constitutional reform in the modern world: a monograph. Moscow: Nauka, 2016. 320 p.
8. Saibulaeva S.A. The Government of the Russian Federation: issues of continuity, reception and reformation at the present stage // Legal Bulletin of DSU. 2020. Vol. 35. No. 3. pp. 43-48.
9. Dzidzoev R.M. Issues of the organization of state power in the new edition of the Constitution of the Russian Federation // State power and local self-government. 2020. No. 8. pp. 34-39.
10. Rumyantsev O.G. On changes in the organization and functioning of the power mechanism as a result of the constitutional reform of 2020 // Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 11. pp. 3-13.
11. Kravets I.A. Constitutional modernization and conservative protection // Constitutional and municipal law. 2019. No. 8. pp. 3-7.
12. Kravchenko L.A., Troyan I.A., Goryach M.V. Digital solutions in public administration: trends, opportunities and limitations // Information Society. 2023. No. 2. pp. 54-68.
13. Alieva M.Z., Bastrykin S.V. Digitalization of public administration in the Russian Federation // Regional and sectoral economics. 2023. No. 1. pp. 95-101.
14. Ryazantseva M.V. Digital transformation of public administration // Economics, entrepreneurship and law. 2024. Vol. 14. No. 11. pp. 4657-4672.